ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА.

БОЛЬШІЯ НАДЕЖДЫ.

Переводъ М. П. Волошиновой и ***.

подъ редакціей

М. А. Орлова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Книгоиздательство П. П. Сойкина
Стремянная, собств. д. № 12.

Типографія П. П. Сойкина, Спб., Стремянная, 12.

Глава первая.

Фамилія моего отца была Пиррипъ, мнѣ же дали христіанское имя Филиппа. Я на своемъ дѣтскомъ языкѣ соединялъ обѣ эти имени вмѣстѣ и такимъ образомъ получилось одно болѣе короткое и легкое, а именно Пипъ. Самъ я звалъ себя Пипомъ и всѣ меня звали Пипомъ.

Подтвержденіемъ того, что отца моего звали Пиррипъ, можетъ служить надпись на его надгробномъ памятникѣ, а затѣмъ показаніе сестры моей, мистриссъ Джо Гарджери, которая была замужемъ за кузнецомъ. Я никогда не видѣлъ ни отца, ни матери, ни даже ихъ портретовъ (они жили еще до изобрѣтенія фотографіи) и представленіе о ихъ наружности составилось въ моемъ дѣтскомъ воображеніи по надгробнымъ памятникамъ. Форма буквъ на могилѣ отца внушила мнѣ странную мысль, что онъ былъ коренастый, сильный и смуглый мужчина съ черными вьющимися волосами. По характеру надписи на могилѣ матери, („Джорджіана, жена вышереченнаго“) я по дѣтски заключилъ, что мать моя была женщина больная, а лицо у нея было покрыто веснушками. Пять маленькихъ камней ромбоидальной формы въ полтора фута длины каждый, которые стояли рядомъ позади ихъ могилы и были посвящены памяти моихъ пяти маленькихъ братьевъ, въ самомъ еще нѣжномъ возрастѣ отказавшихся отъ участія въ житейской борьбѣ, внушили мнѣ странную мысль, которую я съ благоговѣніемъ поддерживалъ въ себѣ, что всѣ они родились, лежа на спинѣ и заложивъ руки въ карманы своихъ панталонъ, да такъ и не вынимали ихъ всю жизнь.

Жили мы въ болотистой мѣстности, недалеко отъ рѣки и въ двадцати миляхъ отъ моря. Первое самое живое и глубокое впечатлѣніе, полученное мною о нѣкоторыхъ явленіяхъ жизни, относится къ одному достопамятному сырому вечеру, когда я въ первый разъ узналъ, что мрачное, заросшее крапивой мѣсто было кладбище; что Филиппъ Пиррипъ, принадлежавшій къ этому приходу, и Джіорджіана, жена вышереченнаго, умерли и погребены; что Александръ, Варѳоломей, Авраамъ, Товитъ и Роджеръ, дѣти вышереченныхъ, умерли и погребены; что мрачное пустын-

ное мѣсто позади кладбища, перерѣзанное по всѣмъ направленіямъ канавами, плотинами, запрудами, гдѣ виднѣлся повсюду пасущійся скотъ,—болото; что отливающая свинцомъ извилистая полоса вдали—рѣка; что находящееся на далекомъ разстояніи логовище, откуда несется вѣтеръ,—море; что маленькій, дрожащій отъ страха при видѣ всего этого и плачущій комочекъ—Пипъ.

— Перестань ревѣть!—крикнулъ чей-то ужасный голосъ и изъ-за могилы вблизи церковнаго портика вынырнулъ вдругъ какой-то человѣкъ.—Тише, маленькій чертенокъ, не то я перерѣжу тебѣ горло.

Ужасный человѣкъ въ грубой сѣрой одеждѣ и съ большой желѣзной колодкой на ногѣ. Человѣкъ безъ шляпы, въ стоптанныхъ башмакахъ и съ старой грязной тряпкой, обмотанной вокругъ головы. Человѣкъ, промокшій насквозь, испачканный грязью, изрѣзанный камнями, обожженный крапивой и исколотый шиповникомъ. Онъ хромалъ и дрожалъ всѣмъ тѣломъ, глаза его сверкали и зубы его стучали, когда онъ схватилъ меня за шиворотъ.

— О, сэръ, не перерѣзывайте мнѣ горло!—молилъ я его съ ужасомъ.—О, пожалуйста, сэръ, не дѣлайте этого!

— Какъ тебя зовутъ?—сказалъ человѣкъ.—Живѣй!

— Пипъ, сэръ!

— А далѣе, — сказалъ человѣкъ, уставившись на меня. — Да, говори же!

— Пипъ... Пипъ, сэръ!

— Покажи, гдѣ ты живешь, — сказалъ человѣкъ. — Укажи пальцемъ!

Я указалъ въ ту сторону, гдѣ была наша деревня, находившаяся на берегу рѣки, на разстояніи одной мили или болѣе отъ церкви, и окруженная ольховыми деревьями.

Человѣкъ смотрѣлъ съ минуту на меня, затѣмъ перевернулъ меня вдругъ внизъ головой и опустошилъ мои карманы. Онъ ничего не нашелъ тамъ, кромѣ куска хлѣба. Когда церковь пришла въ прежнее положеніе...—когда онъ внезапно схватилъ меня за ноги и перевернулъ меня головой внизъ, мнѣ показалось, будто шпицъ ея находится у меня подъ ногами,—когда церковь пришла въ прежнее положеніе, я сидѣлъ на высокой надгробной плитѣ и дрожалъ всѣмъ тѣломъ, пока онъ ѣлъ мой кусокъ хлѣба.

— Ну, щенокъ,—сказалъ онъ, облизывая губы,—и щеки же у тебя!

Да, щеки у меня были, кажется, пухлыя, хотя я былъ вообще слабый и для своихъ лѣтъ малорослый ребенокъ.

— Чортъ меня возьми, если я не съѣмъ ихъ,—сказалъ онъ, съ угрозой качая своей головой,—да, отчего бы и не съѣсть!

Я серьезно выразилъ ему свою надежду, что онъ не сдѣлаетъ

этого и еще крѣпче ухватился за надгробную плиту, на которую онъ посадилъ меня, частью чтобы удержаться на ней, частью чтобы удержаться отъ слезъ.

— Слушай, ты!—сказалъ человѣкъ.—Гдѣ твоя мать?

— Здѣсь, сэръ!—отвѣчалъ я.

Онъ вздрогнулъ, отбѣжалъ на нѣсколько шаговъ, затѣмъ остановился и сталъ смотрѣть на меня черезъ плечо.

— Вотъ здѣсь, сэръ!—робко сказалъ я ему.—„Тожъ, Джорджіана". Это моя мать.

— О!—сказалъ онъ, возвращаясь ко мнѣ.—Такъ это, значитъ, твой отецъ рядомъ съ твоею матерью?

— Да, сэръ!—сказалъ я.—Онъ также принадлежалъ къ этому приходу.

— Ага!—пробормоталъ онъ съ задумчивымъ видомъ.—У кого же ты живешь?... Если предположить, что ты останешься въ живыхъ... такъ какъ я этого не рѣшилъ еще.

— У моей сестры, сэръ!.. У мистриссъ Джо Гарджери... жены Джо Гарджери, кузнеца, сэръ!

— Кузнеца?!—воскликнулъ онъ и взглянулъ на свою ногу.

Мрачно посматривалъ онъ нѣсколько разъ то на свою ногу, то на меня и вдругъ подошелъ къ надгробной плитѣ, гдѣ я сидѣлъ, схватилъ меня за обѣ руки и, держа за нихъ, опрокинулъ меня назадъ, какъ только могъ, такъ что глаза его грозно смотрѣли на меня сверху внизъ, а я безпомощно смотрѣлъ на него снизу вверхъ.

— Ну, слушай!—сказалъ онъ.—Дѣло идетъ о томъ, оставить ли мнѣ тебя въ живыхъ или нѣтъ? Знаешь ты, что такое напилокъ?

— Да, сэръ!

— А съѣстное знаешь?

— Да, сэръ!

При каждомъ вопросѣ онъ опрокидывалъ меня все больше и больше съ тою цѣлью, вѣроятно, чтобы внушить мнѣ мысль о моей безпомощности и опасности, которой я подвергался.

— Ты достанешь мнѣ напилокъ!—Онъ наклонилъ меня еще ниже.—Ты принесешь мнѣ чего-нибудь съѣстного!—Еще ниже. — Принесешь то и другое мнѣ! — Еще ниже. — А не принесешь, такъ я вырву изъ тебя сердце твое и печенку.—Еще ниже.

Я такъ испугался и у меня такъ закружилась голова, что я изо всѣхъ силъ уцѣпился за него руками и сказалъ:

— Не будете ли такъ добры, сэръ, поставить меня головой вверхъ... быть можетъ, голова моя перестанетъ тогда кружиться и мнѣ легче будетъ слушать васъ.

Въ отвѣтъ на это онъ такъ меня перекувыркнулъ, что мнѣ показалось, будто даже церковь перепрыгнула черезъ свой соб-

ственный шпицъ. Послѣ этого онъ схватилъ меня за руки, поставилъ на надгробную плиту и обратился ко мнѣ съ слѣдующими ужасными словами:

— Завтра рано утромъ ты принесешь мнѣ напилокъ и чего-нибудь поѣсть. Все это ты принесешь мнѣ вотъ на ту старую баттарею. Ты это сдѣлаешь и затѣмъ никогда ни единымъ словомъ, ни единымъ знакомъ не покажешь никому, что ты видѣлъ такого человѣка, какъ я, или вообще кого-нибудь, и тогда только ты останешься въ живыхъ. Смѣй только не послушаться меня и обмолвись хоть однимъ словечкомъ, такъ сейчасъ у тебя вырѣжутъ сердце и печенку и съѣдятъ. Не думай, что я здѣсь одинъ. Тутъ вмѣстѣ со мной прячется еще одинъ молодой человѣкъ, а въ сравненіи съ этимъ молодымъ человѣкомъ я настоящій ангелъ. Онъ слышитъ каждое слово, что я тебѣ говорю. Молодой человѣкъ этотъ отлично знаетъ, какъ справиться съ такимъ мальчикомъ, какъ ты, и съ его сердцемъ, и съ его печенкой. Напрасно такому мальчику прятаться отъ этого молодого человѣка. Пусть себѣ мальчикъ запираетъ двери на замокъ, пусть забирается въ теплую постель, пусть закутывается со всѣхъ сторонъ своимъ одѣяломъ, пусть считаетъ, что онъ въ полной безопасности, молодой человѣкъ все таки тихонько, тихонько проберется къ нему и вытащитъ изъ дому. Мнѣ большого, большого труда стоило удержать этого молодого человѣка, чтобы онъ не расправился съ тобою. Ахъ, какъ трудно было не пускать его къ тебѣ! Ну, что ты скажешь на это?

Я сказалъ ему, что завтра рано утромъ принесу ему напилокъ и разныхъ кусочковъ ѣды, какіе только найду.

— Скажи:—„убей меня Богъ, если я не приду!“

Я повторилъ эти слова и онъ поставилъ меня на землю.

— Смотри-же! — продолжалъ онъ. — Помни, что тебѣ надо сдѣлать и не забывай молодого человѣка. Ступай теперь домой!

— Спо... спокойной ночи, сэръ!—еле пролепеталъ я.

— Именно такъ!...—сказалъ онъ, окидывая взоромъ сырую, болотистую мѣстность.—Тутъ только одного и можно пожелать... стать лягушкой или рыбой!

Дрожа всѣмъ тѣломъ, онъ обхватилъ себя обѣими руками, какъ бы для того, чтобы не развалиться на части и направился, прихрамывая, къ низкой церковной оградѣ. Я смотрѣлъ на него, когда онъ пробирался среди крапивы и колючихъ кустарниковъ, которые росли по краямъ зеленой насыпи, и мнѣ казалось, что онъ нарочно обходитъ могилы, изъ боязни, чтобы оттуда не высунулись руки мертвецовъ, которыя схватятъ его за ноги и потащатъ къ себѣ въ могилы.

Дойдя до церковной ограды, онъ перелѣзъ черезъ нее, какъ человѣкъ, у котораго ноги окоченѣли и не сгибаются; тутъ онъ

остановился и взглянулъ въ мою сторону. Какъ только я увидѣлъ это, такъ тотчасъ пустился во всѣ лопатки домой. Продолжая бѣжать, я на нѣкоторомъ разстояніи оглянулся назадъ черезъ плечо и увидѣлъ, что онъ идетъ къ рѣкѣ, по прежнему обхвативъ себя обѣими руками и съ трудомъ переступая больной ногой по огромнымъ камнямъ, которые разбросаны тамъ и сямъ для удобства пѣшеходовъ во время проливныхъ дождей и разливовъ рѣки.

Болото виднѣлось на горизонтѣ и казалось теперь длинной черной полосой, когда я снова остановился, чтобы взглянуть на него; рѣка также казалась горизонтальной полосой, но только далеко не такой широкой и не такой черной, а небо позади нихъ превратилось въ цѣлый рядъ красныхъ полосъ съ промежуточными между ними черными. На самой окраинѣ рѣки я еле различалъ всего только два чернѣющихъ предмета, которые стояли прямо; одинъ изъ нихъ была вѣха, подлѣ которой причаливали рыбаки; это была крайне безобразная штука, представлявшая собою шестъ, на верхушкѣ котораго, торчала опрокинутая вверхъ дномъ бочка безъ обручей. Другой предметъ была висѣлица и на ней остатки цѣпей, на которыхъ былъ когда-то повѣшенъ пиратъ. Человѣкъ шелъ по направленію къ послѣдней, какъ будто онъ былъ этимъ пиратомъ, который вернулся къ жизни и явился сюда, чтобы его снова повѣсили. Мысль эта привела меня въ неописанный ужасъ и мнѣ показалось, будто коровы также подняли головы и смотрѣли вслѣдъ ему, хотя я не понималъ, о чемъ онѣ собственно могли думать. Я оглянулся кругомъ, нѣтъ ли гдѣ по сосѣдству ужаснаго молодого человѣка, но нигдѣ не увидѣлъ ни малѣйшихъ признаковъ его присутствія. На меня снова напалъ ужасъ и я, не останавливаясь ни на минуту, пустился бѣжать домой

Глава вторая.

Сестра моя, мистриссъ Джо Гарджери, была на двадцать лѣтъ старше меня и пользовалась большой извѣстностью среди своихъ сосѣдей, потому что воспитала меня „рукой". Въ это время я пытался много разъ объяснить себѣ значеніе такого страннаго выраженія и, зная, какъ тяжела и сильна ея рука и какъ часто накладывала она эту руку на своего мужа и на меня, я пришелъ къ тому заключенію, что рукой своей она воспитываетъ не только меня, но и Джо Гарджери.

Не очень то она была добродушная на видъ женщина, моя сестра, и производила на меня такое впечатлѣніе, что она „рукой" женила на себѣ Джо Гарджери. Джо былъ очень красивый мужчина, съ вьющимися бѣлокурыми волосами, окаймлявшими его лицо, съ глазами неопредѣленнаго голубого цвѣта, который

какъ бы сливался съ бѣлизной его бѣлковъ. Это былъ чрезвычайно мягкій, добродушный, нѣжный, веселый человѣкъ и хорошій товарищъ, Геркулесъ по физическому сложенію, какъ и по слабости своего характера.

У сестры моей, мистриссъ Джо, были черные волосы и черные глаза и при этомъ необыкновенно красное лицо; мнѣ часто приходило въ голову, что она вмѣсто мыла моется мускатнымъ цвѣтомъ. Она была высокая и костлявая и носила всегда грубый передникъ, завязанный назади двумя петлями, съ четырехугольнымъ нагрудникомъ впереди, который былъ весь утыканъ иголками и булавками. Передникъ этотъ она вмѣняла себѣ въ особенную заслугу и постоянно упрекала Джо въ томъ, что она его носила. Не знаю только, право, зачѣмъ она, собственно, его носила, а если ей нужно было носить, то почему именно она цѣлый день не снимала его.

Кузница Джо примыкала къ нашему дому, построенному изъ дерева, какъ и большинство зданій нашей мѣстности въ то время. Когда я прибѣжалъ домой съ кладбища, то кузница была уже заперта, а Джо сидѣлъ одинъ въ кухнѣ. Мы съ Джо были товарищами по страданію и жили другъ съ другомъ по-товарищески. И на этотъ разъ, не успѣлъ я поднять щеколду въ дверяхъ и заглянуть въ кухню, гдѣ у камина сидѣлъ Джо, какъ онъ тотчасъ же по-товарищески сообщилъ мнѣ:

— Мистриссъ Джо разъ двѣнадцать выходила изъ дому искать тебя, Пипъ! Только, только что вотъ вышла опять.

— Да?

— Да, Пипъ,—сказалъ Джо;—а хуже всего то что и щекоталку взяла съ собой.

При этомъ непріятномъ извѣстіи я съ отчаяніемъ уставился на огонь и принялся крутить единственную пуговицу на своемъ сюртукѣ до тѣхъ поръ, пока она не оторвалась совсѣмъ. Щекоталкою мы называли камышевую трость съ тонкимъ кончикомъ, которая стала мягкой отъ частаго соприкосновенія съ моей бренною оболочкой.

— Она то садилась,—говорилъ Джо,—то вскакивала, хваталась за щекоталку и рвала, и метала. Вотъ что она дѣлала,—сказалъ Джо, медленно мѣшая кочергой въ каминѣ.—Да, Пипъ, рвала и метала!

— А давно она вышла, Джо?

Я всегда обращался съ нимъ, какъ съ старшимъ ребенкомъ или просто за просто, какъ съ равнымъ.

— Да,—отвѣчалъ Джо,—поглядывая на часы,—прошло пять минутъ съ тѣхъ поръ, какъ она рвала и метала, Пипъ! Идетъ!... Спрячься скорѣй за дверь, дружище!... Туда, за полотенце!

Я послушался его. Моя сестра, мистриссъ Джо, быстро распах-

нула дверь и, почувствовавъ въ то же время какое то препятствіе за ней, сразу догадалась въ чемъ дѣло и пустила въ ходъ щекоталку. Въ заключеніе она швырнула меня къ Джо,—я частенько служилъ ей супружескимъ метательнымъ снарядомъ,—и Джо, всегда довольный возможностью поддержать меня, поставилъ меня подъ защиту камина и прикрылъ меня собой.

— Гдѣ ты пропадалъ, обезьянья морда?—сказала мистриссъ Джо, топая ногой.—Сейчасъ говори, гдѣ пропадалъ? Ты что это? А? Безпокоить меня вздумалъ? Пугать меня вздумалъ? Вотъ вытащу васъ обоихъ оттуда, хотя бы васъ тамъ было пятьдесятъ Пиповъ и пятьсотъ Гарджери.

— Я былъ только на кладбищѣ,—отвѣчалъ я со своего стула, продолжая плакать и потирать себѣ тѣло.

— На кладбищѣ!—повторила моя сестра.—Не будь меня, давно бы ты былъ уже на кладбищѣ вмѣсто того, чтобы стоять здѣсь! Кто воспиталъ тебя „въ ручную"?

— Вы,—отвѣчалъ я.

— А какъ я дѣлала это, хотѣлось бы мнѣ знать?—воскликнула моя сестра.

— Не знаю,—прохныкалъ я.

— Не знаю!—сказала моя сестра.—Ну, а я знаю, что ужъ больше никогда не сдѣлаю этого. Смѣло могу сказать, что ни разу не снимала этого передника съ тѣхъ поръ, какъ ты родился. Достаточно съ меня и того, что я жена кузнеца (обращаясь къ Гарджери), а тутъ еще будь твоей матерью.

Я уныло смотрѣлъ на огонь и разныя мысли мелькали у меня въ головѣ. Я думалъ о бѣгломъ съ желѣзнымъ кольцомъ на ногѣ, о таинственномъ молодомъ человѣкѣ, о напилкѣ, о съѣстномъ, о гнетущемъ меня ужасѣ, подъ вліяніемъ котораго я собирался обокрасть людей, давшихъ мнѣ пріютъ, и мнѣ казалось, что даже раскаленные угли въ каминѣ укоризненно смотрятъ на меня.

— Ахъ! — сказала мистриссъ Джо, ставя камышинку на обычное мѣсто.—Кладбище... да! О чемъ же вамъ и говорить какъ не о кладбищѣ, вамъ двоимъ! (Одинъ изъ насъ не единаго слова не сказалъ о кладбищѣ). Ужъ вы рано или поздно уложите меня на кладбищѣ, уложите!... Прекрасная парочка выйдетъ изъ васъ безъ меня, нечего сказать!

Пока мистриссъ Джо занималась приготовленіями къ чаю, Джо внимательно смотрѣлъ на меня, какъ бы мысленно разсуждая о томъ, какая, дѣйствительно, выйдетъ изъ насъ пара, если, паче чаянія, случится вдругъ выше упомянутое печальное обстоятельство. Затѣмъ онъ продолжалъ сидѣть въ прежней позѣ, поглаживая правой рукой свои кудри и бакенбарды и внимательно слѣдя голубыми глазами за всѣми движеніями мистриссъ Джо, что онъ дѣлалъ всегда, когда она бывала въ такомъ состояніи духа.

Сестра моя всегда однимъ и тѣмъ же способомъ приготовляла намъ хлѣбъ съ масломъ. Она крѣпко накрѣпко прижимала хлѣбъ къ своему нагруднику, вслѣдствіе чего туда попадали то иголки, то булавки, которыя затѣмъ попадали намъ въ ротъ. Послѣ этого она брала ножемъ масло (не очень много) и намазывала имъ хлѣбъ на аптекарскій манеръ, какъ пластырь, пользуясь для этого обѣими сторонами ножа съ необыкновенной ловкостью и проворствомъ и искусно счищая масло вкругъ корки. Проведя въ послѣдній разъ ножемъ по краямъ пластыря, она отрѣзывала толстый кусокъ и, не снимая его со всего хлѣба, раздѣляла его пополамъ, послѣ чего одну половину передавала Джо, а другую мнѣ.

Сегодня я, не смотря на то, что былъ голоденъ, не рѣшался ѣсть своей порціи. Я чувствовалъ, что долженъ оставить что-нибудь въ запасѣ для своего ужаснаго знакомаго и его союзника ужаснаго молодого человѣка. Я зналъ, какъ аккуратно вела свое хозяйство мистриссъ Джо и предполагалъ, что самые тщательные поиски мои не доставятъ мнѣ ничего годнаго для пищи, а потому рѣшилъ спрятать свой кусокъ хлѣба съ масломъ, пропустивъ его между штанами и ногой.

Не легко, ой, какъ не легко было исполнить это намѣреніе. Легче было бы мнѣ спрыгнуть съ крыши самаго высокаго дома или нырнуть въ самую глубокую воду. Но еще труднѣе было сдѣлать это такъ, чтобы не замѣтилъ Джо. Выше я упоминалъ уже, кажется, что мы съ нимъ, какъ товарищи по страданію, всегда очень дружески относились другъ къ другу и по вечерамъ имѣли привычку сравнивать, кто изъ насъ скорѣе ѣстъ свой кусокъ, молча показывая ихъ время отъ времени другъ другу и какъ бы взаимно поощряя этимъ другъ друга. И на этотъ разъ Джо также нѣсколько разъ показывалъ мнѣ свой быстро уменьшающійся ломоть, приглашая меня приступить къ нашему обычному дружескому состязанію, но всякій разъ, къ своему удивленію, замѣчалъ, что я сижу по прежнему, держа на одномъ колѣнѣ желтую кружку съ чаемъ, а на другомъ нетронутый кусокъ хлѣба съ масломъ. Придя, наконецъ, въ отчаяніе, я рѣшилъ, что это должно быть сдѣлано во что бы то ни стало, а потому надо это сдѣлать наиболѣе правдоподобнымъ образомъ, приноравливаясь къ обстоятельствамъ. Воспользовавшись тѣмъ моментомъ, когда Джо, взглянувъ на меня, снова отвернулся, я пропустилъ хлѣбъ въ штаны.

Джо былъ видимо разстроенъ тѣмъ обстоятельствомъ, что у меня пропалъ аппетитъ, и задумчиво, безъ всякаго удовольствія откусывалъ кусокъ за кускомъ. Онъ медленнѣе обыкновеннаго жевалъ его, останавливаясь по временамъ, и затѣмъ проглатывалъ, какъ пилюлю. Онъ собирался откусить еще одинъ кусокъ и даже наклонилъ на бокъ голову, чтобы это было удобнѣе сдѣлать, когда

взоръ его упалъ на меня и онъ увидѣлъ, что мой кусокъ хлѣба куда то исчезъ.

Джо былъ до того удивленъ и ошеломленъ случившимся, что такъ и остался съ ломтемъ во рту, выпяливъ на меня глаза, что не могло, само собою разумѣется, ускользнуть отъ вниманія сестры.

— Въ чемъ дѣло?—спросила она, ставя на столъ чашку.

— Слушай ты,—бормоталъ мнѣ Джо, кивая головой съ видомъ упрека.—Пипъ, дружище! Бѣды себѣ ты надѣлаешь. Онъ застрянетъ гдѣ нибудь у тебя... Ты вѣдь не успѣлъ пережевать его, Пипъ!

— Да что тамъ случилось такое?—спросила сестра еще болѣе рѣзкимъ тономъ на этотъ разъ.

— Если ты можешь откашляться, Пипъ, то, пожалуйста, сдѣлай это,—сказалъ Джо, приходя постепенно въ ужасъ.—Штуки штуками, а здоровье здоровьемъ.

Сестра окончательно вышла изъ себя и, набросившись на Джо, раза два дернула его за бакенбарды и ударила затылкомъ объ стѣну; я сидѣлъ неподвижно на мѣстѣ, чувствуя себя виноватымъ во всемъ происшедшемъ.

— Ну, теперь, надѣюсь, ты скажешь мнѣ въ чемъ дѣло, боровъ толстомясый!—сказала сестра, задыхаясь отъ волненія.

Джо съ безпомощнымъ видомъ взглянулъ на нее, а затѣмъ съ такимъ же безпомощнымъ видомъ взглянулъ и на меня.

— Знаешь что, Пипъ,—сказалъ онъ торжественно, держа послѣдній кусокъ хлѣба за щекой и говоря со мной такимъ дружескимъ тономъ, какъ будто мы были съ нимъ одни,—я и ты, мы всегда были друзьями, и я послѣдній человѣкъ, который способенъ былъ бы что либо сказать на тебя. Но сдѣлать такой...—онъ подвинулъ свой стулъ, взглянулъ на полъ между нами, потомъ снова на меня и продолжалъ,—такой необыкновенный глотокъ!!...

— Все сразу проглотилъ... да?—крикнула моя сестра.

— Знаешь, дружище,—сказалъ Джо, продолжая держать за щекой кусокъ хлѣба и обращаясь ко мнѣ, а не къ мистриссъ Джо,—продѣлывалъ и я такія штуки, когда былъ твоихъ лѣтъ... и частенько... на пари съ такими же мальчишками... но я никогда не видѣлъ, чтобы кто нибудь глоталъ такіе куски, Пипъ!... И какъ, какъ только ты не умеръ!

Сестра моя, какъ безумная, бросилась ко мнѣ, схватила меня за волосы и ничего больше не сказала, кромѣ слѣдующихъ ужасныхъ словъ:

— Ступай сюда и пей лекарство!

Какая то медицинская бестія ввела въ то время въ употребленіе дегтярную воду, какъ лекарство противъ всѣхъ болѣзней, и мистриссъ Джо всегда имѣла въ своемъ шкапу значительное ко-

личество этого средства; она вѣрила, что цѣлебныя свойства его вполнѣ соотвѣтствуютъ его невѣроятно мерзкому вкусу. Цѣлебный элексиръ, какъ укрѣпляющее средство, много разъ уже вливался въ меня и въ такомъ количествѣ, что отъ меня начинало нести дегтемъ, какъ отъ заново осмоленнаго забора. Въ этотъ вечеръ доза, предназначенная для меня, дошла до цѣлой пинты, которую мистриссъ Джо вливала мнѣ въ ротъ прямо изъ бутылки, стиснувъ мою голову у себя подъ рукой. Джо отдѣлался полупинтой лекарства, которое его заставили проглотить за то, что „его тошнитъ“. Судя по себѣ, я могу, дѣйствительно, сказать, что меня тошнило не только послѣ пріема лекарства, но и до пріема его.

Нѣтъ ничего ужаснѣе угрызеній совѣсти, которыя мучатъ взрослаго человѣка или мальчика, но когда къ этимъ угрызеніямъ совѣсти присоединяется еще тяжкое бремя, скрытое въ штанахъ, то они (могу подтвердить собственымъ опытомъ) являются тогда величайшимъ наказаніемъ въ мірѣ. Сознаніе, что я собираюсь обокрасть мистриссъ Джо—у меня ни разу не мелькнуло въ головѣ, что я обокрадываю и Джо, ибо все, что касалось хозяйства, я никогда не считалъ его собственностью,—соединенное съ необходимостью придерживать рукой хлѣбъ съ масломъ, когда я сидѣлъ или когда я вынужденъ былъ почему либо пройти черезъ кухню, приводило меня положительно въ отчаяніе. Когда вѣтеръ, дувшій съ болота, попадалъ въ каминъ, заставляя огонь разгораться ярче и сильнѣе, мнѣ казалось, что я слышу откуда-то извнѣ голосъ человѣка съ желѣзной колодкой на ногѣ, который говоритъ мнѣ, что онъ не намѣренъ голодать до завтра и хочетъ, чтобы ему сейчасъ же дали ѣсть. Затѣмъ я начиналъ думать:—что если молодой человѣкъ, котораго съ такимъ трудомъ удержали, чтобы онъ не набросился на меня, потеряетъ вдругъ терпѣніе или ошибется во времени и сочтетъ себя въ полномъ правѣ, не дожидаясь завтрашняго дня, завладѣть моимъ сердцемъ и печенкой? Если правда, что волоса становятся дыбомъ, то ужъ мои, навѣрное, должны были бы подняться дыбомъ. А, впрочемъ, быть можетъ этого никогда и ни съ кѣмъ не случалось?

Былъ канунъ Рождества и меня заставили мѣшать пуддингъ, предназначенный для завтрашняго дня, и мѣшалъ я его ровно отъ семи до восьми часовъ вечера. Я дѣлалъ это съ тяжелымъ бременемъ у ноги (что заставляло меня неустанно думать о человѣкѣ съ желѣзной колодкой) и все время чувствовалъ, какъ хлѣбъ съ масломъ сползаетъ къ лодыжкѣ при малѣйшемъ движеніи моемъ, что въ концѣ концовъ стало для меня положительно нестерпимымъ. По счастью мнѣ удалось выбрать удобную минуту и проскользнуть въ свою комнатку на чердакѣ.

— Что это!—воскликнулъ я, сидя у камина, чтобы погрѣться

немного передъ тѣмъ, какъ идти спать.—Изъ большой пушки?.. Слышишь, Джо?

— А... — отвѣчалъ онъ. — Опять какой-нибудь колодникъ убѣжалъ.

— Что это значитъ, Джо?—спросилъ я.

Мистриссъ Джо, имѣвшая привычку всюду вмѣшиваться со своими объясненіями, крикнула такимъ же грубымъ голосомъ, какимъ она обыкновенно предлагала дозу дегтярной воды:

— Убѣжалъ! Убѣжалъ!

И сказавъ это, мистриссъ Джо снова принялась за вязанье, а я, воспользовавшись этимъ, приложился ртомъ къ уху Джо и спросилъ:

— Что такое колодникъ?

Джо сложилъ свои губы, какъ это дѣлаютъ, чтобы отвѣтить тихо, но изъ всего его отвѣта я понялъ одно только слово „Пипъ".

— Вчера вечеромъ,—продолжалъ онъ громко,—послѣ захода солнца убѣжалъ колодникъ! Вчера стрѣляли, чтобы дать знать о побѣгѣ. А теперь вѣрно убѣжалъ другой.

— Кто стрѣлялъ?—спросилъ я.

— Что за противный мальчишка!—вмѣшалась моя сестра, мрачно поглядывая на меня изъ за своего вязанья.—Только и знаетъ, что лѣзетъ со своими вопросами. Не спрашивай и никто тебѣ лгать не будетъ.

Я подумалъ про себя, что не особенно хорошо съ ея стороны говорить, что будто она будетъ мнѣ лгать, если я стану лѣзть къ ней съ вопросами. Но она вообще никогда и ни при комъ не стѣснялась въ своихъ выраженіяхъ.

Въ эту минуту Джо еще сильнѣе подстрекнулъ мое любопытство, стараясь съ величайшими усиліями открыть пошире ротъ и придать губамъ такую форму, чтобы вышло какое-то слово, которое мнѣ показалось похожимъ на слово „дуется". Я, само собою разумѣется, кивнулъ незамѣтно въ сторону мистриссъ Джо и приложилъ палецъ ко рту, какъ бы говоря: „она?" Но Джо не слушалъ меня и, открывъ широко ротъ, придалъ ему форму какого то невѣроятнаго слова. Увы! я не понялъ его.

— Мистриссъ Джо,—сказалъ я, обращаясь къ ней, какъ къ послѣднему источнику,—мнѣ хотѣлось бы знать—если вы не разсердитесь,—откуда былъ этотъ выстрѣлъ?

— Ахъ ты, Божій младенецъ,—выкликнула моя сестра такимъ голосомъ, какъ будто бы сказала одно, а думала сказать совсѣмъ обратное.—Съ понтона!

— О!—сказалъ я, глядя на Джо.—Понтонъ!

Джо кашлянулъ съ оттѣнкомъ упрека, какъ бы говоря:

— Говорилъ же я тебѣ!

— А что такое понтонъ?

— Ну, какъ вамъ нравится этотъ мальчишка!—воскликнула моя сестра, указывая на меня спицей и съ негодованіемъ качая головой.—Отвѣть ему на одинъ вопросъ, онъ тебя закидаетъ другими. Понтоны это тюремныя суда, что стоятъ тамъ, далеко, за болотомъ.

— Хотѣлось бы мнѣ знать кого туда садятъ и за что садятъ?—продолжалъ я съ рѣшимостью отчаянія.

Этого ужъ было слишкомъ много для мистриссъ Джо и она вскочила со своего мѣста.

— Слушай, мальчишка! Не для того воспитала я тебя „въ рукопашную", чтобы ты мучилъ людей своими глупыми вопросами! Велика заслуга, нечего сказать! Всякій былъ бы вправѣ порицать меня тогда. На понтоны, видишь ли, отправляютъ такихъ людей, которые убиваютъ, грабятъ, дѣлаютъ фальшивыя монеты и всякое зло людямъ. Такіе люди начинаютъ всегда съ того, что мучатъ всѣхъ своими вопросами, а потому—вонъ, сію же минуту, и въ постель!

Мнѣ никогда не давали свѣчи, когда я шелъ ложиться спать, а потому я подымался по лѣстницѣ среди полной тьмы; въ головѣ у меня слышался шумъ и звонъ вслѣдствіе того, вѣроятно, что мистриссъ Джо сопровождала послѣднія слова акомпаниментомъ, который она исполнила съ помощью наперстка на моей головѣ. Но еще большій ужасъ овладѣлъ мною при мысли о томъ, что я предназначенъ судьбою для понтоновъ. Я видѣлъ теперь ясно этотъ путь передъ собою. Я началъ съ вопросовъ, а теперь собирался ограбить мистриссъ Джо.

Съ этого времени, которое осталось далеко позади меня, я часто думалъ о томъ, какъ мало понимаютъ люди, до чего можетъ довести ребенка ужасъ. Не въ томъ дѣло благоразумна ли причина, порождающая этотъ ужасъ, или нѣтъ, а именно, въ самомъ ужасѣ. Я чувствовалъ смертельный ужасъ при мысли о молодомъ человѣкѣ, жаждущемъ моего сердца и печенки; я чувствовалъ смертельный ужасъ при мысли о его товарищѣ съ желѣзной колодкой; я ужасался самого себя за то, что далъ такое ужасное обѣщаніе. А между тѣмъ я не смѣлъ надѣяться на помощь своей всемогущей сестры, которая всегда и во всякое время готова была оттолкнуть меня. Я съ ужасомъ думаю о томъ, на что я могъ быть способенъ, благодаря такому ужасу.

Всякій разъ, когда я засыпалъ въ эту ночь, мнѣ представлялось во снѣ, что сильнымъ теченіемъ меня несетъ по рѣкѣ прямо къ понтонамъ и что въ ту самую минуту, когда я плыву мимо висѣлицы, призракъ пирата кричитъ мнѣ въ трубу, чтобы я лучше теперь же плылъ къ берегу, гдѣ меня повѣсятъ, чѣмъ откладывать это на будущее время. Я боялся уснуть, не смотря на то, что мнѣ хотѣлось спать; я зналъ, что долженъ совершить покражу съ

первыми проблесками дня. Ночью я ничего не могъ сдѣлать, потому что огонь въ то время добывался не такъ просто; я долженъ былъ для этого взять огниво и кремень, а это произвело бы шумъ, сходный съ лязгомъ цѣпей самого пирата.

Когда черный бархатный покровъ ночи, виднѣвшійся за моимъ окномъ, подернулся сѣроватымъ цвѣтомъ, я вскочилъ съ постели и спустился внизъ по лѣстницѣ. Малѣйшій трескъ или шумъ, когда я шелъ по ступенькамъ, казалось, говорили мнѣ: „Держи вора!“ или „Вставай, мистеръ Джо!“ Въ кладовой, гдѣ было заготовлено множество припасовъ по случаю наступившихъ праздниковъ, я страшно испугался при видѣ висѣвшаго зайца, который, вообразилось мнѣ, подмигнулъ мнѣ въ ту самую минуту, когда я стоялъ къ нему въ полоборота. Но мнѣ не было времени провѣрять свои впечатлѣнія, не было времени для размышленій, ни для чего не было времени, ибо я долженъ былъ пользоваться каждой минуточкой его. Я стащилъ кусокъ хлѣба и сыру, полгоршка мелко изрубленнаго мяса, завязавъ его въ платокъ вмѣстѣ съ вчерашнимъ кускомъ хлѣба съ масломъ, отлилъ водки изъ каменной бутыли въ приготовленную для этого стеклянную бутылку и затѣмъ долилъ каменную бутылку изъ кружки, стоявшей въ кухонномъ шкапу, захватилъ кромѣ того кость съ небольшимъ количествомъ мяса на ней и прекрасный круглый пирогъ со свининой. Я едва не ушелъ безъ этого пирога, но мнѣ захотѣлось осмотрѣть полку, нѣтъ ли тамъ еще чего-нибудь подходящаго, и тутъ я увидѣлъ круглое глиняное блюдо, закрытое сверху; заглянувъ туда, я увидѣлъ пирогъ и поспѣшилъ воспользоваться имъ, въ надеждѣ, что онъ не такъ скоро понадобится, а потому пропажа не будетъ сразу замѣчена.

Въ кухнѣ находилась дверь, сообщавшаяся съ кузницей; я открылъ дверь и отыскалъ напилокъ между инструментами Джо. Закрывъ за собою дверь въ кузницу, я вышелъ черезъ ту дверь, черезъ которую вернулся вчера съ кладбища, заперъ и ее и пустился бѣжать къ болоту.

Глава третья.

Утро было пасмурное и туманное. Наружная сторона моего маленькаго окна вся была покрыта осѣвшими на него каплями сырости и можно было подумать, что какой нибудь лѣсной духъ проплакалъ надъ нимъ всю ночь, и все время пользовался имъ, какъ платкомъ. Все кругомъ покрыто было сыростью, которая лежала на обнаженныхъ изгородяхъ и на скудной травѣ, подобно самому грубому сорту паутины, какую можно видѣть между вѣтвями и былинками. Такая же клейкая сырость лежала на заборахъ и воротахъ, а съ болота подымался до того густой туманъ, что я до тѣхъ поръ не видѣлъ деревяннаго пальца, указывавшаго

путь въ нашу деревню, (куда, впрочемъ, никто и никогда не заходилъ) пока не подошелъ совсѣмъ близко къ нему. Когда же я взглянулъ на него и увидѣлъ, какъ туманъ осаждаясь на немъ, капля за каплей спускался внизъ, то онъ показался мнѣ призракомъ, посылающимъ меня на понтоны.

Туманъ становился все гуще и гуще по мѣрѣ того, какъ я подвигался впередъ по болоту, такъ что теперь не я уже бѣжалъ къ окружающимъ меня предметамъ, а они надвигались на меня. Виновная совѣсть еще больше увеличивала непріятность моего путешествія. И ворота, и насыпи, и канавы, все рвалось ко мнѣ сквозь туманъ, все кричало мнѣ:—„Мальчикъ съ чѣмъ-то въ родѣ пирога со свининой! Остановите его!“—Съ такою же неожиданностью появлялся предо мной и рогатый скотъ, раздувая ноздри, изъ которыхъ валилъ паръ. — „Эй, ты, маленькій воришка!“ — Черный быкъ съ бѣлымъ пятномъ на шеѣ, которое казалось моей виновной совѣсти похожимъ на пасторскій галстухъ, упорно уставился въ меня глазами и съ такимъ укоризненнымъ видомъ замоталъ головой, что я не выдержалъ и громко заревѣлъ:—„Я тутъ не причемъ, сэръ! Я сдѣлалъ это не для себя!“—Въ отвѣтъ на это онъ наклонилъ голову, выпустилъ цѣлое облако пару изъ ноздрей, поднялъ кверху хвостъ и, лягнувъ задними ногами, мгновенно исчезъ изъ виду.

Все это время я шелъ по направленію къ рѣкѣ. Не смотря на то, что я быстро двигался впередъ, ноги мои никакъ не могли согрѣться; холодъ и сырость такъ же плотно окружали ихъ, какъ плотно окружала желѣзная колодка ногу человѣка, къ которому я бѣжалъ. Я хорошо зналъ дорогу на баттарею, такъ какъ по воскресеньямъ ходилъ туда вмѣстѣ съ Джо, который, сидя какъ то разъ со мной на старой пушкѣ, сказалъ мнѣ, что мы частенько будемъ вмѣстѣ съ нимъ удирать сюда, когда я сдѣлаюсь его ученикомъ. А между тѣмъ я вслѣдствіе слишкомъ густого тумана уклонился вправо отъ прямого пути и вынужденъ былъ потомъ идти назадъ вдоль рѣки по грязному берегу, покрытому скользкими камнями и вѣхами, указывавшими мѣсто, до котораго доходилъ разливъ рѣки. Торопясь впередъ съ возможною для моихъ ногъ быстротою, я перешелъ каналъ, который находился вблизи баттареи, и взбирался уже по насыпи, находившейся по другую сторону канала, когда увидѣлъ вдругъ сидѣвшаго человѣка. Онъ сидѣлъ ко мнѣ спиной со сложенными руками и, низко склонившись впередъ, крѣпко спалъ.

Я подумалъ, что онъ очень обрадуется, когда такимъ неожиданнымъ образомъ получитъ завтракъ, а потому осторожно подошелъ къ нему и слегка тронулъ его за плечо. Онъ мгновенно вскочилъ на ноги и... я увидѣлъ не своего колодника, а какого то другого человѣка.

Но и на немъ была такая же грубая сѣрая одежда, такая же большая желѣзная колодка, онъ также хромалъ, говорилъ хрипло, дрожалъ отъ холода и все въ немъ было, какъ и у того человѣка, за исключенiемъ лица и плоской, широкополой шляпы на головѣ. Все это я разсмотрѣлъ въ одну минуту, да больше минуты у меня и не хватило бы на это, потому что онъ съ ужаснымъ проклятiемъ бросился ко мнѣ, собираясь нанести мнѣ ударъ, но не попалъ въ меня, а поскользнулся, и едва не упалъ, послѣ чего пустился бѣжать отъ меня и, споткнувшись еще два, три раза, скрылся среди тумана.

— Никакъ это и есть тотъ самый молодой человѣкъ!—подумалъ я и сердце мое забилось при этой мысли. Могу прибавить, что я бы почувствовалъ даже боль въ печенкѣ, знай я только, гдѣ она находится.

Вскорѣ послѣ этого я былъ у баттареи и нашелъ тамъ своего вчерашняго колодника, который въ ожиданiи меня ковылялъ взадъ и впередъ, обхвативъ себя руками, такъ что можно было подумать, будто онъ всю ночь прохромалъ взадъ и впередъ такимъ образомъ. Ему, повидимому, было ужасно холодно. Я былъ увѣренъ, что онъ, вотъ-вотъ, грохнется на землю и умретъ отъ холода на моихъ глазахъ. Глаза его горѣли алчнымъ голодомъ и когда я подалъ ему напилокъ, то онъ хладнокровно отложилъ его въ сторону на траву и все вниманiе свое обратилъ на узелокъ въ моихъ рукахъ. На этотъ разъ онъ не кувыркалъ меня внизъ головой, а стоялъ спокойно и смотрѣлъ, какъ я опоражнивалъ свои карманы.

— Что у тебя въ бутылкѣ, мальчикъ?—спросилъ онъ.

— Водка.

Онъ уже ѣлъ принесенное мною мелко изрубленное мясо, запихивая его въ ротъ не какъ человѣкъ, утоляющiй свой голодъ, а какъ человѣкъ, который впопыхахъ прячетъ свои вещи въ мѣшокъ. Онъ остановился только на минуту, чтобы выпить нѣсколько глотковъ водки. Онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ и мнѣ казалось, что онъ откуситъ и проглотитъ горлышко бутылки.

— У васъ, вѣрно, лихорадка?—спросилъ я.

— Я того же мнѣнiя, мой мальчикъ!—отвѣчалъ онъ.

— Здѣсь нездоровое мѣсто,—сказалъ я ему.—Вы лежали на землѣ, а здѣсь болото и бываютъ часто лихорадка... и ревматизмъ.

— Ну, я еще успѣю позавтракать, пока смерть придетъ за мною,—сказалъ онъ.—И буду завтракать, хотя бы послѣ этого меня потащили даже на висѣлицу. Нѣтъ, я одолѣю эту дрожь, одолѣю... готовъ биться объ закладъ съ тобою, мальчикъ!

И онъ жадно глоталъ мелко изрубленное мясо, хлѣбъ, сыръ,

пирогъ со свининой, все безъ разбору, одно за другимъ, съ тревогой всматриваясь въ туманъ, окружавшій насъ и даже временами переставая жевать, чтобы прислушаться. Каждый дѣйствительный или воображаемый звукъ, или лязгъ желѣза на рѣкѣ, или фырканье какого-нибудь животнаго на болотѣ пугали его и тогда онъ спрашивалъ меня:

— Не вздумалъ ли ты, чертенокъ, надуть меня. Ты никого не привелъ съ собой?

— Нѣтъ, сэръ! Нѣтъ!

— И полиціи не доносилъ?

— Нѣтъ!

— Ну, хорошо,—сказалъ онъ,—вѣрю тебѣ. И то правда! Куда могъ бы годиться такой щенокъ, какъ ты, если бы ты въ свои годы вздумалъ помогать другимъ травить на смерть такое жалкое созданіе, какъ я.

Что-то странное зазвенѣло у него въ горлѣ при этихъ словахъ и онъ вытеръ себѣ глаза изорваннымъ, грубымъ рукавомъ.

Мнѣ было очень жаль его и я, наблюдая за тѣмъ, какъ онъ постепенно добрался до пирога со свининой, сказалъ ему наконецъ:

— Я очень радъ, что пирогъ нравится вамъ.

— Что ты сказалъ?

— Я радъ, что пирогъ нравится вамъ.

— Спасибо, мой мальчикъ! Да, онъ нравится мнѣ.

Я часто наблюдалъ за тѣмъ, какъ ѣла свой кормъ наша дворовая собака и нашелъ большое сходство между тѣмъ, какъ ѣла она и какъ ѣлъ этотъ человѣкъ, который такимъ же способомъ сразу откусывалъ куски, какъ и собака. Онъ отхватывалъ ихъ и поспѣшно, почти не пережевывая глоталъ, озираясь въ то же время во всѣ стороны и какъ бы опасаясь, что вотъ явится кто-нибудь и вырветъ у него пирогъ. Онъ находился вообще въ такомъ возбужденномъ состояніи, что врядъ ли могъ оцѣнить достоинство пирога, хотя никому не позволилъ бы раздѣлить его съ собой, не оскаливъ зубы на непрошеннаго посѣтителя. Въ этомъ онъ былъ несомнѣнно сходенъ съ нашей собакой.

— Боюсь, что вы ничего не оставите для него,—робко замѣтилъ я послѣ непродолжительнаго молчанія, во время котораго я размышлялъ будетъ ли вѣжливо съ моей стороны сдѣлать такое замѣчаніе.—Тамъ больше ничего не осталось, гдѣ я взялъ его.

Только увѣренность въ истинѣ послѣдняго факта побудила меня обратиться къ нему съ такимъ вопросомъ.

— Оставить для него? Для кого?—спросилъ мой другъ, переставая жевать корку пирога.

— Для молодого человѣка... о которомъ вы говорили... который скрывался вмѣстѣ съ вами.

— О... о!—воскликнулъ онъ съ чѣмъ то въ родѣ подавленна-

го смѣха.—Ему? Да, да! Онъ побудетъ и безъ ѣды; онъ ничего не хочетъ.

— А мнѣ показалось, что онъ голодный,—отвѣчалъ я.

Онъ пересталъ ѣсть и уставился на меня съ величайшимъ удивленіемъ и въ то же время недовѣріемъ.

— Показалось? Когда?

— Сейчасъ вотъ.

— Гдѣ?

— А вотъ тамъ!—сказалъ я.—Онъ сидѣлъ и спалъ, а я подумалъ, что это вы.

Онъ схватилъ меня за шиворотъ и такъ взглянулъ на меня, что мнѣ пришло сразу въ голову, не вернулось ли къ нему его прежнее желаніе перерѣзать мнѣ горло.

— Онъ былъ, знаете, одѣтъ, какъ вы, только съ шляпой на головѣ,—продолжалъ я, дрожа отъ страха,—и... и...—мнѣ хотѣлось выразиться поделикатнѣе,—и у него были тѣ же причины желать напилка. Слышали вы сегодня ночью пушку?

— Да, пожалуй,—сказалъ онъ про себя,—какъ будто палили.

— Странно, почему вы не увѣрены въ этомъ,—отвѣчалъ я.— Мы слышали дома... а это дальше отъ насъ и двери у насъ были заперты.

— Видишь ли,—сказалъ онъ,—когда человѣку приходится слоняться по этому болоту съ пустой головой и пустымъ желудкомъ, когда онъ погибаетъ отъ холода и голода, онъ всю ночь ничего больше не слышитъ кромѣ выстрѣловъ и голосовъ, которые зовутъ его. Онъ видитъ солдатъ въ красныхъ сюртукахъ и съ факелами въ рукахъ... видитъ, какъ они все больше и больше смыкаются кругомъ него. Слышитъ, какъ кричатъ его номеръ и зовутъ по имени, какъ стучатъ ихъ мушкеты и какъ раздается команда: — „Пли!“ — Прицѣлились и... ничего! Не одну партію, чортъ ихъ возьми, видѣлъ я сегодня ночью, а сотни... Разъ, два! Разъ, два! А что до выстрѣловъ!... Видѣлъ я, какъ дрожалъ туманъ и не переставалъ дрожать даже послѣ разсвѣта... Но этотъ человѣкъ—до сихъ поръ онъ говорилъ, какъ будто совсѣмъ забывъ о моемъ присутствіи,—замѣтилъ ты у него что-нибудь особенное?

— Все лицо у него было въ синякахъ,—сказалъ я, стараясь припомнить, что я замѣтилъ.

— Не здѣсь ли?—воскликнулъ онъ, изо всей силы ударивъ лѣвую щеку ладонью своей руки.

— Да, здѣсь!

— Гдѣ онъ?—спросилъ онъ, пряча остатки съѣстного за пазуху своей сѣрой куртки.—Укажи мнѣ, какой дорогой онъ пошелъ. Я выслѣжу его не хуже собаки-ищейки. Чортъ бы побралъ колодку на моей ногѣ. Подай сюда напилокъ, мой мальчикъ!

Я указалъ ему направленіе, по которому убѣжалъ тотъ человѣкъ и онъ съ минуту внимательно смотрѣлъ въ ту сторону. Затѣмъ онъ опустился на сырую траву и, какъ безумный, принялся распиливать свою колодку, забывъ, повидимому, о моемъ присутствіи и обращая вниманіе лишь на свою собственную ногу; на ней была окровавленная рана, но онъ такъ грубо обращался съ ней, что можно было подумать, будто она такъ же нечувствительна, какъ и напилокъ. Видя, съ какой жестокостью онъ обращается съ собственной своей ногой, я снова пришелъ въ ужасъ и почувствовалъ, что слишкомъ далеко нахожусь отъ дома. Я сказалъ ему, что мнѣ пора уходить, но онъ даже не взглянулъ на меня, а потому я счелъ за лучшее поскорѣе улизнуть отъ него. Спустя нѣсколько минутъ я обернулся и увидѣлъ, что онъ сидитъ, склонивъ голову надъ колѣномъ, и съ бѣшенствомъ пилитъ свои оковы, осыпая проклятіями и ихъ и ногу. Послѣднее, что я услышалъ, когда туманъ скрылъ его отъ меня и я остановился, чтобы прислушаться, былъ визгъ напилка.

Глава четвертая.

Я былъ увѣренъ, что найду въ кухнѣ констэбля, который явился, чтобы арестовать меня. Но констэбля къ удивленію моему не оказалось и даже совершенное мною воровство не было еще открыто. Мистриссъ Джо страшно суетилась, приготовляя все для предстоящаго празднества, а Джо сидѣлъ на ступенькахъ за дверями, чтобы не попасть нечаянно въ корзину съ мусоромъ. Судьба вѣчно преслѣдовала его и онъ позже или раньше непремѣнно попадалъ въ эту корзину и въ тотъ именно моментъ, когда сестра моя со всяческимъ усердіемъ суетилась, прибирая всѣ уголки своего дома.

— Гдѣ пропадалъ, чертенокъ?—вмѣсто рождественскаго привѣтствія спросила меня мистриссъ Джо, когда я предсталъ передъ нею со своими угрызеніями совѣсти.

Я отвѣчалъ, что ходилъ слушать рождественскіе гимны.

— Ну, это хорошо!—отвѣчала мистриссъ Джо.—Отъ тебя можно ждать и худшаго.

Сомнѣнія въ этомъ не можетъ быть, подумалъ я.

— Не будь я женою кузнеца и привязанной къ дому рабой, которая никогда не снимаетъ этого передника, я бы также охотно послушала рождественскихъ гимновъ,—сказала мистриссъ Джо.— Я сама страсть люблю эти гимны, потому, вѣроятно, мнѣ никогда и не удается слушать ихъ.

Джо осмѣлился войти въ кухню лишь послѣ того, какъ была убрана корзина съ мусоромъ. Всякій разъ, когда мистриссъ Джо взглядывала на него, онъ задней стороной руки гладилъ се-

бя по носу съ самымъ добродушнымъ, умиротворяющимъ видомъ; но какъ только она отворачивалась отъ него, такъ онъ скрещивалъ оба указательные пальца, что было нашимъ условнымъ знакомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда мистриссъ Джо бывала не въ духѣ. Такое состояніе было, собственно говоря, ея нормальнымъ состояніемъ и мы съ Джо такъ часто, цѣлыми недѣлями подрядъ, скрещивали свои пальцы, что напоминали собою статуи крестоносцевъ со скрещенными ногами.

Сегодня у насъ готовили превосходный обѣдъ, состоявшій изъ окорока, зелени и двухъ жареныхъ куръ. Минсъ-пай *) былъ приготовленъ еще наканунѣ утромъ, (главная причина почему не хватились начинки изъ мелко изрубленнаго мяса), а пуддингъ уже кипѣлъ на огнѣ. Влѣдствіе различныхъ приготовленій, предпринятыхъ мистриссъ Джо, съ нами поступили самымъ безцеремоннымъ образомъ по отношенію къ завтраку, „потому,—сказала мистриссъ Джо,—что я не имѣю рѣшительно никакого желанія, чтобы вы налопались раньше меня, а я тутъ лишній разъ мой да вытирай изъ за васъ".

На этомъ основаніи она нарѣзала намъ столько ломтей хлѣба, какъ будто ей необходимо было накормить не одного взрослаго мужчину и мальчика, а цѣлый полкъ, идущій форсированнымъ маршемъ; хлѣбъ мы запивали молокомъ, разбавленнымъ водой, изъ кружки на кухонномъ столѣ. Мистриссъ Джо тѣмъ временемъ надѣла чистыя бѣлыя занавѣски на окно, замѣнила старую оборку на каминѣ новой и разноцвѣтной, затѣмъ убрала гостиную и сняла чехлы съ мебели, которые снимались обыкновенно одинъ только разъ въ годъ, а въ остальное время оставались подъ покровомъ, который прикрывалъ также и четырехъ маленькихъ глиняныхъ пуделей съ черными носами и корзинками цвѣтовъ во рту, которые стояли на каминной доскѣ и всѣ были, какъ двѣ капли воды, похожи другъ на друга. Мистриссъ Джо была очень акуратной хозяйкой, обладая при этомъ особымъ искусствомъ дѣлать эту акуратность менѣе уютной и пріятной, чѣмъ неряшество. Акуратность то же, что набожность, которую люди коверкаютъ такъ же, какъ и первую.

Моя сестра была такъ занята въ этотъ день, что не могла идти въ церковь и мы отправились туда вдвоемъ съ Джо. Въ будничной одеждѣ своей Джо являлся характернымъ типомъ красиваго и прекрасно сложеннаго кузнеца, но праздничная одежда превращало его въ настоящее пугало. Все сидѣло на немъ коекакъ и казалось сшитымъ совсѣмъ не для него. Когда при звукахъ веселыхъ рождественскихъ колоколовъ онъ вышелъ изъ своей комнаты въ полномъ праздничномъ костюмѣ, то представлялъ

*) Mince-Pie — пирогъ съ мясной начинкой.

себою настоящее олицетвореніе страданія. Что касается меня, то сестра моя вообразила себѣ, вѣроятно, что я юный преступникъ, котораго въ самый моментъ рожденія принялъ на руки акушеръ полисменъ и передалъ ей, чтобы она поступала съ нимъ, какъ того заслуживалъ всякій нарушитель закона. Со мною обращались всегда такъ, какъ будто я самъ настоялъ на томъ, чтобы явиться въ свѣтъ вопреки всѣмъ правиламъ благоразумія, религіи и нравственности и всѣмъ убѣжденіямъ своихъ лучшихъ друзей. Даже и въ то время, когда на меня дѣлали новое платье, приказывали портному шить его такимъ образомъ, чтобы я не могъ свободно двигаться въ немъ.

Я увѣренъ, что совмѣстное шествіе наше въ церковь представляло трогательное зрѣлище для всѣхъ сострадательныхъ людей. Но то, что я чувствовалъ относительно внѣшней стороны своей было ничѣмъ въ сравненіи съ моими душевными муками. Ужасъ, овладѣвавшій мною, когда мистриссъ Джо подходила къ кладовой, былъ равносиленъ угрызенію совѣсти, терзавшей меня за то, что я сдѣлалъ; тяжесть преступной тайны моей была такъ велика, что я начиналъ подумывать, не лучше ли открыть ее церкви, которая спасетъ меня, быть можетъ, отъ мщенія молодого человѣка. Я думалъ, что въ ту минуту, когда начнется оглашеніе и пасторъ скажетъ: „кто изъ васъ знаетъ что-нибудь, объявите!“, я встану и попрошу разрѣшенія войти въ ризницу для совѣщанія. Я былъ увѣренъ, что поражу такимъ поступкомъ всю нашу маленькую конгрегацію; но это было Рождество а не воскресенье и оглашеній не могло быть.

На обѣдъ къ намъ были приглашены мистеръ Уопсель, церковный причетникъ, мистеръ Хебль, колесникъ, и мистриссъ Хебль, его жена, дядя Пембельчукъ (дядя Джо, но мистриссъ Джо присвоила его себѣ), который былъ зажиточнымъ хлѣбнымъ торговцемъ и ѣздилъ въ собственномъ экипажѣ. Обѣдъ былъ назначенъ въ половинѣ второго. Когда мы съ Джо вернулись домой, столъ былъ уже накрытъ, мистриссъ Джо одѣта, обѣдъ готовъ и наружная дверь открыта (чего не бывало въ другое время) для ожидаемыхъ гостей; все, однимъ словомъ, было вполнѣ торжественно. Но о похищеніи ни слова по прежнему.

Время шло, не принося никакого облегченія моимъ чувствамъ, и, наконецъ, пришли гости. Мистеръ Уопсель отличался большимъ римскимъ носомъ, высокимъ, блестящимъ лбомъ и густымъ басомъ, которымъ онъ очень гордился; а наши знакомые говорили, что дай ему только волю, такъ онъ перекричитъ самого пастора. Самъ онъ говорилъ обыкновенно, что будь церковь доступна для всѣхъ въ смыслѣ конкурренціи, то онъ, навѣрное, пробилъ бы себѣ дорогу, но такъ какъ она не доступна, то ему приходится довольствоваться мѣстомъ причетника. „Аминь“ онъ произносилъ

всегда ужаснѣйшимъ голосомъ, а когда онъ начиналъ читать псаломъ, то всегда произносилъ цѣлый стихъ, оглядывая всѣхъ, присутствующихъ и какъ бы говоря имъ:

— Вы слышали сейчасъ старшаго друга моего, а теперь будьте любезны высказать ваше мнѣніе о моемъ голосѣ.

Я отворялъ двери гостямъ, дѣлая при этомъ видъ, какъ будто онѣ никогда не запирались у насъ. Сначала я отворилъ ее для мистера Уопселя, затѣмъ для мистера и мистриссъ Хебль и, наконецъ, для дяди Пембельчука.

Мнѣ разъ навсегда и подъ страхомъ наказанія запрещено было называть его дядей.

— Мистриссъ Джо, — сказалъ дядя Пембельчукъ, толстый, страдающій одышкой человѣкъ, съ большимъ рыбьимъ ртомъ, тусклыми глазами и волосами песочнаго цвѣта, торчащими кверху; видъ у него былъ такой, какъ будто онъ только что подавился, и такъ съ этимъ и пришелъ сюда:—Мистриссъ Джо, я принесъ вамъ вмѣсто поздравленія къ празднику... я принесъ вамъ, ме'мъ, бутылку хересу и... я принесъ вамъ, ме'мъ, бутылку портвейну.

Каждое Рождество являлся онъ такимъ образомъ, повторяя одни и тѣ же слова и преподнося однѣ и тѣ же бутылки съ виномъ. И каждое Рождество отвѣчала ему мистриссъ Джо одними и тѣми же словами:

— О, дя-дя Пем-бель-чукъ! Какъ это любезно.

— Все это ничто въ сравненіи съ вашими достоинствами. А теперь, всѣ ли вы здоровы? Ты какъ, грошикъ полупенсовикъ? (Это ко мнѣ).

Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ мы обѣдали обыкновенно въ кухнѣ, а затѣмъ отправлялись въ гостиную и ѣли тамъ орѣхи, апельсины и яблоки, что можно было сравнить съ тѣмъ, какъ Джо мѣнялъ будничную одежду свою на парадную. Сестра моя этотъ разъ была необыкновенно весела; вообще она ни въ чьемъ обществѣ не чувствовала себя такой довольной, какъ въ обществѣ мистриссъ Хебль, которая, насколько я помню, представляла собою маленькую фигурку съ острыми чертами лица и въ платьѣ небесно-голубого цвѣта; держала она себя по дѣтски, потому что вышла замужъ за мистера Хебля—я не зналъ, какъ давно это было—когда она была значительно моложе его. Мистеръ Хебль былъ плотный, широкоплечій старикъ, съ запахомъ опилокъ и съ необыкновенно широко разставленными ногами; въ дѣтствѣ, когда онъ шелъ мнѣ навстрѣчу, я всегда на нѣсколько миль передъ собой видѣлъ между его ногами лежащую впереди мѣстность.

Находясь среди этого общества, я всегда чувствовалъ себя неловко даже и въ томъ случаѣ, когда не совершалъ воровства въ кладовой. И теперь мнѣ было неловко, но не потому, что я сп-

дѣлъ на самомъ углу стола, который давилъ мнѣ грудь, не потому, что Пембельчуковскій локоть попадалъ мнѣ въ глазъ, не потому, что мнѣ не позволяли говорить, (я и самъ не хотѣлъ говорить), не потому, что мнѣ давали грызть однѣ куриныя косточки и сомнительные кусочки свинины, которыми свинья врядъ ли гордилась во время своей жизни. Нѣтъ! Я не былъ въ претензіи на это, не трогай они меня только. Но они не оставляли меня въ покоѣ. Они, повидимому, всѣми силами старались придраться къ случаю, чтобы навести разговоръ на меня и чѣмъ-нибудь уколоть меня. Я былъ для нихъ маленькимъ бычкомъ на испанской аренѣ, на котораго они устремляли свои нравственныя пики.

Началось это съ того самаго момента, какъ мы сѣли за обѣдъ. Мистеръ Уопсель прочиталъ молитву, декламируя ее, словно на сценѣ, что, насколько я припоминаю теперь, очень походило на привидѣніе въ Гамлетѣ и на Ричарда Третьяго; молитву свою онъ закончилъ словами, что всѣ мы должны быть благодарны. Въ отвѣтъ на это сестра моя пристально взглянула на меня и сказала тихимъ, но полнымъ упрека голосомъ.

— Слышалъ? Быть благодарны.

— Ты особенно, мальчикъ, долженъ быть благодаренъ тѣмъ, которые воспитали тебя „рукой",—сказалъ мистеръ Пембельчукъ.

Мистриссъ Хебль покачала головой и, глядя на меня съ такимъ видомъ, какъ будто изъ меня никогда и ничего порядочнаго не выйдетъ, сказала:

— Ахъ, молодежь никогда не бываетъ благодарна.

Духовная тайна эта была, повидимому, не подъ силу всей компаніи до тѣхъ поръ, пока ее не разрѣшилъ мистеръ Хебль, сказавъ:

— Потому что она безнравственна по природѣ.

Всѣ пробормотали: „вѣрно" и каждый какъ-то особенно и непріятно взглянулъ на меня.

Вліяніе и значеніе Джо уменьшилось еще больше въ присутствіи такой компаніи. Но онъ всегда, такъ или иначе, старался успокоить и выручить меня; на этотъ разъ, какъ и всегда въ такихъ случаяхъ, во время обѣда, онъ налилъ мнѣ въ тарелку чуть ли не полпинты соусу.

Въ серединѣ обѣда мистеръ Уопсель приступилъ къ самому строгому разбору сегодняшней проповѣди и снова упомянулъ о томъ, что будь церковное поприще открыто для всѣхъ, онъ показалъ бы имъ, какъ надо говорить проповѣди. Получивъ нѣсколько одобрительныхъ кивковъ головой со стороны своихъ слушателей, онъ выразилъ свое мнѣніе, что сегодня былъ выбранъ самый неподходящій предметъ для проповѣди, чего онъ никакъ извинить

не можетъ въ виду того особенно, что кругомъ насъ такъ много животрепещущихъ вопросовъ.

— Совершенно вѣрно! — замѣтилъ дядя Пембельчукъ. — Вы попали въ самую точку, сэръ! Вопросовъ много для тѣхъ, которые знаютъ, какъ положить имъ соли на хвостъ. Это именно то, чего имъ нужно. Такому человѣку не надо ходить за предметами для проповѣди, они всегда готовы у него въ его солонкѣ.—Мистеръ Пембельчукъ прибавилъ дальше послѣ короткаго размышленія.—Взгляните на этотъ окорокъ. Чѣмъ не предметъ! Желаете найти предметъ, взгляните на окорокъ!

— Вѣрно, сэръ! Много морали можно почерпнуть въ этомъ для молодежи,—сказалъ мистеръ Уопсель и я сразу понялъ что онъ намекаетъ на меня.

— Слушай хорошенько,—сказала мнѣ строго моя сестра, а Джо подбавилъ мнѣ соусу на тарелку.

— Свинья,—продолжалъ мистеръ Уопсель самымъ густымъ басомъ, указывая вилкой на мое раскраснѣвшееся лицо, словно у меня не было другого христіанскаго имени,— свинья всегда была спутникомъ блуднаго сына. Обжорство свиньи и есть порокъ, противъ котораго всегда предостерегаютъ молодежь. (Я подумалъ про себя, не примѣнить ли того же и по отношеніи къ тѣмъ, которые восхваляютъ сочный и жирный окорокъ). Что отвратительно въ свиньѣ, то еще отвратительнѣе въ мальчикѣ.

— Или въ дѣвочкѣ,—добавилъ мистеръ Хебль.

— Разумѣется и въ дѣвочкѣ, мистеръ Хебль,—согласился мистеръ Уопсель съ раздраженіемъ,—но здѣсь нѣтъ дѣвочки.

— Во всякомъ случаѣ,—сказалъ мистеръ Пембельчукъ,—ты никогда не долженъ забывать того, что долженъ быть благодаренъ. Если бы ты родился поросенкомъ...

— Онъ и былъ всегда поросенкомъ!—воскликнула моя сестра. Джо снова подлилъ мнѣ соусу.

— Я говорю о настоящемъ четвероногомъ поросенкѣ,—отвѣчалъ мистеръ Пембельчукъ. — Родись ты именно такимъ поросенкомъ, развѣ ты былъ бы здѣсь? Нѣтъ...

— Только въ такомъ видѣ,—перебилъ его мистеръ Уопсель, указывая головой на блюдо.

— Я не то хотѣлъ сказать, сэръ,—продолжалъ мистеръ Пембельчукъ, не любившій, чтобы его перебивали.—Я хотѣлъ сказать, что тогда онъ не сидѣлъ бы въ обществѣ людей старшихъ и лучшихъ, не поучался бы изъ ихъ разговоровъ и не пользовался бы роскошью. Могъ бы онъ тогда наслаждаться всѣмъ этимъ? Нѣтъ! И какова была бы твоя судьба?—обратился онъ снова ко мнѣ.—Тебя бы, какъ цѣнную вещь, продали за извѣстное количество шиллинговъ на рынкѣ, а мясникъ Денстебль подошелъ бы къ тебѣ, когда ты, ничего не подозрѣвая валялся бы на со-

ломѣ, схватилъ бы тебя подъ лѣвую руку, а правой откинулъ бы полу своего кафтана, чтобы легче было достать складной ножъ, и затѣмъ выпустилъ бы твою кровь, а съ нею и твою жизнь. Тебя тогда не воспитывали бы „рукой“... ни-ни, братъ, нѣтъ!

Джо подлилъ мнѣ двойную порцію соусу, но я боялся его ѣсть.

— Сколько хлопотъ, я думаю, надѣлалъ онъ вамъ?—замѣтила мистриссъ Хебль съ сожалѣніемъ къ моей сестрѣ.

— Хлопотъ?—отвѣчала ей въ тонъ моя сестра,—хлопотъ?

Затѣмъ она занялась подробнымъ перечисленіемъ того, сколько разъ она болѣла черезъ меня, сколько безсонныхъ ночей провела, сколько разъ я падалъ съ высокихъ мѣстъ, сколько разъ проваливался въ низкія, сколько разъ я самъ себя калѣчилъ, сколько разъ она желала, чтобы я лежалъ въ могилѣ, но я всегда упорно отказывался отъ этого.

Мнѣ кажется, римляне часто надоѣдали другъ другу своими длинными носами; не потому ли были они такого безпокойнаго, буйнаго нрава? Какъ бы тамъ ни было, но римскій носъ мистера Уопселя положительно выводилъ меня изъ себя и я нѣсколько разъ, пока сестра разсказывала о моихъ проступкахъ, готовъ былъ такъ схватить его за носъ, чтобы онъ заревѣлъ во всю глотку. Но все перечувствованное мною за это время, было ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что я испыталъ, когда послѣ разсказа сестры наступила пауза, во время которой каждый счелъ своей обязанностью взглянуть на меня съ негодованіемъ и отвращеніемъ.

— Да,—сказалъ мистеръ Пембельчукъ, стараясь вернуть вниманіе общества къ тому предмету, отъ котораго оно уклонилось въ сторону,—окорокъ богатая штука! Не такъ-ли?

— Не хотите ли немного водочки, дядя? — спросила моя сестра.

О, небо! Вотъ оно... началось! Онъ попробуетъ ее, скажетъ, что она слабая и я пропалъ! Я крѣпко ухватился обѣими руками за ножку стола и ждалъ рѣшенія своей судьбы.

Моя сестра отправилась за глиняной бутылью, принесла ее и налила водки одному только Пембельчуку. Но негодный человѣкъ не сразу выпилъ ее; онъ вздумалъ забавляться своимъ стаканомъ... поднялъ его, посмотрѣлъ на свѣтъ и опять поставилъ, продолжая тѣмъ мою душевную муку. Тѣмъ временемъ мистриссъ Джо и Джо стали сметать крошки со стола и готовить мѣсто для пирога и пуддинга.

Я не могъ оторвать глазъ отъ Пембельчука. Продолжая крѣпко держаться руками и ногами за ножку стола, я увидѣлъ, какъ онъ, постучавъ пальцемъ по стакану, поднялъ его, улыбнулся, запрокинулъ голову назадъ и проглотилъ сразу всю воду. Въ ту же минуту, къ невыразимому удивленію всего общества, онъ вскочилъ

ка ноги, забѣгалъ по комнатѣ, задыхаясь отъ судорожнаго кашля и, наконецъ, выбѣжалъ за дверь. Черезъ окно видно было, какъ онъ плевался и отхаркивался, корча самыя отвратительныя рожи, и метался, какъ помѣшанный.

Я еще крѣпче ухватился за столъ, когда мистриссъ Джо и Джо побѣжали къ нему. Я не зналъ, какъ я это сдѣлалъ, но я не сомнѣвался, что отравилъ его. Только тогда уменьшился нѣсколько овладѣвшій мною ужасъ, когда я увидѣлъ, что его ведутъ назадъ; оглянувъ недовольнымъ взоромъ всю компанію, онъ бросился въ кресло и воскликнулъ:

— Деготь!

Я, значитъ, долилъ бутылку дегтярной водой!.. Я зналъ теперь, что ему будетъ все хуже и хуже. Столъ подъ давленіемъ моихъ дрожащихъ рукъ задвигался, какъ у настоящаго медіума.

— Деготь! — съ удивленіемъ воскликнула моя сестра. — Какимъ образомъ могъ попасть туда деготь?

Но дядя Пембельчукъ, который властвовалъ въ этой кухнѣ, заявилъ, что онъ не желаетъ и слышать объ этомъ словѣ, ни говорить о немъ; махнувъ величественно рукой, онъ потребовалъ джину съ водой. Сестра, которая, къ моей тревогѣ, начинала уже задумываться, поспѣшила принести джину, горячей воды, сахару, лимонной цедры и занялась приготовленіемъ пунша. На время я былъ спасенъ. Я продолжалъ держаться за ножку стола, но сжималъ ее теперь съ чувствомъ благодарности.

Мало-по-малу я настолько успокоился, что выпустилъ ножку изъ рукъ и занялся пуддингомъ. Мистеръ Пембельчукъ также приступилъ къ пуддингу. Обѣдъ кончился, а мистеръ Пембельчукъ повеселѣлъ подъ вліяніемъ благодѣтельнаго пунша. Я начиналъ уже надѣяться, что день пройдетъ благополучно, когда сестра моя сказала Джо:

— Чистыя тарелки... холодныя.

Я тотчасъ же ухватился за ножку стола и прижалъ ее къ себѣ такъ, какъ будто она была товарищемъ моего дѣтства и другомъ моей души. Я предвидѣлъ, что должно случиться, и почувствовалъ, что теперь я погибъ.

— Теперь я попрошу васъ отвѣдать,—обратилась моя сестра къ своимъ гостямъ со всею любезностью, на какую только она была способна,—попрошу отвѣдать кое чего, а затѣмъ испробовать чуднаго и восхитительнаго подарка дяди Пембельчука.

Отвѣдать! Напрасны надежды ихъ отвѣдать!

— Дѣло идетъ,—сказала моя сестра, вставая со своего мѣста,—о пирогѣ со свининой.

Все общество разсыпалось передъ нею въ комплиментахъ. Дядя Пембельчукъ, убѣжденный въ томъ, что кромѣ похвалъ онъ ничего заслуживать не можетъ, поспѣшилъ отвѣтить:

— О, будьте покойны, мистриссъ Джо, мы отдадимъ должное пирогу и всѣ мы не прочь отвѣдать хотя по кусочку.

Моя сестра отправилась за пирогомъ. Я слышалъ, какъ она подошла къ кладовой. Я увидѣлъ, какъ мистеръ Пембельчукъ размахивалъ своимъ ножемъ. Я понялъ по раздувающимся ноздрямъ римскаго носа, какъ пробуждался аппетитъ у мистера Уопселя. Я услышалъ замѣчаніе мистера Хебля, „что кусочекъ душистаго пирога со свининой можно съѣсть послѣ какого угодно обѣда и онъ не принесетъ вреда", а затѣмъ слова Джо:—„и тебѣ, Пипъ, дадутъ кусочекъ". Но я не могу съ достовѣрностью сказать, дѣйствительно ли я крикнулъ отъ испуга, или это только показалось мнѣ. Я чувствовалъ, что это свыше силъ моихъ и что я долженъ бѣжать... Я выпустилъ ножку стола и бросился къ дверямъ.

Но не успѣлъ я добѣжать до нихъ, какъ наткнулся на отрядъ солдатъ, вооруженныхъ мушкетами. Одинъ изъ нихъ протягивая ко мнѣ пару кандаловъ, сказалъ:

— Вотъ и мы! Ну-ка, гдѣ тутъ кузнецъ?

Глава пятая.

При неожиданномъ появленіи солдатъ, стучавшихъ прикладами заряженныхъ мушкетовъ о порогъ нашего дома, всѣ въ страшномъ замѣшательствѣ встали изъ-за стола. Мистриссъ Джо, вернувшаяся въ этотъ моментъ въ кухню съ пустыми руками, остановилась съ удивленіемъ, едва успѣвъ произнести свое жалобное восклицаніе:

— Боже ты мой милостивый! Что случилось съ пирогомъ!...

Сержантъ и я, мы были уже въ кухнѣ, когда мистриссъ Джо онѣмѣла отъ удивленія. Въ это время я успѣлъ уже до нѣкоторой степени придти въ себя. Этотъ сержантъ первый заговорилъ со мной у дверей, а теперъ онъ стоялъ и, оглядывая все общество, держалъ кандалы въ правой, вытянутой впередъ, рукѣ, а лѣвою опирался о мое плечо.

— Извините, леди и джентльмены,—сказалъ онъ,—но я еще въ дверяхъ собщилъ этому прекрасному молодому человѣку, что я явился сюда во имя короля и желаю видѣть кузнеца.

— Потрудитесь, пожалуйста, сказать, почему вы желаете его видѣть?—спросила моя сестра, недовольная тѣмъ, что его желали видѣть.

— Миссисъ,—отвѣчалъ любезно сержантъ,—если бы я говорилъ отъ себя, то я сказалъ бы, что считаю за честь и особенное удовольствіе познакомиться съ такой прелестной женщиной, какъ вы, но я говорю отъ имени короля, а потому отвѣчаю, что у меня есть до него дѣло.

Всѣмъ понравилась такая любезность со стороны сержанта, а мистеръ Пембельчукъ даже воскликнулъ:

— Очень хорошо!

— Видите ли, кузнецъ,—продолжалъ сержантъ, успѣвшій высмотрѣть Джо,—у насъ тутъ случилось одно приключеніе... Замокъ вотъ у этихъ кандаловъ надо исправить, да и связки плохія, а между тѣмъ намъ немедленно нужно пустить ихъ въ дѣло... Не можете ли вы осмотрѣть ихъ?

Джо осмотрѣлъ ихъ и сказалъ, что для этого необходимо будетъ развести огонь въ кузницѣ, на что потребуется не менѣе двухъ часовъ.

— Только-то? Тогда, пожалуйста, за дѣло, кузнецъ!—сказалъ сержантъ.—Это служба его величеству. Каждый изъ моихъ людей можетъ помочь вамъ, всѣ они съ охотой примутся за дѣло.

Онъ кликнулъ своихъ людей и всѣ они одинъ по одному вошли въ кухню, поставили свои мушкеты въ уголъ и стали въ кружокъ, какъ это дѣлаютъ солдаты. Кто изъ нихъ стоялъ, скрестивъ руки на груди, кто потягивался, кто поправлялъ портупею или патронташъ, кто открывалъ дверь, чтобы плюнуть, съ трудомъ поворачивая шею, стянутую высокимъ воротникомъ.

Всѣ эти вещи я видѣлъ, не сознавая даже, что вижу ихъ, до того мучили меня всякія опасенія. Только когда я понялъ, что кандалы эти готовятся не для меня и что пирогъ, благодаря неожиданному появленію военной силы, отодвинулся на задній планъ, сталъ я понемножечку приходить въ себя.

— Можете вы мнѣ сказать, который часъ? — сказалъ сержантъ, обращаясь къ мистеру Пембельчуку, какъ къ такому человѣку, который только одинъ понималъ цѣну времени.

— Только половина третьяго.

— Не такъ худо, какъ я думалъ,—сказалъ сержантъ;—даже если придется пробыть здѣсь часа два, то не будетъ поздно. Какъ далеко отъ васъ болото? Не больше мили, надѣюсь?

— Ровно одна миля.

— Прекрасно! Мы оцѣпимъ ихъ около сумерекъ. Мнѣ приказано немного спустя послѣ сумерекъ. Успѣемъ, значитъ!

— Колодники, сержантъ?—спросилъ мистеръ Уопсель.

— Да!—отвѣчалъ сержантъ.—Цѣлыхъ два. Намъ достовѣрно извѣстно, что они скрываются на болотахъ и до ночи не двинутся съ мѣста. Не видѣлъ ли, часомъ, кто-нибудь изъ васъ этой дичи?

Всѣ, за исключеніемъ меня, сказали нѣтъ; никто не подумалъ спросить меня объ этомъ.

— Что-жъ!—сказалъ сержантъ.—Попадутъ все равно въ ловушку и даже скорѣе, чѣмъ разсчитываютъ. Ну-съ, кузнецъ! Если вы готовы, справляйте службу его величества.

Джо снялъ съ себя сюртукъ, жилетъ и галстукъ, надѣлъ кожаный передникъ и отправился въ кузницу. Одинъ изъ солдатъ открылъ деревянныя ставни, другой развелъ огонь, третій схва-

тилъ раздувальные мѣхи, остальные столпились кругомъ печки, гдѣ скоро заревѣлъ огонь. Джо взялъ свой молотъ и подошелъ къ наковальнѣ, а мы всѣ смотрѣли, какъ онъ куетъ.

Интересъ предстоящаго преслѣдованія не только поглотилъ всеобще вниманіе, но даже заставилъ сестру расщедриться. Она налила солдатамъ пива изъ боченка, а сержанту предложила выпить рюмку водки. На это мистеръ Пембельчукъ рѣзко замѣтилъ ей:—Дайте ему вина, ме'мъ! Ручаюсь, что въ немъ нѣтъ дегтю.

Сержантъ поблагодарилъ его и сказалъ, что предпочитаетъ пить безъ дегтю, а потому проситъ дать ему вина, если это все равно. Когда ему налили вина, онъ выпилъ прежде всего за здоровье его величества и поздравилъ съ праздникомъ; вино онъ проглотилъ залпомъ и причмокнулъ губами.

— Что скажете, сержантъ? Каково вино?

— Знаете ли, что я вамъ скажу,—отвѣчалъ сержантъ,—я подозрѣваю, что вино это доставлено вами.

Мистеръ Пембельчукъ засмѣялся и сказалъ:

— Ай, ай? Почему же такъ?

— Потому,—отвѣчалъ сержантъ, хлопая его по плечу,—что вы, по моему, человѣкъ, понимающій толкъ въ вещахъ.

— Вы думаете?—сказалъ мистеръ Пембельчукъ съ прежнимъ самодовольнымъ смѣхомъ.—Не хотите ли еще рюмочку?

— Вмѣстѣ съ вами? Чокнемся, пожалуй! — отвѣчалъ сержантъ.—Край моей рюмочки о ножку вашей... ножка вашей рюмочки о край моей... Разъ, два! Лучшая музыка—звонъ стакановъ. Ваше здоровье! Дай Богъ вамъ жить тысячу лѣтъ и всегда понимать толкъ въ вещахъ такъ же, какъ и теперь.

Сержантъ выпилъ снова вино и приготовился, повидимому, къ слѣдующему стаканчику. Я замѣтилъ, что мистеръ Пембельчукъ увлекся чувствомъ гостепріимства и забылъ о томъ, что онъ принесъ въ подарокъ это вино. Онъ взялъ бутылку у мистриссъ Джо и радушно угощалъ всѣхъ. Даже и на мою долю досталось немного. Онъ такъ разошелся, что потребовалъ и другую бутылку и съ такимъ же радушіемъ угостилъ ею все общество.

Я стоялъ вмѣстѣ съ другими у очага и, видя, какъ всѣ они весело болтали, подумалъ про себя, какой чудной приправой послужилъ всѣмъ къ обѣду мой несчастный бѣглый другъ, скрывающійся на болотахъ. Никогда, даже на іоту, не были бы они веселѣй, не доставь онъ имъ такого неожиданнаго развлеченія. Теперь же всѣ они съ необыкновеннымъ волненіемъ ждали поимки „двухъ негодяевъ“, для которыхъ пыхтѣли раздувальные мѣхи, горѣлъ яркимъ пламенемъ огонь, изъ трубы вырывался дымъ, стучалъ и гремѣлъ Джо, грозно при всякой вспышкѣ огня двигались тѣни по стѣнѣ, брызгали и разсыпались искры и мнѣ ка-

залось, что даже сумерки, имѣя въ виду жалкихъ бѣглецовъ, спускались на землю раньше обыкновеннаго.

Джо кончилъ работать, а съ тѣмъ вмѣстѣ прекратились ревъ огня и шумъ мѣховъ. Надѣвъ свой сюртукъ, Джо, набравшись вдругъ откуда то храбрости, предложилъ, чтобы кто-нибудь изъ насъ отправился съ солдатами, чтобы видѣть, чѣмъ кончится поимка. Мистеръ Пембельчукъ и мистеръ Хебль заявили, что они предпочитаютъ трубку и общество дамъ, зато мистеръ Уопсель сказалъ, что онъ не прочь пойти, если и Джо пойдетъ. Джо отвѣчалъ, что это ему очень пріятно и что онъ возьметъ меня съ собою, если мистриссъ Джо позволитъ. Я увѣренъ, что насъ ни за что не пустили бы, не будь затронуто любопытство мистриссъ Джо, которой очень хотѣлось поскорѣе знать, чѣмъ все это кончится. Вотъ почему она отвѣчала:

— Если только ты принесешь мнѣ мальчишку съ раздробленной выстрѣлами головой, то не думай, пожалуйста, что я займусь починкой ея.

Сержантъ вѣжливо простился съ дамами и по товарищески разстался съ мистеромъ Пембельчукомъ; сомнѣваюсь, чтобы онъ былъ въ той же степени чувствителенъ къ заслугамъ этого джентльмена при болѣе сухихъ обстоятельствахъ, чѣмъ были настоящія. Солдаты взяли ружья и выстроились. Мистеру Уопселю, Джо и мнѣ сдѣлано было строжайшее внушеніе, чтобы мы держались позади всѣхъ и не говорили ни слова, когда доберемся до болотъ. Когда мы вышли изъ дому и направились къ мѣсту назначенія я самымъ измѣнническимъ образомъ шепнулъ Джо на ухо:

— Надѣюсь, Джо, что мы не найдемъ ихъ.

— Я готовъ дать цѣлый шиллингъ, только бы имъ удалось удрать отъ насъ, Пипъ!—шепнулъ мнѣ Джо въ отвѣтъ.

Изъ деревни никто не присоединился къ намъ, потому что погода была холодная и пасмурная, дорога грязная и скользкая, становилось темно, а внутри домовъ было такъ тепло и свѣтло, что никому не было охоты выходить за дверь. Нѣсколько человѣкъ показались у освѣщенныхъ оконъ, посмотрѣли съ любопытствомъ на насъ, но никто изъ нихъ не вышелъ. Мы прошли мимо столба съ указательнымъ пальцемъ и направились прямо къ кладбищу. Здѣсь мы остановились по данному сержантомъ знаку и два или три солдата обошли по тропинкамъ могилы и обыскали паперть, но никого не нашли. Послѣ того мы двинулись прямо къ открытымъ болотамъ, выйдя черезъ боковыя ворота кладбища. Насъ сразу обдало изморозью, навѣянной восточнымъ вѣтромъ и Джо посадилъ меня на спину.

Когда мы вышли на это открытое пустынное мѣсто, гдѣ всего какихъ-нибудь восемь или девять часовъ тому назадъ я видѣлъ

обоихъ несчастныхъ, у меня въ головѣ мелькнула ужасная мысль не подумаетъ ли мой колодникъ, когда его найдутъ, что это я выдалъ его солдатамъ? Онъ спрашивалъ меня, не вздумалъ ли я надуть его, и сказалъ, что я былъ бы гадкимъ щенкомъ, если бы вздумалъ присоединиться къ травлѣ на него. Неужели онъ подумаетъ, что я, дѣйствительно, обманщикъ и гадкій щенокъ, измѣнническимъ образомъ выдавшій его?

Но теперь безполезно было разрѣшать такіе вопросы. Я былъ здѣсь, на спинѣ Джо, а Джо былъ подо мною и перепрыгивалъ черезъ канавы, какъ охотничья лошадь, уговаривая все время мистера Уопселя держаться поближе къ намъ и не падать на свой римскій носъ. Солдаты шли впереди насъ, вытянувшись въ длинную линію и на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга. Мы шли по той же дорогѣ, по которой я шелъ недавно и съ которой я изъ-за тумана уклонился въ сторону. Теперь туманъ не подпимался еще или, быть можетъ, его разсѣялъ вѣтеръ, такъ что при красноватомъ отблескѣ заходящаго солнца ясно были видны вѣхи и висѣлицы, батарейный валъ и противоположный берегъ рѣки, хотя все это было подернуто какою-то мутноватою сѣрою дымкою.

Съ бьющимся отъ страха сердцемъ, которое колотилось о широкое плечо кузнеца Джо, я озирался кругомъ, нѣтъ ли гдѣ признаковъ присутствія колодниковъ. Но я ничего не видѣлъ и не слышалъ. Мистеръ Уопсель въ началѣ страшно пугалъ меня своимъ сопѣньемъ и тяжелымъ дыханьемъ, но затѣмъ я привыкъ къ этимъ звукамъ и не могъ бы уже больше мѣшать ихъ съ предметомъ нашего преслѣдованія. На меня напалъ невыразимый ужасъ, когда мнѣ показалось, что я слышу визгъ напилка, но это оказалось колокольчикомъ овцы, которая перестала вдругъ ѣсть и робко смотрѣла на насъ. Рогатый скотъ, стоявшій спиной къ вѣтру и дождю, злобно смотрѣлъ на насъ, какъ бы считая насъ виновными во всѣхъ своихъ невзгодахъ. Но кромѣ колокольчика и движеній стада, да легкаго шелеста травы, освѣщенной блѣдными лучами умирающаго дня, ничего не нарушало окружающей насъ тишины.

Солдаты шли по направленію къ старой батареѣ, а мы двигались на нѣкоторомъ разстояніи позади нихъ, когда вдругъ всѣ мы сразу остановились. Къ намъ, на крыльяхъ вѣтра и дождя, донесся неожиданно громкій крикъ. Спустя минуту крикъ снова повторился. Онъ былъ громкій и протяжный и слышался съ восточной стороны. Судя по разнообразнымъ звукамъ его, можно было заключить, что кричатъ два человѣка или даже болѣе.

Сержантъ и стоявшіе къ нему ближе о чемъ-то шепотомъ совѣщались между собой, когда мы съ Джо подошли къ нимъ. Джо прислушался и (какъ хорошій судья) одобрилъ и мистеръ

Уопсель (какъ худой судья) также одобрилъ. Сержантъ, человѣкъ вообще рѣшительный, отдалъ приказаніе, чтобы никто не отвѣчалъ на крики, и прибавилъ, что теперь слѣдуетъ измѣнить направленіе и двигаться „туда“ вдвое скорѣе. Мы повернули поэтому направо (т. е. на востокъ) и Джо несся теперь такъ, что я еле держался у него на спинѣ.

Джо назвалъ это не бѣгомъ, а вихремъ,—единственное слово, произнесенное имъ за все это время. Мы неслись съ холма на холмъ, перелѣзали черезъ изгороди, хлюпали по канавамъ, пробирались сквозь кустарники, не обращая вниманія на то, кто и куда ступалъ. Чѣмъ ближе подходили мы къ тому мѣсту, откуда слышался крикъ, тѣмъ яснѣе становилось, что кричитъ не одинъ человѣкъ, а больше. Временами, когда смолкалъ крикъ, солдаты также останавливались. Когда онъ снова подымался, солдаты быстрѣе прежняго неслись впередъ, а мы за ними. Скоро мы были уже такъ близко, что могли различать голоса; одинъ кричалъ:—„рѣжутъ!“,—а затѣмъ другой:—„Колодники! Бѣглые! Скорѣй! Здѣсь бѣглые каторжники!“—Затѣмъ голоса заглушались борьбой, а спустя минуту становились опять громче. Солдаты пустились, какъ безумные, впередъ, а за ними мы съ Джо.

Сержантъ добѣжалъ первый туда, гдѣ слышался шумъ борьбы и вслѣдъ за нимъ двое его солдатъ. У нихъ были уже взведены курки, когда мы добѣжали къ нимъ.

— Вотъ они оба! — кричалъ сержантъ, спустившійся въ ровъ.—Сдавайтесь, звѣри!

Во всѣ стороны летѣли брызги воды и грязи, раздавались ужасныя проклятія, сыпались удары, когда подоспѣли остальные солдаты, чтобы помочь сержанту и вытащить одинъ по одному, сначала моего знакомаго колодника, а затѣмъ другого. Оба были окровавлены и покрыты грязью, оба изрыгали проклятія и порывались драться, но я сразу узналъ ихъ обоихъ.

— Замѣтьте себѣ,—сказалъ мой колодникъ, отирая кровь съ лица рваными рукавами и стряхивая съ пальцевъ вырванные имъ волоса:—я словилъ его! Я выдалъ его! Замѣтьте себѣ это!

— Не о чемъ тутъ много разговаривать!—сказалъ сержантъ.—Ничего этимъ не выиграете, любезнѣйшій, оба попались. Колодки сюда!

— Я не хочу никакого выигрыша... лучше того, что мнѣ удалось сдѣлать, я не желаю,—отвѣчалъ мой колодникъ съ злобнымъ смѣхомъ.—Я словилъ его! Онъ знаетъ это... ну и довольно съ меня.

Другой колодникъ былъ блѣденъ, какъ смерть и теперь у него были въ синякахъ не одна только лѣвая сторона лица, но и весь онъ былъ избитъ и израненъ. Онъ задыхался и молчалъ до тѣхъ

поръ, пока ихъ обоихъ заковали порознь; онъ еле стоялъ, опираясь на плечо солдата.

— Замѣтьте, сержантъ!...Онъ пытался убить меня,—были первыя слова его.

— Пытался убить его?—сказалъ мой колодникъ съ пренебреженіемъ.—Пытался и не сдѣлалъ! Я словилъ его и выдалъ... вотъ что я сдѣлалъ! Я не только помѣшалъ ему уйти съ болотъ, я притащилъ его сюда... притащилъ его назадъ. Онъ джентльменъ, видите ли, этотъ мерзавецъ! Ну-съ!... Понтоны получатъ обратн. своего джентльмена, и благодаря мнѣ. Убить его? Стоило мнѣ убивать его, когда я могъ сдѣлать хуже, притащивъ его обратно сюда

— Онъ пытался... пытался... убить меня. Будьте свидѣтелями.

— Слушайте! — сказалъ мой колодникъ сержанту. — Я самъ безъ чьей либо помощи бѣжалъ съ судна; я надулъ всѣхъ и бѣжалъ. Я могъ бы свободно удрать и съ этихъ болотъ... Смотрите на мою ногу! На ней, видите, немного желѣза... И удралъ бы, не узнай я только, что „онъ" здѣсь... Пустить „его" на свободу? Позволить ему воспользоваться тѣми средствами, которыя я самъ себѣ добылъ! Дать ему возможность распоряжаться мною для собственныхъ своихъ цѣлей! Опять? Нѣтъ нѣтъ и нѣтъ! Умри я даже на днѣ этой канавы,—сказалъ онъ, драматически потрясая руками въ кандалахъ,—я такъ крѣпко держалъ бы его руками, что онъ не вырвался бы изъ нихъ безъ вашей помощи.

Второй колодникъ, который испытывалъ очевидный ужасъ къ своему товарищу, снова повторилъ:

— Онъ пытался убить меня... я былъ бы уже мертвый человѣкъ, не приди вы во время.

— Онъ лжетъ!—сказалъ мой колодникъ.—Онъ лжецъ прирожденный и умретъ лжецомъ. Взгляните на его лицо... Развѣ на немъ не написана ложь? Заставьте его взглянуть мнѣ прямо въ глаза... Пусть-ка взглянетъ, если можетъ!

Второй колодникъ попытался было скорчить презрительную улыбку, но это не удалось ему въ виду судорожныхъ подергиваній рта; онъ окинулъ взоромъ солдатъ, затѣмъ болота и небо, но не взглянулъ на говорившаго.

— Видите?—продолжалъ мой колодникъ.—Видите, какой онъ негодяй! Видите вы эти хитрые, бѣгающіе глаза? Вотъ такіе они были у него, когда насъ судили вмѣстѣ... Онъ и тогда ни разу не взглянулъ на меня.

Второй колодникъ, который все время двигалъ своими сухими губами, тревожно поглядывая во всѣ стороны, взглянулъ на говорившаго, со словами „не таковъ ты, чтобы смотрѣть на тебя!" и бросилъ полу-презрительный взглядъ на свои скованныя руки. Слова эти привели въ такое бѣшенство моего колодника, что онъ бросился бы на него безъ вмѣшательства солдатъ.

— Говорилъ я вамъ,—сказалъ второй колодникъ,—что онъ убилъ бы меня, если бы могъ.

Онъ, дѣйствительно, дрожалъ весь отъ страха, и губы его покрылись странными бѣлыми пятнами, похожими на хлопья снѣга.

— Будетъ вамъ болтать! — сказалъ сержантъ. — Зажигайте факелы!

Когда одинъ изъ солдатъ, который несъ корзину вмѣсто ружья, сталъ на колѣни, чтобы открыть ее, мой колодникъ въ первый разъ оглянулся кругомъ и увидѣлъ меня. Я спустился со спины Джо, когда мы пришли сюда, и стоялъ на краю канавы, не двигаясь съ мѣста. Я поспѣшилъ взглянуть на него, когда онъ повернулся ко мнѣ и задвигалъ слегка руками и головой. Мнѣ хотѣлось, чтобы онъ внимательнѣе взглянулъ на меня и понялъ, что я не виноватъ. Ничто, однако, не показало мнѣ, чтобы я достигъ своей цѣли; онъ только бросилъ на меня странный взглядъ, котораго я не понялъ, но это было лишь одно мгновеніе, и затѣмъ, смотри я на него хоть цѣлый часъ или цѣлый день, я думаю, ничего нельзя было бы разсмотрѣть на его лицѣ, кромѣ страннаго, сосредоточеннаго выраженія.

Солдатъ съ корзинкой высѣкъ огонь, зажегъ три, четыре факела, одинъ взялъ себѣ, а остальные отдалъ. Раньше уже было почти темно, теперь становилось еще темнѣе и скоро должно было совсѣмъ стемнѣть. Передъ тѣмъ, какъ мы двинулись съ мѣста, четыре солдата стали въ кружокъ и два раза выстрѣлили на воздухъ. Вскорѣ послѣ этого показались другіе факелы на нѣкоторомъ разстояніи позади насъ, а затѣмъ еще на болотахъ, находившихся на противоположной сторонѣ рѣки.

— Все въ порядкѣ,—сказалъ сержантъ.—Маршъ!

Не успѣли мы отойти нѣсколько шаговъ, какъ раздался выстрѣлъ изъ трехъ пушекъ, отъ котораго мнѣ показалось, будто что то лопнуло у меня въ ушахъ.

— Васъ ждутъ на бортѣ судна,—сказалъ сержантъ моему колоднику.—Они знаютъ, что вы пожалуете сейчасъ. Не отставайте, любезнѣйшій! Идите ближе къ намъ!

Колодники шли отдѣльно другъ отъ друга и каждый изъ нихъ былъ окруженъ отдѣльной стражей. Я держалъ руку Джо, который также несъ факелъ. Мистеръ Уопсель настаивалъ на томъ, чтобы вернуться назадъ, но Джо рѣшилъ видѣть все до конца, а потому мы двинулись за отрядомъ Теперь мы шли по довольно порядочной тропинкѣ, большею частью вдоль берега, изрѣдка уклоняясь въ сторону тамъ, гдѣ попадались плотины съ небольшими вѣтряными мельницами, и грязными шлюзами. Я оглянулся назадъ и увидѣлъ нѣсколько огоньковъ, приближавшихся къ намъ. Отъ факеловъ, которые мы несли съ собою, разносились во всѣ сто-

роны крупныя брызги и, падая на дорогу, мгновенно гасли и дымились. Кругомъ я ничего не видѣлъ кромѣ непроницаемой тьмы. Широкое пламя смолистыхъ факеловъ согрѣвало воздухъ, окружающій насъ, что, повидимому, очень нравилось несчастнымъ колодникамъ, которые тащились, прихрамывая, среди солдатъ. Мы шли очень медленно, такъ какъ они были до того истощены, что мы два или три раза дѣлали даже привалъ, чтобы дать имъ небольшой отдыхъ.

Часъ или около этого шли мы такимъ образомъ, пока не остановились, наконецъ, у грубой, сколоченной изъ бревенъ лачужки, стоявшей у самой пристани. Караулъ, находившійся внутри лачуги, окликнулъ насъ и сержантъ отвѣчалъ ему. Войдя въ лачугу, пропитанную запахомъ табаку и извести, мы нашли тамъ яркій огонь, зажженную лампу, стойку съ ружьями, барабанъ, низкую деревянную кровать, похожую на огромный катокъ безъ механизма и вмѣщающую въ себѣ сразу человѣкъ двѣнадцать. Четыре солдата, лежавшіе на ней въ сѣрыхъ шинеляхъ, не особенно заинтересовались нашимъ появленіемъ; они подняли головы, взглянули на насъ сонными глазами и снова улеглись. Сержантъ отдалъ рапортъ, сдѣлалъ какую то запись въ книгу и затѣмъ приказалъ вести на понтонъ колодника, котораго я называю вторымъ колодникомъ.

Мой колодникъ за все это время одинъ только разъ взглянулъ на меня. Пока мы оставались въ лачугѣ, онъ стоялъ у огня, то задумчиво поглядывая на него, то ставя на рѣшетку по очереди одну ногу за другой и посматривая на окружающихъ, какъ бы сожалѣя о томъ, что они столько проходили изъ за него. Вдругъ онъ повернулся къ сержанту и сказалъ:

— Я желаю сообщить кое что, относящееся къ моему побѣгу. Это избавитъ нѣкоторыхъ лицъ отъ подозрѣній, которыя должны относиться ко мнѣ.

— Можете говорить, что хотите,—сказалъ сержантъ, стоя со сложенными руками и холодно посматривая на него,—хотя никто не проситъ васъ говорить объ этомъ здѣсь. Много еще случаевъ представится вамъ говорить и слушать объ этомъ, прежде, чѣмъ все это кончится.

— Знаю, но это совсѣмъ другое и къ тому дѣлу не относится. Человѣкъ не можетъ голодать, ну я не могъ. Я взялъ кое что изъ съѣстного вотъ тамъ, въ той деревнѣ... гдѣ стоитъ церковь... почти за самимъ болотомъ.

— То есть, по просту говоря, украли,—сказалъ сержантъ.

— И скажу даже у кого... у кузнеца.

— Эге!—воскликнулъ сержантъ, повернувшись къ Джо.

— Эге, Пипъ!—воскликнулъ Джо, глядя на меня.

— Это были куски разной пищи... вотъ что это было... бутылка водки и пирогъ.

— У васъ, дѣйствительно, пропалъ какой то пирогъ, кузнецъ?—спросилъ сержантъ.

— Жена что то говорила объ этомъ въ ту самую минуту, когда вы вышли. Не такъ ли, Пипъ?

— Такъ это вы кузнецъ?—сказалъ мой колодникъ, угрюмо поглядывая на Джо и никакого вниманія не обращая на меня.—Жаль очень, но что же дѣлать! Я съѣлъ вашъ пирогъ.

— На здоровье, Богъ съ вами! Онъ собственно не мой,—отвѣчалъ Джо, вспомнивъ въ эту минуту о мистриссъ Джо.—Мы не знаемъ, что вы сдѣлали, но изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобы вы умирали съ голоду, несчастный вы человѣкъ. Правду я говорю, Пипъ?

Что то, еще раньше замѣченное мною, зазвенѣло снова въ горлѣ колодника и онъ отвернулся отъ насъ. Лодка тѣмъ временемъ вернулась, караулъ былъ готовъ и мы отправились къ пристани, сдѣланной изъ грубыхъ свай и камней и увидѣли, какъ его посадили въ лодку, гребцами которой были такіе же колодники, какъ и самъ онъ. Никто изъ нихъ не выразилъ ни удивленія, ни любопытства, ни радости, ни горя при видѣ его; всѣ они молчали и только кто то, сидѣвшій въ лодкѣ, крикнулъ имъ, точно собакамъ:—„отчаливай!“ Лодка тотчасъ же отчалила отъ берега. При свѣтѣ факеловъ мы увидѣли черный понтонъ, который напоминалъ собою Ноевъ ковчегъ и стоялъ въ недалекомъ разстояніи отъ прибрежной грязи. Окованный желѣзомъ и скрѣпленный массивными ржавыми цѣпями корабль-тюрьма казался мнѣ такимъ же скованнымъ, какъ и жившіе на немъ преступники. Мы видѣли, какъ къ нему подплыла лодка, какъ бѣглеца взяли на бортъ, гдѣ онъ куда то скрылся. Остатки факеловъ бросили въ воду; падая туда, они шипѣли и гасли и, казалось, что все кончалось съ ними.

Глава шестая.

Состояніе духа, вызванное совершеннымъ мною воровствомъ, отъ обвиненія въ которомъ я такъ неожиданно избавился, ничуть не побудило меня къ откровенности, хотя въ основѣ этой скрытности лежало несомнѣнно хорошее чувство.

Что касается мистриссъ Джо, то не помню, чтобы я особенно мучился угрызеніями совѣсти, когда прошелъ страхъ, что воровство мое откроется. Но я любилъ Джо, который съ раннихъ лѣтъ моихъ привязалъ меня къ себѣ, и не могъ поэтому чувствовать себя совершенно покойнымъ. Временами мнѣ приходило въ голову (особенно когда онъ искалъ свой напилокъ) открыть ему всю правду. Но я не дѣлалъ этого изъ боязни, что онъ станетъ

считать меня хуже, чѣмъ я былъ на самомъ дѣлѣ. Страхъ потерять довѣріе Джо и мысль о томъ, что, сидя у огня, я не буду имѣть права смотрѣть по прежнему прямо въ глаза своему другу и товарищу, связывала мой языкъ. Съ болью въ сердцѣ представлялъ я себѣ, что всякій разъ, когда онъ будетъ задумчиво расправлять свои красивые бакенбарды, мнѣ будетъ казаться, что въ ту минуту онъ размышляетъ, быть можетъ, о моемъ поступкѣ. Всякій разъ, когда онъ взглянетъ на мясо или пудингъ, поданные, какъ и сегодня, на столъ, онъ задаетъ себѣ вопросъ, былъ ли я въ кладовой или нѣтъ? Въ тѣхъ случаяхъ нашей домашней жизни, когда подавалось пиво, онъ, взявъ свой стаканъ, замѣтитъ, что оно или слишкомъ жидко, или слишкомъ густо, мнѣ покажется, что онъ заподозрилъ, нѣтъ ли въ немъ дегтю, и кровь бросится мнѣ въ лицо. Я былъ, однимъ словомъ, такъ же труслнвъ для того, чтобы поступить, какъ слѣдовало, какъ я былъ труслнвъ и для того, чтобы избѣжать поступка, который я считалъ завѣдомо худымъ. Въ то время я не имѣлъ никакихъ сношеній съ міромъ и не имѣлъ понятія о людяхъ, которые поступали такимъ образомъ. Я, какъ геній самоучка, самъ изобрѣталъ для себя извѣстный образъ дѣйствій.

Я былъ совсѣмъ сонный, когда мы двинулись въ обратный путь; Джо посадилъ меня снова къ себѣ на спину и не спускалъ до самаго дома. Утомленный совершеннымъ путешествіемъ мистеръ Уопсель пришелъ въ такое скверное настроеніе духа, что будь духовное поприще открыто для всѣхъ, онъ навѣрное отлучилъ бы отъ церкви всю нашу экспедицію, начиная съ Джо и меня. Въ виду же того, что онъ былъ человѣкъ мірской, онъ упрямился и то и дѣло садился отдыхать на сырую землю. Когда, возвратившись домой, онъ снялъ свой сюртукъ, чтобы просушить его въ кухнѣ у огня, то штаны его оказались въ такомъ состояніи, что будь онъ уголовнымъ преступникомъ, эти штаны, пожалуй, довели бы его до висѣлицы, какъ самая зловѣщая улика.

Когда Джо спустилъ меня почти совсѣмъ соннаго на полъ кухни, то я, пораженный неожиданнымъ шумомъ голосовъ и ослѣпленный свѣтомъ огня, стоялъ нѣсколько времени, шатаясь, какъ пьяный. Пришелъ я окончательно въ себя послѣ здороваго тумака, нанесеннаго мнѣ въ спину, и живительнаго восклицанія моей сестры:

— Ну, что это за скверный мальчикъ!

Джо разсказывалъ въ это время исповѣдь колодника, послѣ чего всѣ гости наперерывъ другъ передъ другомъ занялись разсужденіями о томъ, какимъ образомъ онъ могъ попасть въ кладовую? Мистеръ Пембельчукъ выразилъ мнѣніе, что онъ прежде всего взобрался на крышу кузницы, затѣмъ, перешелъ на крышу дома и спустился въ кухню черезъ трубу при помощи веревки,

скрученной изъ простыни, которую онъ предварительно разрѣзалъ на полосы. Такъ какъ мистеръ Пембельчукъ былъ человѣкъ положительный и ѣздилъ въ своей собственной одноколкѣ, то всѣ тотчасъ же соглашались съ нимъ. Одинъ только мистеръ Уопсель, озлобленный усталостью, крикнулъ ему:—„Нѣтъ!“ Но такъ какъ у него не было никакой теоріи для опроверженія словъ мистера Пембельчука, не было сюртука и къ тому же онъ стоялъ спиной къ огню, вслѣдствіе чего паръ такъ и валилъ отъ его штановъ (что не могло внушить къ нему довѣрія), то никто рѣшительно не обратилъ вниманія на его восклицаніе.

Вотъ все, что я слышалъ до того момента, когда сестра схватила меня и, чтобы я не оскорблялъ общества своимъ соннымъ видомъ, потащила меня въ кровать, причемъ мнѣ казалось, что на ногахъ у меня надѣто по меньшей мѣрѣ пятьдесятъ сапогъ и всѣ они колотятся о края ступенекъ лѣстницы. Состояніе духа, о которомъ я говорилъ выше, началось у меня со слѣдующаго утра и продолжалось еще и тогда, когда всѣ уже забыли о случившемся и, если вспоминали о немъ, то лишь при какихъ нибудь исключительныхъ обстоятельствахъ.

Глава седьмая.

Въ то время, когда я читалъ надписи на могильныхъ памятникахъ, я читалъ слова только по складамъ. Понятіе мое о значеніи ихъ было также не особенно правильно и слова „жена вышереченнаго“ говорили по моему о томъ, что отецъ мой переселился въ лучшій міръ. Будь у кого нибудь изъ моихъ умершихъ родныхъ надпись „нижереченный“, я бы несомнѣнно составилъ самое худое мнѣніе объ этомъ членѣ нашей семьи. Богословскія познанія мои, составленныя мною по катехизису, не отличались, въ свою очередь, большою ясностью. Такъ, напримѣръ, я прекрасно помню, что выученный мною текстъ:—„ходяй въ путѣхъ сихъ во вся дни живота своего“, я понималъ, какъ обязательство, выходя изъ дому, идти черезъ деревню въ одномъ извѣстномъ направленіи, ни на іоту не уклоняясь съ него въ сторону.

Сестра моя рѣшила, что я буду ученикомъ Джо, когда достигну извѣстнаго возраста, а до тѣхъ поръ меня не слѣдуетъ баловать и пріучать къ бездѣлью. Поэтому я не только исполнялъ обязанности посыльного мальчика при кузнецѣ, но всякій разъ, когда кому нибудь изъ сосѣдей нуженъ былъ мальчикъ, чтобы пугать птицъ, собирать камни или дѣлать что нибудь другое въ этомъ родѣ, меня тотчасъ же отправили туда. Не желая, однако, компрометировать занимаемаго нами высокаго положенія, въ кухнѣ надъ каминомъ повѣсили копилку, которую показывали всѣмъ и говорили, что въ нее прячется мой заработокъ.

Я всегда думалъ, что деньги эти шли исключительно на ликвидацію государственныхъ долговъ и никогда не надѣялся, чтобы сокровище это досталось мнѣ.

Тетка мистера Уопселя содержала у насъ въ деревнѣ вечернюю школу, или говоря вѣрнѣе, эта странная старушка, имѣвшая ограниченныя средства и неограниченное количество недуговъ, каждый вечеръ отъ шести до семи часовъ спала въ обществѣ дѣтей, которыя платили ей по два пенса въ недѣлю за удовольствіе полюбоваться этимъ зрѣлищемъ. Она нанимала небольшой коттеджъ, въ верхней комнатѣ котораго помѣщался мистеръ Уопсель; мы, ученики, часто слышали, какъ онъ тамъ что то декламировалъ ужаснымъ и торжественнымъ голосомъ и по временамъ такъ топалъ ногами, что даже потолокъ надъ нами дрожалъ. Каждую четверть года мистеръ Уопсель „экзаменовалъ“ насъ учениковъ. Экзаменъ этотъ заключался въ томъ, что онъ заворачивалъ свои рукава, взъерошивалъ волоса и декламировалъ намъ рѣчь Марка Антонія надъ тѣломъ Юлія Цезаря. Затѣмъ слѣдовала ода о страстяхъ Коллинса, въ которой мистеръ Уопсель особенно отличался въ роли Мщенія, когда оно бросаетъ свой окровавленный мечъ и съ печальнымъ взглядомъ беретъ свою трубу, чтобы возвѣстить войну. Въ то время я былъ совсѣмъ не тотъ, какимъ былъ въ послѣдующую свою жизнь, когда я попалъ въ общество страстей и сравнилъ ихъ со страстями Коллинса и Уопселя, причемъ получилось сравненіе далеко не говорящее въ пользу обоихъ этихъ джентльменовъ.

Тетка мистера Уопселя содержала въ той же комнатѣ, гдѣ у нея было учебное заведеніе, также и мелочную лавочку. Она положительно не имѣла никакого понятія о томъ, какіе у нея были товары и какова была ихъ цѣна, но у нея въ столѣ всегда хранилась записная книга съ прейсъ-курантомъ, по которому Бидди вела торговлю въ лавкѣ. Бидди была внучкой тетки мистера Уопселя; собственно говоря, я никогда не могъ рѣшить, въ какомъ родствѣ она находилась съ мистеромъ Уопселемъ. Она была сирота, какъ я, и воспитана была тоже „въ рукопашную“, какъ я. Замѣчательна она была главнымъ образомъ своими оконечностями: волоса у нея всегда были не причесаны, руки не умыты, башмаки на ногахъ порваны и истоптаны. Такъ ходила она всю недѣлю вплоть до воскресенья, а въ воскресенье расфуфыривалась и отправлялась въ церковь.

Собственными силами и съ помощью Бидди, а не тетки мистера Уопселя, пробирался я черезъ трудности азбуки, словно сквозь дебри колючихъ кустарниковъ, мучась и обливаясь потомъ надъ каждой буквой. Изъ колючихъ кустарниковъ я попадалъ къ разбойникамъ, состоящимъ изъ девяти цифръ, которыя переодѣвались каждый вечеръ до неузнаваемости. Въ концѣ концовъ я все

таки началъ читать, писать и считать, хотя дѣлалъ это какъ то ощупью.

Въ одинъ прекрасный вечеръ я сидѣлъ у камина со своей аспидной доской и съ неимовѣрными усиліями сочинялъ письмо къ Джо. Прошло уже больше года послѣ нашей охоты на болотахъ и въ этомъ году у насъ стояла зима съ очень сильными морозами. Съ помощью азбуки, лежавшей у моихъ ногъ, мнѣ удалось кое какъ нацарапать слѣдующее посланіе:

„мОЙ милОй ДЖО наДЕсь ТыжиВеш ХорШо я сКоро вы У чюспИсат ТБ и буДУ раД ТОда поТму БУ дю Все Учин и Т Б мОгУ пИсаТ Лу Б асчи Т б П и П“.

У меня въ данный моментъ не было крайней необходимости писать Джо, такъ какъ онъ сидѣлъ рядомъ со мной и мы были съ нимъ одни. Но дѣло въ томъ, что я самъ написалъ это и собственными руками передалъ аспидную доску Джо, которую тотъ принялъ съ благоговѣніемъ, какъ нѣкое чудо эрудиціи.

— Ну, Пипъ, дружище ты мой!—воскликнулъ Джо, широко раскрывая свои голубые глаза.—И ученый же ты! Не правда развѣ?

— Да, мнѣ хочется быть ученымъ,—отвѣчалъ я, поглядывая на доску съ нѣкоторой неувѣренностью при видѣ того, какъ буквы шли постепенно въ гору.

— Вотъ дѣсь Д и Ж,—сказалъ Джо,—а вотъ О. Значитъ Д и Ж и О, Пипъ!... Д—Ж—О выйдетъ Джо.

Я никогда не слышалъ, чтобы Джо читалъ что нибудь, кромѣ этого односложнаго слова, Какъ то разъ въ воскресенье, когда мы съ нимъ сидѣли вмѣстѣ и я случайно перевернулъ свой молитвенникъ вверхъ ногами, я замѣтилъ, что онъ читалъ молитвы такъ же свободно, какъ и въ томъ случаѣ, когда я держалъ книгу правильно. Желая воспользоваться настоящимъ случаемъ и выяснить себѣ, насколько ученъ Джо, я тотчасъ же приступилъ къ этому и сказалъ:

— А теперь прочитай все остальное, Джо!

— Ишь ты, Пипъ! Все остальное,—сказалъ Джо, съ недоумѣніемъ пробѣгая по доскѣ глазами.—Разъ, два, три. Здѣсь вотъ три ДЖС, и три ОС, и три ДЖО... правда, Пипъ?

Я склонился къ нему и, водя указательнымъ пальцемъ по доскѣ, прочелъ ему все письмо.

— Удивительно!—воскликнулъ Джо, когда я кончилъ.—И ученый же ты!

— Джо, какъ ты складываешь Гарджери?—спросилъ я покровительственнымъ тономъ.

— Да, я его совсѣмъ не складываю,—сказалъ Джо.

— Ну, представь себѣ, что ты складываешь.

— И представить не могу,—отвѣчалъ Джо.—А страсть люблю читать!

— Любишь, Джо?

— Страсть! Дай ты мнѣ хорошую книгу или хорошую газету, да посади меня у камина и ничего мнѣ больше не нужно. Боже ты мой, милостивый!—продолжалъ онъ, потирая себѣ колѣно. Какъ увидишь, что вотъ тутъ стоитъ ДЖ, а тутъ О, ну и знаешь, что вышло Джо. Интересно!

Изъ этихъ словъ я вывелъ заключеніе, что образованіе Джо, какъ и примѣненіе пара, находится еще въ самомъ младенческомъ развитіи, но тѣмъ не менѣе я продолжалъ дальше.

— Ходилъ ты въ школу, Джо, когда былъ такимъ, какъ я?

— Нѣтъ, Пипъ!

— Почему же ты не ходилъ тогда въ школу, Джо?

— Видишь, что я тебѣ скажу, Пипъ,—отвѣчалъ Джо, мѣшая кочергой въ каминѣ, что онъ всегда дѣлалъ, когда думалъ о чемъ нибудь очень серьезномъ.—Отецъ мой былъ страшный пьяница и когда онъ бывало выпьетъ, то дубаситъ мою мать самымъ немилосерднымъ образомъ. Только одна эта наковальня и у него и была, да я еще въ придачу. И билъ онъ меня такъ, какъ никогда не билъ молотомъ по своей наковальнѣ. Ты слушаешь меня, Пипъ, и понимаешь?

— Да, Джо!

— Ну, вотъ, мы, бывало, и удеремъ съ матерью отъ отца. Мать достанетъ какой нибудь заработокъ и скажетъ тогда:—„Слава тебѣ Господи, теперь ты можешь ходить въ школу, Джо, дитя мое!“—И отдаетъ меня въ школу. Но у отца моего, видишь ли, была та хорошая сторона, что онъ не могъ жить безъ насъ. Придетъ, бывало, съ толпой молодцовъ и подыметъ такой шумъ у дверей домовъ, гдѣ мы жили, что хозяева перепугаются и выдадутъ насъ. Ну, приведетъ насъ домой и начнетъ дубасить. Понимаешь теперь, Пипъ,—продолжалъ Джо послѣ нѣсколькихъ минутъ безмолвнаго помѣшиванія въ каминѣ,—почему я не учился?

— Понимаю, бѣдный Джо!

— Видишь-ли, Пипъ,—продолжалъ Джо, проведя кочергой раза два по рѣшеткѣ,—мы должны отдавать каждому должное и справедливо относиться къ людямъ. А у отца было доброе сердце... Развѣ ты этого не видишь?

Я этого не видѣлъ, но не противорѣчилъ ему.

— Такъ вотъ,—продолжалъ Джо,—надо же кому нибудь варить кашу, а не будетъ никто варить, Пипъ, такъ и каши не будетъ.

Я подтвердилъ его слова.

— А потому и мой отецъ не препятствовалъ мнѣ идти

учиться работать. Я выучился своему ремеслу, которымъ и онъ занимался бы, захоти онъ только... И я усердно работалъ, увѣряю тебя, Пипъ! Я зарабатывалъ столько, что могъ содержать отца и содержалъ его, пока онъ не умеръ отъ паралича. Я было хотѣлъ вырѣзать стихи на его надгробномъ камнѣ:—„Вспомни, о читатель! что человѣкъ сей, былъ добродѣтеленъ въ жизни своей“.

Джо произнесъ эти стихи съ такою гордостью, что я спросилъ, не самъ ли онъ сочинилъ ихъ.

— Да, самъ,—отвѣчалъ Джо.—Я сочинилъ ихъ въ одну минуту. Мнѣ это было все равно, что подковать лошадь. Никогда, во всю жизнь свою не былъ я такъ удивленъ... не вѣрилъ даже своимъ собственнымъ глазамъ... Такъ вотъ, Пипъ, я говорилъ уже тебѣ, что хотѣлъ ихъ вырѣзать на камнѣ; но поэзія стоитъ денегъ, хоть маленькими буквами вырѣзывай, хоть большими,... ну я и не вырѣзалъ. Я не говорю ужъ о похоронахъ, а тутъ надо было деньги беречь для матери. У нея было совсѣмъ слабое и разстроенное здоровье. Недолго протянула она послѣ него, бѣдняжка... и скоро наступили ея очередь идти на покой.

Голубые глаза Джо подернулись влагой и онъ, не смотря на всѣ неудобства такого способа, потеръ себѣ сначала одинъ глазъ, затѣмъ другой, круглымъ концомъ каменной кочерги.

— Мнѣ было такъ скучно жить одному,—продолжалъ Джо,—и я познакомился съ твоей сестрой, Пипъ! Ну, знаешь,—и Джо рѣшительно взглянулъ на меня, точно предчувствуя, что я могу не согласиться съ нимъ,—твоя сестра красивая женщина.

Чтобы не показать ему своего сомнѣнія въ послѣднемъ фактѣ, я поспѣшно отвернулся къ огню.

— Пусть себѣ говоритъ семья, что хочетъ, пусть весь міръ говоритъ объ этомъ, что хочетъ, а я скажу тебѣ, Пипъ,—Джо послѣ каждаго слова ударялъ кочергой по рѣшеткѣ камина,—твоя сестра кра-си-ва-я жен-щи-на!..

Я ничего не могъ придумать, что ему сказать, кромѣ слѣдующаго:

— Я очень радъ, что ты такъ думаешь, Джо!

— И я также,—отвѣчалъ Джо,—радъ, что такъ думаю, Пипъ! Какое мнѣ дѣло до ея красноты и костлявости, Пипъ!

Я отвѣтилъ ему, что если ему нѣтъ дѣла до этого, то и никому другому нѣтъ дѣла.

— Разумѣется!—согласился Джо.—Такъ оно и есть... ты правъ, дружище! Когда я познакомился съ твоей сестрой, всѣ только и говорили о томъ, какъ она воспитала тебя въ рукопашную. Это очень хорошо она сдѣлала, говорили люди, и я говорилъ то же со всѣми людьми. А что касается тебя,—продолжалъ Джо съ такимъ выраженіемъ на лицѣ, какъ будто онъ видѣлъ

что-то противное и непріятное,—ты и представить себѣ не можешь, какой ты былъ тощій, маленькій; кожа да кости... Если бы ты увидѣлъ себя, то не очень то хорошее мнѣніе составилъ бы о себѣ.

Мнѣ это не очень понравилось и я сказалъ ему:

— Оставь меня въ покоѣ, Джо!

— А вѣдь я не оставилъ тебя, Пипъ!—отвѣчалъ онъ съ необыкновенной простотой.—Когда я предложилъ твоей сестрѣ выйти за меня замужъ и обвѣнчаться въ церкви, а она согласилась на это и собралась сопровождать меня въ кузницу, я сказалъ ей:—„Возьмите съ собой и бѣднаго малютку... Богъ да благословитъ его!"—сказалъ я твоей сестрѣ.—„Хватитъ мѣста въ кузницѣ и для него".

Я заплакалъ и, обнявъ Джо, сталъ просить у него прощенія. Джо бросилъ кочергу и обнялъ меня.

— Мы всегда были наилучшими друзьями съ тобой, Пипъ! Не правда-ли? Ну, не плачь же, старый дружище!

Когда прошелъ этотъ маленькій перерывъ, Джо продолжалъ:

— Такъ вотъ, видишь ли, Пипъ, какое дѣло... Когда ты заберешь меня въ свои руки, Пипъ, и станешь учить, (только говорю тебѣ напередъ, что ужасно скучная вещь это ученье, ужасно скучная), то смотри, чтобы мистриссъ Джо не знала этого. Надо все это дѣлать тайкомъ. А почему тайкомъ, сейчасъ скажу, Пипъ!

Онъ снова взялся за кочергу, безъ которой, я думаю, ему было бы трудно продолжать свое объясненіе.

— Сестра твоя предана правительству.

— Правительству, Джо?

Я былъ пораженъ и у меня мелькнула смутная мысль, (и даже, боюсь сказать, надежда), что она хочетъ развестись съ Джо и выйти замужъ за какого нибудь лорда изъ адмиралтейства или казначейства.

— Предана правительству, сказалъ Джо,—это значитъ, что она любитъ командовать тобою и мною.

— О, вонъ что!...

— А потому она не очень то любитъ ученыхъ,—продолжалъ Джо,—и особенно будетъ она противъ того, чтобы я былъ ученымъ... изъ боязни, чтобы я не возсталъ... какъ дѣлаютъ бунтовщики, понимаешь?

Я хотѣлъ просить Джо объяснить мнѣ его слова и сказалъ уже:—„Почему-же..., когда онъ вдругъ перебилъ меня:

— Погоди минутку! Я знаю, что ты хотѣлъ сказать, Пипъ!.. Только погоди минутку... Я не отрицаю, что сестра твоя командуетъ нами, какъ великій моголъ... я не отрицаю, что она подчасъ такъ налетаетъ, что того и гляди на мѣстѣ придушитъ. Въ

такія минуты, когда она разбушуется,—тутъ Джо понизилъ голосъ и со страхомъ взглянулъ на дверь,—такъ ужъ тутъ невольно скажешь, что она настоящая вѣдьма.

Джо произнесъ это слово такъ, какъ будто оно начиналось цѣлой дюжиной В.

— Почему я не возстаю? Это ты хотѣлъ спросить, Пипъ, когда я перебилъ тебя?

— Да, Джо.

— Такъ,—сказалъ Джо, перекладывая кочергу изъ правой руки въ лѣвую, чтобы правой поправить свои бакенбарды. При видѣ этого движенія я потерялъ надежду, что добьюсь отъ него какого либо толку.—Да, сестра твоя—голова!... У, какая голова!

— Что это значитъ?—спросилъ я въ надеждѣ поставить его въ тупикъ. Но Джо нашелся скорѣе, чѣмъ я ожидалъ, и въ свою очередь озадачилъ меня своимъ отвѣтовъ.

— Да, она—голова,—продолжалъ онъ.—А у меня... какая у меня голова!—И онъ снова возвратился къ своимъ бакенбардамъ.—И наконецъ, Пипъ... Это я серьезно говорю тебѣ, дружище... Насмотрѣлся я достаточно на несчастную труженицу, свою мать, какъ всю то жизнь свою мучилась она, подчиняясь, какъ раба какая и ни минуты не имѣя покоя. Съ тѣхъ поръ вотъ я и боюсь идти наперекоръ женщинѣ и готовъ лучше самъ поступиться своими удобствами, чѣмъ заставлять страдать ее. Мнѣ хотѣлось бы только переносить все самому, чтобы никакихъ щекоталокъ для тебя не было, дружище! Эхъ, много чего можно было бы сказать, Пипъ! Надѣюсь, что ты потерпишь... Все вѣдь на свѣтѣ проходитъ.

Какъ ни былъ я еще малъ, но съ этого вечера я почувствовалъ еще больше уваженія къ Джо. Отношенія наши съ нимъ остались прежнія, товарищескія, съ тою разницею, что теперь, глядя на Джо или думая о немъ, я всегда чувствовалъ, что я не только люблю, но и глубоко уважаю его.

— Однако,—сказалъ Джо, вставая, чтобы подложить топлива въ каминъ.—что это значитъ? Часы скоро должны пробить восемь, а она все еще не ѣдетъ. Надѣюсь, что кобыла дяди Пембельчука нигдѣ не поскользнулась на льду и они не опрокинулись.

Въ рыночные дни мистриссъ Джо ѣздила обыкновенно съ дядей Пембельчукомъ на рынокъ, гдѣ она помогла ему дѣлать для домашняго хозяйства разныя закупки, требовавшія женскаго глаза. Дядя Пембельчукъ былъ старый холостякъ и не довѣрялъ своей прислугѣ. Сегодня былъ именно такой день, а потому мистриссъ Джо отправилась съ нимъ на рынокъ.

Джо развелъ яркій огонь, вымелъ золу съ очага и мы пошли съ нимъ къ дверямъ, чтобы послушать, не ѣдетъ ли одноколка. Ночь была холодная, вѣтеръ страшно рѣзкій, а земля твердая и

вся бѣлая отъ изморози. Я невольно подумалъ, что человѣкъ не могъ бы выдержать такой ночи на болотѣ и не замерзнуть. Я взглянулъ на звѣзды и мнѣ представилось, какъ должно быть ужасно, когда человѣкъ, замерзая, смотритъ на хладно мерцающіе въ небѣ огоньки, которые ни помочь ему, ни сжалиться надъ нимъ не могутъ.

— А вотъ и кобыла,—сказалъ Джо,—слышишь, какъ звенятъ ея копыта?... Точно колокольчики.

Кобыла бѣжала скорѣе обыкновеннаго и звукъ ея желѣзныхъ подковъ о твердую, мерзлую землю производилъ чрезвычайно пріятное, музыкальное впечатлѣніе. Мы вынесли стулъ, чтобы мистриссъ Джо было легче выйти изъ экипажа, развели поярче огонь, чтобы онъ виденъ былъ изъ окна, осмотрѣли кухню и прибрали все на мѣсто. Не успѣли мы кончить всѣ эти приготовленія, какъ они уже подъѣхали къ дому. Мистриссъ Джо спустилась на землю первая, а за нею дядя Пембельчукъ, который тотчасъ же прикрылъ свою лошадь попоной. Мы вошли въ кухню всѣ вмѣстѣ и столько принесли съ собою холоду, что, казалось, будто даже огонь потерялъ весь свой жаръ.

— Ну-съ!—сказала мистриссъ Джо, раскутываясь съ необыкновенной поспѣшностью и волненіемъ. Шляпу свою она откинула назадъ, такъ что она болталась у нея на спинѣ, держась на завязкахъ.—Ужъ если теперь мальчикъ этотъ не будетъ благодаренъ, такъ ужъ никогда больше не дождаться отъ него благодарности

Я выглядѣлъ такъ благодарно, какъ только можетъ выглядѣть мальчикъ, которому положительно неизвѣстно, на какомъ основаніи примѣнили къ нему такое выраженіе.

— Будемъ надѣяться по крайней мѣрѣ,—сказала моя сестра,—что его не избалуютъ. Я имѣю основаніе бояться этого

— Она не такова, мемъ!—сказалъ мистеръ Пембельчукъ.—Она ужъ знаетъ.

Она? Я взглянулъ на Джо и сдѣлалъ губами и бровями движеніе, означавшее, „она?“ Джо взглянулъ на меня и сдѣлалъ губами и бровями движеніе, означавшее, „она?“ Увидя, что сестра моя замѣтила этотъ знакъ, онъ провелъ рукою по носу съ обыкновеннымъ въ такихъ случаяхъ умиротворяющимъ видомъ и взглянулъ на нее.

— Ну?—сказала моя сестра рѣзко.—Чего уставился? Домъ загорѣлся, что-ли?

— Кто эта особа, „она?“—вѣжливо спросилъ Джо.

— Она, надѣюсь, всегда она!—отвѣчала моя сестра.—Не „онъ“ ли миссъ Хевишемъ, по твоему? Сомнѣваюсь, чтобы ты такъ далеко зашелъ въ этомъ случаѣ.

— Миссъ Хевишемъ, что въ городѣ?—спросилъ Джо.

— А развѣ тутъ не въ городѣ есть какая нибудь миссъ Хе-

вишемъ?—отвѣчала моя сестра.—Она хочетъ взять мальчика, чтобы тотъ забавлялъ ее. И онъ пойдетъ къ ней. И пусть получше забавляетъ ее, не то я расправлюсь съ нимъ по своему!—и она качнула въ мою сторону головой въ знакъ того, чтобы я былъ исправнѣе на новомъ поприщѣ.

Я слышалъ много разъ о миссъ Хевишемъ, жившей въ городѣ, (всѣ на цѣлыя мили кругомъ насъ знали миссъ Хевишемъ, жившую въ городѣ) какъ о богатой и угрюмой леди, которая жила въ большомъ домѣ, отлично защищенномъ противъ воровъ и вела уединенную жизнь.

— Ну да, разумѣется!—сказалъ Джо.—Удивляюсь только, откуда она знаетъ о Пипѣ!

— Дуракъ!—крикнула моя сестра.—Кто сказалъ тебѣ, что она знаетъ его.

— Кто, собственно говоря, — вѣжливо продолжалъ Джо, — сообщилъ о желанiи ея равлекаться?

— Не могла она развѣ спросить дядю Пембельчука, не знаетъ ли онъ какого нибудь мальчика, который могъ бы развлекать ее? Не можетъ дядя Пембельчукъ снимать у нея въ домѣ квартиру и иногда... я не говорю каждую четверть или каждую половину года, этого было бы ужъ слишкомъ много... время отъ времени приносить ей плату? Не могла она спросить дядю Пембельчука, не знаетъ ли онъ какого нибудь мальчика, который могъ бы развлекать ее? Не могъ дядя Пембельчукъ, который всегда заботится и думаетъ о насъ... Хотя мы не думаемъ объ этомъ, Джозефъ,—прибавила она тономъ глубочайшаго упрека, какъ будто онъ былъ самый неблагодарный изъ всѣхъ племянниковъ,—не могъ онъ самъ сказать о мальчикѣ?.. Стой ты, ради Бога, на мѣстѣ, не топчись...—(Клянусь торжественно, я стоялъ, не двигаясь съ мѣста)— котораго я нянчила всю жизнь свою, точно раба какая.

— Очень хорошо!—крикнулъ дядя Пембельчукъ.—Превосходно! Великолѣпно! Мѣтко сказано! Теперь, Джозефъ, тебѣ извѣстно въ чемъ дѣло.

— Нѣтъ, Джозефъ,—сказала моя сестра, тономъ упрека обращаясь къ Джо, который примирительнымъ образомъ водилъ себѣ рукой по носу,—ты не знаешь въ чемъ дѣло, хотя и не думаешь этого. Ты воображаешь, что знаешь, но ты не знаешь, Джозефъ! Ты не знаешь, что дядя Пембельчукъ, который, можно сказать, горячо взялся за то, чтобы мальчикъ пробилъ себѣ дорогу у миссъ Хевишемъ, предложилъ сегодня же вечеромъ свезти его въ городъ въ своей одноколкѣ и, послѣ того, какъ онъ переночуетъ у него, завтра же утромъ передать его самой миссъ Хевишемъ. Ахъ, Богъ ты мой!—воскликнула вдругъ моя сестра, швыряя въ сторону свою шляпу,—стою тутъ, да болтаю съ этими баранами, а дядя Пембельчукъ ждетъ, кобыла его мерзнетъ на дворѣ, а тутъ

еще мальчишка этотъ въ грязи да въ сажѣ съ головы и до самыхъ пятъ!

И съ этими словами она налетѣла на меня, какъ орелъ на ягненка, сунула мое лицо въ корыто, а голову подъ кранъ бочки съ водой, и тутъ я почувствовалъ, что лицо мое мылятъ, и мѣсятъ, и трутъ, и толкутъ, и скребутъ, и мнутъ, продолжая эти операціи до тѣхъ поръ, пока я едва не лишился чувствъ. (Считаю нужнымъ замѣтить, что врядъ ли найдется въ мірѣ авторитетъ, лучше моего знакомый съ ужаснымъ ощущеніемъ, которое въ только что описанномъ случаѣ производитъ обручальное кольцо на лицо омываемой жертвы).

Кончивъ омовеніе, сестра моя надѣла на меня чистое бѣлье изъ грубаго полотна, жесткаго какъ власяница кающагося грѣшника и втиснула меня въ самый тѣсный костюмъ, всегда приводившій меня въ неимовѣрный ужасъ. Въ такомъ видѣ я былъ переданъ мистеру Пембельчуку, который принялъ меня съ такимъ оффиціальнымъ видомъ, какъ будто онъ былъ самъ шерифъ, затѣмъ обратился ко мнѣ и сказалъ нѣсколько словъ, которыя онъ все время горѣлъ нетерпѣніемъ высказать:

— Мальчикъ! Ты обязанъ быть благодарнымъ всѣмъ твоимъ друзьямъ и особенно тѣмъ. которые воспитали тебя своими руками!

— До свиданья, Джо!

— Богъ да благословитъ тебя, Пипъ, старый дружище!

До этой минуты я никогда еще не разставался съ нимъ, а потому не одно только мыло, но главнымъ образомъ, грустное чувство, овладѣвшее душой моей, было причиной того, что я, сидя въ одноколкѣ, не сразу разсмотрѣлъ звѣзды, мерцавшія на небѣ. Мало-по-малу, одна по одной стали они выступать надо мною, не проливъ ни малѣйшаго свѣта на терзавшіе меня вопросы, почему собственно долженъ я развлекать миссъ Хевишемъ и какъ я буду развлекать ее?

Глава восьмая.

Помѣщеніе мистера Пембельчука въ городѣ находилось на Хайгъ-Стритѣ и носило характеръ конторы торговца хлѣбными зернами и сѣменами. При видѣ множества маленькихъ ящиковъ въ въ его лавкѣ мнѣ вообразилось, что онъ долженъ быть самымъ счастливымъ человѣкомъ въ мірѣ; я очень удивился, когда заглянулъ въ два или три нижнихъ ящика и увидѣлъ тамъ темные бумажные пакетики, гдѣ лежали цвѣточныя сѣмена, а также луковицы, которыя ждали теплыхъ дней, чтобы выйти изъ своей тюрьмы и расцвѣсти.

Размышленія эти пришли мнѣ въ голову рано утромъ на слѣдующій день моего пріѣзда въ городъ. Наканунѣ вечеромъ меня

сразу отправили спать въ мезонинъ съ покатой крышей, которая такъ низко спускалась надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ стояла кровать, что между нею и моими бровями былъ всего одинъ футъ разстоянія. Въ это же самое утро я сдѣлалъ также открытіе страннаго сходства между сѣменами и плисомъ. Мистеръ Пембельчукъ носилъ всегда плисовую одежду, какъ и приказчикъ его; плисъ отдавалъ запахомъ сѣмянъ, а сѣмена запахомъ плиса, такъ что по запаху трудно было отличить, гдѣ плисъ, а гдѣ сѣмена. Меня поразилъ кромѣ того еще тотъ фактъ, что мистеръ Пембельчукъ велъ свою торговлю, поглядывая на противоположную сторону улицы, гдѣ находился шорникъ, который работалъ, повидимому, не спуская глазъ съ колесника, который, казалось, всю жизнь свою держалъ руки въ карманахъ брюкъ и наблюдалъ за булочникомъ, а тотъ въ свою очередь стоялъ, сложивъ руки и уставившись на торговца колоніальными товарами, стоявшаго у дверей и зѣвавшаго на аптекаря. Часовщикъ, который стоялъ у своей конторки и черезъ увеличительное стекло разсматривалъ лежавшія на ней части часовъ, былъ, повидимому, единственнымъ человѣкомъ въ Хайгъ-Стритѣ, который серьезно занимался своимъ дѣломъ, вслѣдствіе чего служилъ предметомъ удивленія для уличныхъ мальчишекъ, глазѣвшихъ на него черезъ окна магазина.

Я завтракалъ въ восемь часовъ утра вмѣстѣ съ мистеромъ Пембельчукомъ въ небольшой комнатѣ позади лавки, а приказчикъ его въ это время сидѣлъ въ передней комнатѣ на мѣшкѣ съ горохомъ и уплеталъ огромный кусокъ хлѣба съ масломъ, запивая его чаемъ изъ глиняной кружки. Общество мистера Пембельчука навело на меня тоску. Не говоря о томъ, что онъ, раздѣляя идеи моей сестры, считалъ для меня необходимой діету, умерщвляющую плоть и обуздывающую характеръ, не говоря о томъ, что съ этой цѣлью, конечно, онъ давалъ мнѣ самые крошечные кусочки корокъ, намазывая ихъ самымъ незначительнымъ количествомъ масла, и такъ много подливалъ горячей воды въ молоко, что ужъ лучше было бы совсѣмъ мнѣ не давать молока, но весь разговоръ его со мной состоялъ почти исключительно изъ одной ариѳметики. Когда я вѣжливо пожелалъ ему добраго утра, онъ напыщенно спросилъ меня; „Семью девять, мальчикъ?“ Могъ ли я отвѣчать на такой неожиданный вопросъ, въ такомъ странномъ мѣстѣ и съ пустымъ желудкомъ! Я былъ голоденъ, я только что проглотилъ кусокъ, какъ онъ снова принялся за свои исчисленія, продолжая ихъ въ теченіе всего завтрака. „Семь и четыре?“ „И восемь?“ „И шесть?“ „И два?“ „И десять?“ И такъ далѣе. Послѣ каждой цифры я еле успѣвалъ проглотить кусочекъ корочки и глотнуть молока, какъ слѣдовала уже другая; самъ же онъ между прочимъ наслаждался ветчиной съ горячимъ хлѣбомъ,

(позвольте мнѣ употребить это выраженіе) съ необычайной жадностью пожирая ее.

Я былъ, поэтому, очень радъ, когда часы пробили десять и мы отправились къ миссъ Хевишемъ. Я не особенно ловко чувствовалъ себя при мысли о томъ, что ждетъ меня подъ кровлей этой леди. Четверть часа спустя мы были уже у стараго кирпичнаго дома миссъ Хевишемъ. Нѣкоторыя изъ оконъ были совершенно заложены кирпичемъ, изъ остальныхъ же всѣ нижнія задѣланы рѣшетками. Передъ домомъ находился небольшой дворъ, окруженный рѣшеткой; мы позвонили и стояли у калитки въ ожиданіи, пока намъ откроютъ. Пока мы ждали, мистеръ Пембельчукъ успѣлъ таки ввернуть вопросъ: „И четырнадцать?“ Я сдѣлалъ видъ, что не слышу, и съ любопытствомъ смотрѣлъ въ другую сторону, гдѣ находилась пивоварня. Въ настоящее время въ ней ничего не было и пиво давно уже перестали варить въ ней.

Въ эту минуту нижняя половина рамы одного изъ оконъ отодвинулась вверхъ и послышался звонкій голосъ:

— Какъ ваше имя?

Мой спутникъ отвѣчалъ на это:

— Пембельчукъ.

— Хорошо!—отвѣчалъ тотъ же голосъ.

Окно задвинулось и вскорѣ послѣ этого мы увидѣли молодую леди, шедшую съ ключами по двору.

— Это вотъ Пипъ,—сказалъ мистеръ Пембельчукъ.

— Это и есть Пипъ?... Да?..—отвѣчала молодая леди, очень красивая и, повидимому, гордая.—Войди, Пипъ!

Мистеръ Пембельчукъ также хотѣлъ войти, но леди захлопнула калитку подъ самымъ его носомъ.

— О!—сказала она.—Вы желаете видѣть миссъ Хевишемъ?

— Если миссъ Хевишемъ желаетъ видѣть меня,—отвѣчалъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ мистеръ Пембельчукъ.

— Ага!—сказала дѣвушка.—Ну, такъ она этого не желаетъ.

Она сказала это такимъ рѣшительнымъ тономъ, что мистеръ Пембельчукъ, несмотря на чувство оскорбленнаго достоинства, не протестовалъ ни единымъ словомъ. Онъ только взглянулъ на меня серьезно—какъ будто я былъ виноватъ въ этомъ—и повернулся, чтобы уходить, сказавъ мнѣ предварительно съ упрекомъ:

— Мальчикъ! Веди себя такъ, чтобы не позорить тѣхъ кто тебя воспиталъ собственными руками!

Я подумалъ невольно, что онъ сейчасъ вернется назадъ и крикнетъ мнѣ черезъ рѣшетку воротъ:

— И шестнадцать?

Но онъ этого не сдѣлалъ.

Молодая дѣвушка закрыла калитку на замокъ и мы пошли съ нею по двору, который былъ очень чистъ и вымощенъ, хотя вездѣ

во всѣхъ углубленіяхъ его, между камнями, пробивалась травка. Пивоварня имѣла свой отдѣльный дворъ, который отдѣлялся отъ общаго двора заборомъ; деревянная калитка послѣдняго была открыта настежь, да и въ пивоварнѣ все также было открыто, но все въ ней было пусто и заброшено. Холодный вѣтеръ дулъ тамъ, вѣроятно, еще сильнѣе, чѣмъ по эту сторону калитки; онъ пронзительно свистѣлъ, врываясь и вырываясь черезъ открытые входы пивоварни, напоминая собой гулъ вѣтра на морѣ среди снастей корабля. Дѣвушка взглянула на меня и сказала:

— Ты, я думаю, могъ бы выпить безъ передышки все пиво, которое теперь варится въ этой пивоварнѣ, мальчикъ!

— Думаю, миссъ, что могъ-бы,—робко отвѣчалъ я ей.

— Лучше не варить въ ней теперь пива, не то оно все прокиснетъ. Какъ ты думаешь, мальчикъ?

— Похоже на то, миссъ!

— Да никому и въ голову не придетъ варить его,—прибавила она.—Все кончено здѣсь навсегда, и будетъ она стоять безъ дѣла до тѣхъ поръ, пока не развалится. Что касается пива, то его столько въ подвалахъ, что можно затопить весь Мано-Хаусъ.

— Такъ называется этотъ домъ, миссъ?

— Да, это одно изъ его названій, мальчикъ!

— Такъ называется этотъ домъ, миссъ?

— Еще одно... Другое его имя Сатисъ. Это слово греческое, либо латинское, или, можетъ быть, еврейское, или всѣ три вмѣстѣ... Ну, да это все равно! Оно, значитъ: довольно.

— Довольно!—сказалъ я.—Любопытное названіе, миссъ!

— Да,—отвѣчала она.—Но оно говоритъ больше, чѣмъ кажется. Когда давали ему это названіе, то хотѣли этимъ сказать, что тому, кто будетъ владѣть этимъ домомъ, ничего больше не нужно. Надо полагать, что въ тѣ дни, они были всѣмъ довольны. Однако, довольно болтать по-пусту, мальчикъ!

Несмотря на то, что она говорила мнѣ „мальчикъ", обращаясь ко мнѣ съ крайне обиднымъ для меня пренебреженіемъ, она по возрасту своему была приблизительно моихъ лѣтъ. Какъ дѣвочка, она казалась старше меня; она была очень красива, говорила самоувѣренно и относилась ко мнѣ свысока, какъ двадцатилѣтняя королева.

Мы вошли въ домъ черезъ боковую дверь—большая парадная дверь съ передней стороны дома была закрыта двумя толстыми цѣпями—и мнѣ сразу бросилось въ глаза, что во всѣхъ коридорахъ было темно и горѣла только одна свѣча, поставленная здѣсь дѣвушкой; она и взяла эту свѣчу, какъ только мы вошли. Съ этой свѣчой мы прошли по коридору и поднялись на лѣстницу, гдѣ также все было темно. Когда, наконецъ, мы остановились у дверей какой то комнаты, дѣвушка сказала мнѣ:

— Войди!

— Послѣ васъ, миссъ,—отвѣчалъ я болѣе изъ робости, чѣмъ изъ вѣжливости.

— Не будь смѣшонъ, мальчикъ!—отвѣчала она,—я не пойду туда.—И презрительно взглянувъ на меня, она ушла прочь и, что еще хуже, унесла съ собой и свѣчу.

Я почувствовалъ себя неловко, потому что темнота пугала меня. Ничего не оставалось, какъ постучать въ дверь, что я и сдѣлалъ, послѣ чего услышалъ приглашеніе войти. Я вошелъ и очутился въ большой, красивой комнатѣ, освѣщенной восковыми свѣчами. Ни единый дневной лучъ не проникалъ въ эту комнату. Это былъ будуаръ, какъ я заключаю теперь по обстановкѣ, которой видъ и значеніе были мнѣ тогда положительно неизвѣстны. Первая вещь, которая бросилась мнѣ въ глаза, былъ столъ, задрапированный кисеей и на немъ зеркало въ позолоченной рамкѣ; я сразу догадался, что это туалетный столъ, какой бываетъ у свѣтскихъ леди.

Не знаю, то ли заключеніе я вывелъ бы, не будь здѣсь такой именно леди. Въ креслѣ, облокотившись о столъ одной рукой и подперевъ ею свою голову, сидѣла самая странная леди, какую я когда либо видѣлъ или какую когда либо увижу.

На ней было бѣлое платье изъ дорогой матеріи... все атласъ, кружева, шелкъ и все бѣлое. Башмаки на ней были бѣлые, съ головы спускалась длинная бѣлая фата, прикрѣпленная къ волосамъ бѣлыми вѣнчальными цвѣтами, но волоса ея были совсѣмъ сѣдые, даже бѣлые. На шеѣ и рукахъ ея сверкали драгоцѣнныя украшенія и въ такомъ же родѣ украшенія лежали и на столѣ. Кругомъ по комнатѣ разбросаны были платья, не такія дорогія, какъ надѣтое на ней, и какіе-то ящики и чемоданы. Сама она, повидимому, не кончила еще одѣваться; на ней былъ только одинъ башмакъ, а другой лежалъ на столѣ подлѣ ея руки; фата была наполовину приколота, часы и цѣпочка отъ нихъ, кружева, носовой платокъ, перчатки, букетъ цвѣтовъ, молитвенникъ—все было брошено кое какъ на столъ рядомъ съ лежавшими на немъ драгоцѣнностями.

Все это я увидѣлъ не сразу, хотя во всякомъ случаѣ я увидѣлъ въ первыя минуты больше, чѣмъ это можно было предположить. Но я замѣтилъ, что все бѣлое давно уже перестало быть бѣлымъ, потеряло свой блескъ, поблекло и пожелтѣло. Я замѣтилъ, что невѣста поблекла такъ же, какъ и ея вѣнчальные одежды и цвѣты, и ничего блестѣвшаго въ ней не осталось, кромѣ блеска ея впалыхъ глазъ. Я замѣтилъ, что платье ея было сшито когда то на округленную фигуру молодой дѣвушки, а теперь висѣло, какъ мѣшокъ на ея фигурѣ, представлявшей собой скелетъ, обтянутый кожей. Одинъ разъ, когда меня водили на

ярмарку, я видѣлъ тамъ ужасную восковую фигуру, изображавшую какое то лицо, лежавшее на парадномъ смертномъ ложѣ. Въ другой разъ меня водили въ одну изъ старинныхъ церквей на болотѣ, гдѣ показывали скелетъ въ истлѣвшей богатой одеждѣ, который былъ найденъ подъ спудомъ церкви. Я вспомнилъ восковую фигуру и скелетъ и мнѣ показалось, что у нихъ были такіе же темные глаза, какъ и тѣ, которые въ эту минуту смотрѣли на меня. Я готовъ былъ крикнуть, но не посмѣлъ.

— Кто это?—спросила леди, сидѣвшая у стола.

— Пипъ, ма'амъ!

— Пипъ?

— Мальчикъ отъ мистера Пембельчука, ма'амъ! Пришелъ... развлекать.

— Подойди ближе... дай посмотрѣть на тебя. Ближе!

Я стоялъ подлѣ нея, отвернувшись въ сторону, что дало мнѣ возможность замѣтить подробности нѣкоторыхъ предметовъ. Такъ, я замѣтилъ, что карманные часы остановились на безъ двадцати девять и стѣнные часы также остановились на безъ двадцати девять.

— Взгляни на меня,—сказала миссъ Хевишемъ.—Ты не боишься женщины, которая не видѣла солнца съ тѣхъ поръ, какъ ты родился?

Къ сожалѣнію, долженъ сознаться, что я не побоялся сказать ей страшную ложь и отвѣчалъ:

— Нѣтъ!

— Знаешь ты, къ чему я притрогиваюсь здѣсь?—спросила она, кладя по очереди одну руку за другой на лѣвую сторону груди.

— Да, ма'амъ! (Это заставило меня вспомнить того ужаснаго молодого человѣка).

— Къ чему же я притрогиваюсь?

— Къ вашему сердцу.

— Оно разбито.

Слово это она произнесла съ особеннымъ паѳосомъ, сверкнувшимъ взглядомъ и разочарованной улыбкой, точно рисуясь передо мною. Подержавъ съ минуту руки на груди, она медленно опустила ихъ, какъ будто онѣ отяжелѣли у нея.

— Я устала,—сказала миссъ Хевишемъ.—Мнѣ хочется какого нибудь новаго развлеченія... Я покончила разъ навсегда со всѣми мужчинами и женщинами. Ну, играй!..

Читатель, я думаю, вполнѣ согласится со мною, что при существующихъ обстоятельствахъ трудно было придумать что либо болѣе невѣроятное для несчастнаго мальчика, какъ выдуманное этой леди развлеченіе.

— По временамъ у меня являются дикія фантазіи,—ска-

зала она.—Вотъ и теперь взбрела мнѣ въ голову такая дикая фантазія... я хочу видѣть какую нибудь игру... Ну, играй-же, играй, играй!...—прибавила она, нетерпѣливо двигая пальцами правой руки.

Чувствуя невольный ужасъ передъ образомъ сестры, внезапно мелькнувшимъ въ моемъ воображеніи, я хотѣлъ было съ отчаянія пробѣжать кругомъ комнаты, подражая движеніямъ одноколки мистера Пембельчука, но тутъ же почувствовалъ себя до такой степени нерасположеннымъ къ подобному представленію, что сразу отказался отъ этой мысли и продолжалъ смотрѣть на миссъ Хевишемъ съ такимъ мрачнымъ видомъ, что она сказала. когда мы, наконецъ, вдоволь насмотрѣлись другъ на друга.

— Сердишься ты или упрямишься?

— Нѣтъ, ма'амъ! Мнѣ очень жаль васъ и жаль, что я сейчасъ не могу играть. Если вы пожалуетесь на меня, то мнѣ очень попадетъ отъ сестры, а потому я радъ былъ бы играть, если бы могъ. Но все здѣсь такъ ново для меня, такъ странно, такъ богато и... такъ грустно...

Я остановился изъ боязни, что я скажу или сказалъ уже что нибудь лишнее, и мы снова взглянули другъ на друга.

Прежде чѣмъ снова заговорить она отвернулась отъ меня, взглянула на свое платье, на туалетный столъ и затѣмъ на себя въ зеркало.

— Такъ ново для него,—прошептала она,—такъ старо для меня; такъ странно для него, такъ обыкновенно для меня; такъ грустно для насъ обоихъ! Позови Эстеллу!

Она сказала послѣднія слова съ тѣмъ же задумчивымъ видомъ и я, подумавъ, что это она говоритъ самой себѣ, не тронулся съ мѣста.

— Позови Эстеллу! — повторила она, поворачиваясь ко мнѣ.—Ты можешь сдѣлать это. Позови Эстеллу... Открой двери и позови.

Стоять въ темномъ корридорѣ незнакомаго мнѣ дома, звать гордую молодую леди, которая долго не показывалась и не отвѣчала, чувствовать непреодолимое почти желаніе рявкнуть во все горло „Эстелла", было почти равносильно той „игрѣ", которой отъ меня требовали. Наконецъ, она соблаговолила отвѣтить и вслѣдъ за этимъ въ концѣ корридора показалась ея свѣча, блестѣвшая, какъ звѣздочка.

Миссъ Хевишемъ приказала ей подойти ближе къ себѣ, взяла со стола ожерелье, приложила его къ ея нѣжной шейкѣ, а затѣмъ къ красивымъ каштановымъ волосамъ.

— Наступитъ время, когда оно будетъ твоимъ, моя дорогая, и ты сумѣешь имъ воспользоваться. А теперь, поиграй въ карты съ этимъ мальчикомъ!

— Съ этимъ мальчикомъ! Вѣдь это же простой мальчишка изъ кузницы!

Я не совсѣмъ хорошо разслышалъ, что сказала миссъ Хевишемъ, но мнѣ показалось, что она отвѣчала:

— Такъ что-жъ! Ты можешь разбить его сердце.

— Какую игру въ карты ты знаешь, мальчикъ?—съ величайшимъ пренебреженіемъ спросила меня Эстелла.

— Я умѣю играть только въ „Нищаго", миссъ!

— Обыграй его,—сказала Эстеллѣ миссъ Хевишемъ.

Мы сѣли съ Эстеллой за карты. Тутъ только сталъ я замѣчать, что въ этой комнатѣ все давно уже остановилось на мѣстѣ, подобно карманнымъ и стѣннымъ часамъ. Я видѣлъ, что миссъ Хевишемъ положила ожерелье на то же самое мѣсто на столѣ, съ котораго она его взяла. Пока Эстелла сдавала карты, я снова взглянулъ на туалетный столъ и замѣтилъ, что лежавшій на немъ башмакъ, когда то бѣлый, а теперь желтый, ни разу не былъ надѣтъ. Я взглянулъ на ногу, для которой предназначался когда то этотъ башмакъ, и замѣтилъ, что шелковый чулокъ, когда то бѣлый, а теперь желтый, былъ весь въ дыркахъ. Не замѣчай я такого застоя на всѣхъ рѣшительно окружающихъ меня предметахъ, я принялъ бы вѣнчальное платье, облекающее эту изсохшую фигуру, за погребальную одежду, а длинную фату за саванъ.

Пока мы играли, она сидѣла неподвижно и казалась мнѣ трупомъ, а оборочки и складочки на ея вѣнчальной одеждѣ казались мнѣ покрытыми землистою золою. Я тогда не зналъ еще ничего о томъ, что случайно вырытыя изъ земли тѣла погребенныхъ въ древнія времена людей тотчасъ же разсыпались въ прахъ, какъ только ихъ выносили на воздухъ; впослѣдствіи я часто думалъ, что миссъ Хевишемъ походила именно на такой трупъ и стоило только вывести ее на солнце, чтобы она разсыпалась въ прахъ.

— Ахъ, этотъ мальчикъ!.. Валетовъ называетъ вдругъ Джеками!—съ презрѣніемъ воскликнула Эстелла еще до окончанія нашей первой игры.—А руки у него какія грубыя! И какіе толстые сапоги!

Никогда раньше не приходило мнѣ въ голову, чтобы можно было стыдиться своихъ рукъ, но при этомъ восклицаніи онѣ показались мнѣ совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ. Презрѣніе ея къ нимъ произвело на меня такое сильное впечатлѣніе, что и я сталъ презирать ихъ.

Она выиграла, и теперь была моя очередь сдавать. Я заздался, что было естественно, ибо я прекрасно зналъ, что она слѣдитъ за мною въ ожиданіи того, что я сдамъ невѣрно. За это она назвала меня глупымъ, неуклюжимъ мальчишкой.

— Почему ты ничего не говоришь о ней?—спросила меня миссъ Ховишемъ. — Она наговорила тебѣ столько грубостей, а ты до сихъ поръ ничего не сказалъ ей. Что ты думаешь о ней?

— Мнѣ не хотѣлось бы говорить этого,—съ смущеніемъ отвѣчалъ я.

— Скажи мнѣ на ухо,—сказала миссъ Хевишемъ, склоняясь ко мнѣ.

— Я думаю, она очень горда,—шепнулъ я ей.

— Еще что?

— Она очень хорошенькая.

— Дальше?

— Она дерзкая. (Эстелла бросила на меня взглядъ величайшаго отвращенія).

— Дальше?

— Мнѣ хотѣлось бы уйти домой.

— И никогда больше не видѣть ее, не смотря на то, что она хорошенькая?

— Я не могу сказать навѣрное, что не хотѣлъ бы видѣть ее, но мнѣ хотѣлось бы уйти теперь домой.

— Ты скоро уйдешь,—сказала мнѣ миссъ Хевишемъ.—Кончи прежде игру.

Если бы я незадолго передъ этимъ не видѣлъ улыбки на этомъ лицѣ, то я подумалъ бы, что миссъ Хевишемъ потеряла способность улыбаться. Черты лица ея точно застыли въ напряженномъ и задумчивомъ выраженіи и, казалось, ничто больше не могло оживить ихъ съ того самаго дня, когда все кругомъ нея остановилось. Грудь ея ввалилась, спина стала сутуловатая, голосъ угасъ почти до хриплаго шепота; все, казалось, въ ней опустилось, и тѣло и душа, подъ какимъ то тяжелымъ, внезапно постигшемъ ее ударомъ.

Я кончилъ игру съ Эстеллой,—которая снова обыграла меня. Она швырнула карты на столъ, когда всѣ онѣ перешли ей въ руки, какъ будто онѣ были противны ей потому, что всѣ онѣ перешли къ ней изъ моихъ грубыхъ рукъ.

— Когда бы тебѣ опять прійти сюда?—сказала миссъ Хевишемъ.—Сейчасъ подумаю.

Я собирался уже напомнить ей, что сегодня среда, но она заставила меня замолчать нетерпѣливымъ движеніемъ пальцевъ правой руки.

— Тише! Тише! Я ничего не знаю о дняхъ вашей недѣли; я ничего не знаю о недѣляхъ года. Приди снова дней черезъ шесть. Слышишь?

— Да, ма'амъ!

— Эстелла, сведи его внизъ! Дай ему чего нибудь поѣсть

и пусть себѣ онъ погуляетъ по двору, пока ѣстъ. Можешь идти, Пипъ!

Я послѣдовалъ за свѣчей внизъ, какъ я слѣдовалъ за нею вверхъ и Эстелла поставила ее на то же мѣсто, откуда она взяла ее. Пока она не открыла боковой двери, я вообразилъ себѣ, что теперь уже ночь. Ворвавшійся сразу дневной свѣтъ ослѣпилъ меня, что явилось, конечно, слѣдствіемъ того, что я въ теченіе нѣсколькихъ часовъ пробылъ въ темной комнатѣ, освѣщенной восковыми свѣчами.

— Подожди здѣсь, мальчикъ, — сказала Эстелла, уходя и запирая за собою дверь.

Я воспользовался тѣмъ случаемъ, что остался одинъ во дворѣ и сталъ разсматривать свои грубыя руки и простые сапоги. Мнѣніе о нихъ я составилъ теперь крайне неблагопріятное. Раньше они никогда не смущали меня, теперь мнѣ тошно было смотрѣть на нихъ, какъ на доказательство моего низкаго происхожденія. Я рѣшилъ спросить Джо, зачѣмъ научилъ онъ меня называть эти изображенія на картахъ Джеками, а не валетами. Я желалъ, чтобы Джо былъ лучше воспитанъ, тогда и я былъ бы лучше воспитанъ.

Она вернулась обратно и принесла съ собой хлѣбъ, мясо и небольшую кружку пива. Она поставила кружку на камни, а хлѣбъ съ мясомъ сунула мнѣ, не взглянувъ даже на меня и съ такимъ видомъ, какъ будто я былъ нелюбимой ею собакой. Я почувствовалъ себя до того униженнымъ, оскорбленнымъ, обиженнымъ, разсерженнымъ, мнѣ стало такъ горько,—не знаю, право, какое слово подыскать для болѣе яснаго выраженія своихъ чувствъ... Богу одному извѣстны были мои чувства, — что слезы показались у меня на глазахъ. Въ ту минуту, какъ онѣ показались, дѣвушка съ нескрываемымъ восторгомъ взглянула на меня, чувствуя, что она была главной причиной моего огорченія. Это дало мнѣ силу проглотить ихъ обратно и взглянуть на нее; она бросила на меня презрительный взглядъ, какъ бы желая дать мнѣ понять, что она прекрасно знаетъ, что оскорбила меня, и ушла отъ меня.

Какъ только она ушла, я оглянулся кругомъ, отыскивая мѣсто, гдѣ-бы я могъ скрыть свое лицо, и спрятался за дверью пивоварни; прислонившись рукою къ стѣнѣ, я положилъ голову на нее и заплакалъ. Я плакалъ и въ то же время стучалъ ногой по стѣнѣ и рвалъ на себѣ волоса. Чувства мои были такъ горьки и обида такъ велика, что ничего не могло быть естественнѣе такого сильнаго и бурнаго проявленія ихъ.

Воспитаніе сестры сдѣлало меня чувствительнымъ. Въ томъ маленькомъ мірѣ, гдѣ дѣти проводятъ свое существованіе, они, при какомъ бы то ни было воспитаніи, ни къ чему такъ чутко не

относятся и ничего такъ близко не принимаютъ къ сердцу, какъ несправедливость. Какъ велика несправедливость, испытанная ребенкомъ,—это не имѣетъ никакого значенія; ребенокъ малъ, и міръ, окружающій его, малъ, а потому ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, если его небольшая лошадь-качалка представляется ему сравнительно такой же большой, какъ и широкостная ирландская охотничья лошадь. Что касается меня, то будучи съ самаго нѣжнаго младенчества своего жертвой постоянной несправедливости, я уже съ того времени, какъ началъ говорить, понималъ, что сестра моя, женщина нрава капризнаго и буйнаго, несправедливо относилась ко мнѣ. Я таилъ въ своей душѣ глубокое убѣжденіе, что, хотя она и воспитывала меня „рукой", но все же не имѣла права воспитывать меня колотушками. Разныя наказанія, состоявшія въ томъ, что со мной не говорили, лишали меня пищи и сна, били, еще болѣе укрѣпляли во мнѣ это убѣжденіе, а такъ какъ всѣ мысли мнѣ приходилось таить глубоко въ душѣ, наединѣ разбираться въ нихъ, то это по всей вѣроятности и было главной причиной того, что я становился все болѣе и болѣе робкимъ и чувствительнымъ.

Облегчивъ до нѣкоторой степени свои оскорбленныя чувства ударами ноги объ стѣну и клочками вырванныхъ волосъ, я вытеръ лицо рукавомъ и вышелъ изъ пивоварни. Я съѣлъ хлѣбъ и мясо и выпилъ пиво, которое согрѣло и развеселило меня, такъ что захотѣлось даже познакомиться съ окружающимъ меня мѣстомъ.

Все было пусто и заброшено вплоть до голубятни, находившейся во дворѣ пивоварни; самая верхушка голубятни до того расшаталась отъ вѣтра, что будь въ ней голуби, они подумали бы, что находятся на морѣ. Но голубей не было въ голубятнѣ, какъ не было лошадей въ конюшнѣ, свиней въ хлѣвѣ, солоду въ амбарѣ, запаху зерна и пива въ бродильныхъ и заторныхъ чанахъ. Все испарилось изъ пивоварни съ послѣднимъ клубомъ дыма, вылетѣвшимъ изъ за трубы. Весь сосѣдній дворъ былъ загроможденъ пустыми бочками, которыя являлись мрачнымъ воспоминаніемъ о бывшихъ здѣсь когда то лучшихъ дняхъ. Отъ бочекъ несло такимъ кислымъ запахомъ, что онъ никоимъ образомъ не могли напомнить исчезнувшаго изъ нихъ пива.

За самымъ дальнимъ концомъ пивоварни находился садъ, окруженный старой стѣной; она была такъ невысока, что я безъ всякаго труда вскарабкался на нее и довольно долго продержался на ней, такъ что успѣлъ разсмотрѣть, что садъ этотъ принадлежитъ къ дому, что онъ былъ заброшенъ и покрытъ густой сорной травой; но мѣстами въ немъ виднѣлись зеленыя и желтыя тропинки, по которымъ, видимо, кто то гулялъ... и я дѣйствительно увидѣлъ Эстеллу, гуляющую въ немъ. Она могла быть, по-

видимому, вездѣ. Когда я соблазнился удовольствіемъ прогуляться по бочкамъ и сталъ ходить по нимъ, я увидѣлъ, что она также ходитъ по нимъ на другомъ концѣ двора. Она стояла спиной ко мнѣ, поддерживая обѣими руками свои чудныя каштановыя волосы, и, ни разу не оглянувшись назадъ, исчезла вдругъ изъ виду. Потомъ она мелькнула и въ самой пивоварнѣ. Я подразумѣваю большое и высокое пространство, вымощенное камнемъ, гдѣ раньше варили обыкновенно пиво и гдѣ находилась вся необходимая посуда для варки пива. Когда я въ первый разъ вошелъ туда и, пораженный мрачнымъ видомъ этого мѣста остановился у дверей, я увидѣлъ, какъ дѣвочка прошла между погасшими топками, поднялась по нѣсколькимъ легенькимъ желѣзнымъ ступенькамъ и взошла на верхнюю галлерею, точно поднялась на небо.

Въ этомъ самомъ мѣстѣ и въ этотъ самый моментъ моему воображенію представилась странная вещь. Тогда она показалась мнѣ странной, но потомъ, спустя долго послѣ этого, она показалась еще болѣе странной. Я отвернулъ глаза свои, утомленные яркимъ свѣтомъ сверху пивоварни, и взглянулъ на большую балку, находившуюся въ темномъ углу пивоварни, по правую руку отъ меня, и увидѣлъ какую то фигуру, повѣшенную за шею. Фигура была въ пожелтѣвшемъ отъ времени бѣломъ платьѣ и съ башмакомъ на одной только ногѣ; она висѣла такъ, что я могъ ясно видѣть поблекшія кружева ея платья, подернутыя землистымъ пепломъ, и лицо миссъ Хевишемъ, которое подергивалось такъ, какъ будто она старалась позвать меня. Я съ ужасомъ смотрѣлъ на эту фигуру, такъ какъ былъ увѣренъ, что минуту тому назадъ ея здѣсь не было; сначала я бросился прочь отъ нея, а затѣмъ къ ней и тутъ ужасъ мой еще увеличился, когда я увидѣлъ, что фигура исчезла безслѣдно.

Только когда я снова увидѣлъ ясное морозное небо, людей, проходившихъ мимо рѣшетки, отдѣлявшей дворъ отъ улицы, а затѣмъ съѣлъ остатки хлѣба съ мясомъ и выпилъ пиво, я нѣсколько пришелъ въ себя. Но успокоился я окончательно послѣ того, какъ увидѣлъ Эстеллу, подходившую ко мнѣ съ ключами, чтобы выпустить меня. Я представилъ себѣ съ какимъ презрѣніемъ она отнесется ко мнѣ, когда замѣтитъ мой испуганный видъ, и постарался не доставить ей этого удовольствія.

Проходя мимо, она съ торжествующимъ видомъ взглянула на меня, какъ бы радуясь тому, что у меня грубыя руки и толстые сапоги; она открыла калитку и остановилась подлѣ нея. Я вышелъ, не взглянувъ на нее, но она хлопнула меня по плечу и сказала:

— Почему же ты не плачешь?

— Потому что не хочу.

— И не хочешь, а плачешь,—отвѣчала она.—И плакалъ ты такъ, что чуть не ослѣпъ, да и теперь не прочь заплакать.

Она презрительно засмѣялась, вытолкала меня за калитку и закрыла ее на замокъ. Я отправился прямо къ мистеру Пембельчуку и очень обрадовался, что не засталъ его дома. Я попросилъ приказчика передать ему, когда миссъ Хевишемъ выразила желаніе снова видѣть меня, и затѣмъ отправился пѣшкомъ домой въ нашу кузницу, находившуюся въ четырехъ миляхъ разстоянія отъ города. Все время, пока я шелъ, я раздумывалъ о томъ, что видѣлъ, и глубоко возмущался тѣмъ, что я простой рабочій мальчишка, что у меня грубыя руки и толстые сапоги, что у меня была отвратительная привычка называть валетовъ Джеками, что я гораздо большій невѣжда, чѣмъ думалъ до сихъ поръ и что положеніе мое вообще самое низменное и гадкое.

Глава девятая.

Когда я вернулся домой, сестра, горѣвшая нетерпѣніемъ узнать все, касавшееся миссъ Хевишемъ, забросала меня цѣлой кучей вопросовъ. Отвѣты мои были настолько неудовлетворительны, что на меня посыпались пинки и толчки то въ шею, то въ спину и въ концѣ концовъ меня самымъ безцеремоннымъ образомъ ткнули лбомъ въ стѣну кухни.

Страхъ быть непонятымъ, свойственный вообще юности, былъ свойственъ, разумѣется и мнѣ, являясь, такимъ образомъ, главной причиной моей сдержанности, ибо другихъ какихъ либо побужденій для этого у меня не было. Я былъ убѣжденъ, что опиши я миссъ Хевишемъ въ томъ видѣ, въ какомъ она представилась моимъ глазамъ, никто меня не понялъ-бы. Я былъ убѣжденъ, кромѣ того, что и миссъ Хевишемъ не поймутъ и хотя она и мнѣ самому была непонятна, но я чувствовалъ, что съ моей стороны будетъ некрасиво и нечестно изображать ее (не говоря уже объ Эстеллѣ) и предавать на судъ мистриссъ Джо. Я давалъ, поэтому самые краткіе, по возможности, отвѣты, за что меня снова ткнули лбомъ въ стѣну.

Но наибольшія мученія мои начались съ той минуты, когда къ чаю прикатилъ въ своей одноколкѣ старый несносный Пембельчукъ, снѣдаемый нетерпѣніемъ узнать обо всемъ, что я видѣлъ и слышалъ. Видъ этого мучителя съ рыбьими глазами и открытымъ ртомъ, съ волосами песочнаго цвѣта, торчащими кверху и воспоминаніе объ его ариѳметическихъ выкладкахъ подзадорили меня еще къ большему молчанію.

— Ну-съ, мальчикъ,—началъ дядя Пембельчукъ, занявъ свое почетное мѣсто въ креслѣ подлѣ камина.—Какъ ты провелъ время въ городѣ?

— Очень хорошо, сэръ!—отвѣчалъ я, за что сестра погрозила мнѣ кулакомъ.

— Очень хорошо?!—повторилъ мистеръ Пембельчукъ.—Очень хорошо не отвѣтъ. Что собственно понимаешь ты, мальчикъ, подъ твоимъ „Очень хорошо“?

Известка, приставшая къ моему лбу, затронула въ мозгу моемъ всѣ центры, руководящіе упрямствомъ, и я рѣшилъ не поддаваться ничему и упорствовать до конца. Я думалъ нѣсколько минутъ, а затѣмъ отвѣтилъ, какъ бы открывъ новую и никому невѣдомую истину:

— Очень хорошо значитъ, по моему, очень хорошо.

Сестра моя съ громкимъ возгласомъ нетерпѣнія собиралась уже налетѣть на меня—защищать меня было некому, такъ какъ Джо работалъ въ кузницѣ,—когда мистеръ Пембельчукъ остановилъ ее словами:

— Нѣтъ! Не волнуйтесь напрасно. Предоставьте этого мальчика мнѣ, ма'амъ! Предоставьте этого мальчика мнѣ.

Мистеръ Пембельчукъ повернулъ меня къ себѣ, какъ бы собираясь стричь мнѣ волосы, и сказалъ:

— Во первыхъ (чтобы привести наши мысли въ порядокъ) сорокъ три пенса?

Разсчитавъ сначала, каковы будутъ послѣдствія, если я отвѣчу „четыреста фунтовъ“, и найдя, что они будутъ благопріятны для меня, я далъ приблизительную сумму съ ошибкой пенсовъ на восемь. Мистеръ Пембельчукъ заставилъ меня тогда повторить табличку вычисленій, начиная отъ „двѣнадцать пенсовъ равняются одному шиллингу“ до „сорокъ пенсовъ—три шиллинга и четыре пенса“ и затѣмъ съ торжествующимъ видомъ спросилъ:—„Ну-съ! Сорокъ три пенса?“ На что я послѣ довольно долгаго молчанія отвѣчалъ:—„Не знаю!“—Все это до того прискучило мнѣ, что я самъ началъ сомнѣваться, знаю ли я что нибудь.

Какъ ни старался мистеръ Пембельчукъ добиться отъ меня надлежащаго отвѣта, это ему не удалось и онъ сказалъ:

— Что-жъ, по твоему, сорокъ три пенса будетъ семь и шесть пенсовъ три фартинга?

— Да! — отвѣтилъ я.

Сестра дернула меня за ухо, но не смотря на это, я радовался въ душѣ, что отвѣтъ мой разбилъ его планы и поставилъ его въ тупикъ.

— Мальчикъ! Какова изъ себя миссъ Хевишемъ?—началъ мистеръ Пембельчукъ, приходя нѣсколько въ себя и снова принимаясь за прежнюю систему.

— Очень высокая и черная,—отвѣчалъ я.

— Правда это, дядя?—спросила моя сестра.

Мистеръ Пембельчукъ утвердительно кивнулъ головой, изъ чего

я заключилъ, что онъ никогда не видѣлъ миссъ Хевишемъ, которая ничѣмъ не была похожа на мое изображенiе.

— Хорошо,—сказалъ мистеръ Пембельчукъ.—(Мы напали на настоящiй путь. Мы добьемся отвѣта отъ него).

— Разумѣется, дядя,—отвѣчала мистриссъ Джо.—Мнѣ хотѣлось бы, чтобы онъ всегда былъ подъ вашимъ началомъ. Вы такъ хорошо справляетесь съ нимъ.

— Ну-съ, мальчикъ! Что она дѣлала, когда ты пришелъ къ ней сегодня?—спросилъ мистеръ Пембельчукъ.

— Она сидѣла,—отвѣчалъ я,—въ черной бархатной каретѣ.

Мистеръ Пембельчукъ и мистриссъ Джо переглянулись другъ съ другомъ и оба повторили вмѣстѣ.

— Въ черной бархатной каретѣ?

— Да,—сказалъ я.—А миссъ Эстелла—ея племянница, я думаю,—подавала ей на золотомъ блюдѣ печенье и вино черезъ окно кареты. И намъ всѣмъ подавали печенье и вино на золотыхъ тарелкахъ. А когда я взялъ ихъ, то она приказала мнѣ сѣсть на запятки и тамъ ѣсть.

— Былъ тамъ кто нибудь еще? — спросилъ мистеръ Пембельчукъ.

— Четыре собаки,—сказалъ я.

— Большiя или маленькiя?

— Огромныя,—отвѣчалъ я.—Онѣ всѣ передрались изъ за телячьихъ котлетъ, которыя имъ подали въ серебряной корзинѣ.

Мистеръ Пембельчукъ и мистриссъ Джо съ большимъ еще удивленiемъ переглянулись другъ съ другомъ. Я вралъ нахально, вралъ какъ свидѣтель, котораго допрашиваютъ подъ пыткой, и ни за что не сказалъ бы имъ ничего другого.

— Гдѣ же стояла эта карета, ради самаго Бога?—спросила моя сестра.

— Въ комнатѣ миссъ Хевишемъ. — Они снова переглянулись.—Но лошадей не было.

Я во время спохватился и сказалъ эту оговорку, потому что въ моемъ воображенiи рисовались уже породистыя лошади въ богатой упряжи, которыхъ я запрягалъ въ черную карету.

— Возможно ли все это, дядя?—спросила мистриссъ Джо.—Что болтаетъ этотъ мальчикъ?

— Я вотъ что скажу вамъ, мемъ!—отвѣчалъ мистеръ Пембельчукъ.—Я держусь того мнѣнiя, что это у нея портъ-шэзъ. Она такая слабая, вы знаете... такая слабая... совсѣмъ хрупкая, и всѣ дни проводитъ въ такомъ портъ-шезѣ.

— Вы когда нибудь видѣли ее въ этомъ портъ-шезѣ, дядя?—спросила мистриссъ Джо.

— Какъ же я могъ видѣть,—отвѣчалъ мистеръ Пембельчукъ,

вынужденный сказать правду,—когда я въ жизнь свою ее не видѣлъ? Въ глаза не видѣлъ!

— Богъ мой, дядя! Вы же говорили съ нею!

— Неужели вы не знаете,—сказалъ мистеръ Пембельчукъ,—что когда я былъ у нея, меня подвели къ полуоткрытой двери и она говорила со мной изъ своей комнаты. Не говорите, что вы не знаете этого, мемъ! Ну, теперь посмотримъ, какъ ее забавлялъ мальчикъ. Какъ же вы тамъ играли, мальчикъ?

— Мы играли флагами,—сказалъ я. (Прошу, пожалуйста, замѣтить, что въ настоящее время я самъ прихожу въ неописанное удивленіе, вспоминая, какъ я тогда лгалъ).

— Флагами!—повторила моя сестра.

— Да,—сказалъ я.—Эстелла размахивала голубымъ флагомъ, я краснымъ, а миссъ Хевишемъ махала изъ окна кареты флагомъ, усѣяннымъ маленькими золотыми звѣздочками. Потомъ всѣ мы стали махать шпагами и кричать ура!

— Шпагами!—повторила моя сестра.—Откуда вы достали шпаги?

— Изъ буфета,—отвѣчалъ я.—Я видѣлъ тамъ пистолеты... мармеладъ... пилюли. А въ комнатѣ совсѣмъ нѣтъ дневного свѣта и горятъ тамъ свѣчи.

— Это вѣрно, мемъ!—сказалъ мистеръ Пембельчукъ серьезнымъ тономъ.—Таково, дѣйствительно, положеніе вещей и я самъ это видѣлъ.

Тутъ оба они уставились на меня, а я въ свою очередь, придавъ своему лицу выраженіе неподдѣльнаго простодушія, уставился на нихъ и какъ ни въ чемъ не бывало сталъ оправлять штаны правой рукой.

Предложи они мнѣ еще нѣсколько вопросовъ и я безъ сомнѣнія выдалъ бы себя, такъ какъ я въ своемъ умѣ составилъ уже цѣлую исторію о воздушномъ шарѣ во дворѣ, хотя не совсѣмъ еще твердо рѣшилъ, что мнѣ лучше выбрать для разсказа,—этотъ ли феноменъ или медвѣдя въ пивоварнѣ. Къ счастью, они такъ были заняты разсужденіями о видѣнныхъ и сообщенныхъ мною чудесахъ, что я поспѣшилъ воспользоваться такимъ благопріятнымъ случаемъ и удралъ поскорѣй. Они все еще говорили о томъ же, когда Джо кончилъ свою работу и пришелъ выпить чашку чаю. Сестра моя скорѣе для собственнаго успокоенія, а не изъ желанія подѣлиться съ Джо, передала ему обо всемъ, что слышала отъ меня.

Когда я взглянулъ на Джо и увидѣлъ, какъ онъ раскрылъ свои голубые глаза и съ невыразимымъ удивленіемъ оглянулъ всю кухню, я почувствовалъ вдругъ страшныя угрызенія совѣсти... но только по отношенію къ нему, а не по отношенію къ тѣмъ другимъ. Да, я называлъ себя мысленно маленькимъ чудовищемъ,

думая о немъ, пока они сидѣли и спорили о томъ, какіе результаты получатся для меня отъ моего знакомства съ миссъ Хевишемъ и ея расположенія ко мнѣ. Они ничуть не сомнѣвались, что она сдѣлаетъ „что нибудь“ для меня; весь вопросъ заключался въ томъ, каково будетъ это „что-нибудь“. Сестра настаивала, что это будетъ „имѣніе“. Мистеръ Пембельчукъ склонялся больше къ тому, что это будетъ „хорошая премія“, которая дастъ мнѣ возможность поступить ученикомъ къ какому-нибудь торговцу... напримѣръ, къ торговцу хлѣбомъ и разными зернами и сѣменами. Джо навлекъ на себя глубочайшее неудовольствіе обоихъ, предположивъ, что самымъ блестящимъ подаркомъ, который можетъ быть мнѣ предложенъ, будетъ одна изъ собакъ, дравшихся изъ-за телячьихъ котлетъ.

— Разъ твоя глупая голова не можетъ придумать ничего лучше этого,—сказала моя сестра,—а у тебя есть работа, такъ убирайся и работай.

Джо, разумѣется, поспѣшилъ уйти

Когда мистеръ Пембельчукъ уѣхалъ, а сестра моя занялась уборкой, я украдкой пробрался въ кузницу къ Джо и оставался тамъ до тѣхъ поръ, пока онъ не собрался уходить на ночь. Тутъ я сказалъ ему:

— Пока еще горитъ огонь, Джо, я хочу кое-что сказать тебѣ.

— Сказать, Пипъ!—сказалъ Джо, подвигая свой стулъ къ огню.—Говори... въ чемъ дѣло, Пипъ?

— Джо,—сказалъ я, хватаясь за его засученный рукавъ,—помнишь все, что я говорилъ о миссъ Хевишемъ?

— Помню-ли? — сказалъ Джо. — Я тебѣ вѣрю... чудеса и только!

— Ахъ, какъ это ужасно, Джо! Все это неправда.

— Все, что ты разсказывалъ, Пипъ?—воскликнулъ Джо, съ величайшимъ удивленіемъ откидываясь на спинку стула.—Неужели ты хочешь сказать, что это...

— Да, хочу... да, это была ложь, Джо!

— Но, не все же! Не хочешь же ты сказать, Пипъ, что не было кареты изъ... чер... наго... бархата?—Я стоялъ и качалъ головой.—Но, вѣдь... были же тамъ собаки, Пипъ? Ну, Пипъ,—говорилъ Джо, стараясь меня убѣдить,—если не было телячьихъ котлетъ, то собаки ужъ навѣрное были?

— Нѣтъ, Джо!

— Одна собака?—продолжалъ Джо.—Щенокъ? Ну-же, Пипъ!

— Нѣтъ, Джо, собакъ и въ поминѣ не было.

Я взглянулъ на Джо безнадежно... Джо взглянулъ на меня съ ужасомъ.

— Пипъ, дружище! Этого не могло быть, старый товарищъ! Говорю тебѣ... Чего ты хотѣлъ этимъ добиться?...

— Ужасно, Джо! Не правда-ли?

— Ужасно! — воскликнулъ Джо. — Чудовищно! Какой злой духъ овладѣлъ тобою?

— Не знаю какой, Джо!—отвѣчалъ я, выпуская изъ рукъ его рукавъ и усаживаясь съ опущенной головой посреди золы у его ногъ.—Мнѣ хотѣлось бы, чтобы ты не училъ меня называть валетовъ Джеками и хлопами. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы сапоги у меня не были такіе толстые, а руки такія грубыя.

И я разсказалъ Джо, что чувствую себя очень несчастнымъ, что я не могъ объяснить всего этого мистриссъ Джо и мистеру Пембельчуку, потому что они всегда жестоко обращаются со мной; что у миссъ Хевишемъ живетъ красивая молодая леди, которая ужасно горда, и сказала, что я простой мальчишка, что я самъ это знаю, и мнѣ не хотѣлось бы быть простымъ мальчишкой, и что я, вѣроятно, поэтому и лгалъ, хотя не знаю, зачѣмъ я лгалъ.

Это была настоящая метафизика, въ которой Джо было также трудно разобраться, какъ и мнѣ. Тѣмъ не менѣе Джо кое-какъ выкарабкался изъ области метафизики и справился съ ея трудностями.

— Во всемъ этомъ одно только вѣрно, Пипъ,—сказалъ Джо послѣ нѣкотораго размышленія,—а именно то, что ложь есть ложь! Почему бы человѣкъ ни лгалъ, онъ не долженъ лгать; все это исходитъ отъ отца лжи и къ нему же ложь возвращается. Никогда не лги больше, Пипъ! Такимъ путемъ ты не выкарабкаешься изъ простого мальчишки, другъ мой! Что касается простого мальчишки, то этого я не понимаю ясно. Ты совсѣмъ не простъ во многихъ вещахъ. Ты, правда, очень малъ, зато необыкновенно ученый.

— Ахъ, нѣтъ Джо, я такой еще невѣжда.

— А вспомни какое письмо ты написалъ мнѣ вчера вечеромъ! Печатными буквами!.. Я видѣлъ много писемъ... О, я письма джентльменовъ видѣлъ!.. Клянусь тебѣ, ни одинъ изъ нихъ не писалъ печатными буквами,—сказалъ Джо.

— Я почти ничему не учился, Джо! Ты слишкомъ много думаешь обо мнѣ... вотъ и только!

— Хорошо, Пипъ,—сказалъ Джо,—такъ это или не такъ, пусть ты себѣ простой школьникъ, но, вѣдь, ты можешь быть и не простымъ школьникомъ, надѣюсь! Вонъ король сидитъ на тронѣ съ короной на головѣ, а не могъ бы писать бумагъ въ Парламентѣ, не начни онъ учиться съ азбуки, когда былъ еще обыкновеннымъ принцемъ... Такъ-то,—продолжалъ Джо, качая головой;—и началъ онъ съ А, пока не дошелъ до послѣдней буквы. А я знаю, что это за штука, хотя никогда самъ не занимался ею.

Въ этомъ мудромъ изрѣченіи была нѣкоторая надежда для меня и я нѣсколько успокоился.

— Что касается насъ, простыхъ ремесленниковъ и рабочихъ,— продолжалъ Джо съ задумчивымъ видомъ,—то намъ лучше водить компанію съ такими же простыми, какъ и мы, и не соваться къ людямъ, что повыше насъ... Ахъ, да... вотъ и вспомнилъ... флаги то были?

— Нѣтъ, Джо!

— Жаль, что не было флаговъ, Пипъ! Но были, не были, это такого рода вещь, что о ней и не думай говорить твоей сестрѣ... бѣда! Говорить о ней не слѣдуетъ также потому, что сдѣлалъ ты это безъ всякаго намѣренія. Слушай, Пипъ, вотъ что я скажу тебѣ, какъ истинный другъ. Только истинный другъ и будетъ такъ говорить съ тобой... Только прямымъ путемъ выбьешься изъ простыхъ, а кривымъ никогда. Такъ вотъ, Пипъ, не надо лгать и тогда будешь жить покойно и умрешь счастливымъ.

— Ты не сердишься на меня, Джо?

— Нѣтъ, дружище! Что касается того, что ты такъ нахально одурачилъ ихъ... наговорилъ имъ о телячьихъ котлетахъ и собачьей дракѣ... такъ ужъ я искренно желаю тебѣ, Пипъ, чтобы ты хорошенько подумалъ обо всемъ и помолился, когда придешь къ себѣ наверхъ... Вотъ и все, дружище! Никогда больше не дѣлай этого.

Когда я поднялся въ свою маленькую комнатку и помолился, я вспоминалъ совѣтъ Джо, но я былъ въ слишкомъ возбужденномъ и неблагодарномъ состояніи духа и долго еще послѣ того, какъ легъ въ постель, думалъ о томъ, какимъ невоспитаннымъ показался бы Эстеллѣ кузнецъ Джо со своими толстыми сапогами и грубыми руками. Я думалъ о томъ, что Джо и моя сестра сидятъ всегда въ кухнѣ, и что я изъ кухни иду ложиться спать, а миссъ Хевишемъ и Эстелла никогда не сидятъ въ кухнѣ и были гораздо выше такихъ простыхъ вещей. Я такъ и заснулъ, вспоминая, что я дѣлалъ, когда я былъ у миссъ Хевишемъ. Можно было подумать, что я провелъ тамъ недѣли и мѣсяцы, а не всего лишь нѣсколько часовъ; что это были дѣла давнишнихъ, а не сегодняшнихъ воспоминаній.

Это былъ памятный день для меня и произвелъ во мнѣ большую перемѣну. Но такія вещи случаются въ жизни со многими. Имѣй мы возможность вычеркнуть такой день изъ своей жизни — какъ бы измѣнилось все теченіе ея! Остановись, читатель, на минуту и подумай о длинной цѣпи изъ желѣза или золота, изъ терній или цвѣтовъ, которая никогда не опутала бы тебя, не дай только ты образоваться первому звену ея въ этотъ достопамятный день.

Глава десятая.

На слѣдующее утро, а быть можетъ и дня черезъ два, у меня вдругъ явилась блестящая мысль, что лучшее средство для того, чтобы сдѣлаться человѣкомъ необыкновеннымъ, это научиться у Бидди всему, что она сама знаетъ. Желая поскорѣе приступить къ исполненію задуманнаго, я въ тотъ же вечеръ, когда пришелъ къ мистеру Уопселю, сообщилъ Бидди, что имѣю особыя причины желать скорѣйшаго вступленія въ жизнь, а потому она много обяжетъ меня, если научитъ меня всему тому, чему училась сама. Бидди, дѣвушка въ высшей степени услужливая, тотчасъ же согласилась на мою просьбу и минутъ черезъ пять приступила уже къ ея исполненію.

Система или курсъ ученія, установленный теткой мистера Уопселя, заключался въ слѣдующемъ. Ученики ѣли яблоки и совали солому за спину другъ другу до тѣхъ поръ, пока тетка мистера Уопселя, собравъ, наконецъ, всю свою энергію, задавала имъ порядочную трепку съ помощью березовой розги. Ученики относились къ этому наказанію весьма насмѣшливо и, получивъ его, выстраивались въ рядъ, передавая изъ рукъ въ руки совершенно истасканную книгу. Въ ней находилась азбука съ нѣсколькими картинками и табличками, а также складами, или вѣрнѣе говоря, все это было въ ней когда то. Какъ только начинала циркулировать эта книга, такъ тетка мистера Уопселя впадала въ коматозное состояніе являвшееся послѣдствіемъ сонливаго или ревматическаго пароксизма. Ученики приступали тогда къ изученію собственныхъ своихъ сапогъ, усиливаясь разрѣшить вопросъ—кто изъ нихъ сильнѣе наступитъ другому на ноги. Умственное упражненіе это продолжалось до тѣхъ поръ, пока Бидди не налетѣла на нихъ съ тремя старыми, засаленными библіями, которыя во многихъ мѣстахъ были напечатаны еще менѣе четко, чѣмъ многія библіографическія рѣдкости, съ которыми мнѣ приходилось впослѣдствіи знакомиться. Онѣ имѣли видъ какихъ то обрубковъ и были покрыты ржавыми пятнами, а внутри между ихъ листами, встрѣчались слѣды разныхъ насѣкомыхъ. Эта часть курса знаменовалась обыкновенно отдѣльными и единичными сраженіями между Бидди и непокорными учениками. Когда все успокаивалось и входило въ норму, Бидди называла какую-нибудь страницу и всѣ мы, перекрикивая другъ друга, читали ее въ одинъ голосъ. Хоръ выходилъ самый ужасный. Бидди руководила нами высокимъ однообразнымъ голосомъ, но никто изъ насъ не понималъ и не интересовался тѣмъ, что мы читали. По прошествіи нѣкотораго времени ужасный хоръ нашъ приводилъ въ сознаніе тетку мистера Уопселя, которая набрасывалась внезапно на какого-нибудь ученика

и драла его за уши. Это служило намъ знакомъ того, что сегодняшняя лекція кончена, и мы устремлялись на воздухъ съ громкими криками радости по случаю одержанной нами умственной побѣды. Считаю необходимымъ замѣтить, что ученикамъ отнюдь не возбранялось учиться также и писать съ помощью аспидныхъ досокъ и чернилъ; но не такъ то легко было изучать эту отрасль науки въ зимнее время, въ виду того, что маленькая мелочная лавка, въ которой помѣщались классы, а также гостиная и спальня тетки мистера Уопселя, освѣщалась только одной сальной маканной свѣчей, сильно нагоравшей за неимѣніемъ щипцовъ.

Мнѣ казалось, что при такихъ обстоятельствахъ потребуется много времени, чтобы сдѣлаться человѣкомъ необыкновеннымъ; тѣмъ не менѣе, я рѣшилъ попытаться и Бидди въ тотъ же вечеръ сообщила мнѣ, къ общему удовольствію нашему, кое какія свѣдѣнія изъ маленькаго прейсъ-куранта, относительно сахара, и затѣмъ сказала мнѣ, чтобы я переписалъ дома прописную англійскую букву Д, которую она списала съ заглавія какой то газеты и которую я принималъ за рисунокъ пряжки, пока она не объяснила мнѣ, что это такое.

Въ деревнѣ нашей была также и таверна, куда Джо заходилъ иногда, чтобы выкурить трубку. Сестра строго настрого приказала мнѣ зайти въ таверну „Трехъ Веселыхъ Лодочниковъ", когда я буду возвращаться изъ школы и подъ страхомъ собственной гибели привести его домой. Выйдя изъ школы, я направился прямо въ таверну „Трехъ Веселыхъ Лодочниковъ".

Въ тавернѣ на стѣнѣ у самой двери была вдѣлана доска, вся испещренная длинными черточками, которыя, казалось мнѣ, никогда не оплачивались. Онѣ были здѣсь съ тѣхъ поръ, какъ я себя помнилъ, и число ихъ все увеличивалось. Надо полагать, что мѣстность наша изобиловала мѣломъ, вслѣдствіе чего народъ спѣшилъ пользоваться имъ при всякомъ удобномъ случаѣ.

Была суббота и хозяинъ таверны съ неудовольствіемъ поглядывалъ на испещренную черточками доску; но такъ какъ мнѣ до него не было никакого дѣла, то я весело пожелалъ ему добраго вечера и отправился въ общую комнату въ концѣ корридора. Тамъ горѣлъ яркій огонь и, войдя туда, я увидѣлъ Джо, который курилъ трубку въ обществѣ мистера Уопсели и какого то незнакомца. Джо привѣтствовалъ меня по своему обыкновенію словами:

— А-а, Пипъ, дружище!

Услыша эти слова, незнакомецъ повернулъ ко мнѣ голову и пристально взглянулъ на меня.

Я никогда еще не видѣлъ такого таинственнаго человѣка, какъ онъ. Голова у него была склонена на одинъ бокъ, а одинъ глазъ прищуренъ, какъ будто бы онъ прицѣливался невидимымъ ружьемъ. Онъ вынулъ трубку изо рта и, медленно выпуская дымъ и не

спуская съ меня глазъ, кивнулъ мнѣ головой. Я также кивнулъ ему, тогда онъ снова кивнулъ мнѣ и отодвинулся такъ, чтобы я могъ сѣсть подлѣ него.

Но такъ какъ я привыкъ всегда сидѣть подлѣ Джо, когда бывалъ съ нимъ въ этой тавернѣ, то я сказавъ ему:—„благодарю васъ, сэръ!"—поспѣшилъ перейти на противоположную сторону и сѣлъ подлѣ Джо. Незнакомецъ взглянулъ на Джо и видя, что тотъ занятъ разговоромъ, снова кивнулъ мнѣ головой и какъ то странно потеръ свою ногу, что окончательно поставило меня въ тупикъ.

— Вы, кажется, говорили,—сказалъ незнакомецъ, обращаясь къ Джо,—что вы кузнецъ?

— Да... я говорилъ это,—отвѣчалъ Джо.

— Не хотите ли чего нибудь выпить, мистеръ....? Вы не сказали мнѣ вашего имени.

Джо назвалъ себя и незнакомецъ снова обратился къ нему.

— Не хотите ли чего нибудь выпить, мистеръ Гарджери?... На мой счетъ?

— Сказать вамъ правду,—отвѣчалъ ему Джо,—я привыкъ больше пить на свой собственный счетъ и не люблю пить на чужой.

— Привыкли!—отвѣчалъ незнакомецъ.—Привыкнуть не привыкли, не о томъ рѣчь, а одинъ то разокъ всегда можно, и тѣмъ болѣе въ субботу вечеромъ. Какіе пустяки!... Говорите же скорѣе, чего желаете, мистеръ Гарджери?

— Ну, ради компаніи,—сказалъ Джо,—пожалуй!... Рому!

— Рому?—повторилъ незнакомецъ.—А джентельменъ вамъ знакомый чего желаетъ?

— Рому, — отвѣчалъ мистеръ Уопсель.

— Три рома!—крикнулъ незнакомецъ хозяину таверны.— Стаканы всѣмъ!

— Этотъ джентльменъ, котораго вы только что пригласили угоститься,—сказалъ Джо съ цѣлью представить мистера Уопселя,—нашъ церковный причетникъ.

— Ага!—сказалъ незнакомецъ, скашивая глаза на меня,—изъ той уединенной церкви на кладбищѣ, вправо отъ болотъ?

— Изъ той самой,—отвѣтилъ Джо.

Незнакомецъ, продолжая курить, пробормоталъ что то сквозь зубы и протянулъ ноги на скамейкѣ, которую никто кромѣ него не занималъ. На немъ была широкополая шляпа съ слегка загнутыми внизъ полями, а голова его была такъ обмотана носовымъ платкомъ, что совсѣмъ не видно было волосъ. Онъ взглянулъ на огонь и мнѣ показалось, что по лицу его пробѣжало лукавое выраженіе и губы подернулись едва замѣтной улыбкой.

— Я совсѣмъ незнакомъ съ здѣшней мѣстностью, джентльмены, но мнѣ кажется, что по направленію къ рѣкѣ страна должна быть очень пустынная.

— Все больше болота,—сказалъ Джо.

— Безъ сомнѣнія, такъ и должно быть. Не бродятъ здѣсь у васъ цыгане, или бѣглые, или вообще бродяги какіе нибудь?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Джо,—колодники только, да и то изрѣдка. Ихъ то мы не особенно охотно ловимъ. Правда, мистеръ Уопсель?

Мистеръ Уопсель, вспомнивъ, вѣроятно, злоключенія свои въ тотъ вечеръ, согласился съ Джо, но безъ особеннаго участія.

— Вамъ, повидимому, приходилось ловить ихъ?—спросилъ незнакомецъ.

— Всего только разъ,—отвѣчалъ Джо.—Мы то, собственно, не за этимъ ходили; мы ходили только смотрѣть... вотъ я и мистеръ Уопсель и Пипъ... Правда, Пипъ?

— Да, Джо!

Незнакомецъ снова взглянулъ на меня и прищурилъ свой глазъ, какъ бы цѣлясь въ меня своимъ невидимымъ ружьемъ, и сказалъ:

— Настоящій мѣшокъ съ костями этотъ молодецъ... какъ зовете вы его?

— Пипъ,—сказалъ Джо.

— Крещенъ Пипомъ?

— Нѣтъ, не по крещенію.

— Прозванъ Пипомъ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Джо.—Въ дѣтствѣ онъ самъ называлъ себя этимъ именемъ, ну и всѣ другіе стали его такъ называть.

— Вамъ сынъ?

— Нѣтъ,—сказалъ Джо задумчиво—не потому, чтобы необходимо было раздумывать надъ этимъ отвѣтомъ, но такова ужъ была привычка всѣхъ посѣтителей „Веселыхъ Лодочниковъ", когда они разговаривали о чемъ нибудь съ трубкой во рту.—Нѣтъ... онъ не сынъ мнѣ.

— Племянникъ?—продолжалъ незнакомецъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Джо съ тѣмъ же задумчивымъ видомъ,—нѣтъ... зачѣмъ обманывать васъ... онъ мнѣ не племянникъ.

— Чѣмъ же онъ тогда, чортъ возьми, приходится вамъ?—спросилъ незнакомецъ.

Мистеръ Уопсель поспѣшилъ вмѣшаться въ разговоръ. Какъ человѣкъ, профессія котораго обязывала его въ точности знать всѣ родословныя связи, на случай опредѣленія родства между мужчиной и женщиной, вступающими въ бракъ, онъ тотчасъ же объяснилъ узы, соединяющія меня и Джо. Объясненіе свое мистеръ Уопсель закончилъ отрывкомъ изъ „ Ричарда Третьяго", который онъ произнесъ съ необыкновенно свирѣпымъ видомъ и завершилъ торжественными словами:—„Такъ говоритъ поэтъ".

Здѣсь я нахожу нужнымъ сообщить, что всякій разъ, когда мистеръ Уопсель обращался ко мнѣ, онъ считалъ почему то необходимымъ взъерошить мои волоса такимъ образомъ, чтобы они падали

мнѣ на глаза. Понять не могу, почему каждый изъ постоянныхъ посѣтителей нашего дома считалъ необходимымъ продѣлать надо мной этотъ до крайности возмущавшiй меня процессъ. Не могу припомнить, чтобы въ раннемъ дѣтствѣ своемъ я когда либо пользовался вниманiемъ нашего обычнаго семейнаго кружка, зато каждый изъ его членовъ считалъ необходимымъ оказать мнѣ выше упомянутый видъ покровительства.

Незнакомецъ все это время не смотрѣлъ ни на кого кромѣ меня и смотрѣлъ такимъ образомъ, какъ будто бы рѣшился во что бы то ни стало пристрѣлить меня. Но послѣ сказаннаго имъ раньше замѣчанiя, онъ ничего не говорилъ до тѣхъ поръ, пока не принесли стаканы съ ромомъ и горячей водой; тутъ онъ пустилъ въ меня выстрѣлъ и притомъ самый необыкновенный выстрѣлъ.

Онъ не сдѣлалъ никакого словеснаго замѣчанiя, онъ исполнилъ только нѣмую пантомиму, явно направленную по моему адресу. Онъ смотрѣлъ на свой пуншъ и пробовалъ свой пуншъ, въ то же время искоса поглядывая на меня. Онъ смотрѣлъ на него и пробовалъ его, но не ложкой, а *напилкомъ*.

Онъ сдѣлалъ это такъ, что никто не замѣтилъ этого, а затѣмъ вытеръ напилокъ и спряталъ его во внутреннiй карманъ своего сюртука. Я сразу узналъ, что это напилокъ Джо, и заключилъ изъ этого, что незнаконецъ зналъ моего колодника... Я смотрѣлъ на него, открывъ ротъ отъ удивленiя, а онъ, между тѣмъ, снова развалился на скамейкѣ и, сдѣлавъ видъ, что не обращаетъ на меня никакого вниманiя, заговорилъ о воздѣлыванiи брюквы.

На основанiи давнымъ давно уже укоренившагося въ нашей деревнѣ обычая, каждую субботу вечеромъ у насъ производилась чистка, что давало мнѣ и Джо возможность, такъ сказать, освѣжиться передъ вступленiемъ въ жизнь слѣдующей недѣли и позволяло Джо отсутствовать изъ дому на полчаса дольше обыкновеннаго. Когда прошли эти полчаса и пуншъ былъ выпитъ, Джо взялъ меня за руку и собрался уходить.

— Полъ-минуточки еще, мистеръ Гарджери! — сказалъ незнакомецъ. — Мнѣ помнится, что тутъ у меня гдѣ то въ карманѣ есть совсѣмъ новенькiй шиллингъ. Коли есть, такъ мальчикъ получи его.

Онъ досталъ изъ кармана горсть мелочи, отыскалъ шиллингъ и, завернувъ его въ бумагу, подалъ мнѣ.

— Это тебѣ! — сказалъ онъ. — Подумай-ка! Твой собственный.

Я поблагодарилъ его, всматриваясь въ него пристальнѣе, чѣмъ это допускалось приличiемъ и крѣпко держась за руку Джо. Незнакомецъ пожелалъ спокойной ночи Джо, затѣмъ мистеру Уопселю, который выходилъ вмѣстѣ съ нами, а мнѣ подмигнулъ гла-

зомъ, т. е. вѣрнѣе не подмигнулъ, а стрѣльнулъ и притомъ почти совсѣмъ закрывъ его.

Будь я въ расположенiи говорить, то по пути домой кромѣ меня никто навѣрное не говорилъ бы, такъ какъ мистеръ Уопсель разстался съ нами у дверей „Веселыхъ Лодочниковъ", а Джо шелъ всю дорогу съ открытымъ ртомъ, чтобы вывѣтрился запахъ рому на свѣжемъ воздухѣ. Но я былъ совершенно ошеломленъ тѣмъ, что мой старый проступокъ и старый знакомый вдругъ вынырнулъ наружу, и ни о чемъ больше не могъ думать.

Сестра находилась въ довольно сносномъ настроенiи духа, когда мы вошли въ кухню; это нобычайное событiе одобрило Джо и онъ разсказалъ ей о новенькомъ шиллингѣ.

— Пусть меня повѣсятъ, если онъ не фальшивый! — съ торжествомъ воскликнула мистриссъ Джо; — будь монета настоящая, не подарилъ бы онъ ее мальчику! Покажи сюда!

Я вынулъ шиллингъ изъ бумаги и онъ оказался настоящимъ.

— Это еще что? — сказала мистриссъ Джо, роняя шиллингъ и посѣшно подымая бумагу, въ которой онъ былъ завернутъ. — Два фунтовыхъ билета!

Да, это были ни болѣе, ни менѣе, какъ два пропитанныхъ жиромъ фунтовыхъ билета, которые путешествовали, повидимому, по всѣмъ рынкамъ рогатаго скота въ государствѣ. Джо схватилъ свою шляпу и пустился бѣгомъ къ „Веселымъ Лодочникамъ", чтобы вернуть деньги ихъ владѣльцу. Въ ожиданiи его возвращенiя я сидѣлъ на своемъ обычномъ мѣстѣ и, глядя на свою сестру, но не видя ее, думалъ съ увѣренностью, что незнакомца не найдутъ.

Джо вернулся скоро назадъ и сказалъ, что незнакомца не оказалось, но что онъ замолвилъ словечко въ „Трехъ Веселыхъ Лодочникахъ" относительно билетовъ. Сестра взяла тогда деньги, запечатала ихъ въ бумагу, отнесла въ гостиную и положила тамъ, внутрь пресъ-папье, сдѣланнаго въ видѣ чайника и наполненнаго сушеными лепестками розъ. Здѣсь онѣ оставались въ теченiе многихъ дней и ночей и мучили меня подобно ночному кошмару.

Я легъ въ постель, но спалъ худо въ эту ночь, думая почти все время о незнакомцѣ, который цѣлился въ меня своимъ невидимымъ ружьемъ, о томъ какъ гадко и низко находиться въ тайныхъ сношенiяхъ съ колодниками. А раньше я совсѣмъ было забылъ объ этомъ доказательствѣ моего унизительнаго положенiя. Мнѣ то и дѣло чудился напилокъ. Мною овладѣвалъ ужасъ при мысли о томъ, что онъ появился въ ту именно минуту, когда я менѣе всего ожидалъ видѣть его. Мало по малу я успулъ, думая о миссъ Хевишемъ и о моемъ посѣщенiи къ ней въ ближайшую среду. Во снѣ я увидѣлъ напилокъ, шедшiй ко мнѣ черезъ дверь, причемъ никто его не держалъ... Я вскрикнулъ и проснулся.

Глава одиннадцатая.

Въ назначенный день я отправился къ миссъ Хевишемъ и на мой звонокъ у калитки ко мнѣ вышла Эстелла. Она, какъ и въ первый разъ, открыла калитку и впустила меня, послѣ чего я послѣдовалъ въ темный корридоръ, гдѣ горѣла свѣча. Она не обращала на меня никакого вниманія, пока не взяла подсвѣчникъ въ руки; обернувшись ко мнѣ черезъ плечо, она сказала мнѣ: — „Ты пойдешь сегодня этой дорогой!“ — и повела меня за собой въ другую часть дома.

Корридоръ былъ очень длинный и шелъ, повидимому, кругомъ всего нижняго этажа Маноръ-Хауза. Мы прошли одну только часть четырехугольника, въ концѣ котораго Эстелла остановилась, поставила свѣчу на полъ и открыла запертую на замокъ дверь. Здѣсь снова показался дневной свѣтъ и я очутился на небольшомъ мощеномъ дворѣ, на противоположной сторонѣ котораго находился отдѣльный домъ, гдѣ, повидимому, жилъ когда то управляющій или главный клеркъ бывшей пивоварни. Въ наружной стѣнѣ дома были вдѣланы часы. Подобно стѣннымъ и карманнымъ часамъ миссъ Хевишемъ они остановились на безъ двадцати девять.

Мы вошли чрезъ открытую дверь и прошли въ комнату съ низкимъ потолкомъ, которая находилась въ задней сторонѣ нижняго этажа. Въ комнатѣ было цѣлое общество и Эстелла сказала мнѣ:— „Пойди туда и подожди, пока тебя позовутъ“. — „Туда“ означало окно; я прошелъ черезъ комнату и остановился у окна, въ самомъ грустномъ настроеніи духа посматривая въ него.

Оно было очень низко отъ земли и выходило на самый скверный уголокъ заброшеннаго сада съ грядками, гдѣ виднѣлись остатки сгнившей капусты и буковое дерево давно когда-то подстриженное въ видѣ пуддинга; на верхушкѣ этого пуддинга выросли теперь новые отпрыски совсѣмъ иного вида и цвѣта. Можно было подумать, что пуддингъ присталъ къ кастрюлькѣ и пригорѣлъ. Такъ думалъ я, глядя на буковое дерево. Въ ту ночь шелъ снѣгъ, но теперь его нигдѣ не было видно, за исключеніемъ этой части сада; вѣтеръ подхватывалъ его и пушинки его летѣли въ окно, какъ бы дѣлая мнѣ выговоръ за то, что я пришелъ сюда.

Я смутно догадывался, что приходъ мой помѣшалъ общему разговору и что всѣ теперь смотрятъ на меня. Я ничего и никого не видѣлъ въ комнатѣ, за исключеніемъ отраженія огня па оконномъ стеклѣ; но одного сознанія того, что я являюсь предметомъ наблюденія, было уже достаточно, чтобы я чувствовалъ себя какъ нельзя болѣе неловко.

Въ комнатѣ находились три леди и одинъ джентльменъ. Не успѣлъ я простоять и пяти минутъ у окна, какъ у меня почему

то сложилось убѣжденіе, что все это люди низкіе и льстивые, и что каждый изъ нихъ притворялся, будто не знаетъ, что всѣ остальные такіе же льстецы и шарлатаны, какъ и самъ онъ. Ибо, допустивъ, что онъ или она это знаетъ, значило признать и себя принадлежащимъ къ такимъ же льстецамъ и шарлатанамъ.

Всѣ они съ невыразимымъ видомъ тоски ждали, повидимому, чего то; самая болтливая изъ леди даже зѣвала много разъ отъ скуки. Эта леди, по имени Камилла, очень напоминала мнѣ мою сестру, съ тою только разницею, что она была старше и (какъ мнѣ показалось, когда я взглянулъ на нее) черты лица у нея были не такія рѣзкія. Когда потомъ я больше познакомился съ ней, я нашелъ, что это было даже къ лучшему, ибо рѣзкія черты совсѣмъ не подходили къ такому плоскому и безцвѣтному лицу, какое было у нея.

— Бѣдняжка! — говорила эта леди такъ же отрывисто, какъ и моя сестра.—Никому не врагъ, кромѣ самого себя.

— Было бы несравненно естественнѣе быть чьимъ нибудь врагомъ, — замѣтилъ джентльменъ.

— Кузенъ Раймонъ, — сказала другая леди, — мы должны любить своего ближняго.

— Сара Покетъ, — отвѣчалъ кузенъ Раймонъ, — если человѣкъ не ближній самому себѣ, кто же его ближній?

Сара Покетъ засмѣялась и Камилла засмѣялась и сказала: (стараясь скрыть зѣвокъ) — „Интересная идея!"

Я подумалъ, что имъ всѣмъ пришлась по вкусу эта идея. Третья леди, которая не говорила еще до сихъ поръ, замѣтила: — „Совершенно вѣрно!"

— Бѣдняжка! — начала снова Камилла, (я чувствовалъ, что всѣ смотрятъ на меня въ эту минуту), — онъ такой странный! Можно ли было повѣрить, когда умерла жена Тома, что онъ не могъ додуматься до того, какъ важно, чтобы дѣти въ то утро надѣли самый глубокій трауръ! „Боже мой, — сказалъ онъ, — какое значеніе можетъ имѣть, Камилла, будутъ эти крошки въ черномъ или нѣтъ?" Совсѣмъ, какъ Матью! Тоже идея!

— Хорошія у него качества есть, хорошія, — сказалъ кузенъ Раймонъ. — Боже избави меня, чтобы я вздумалъ отрицать эти хорошія качества, но у него никогда не было и никогда не будетъ понятія о томъ, что такое приличіе.

— Я была, знаете ли, обязана, — сказала Камилла, — обязана быть твердой. Я сказала: — „Такъ нельзя поступать ради чести своей семьи". Я сказала ему, что отсутствіе траура даетъ поводъ къ злословію, позорящему семью. Я надрывалась съ самаго завтрака и до обѣда. Я повредила своему пищеваренію. Наконецъ, онъ вышелъ изъ себя и сказалъ мнѣ:—„А, чортъ! дѣлай, что хочешь!" Слава Богу, это все таки было нѣкоторымъ утѣше-

ніемъ для меня. Не смотря на проливной дождь я тотчасъ же отправилась въ лавки и закупила все, что нужно.

— Уплатилъ онъ за все это или нѣтъ? — спросила Эстелла.

— Вопросъ не въ томъ, милое дитя, кто уплатилъ,—отвѣчала Камилла.—Я покупала все. Я часто думаю объ этомъ, когда просыпаюсь ночью, и душа моя наполняется тогда миромъ.

Гдѣ то вдали послышался колокольчикъ, затѣмъ чей то крикъ или зовъ пронесся по корридору, по которому мы шли недавно. Разговоръ прекратился и Эстелла сказала мнѣ:

— Идемъ, мальчикъ!

Я обернулся и взоры всѣхъ съ величайшимъ вниманіемъ обратились на меня и въ ту минуту, когда я выходилъ, я услышалъ, какъ Сара Покетъ сказала:

— О, я увѣрена! Что то еще будетъ дальше!

А Камилла прибавила съ негодованіемъ:

— Видали вы такія фантазіи? Вотъ такъ идея!

Когда мы шли со свѣчей по темному корридору, Эстелла вдругъ остановилась и, оглянувшись кругомъ, съ самымъ задорнымъ видомъ склонила свое лицо къ моему.

— Ну?

— Что, миссъ? — отвѣчалъ я, споткнувшись и едва не падая на нее.

Она стояла и смотрѣла на меня, я также стоялъ и смотрѣлъ на нее.

— Красивая я?

— Да! Мнѣ вы кажетесь очень красивой.

— Дерзкая я?

— Сегодня вы не такая, какъ прошлый разъ, — отвѣчалъ я.

— Не такая?

— Нѣтъ.

Предлагая послѣдній вопросъ, она сильно покраснѣла и не успѣлъ я отвѣтить ей, какъ она размахнулась и ударила меня по щекѣ.

— Ну? — сказала она. — Что ты теперь думаешь обо мнѣ маленькое ты грубое чудовище?

— Я не скажу.

— Потому что намѣренъ сказать тамъ наверху?... Не такъ-ли?

— Нѣтъ — отвѣчалъ я,—не потому.

— Ты чего же не плачешь, дрянь?

— Потому что не стоитъ плакать изъ за васъ,—отвѣчалъ я.

Врядъ ли когда въ своей жизни давалъ я болѣе лживый отвѣтъ. Все плакало въ душѣ моей и въ тотъ часъ я позналъ уже муку, которую впослѣдствіи много разъ испытывалъ изъ-за нея.

Мы подошли къ лѣстницѣ послѣ этого эпизода и стали подыматься, когда увидѣли какого то джентльмена, спускавшагося внизъ.

— Кто это? — спросилъ джентльменъ, останавливаясь и внимательно всматриваясь въ меня.

— Мальчикъ, — отвѣчала Эстелла.

Это былъ человѣкъ дородный и необыкновенно смуглый, съ чрезмѣрно большой головой и соотвѣтственно этому большими руками. Онъ взялъ меня за подбородокъ и повернулъ лицо мое такимъ образомъ, чтобы лучше разсмотрѣть его при свѣтѣ свѣчи. На головѣ его красовалась огромная лысина, черныя густыя брови его топорщились и торчали, какъ щетка; глаза сидѣли глубоко въ орбитахъ и взглядъ ихъ былъ крайне непріятный, рѣзкій и подозрительный. На жилетѣ у него болталась толстая часовая цѣпочка, а лицо усѣяно было черными точками на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ должны были расти борода и бакенбарды. Для меня онъ въ тотъ моментъ не имѣлъ никакого значенія, ибо я не могъ предвидѣть, что когда либо столкнусь съ нимъ, но тѣмъ не менѣе я какъ то случайно замѣтилъ эти подробности.

— Живешь гдѣ нибудь по сосѣдству? А? — спросилъ онъ.

— Да.

— Какъ ты попалъ сюда? — спросилъ онъ.

— Миссъ Хевишемъ сама послала за мной, — сказалъ я.

— Да?.. Веди себя хорошенько. Я человѣкъ опытный и хорошо знаю мальчиковъ. Это скверный народъ, братецъ ты мой! Смотри-же, веди себя примѣрно! — сказалъ онъ, грозя мнѣ указательнымъ пальцемъ и хмуря брови.

Съ этими словами онъ выпустилъ мой подбородокъ и пошелъ дальше внизъ по лѣстницѣ, чему я былъ очень радъ, такъ какъ отъ руки его несло сильнымъ запахомъ душистаго мыла. Сначала у меня мелькнула мысль, что это былъ докторъ, но затѣмъ я подумалъ, что онъ не можетъ быть докторомъ, такъ какъ для доктора, казалось мнѣ, у него были недостаточно покойныя и степенныя манеры. Но у меня не хватило времени на дальнѣйшія разсужденія, потому что мы скоро пришли въ комнату миссъ Хевишемъ, гдѣ все было въ томъ же видѣ, какъ и въ первый разъ. Эстелла оставила меня у дверей и я стоялъ тамъ, пока миссъ Хевишемъ не увидѣла меня.

— Такъ! — сказала она, ничуть, повидимому, не удивляясь моему появленію. — Дни канули въ вѣчность, не такъ-ли?

— Да ма'амъ! Сегодня...

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! — сказала она, нетерпѣливо двигая пальцами. — Я не желаю знать. Ты приготовилъ какое нибудь развлеченіе?

— Думаю, что нѣтъ, ма'амъ! — отвѣчалъ я съ нѣкоторымъ смущеніемъ.

— Въ карты опять? — спросила она, осматриваясь кругомъ.

— Да, ма'амъ, если вы желаете.

— Ну, если домъ этотъ производитъ на тебя такое впечатлѣніе, что ты дѣлаешься старымъ и мрачнымъ, — съ нетерпѣніемъ продолжала миссъ Хевишемъ, — и не хочешь играть, такъ не хочешь ли, по крайней мѣрѣ, работать?

На этотъ вопросъ я могъ отвѣтить гораздо охотнѣе и увѣреннѣе, чѣмъ на первый, и сказалъ, что готовъ работать.

— Тогда иди въ ту комнату, напротивъ, — указала она рукой на дверь находившуюся позади меня, — и жди, пока я приду.

Я перешелъ площадку лѣстницы и вошелъ въ указанную мнѣ комнату. Изъ этой комнаты былъ также изгнанъ дневной свѣтъ и воздухъ въ ней былъ удушливый. Въ старомодномъ каминѣ положены были дрова, которые не горѣли, а больше тлѣли и вся комната была наполнена выходившимъ оттуда дымомъ, который казался холоднѣе чистаго воздуха и напоминалъ собою мартовскій туманъ. На высокомъ каминѣ стояли зажженныя канделябры, которыя тускло освѣщали комнату, или, говоря вѣрнѣе, не освѣщали, а лишь до нѣкоторой степени нарушали ея темноту. Комната была огромная и когда то должно быть очень красивая, но всѣ вещи въ ней были покрыты пылью и плѣсенью. Предметъ, который прежде всего бросился мнѣ въ глаза, былъ длинный столъ, покрытый скатертью, какъ будто все здѣсь было приготовлено къ пиршеству въ тотъ моментъ, когда часы и жизнь въ домѣ навсегда остановились. Посреди стола я увидѣлъ какой то странный предметъ, до того покрытый паутиной, что невозможно было положительно различить его формы; внимательно присматриваясь къ этому предмету, который, точно черный грибъ, выросъ изъ середины пожелтѣвшей скатерти, я увидѣлъ пестрыхъ пауковъ съ длинными ногами, жившихъ, повидимому, въ этомъ предметѣ, какъ у себя дома, и то входившихъ, то выходившихъ изъ него. Можно было подумать, что въ общинѣ этихъ пауковъ случилось сегодня какое то событіе, имѣющее громадное значеніе для всѣхъ ея членовъ.

Надо полагать, что и у мышей случилось такое же важное происшествіе, потому что онѣ слишкомъ сильно скреблись и бѣгали за панелями. Зато черные тараканы не принимали рѣшительно никакого участія въ общемъ волненіи; они ползали кругомъ камина, были, казалось слѣпы и глухи ко всему окружающему и не особенно интересовались другъ другомъ.

Эти ползающіе тараканы такъ заняли меня, что я весь углубился въ наблюденія надъ ними и только тогда услышалъ, что миссъ Хевишемъ вошла въ комнату, когда она положила мнѣ руку на плечо. Въ другой рукѣ она держала палку, загнутую крюч-

комъ на верхнемъ концѣ, и опиралась на нее. Въ такомъ видѣ она ужасно напоминала старую волшебницу.

— Тамъ вотъ,—сказала она, указывая палкой на длинный столъ,—положатъ меня, когда я умру. Они придутъ и будутъ смотрѣть на меня.

Я вздрогнулъ отъ ужаса, представивъ себѣ, что вотъ она сейчасъ умретъ и ее положатъ на этотъ столъ, гдѣ она будетъ лежать, точно восковая фигура на ярмаркѣ.

— Ты какъ думаешь, что это такое?—спросила она, снова указывая палкой.—Это вотъ, что покрыто паутиной?

— Не могу догадаться, ма'амъ!

— Это большой пирогъ. Свадебный пирогъ. Мой!

Она мрачнымъ взглядомъ обвела всю комнату и затѣмъ, сильнѣе облокотившись на мое плечо, сказала:

— Ну, скорѣе, скорѣе! Води меня, води!

Изъ этихъ словъ я вывелъ заключеніе, что работа моя будетъ состоять въ томъ, чтобы водить миссъ Хевишемъ по комнатѣ. На этомъ основаніи я двинулся впередъ и миссъ Хевишемъ, опираясь на мое плечо, пошла сначала такимъ скорымъ шагомъ, который я могъ сравнить съ подражаніемъ движенію одноколки мистера Пембельчука.

Но она была слишкомъ слаба и немного спустя сказала мнѣ:

— Тише!

Несмотря на это, она все еще продолжала идти довольно скорымъ, но неровнымъ шагомъ, крѣпко надавливая мнѣ на плечо, и все время перебирала губами, какъ бы стараясь заставить меня думать, что мы потому идемъ такъ скоро, что мысли ея бѣгутъ скоро. Наконецъ она сказала:

— Позови Эстеллу!

Я вышелъ на площадку лѣстницы и сталъ звать Эстеллу, какъ и въ первый разъ. Когда вдали мелькнула ея свѣча, я вернулся къ миссъ Хевишемъ и мы по прежнему продолжали ходить кругомъ комнаты.

Будь даже одна Эстелла зрительницей нашего путешествія, то и тогда мнѣ было-бы неловко, а между тѣмъ она привела съ собой трехъ леди и джентльмена, которыхъ я видѣлъ внизу. Я не зналъ, куда мнѣ дѣваться. Я хотѣлъ было остановиться, но миссъ Хевишемъ сдавила мнѣ плечо и мы двинулись дальше... Мнѣ было стыдно, что они подумаютъ, будто это я придумалъ такое развлеченіе.

— Дорогая миссъ Хевишемъ!—сказала миссъ Сара Покетъ.—Какъ вы хорошо выглядите!

— Нѣтъ!—отвѣчала миссъ Хевишемъ.—Я мѣшокъ желтой кожи съ костями.

Камилла просіяла отъ удовольствія, что миссъ Покетъ получила

такой отвѣтъ; жалобно поглядывая на миссъ Хевишемъ, она прошептала:

— Бѣдняжка! Гдѣ ужъ тутъ выглядѣть хорошо! Вотъ, тоже, идея!

— А вы какъ поживаете?—спросила мисъ Хевишемъ Камиллу.

Въ эту минуту мы поравнялись съ Камиллой и я хотѣлъ остановиться, но миссъ Хевишемъ не захотѣла. Мы двинулись дальше и я почувствовалъ, что становлюсь ненавистнымъ Камиллѣ.

— Благодарю васъ, миссъ Хевишемъ, — отвѣчала она.—Я чувствую себя настолько хорошо, насколько это возможно.

— Что же такое съ вами? — необыкновенно рѣзко спросила ее миссъ Хевишемъ.

— Ничего такого, чтобы стоило говорить,—отвѣчала Камилла.—Я не желаю выкладывать наружу всѣ свои чувства, но я привыкла по ночамъ слишкомъ много думать о васъ, чтобы спать.

— Тогда лучше не думайте обо мнѣ,—отвѣчала миссъ Хевишемъ.

— Легко сказать!—замѣтила Камилла, удерживая рыданіе; ея глаза были полны слезъ и губы дрожали.—Раймонъ можетъ засвидѣтельствовать, сколько я употребляю ночью инбирю и сколько разъ нюхаю нашатырный спиртъ. Раймонъ можетъ засвидѣтельствовать, какія нервныя подергиванія бываютъ у меня въ ногахъ. Обмороки и нервныя подергиванія мнѣ не новость, когда я съ тревогой думаю о тѣхъ, кого люблю. Будь я менѣе привязчива и чувствительна, у меня было бы лучшее пищевареніе и желѣзные нервы. Я очень не прочь, чтобы это было такъ. Но не думать о васъ ночью!... Вотъ еще идея!

Я догадался тутъ, что Раймонъ, о которомъ говорилось сейчасъ, былъ присутствующій джентльменъ, и что онъ мужъ Камиллы. Когда она кончила говорить, онъ ласково и нѣжно сказалъ ей:

— Камилла, моя дорогая, всѣмъ хорошо извѣстно, что семейныя чувства ваши довели васъ до того, что одна нога у васъ сдѣлалась короче другой.

— Не понимаю,—сказала серьезная леди, голосъ которой я слышалъ всего только разъ,—почему думать о комъ нибудь значитъ предъявлять на него свои претензіи?

Миссъ Сара Покетъ, маленькая, сухая пожилая женщина со сморщеннымъ худенькимъ личикомъ, какъ будто сдѣланнымъ изъ каштановой скорлупы и съ большимъ кошачьимъ ртомъ безъ усовъ, отвѣтила на это:

— Нѣтъ, безъ сомнѣнія, моя дорогая! Гм!

— Думать такъ просто!—сказала серьезная леди.

— Чего проще!—согласилась миссъ Сара Покетъ.

— О, да, да!—воскликнула Камилла, пылкія чувства которой поднялись изъ ея ногъ къ самой груди ея.—Это глубокая истина!

Это большой недостатокъ быть привязчивой, но я ничего не могу подѣлать противъ этого. Здоровье мое было бы несравненно лучше, будь я въ силахъ измѣнить свой характеръ. Въ этомъ кроется вся причина моихъ страданій, но въ этомъ также я нахожу и утѣшеніе себѣ, когда просыпаюсь ночью.

Здѣсь послѣдовалъ новый взрывъ чувствъ.

Миссъ Хевишемъ и я, мы все время ни на минуту не останавливались и продолжали ходить кругомъ комнаты, то проходя мимо посѣтителей, то оставляя ихъ позади себя.

— Вотъ Матью!—сказала Камилла.—Онъ не признаетъ никакихъ родственныхъ узъ и никогда не посѣщаетъ миссъ Хевишемъ! Я падала въ обморокъ на диванъ, мнѣ разрѣзывали шнурки на корсетѣ... Цѣлыми часами лежала я такъ безъ чувствъ... Голова моя лежала на бокъ, волоса бывали распущены, а ноги... ужъ я, право, не знаю, гдѣ были мои ноги.

— Выше твоей головы, моя милая,—сказалъ ей мужъ.

— Часами, цѣлыми часами, оставалась я въ такомъ положеніи и все изъ-за безобразнаго и необъяснимаго поведенія Матью, и никто за это даже спасибо не сказалъ.

— Вотъ ужъ никогда не думала этого,—замѣтила серьезная леди.

— Видите, моя дорогая,—сказала миссъ Сара Покетъ,—весь вопросъ заключается въ томъ, отъ кого желали бы вы слышать благодарность?

— Не ожидая никакой благодарности и ничего въ этомъ родѣ,—продолжала Камилла,—я цѣлыми часами оставалась въ такомъ состояніи и Раймонъ можетъ засвидѣтельствовать, до чего доходили мои обмороки; даже инбирь не дѣйствовалъ на меня. Напротивъ, у настройщика все слышали, что со мною дѣлалось, а дѣти его принимали мои стоны за воркованіе голубя... И теперь я скажу...

Камилла схватилась рукой за горло, въ которомъ у нея начался какой то странный процессъ, долженствовавшій, вѣроятно, способствовать образованію новыхъ идей.

Когда было упомянуто имя Матью, миссъ Хевишемъ остановилась и не спускала глазъ съ говорившей, что произвело громадное вліяніе на Камиллу и сразу остановило ея горловой процессъ.

— Матью придетъ, когда все кончится, — грозно крикнула миссъ Хевишемъ,—и когда я буду лежать на столѣ! Вотъ гдѣ будетъ его мѣсто,—продолжала она, указывая палкой на столъ,—у моего изголовья! А ваше здѣсь! Вашего мужа здѣсь! Сары Покетъ здѣсь! А Джіорджіаны здѣсь! Теперь всѣ вы знаете, гдѣ должны стоять, когда будете праздновать мою кончину. А теперь вонъ отсюда, всѣ вы!

Называя чье-нибудь имя, она подымала палку и указывала ею новое мѣсто.

— Води же меня, води,—сказала она затѣмъ, и мы снова двинулись кругомъ комнаты.

— Здѣсь, кажется, нечего больше дѣлать!—воскликнула Камилла.—Остается проститься и уйти. Все же, хотя на короткое время, а что нибудь да значитъ увидѣть предметъ своей любви и исполнить свой долгъ. Просыпаясь ночью, я буду думать объ этомъ съ грустнымъ чувствомъ удовлетворенія. Желаю отъ души, чтобы и Матью испыталъ такое чувство, но онъ съ пренебреженіемъ относится къ этому. Я не люблю рисоваться своими чувствами, но жестоко говорить, будто мы собираемся праздновать кончину... и затѣмъ выгонять прочь... Идея, нечего сказать!

Камилла прижала руку къ тяжело подымающейся груди, но мужъ поспѣшилъ къ ней и она, принявъ видъ, будто употребляетъ неимовѣрныя усилія, чтобы не упасть въ обморокъ тутъ же, послала рукой поцѣлуй миссъ Хевишемъ и поспѣшила выйти вмѣстѣ съ мужемъ. Сара Покетъ и Джіорджіана уступали дорогу другъ другу,—каждой изъ нихъ хотѣлось остаться,—но первая перехитрила послѣднюю и такъ ловко скользнула въ сторону, что Джіорджіанѣ пришлось пройти впередъ. Тогда Сара, проговоривъ:—„Богъ да благословитъ васъ, миссъ Хевишемъ, моя дорогая!"—съ сострадательной улыбкой на лицѣ цвѣта сморщенной каштановой скорлупы кивнула въ сторону только что вышедшихъ и вышла въ свою очередь.

Пока Эстелла провожала ихъ со свѣчей, миссъ Хевишемъ продолжала ходить, опираясь на мое плечо и постепенно замедляя шаги. Наконецъ она остановилась у камина, нѣсколько минутъ смотрѣла на огонь и сказала:

— Сегодня день моего рожденія, Пипъ!

Я хотѣлъ было пожелать ей много еще такихъ дней, но она остановила меня движеніемъ палки.

— Я не терплю, когда говорятъ объ этомъ. Я не хочу, чтобы тѣ, которые были сейчасъ здѣсь, или кто бы тамъ ни былъ другой, говорили объ этомъ. Они всегда приходятъ въ этотъ день, но никогда не смѣютъ упоминать о немъ.

Я также, само собой разумѣется, не упоминалъ больше о немъ.

— Въ этотъ день, задолго еще до твоего рожденія, принесена была сюда эта куча гнили,—продолжала она, указывая палкой на кучу паутины, но не притрогиваясь къ ней.—Она и я, мы вмѣстѣ гнили. Мыши изгрызли ее, а меня точили несравненно болѣе острые зубы, чѣмъ у мышей.

Она стояла, прижавъ конецъ своей палки къ сердцу, и смотрѣла на столъ; она была въ бѣломъ когда-то платьѣ, теперь пожелтѣв-

шемъ и поношенномъ; бѣлая когда то скатерть тоже пожелтѣла и износилась и все кругомъ было въ такомъ состояніи, что должно было, казалось, разрушиться отъ малѣйшаго прикосновенія.

— Когда наступитъ полное разрушеніе,—сказала она мрачно,—и они положатъ меня мертвую въ вѣнчальномъ платьѣ на этотъ свадебный столъ,—это будетъ, конечно, сдѣлано и будетъ послѣднимъ проклятьемъ для него,—то будетъ еще лучше, если это случится въ этотъ именно день.

Она стояла и смотрѣла, и, казалось, видѣла свою собственную фигуру, лежащею на этомъ столѣ. Я стоялъ спокойно. Эстелла вернулась и тоже стояла спокойно. Мнѣ казалось, что это длится слишкомъ долго. Подъ вліяніемъ удушливаго воздуха въ комнатѣ и темноты, прячущейся по всѣмъ угламъ, мнѣ пришла въ голову тревожная мысль, что и мы съ Эстеллой начнемъ вотъ сейчасъ разрушаться.

Но вотъ миссъ Хевишемъ пришла вдругъ въ себя и сказала:

— Поиграйте-ка оба въ карты. Отчего вы не играли до сихъ поръ?

Мы вернулись въ ея комнату и усѣлись за карты. Я проигрывалъ все время, какъ и прошлый разъ, а миссъ Хевишемъ сидѣла и наблюдала за нами, то и дѣло обращая вниманіе мое на красоту Эстеллы и прикладывая ожерелье то къ ея шеѣ, то къ ея волосамъ.

Эстелла съ своей стороны обращалась со мною не только по прежнему, но даже не хотѣла говорить со мною. Мы сыграли разъ шесть и миссъ Хевишемъ, назначивъ мнѣ день, когда я долженъ придти, приказала свести меня во дворъ, гдѣ меня снова накормили, какъ собаку. И на этотъ разъ меня оставили одного, чтобы я могъ погулять, гдѣ хочу.

Не помню, была ли калитка въ стѣнѣ сада, когда я былъ здѣсь первый разъ и взлѣзалъ на стѣну; дѣло въ томъ, что я тогда ее не видѣлъ, а теперь вдругъ увидѣлъ. Она стояла открытая настежь, а такъ какъ я зналъ, что Эстелла вывела гостей черезъ наружную калитку—при мнѣ она вернулась съ ключами въ рукѣ—то я бросился въ садъ и обѣжалъ весь его кругомъ. Садъ былъ совсѣмъ запущенъ и заброшенъ; здѣсь были, правда, старые парники, гдѣ когда-то расли дыни и огурцы; теперь же въ нихъ не было никакой рѣшительно растительности, вообще ничего, кромѣ кусковъ старыхъ шляпъ и сапоговъ и разбросанныхъ тамъ и сямъ остатковъ битой посуды.

Я осмотрѣлъ весь садъ, побывалъ въ оранжереѣ, гдѣ теперь ничего больше не оставалось, кромѣ сухой виноградной лозы и нѣсколькихъ бутылокъ и, выйдя отсюда, очутился въ грязномъ уголкѣ, который я видѣлъ сегодня, стоя у окна. Совсѣмъ не думая о томъ, живетъ ли кто нибудь въ этомъ домѣ или нѣтъ, я заглянулъ въ одно изъ оконъ и къ величайшему удивленію своему увидѣлъ, что на

меня смотритъ въ окно блѣдный молодой джентльменъ съ красными вѣками и бѣлокурыми волосами.

Блѣдный молодой джентльменъ отошелъ отъ окна и спустя минуту стоялъ уже рядомъ со мной. Онъ сидѣлъ за книгами, когда я увидѣлъ его, а теперь я замѣтилъ, что всѣ пальцы у него въ чернилахъ.

— Эй, ты, мальчикъ!—крикнулъ онъ.

Такъ какъ „эй“ было въ такихъ случаяхъ обыкновеннымъ выраженіемъ, то я отвѣчалъ ему тѣмъ же „эй“, но изъ вѣжливости выпустилъ слово мальчикъ.

— Кто тебя впустилъ сюда?—спросилъ онъ.

— Миссъ Эстелла.

— Кто тебѣ позволилъ бѣгать вездѣ?

— Миссъ Эстелла.

— Пойдемъ-ка драться,—сказалъ блѣдный молодой человѣкъ.

Что мнѣ было дѣлать? Слѣдовать за нимъ? Я часто съ тѣхъ поръ задавалъ себѣ этотъ вопросъ:—что я могъ сдѣлать? У него были такія изящныя манеры, я былъ такъ удивленъ, что послѣдовалъ за нимъ, точно находясь подъ вліяніемъ какихъ то чаръ.

— Погоди минутку,—сказалъ онъ, когда мы прошли нѣсколько шаговъ и вдругъ перевернулся колесомъ.—„Надо же выдумать какой нибудь предлогъ, чтобы ты могъ драться... Придумалъ!“

И въ ту же минуту онъ самымъ подзадоривающимъ манеромъ хлопнулъ въ ладоши, отставилъ одну ногу назадъ, схватилъ меня за волосы, снова хлопнулъ въ ладоши и, наклонивъ голову неожиданно ударилъ меня ею въ животъ.

Этотъ по истинѣ бычачій поступокъ, помимо того что былъ крайне дерзокъ и нахаленъ, былъ еще и крайне непріятенъ, въ виду недавно съѣденнаго мною хлѣба съ мясомъ. Я бросился на него, ударилъ и хотѣлъ еще ударить, когда онъ, сказавъ мнѣ:—„Ага, хочешь, значитъ, драться!“—принялся прыгать взадъ и впередъ, взадъ и впередъ, вытворяя при этомъ разные непонятные для меня и невиданные мною фокусы.

— Законы игры!—кричалъ онъ, перепрыгивая съ лѣвой ноги на правую.—Главныя основныя правила!—И онъ перепрыгнулъ съ правой ноги на лѣвую.—Идемъ на мѣсто и приступимъ къ предварительнымъ дѣйствіямъ!—Онъ прыгнулъ впередъ, прыгнулъ назадъ и продѣлалъ еще кое-какія штуки, пока я стоялъ и безпомощно смотрѣлъ на него.

Ловкость его пугала меня и я начиналъ побаиваться его; тѣмъ не менѣе я, какъ въ моральномъ, такъ и въ физическомъ отношеніи чувствовалъ, что онъ не имѣлъ никакого права тыкать меня въ животъ своей бѣлокурой головой. Я послѣдовалъ за нимъ, не говоря ни слова, въ самый отдаленный уголъ сада, который находился въ томъ мѣстѣ, гдѣ двѣ стѣны сходились вмѣстѣ; уголокъ этотъ

скрывался за рядомъ кустарниковъ. Онъ спросилъ меня, доволенъ ли я мѣстомъ и, когда я отвѣтилъ ему „да", просилъ извиненія, что долженъ оставить меня на нѣсколько минутъ и вернулся очень скоро съ бутылкой воды и губкой, пропитанной уксусомъ.

— Пригодится намъ съ тобой,—сказалъ онъ и помѣстилъ все это у самой стѣны.

Затѣмъ онъ сталъ раздѣваться и не только снялъ съ себя сюртукъ и жилетъ, но даже рубашку и постарался придать себѣ дѣловой и кровожадный видъ.

Несмотря на то, что онъ выглядѣлъ не особенно крѣпкимъ и здоровымъ и все лицо его было покрыто прыщами, я страшно напугался, видя эти ужасныя приготовленія. Судя по виду, онъ былъ однихъ почти лѣтъ со мною, но только выше и гораздо увертливѣе меня. Теперь, когда онъ раздѣлся видно было, что всѣ части его тѣла локти, колѣна, руки, ноги развиты вполнѣ хорошо и пропорціонально.

Сердце упало у меня, когда я увидѣлъ, какъ онъ съ видомъ опытнаго борца внимательно разсматриваетъ меня, какъ бы стараясь намѣтить самое больное мѣсто. Никогда въ жизни своей не удивлялся я такъ, какъ увидя его лежащимъ на спинѣ съ окровавленнымъ носомъ послѣ перваго же моего удара.

Онъ моментально вскочилъ на ноги, быстро вытеръ лицо губкой и снова приготовился напасть на меня. Каково же было мое удивленіе, когда и послѣ второго удара моего онъ очутился на спинѣ, поглядывая на меня подбитымъ глазомъ.

Его необыкновенное присутствіе духа внушало мнѣ большое уваженіе. Онъ не отличался, повидимому, большой силой и ни разу не ударилъ меня крѣпко, а я всякій разъ сбивалъ его съ ногъ. Черезъ минуту онъ всталъ, вытерся опять губкой, выпилъ нѣсколько глотковъ воды изъ бутылки, дѣлая все это съ видимымъ чувствомъ удовлетворенія, и, наконецъ, двинулся на меня съ такимъ видомъ, точно на этотъ разъ собирался покончить со мною. Но я нанесъ ему еще нѣсколько тяжелыхъ ударовъ и, къ сожалѣнію своему, долженъ сознаться, что чѣмъ больше я билъ, тѣмъ я билъ крѣпче; онъ вставалъ, вставалъ и вставалъ до тѣхъ поръ, пока не полетѣлъ головой прямо въ стѣну. Послѣ этого кризиса онъ все же всталъ и нѣсколько разъ повернулся кругомъ себя, не видя меня; онъ упалъ на колѣни и поползъ къ губкѣ, подбросилъ ее вверхъ и проговорилъ, задыхаясь:

— Это значитъ, что ты выигралъ.

Онъ казался такимъ невиннымъ и храорымъ и я, не смотря на то, что не самъ первый вызвалъ его на драку, почувствовалъ себя далеко неудовлетвореннымъ своей побѣдой. Въ настоящее время меня утѣшаетъ только то, что одѣваясь послѣ драки, я все время сравнивалъ себя съ лютымъ волченкомъ и другими дикими звѣ-

рями. Когда онъ одѣлся и вытеръ окровавленное лицо свое, я подошелъ къ нему и сказалъ:

— Могу я помочь вамъ чѣмъ нибудь?

— Нѣтъ, благодарю!

— Добрый вечеръ!—сказалъ я.

— Добрый вечеръ!—отвѣчалъ онъ мнѣ.

Выйдя во дворъ, я нашелъ тамъ Эстеллу, ожидавшую меня съ ключами. Она не спросила меня, гдѣ я былъ и почему заставилъ ее ждать; ея лицо было покрыто румянцемъ и сіяло, какъ будто она была чѣмъ то довольна. Вмѣсто того, чтобы провести меня къ калиткѣ, она зазвала меня въ корридоръ и тамъ сказала:

— Иди скорѣй сюда! Если хочешь, можешь меня поцѣловать.

Она повернулась ко мнѣ и я поцѣловалъ ея щеку. Я готовъ былъ несчетное число разъ цѣловать ея щеку. Но я почувствовалъ вдругъ, что поцѣлуй этотъ былъ данъ грубому, простому мальчишкѣ, какъ плата за что то, и онъ потерялъ свою цѣну для меня.

Всѣ эти посѣтители по случаю дня рожденія, карты, драка задержали меня такъ долго, что, когда я приближался къ дому, на длинной песчаной отмели за болотами, горѣлъ уже сторожевой огонь, рѣзко выдѣляясь на фонѣ темнаго ночного неба и отблескъ пылавшаго горна въ кузницѣ Джо длинной полосой лился изъ окна, падая поперекъ дороги.

Глава двѣнадцатая.

Я чувствовалъ себя очень неловко, вспоминая происшествіе съ блѣднымъ молодымъ джентльменомъ. Чѣмъ больше я думалъ о дракѣ и представлялъ себѣ блѣднаго молодого джентльмена, лежащимъ на спинѣ въ разныхъ стадіяхъ избіенія и окровавленія, тѣмъ болѣе приходилъ я къ убѣжденію, что со мною непремѣнно что нибудь случится. Я чувствовалъ, что кровь блѣднаго молодого джентльмена должна пасть на мою голову и что законъ будетъ мнѣ мстить за него. Я не имѣлъ никакого опредѣленнаго понятія о наказаніи, которому я могъ подвергнуться, но мнѣ все же было ясно, что деревенскіе мальчишки не имѣютъ права шляться по окрестностямъ, нападать на дома джентльменовъ и драться съ прилежными юношами Англіи и должны быть за это присуждены къ самому строгому наказанію. Нѣсколько дней подрядъ сидѣлъ я постоянно дома и когда выходилъ по какому нибудь порученію, то прежде чѣмъ выйти выглядывалъ осторожно изъ дверей кухни и съ бьющимся отъ волненія сердцемъ осматривался, нѣтъ ли гдѣ по близости сыщиковъ, которые пришли арестовать меня. Кровь изъ носу блѣднаго молодого джентльмена попала мнѣ на штаны и я среди ночной тишины старался смыть это доказательство моей виновности. Ударивъ блѣднаго молодого джентльмена въ зубы, я

поранилъ себѣ кулакъ и теперь въ воображеніи своемъ придумывалъ тысячи уловокъ, чтобы какъ либо оправдать передъ судьями это зловѣщее обстоятельство.

Но ужасъ мой дошелъ до неизмѣримыхъ предѣловъ въ тотъ день, когда я долженъ былъ идти къ мѣсту совершеннаго мною преступленія. Не будутъ ли ждать въ засадѣ у калитки агенты правосудія, посланные изъ Лондона спеціально для того, чтобы схватить меня? Быть можетъ, миссъ Хевишемъ, желая отомстить мнѣ за оскорбленіе, нанесенное ея дому, встанетъ въ своемъ погребальномъ костюмѣ, вытащитъ пистолетъ и убьетъ меня? Быть можетъ цѣлая шайка подкупленныхъ злодѣевъ-мальчишекъ запрячется въ пивоварню, нападетъ на меня и такъ вздуетъ меня, что я протяну ноги? Къ чести своей я долженъ сказать, однако, что мнѣ ни разу не пришло въ голову подозрѣвать блѣднаго молодого джентльмена, чтобы онъ принималъ участіе во всѣхъ этихъ нападеніяхъ на меня; я считалъ это должнымъ воздаяніемъ со стороны родственниковъ, которые возмутились при видѣ избитой физіономіи моего противника и рѣшились отомстить мнѣ.

Но идти къ миссъ Хевишемъ я все же былъ вынужденъ и я пошелъ. И что же? Ни единаго намека на драку, и нигдѣ во всемъ зданіи не видно было ни малѣйшихъ признаковъ присутствія блѣднаго молодого джентльмена. Я нашелъ ту же калитку открытой, обѣгалъ весь садъ и даже заглянулъ въ окна отдѣльнаго дома, гдѣ къ великому удивленію своему нашелъ всѣ ставни закрытыми и полное отсутствіе жизни. Только въ углу, гдѣ происходила драка, открылъ я признаки присутствія блѣднаго молодого джентльмена. Здѣсь виднѣлись еще слѣды крови, которые я поспѣшилъ засыпать землей, чтобы скрыть ихъ отъ людского глаза.

На широкой площадкѣ между комнатой миссъ Хевишемъ и той комнатой, гдѣ стоялъ длинный столъ, я нашелъ садовое кресло на колесахъ, которое толкаютъ обыкновенно сзади. Оно поставлено было сюда послѣ послѣдняго моего посѣщенія, и я съ этого дня вступилъ въ исполненіе новыхъ обязанностей: я возилъ въ этомъ креслѣ миссъ Хевишемъ (когда она уставала ходить, опираясь на мое плечо) кругомъ ея комнаты, затѣмъ черезъ площадку и затѣмъ въ другой комнатѣ. Нѣсколько разъ подъ рядъ совершали мы подобныя путешествія, которыя въ иныхъ случаяхъ продолжались въ теченіе трехъ часовъ. Прогулки такого рода учащались мало-по-малу и было, наконецъ, рѣшено, чтобы я приходилъ для этой цѣли черезъ день, часовъ въ двѣнадцать. Въ общемъ я каталъ миссъ Хевишемъ въ теченіе, я думаю, восьми или десяти мѣсяцевъ.

Чѣмъ больше привыкали мы другъ къ другу, тѣмъ чаще разговаривала со мною миссъ Хевишемъ и спрашивала меня о томъ, чему я учился и чѣмъ буду заниматься? Я сказалъ ей, что буду,

вѣроятно, подмастерьемъ Джо, что я ничему не учился и прибавилъ, что мнѣ очень хотѣлось бы все знать, надѣясь, что она предложитъ помочь мнѣ добиться желаемаго. Но она этого не предложила и предпочитала, повидимому, чтобы я остался невѣждой. Ни разу не дала она мнѣ денегъ или чего нибудь другого, кромѣ ежедневнаго обѣда, и никогда никакимъ намекомъ не давала мнѣ знать, что когда либо заплатитъ мнѣ за мои услуги.

Эстелла всегда была тутъ же, всегда впускала и выпускала меня, но никогда больше не говорила, чтобы я поцѣловалъ ее. Иногда она просто терпѣла меня, иногда она снисходительно относилась ко мнѣ, иногда фамильярничала со мной, а иногда самымъ рѣзкимъ образомъ показывала мнѣ, что ненавидитъ меня. Когда мы оставались одни съ миссъ Хевишемъ, она шепотомъ спрашивала меня:—„Не правда ли, Пипъ, она все хорошѣетъ и хорошѣетъ?“ Когда я соглашался съ нею, она видимо радовалась этому. Когда мы играли въ карты, миссъ Хевишемъ внимательно слѣдила за всѣми капризами Эстеллы. Въ тѣхъ случаяхъ, когда эти капризы и своенравныя выходки доходили до такихъ предѣловъ, что я терялся и не зналъ, что дѣлать, миссъ Хевишемъ съ необыкновенной нѣжностью обнимала ее, цѣловала и шептала ей на ухо:—„Губи ихъ сердца, моя ты гордость и надежда, губи и не щади ихъ!“

Джо, работая въ кузницѣ, часто пѣвалъ пѣсню, въ припѣвѣ которой упоминалось о старомъ Клемѣ. Нельзя сказать, чтобы такой способъ чествовать святого былъ особенно вѣжливъ, но происходило это, я думаю, оттого, что старый Клемъ имѣлъ какое-нибудь отношеніе ко всѣмъ кузнецамъ. Темпъ этой пѣсни соотвѣтствовалъ размахамъ и ударамъ молота о наковальню, изъ чего слѣдуетъ, что имя стараго Клема прибавили къ ней въ интересахъ лиризма.

— Эй, ребята, бей дружней—старый Клемъ! Крѣпче бей, звонче бей — старый Клемъ! Куй живѣй, куй живѣй — старый Клемъ! Раздувай-же огонь пожарчѣй — старый Клемъ! Чтобъ пылалъ онъ сильнѣй, чтобъ ревѣлъ онъ громчѣй—старый Клемъ!

Въ одинъ прекрасный день, вскорѣ послѣ появленія кресла, миссъ Хевишемъ замахала вдругъ нетерпѣливо пальцами и сказала:

— Ну, ну, ну! Пой!

Я, надо полагать, такъ глубоко задумался, катая ее въ креслѣ, что не замѣтилъ, какъ сталъ напѣвать пѣсню. Ей она такъ понравилась, что она все время тихонько напѣвала ее такимъ тономъ, какъ будто убаюкивала себя. Съ тѣхъ поръ мы вмѣстѣ пѣли ее въ то время, какъ я каталъ кресло по комнатѣ и часто къ намъ присоединялась также Эстелла; пѣли мы обыкновенно такъ тихо, что гулъ нашихъ голосовъ, не смотря на то, что

насъ было трое, производилъ въ старомъ мрачномъ домѣ не больше шуму, чѣмъ самый легкій вѣтерокъ.

Что могло выйти изъ меня при такой обстановкѣ? Какое вліяніе должна она была произвести на развитіе моего характера? Что удивительнаго въ томъ, если мысли мои становились такими же туманными, какъ глаза мои, когда изъ этихъ мрачныхъ желтыхъ комнатъ я выходилъ на свѣтъ Божій?

Я могъ бы, конечно, разсказать Джо о блѣдномъ молодомъ джентльменѣ, не запутайся я предварительно въ тѣхъ выдумкахъ, которые я повѣдалъ ему. Я чувствовалъ, что Джо не преминетъ найти бѣднаго молодого джентльмена самымъ подходящимъ сѣдокомъ для черной бархатной кареты, а потому я ничего не говорилъ ему объ этомъ. Не хотѣлось мнѣ также слышать, какъ будутъ судить и рядить миссъ Хевишемъ и Эстеллу; чувство это, испытанное мною въ самомъ началѣ, съ теченіемъ времени все сильнѣе и сильнѣе вкоренялось во мнѣ. Вполнѣ довѣрялъ я одной только Бидди и только ей одной все разсказалъ. Почему я находилъ естественнымъ все говорить Бидди и почему Бидди такъ глубоко сочувствовала всему, что я говорилъ, я не зналъ тогда, но теперь я знаю.

Тѣмъ временемъ въ кухнѣ нашей происходили совѣщанія за совѣщаніями, которыя дѣйствовали самымъ невыносимымъ образомъ на мое и безъ того раздраженное состояніе духа. Оселъ Пембельчукъ зачастилъ теперь къ намъ по вечерамъ съ единственной цѣлью поговорить о моемъ будущемъ съ моей сестрой; я увѣренъ, что будь эти руки такъ же сильны, какъ и теперь, онѣ навѣрное сломали бы не одну чеку въ его одноколкѣ. Тупость этого отвратительнаго человѣка переходила за предѣлы выносимаго; онъ не могъ говорить о моемъ будущемъ, не имѣя меня передъ своими глазами и съ этой цѣлью вытаскивалъ меня изъ-за стула, гдѣ я обыкновенно прятался въ углу, ставилъ меня передъ каминомъ, точно собираясь меня жарить, и начиналъ:— „Вотъ онъ стоитъ здѣсь, этотъ мальчикъ, мемъ! Мальчикъ, котораго вы воспитали собственной рукой... Подыми голову, мальчикъ, и будь благодаренъ тѣмъ, кто это сдѣлалъ. Теперь, мемъ, поговоримъ относительно этого мальчика!“ И послѣ этихъ словъ онъ бралъ меня за рукавъ, ерошилъ мои волоса, чего я съ самаго ранняго дѣтства своего, насколько помню себя, ни за кѣмъ не признавалъ права дѣлать. По своему безсмыслію это зрѣлище было достойно этого тупоумнаго осла.

Тутъ онъ и сестра моя начинали выводить самыя безсмысленныя заключенія о миссъ Хевишемъ и о томъ, что она сдѣлаетъ со мной и для меня. Все это до того выводило меня изъ себя, что я еле удержался отъ слезъ и отъ того, чтобы не наброситься на Пембельчука и не исколотить его. Во время этихъ совѣща-

щій сестра моя говорила со мною такимъ обиднымъ тономъ, что я страдалъ нравственно въ той же мѣрѣ, въ какой страдаешь физически, когда у тебя вырываютъ зубъ. Пембельчукъ въ то же время, мнившій себя почему то моимъ покровителемъ, сидѣлъ, устремивъ на меня взглядъ, полный пренебреженія, точно онъ былъ строителемъ моей судьбы и взялся за весьма неблагодарный трудъ.

Джо никогда не принималъ участія въ этихъ преніяхъ. Они, правда, часто обращались къ нему и выражали ему свое неудовольствіе за то, что по мнѣнію мистриссъ Джо, онъ не былъ расположенъ въ пользу того, чтобы меня брали изъ кузницы. Я выросъ уже настолько, что могъ поступить въ ученье къ Джо. Въ такихъ случаяхъ Джо сидѣлъ съ кочергой въ рукахъ, сгребая пепелъ съ нижней рѣшетки камина; сестра принимала это невинное дѣйствіе за молчаливую оппозицію съ его стороны и, налетѣвъ на него, вырывала у него кочергу изъ рукъ, ударяла его ею и ставила ее въ сторону. Споры эти кончались обыкновенно для меня трагическимъ образомъ. Въ тотъ моментъ, когда я менѣе всего ожидалъ этого, сестра моя, собираясь зѣвнуть, вдругъ, какъ бы случайно поворачивалась ко мнѣ и набрасывалась на меня со словами:

— Пошелъ! Надоѣлъ! Пора въ постель... Мало еще надѣлалъ безпокойствъ за цѣлый вечеръ... Ступай!

Точно сами они не выматывали изъ меня всей души моей своими совѣщаніями!

Пренія эти длились въ теченіе весьма продолжительнаго времени и могли, быть можетъ, продолжаться безконечно, если бы въ одинъ прекрасный день миссъ Хевишемъ не остановилась, когда ходила по комнатѣ, опираясь на мое плечо, и не сказала мнѣ съ оттѣнкомъ нѣкотораго неудовольствія:

— Ты очень выросъ, Пипъ!

Въ отвѣтъ на это я нашелъ возможнымъ только глубокомысленно взглянуть на нее въ знакъ того, что это случилось въ силу совершенно независящихъ отъ меня обстоятельствъ.

Она ничего не сказала на это, но остановилась спустя минуту и снова взглянула на меня; затѣмъ еще разъ взглянула, и наконецъ, нахмурилась и приняла мрачный видъ. На слѣдующій разъ, когда мы кончили обычную нашу прогулку и я подвелъ ее къ креслу у туалетнаго стола, она остановила меня нетерпѣливымъ движеніемъ пальцевъ:

— Скажи мнѣ, какъ зовутъ твоего кузнеца?

— Джо Гарджери, ма'мъ!

— Это тотъ самый мастеръ, къ которому ты долженъ поступить въ ученики?

— Да, миссъ Хевишемъ!

— Чѣмъ скорѣе поступишь, тѣмъ лучше. Какъ ты думаешь, согласится придти сюда Гарджери и принести сюда твое условіе?

Я отвѣчалъ, что онъ, безъ сомнѣнія, почтетъ это за особую честь для себя.

— Пусть придетъ.

— Въ какое угодно время, миссъ Хевишемъ?

— Да, да! Я ничего не знаю о времени. Пусть приходитъ скорѣе и вмѣстѣ съ тобою.

Когда вечеромъ я пришелъ домой и сказалъ объ этомъ Джо, моя сестра разбушевалась такъ, какъ никогда еще не бушевала. Она спросила меня и Джо, не думаемъ ли мы, что она подстилка для нашихъ ногъ, и какъ мы смѣемъ такъ относиться къ ней, и почему, скажите ради Бога, она недостойна такой компаніи? Истощивъ цѣлый потокъ ненужныхъ словъ и ругательствъ, она запустила подсвѣчникомъ въ Джо, разразилась громкими рыданіями и ухвативъ половую щетку (дурной знакъ), надѣла передникъ и съ неистовствомъ принялась за чистку. Не довольствуясь, однако, чисткой въ сухую, она схватила ведро и швабру, которою моютъ полъ, и въ буквальномъ смыслѣ слова вымела насъ во дворъ, гдѣ мы долго стояли, дрожа отъ холода. Только въ десять часовъ осмѣлились мы вернуться въ кухню. Сестра тотчасъ же спросила Джо, почему онъ сразу не женился на негритянской невольницѣ? Бѣдняга Джо ничего не отвѣтилъ на это; онъ расправлялъ свои бакенбарды, грустно посматривая на меня и какъ бы думая, что это, пожалуй, было бы куда лучше. чѣмъ женитьба на моей сестрицѣ.

Глава тринадцатая.

Страшную пытку переносилъ я на слѣдующій день, глядя на Джо, который наряжался въ свой праздничный костюмъ, чтобы сопровождать меня къ миссъ Хевишемъ. Костюмъ этотъ онъ находилъ необходимымъ для даннаго случая и не мнѣ было говорить ему, что онъ выглядитъ несравненно лучше въ своей будничной одеждѣ. Я зналъ, что онъ подвергаетъ себя ужасамъ этого туалета исключительно ради меня и для меня поднялъ онъ сзади воротникъ своей рубахи такъ высоко, что волоса его торчали сзади до самой верхушки головы, напоминая собой пучекъ перьевъ.

Во время завтрака сестра объявила намъ, что она имѣетъ намѣреніе отправиться вмѣстѣ съ нами въ городъ и, пока мы будемъ кончать дѣла наши „съ важными людьми“, она подождетъ у дяди Пембельчука и поговоритъ о дѣлѣ, въ чемъ Джо усмотрѣлъ, повидимому, признаки чего то худого. Джо заперъ кузнецу и написалъ мѣломъ на дверяхъ (что онъ дѣлалъ всегда въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда не работалъ) „доманету“, и тутъ же ря-

домъ нарисовалъ стрѣлку, обращенную въ ту сторону, куда мы ушли.

Мы отправились въ городъ подъ предводительствомъ моей сестры, которая шла впереди насъ въ широкополой касторовой шляпѣ и несла въ рукахъ соломенную плетеную корзину, своей формой напоминающую государственную печать Англіи, да кромѣ того пару калошъ, теплую шаль и зонтикъ, не смотря на то, что была чудная ясная погода. Я не могу уяснить себѣ съ какою именно цѣлью несла она эти предметы, съ цѣлью ли искупленія за грѣхи или съ цѣлью показать себя передъ людьми? Быть можетъ, это была ни болѣе, ни менѣе, какъ выставка имущества, невѣдомое ей самой подражаніе Клеопатрѣ и другимъ царственнымъ леди, которыя устраивали разныя зрѣлища и процессіи съ цѣлью выставить на показъ свои богатства.

Не успѣли мы подойти къ дому Пембельчука, какъ моя сестра чуть не бѣгомъ бросилась туда, оставивъ насъ однихъ. Было уже двѣнадцать часовъ дня, а потому мы съ Джо отправились прямо къ дому миссъ Хевишемъ. Эстелла по обыкновенію открыла намъ калитку; съ первой же минуты ея появленія Джо снялъ шляпу и держалъ ее за поля обѣими руками, какъ бы имѣя собственныя свои причины не отступать ни на одну сотую вершка отъ того, что было прилично, по его мнѣнію.

Эстелла не обратила ни малѣйшаго вниманія ни на меня, ни на Джо и повела насъ по хорошо знакомой мнѣ дорогѣ. Я шелъ за Эстеллой, а Джо за мной. Когда мы шли по длинному корридору, я оглянулся на Джо и увидѣлъ, что онъ съ величайшей осторожностью несетъ свою шляпу и идетъ за нами, шагая на цыпочкахъ.

Эстелла сказала намъ, что мы должны идти вмѣстѣ; я взялъ Джо за полу сюртука и ввелъ его въ комнату миссъ Хевишемъ. Она сидѣла у своего туалетнаго стола и тотчасъ же оглянулась на насъ.

— О!—сказала она, обращаясь къ Джо.—Вы мужъ сестры этого мальчика?

Никогда не воображалъ я себѣ, чтобы милый, дорогой Джо могъ такъ мало походить на себя, а скорѣе на какую то диковинную птицу; онъ стоялъ безмолвный, съ хохломъ на головѣ, и открытымъ ртомъ, точно птенецъ, ожидающій червяка.

— Вы мужъ сестры этого мальчика?—повторила свой вопросъ миссъ Хевишемъ.

Мнѣ становилось неловко, но Джо въ теченіе всего разговора обращался ко мнѣ, а не къ миссъ Хевишемъ.

— Я уже говорилъ тебѣ, Пипъ,—отвѣчалъ Джо тономъ чрезвычайно выразительнымъ по своей убѣдительности, увѣренности и необыкновенной вѣжливости,—что я (съ твоего позволенія),

женился на твоей сестрѣ въ то самое время, когда я остался одинокимъ и сильно тосковалъ.

— Такъ!—сказала миссъ Хевишемъ.—И вы воспитали этого мальчика съ тою цѣлью, чтобы онъ сдѣлался потомъ вашимъ подмастерьемъ, не правда ли, мистеръ Гарджери?

— Тебѣ извѣстно, Пипъ,—отвѣчалъ Джо,—что мы всегда были съ тобой друзьями и давно уже рѣшили между себя, что такъ будетъ намъ съ тобою веселѣе. Только вотъ что, Пипъ; если ты что нибудь имѣешь противъ моего ремесла... и то правда сажи и копоти и тому подобнаго тутъ много... о чемъ они, видишь ли, и понятія не имѣютъ... такъ вѣдь?

— Имѣетъ ли мальчикъ что либо противъ этого ремесла?—спросила миссъ Хевишемъ.—Нравится ли оно ему?

— Какъ тебѣ хорошо извѣстно, Пипъ,—отвѣчалъ Джо, говоря еще съ большимъ убѣжденіемъ, увѣренностью и вѣжливостью,—это было твое сердечное желаніе. И ты ничего не возражалъ мнѣ на это, потому что это было самое большое желаніе твоего сердца.

Напрасно старался я дать ему почувствовать, что онъ долженъ обращаться къ миссъ Хевишемъ. Чѣмъ больше дѣлалъ я ему знаковъ лицомъ и руками, тѣмъ убѣдительнѣе, увѣреннѣе и вѣжливѣе становился онъ ко мнѣ.

— Принесли вы съ собой условіе?—спросила миссъ Хевишемъ.

— Ты знаешь, Пипъ,—отвѣчалъ Джо съ удивленіемъ, точно я сказалъ что-нибудь неблагоразумное,—ты самъ видѣлъ, что я положилъ его въ шляпу и ты знаешь, что оно здѣсь.

Онъ вынулъ изъ шляпы условіе и передалъ его не миссъ Хевишемъ, а мнѣ. Боюсь сознаться, что мнѣ стало стыдно за милаго, дорогого Джо. Я знаю, мнѣ было стыдно за него. Я увидѣлъ, какимъ лукавымъ, насмѣшливымъ огонькомъ блестѣли глаза Эстеллы, стоявшей за стуломъ миссъ Хевишемъ. Я взялъ условіе и передалъ его миссъ Хевишемъ.

— Вы ожидали получить какое-нибудь вознагражденіе за услуги мальчика?—спросила миссъ Хевишемъ.

— Джо!—сказалъ я съ неудовольствіемъ, видя, что онъ не хочетъ отвѣчать.—Почему ты не отвѣчаешь...

— Пипъ!—перебилъ меня Джо.—Мы, вѣдь, давно уже рѣшили промежъ себя этотъ вопросъ, и ты знаешь, что я скажу „нѣтъ!“ Ты знаешь, что это „нѣтъ“, Пипъ, такъ зачѣмъ же я буду отвѣчать.

Миссъ Хевишемъ взглянула на него съ такимъ видомъ, какъ будто сразу поняла, что за человѣкъ стоитъ передъ нею, лучше даже, чѣмъ я думалъ, видя, какъ онъ держалъ себя здѣсь.

— Пипъ заслужилъ вознагражденіе и вотъ оно,—сказала она и взяла со стола маленькій мѣшечекъ.—Здѣсь двадцать пять гиней въ этомъ мѣшечкѣ. Отдай это своему хозяину, Пипъ!

Совершенно ошеломленный и пораженный страннымъ видомъ миссъ Хевишемъ и видомъ самой комнаты, Джо и теперь продолжалъ по прежнему обращаться ко мнѣ.

— Съ твоей стороны это слишкомъ щедро, Пипъ,—сказалъ Джо,—давать такой подарокъ... Благодарю тебя за него... Но я, видишь, никогда не думалъ о немъ и не разсчитывалъ получить его. А теперь, дружище,—продолжалъ Джо, и я почувствовалъ, что меня бросаетъ въ жаръ, а затѣмъ въ холодъ отъ тѣхъ фамильярныхъ выраженій, которыя онъ употребляетъ по отношенію къ миссъ Хевишемъ,—теперь, дружище, надо намъ исполнить долгъ нашъ, оба мы... одинъ для другого... и для тѣхъ, которымъ твой щедрый подарокъ... позволяетъ... быть... въ полномъ удовольствіи... какъ никогда...—тутъ Джо видимо почувствовалъ, что онъ попалъ въ цѣлый лабиринтъ затруднительныхъ выраженій, но затѣмъ по счастью скоро выпутался изъ него и торжественно заключилъ:— только не мнѣ!

Слова эти показались ему, повидимому, такими красивыми и убѣдительными, что онъ два раза повторилъ ихъ.

— До свиданья, Пипъ!—сказала миссъ Хевишемъ.—Проводи ихъ, Эстелла!

— Приходить мнѣ еще, миссъ Хевишемъ?—спросилъ я.

— Нѣтъ. Гарджери теперь твой хозяинъ. Гарджери! Еще одно слово!

Мы уже были за дверью, но слова эти заставили Джо вернуться назадъ и я слышалъ, какъ она многозначительно сказала ему:

— Онъ былъ хорошимъ, добрымъ мальчикомъ и заслужилъ это вознагражденіе. Какъ честный человѣкъ, вы, разумѣется, не надѣетесь ни на что больше.

Какъ вышелъ Джо изъ комнаты, я никогда не могъ себѣ этого объяснить; знаю только, что когда онъ вышелъ, то вмѣсто того, чтобы спускаться внизъ по лѣстницѣ, сталъ подыматься вверхъ, не слушая никакихъ замѣчаній до тѣхъ поръ, пока я не подошелъ къ нему и не повелъ его за собой. Спустя минуту мы были уже по ту сторону калитки, которую Эстелла заперла на замокъ и ушла. Когда мы остались одни, Джо прислонился къ стѣнѣ и сказалъ: „Удивительно!“ Онъ стоялъ долго такимъ образомъ, повторяя время отъ времени: „Удивительно!“ и я начиналъ уже думать, что онъ никогда больше не придетъ въ себя. Наконецъ, онъ обратился ко мнѣ и сказалъ:—„Пипъ, увѣряю тебя, это у-ди-ви-тель-но!“ Послѣ этого онъ сталъ болѣе разговорчивъ и мы двинулись дальше.

У меня есть причина думать, что свиданіе это не только не затемнило, но, напротивъ, прояснило умственныя способности Джо, такъ какъ по дорогѣ къ Пембельчуку онъ придумалъ втихомолку чрезвычайно глубокомысленный и хитрый планъ, что подтвердилось

вполнѣ въ гостиной мистера Пембельчука, гдѣ этотъ ненавистный купецъ сидѣлъ вмѣстѣ съ моей сестрой.

— Ну!—крикнула сестра, обращаясь къ намъ обоимъ вмѣстѣ.—Что тамъ такое случилось съ вами? Удивляюсь, право, какъ рѣшились вы еще снизойти къ такому жалкому обществу, какъ мы!

— Миссъ Хевишемъ,—сказалъ Джо, всматриваясь въ меня и какъ бы стараясь что то припомнить,—очень настаивала на томъ, чтобы я непремѣнно передалъ... привѣтъ или почтеніе, Пипъ?

— Привѣтъ,—отвѣчалъ я.

— Я и самъ такъ думалъ,—отвѣчалъ Джо,—ея привѣтъ мистриссъ Гарджери.

— Обязала, нечего сказать!—замѣтила моя сестра, видимо польщенная этимъ.

— И желаніе,—продолжалъ Джо съ новымъ взглядомъ на меня и съ новымъ желаніемъ припомнить,—если бы только здоровье миссъ Хевишемъ позволяло,.. какъ дальше, Пипъ?

— Имѣть удовольствіе видѣть,—добавилъ я.

— Удовольствіе видѣть мистриссъ Гарджери,—сказалъ Джо и глубоко вздохнулъ.

— Такъ!—крикнула моя сестра, бросая болѣе смягченный взглядъ на Пембельчука.—Было бы гораздо вѣжливѣе съ ея стороны прислать такое приглашеніе сразу. Впрочемъ, лучше поздно, чѣмъ никогда. Ну, а этому сорванцу что она дала?

— Она дала ему,—сказалъ Джо,—ничего!

Мистриссъ Джо собиралась уже разразиться, но Джо предупредилъ ее.

— Что она дала,—сказалъ онъ,—она дала его друзьямъ. А друзьями его,—продолжалъ онъ объяснять,—я называю руки его сестры, мистриссъ Гарджери. Такъ она и сказала: „мистриссъ Гарджери". Она повидимому, не знала,—добавилъ Джо съ задумчивымъ видомъ,—какъ надо было сказать... Джо или Джорджъ Гарджери.

Моя сестра взглянула на Пембельчука, который сидѣлъ, опираясь на ручки деревяннаго кресла, и кивалъ ей головой, какъ бы давая этимъ знать, что все это онъ предвидѣлъ заранѣе.

— А сколько вы получили?—спросила моя сестра и засмѣялась. Положительно засмѣялась!

— Что скажетъ почтенная компанія о десяти фунтахъ?—спросилъ Джо.

— Она скажетъ,—отвѣчала моя сестра,—очень хорошо. Не слишкомъ много, но очень хорошо.

— Ну, такъ здѣсь больше,—сказалъ Джо.

Нахальный лжецъ Пембельчукъ немедленно кивнулъ головой и сказалъ, потирая ручки своего кресла:

— Конечно больше, мемъ!

— Не думаете ли вы.., начала моя сестра.

— Да, думаю, мемъ!—сказалъ Пембельчукъ.—Но погодите минутку. Продолжай, Джозефъ! Все это хорошо... Дальше!

— Что скажетъ компанія,—продолжалъ Джо,—о двадцати фунтахъ?

— Превосходно, скажетъ она,—отвѣчала моя сестра.

— Такъ вотъ же вамъ,—сказалъ Джо,—здѣсь больше двадцати фунтовъ.

Отвратительный лицемѣръ Пембельчукъ кивнулъ снова и сказалъ съ покровительственнымъ смѣхомъ:

— Еще больше, мемъ! Хорошо! Продолжай, Джозефъ.

— Чтобы кончить сразу,—продолжалъ Джо, съ восхищеніемъ передавая мѣшечекъ въ руки моей сестры,—здѣсь двадцать пять фунтовъ.

— Двадцать пять, мемъ!—повторилъ этотъ отъявленный мошенникъ Пембельчукъ, вставая, чтобы пожать руку моей сестрѣ,—не больше, чѣмъ вы того заслуживаете (я сказалъ то же, когда спросили моего мнѣнія), и желаю вамъ. чтобы деньги пошли вамъ въ прокъ.

Остановись негодяй на этомъ, то и тогда поведеніе его было бы гнусно, но онъ увеличилъ свою вину еще тѣмъ, что задумалъ меня лишить свободы, принявъ на себя покровительственный видъ, который былъ для меня несравненно хуже всѣхъ его предыдущихъ провинностей.

— Видите ли, Джозефъ и жена его,—сказалъ мистеръ Пембельчукъ, взявъ меня за руки повыше локтя,—я принадлежу къ такимъ людямъ, которые любятъ кончать то, съ чего они начали. Мальчика этого слѣдуетъ связать по рукамъ. Таково мое мнѣніе... связать по рукамъ.

— Богу извѣстно, дядя Пембельчукъ,—сказала моя сестра, поспѣшно хватая мѣшечекъ съ деньгами,—какъ глубоко обязаны мы вамъ.

— Не стоитъ говорить объ этомъ, мемъ!—сказалъ этотъ дьявольскій торговецъ.—Для меня здѣсь дѣло въ удовольствіи и только въ удовольствіи. Но этого мальчика знаете... надо его связать по рукамъ. И сказать правду, я знаю какъ это дѣлается, видѣлъ эти дѣла.

Судъ засѣдалъ въ ратушѣ, которая находилась недалеко и мы всѣ отправились туда, чтобы въ присутствіи магистрата заключить условіе, по которому я становился ученикомъ Джо. Туда я, собственно говоря, шелъ не самъ, а меня толкалъ Пембельчукъ съ такимъ видомъ, какъ будто я только что обобралъ чей нибудь карманъ или устроилъ поджогъ. И таково было дѣйствительно впечатлѣніи всѣхъ присутствующихъ въ судѣ; и когда Пембельчукъ про-

талкивалъ меня сквозь толпу, я слышалъ, какъ нѣкоторые говорили:—„Что онъ сдѣлалъ?"—а другіе:—„Совсѣмъ еще мальчишка, а какая злая рожа! Не правда-ли?"—Какая то чрезвычайно кроткая на видъ особа подала мнѣ даже книгу, украшенную гравюрой, на которой былъ изображенъ преступный юноша, обвѣшанный цѣпями, напоминающими сосиски. Заглавіе книги гласило: „Чтеніе въ тюремной камерѣ".

Присутственное мѣсто показалось мнѣ весьма страннымъ; здѣсь стояли еще болѣе высокія, чѣмъ въ церкви, скамьи, а на нихъ сидѣли люди, пришедшіе сюда поглазѣть и послушать, и важные судьи (одинъ даже въ напудренномъ парикѣ); кто сидѣлъ со сложенными руками, откинувшись на спинку кресла, кто дремалъ, кто писалъ или читалъ газету. Вездѣ по стѣнамъ висѣли какіе то портреты, почернѣвшіе отъ времени, которые мой, лишенный художественнаго опыта, глазъ принялъ за смѣсь пережженнаго сахара съ липкимъ пластыремъ. Здѣсь въ углу мое условіе было подписано, затѣмъ къ нему приложена печать и я былъ связанъ по рукамъ. Мистеръ Пембельчукъ все время крѣпко держалъ меня за руку, точно мы зашли сюда по дорогѣ на эшафотъ, чтобы исполнить здѣсь кое какія предварительныя формальности.

Когда мы вышли изъ присутствія, насъ окружила толпа мальчишекъ, жаждавшихъ посмотрѣть, какъ меня будутъ публично мучить, и были очень разочарованы, когда увидѣли, что окружавшіе меня люди были мои друзья. Мы вернулись обратно къ Пембельчуку и тутъ сестра моя, пришедшая въ восторженное состояніе по случаю полученныхъ ею двадцати пяти гиней, предложила отпраздновать неожиданную прибыль обѣдомъ въ тавернѣ „Синій Вепрь", вслѣдствіе чего мистеръ Пембельчукъ отправился въ своей одноколкѣ за Хебблями и мистеромъ Уопселемъ.

Всѣ согласились на это предложеніе и мнѣ пришлось провести невыносимо скучный день. Въ умахъ всего общества сложилось, повидимому, неоспоримое убѣжденіе, что я лишній на этомъ обѣдѣ, а между тѣмъ, точно желая досадить мнѣ, они время отъ времени или, короче говоря, отъ нечего дѣлать, спрашивали меня, весело ли мнѣ? Что могъ я отвѣчать, кромѣ того, что мнѣ весело, хотя никакого веселья я не чувствовалъ.

Они были, конечно, люди взрослые, шли своей намѣченной ими самими дорогой и проводили время, какъ хотѣли. Негодяй Пембельчукъ, какъ главный виновникъ торжества, занималъ мѣсто въ самомъ верху стола. Когда онъ обратился ко всему обществу относительно того, что меня связали по рукамъ, и затѣмъ съ злораднымъ восторгомъ объявилъ, что меня, согласно заключенному условію, могутъ посадить въ тюрьму, если я буду картежничать, или пить спиртные напитки, или проводить ночи въ худой компаніи, или вообще совершать какія бы то ни было безобразія, онъ все

время заставлялъ меня стоять у своего стула, какъ живую иллюстрацію ко всѣмъ его замѣчаніямъ.

Другія воспоминанія мои объ этомъ великомъ празднествѣ относятся къ тому, что они не давали мнѣ спать, будили меня, какъ только замѣчали, что я начинаю засыпать и приказывали мнѣ веселиться. Совсѣмъ уже поздно вечеромъ мистеръ Уопсель прочиталъ намъ оду Коллинса и бросилъ свой окровавленный мечъ съ такимъ громомъ на полъ, что слуга таверны явился доложить, что „купцы съ нижняго этажа приказали вамъ кланяться и сказать, что здѣсь не мѣсто для скомороховъ“. Въ такомъ же прекрасномъ настроеніи духа возвращались они и домой, всю дорогу распѣвая:—„О, леди прекрасная!“ Мистеръ Уопсель пѣлъ оглушительнымъ басомъ, утверждая, что это онъ самъ и былъ именно герой пѣсни съ развѣвающимися бѣлыми локонами.

Помню также, что въ этотъ вечеръ, когда я легъ въ свою постель, я чувствовалъ себя совершенно несчастнымъ и былъ глубоко убѣжденъ, что никогда не полюблю ремесла Джо. Я любилъ его раньше, но то было раньше, а не теперь.

Глава четырнадцатая.

Нѣтъ ничего тяжелѣе того чувства, когда начинаешь стыдиться своего родного крова. Чувство это вы можете называть черною неблагодарностью, можете говорить, что оно заслуживаетъ наказанія, какъ хотите, но я могу засвидѣтельствовать, что это крайне тяжелое чувство.

Родной кровъ, благодаря характеру моей сестры, никогда не былъ для меня особенно пріятнымъ мѣстомъ. Только одинъ Джо дѣлалъ мнѣ его святыней, и я вѣрилъ въ него. Я вѣрилъ, что гостиная наша была самымъ элегантнымъ салономъ; я вѣрилъ, что наша парадная дверь была таинственнымъ входомъ въ храмъ и торжественное открытіе ея сопровождалось принесеніемъ въ жертву жареныхъ куръ; я вѣрилъ, что кухня наша, хотя и не отличается особеннымъ великолѣпіемъ, зато поражаетъ своей чистотой; я вѣрилъ, что работа въ кузницѣ ведетъ къ возмужалости и независимости. И вотъ прошелъ одинъ только годъ и все измѣнилось. Все казалось мнѣ такимъ грубымъ и пошлымъ и я ни за что на свѣтѣ не желалъ бы, чтобы миссъ Хевишемъ и Эстелла увидѣли все это.

Насколько самъ я виноватъ былъ въ этомъ, насколько виноваты были миссъ Хевишемъ и моя сестра, не время разсуждать ни мнѣ, ни кому другому. Перемѣна свершилась, дѣло было сдѣлано. Хорошо ли это было, худо ли, извинительно или неизвинительно, но оно было сдѣлано.

Когда то раньше мнѣ казалось, что какъ только я засучу рукава своей рубахи и войду въ кузницу, какъ ученикъ Джо, я буду счастливъ и независимъ. Но когда все это осуществилось, я чувствовалъ только, что весь я покрытъ мелкой угольной пылью и что на душѣ моей лежитъ тяжесть воспоминанія, въ сравненіи съ которой наковальня казалась легкой, какъ перышко. Въ моей послѣдующей жизни бывали случаи (у кого ихъ не бываетъ), когда я чувствовалъ, что густая завѣса закрываетъ отъ меня весь интересъ и радости жизни, не оставляя мнѣ ничего, кромѣ тупого равнодушія. Никогда, однако, эта завѣса не была такъ тяжела и такъ мрачна, какъ въ то время, когда я свершилъ свое вступленіе въ жизнь, пролагая себѣ въ ней путь черезъ кузницу Джо.

Помню я, что въ болѣе поздній періодъ отслуживанія своего „срока“ я часто, стоя въ воскресенье вечеромъ на кладбищѣ, сравнивалъ перспективу своей жизни съ болотомъ и находилъ между ними сходство, думая, что тамъ и здѣсь все такъ плоско и низко, что тамъ и здѣсь все неизвѣстно, все покрыто непроницаемымъ туманомъ, за которымъ скрывается море. Съ перваго же дня своего поступленія на работу. я сразу впалъ въ унылое состояніе духа, которое не проходило и въ послѣдующіе годы моего обученія ремеслу; но я утѣшаю себя тѣмъ, что никогда ни единымъ словомъ не обмолвился Джо, какъ тяжело гнететъ меня обязанность исполнять условіе. Одно только это обстоятельство и радуетъ меня, когда я вспоминаю то время.

Что касается того, какъ шло мое обученіе, то всѣ успѣхи его я приписываю лишь заслугамъ Джо. Не тому, что самъ я былъ вѣренъ долгу, обязанъ я тѣмъ, что не сбѣжалъ, чтобы сдѣлаться солдатомъ или матросомъ, а тому, что Джо былъ вѣренъ своему долгу. Работалъ я довольно сносно, хотя и противъ воли, и, опять таки, не потому, чтобы у самого меня было развито сознаніе важности труда, а потому что сознаніе это было сильно развито у Джо. Нѣтъ возможности опредѣлить, какъ велико въ мірѣ вліяніе хорошаго, честнаго и сознающаго свой долгъ человѣка; зато я имѣю полную возможность сказать, какъ дѣйствуетъ оно на другого человѣка, какъ дѣйствовало оно на меня, ибо всѣмъ хорошимъ, что мнѣ дало мое обученіе, я обязанъ простодушному и всѣмъ довольному Джо, а не себѣ, безпокойному и вѣчно чего то жаждущему.

Кто можетъ сказать, чего я собственно хотѣлъ? Какъ я могу это сказать, когда я самъ никогда этого не зналъ! Больше всего боялся я, что въ одинъ какой-нибудь несчастный день, когда я буду въ самомъ грязномъ и некрасивомъ видѣ, я вдругъ подыму глаза и увижу, что Эстелла заглядываетъ въ одно изъ оконъ нашей кузницы. Мною овладѣвалъ ужасъ при мысли, что рано или поздно она увидитъ запачканное сажей лицо мое и руки, увидитъ меня за самой грязной частью моей работы и, радуясь моему уни-

женію, съ презрѣніемъ взглянетъ на меня. Часто послѣ наступленія сумерекъ, когда я раздувалъ мѣхи для Джо и мы съ нимъ пѣли „стараго Клема“, я вспоминалъ, какъ пѣлъ эту пѣсню у миссъ Хевишемъ и среди пламени мнѣ мерещилась головка Эстеллы съ чудными развѣвающимися по вѣтру волосами и съ глазами, презрительно устремленными на меня. Въ такихъ случаяхъ я поспѣшно отворачивался въ ту сторону, гдѣ были окна и начиналъ всматриваться въ заглядывавшую къ намъ ночную тьму и мнѣ воображалось, что я вижу, какъ отъ окна отстранилось вдругъ ея личико и вѣрилъ тому, что она пришла наконецъ.

Когда по окончаніи работы мы садились за ужинъ, все казалось мнѣ сквернымъ, и комната, и кушанье, и въ глубинѣ неблагодарной души своей я начиналъ еще болѣе стыдиться своего родного крова.

Глава пятнадцатая.

Такъ какъ я слишкомъ выросъ для того, чтобы посѣщать школу тетки мистера Уопселя, то рѣшено было прекратить дальнѣйшее мое образованіе подъ надзоромъ этой нелѣпой женщины. Бидди тѣмъ временемъ успѣла мнѣ передать все, что знала, начиная отъ небольшого прейсъ-куранта до комической пѣсенки, купленной ею какъ то разъ всего за полпенса. Хотя это литературное произведеніе состояло изъ слѣдующихъ только строчекъ съ припѣвомъ—

Когда я прибылъ въ Лондонъ, сэры!
Турѣль, лурѣль!
Турѣль, лурѣль!
Былъ лицомъ я смуглый, сэры!
Турѣль, лурѣль!
Турѣль, лурѣль!

Я все же принялъ къ сердцу это сочиненіе и серьезно занялся имъ,—такъ сильно во мнѣ было желаніе сдѣлаться умнѣе. Не помню, чтобы я особенно признавалъ его достоинства, я думалъ только что припѣвъ „турѣль, лурѣль“ есть своего рода поэтическая вольность. Моя жажда познаній была такъ велика, что я рѣшилъ обратиться къ мистеру Уопселю и просить его заняться моимъ умственнымъ развитіемъ, на что онъ очень охотно согласился. Но въ виду того, что онъ выказалъ сильное стремленіе образовать изъ меня драматическаго актера, котораго можно и цѣловать, и оплакивать, и толкать, и царапать, и умерщвлять, и колотить всѣми возможными способами, то я поспѣшилъ кончить начатый мною у него курсъ науки, хотя рѣшился на это лишь послѣ того, какъ мистеръ Уопсель, находясь подъ вліяніемъ поэтическаго бѣшенства, серьезно таки помялъ меня.

Я старался передать Джо все, чему самъ учился. Мнѣ такъ пріятно говорить объ этомъ, что я не могу пройти этого молча-

ніемъ. Мнѣ такъ хотѣлось сдѣлать Джо менѣе невѣжественнымъ, чтобы онъ былъ достойнѣе моего общества и не заслуживалъ бы насмѣшекъ Эстеллы.

Мы занимались съ нимъ обыкновенно на старой батареѣ за болотами и единственными пособіями нашими во время этихъ занятій были обломокъ разбитой аспидной доски и небольшой кусочекъ грифеля. Джо, кромѣ того, приносилъ съ собою трубку и табакъ. Никогда не удавалось мнѣ, чтобы Джо помнилъ что нибудь отъ одного воскресенья и до другого или пріобрѣлъ за это время какое либо свѣдѣніе. Тѣмъ не менѣе нигдѣ не курилъ онъ трубки съ такимъ умнымъ видомъ, какъ на старой батареѣ, и не только умнымъ, но даже ученымъ, и былъ, повидимому, совершенно увѣренъ въ томъ, что дѣлаетъ успѣхи. Надѣюсь, что онъ дѣлалъ ихъ, дорогой товарищъ.

Все кругомъ было тихо и покойно. Вдали на рѣкѣ двигались паруса, которые во время отлива казались парусами затонувшихъ кораблей, продолжавшихъ плыть по дну рѣки. Когда я смотрѣлъ на суда въ морѣ, стоявшія тамъ съ распущенными бѣлыми парусами, я сейчасъ же начиналъ думать о миссъ Хевишемъ и Эстеллѣ; то же самое бывало со мною, когда я смотрѣлъ на освѣщенную солнцемъ тучку, или парусъ, или зеленый склонъ холма и сверкающую вдали полосу воды. Миссъ Хевишемъ и Эстелла, странный домъ и странная жизнь всегда имѣли для меня связь со всѣмъ, что было живописно.

Въ одно прекрасное воскресенье Джо, наслаждаясь своей трубкой, заявилъ мнѣ, что „все это ужасно скучно“, а потому я освободилъ его отъ занятій и улегся на насыпи, подперевъ рукою подбородокъ; черты миссъ Хевишемъ и Эстеллы представлялись мнѣ вездѣ, и на небѣ, и на водѣ, до тѣхъ поръ, пока я не рѣшился, наконецъ, подѣлиться съ Джо мыслями, которыя неотвязно мелькали у меня въ головѣ.

— Джо,—сказалъ я,—не думаешь ли ты, что я долженъ сдѣлать визитъ миссъ Хевишемъ?

— Такъ, Пипъ! Зачѣмъ только?—спросилъ Джо, задумываясь.

— Какъ зачѣмъ, Джо? Зачѣмъ дѣлаютъ визиты?

— Видишь, Пипъ,—отвѣчалъ мнѣ Джо,—такіе бываютъ визиты, что не знаешь для чего они. Вотъ и насчетъ визита миссъ Хевишемъ. Она подумаетъ, что ты еще чего нибудь хочешь отъ нея, надѣешься получить что нибудь.

— Не могу я развѣ сказать, Джо, что ничего не хочу?

— Можешь, дружище,—отвѣчалъ Джо,—и она, пожалуй, повѣритъ, ну, а вѣдь, можетъ быть, и не повѣритъ.

Джо, какъ и я, почувствовалъ, что это весьма вѣскій доводъ, а потому, дабы не ослабить его убѣдительности безполезными повтореніями, онъ поспѣшно схватился за трубку.

— Видишь, Пипъ,—продолжалъ немного погодя Джо, думая, что опасность миновала.—Миссъ Хевишемъ сдѣлала доброе дѣло для тебя. Когда она сдѣлала это доброе дѣло, она позвала меня обратно и сказала, что это „*все*“.

— Да, Джо, я слышалъ.

— „*Все*“, — повторилъ Джо болѣе выразительно.

— Да, Джо!—Я сказалъ уже, что слышалъ.

— По моему, Пипъ, она этимъ вотъ что хотѣла сказать:—конецъ!.. Будешь, чѣмъ былъ. Я на сѣверъ, ты на югъ... На мѣсто!

Я самъ думалъ объ этомъ, но мнѣ все же было неловко, что и онъ думалъ то же самое, ибо это дѣлало еще болѣе вѣроятнымъ такое предположеніе.

— Но, Джо...

— Да, дружище!

— Видишь ли, вотъ уже кончается первый годъ моего условія, а я ни разу еще не благодарилъ миссъ Хевишемъ, ни разу не освѣдомился объ ея здоровьи и ничѣмъ не показалъ, что не забываю ее.

— Оно, пожалуй, вѣрно, Пипъ, если, напримѣръ, ты задумалъ поднести ей въ подарокъ подковы на четыре ноги... Но куда только пригодится онъ?.. Коли нѣтъ копытъ, такъ куда же подковы?..

— Я ничѣмъ вовсе не хочу напоминать ей о себѣ и о подаркѣ совсѣмъ не думаю.

Но у Джо крѣпко засѣла въ головѣ мысль и подаркѣ и онъ уперся на ней.

— Или вотъ, напримѣръ,—сказалъ онъ,—если бы ты вздумалъ ей выковать цѣпочку для парадной двери... или этакъ дюжинъ съ двѣнадцать али двадцать маленькихъ винтиковъ для домашняго обихода... или какую нибудь легонькую вещичку въ родѣ вилки, чтобы брать гренки... или рашперъ чтобы жарить сардели, или что нибудь...

— Никакихъ подарковъ не хочу я, Джо!—перебилъ я его.

— Да,—сказалъ Джо, упорно продолжая о подаркѣ, какъ будто бы я настаивалъ на немъ,—будь я на твоемъ мѣстѣ, Пипъ, я бы не сдѣлалъ его... нѣтъ, не сдѣлалъ! Къ чему ей цѣпочка, когда и безъ того она у нея есть? Винтики тоже, пожалуй, никуда ей пригодны не будутъ... а вилка знаешь, тутъ ужъ придется браться и за мѣдь.. только репутацію себѣ испортишь. Что касается рашпера, то самый ловкій мастеръ и тотъ, пожалуй, обрѣжется на рашперѣ, потому рашперъ—это рашперъ,—продолжалъ Джо убѣждать меня и доказывать мнѣ всю несостоятельность моихъ намѣреній,—и куй себѣ тамъ, что хочешь и какъ хочешь, а выйдетъ рашперъ, хоть брось, а тамъ опять начни, ничѣмъ не поможешь...

— Милый Джо, — крикнулъ я съ отчаяніемъ, хватаясь за

полу его сюртука, — перестань ты объ этомъ! Сказалъ я тебѣ уже, что никакого подарка миссъ Хевишемъ не хочу.

— Нѣтъ, Пипъ, — продолжалъ Джо, довольный, повидимому, тѣмъ, что ему удалось убѣдить меня, — не надо, я тебѣ говорю, и ты правъ, что не надо, Пипъ!

— Да, Джо! Я хотѣлъ, видишь ли, сказать тебѣ, что работы у насъ теперь немного и ты можешь отпустить меня на полдня... Я схожу въ городъ и навѣщу миссъ Эст... Хевишемъ.

— Развѣ ее зовутъ Эстевишемъ, Пипъ?—спросилъ Джо.— Или ее перекрестили?

— Знаю, Джо, знаю... я ошибся. Что ты скажешь на мою просьбу, Джо?

Джо отвѣтилъ мнѣ, что разъ я думаю, что это будетъ хорошо, то и онъ думаетъ, что это будетъ хорошо. Но при этомъ онъ настаивалъ на томъ, чтобы я, если меня не примутъ радушно или дадутъ какимъ нибудь образомъ понять, что не желаютъ вторичнаго моего визита, ибо видятъ въ немъ корыстную цѣль, чтобы я не повторялъ его больше. Я обѣщалъ слѣдовать его совѣту.

Джо держалъ у себя на недѣльномъ жалованьи работника, котораго звали Орликомъ. Онъ увѣрялъ, что при крещеніи ему дано было имя Дольджа—что было явно невозможно, за неимѣніемъ такого имени въ святцахъ; но это былъ человѣкъ крайне упрямаго нрава и я увѣренъ, что въ этомъ онъ не былъ жертвой собственной своей ошибки, а придумалъ это имя съ злобной цѣлью посмѣяться надъ невѣжествомъ деревенскихъ жителей. Это былъ смуглый, широкоплечій человѣкъ крѣпкаго сложенія съ какими то странными, точно развинченными конечностями; онъ никогда не спѣшилъ и шелъ, точно валился впередъ. Дѣлалъ онъ свое дѣло не какъ настоящій рабочій, а какъ человѣкъ, случайно взявшійся за него; когда онъ отправлялся обѣдать въ таверну „Веселыхъ Лодочниковъ“ и шелъ домой на ночлегъ, онъ плелся съ какимъ то безцѣльнымъ видомъ, точно Каинъ или Вѣчный Жидъ, который не знаетъ, куда онъ идетъ и не имѣетъ намѣренія вернуться. Онъ жилъ за болотами у сторожа шлюзовъ и, выходя въ будніе дни изъ своего убѣжища, плелся обыкновенно съ заложенными въ карманы штановъ руками и съ обѣдомъ въ узелкѣ, который былъ повѣшенъ на его шеѣ и болтался на спинѣ. По воскресеньямъ онъ цѣлый день или лежалъ у шлюзныхъ воротъ, или стоялъ облокотившись у стога сѣна или у гумна. Когда онъ шелъ, то глаза его были обыкновенно опущены въ землю, а когда кто нибудь заговаривалъ съ нимъ или онъ по какой либо другой причинѣ подымалъ ихъ, то взглядъ его при этомъ принималъ не то обидчивое, не то смущенное выраженіе, какъ будто бы онъ никогда не думалъ, чтобы собесѣдникъ, обратившійся къ нему могъ позволить по отношенію къ нему такой странный и несправедливый поступокъ

Этотъ сумрачный работникъ не любилъ меня. Когда я былъ совсѣмъ еще маленькимъ и робкимъ мальчикомъ, онъ пугалъ меня тѣмъ, что въ самомъ темномъ углу кузницы живетъ чортъ и будто бы онъ хорошо зналъ, что для него черезъ каждые семь лѣтъ необходимо разводить огонь съ помощью живого мальчика, и что я представляю самое подходящее топливо для этого случая. Когда я сдѣлался ученикомъ Джо, онъ, убѣжденный въ томъ, что я когда либо замѣню его, еще больше не взлюбилъ меня. Не то, чтобы онъ говорилъ мнѣ что нибудь, или обижалъ меня, а я просто замѣчалъ, что всякій разъ, когда онъ ковалъ, искры всегда летѣли въ мою сторону, а когда я пѣлъ „стараго Клема", всегда сбивалъ меня съ такта.

На слѣдующій день послѣ того, какъ я выговорилъ себѣ полдня праздника, Орликъ также работалъ въ кузницѣ. Сначала онъ молчалъ, потому что оба они съ Джо ковали только что вынутую изъ горна раскаленную полосу желѣза, а я раздувалъ мѣхи. Немного погодя онъ обратился къ Джо со словами:

— Вотъ что хозяинъ! Не думаю, чтобы ты хотѣлъ давать поблажку только одному изъ насъ? Далъ полдня праздника молодому Пипу, дай его и старому Орлику.

Ему было по моему всего двадцать пять лѣтъ, но онъ имѣлъ привычку говорить о себѣ, какъ о старикѣ.

— А что ты сдѣлаешь съ этимъ полднемъ отпуска, если получишь его?—спросилъ Джо.

— Что я сдѣлаю съ нимъ? А что онъ сдѣлаетъ съ нимъ? Сдѣлаю то, что и онъ,—отвѣчалъ Орликъ.

— Пипъ пойдетъ въ городъ,—сказалъ Джо.

— Ну, и старый Орликъ пойдетъ въ городъ,—отвѣчалъ онъ сердито.—Почему не идти обоимъ въ городъ? Неужели только одному и можно идти въ городъ.

— Ты, братъ, лучше сократи-ка свой нравъ, — сказалъ Джо.

— Сокращу, коли захочу,—проворчалъ Орликъ.—Ишь ты, въ городъ! То же! Поблажки, значитъ, не будетъ, хозяинъ? Ну-же! Будь ты человѣкомъ!

Джо отказался говорить дальше объ этомъ предметѣ, пока работникъ его не успокоился, а потому Орликъ направился къ горну и вытащилъ оттуда раскаленную полосу желѣза, которую онъ направилъ въ мою сторону, точно собираясь проткнуть меня, ею, затѣмъ повертѣлъ ею надъ моей головой, но сейчасъ же опустилъ ее на наковальню и принялся ковать ее съ такимъ ожесточенiемъ, какъ будто это былъ я, а искры—брызги моей крови. Онъ ковалъ до тѣхъ поръ, пока самъ разгорячился, а желѣзо стало, напротивъ, совершенно холоднымъ. Облокотившись тогда на свой молотъ, онъ сказалъ:

— Такъ какъ-же, хозяинъ?

— Успокоился теперь?—спросилъ Джо.

— Успокоился,—мрачно отвѣчалъ Орликъ.

— Ты работаешь такъ же хорошо, какъ и другіе люди, продолжалъ Джо,—получай и ты, поэтому, полдня праздника.

Сестра моя стояла въ это время во дворѣ и все слышала. Вообще шпіонить и подслушивать она не стыдилась. Заглянувъ въ окно, она крикнула Джо:

— Похоже на тебя, дурака! Отпускать съ работы такихъ лѣнивыхъ негодяевъ, какъ этотъ? Видно денегъ у тебя много, коли можешь такъ швырять жалованьемъ! Хотѣлось бы мнѣ быть его хозяиномъ!

— Ты-бы надъ всѣми не прочь похозяйничать, кабы смѣла,—отвѣчалъ Орликъ, злобно улыбаясь.

— Оставь ее!—сказалъ Джо.

— Ужъ что касается до этого, я бы по свойски расправилась со всѣми дураками и мерзавцами,—отвѣтила моя сестра, начиная понемногу сама себя взвинчивать.—А ужъ если бы я взялась за дураковъ, такъ начала бы съ самого хозяина, тупоголоваго царя всѣхъ олуховъ на свѣтѣ. И ужъ если бы я взялась за мерзавцевъ, то начала бы съ тебя, самаго подлаго и отъявленнаго негодяя на всемъ пространствѣ отсюда до самой Франціи! Такъ-то!

— Гнусная ты баба, тетушка Гарджери!—сказалъ Орликъ.—Если таковы судьи мерзавцевъ, то изъ тебя выйдетъ хорошій судья.

— Оставь ее, говорю тебѣ,—сказалъ Джо.

— Что ты сказалъ?—крикнула моя сестра со слезами въ голосѣ.—Что ты сказалъ? Пипъ, что сказалъ этотъ негодяй Орликъ? Какъ онъ назвалъ меня... тутъ... при моемъ мужѣ? О! О! О!

Каждое изъ послѣднихъ восклицаній она выкрикивала визгливымъ голосомъ. Считаю нужнымъ замѣтить, что сестра моя, подобно всѣмъ взбалмошнымъ женщинамъ, которыхъ я встрѣчалъ впослѣдствіи, (что, конечно, не можетъ служить ей извиненіемъ) вмѣсто того, чтобы сдержать себя, сознательно и съ самыми невѣроятными усиліями все больше и больше раздражала себя, переходя постепенно изъ одной стадіи бѣшенства въ другую.

— Какъ... какъ назвалъ онъ меня въ присутствіи низкаго труса, который клялся защищать меня? О! Держите меня! О!

— А-а-хъ!—сквозь зубы проворчалъ Орликъ.—Я-бы поддержалъ тебя, будь ты моей женой... Я бы сунулъ тебя подъ насосъ и всю бы эту дурь вымылъ изъ тебя.

— Говорю тебѣ, оставь ее,—сказалъ Джо.

— О! Слушать только его!—вскрикнула моя сестра, всплескивая руками, что было знакомъ перехода къ слѣдующей стадіи бѣшенства.—Слышать имена, которыя онъ даетъ мнѣ! Этотъ Орликъ! Въ моемъ собственномъ домѣ! Мнѣ... замужней женщинѣ! Въ присутствіи моего мужа! О! О!

Здѣсь моя сестра послѣ цѣлаго ряда всплескиваній и вскрикиваній, принялась бить себя руками по груди и колѣнамъ, сбросила съ себя шляпу и распустила волоса—переходъ къ послѣдней стадіи бѣшенства. Превратившись такимъ образомъ въ настоящую фурію, она бросилась къ дверямъ, которыя по счастью я заперъ передъ этимъ на замокъ.

Несчастному Джо, замѣчанія котораго, сказанныя въ скобкахъ, остались безъ всякаго вниманія, ничего не оставалось, какъ подойти къ своему работнику и спросить его, на какомъ основаніи посмѣлъ онъ вмѣшиваться въ его дѣла съ женой и кто его просилъ объ этомъ? Старый Орликъ понялъ, что ему приходится принять вызовъ и приготовиться къ защитѣ. И вотъ, не снимая своихъ прожженныхъ передниковъ, они, точно два гиганта, стали другъ противъ друга. Если по сосѣдству и былъ гдѣ нибудь такой человѣкъ, который могъ бы устоять противъ Джо, то я не видѣлъ такого человѣка. Орликъ моментально, не хуже самого блѣднаго молодого джентльмена, очутился на полу среди угольной пыли и не спѣшилъ, повидимому, скоро выбраться изъ нея. Джо открылъ двери, поднялъ на руки мою сестру, которая лежала безъ чувствъ у самаго окна (я думаю все таки, что она успѣла увидѣть первый ударъ), отнесъ ее въ домъ и положилъ на кровать; здѣсь она стала понемногу приходить въ себя, рвалась и металась во всѣ стороны, запуская руки въ волоса Джо. Вслѣдъ за этимъ наступили полная тишина и спокойствіе, какія бываютъ послѣ сильнаго взрыва. Съ смутнымъ ощущеніемъ, которое у меня всегда являлось послѣ такихъ взрывовъ, будто сегодня у насъ воскресенье или въ домѣ кто нибудь умеръ, поднялся я наверхъ, чтобы одѣться.

Когда я спустился внизъ, Джо и Орликъ подметали полъ и не было видно никакихъ слѣдовъ ссоры, кромѣ синяка у самой ноздри Орлика, что не придавало ни особой красоты, ни выразительности его лицу. На столѣ появилась бутылка пива изъ „Веселыхъ Лодочниковъ“ и оба они по очереди съ самымъ мирнымъ видомъ наливали его себѣ. Наступившая тишина произвела умиротворяющее и философское вліяніе на Джо, который, выйдя проводить меня, сказалъ мнѣ на прощанье, чтобы успокоить меня:

— Пошумитъ, пошумитъ, Пипъ, а тамъ и стихнетъ. И всю жизнь такъ.

Не думаю, чтобы кому нибудь было дѣло до глупого волненія, (серьезнаго для взрослаго человѣка и смѣшного для мальчика), которое я испытывалъ, направляясь къ миссъ Хевишемъ. Нѣсколько разъ прошелъ я взадъ и впередъ мимо калитки прежде, чѣмъ рѣшился позвонить. Я все думалъ не уйти ли мнѣ лучше безъ звонка и навѣрное ушелъ бы, если бы только имѣлъ право распоряжаться своимъ временемъ и вернуться назадъ по своему желанію.

Къ калиткѣ вышла миссъ Сара Покетъ, но не Эстелла.

— Это что? Ты опять вернулся? Что тебѣ нужно?—сказала миссъ Покетъ.

Когда я сказалъ, что пришелъ навѣстить миссъ Хевишемъ, она нѣсколько минутъ колебалась впускать меня или не впускать, но не желая, очевидно, брать на себя отвѣтственности, она впустила меня, наконецъ, и затѣмъ пришла мнѣ сказать, что мнѣ разрѣшено „войти“.

Все было по прежнему и миссъ Хевишемъ была одна.

— Ну!—сказала она, пристально всматриваясь въ меня.—Надѣюсь, ты ничего не желаешь?... Ничего не получишь.

— Ничего, миссъ Хевишемъ! Мнѣ хотѣлось только сообщить вамъ, что мнѣ очень хорошо живется у моего хозяина и что я очень благодаренъ вамъ.

— Такъ, такъ!—сказала она съ прежнимъ безпокойнымъ движенiемъ пальцевъ.—Можешь приходить иногда... Въ день твоего рожденiя приходи... Ага!—воскликнула она вдругъ, поворачиваясь ко мнѣ вмѣстѣ со своимъ кресломъ.—Ты ищешь Эстеллу? Да?

Я дѣйствительно оглянулся кругомъ, отыскивая Эстеллу... Я пролепеталъ, что надѣюсь, она здорова.

— Заграницей,—сказала миссъ Хевишемъ,—получаетъ образованiе, достойное леди. Не добраться теперь до нея... похорошѣла... всѣ восхищаются, кто только видитъ ее. Ты чувствуешь, что потерялъ ее?

Въ послѣднихъ словахъ ея слышалось столько злобнаго удовольствiя и она разразилась такимъ непрiятнымъ смѣхомъ, что я совсѣмъ растерялся и не зналъ, что сказать. Она скоро отпустила меня и тѣмъ избавила отъ дальнѣйшаго замѣшательства. Когда Сара закрыла за мной калитку, я почувствовалъ, что сталъ еще болѣе недоволенъ и роднымъ кровомъ своимъ, и ремесломъ, и всѣмъ на свѣтѣ. Вотъ все, что я получилъ отъ этого посѣщенiя.

Когда я шелъ по Хайгъ-Стриту, печально поглядывая на окна лавокъ и раздумывая о томъ, что бы я купилъ, будь я джентльменомъ, ко мнѣ навстрѣчу вышелъ изъ книжнаго магазина мистеръ Уопсель. Онъ держалъ въ рукахъ только что купленную имъ за шесть пенсовъ трагедiю Джорджа Барнуэля, каждое слово которой онъ собирался вдолбить въ голову мистера Пембельчука, куда шелъ теперь пить чай. Не успѣлъ онъ увидѣть меня, какъ у него блеснула мысль, что само Провидѣнiе посылаетъ ему ученика, который можетъ быть ему полезенъ во время декламацiи; онъ тотчасъ же задержалъ меня, настаивая на томъ, чтобы я сопровождалъ его къ Пембельчуку. Зная, что дома скучно, что ночи темныя и дорога худая, что лучше имѣть даже такого спутника, чѣмъ никакого, я сопротивлялся не долго, а потому мы оба отправились къ Пембельчуку въ ту самую минуту, когда загорались огни на улицахъ и въ лавкахъ.

Я никогда еще не присутствовалъ на чтеніи Джорджа Барнуэля и не зналъ поэтому, какъ долго оно можетъ продолжаться; но въ тотъ вечеръ я хорошо помню, что оно продолжалось до половины десятаго. Когда мистеръ Уопсель добрался до Ньюгета, и я начиналъ уже думать, что онъ никогда не попадетъ на эшафотъ, онъ сталъ подвигаться впередъ несравненно медленнѣе, чѣмъ въ первый періодъ своей несчастной карьеры. Я нашелъ, что съ его стороны совсѣмъ не кстати жаловаться на то, что его сгубили во цвѣтѣ лѣтъ, какъ будто бы онъ не далъ никакого плода съ тѣхъ поръ, какъ началъ свое поприще. Но главное-то дѣло въ томъ, что все это было ужасно длинно и скучно. Тошнѣе же всего было то, что во мнѣ признавали воплощеніе главнаго лица всей этой исторіи. Когда Барнуэль ступилъ на путь преступленій, Пембельчукъ съ такимъ негодованіемъ взглянулъ на меня, что я положительно не зналъ, куда дѣваться, и даже готовъ былъ просить извиненія. Уопсель всѣми силами своими старался представить меня въ наихудшемъ свѣтѣ. Жестокій и тупоумный, я сдѣлался убійцей своего дяди безъ всякихъ при этомъ смягчающихъ обстоятельствъ; Мильвудъ при всякомъ удобномъ случаѣ громилъ меня своими рѣчами; со стороны дочери моего господина было бы настоящимъ сумасшествіемъ, вздумай она обращать на меня вниманіе; что касается моего малодушія въ то роковое утро, то оно вполнѣ соотвѣтствовало общей слабости моего характера. Даже послѣ того, какъ меня счастливо повѣсили и Уопсель закрылъ книгу, Пембельчукъ сидѣлъ, устремивъ по прежнему на меня глаза, качалъ головой и говорилъ мнѣ: „берегись, мальчикъ, берегись!“, какъ будто ему было хорошо извѣстно, что я замышляю убійство близкаго родственника или даже того, кто имѣлъ слабость сдѣлаться моимъ благодѣтелемъ.

Было совсѣмъ уже темно, когда кончилось чтеніе и мы вмѣстѣ съ мистеромъ Уопселемъ отправились домой. За городомъ все было покрыто густымъ туманомъ и въ воздухѣ чувствовалась страшная сырость. Фонарь у заставы принялъ видъ пятна и казался внѣ своего обычнаго мѣста, а лучи свѣта, падавшіе отъ него, казались уплотнившимся веществомъ самого тумана. Въ то время, какъ мы говорили объ этомъ и разсуждали также о томъ, что туманъ вслѣдствіе перемѣны направленія вѣтра подымается отъ нашихъ болотъ, мы встрѣтили вдругъ человѣка, который плелся отъ сторожевой будки.

— Эй!—крикнули мы, останавливаясь отъ удивленія.—Это ты, Орликъ?

— Ага!—сказалъ онъ, подходя къ намъ.—А я давно стою здѣсь, да жду компаніи.

— Ты запоздалъ,—замѣтилъ я.

Орликъ какимъ то не совсѣмъ естественнымъ голосомъ отвѣчалъ мнѣ.

— Да? А ты не запоздалъ?

— Мы устроили, мистеръ Орликъ, литературный вечеръ,— сказалъ мистеръ Уопсель, все еще находившійся подъ впечатлѣніемъ недавняго чтенія.

Старый Орликъ буркнулъ что-то относительно того, что ему нечего говорить объ этомъ, и всѣ мы втроемъ двинулись въ путь. Я спросилъ его, гдѣ онъ провелъ все это время, въ городѣ или нѣтъ?

— Да, въ городѣ,—отвѣчалъ онъ.—Я вышелъ вслѣдъ за тобой. Я не видѣлъ тебя, но я все время шелъ недалеко позади тебя. Опять, слышишь, стрѣляли.

— На понтонахъ?—спросилъ я.

— Да! Птицы, видно, повылетали изъ своихъ клѣтокъ. Какъ стемнѣло, такъ все и палятъ изъ пушекъ. Скоро опять запалятъ.

И дѣйствительно, не успѣли мы пройти и десяти ярдовъ, какъ грянулъ вдругъ хорошо памятный мнѣ выстрѣлъ, который, замирая среди густого тумана, глухо прокатился по окрестностямъ, какъ бы преслѣдуя бѣглецовъ и угрожая имъ.

— Славная ночь, чтобы удрать,—сказалъ Орликъ.—Поди-ка, слови въ такую ночь тюремную птицу за крылышко!

Предметъ былъ самый подходящій, чтобы взволновать мои мысли, и я шелъ, молча думая о немъ. Мистеръ Уопсель, какъ пострадавшій дядюшка вечерней трагедіи, громко размышлялъ, прохаживаясь въ своемъ саду въ Кемберуэллѣ. Орликъ, заложивъ руки въ карманы, тяжелой поступью шелъ подлѣ меня. Было очень темно, очень сыро, очень грязно и мы шлепали по грязи. Время отъ времени раздавался надъ нами сигнальный выстрѣлъ, глухо раскатываясь вдоль по теченію рѣки. Я молчалъ, погруженный въ свои думы. Мистеръ Уопсель тѣмъ временемъ спокойно проживалъ въ Кемберуэллѣ, интриговалъ въ Босуорзъ-Фіельдѣ и переносилъ величайшія страданія въ Гластонбюри. Орликъ ворчалъ себѣ подъ носъ:—„Куй живѣй, куй живѣй, старый Клемъ! Куй звончѣй— старый Клемъ!“—Я подумалъ, что онъ выпилъ, но пьянъ онъ не былъ.

Такъ добрались мы до деревни. Дорога, по которой мы шли, проходила мимо „Трехъ Веселыхъ Лодочниковъ“, гдѣ къ великому удивленію нашему замѣчалось странное волненіе, не смотря на то, что было уже одиннадцать часовъ. Дверь была открыта настежь и во всѣхъ окнахъ виднѣлось необычайное въ это время освѣщеніе. Мистеръ Уопсель поспѣшилъ туда, чтобы узнать, въ чемъ дѣло, (предполагая, что пойманъ бѣжавшій каторжникъ), но тотчасъ же выбѣжалъ оттуда въ страшномъ волненіи.

— Тамъ что то приключилось,—сказалъ онъ, не останавливаясь ни на минуту,—домой,—за мною, Пипъ! Живѣй!

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ я, бросаясь бѣжать за нимъ. Рядомъ со мной бѣжалъ и Орликъ.

— Я ничего не понимаю. Въ домъ ворвались насильно въ то время, когда Джо Гарджери ушелъ. Предполагаютъ, что это каторжники. На кого-то напали и избили.

Мы бѣжали такъ скоро, что не было возможности говорить, и остановились только тогда, когда вошли въ кухню. Она была набита народомъ; вся деревня собралась здѣсь и во дворѣ. Здѣсь былъ докторъ и Джо, также цѣлая толпа женщинъ по самой серединѣ кухни. Всѣ дали мнѣ дорогу, какъ только замѣтили меня и... я увидѣлъ свою сестру. Она лежала безъ чувствъ и движенія на голомъ полу; чья-то неизвѣстная рука нанесла ей ужасный ударъ по затылку и спинѣ въ ту минуту, когда она сидѣла лицомъ къ камину. Съ этой минуты, пока она была женой Джо, она никогда больше не устраивала бурныхъ сценъ.

Глава шестнадцатая.

Голова моя была такъ занята Джорджемъ Барнуэллемъ, что въ первую минуту я вообразилъ себѣ, что долженъ имѣть какое нибудь отношеніе къ нападенію на мою сестру, которая была, во первыхъ, моей ближайшей родственницей, а во вторыхъ, всему населенію было извѣстно, что она облагодѣтельствовала меня, а потому на мнѣ должно было несомнѣнно остановиться общее подозрѣніе. Но когда на слѣдующій день я при дневномъ свѣтѣ разобрался хорошенько во всемъ этомъ дѣлѣ и услышалъ кругомъ себя разные толки о немъ, я взглянулъ на него съ совершенно другой и болѣе благоразумной точки зрѣнія.

Джо просидѣлъ въ тавернѣ „Трехъ Веселыхъ Лодочниковъ“, начиная съ четверти девятаго вечера, до безъ четверти десяти. Пока онъ сидѣлъ здѣсь и курилъ, моя сестра стояла у дверей кухни и обмѣнялась поклономъ съ работникомъ ближайшей фермы, который возвращался домой. Человѣкъ этотъ не могъ съ точностью опредѣлить времени, когда онъ видѣлъ ее (онъ пришелъ въ большое смущеніе, стараясь припомнить его), предполагая, что это было около девяти часовъ. Когда Джо вернулся домой безъ пяти десять, онъ нашелъ ее уже лежащею на полу и тотчасъ бросился звать на помощь. Огонь въ каминѣ горѣлъ еще ярко, свѣча на столѣ не успѣла еще нагорѣть, но была погашена.

Ничего изъ домашняго имущества унесено не было. Кромѣ погашенной не во время свѣчи, которая стояла на столѣ между дверями и моей сестрой и находилась позади нея въ ту минуту, когда она сидѣла у огня, и когда ей былъ нанесенъ ударъ, не было

другого безпорядка, за исключеніемъ того, который сдѣлала сама сестра моя, когда падала, обливаясь кровью. На полу оказалась, однако, весьма замѣчательная улика. Сестру ударили чѣмъ то тяжелымъ и твердымъ по головѣ и спинѣ, а когда она упала ничкомъ и лежала уже безъ чувствъ, на нее бросили еще какой-то тяжелый предметъ. Когда Джо поднималъ ее съ полу, то увидѣлъ подлѣ нея распиленную желѣзную колодку съ ноги какого-то каторжника.

Осмотрѣвъ ее опытнымъ глазомъ кузнеца, Джо объявилъ, что ее распилили не сейчасъ, а нѣсколько времени тому назадъ. Крики и свистки собравшейся толпы были услышаны на понтонахъ, и пришедшіе оттуда люди подтвердили мнѣніе Джо. Они не могли сказать, когда собственно колодка эта оставила одинъ изъ тюремныхъ кораблей, которому принадлежала когда то, но они были увѣрены въ томъ, что ни на одномъ изъ бѣжавшихъ ночью колодниковъ она не была надѣта. Одного изъ бѣглецовъ успѣли уже поймать, но колодка его осталась при немъ.

Зная то, что я зналъ, я втихомолку про себя выводилъ свои собственныя заключенія. Я былъ увѣренъ, что колодка эта принадлежала когда-то моему каторжнику, что она была та самая, которую онъ пилилъ тогда на болотахъ. Но я никакъ не могъ обвинить его въ томъ, что онъ воспользовался ею для послѣдняго злодѣянія. Я обвинялъ одного изъ тѣхъ двухъ, которые какимъ-то образомъ овладѣли ею. По моему это были либо Орликъ, либо тотъ незнакомецъ, который украдкой показывалъ мнѣ напилокъ.

Что касается Орлика, то онъ, дѣйствительно, отправился въ городъ, какъ говорилъ намъ, когда мы встрѣтили его у заставы; въ городѣ его видѣли въ теченіи всего вечера въ разныхъ тавернахъ, среди разной компаніи, а назадъ онъ возвращался со мною и съ мистеромъ Уопселемъ. Ничто не говорило противъ него, кромѣ ссоры; но сестра моя тысячи разъ ссорилась не только съ нимъ, но и со всѣми, кого судьба съ нею сталкивала. Что касается незнакомца, который могъ придти, чтобы получить обратно свои кредитные билеты, то для этого не требовалось никакой ссоры, ибо сестра давно уже готова была вернуть ему эти деньги. Къ тому же ничто не указывало здѣсь на какую нибудь ссору; преступникъ вошелъ такъ тихо и неожиданно, что она не успѣла даже оглянуться, какъ онъ уже нанесъ ей ударъ.

Я приходилъ въ ужасъ, что самъ, хотя и ненамѣренно, доставилъ злодѣю это оружіе, но думать иначе я не могъ. Я страдалъ невыразимо, думая и раздумывая, не лучше ли будетъ, если я раскрою эту тайну моего дѣтства и разскажу Джо всю исторію. Мѣсяцы шли за мѣсяцами, но я каждый день рѣшалъ этотъ вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ, а на слѣдующее утро снова разбиралъ его и придумывалъ, какъ мнѣ рѣшить его. Въ концѣ концовъ я

пришелъ къ тому заключенію, что тайна эта слишкомъ стара теперь и такъ сжилась со мною, что сдѣлалась частью меня самого и я никакъ не могу отдѣлить ее отъ себя. Ко всему этому присоединялся страхъ, что, признавъ себя виновникомъ столькихъ бѣдъ, я еще больше, чѣмъ когда либо, могу оттолкнуть отъ себя Джо, если онъ повѣритъ этому; не менѣе боялся я и того, что онъ не повѣритъ и посмотритъ на это, какъ на разсказъ мой въ дѣтствѣ о баснословныхъ собакахъ и телячьихъ котлетахъ. Въ общемъ, однако, я нашелъ нужнымъ выждать и рѣшилъ сдѣлать полное признаніе, какъ только представится случай, который дастъ мнѣ возможность способствовать къ открытію преступника.

Лондонскіе констебли и полицейскіе изъ Боу-Стрита (это было въ то время еще, когда они носили красные жилеты) бродили недѣлю или двѣ кругомъ и дѣлали все то, что, какъ я слышалъ и читалъ, дѣлаютъ въ такихъ случаяхъ эти власти. Они арестовали нѣсколькихъ, по ихъ мнѣнію, подозрительныхъ людей, ломали себѣ голову надъ ложными выводами, стараясь упорно приспособить обстоятельства къ этимъ выводамъ, вмѣсто того, чтобы извлекать выводы изъ обстоятельствъ. Затѣмъ они стояли у дверей „Веселыхъ Лодочниковъ", глубокомысленно и проницательно посматривая во всѣ стороны, что приводило въ восторгъ мѣстныхъ жителей; когда они пили, то дѣлали это съ такимъ же таинственнымъ видомъ, съ какимъ совершали поимку преступника.

Долго еще послѣ того, какъ исчезли эти власти, лежала моя больная сестра въ постели. Зрѣніе ея совершенно разстроилось, такъ что предметы множились у нея въ глазахъ и вмѣсто дѣйствительныхъ чашекъ и рюмокъ она брала воображаемыя; слухъ ея ослабѣлъ, память также, рѣчь сдѣлалась невнятной. Когда она, наконецъ, настолько поправилась, что ее можно было свести внизъ, то оказалось необходимымъ держать постоянно подлѣ нея мою аспидную доску, чтобы она могла написать то, чего не могла выразить словами. Такъ какъ она (не говоря уже о худомъ почеркѣ) писала болѣе, чѣмъ неправильно, а Джо съ своей стороны читалъ болѣе, чѣмъ неправильно, то между ними происходили постоянныя недоразумѣнія, для рѣшенія которыхъ призывали обыкновенно меня. Въ этихъ случаяхъ и съ моей стороны не обходилось безъ ошибокъ; изъ нихъ самыми слабыми были: вмѣсто „mutton" *) я читалъ „medicine", вмѣсто „Tea" **)—„Joe", вмѣсто „baker" ***)—„bacon".

Характеръ ея сильно измѣнился и она сдѣлалась очень терпѣливой. Неувѣренность въ походкѣ и слабость во всемъ тѣлѣ скоро

*) Mutton—баранина, medicine—лекарство.

**) Tea—чай, Joe—Джо.

***) Baker—булочникъ, bacon—копченая свинина.

сдѣлались ея обыкновеннымъ состояніемъ. Мѣсяца два или три она часто хваталась руками за голову и въ теченіи цѣлой недѣли находилась въ мрачномъ помѣшательствѣ. Мы совершенно терялись, не зная, гдѣ найти подходящую сидѣлку для нея, пока одно обстоятельство не выручило насъ, наконецъ, изъ затрудненія. Тетка мистера Уопселя неожиданно поборола закоренѣлую привычку жить, и Бидди сдѣлалась такимъ образомъ членомъ нашей семьи.

Прошло около мѣсяца послѣ того, какъ сестра моя появилась снова въ кухнѣ, когда Бидди пришла къ намъ съ небольшимъ пестрымъ сундучкомъ, въ которомъ находилось все ея имущество, и съ тѣхъ поръ сдѣлалась благословеніемъ нашего дома. Наибольшимъ благословеніемъ была она для Джо, такъ какъ дорогой старый товарищъ сильно страдалъ, постоянно имѣя передъ глазами больную жену. Ухаживая по вечерамъ за нею, онъ часто обращалъ на меня свои голубые полные слезъ глаза и грустно говорилъ мнѣ:— „А какая красивая женщина была, правда, Пипъ?“—Бидди переѣхавъ къ намъ, тотчасъ принялась заботливо и очень ловко ухаживать за нею, какъ будто изучала привычки ея съ самаго дѣтства. Джо могъ теперь пользоваться болѣе спокойной жизнью и время отъ времени заходилъ въ таверну „Веселыхъ Лодочниковъ“, что до нѣкоторой степени отвлекало мысли его въ другую сторону. Весьма характеренъ для полицейскихъ тотъ фактъ, что всѣ они болѣе или менѣе подозрѣвали бѣднягу Джо (хотя онъ никогда этого не зналъ) и что они смотрѣли на него, какъ на человѣка крайне хитраго и умнаго.

Первымъ торжествомъ Бидди на новомъ ея мѣстѣ было разрѣшеніе одного затрудненія, съ которымъ я никакъ не могъ справиться. Я долго бился надъ этой загадкой, но не могъ рѣшить ее. Вотъ въ чемъ дѣло:

Сестра моя то и дѣло писала на аспидной доскѣ букву, напоминающую собою Т, и затѣмъ съ необыкновеннымъ волненіемъ старалась обратить на нее наше вниманіе, какъ на нѣчто, чего она особенно желаетъ. Тщетно указывалъ я ей разные предметы, начинавшіеся съ этой буквы, какъ, напримѣръ, деготь *), поджареный хлѣбъ **), лохань ***) и такъ далѣе. Мало-по-малу мнѣ пришло въ голову, что знакъ этотъ формой своей походитъ на молотъ и я весело крикнулъ это слово на ухо сестрѣ; тогда она принялась стучать по столу и выразила свое согласіе. Я принесъ ей по очереди всѣ наши молотки одинъ за другимъ, но безъ всякаго успѣха. Тогда я подумалъ о костылѣ, верхушка котораго имѣла нѣсколько сходную форму; такой костыль мнѣ удалось найти въ де-

*) Tar.
**) Toast
***) Tub.

ревнѣ и я съ полной увѣренностью въ успѣхѣ принесъ его моей сестрѣ. Но она такъ замотала головой, когда я показалъ его, что мы перепугались, чтобы она при своемъ слабомъ и разстроенномъ состояніи не сломала себѣ шеи.

Когда сестра моя убѣдилась въ томъ, что Бидди всегда все скоро понимаетъ, таинственный знакъ снова появился на ея аспидной доскѣ. Бидди долго и задумчиво смотрѣла на него, затѣмъ выслушала мое объясненіе и задумчиво взглянула на мою сестру, потомъ также задумчиво взглянула на Джо (имя котораго изображалось на аспидной доскѣ его заглавной буквой) и опрометью бросилась въ кузницу, а за нею Джо и я.

— Ну, разумѣется!—кричала Бидди съ раскраснѣвшимся отъ волненія лицомъ.—Развѣ вы не понимаете? „*Его*“ нужно ей!

Орлика, безъ сомнѣнія! Она забыла его имя и указала намъ на его молотъ. Мы сказали ему, что просимъ его придти къ намъ въ кухню и объяснили почему; онъ медленно отложилъ въ сторону молотъ, вытеръ рукой лобъ, затѣмъ вытеръ его еще разъ передникомъ и потащился за нами своей обыкновенной развалистой походкой.

Я надѣялся, признаюсь откровенно, что сестра обвинитъ его и былъ совершенно разочарованъ, увидя противоположные результаты. Она съ волненіемъ старалась показать ему, что хочетъ быть съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, была очевидно довольна тѣмъ, что его наконецъ привели и знаками показывала, чтобы ему дали чего нибудь выпить. Она внимательно наблюдала за выраженіемъ его лица, какъ бы желая увѣриться въ томъ, что онъ доволенъ сдѣланнымъ ему пріемомъ; она старалась показать ему, что желаетъ примириться съ нимъ, дѣлая это съ такимъ же заискивающимъ видомъ, съ какимъ ребенокъ старается умилостивить своего суроваго учителя. Рѣдкій день проходилъ послѣ этого, чтобы она не рисовала молотка на аспидной доскѣ, послѣ чего къ ней плелся Орликъ и съ недоумѣвающимъ видомъ становился противъ нея, какъ бы не понимая, чего собственно ей нужно отъ него.

Глава семнадцатая.

Теперь я окончательно втянулся въ жизнь подмастерья, которая, проходя среди деревенской обстановки и болотъ, ничѣмъ не разнообразилась, кромѣ наступленія дня моего рожденія, когда я отправился со вторымъ визитомъ къ миссъ Хевишемъ. Миссъ Сара Покетъ исполняла по прежнему обязанности привратницы у калитки. Я нашелъ миссъ Хевишемъ такою же, какъ и оставилъ ее, и объ Эстеллѣ она говорила такъ же и почти тѣми же самыми словами, какъ и въ прошлый разъ. Свиданіе наше продолжалось всего нѣ-

сколько минутъ; она дала мнѣ гинею, когда я уходилъ, и велѣла придти снова въ день моего рожденія. Я теперь же хочу сказать, что это сдѣлалось впослѣдствіи моей ежегодной привычкой. Я съ перваго же раза хотѣлъ отказаться отъ гинеи, но добился этимъ только того, что она сердито спросила меня, не хочу ли я получить больше? Что мнѣ было дѣлать послѣ этого, какъ не взять.

Старый, скучный домъ ничуть не измѣнился; желтый цвѣтъ царилъ по прежнему въ темной комнатѣ съ поблекшимъ призракомъ въ креслѣ у туалетнаго стола, и я чувствовалъ, что въ этомъ таинственномъ мѣстѣ время остановилось также, какъ остановились часы, и пока я и все кругомъ меня растетъ и старится, здѣсь ничто не трогается съ мѣста. Дневной свѣтъ никогда не проникалъ въ этотъ домъ, какъ на самомъ дѣлѣ, такъ и въ моихъ думахъ о немъ и воспоминаніяхъ. Это приводило меня въ недоумѣніе и я подъ этимъ впечатлѣніемъ еще больше ненавидѣлъ свое ремесло и стыдился родного крова.

Мало-по-малу я сталъ замѣчать въ Бидди большую перемѣну. Она не носила больше стоптанныхъ башмаковъ, волоса были аккуратно причесаны, руки всегда вымыты. Она не была красива—она была простая дѣвушка и не могла походить на Эстеллу—но она была миловидная, здоровая и съ хорошимъ характеромъ. Она не пробыла у насъ и одного года, какъ я въ одинъ прекрасный вечеръ замѣтилъ, что у нея прелюбопытные вдумчивые и умные глаза, очень красивые и очень добрые.

Замѣтилъ я это въ тотъ моментъ, когда случайно поднялъ глаза отъ своей работы. Я переписывалъ нѣсколько отрывковъ изъ книги, упражняясь такимъ образомъ сразу и въ чтеніи и письмѣ. Я увидѣлъ, что Бидди наблюдаетъ за мною. Я отложилъ въ сторону перо, но Бидди не отложила работы, а только перестала работать.

— Бидди,—спросилъ я,—скажи, какъ это ты со всѣмъ справляешься? Или я очень глупъ, или ты очень умна?

— Съ чѣмъ это я справляюсь? Я не знаю,—отвѣчала она, улыбаясь.

Она, дѣйствительно, замѣчательно справлялась со всѣмъ хозяйствомъ, но я думалъ не объ этомъ, а о томъ, что еще болѣе удивило ее.

— Какъ ты успѣваешь, Бидди, учиться всему тому, чему учусь я и не отставать отъ меня?—Я начиналъ гордиться своими познаніями, на пріобрѣтеніе которыхъ я тратилъ деньги, получаемыя мною въ день рожденія и для той же цѣли тратилъ большую часть своихъ карманныхъ денегъ. Только теперь я могу подсчитать, какъ все это дорого стоило мнѣ.

— Я также хотѣла бы спросить тебя,—сказала она,—какъ это ты справляешься?

— Ну, видишь ли, когда я прихожу изъ кузницы, всѣ видятъ, какъ я сажусь за ученье, а тебя никто не видитъ за этимъ, Бидди!

— Я вѣрно схватываю это, какъ кашель,—сказала Бидди, продолжая спокойно работать.

Продолжая думать объ одномъ и томъ же, я откинулся на спинку деревяннаго стула и смотрѣлъ, какъ Бидди шила, склонивъ голову на одинъ бокъ, и думалъ, что она необыкновенная дѣвушка. Я припоминаю теперь, что она въ совершенствѣ знала всѣ техническіе термины нашего ремесла, различные виды нашей работы и названіе инструментовъ. Все, что я зналъ, знала и Бидди. Въ теоріи она была такимъ же хорошимъ кузнецомъ, какъ и я, или, пожалуй, лучше.

— Ты изъ тѣхъ людей, Бидди,—сказалъ я,—которые умѣютъ пользоваться всѣмъ. Пока ты не пришла къ намъ въ домъ, тебѣ не представлялось къ этому случая, а теперь смотри, чему ты только не научилась.

Бидди съ минуту смотрѣла на меня, а затѣмъ снова принялась шить.

— А между тѣмъ я была первымъ твоимъ учителемъ. Развѣ не такъ?—спросила она, продолжая шить.

— Бидди!—воскликнулъ я съ удивленіемъ.—Чего ты плачешь?

— Нѣтъ, я не плачу,—сказала Бидди, взглянувъ на меня и засмѣявшись.—Что это взбрело тебѣ въ голову?

Какъ же это не могло взбрести мнѣ въ голову, когда я увидѣлъ, какъ блестящая слеза упала къ ней на работу? Я сидѣлъ молча, припоминая, какой труженницей она была, живя у тетки мистера Уопселя, которая съ такимъ успѣхомъ поддерживала у себя худую привычку къ жизни, отъ которой такъ желали отдѣлаться нѣкоторые люди. Я припоминалъ, какая обстановка окружала ее въ такой маленькой лавчонкѣ и въ жалкой шумной вечерней школѣ, гдѣ тетка взвалила на ея непосильныя плечи все бремя своей собственной немощности. Я думалъ о томъ, что еще тогда въ Бидди скрывалось все то, что теперь вдругъ развилось въ ней, а потому при первомъ же неудовольствіи и затрудненіи я тотчасъ же обратился къ ней за помощью. Бидди шила спокойно и не проливала больше слезъ. И вотъ пока я смотрѣлъ на нее и думалъ обо всемъ этомъ, у меня вдругъ мелькнуло въ головѣ, что я недостаточно благодаренъ Бидди. Я былъ, быть можетъ, слишкомъ сдержанъ съ нею и мнѣ слѣдовало оказать ей почтеніе (хотя въ мысляхъ я не употреблялъ этого слова) своимъ довѣріемъ.

— Да, Бидди,—продолжалъ я,—ты была моимъ первымъ учителемъ и въ то еще время, когда мы не думали, что будемъ сидѣть вмѣстѣ, какъ теперь, въ нашей кухнѣ.

— Ахъ, бѣдняжка!—воскликнула Бидди, которая съ прису-

щимъ ей самоотверженіемъ отнесла замѣчаніе это къ моеи сестрѣ, за которой она тотчасъ же принялась ухаживать.—Къ сожалѣнію, это правда!

— Видишь,—сказалъ я,—намъ бы слѣдовало потолковать съ тобою больше, чѣмъ мы это дѣлаемъ. Мнѣ хочется посовѣтоваться съ тобою, какъ я это дѣлалъ раньше. Пойдемъ, Бидди, гулять на болото въ слѣдующее воскресенье и поговоримъ тамъ на свободѣ.

Сестру мою никогда теперь не оставляли одну; но Джо съ большей еще готовностью, чѣмъ всегда, согласился взять на себя попеченіе о ней послѣ обѣда въ воскресенье, когда мы съ Бидди отправились гулять. Была чудная лѣтняя погода. Мы прошли черезъ деревню, затѣмъ мимо церкви и кладбища и вышли на болота, откуда мы увидѣли паруса плывшихъ по рѣкѣ судовъ. Мысли мои по обыкновенію тотчасъ же перенеслись къ миссъ Хевишемъ и Эстеллѣ. Когда мы пришли къ рѣкѣ и усѣлись на берегу, гдѣ вода тихо журчала у нашихъ ногъ, наполняя все окружающее насъ необыкновеннымъ миромъ и спокойствіемъ, я рѣшилъ, что теперь самое подходящее время и мѣсто, чтобы довѣриться Бидди.

— Бидди,—сказалъ я, взявъ съ нея предварительно слово, что она никому не скажетъ объ этомъ,—я желаю быть джентльменомъ.

— О, будь я на твоемъ мѣстѣ, я не хотѣла бы этого,—отвѣчала она.—Не думаю, чтобы это было хорошо для тебя.

— Бидди,—строго сказала я ей,—у меня есть особыя причины, по которымъ я желаю быть джентльменомъ.

— Тебѣ лучше знать, Пипъ! Но какъ ты думаешь, счастливѣе будешь ты тогда, чѣмъ теперь?

— Бидди,—воскликнулъ я съ нетерпѣніемъ,—я и теперь не чувствую себя счастливымъ. Я чувствую отвращеніе и къ своему ремеслу и къ своей жизни. Меня никогда не тянуло ни къ тому, ни къ другому съ того самаго времени, какъ заключено условіе. Не говори глупостей!

— Развѣ я сказала что нибудь глупое?—спросила Бидди, тихо приподымая брови.—Очень жаль, только я не хотѣла говорить ничего глупого. Я желаю только, чтобы ты жилъ счастливо и хорошо.

— Ну, такъ пойми же разъ навсегда, что я никогда не буду здѣсь счастливъ. Кромѣ несчастья я ничего здѣсь чувствовать не буду. Такъ то, Бидди!.. До тѣхъ поръ не буду счастливъ, пока не буду вести другой образъ жизни, чѣмъ тотъ, который я веду здѣсь.

— Какая жалость!—сказала Бидди, съ печальнымъ видомъ качая головой.

Я самъ часто думалъ о томъ, что это большая жалость, и въ душѣ моей постоянно происходила внутренняя борьба, мучившая меня, а потому я готовъ былъ расплакаться отъ досады и огорченія, что Бидди, высказывая собственныя чувства, высказала въ то же

время и мои. Я сказалъ ей, что она была права, что объ этомъ можно сожалѣть, но помочь этому нельзя.

— Будь я въ состояніи примириться съ этой жизнью,—сказалъ я Бидди, срывая мелкую траву съ такимъ же ожесточеніемъ, съ какимъ я когда то для успокоенія своихъ чувствъ бился головой о стѣну пивоварни и рвалъ на себѣ волосы,—будь я въ состояніи примириться съ этой жизнью и хотя на половину полюбить кузницу такъ, какъ я любилъ ее въ дѣтствѣ, я знаю, это было бы лучше для меня. Ты, я и Джо, чего намъ больше желать? А когда кончится срокъ моего условія, я могъ бы стать компаньономъ Джо и жениться на тебѣ. И сидѣли бы мы тутъ съ тобой по воскресеньямъ совсѣмъ другими людьми, чѣмъ теперь. Я былъ бы хорошъ для тебя, не правда ли, Бидди?

Бидди вздохнула, бросивъ взглядъ на проходившія мимо суда, и отвѣчала:

— Да, я не очень требовательна.

Не думаю, чтобы это было лестно для меня, но я зналъ, что она ничего худого не хотѣла сказать.

— Вмѣсто этого,—сказалъ я, срывая еще больше травы, и грызя ея стебельки,—со мною вотъ что дѣлается. Я чувствую себя неудовлетвореннымъ и несчастнымъ и... Ахъ, я никогда и не думалъ бы, что я грубый деревенскій мальчишка, если бы никто не сказалъ мнѣ этого!

Бидди быстро повернулась ко мнѣ лицомъ и такъ же внимательно смотрѣла на меня, какъ внимательно смотрѣла передъ этимъ на плывущія мимо суда.

— Нельзя сказать, чтобы было справедливо и вѣжливо говорить тебѣ такія вещи,—сказала она, снова устремивъ глаза на шедшія мимо суда. — Кто сказалъ это?

Я смутился, что у меня сорвалось съ языка то, чего я не хотѣлъ сказать. Но сказаннаго не вернешь, и я отвѣчалъ:

— Красивая, молодая леди у миссъ Хевишемъ. Нѣтъ нигдѣ такой красавицы, какъ она. Мнѣ она ужасно нравится и ради нея я хочу быть джентльменомъ.

Сдѣлавъ это безумное признаніе, я принялся рвать траву и бросать ее въ рѣку, точно намѣреваясь самъ броситься туда.

— Для чего собственно хочешь ты быть джентльменомъ,—чтобы пренебречь ею или чтобы она полюбила тебя?—спокойно спросила меня Бидди послѣ непродолжительнаго молчанія.

— Не знаю,—мрачно отвѣчалъ я.

— Чтобы пренебречь ею, — продолжала Бидди, — думаю я... тебѣ, впрочемъ, лучше знать... Хотя было бы гораздо лучше и независимѣе съ твоей стороны не обращать вниманія на ея слова. А если для того, чтобы она полюбила тебя... и тутъ опять таки, тебѣ лучше знать... Ну, а по моему она не стоитъ этого.

Я и самъ такъ думалъ много разъ и въ эту минуту я былъ также совершенно согласенъ съ этимъ. Но могъ ли я, простой, деревенскій мальчикъ не поддаться той удивительной непослѣдовательности, какой ежедневно поддаются лучшіе и мудрѣйшіе изъ людей?

— Все это вѣрно,—сказалъ я Бидди,—но только она мнѣ ужасно нравится.

И не говоря больше ни слова, я повалился ничкомъ на траву, схватился обѣими руками за голову и принялся рвать на себѣ волоса. Сознавая вполнѣ все малодушіе своего характера, все безуміе и нелѣпость своихъ желаній, я готовъ былъ схватить свою голову за волосы и избить ее хорошенько о камни въ наказаніе за то, что она принадлежитъ такому идіоту.

Бидди была мудрѣйшая изъ дѣвушекъ и не пыталась уговаривать меня. Она протянула свою руку, которая показалась мнѣ такой пріятной, не смотря на то, что огрубѣла отъ работы, къ моимъ рукамъ и съ необыкновенной нѣжностью высвободила ихъ одну за другой изъ моихъ волосъ. Затѣмъ она ласково похлопала меня по плечу, пока я плакалъ, прислонившись лицомъ къ рукаву—точь въ точь какъ тогда въ пивоварнѣ. Я смутно былъ убѣжденъ, что меня кто-то и чѣмъ-то обидѣлъ, но кто и чѣмъ я не могъ сказать.

— Одному только я рада,—сказала Бидди,—что ты довѣряешь мнѣ, Пипъ! Рада я также и тому, что ты, конечно, увѣренъ въ томъ, что я сохраню эту тайну и всегда буду стоить твоего довѣрія. Если бы твой первый учитель (о милый, жалкій онъ, и самъ еще нуждается въ томъ, чтобы его учили) былъ бы и въ настоящее время твоимъ учителемъ, онъ зналъ бы какой тебѣ задать урокъ. Но тебѣ будетъ тяжело выучить этотъ урокъ, да лишнее и говорить теперь объ этомъ, когда ты обогналъ уже своего учителя.— И съ легкимъ вздохомъ Бидди поднялась со своего мѣста и ласково сказала:—Погуляемъ еще или пойдемъ домой?

— Бидди,—воскликнулъ я, обнимая ее за шею и цѣлуя ее,—я всегда и все буду говорить тебѣ!

— Пока не станешь джентльменомъ,—отвѣчала Бидди.

— Ты знаешь, что я никогда имъ не буду, а потому всегда. Да мнѣ, впрочемъ, и не представится больше случая говорить тебѣ что нибудь, потому что ты знаешь все, что я знаю, какъ я сказалъ тебѣ это дома, тогда, вечеромъ.

— Ахъ!—шепнула Бидди и взглянула на суда. Затѣмъ ласково по прежнему обратилась ко мнѣ:

— Будемъ еще гулять или пойдемъ домой?

Я сказалъ Бидди, что хочу еще погулять, и мы пошли дальше. Прекрасный лѣтній день перешелъ постепенно въ не менѣе прекрасный лѣтній вечеръ. Я начиналъ уже думать, что при настоящихъ обстоятельствахъ я нахожусь въ несравненно болѣе естественномъ и цѣлесообразномъ положеніи, чѣмъ въ то время, когда

я игралъ въ карты съ Эстеллой, сидя въ комнатѣ, гдѣ стояли всѣ часы и горѣли днемъ восковыя свѣчи. Я думалъ, не лучше ли будетъ, если я выкину ее изъ своей головы со всѣми своими воспоминаніями и мечтами и возьмусь серьезно за работу, съ твердымъ намѣреніемъ честно и добросовѣстно заниматься ею. Я спрашивалъ себя, увѣренъ ли я въ томъ, что будь здѣсь Эстелла, а не Бидди, она не старалась бы унизить меня? И я почувствовалъ, что совершенно увѣренъ въ этомъ, а потому сказалъ себѣ:—„Какой же ты дуракъ, Пипъ!"

Мы много говорили, пока гуляли, и все, что говорила Бидди, казалось мнѣ вѣрнымъ. Бидди никогда не была ни дерзкой, ни капризной, сегодня въ одномъ настроеніи, а завтра въ другомъ; она сама страдала бы, а не радовалась, если бы огорчила меня; она скорѣе согласилась бы нанести рану своему сердцу, чѣмъ моему. Почему же изъ двухъ я любилъ больше ту, чѣмъ ее?

— Бидди,—сказалъ я, когда мы возвращались домой,—я желалъ бы, чтобы ты наставила меня на истинный путь.

— И я также,—отвѣчала Бидди.

— Если бы только я могъ влюбиться въ тебя... ты не въ претензіи на меня за то, что я такъ откровенно говорю съ тобой? Вѣдь ты старая знакомая.

— О, голубчикъ, нисколько,—сказала Бидди.—Не думай обо мнѣ.

— Если бы я только могъ... все было бы тогда иначе.

— Этого ты не сможешь никогда,—отвѣчала Бидди.

Теперь вечеромъ это не казалось мнѣ такимъ невѣроятнымъ, какъ если бы мы вздумали говорить объ этомъ нѣсколько часовъ тому назадъ. Я замѣтилъ, что я не былъ совершенно увѣренъ въ этомъ. Но Бидди отвѣчала, что она была увѣрена, и отвѣчала очень рѣшительно. Въ сердцѣ своемъ я вѣрилъ, что она права, но было больно, что она такъ положительно настаивала на этомъ.

Когда мы находились совсѣмъ уже близко подлѣ кладбища, намъ нужно было перейти плотину и затѣмъ перебраться черезъ шлюзныя ворота. Здѣсь неизвѣстно откуда, изъ подъ воротъ, или изъ хворостника, или изъ тины (которая застоялась въ то время) выскочилъ вдругъ Орликъ.

— Галло!—крикнулъ онъ.—Вы куда это оба идете?

— Куда же намъ идти, какъ не домой?

— Ну, такъ пусть меня вздернутъ, если я не провожу васъ.

Самымъ любимымъ его предположеніемъ было предположеніе о томъ, что могутъ кого то вздернуть. Я никогда не замѣчалъ, чтобы онъ придавалъ какое нибудь опредѣленное значеніе этому слову, онъ употреблялъ его, какъ и придуманное имъ собственное христіанское имя, съ цѣлью потѣшиться надъ людьми и напугать ихъ возможностью дикой расправы. Когда я былъ моложе, я всегда

былъ увѣренъ, что вздумай онъ меня вздернуть, онъ бы воспользовался для этого острымъ, двойнымъ крючкомъ.

Бидди очень не хотѣлось, чтобы онъ шелъ съ нами и она шепнула мнѣ:

— Не позволяй, чтобы онъ шелъ съ нами... я не люблю его.

Такъ какъ и я не особенно долюбливалъ его, то я рѣшился сказать ему, что мы благодаримъ его и не желаемъ, чтобы онъ провожалъ насъ. Онъ выслушалъ это сообщеніе съ громкимъ смѣхомъ и, отставъ отъ насъ, продолжалъ идти на нѣкоторомъ разстояніи позади.

Любопытствуя узнать, не подозрѣваетъ ли его Бидди въ томъ, что онъ участвовалъ въ покушеніи на убійство моей сестры, которая не могла дать никакого отчета объ этомъ, я спросилъ ее, почему она не любитъ его?

— О!—сказала она, бросивъ черезъ плечо поспѣшный взглядъ назадъ,—потому... я боюсь, что онъ любитъ меня.

— Развѣ онъ говорилъ, что любитъ тебя?—съ негодованіемъ спросилъ я.

— Нѣтъ,—сказала Бидди, снова взглянувъ черезъ плечо,—онъ никогда мнѣ этого не говорилъ. Но онъ всегда пляшетъ, когда увидитъ, что я смотрю на него.

Какъ ни было для меня ново и странно это сообщеніе, но я ни минуты не сомнѣвался въ его справедливости. Меня сильно бѣсило, однако, что Орликъ осмѣлился любить ее; я даже смотрѣлъ на это, какъ на личное оскорбленіе.

— Но вѣдь для тебя это не можетъ имѣть значенія,—спокойно замѣтила Бидди.

— Да, Бидди, не имѣетъ, но мнѣ это не нравится и я не могу одобрить этого.

— И я также,—сказала Бидди.—Но тебѣ, повторяю, это все равно.

— Совершенно вѣрно,—сказалъ я,—но я долженъ сказать тебѣ, Бидди, что сталъ бы совсѣмъ иначе смотрѣть на тебя, если бы онъ плясалъ съ твоего согласія.

Съ этого вечера я не переставалъ слѣдить за Орликомъ и, какъ только онъ начиналъ плясать, такъ я становился между нимъ и Бидди, мѣшая такимъ образомъ его демонстраціи. Онъ пустилъ корни въ нашей кузницѣ, благодаря внезапно вспыхнувшей склонности къ нему моей сестры, не то я непремѣнно выжилъ бы его оттуда. Онъ прекрасно понималъ мои добрыя намѣренія и платилъ мнѣ тѣмъ же, какъ я узналъ объ этомъ впослѣдствіи.

Все въ головѣ моей и безъ того уже достаточно перепуталось, а я еще больше увеличивалъ эту путаницу пятьюдесятью тысячами разныхъ доводовъ, не смотря на то, что мнѣ было совершенно ясно, что Бидди несравненно лучше Эстеллы и что честная трудовая

жизнь, для которой я родился, не заслуживаетъ того, чтобы ея стыдиться, и можетъ только способствовать самоуваженію и счастью. Въ такія минуты мнѣ начинало казаться, что нерасположеніе мое къ Джо и кузницѣ совершенно исчезло и я твердо пойду по прямому пути, сдѣлаюсь компаньономъ Джо и женюсь на Бидди... Но это продолжалось лишь до той минуты, пока воспоминанія о пребываніи у миссъ Хевишемъ не овладѣвали мною и подобно чудовищному метательному снаряду не разрушали всѣ мои добрыя намѣренія. Разсѣянныя такимъ образомъ мысли и намѣренія не такъ то легко было собрать снова и часто прежде, чѣмъ мнѣ это удавалось, они снова разлетались по всѣмъ направленіямъ, когда въ головѣ моей мелькала вдругъ неожиданная мысль, что миссъ Хевишемъ устроитъ мою судьбу, какъ только кончится срокъ моего обученія.

По я думаю, что недоумѣнія мои не кончились бы и по истеченіи этого срока. Но ему не суждено было истечь, и они разрѣшились совершенно неожиданнымъ для меня образомъ, какъ это вы сейчасъ узнаете.

Глава восемнадцатая.

Это было въ четвертый годъ моего обученія у Джо, въ субботу вечеромъ. Кругомъ очага „Трехъ Веселыхъ Лодочниковъ“ собралась цѣлая группа людей, внимательно слушавшихъ мистера Уопселя, который громко читалъ газеты. Среди этой группы находился также и я.

Дѣло въ томъ, что было совершено вопіющее убійство и мистеръ Уопсель обагрился, такъ сказать, кровью по самыя уши. Онъ страшно выпячивалъ глаза при всякомъ прилагательномъ, которое попадалось въ описаніи, и изображалъ собою всѣхъ дѣйствующихъ лицъ судебнаго слѣдствія. Онъ еле пролепеталъ:— „смерть моя пришла!“, изображая такъ варварски убитую жертву, и заревѣлъ во все горло: — „ужъ я тебя отдѣлаю!“ изображая убійцу. Читая медицинскія показанія, онъ подражалъ голосу нашего мѣстнаго доктора; онъ весь дрожалъ и голосъ его прерывался, когда передавалъ показанія сторожа у заставы, который слышалъ наносимые удары, такъ искусно подражая при этомъ параличному старику, что ни у кого не могло остаться ни малѣйшаго сомнѣнія въ ненормальныхъ умственныхъ способностяхъ этого свидѣтеля. Судебный слѣдователь превратился у мистера Уопселя въ Тимона Аѳинскаго, а сторожъ — въ Коріолана. Онъ самъ наслаждался своимъ чтеніемъ и всѣ мы наслаждались и чувствовали себя превосходно. Въ такомъ прекрасномъ настроеніи духа мы единогласно произнесли обвинительный приговоръ въ умышленномъ убійствѣ.

Только послѣ этого замѣтилъ я присутствіе незнакомаго джентльмена, который стоялъ, облокотившись на спинку кресла, прямо противъ меня, и смотрѣлъ на насъ. Лицо его выражало полное презрѣніе и онъ грызъ ноготь большого пальца, наблюдая за слушателями.

— Ну-съ, — сказалъ незнакомецъ, когда мистеръ Уопсель кончилъ чтеніе, — не сомнѣваюсь, что дѣло это рѣшилось къ полному удовлетворенію вашему... не правда-ли?

Всѣ взглянули на него съ удивленіемъ и испугомъ, какъ будто онъ былъ самъ убійца. Онъ отвѣтилъ всѣмъ холоднымъ и саркастическимъ взглядомъ.

— Виновенъ, разумѣется? — сказалъ онъ. — Ну-же, говорите, что ли! Ну!

— Сэръ, — отвѣчалъ мистеръ Уопсель, — хотя я не имѣю чести васъ знать, я все же утверждаю, что виновенъ.

При этихъ словахъ мы всѣ расхрабрились и глухимъ ропотомъ поддержали это обвиненіе.

— Я зналъ, что вы обвините, — сказалъ незнакомецъ, — я зналъ это заранѣе. Я такъ и сказалъ вамъ. Теперь я хочу предложить вамъ одинъ вопросъ. Извѣстно ли вамъ или нѣтъ, что законы Англіи признаютъ человѣка невиннымъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ доказана, — *доказана!* — его виновность?

— Сэръ, — началъ мистеръ Уопсель, — я самъ, какъ англичанинъ...

— Полноте! — сказалъ незнакомецъ, снова принимаясь грызть ногти. — Не уклоняйтесь отъ вопроса. Или вы знаете, или не знаете. Одно изъ двухъ!

Онъ склонилъ голову на бокъ и самъ склонился на бокъ, изобразивъ такимъ образомъ вопросительный знакъ, затѣмъ вытянулъ свой указательный палецъ въ сторону мистера Уопселя и снова принялся грызть его.

— Ну-съ? — сказалъ онъ. — Извѣстно вамъ это или неизвѣстно?

— Разумѣется извѣстно, — отвѣчалъ мистеръ Уопсель.

— Разумѣется извѣстно!.. Почему же вы не сказали этого сразу? Теперь я предложу вамъ второй вопросъ, — принялся онъ снова за мистера Уопселя, точно имѣя на него какія то права.—Извѣстно ли вамъ, что ни одинъ изъ свидѣтелей не былъ подвергнутъ перекрестному допросу?

Мистеръ Уопсель началъ: — „Я могу только сказать“... но незнакомецъ остановилъ его.

— Что? Вы не хотите отвѣчать на вопросъ, да или нѣтъ? Ну, такъ я начну снова. — Онъ указалъ пальцемъ на мистера Уопселя. — Слушайте! Знаете ли вы или не знаете, что ни одинъ

изъ свидѣтелей не былъ подвергнутъ перекрестному допросу? Ну-съ! Одно только слово — да или нѣтъ?

Мистеръ Уопсель колебался и мы съ сожалѣніемъ начинали смотрѣть на него.

— Ну-съ! — сказалъ незнакомецъ. — Я помогу вамъ. Вы не стоите моей помощи, но я помогу вамъ. Взгляните на бумагу, которую вы держите въ рукахъ. Что это?

— Что это? — повторилъ мистеръ Уопсель, съ недоумѣніемъ посматривая на газету.

— Это, — продолжалъ незнакомецъ съ необыкновеннымъ сарказмомъ въ голосѣ, — печатная газета, которую вы только что читали.

— Несомнѣнно!

— Несомнѣнно! Теперь, просмотрите эту газету и скажите мнѣ, не ясно ли тамъ написано, что обвиняемый заявилъ, что законный защитникъ его посовѣтовалъ ему не защищаться?

— Я только что читалъ это, — отвѣчалъ мистеръ Уопсель.

— Какое мнѣ дѣло, что вы читали, сэръ! Я не спрашивалъ васъ, что вы читали теперь. Вы могли читать молитву Господню, если это вамъ угодно... и читали, вѣроятно, сегодня. Вернемся къ газетѣ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, мой другъ! Не сверху столбца, вы это знаете лучше меня... снизу, снизу! (Мы всѣ начинали думать, что мистеръ Уопсель пробуетъ вывернуться). Ну-съ? Нашли?

— Нашелъ, — отвѣчалъ мистеръ Уопсель.

— Ну-съ, просмотрите это хорошенько и скажите мнѣ, не ясно ли тамъ сказано, что обвиняемый заявилъ, что законный защитникъ его посовѣтовалъ ему не защищаться? Ну-съ! Поняли?

— Но слова здѣсь не совсѣмъ тѣ же, — сказалъ мистеръ Уопсель.

— Слова не совсѣмъ тѣ же? — повторилъ джентльменъ раздражительно. — А смыслъ не тотъ же?

— Смыслъ — да, — сказалъ мистеръ Уопсель.

— Да, — повторилъ незнакомецъ, окидывая взоромъ всю компанію, а правой рукой указывая на мистера Уопселя. — А теперь я спрашиваю васъ, что вы скажете относительно совѣсти человѣка, который съ такимъ свидѣтельствомъ передъ глазами можетъ спокойно положить свою голову на подушку, не смотря на то, что онъ обвинялъ несчастнаго человѣка, не выслушавъ даже его показаній?

Мы начинали думать, что мистеръ Уопсель совсѣмъ не былъ такимъ, какъ мы считали его, и что теперь его выводятъ наружу.

— И этотъ самый человѣкъ, — продолжалъ джентльменъ, указывая пальцемъ на мистера Уопселя, — этотъ самый человѣкъ, можетъ быть, призванъ на судъ въ качествѣ присяжнаго по такому же дѣлу. И вотъ онъ, совершивъ такое преступленіе, вер-

нется въ лоно своей семьи и спокойно положитъ голову на подушку, забывъ о томъ, что онъ нарушилъ данную имъ клятву честно и справедливо рѣшить дѣло между нашимъ всемилостивѣйшимъ королемъ и обвиняемымъ и произнести приговоръ по сущей правдѣ. Да проститъ ему Богъ!

Мы всѣ были глубоко убѣждены въ томъ, что несчастный Уопсель зашелъ слишкомъ далеко и что ему было бы лучше отказаться отъ своей безпокойной карьеры, пока еще не поздно.

Незнакомый джентльменъ съ неоспоримымъ видомъ власти и съ такимъ выраженіемъ, какъ будто онъ зналъ тайну каждаго изъ насъ, которая могла бы принести нѣкіе результаты, вздумай онъ открыть ее, вышелъ изъ за стула и сталъ въ пространствѣ между двумя скамьями, противъ огня; лѣвую руку онъ держалъ въ карманѣ, продолжая грызть указательный палецъ правой.

— Изъ полученныхъ мною свѣдѣній, — сказалъ онъ, окидывая взглядомъ всѣхъ насъ, — я имѣю основаніе предполагать, что между вами находится кузнецъ, по имени Джозефъ... или Джо... Гарджери. Который изъ васъ?

— Вотъ онъ, — отвѣчалъ Джо.

Незнакомый джентльменъ поманилъ его къ себѣ и Джо подошелъ.

— У васъ есть ученикъ, — продолжалъ незнакомецъ, — извѣстный подъ именемъ Пипа. Гдѣ онъ?

— Здѣсь! — крикнулъ я.

Незнакомецъ не узналъ меня, но я узналъ въ немъ джентльмена, котораго встрѣтилъ на лѣстницѣ во время второго своего визита къ миссъ Хевишемъ. Я узналъ его съ той самой минуты, когда увидѣлъ его за скамьей, — а теперь, когда я стоялъ противъ него, а онъ положилъ свою руку мнѣ на плечо, я снова во всѣхъ подробностяхъ разсмотрѣлъ большую голову его, смуглый цвѣтъ лица, впалые глаза, косматыя черныя брови, толстую цѣпочку отъ часовъ, черныя точки вмѣсто бороды и бакенбардовъ и даже запахъ душистаго мыла, которымъ несло отъ его рукъ.

— Мнѣ нужно поговорить съ вами обоими объ одномъ частномъ дѣлѣ, — сказалъ онъ, вдоволь насмотрѣвшись на меня. Это займетъ немного времени. Не лучше ли намъ пойти для этого туда, гдѣ вы живете? Я не желалъ бы говорить здѣсь; потомъ вы сами можете болѣе или менѣе, какъ найдете нужнымъ, подѣлиться съ вашими друзьями, а мнѣ до нихъ нѣтъ никакого дѣла.

Среди полнаго молчанія вышли мы изъ таверны „Трехъ Веселыхъ Лодочниковъ“ и молча направились домой. Пока мы шли, незнакомый джентльменъ то взглядывалъ, какъ бы случайно, на меня, то грызъ свои ногти. Когда мы подходили уже къ дому, Джо, смутно предчувствуя, что это дѣло требующее церемоніальной обстановки, опередилъ насъ, чтобы открыть парадную дверь. Со-

вѣщаніе наше происходило въ гостиной, тускло освѣщенной одной свѣчей.

Началось оно съ того, что незнакомый джентльменъ сѣлъ у стола, подвинулъ къ себѣ свѣчу и сталъ разсматривать свою записную книжку. Затѣмъ онъ спряталъ книжку, отодвинулъ въ сторону свѣчу и устремилъ свой взглядъ въ темноту, разсматривая Джо и меня, чтобы удостовѣриться, гдѣ сидитъ каждый изъ насъ.

— Имя мое, — началъ онъ, — Джаггерсъ, я адвокатъ изъ Лондона. Я человѣкъ извѣстный. Мнѣ нужно говорить съ вами о дѣлѣ весьма странномъ и я начну съ заявленія, что не я затѣялъ это дѣло. Еслибъ раньше спросили моего совѣта я не былъ бы здѣсь. Но его не спросили и вы видите меня здѣсь. Я дѣлаю только то, что долженъ дѣлать, какъ довѣренное лицо своего кліента. Ни болѣе, ни менѣе.

Найдя, вѣроятно, что ему недостаточно хорошо видно насъ съ того мѣста, гдѣ онъ сидѣлъ, онъ всталъ, и поднялъ одну ногу на стулъ, такъ что одна нога его стояла на сидѣньѣ, а другая на полу.

— Итакъ, Джозефъ Гарджери, мнѣ поручили освободить васъ отъ этого молодца, вашего ученика. Надѣюсь, вы не будете противорѣчить нарушенію условія по его просьбѣ и для его блага. Вы ничего не потребуете за это?

— Сохрани меня Боже, чтобы я требовалъ чего нибудь за это я сталъ бы на дорогѣ Пипу!—воскликнулъ Джо.

— Ну, говорить „сохрани Боже“ весьма благочестиво, но оно здѣсь не у мѣста,—отвѣчалъ мистеръ Джаггерсъ.—Весь вопросъ въ томъ: желаете вы чего нибудь или не желаете?

— А отвѣтъ въ томъ, — сурово отвѣчалъ Джо, — въ томъ, что не желаю.

Мнѣ показалось, что мистеръ Джаггерсъ взглянулъ на Джо съ такимъ видомъ, какъ будто считалъ его дуракомъ за такое безкорыстіе. Но я былъ такъ ошеломленъ неожиданностью и мое любопытство было такъ сильно затронуто, что я не былъ вполнѣ увѣренъ въ томъ, что мнѣ послышалось.

— Прекрасно, — сказалъ мистеръ Джаггерсъ. — Не забывайте же даннаго слова и не пытайтесь отказаться отъ него.

— Кто же пытается?—спросилъ Джо.

— Я не говорю, что кто нибудь пытается. Запомните только, что „давши слово, держись, а не давши, крѣпись!“ Такъто съ! — сказалъ мистеръ Джаггерсъ, закрывая глаза и кивая головой, Джо, точно прощая ему въ чемъ то. — А теперь вернемся къ этому молодцу. Мнѣ поручили сообщить ему, что его ждутъ „Большія Надежды“.

Мы съ Джо раскрыли ротъ отъ удивленія и переглянулись другъ съ другомъ.

— Я долженъ сообщить ему, — сказалъ мистеръ Джаггерсъ, указывая пальцемъ въ мою сторону, — что ему предстоитъ сдѣлаться крупнымъ собственникомъ, владѣльцемъ отличнаго имѣнія. Далѣе: настоящій владѣтель этого имѣнія желаетъ, чтобы онъ тотчасъ же перемѣнилъ образъ жизни и удалился изъ здѣшнихъ мѣстъ, и могъ получить образованіе, достойное джентльмена. Однимъ словомъ, молодца этого ждутъ „Большія Надежды".

Моя мечта сбывалась; дикая фантазія замѣняла суровую дѣйствительность. Миссъ Хевишемъ собиралась въ широкихъ размѣрахъ устроить мое будущее.

— Теперь, мистеръ Пипъ, — продолжалъ стряпчій, — все остальное, что мнѣ нужно сказать, относится исключительно къ вамъ. Да будетъ вамъ прежде всего извѣстно, что особа, давшая мнѣ настоящее порученіе, желаетъ, чтобы вы навсегда сохранили имя Пипа. Надѣюсь, вы ничего не имѣете возразить противъ этого, ибо „Большія Надежды" ваши связаны лишь съ такимъ незначительнымъ условіемъ. Если же вы желаете что нибудь возразить, то пользуйтесь, пока еще время.

Сердце мое такъ и колотилось, въ ушахъ звенѣло, такъ что я еле могъ пролепетать, что ничего возразить не имѣю.

— Я думаю! Далѣе, теперь, мистеръ Пипъ! Имя особы, которая желаетъ облагодѣтельствовать васъ, будетъ храниться въ глубокой тайнѣ до тѣхъ поръ, пока сама она не пожелаетъ открыть его. Мнѣ поручено сказать, что особа эта откроетъ свое имя только словесно и только вамъ, изъ устъ въ уста. Когда и гдѣ исполнитъ она это намѣреніе, я не могу сказать... И никто не можетъ сказать. Быть можетъ, черезъ нѣсколько лѣтъ. Затѣмъ мнѣ разъ навсегда дано вамъ понять, что вы должны отказаться отъ всякихъ попытокъ наводить какія бы то ни было справки на этотъ счетъ, не дѣлать намековъ, даже самыхъ отдаленныхъ, на существованіе этой особы, въ тѣхъ случаяхъ, когда вамъ придется письменно или устно имѣть какое либо дѣло со мною. Если у васъ мелькнетъ какое-либо подозрѣніе, храните его про себя. Что касается причинъ, побуждающихъ къ такому образу дѣйствій, это не наше дѣло; быть можетъ, это важныя, серьезныя причины, а быть можетъ, это капризъ и прихоть. Васъ это не касается. Я передалъ всѣ условія. Ваше согласіе на нихъ или нежеланіе связывать себя— единственное, что желательно знать особѣ, давшей мнѣ эти инструкціи, за которыя я не отвѣчаю. Особа эта та самая, отъ которой вы получите „Большія Надежды" и тайна эта извѣстна только той особѣ и мнѣ. Условіе это, я думаю, не такъ трудно, въ виду того богатства, которое ждетъ васъ; но, если вы хотите что либо возразить, то говорите, пока еще есть время. Говорите!

Я снова еле-еле пролепеталъ, что не имѣю ничего возразить.

— Я думаю! Теперь, мистеръ Пипъ, я покончилъ со всѣми условіями.

Хотя онъ называлъ меня мистеръ Пипъ и начиналъ нѣсколько благосклоннѣе смотрѣть на меня, онъ все же не могъ, повидимому, отрѣшиться отъ своей подозрительности; время отъ времени онъ закрывалъ глаза и показывалъ на меня пальцемъ, когда говорилъ, точно желая этимъ выразить, что онъ знаетъ много кое-чего обо мнѣ и, если найдетъ нужнымъ, то скажетъ это.

— Теперь мы перейдемъ къ различнымъ подробностямъ нашего условія, — продолжалъ онъ. — Вы должны знать, прежде всего, что употребляя нѣсколько разъ слово „Надежды", я не хотѣлъ сказать, что кромѣ надеждъ ничего не будетъ. Въ рукахъ моихъ находится значительная сумма денегъ, которой вполнѣ достаточно на приличное вашему званію образованіе и содержаніе. Прошу смотрѣть на меня, какъ на вашего опекуна. О, — воскликнулъ онъ, когда я хотѣлъ его поблагодарить, — говорю вамъ разъ навсегда, что мнѣ платятъ за это, иначе я не взялся бы за это дѣло! Желательно, чтобы вы получили высшее образованіе, сообразно занимаемому вами положенію, на что вы, разумѣется, согласитесь, понимая всю важность преимуществъ, которыя даются имъ.

Я отвѣчалъ, что давно уже хочу этого.

— Мнѣ нѣтъ никакого дѣла, мистеръ Пипъ, желали вы этого или нѣтъ, — отвѣчалъ онъ, — не уклоняйтесь, прошу васъ, въ сторону. Достаточно и того, что вы теперь желаете этого. Прошу васъ отвѣтить мнѣ, согласны ли вы немедленно приступить къ занятіямъ съ учителемъ? Да?

Я поспѣшилъ отвѣтить „да".

— Хорошо. На этотъ счетъ мнѣ поручили посовѣтоваться съ вами. Не знаю, благоразумно ли это, но таково данное мнѣ порученіе. Не слышали ли вы о какомъ нибудь учителѣ, съ которымъ вы занимались бы охотнѣе, чѣмъ съ другимъ?

Я не зналъ никакого учителя, кромѣ Бидди и тетки мистера Уопселя, а потому отвѣчалъ въ отрицательномъ смыслѣ.

— Мнѣ очень хорошо извѣстенъ одинъ учитель, который вполнѣ подходитъ для этой цѣли, — сказалъ мистеръ Джаггерсъ. Замѣтьте, я не рекомендую его, потому что я никогда и никого не рекомендую. Имя джентльмена, о которомъ я говорю, Матью Покетъ.

— А!.. Я сразу припомнилъ это имя. Родственникъ миссъ Хевишемъ. Матью, о которомъ говорили мистеръ и мистриссъ Камилла. Матью, которому было назначено мѣсто у изголовья миссъ Хевишемъ, когда она умретъ и ее положатъ въ вѣнчальномъ платьѣ на свадебный столъ.

— Вамъ знакомо это имя? — спросилъ съ оттѣнкомъ подозрительности мистеръ Джаггерсъ, закрывая глаза въ ожиданіи моего отвѣта.

Я отвѣчалъ, что оно мнѣ знакомо.

— О! — сказалъ онъ. — Вы знакомы съ этимъ именемъ! Но вопросъ въ томъ, что вы скажете о немъ?

Я попытался отвѣтить, что очень обязанъ ему за его рекомендацію...

— Нѣтъ, мой молодой другъ, — перебилъ онъ меня, медленно качая своей огромной головой. — Соберитесь лучше съ вашими мыслями!

Я не собрался со своими мыслями, а снова началъ, что очень обязанъ ему за рекомендацію...

— Нѣтъ, мой молодой другъ, — прервалъ онъ меня, качая головой, и хмурясь, и улыбаясь въ то же время, — нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Все это хорошо придумано, но не годится; вы слишкомъ молоды, чтобы провести меня на этомъ. Рекомендація не настоящее слово, мистеръ Пипъ! Придумайте другое!

Я поспѣшилъ поправиться и сказалъ, что очень обязанъ ему за то, что онъ сообщилъ мнѣ о мистерѣ Матью Покетѣ...

— Ну, это болѣе подходитъ къ дѣлу! — воскликнулъ мистеръ Джаггерсъ.

...и — прибавилъ я, — я очень радъ, что буду заниматься съ этимъ джентльменомъ.

— Хорошо. Но вамъ лучше заниматься съ нимъ въ его собственномъ домѣ. Все будетъ готово къ вашему пріѣзду и вы прежде всего познакомитесь съ его сыномъ. Когда же вы намѣрены ѣхать въ Лондонъ?

Я отвѣчалъ, взглянувъ на Джо, который стоялъ неподвижно и смотрѣлъ на меня, что я хочу ѣхать туда немедленно.

— Во-первыхъ, — сказалъ мистеръ Джаггерсъ, —вамъ необходимо заказать себѣ новое платье; вы не можете ѣхать туда въ этой рабочей одеждѣ. Отложимъ на недѣлю. Вамъ необходимы деньги... Достаточно будетъ двадцати гиней?

Онъ съ величайшимъ хладнокровіемъ вынулъ огромный кошелекъ, отсчиталъ мнѣ деньги на столъ и двинулъ ихъ ко мнѣ. Только теперь снялъ онъ ногу со спинки стула и сѣлъ на него верхомъ. Подвинувъ мнѣ деньги, онъ взглянулъ на Джо, раскачивая кошелекъ.

— Ну-съ, Джозефъ Гарджери! Вы я, вижу, очень поражены?

— Да! — отвѣчалъ Джо рѣшительно.

— Мы, кажется, покончили на томъ, что вы ничего не желаете?

— Да, покончили, — сказалъ Джо. — И я покончилъ на этомъ... теперь и навсегда.

— Тѣмъ не менѣе, — сказалъ мистеръ Джаггерсъ, раскачивая кошелекъ, — мнѣ дано полномочіе предложить вамъ вознагражденіе.

— Вознагражденіе?.. За что? — спросилъ Джо.

— За то, что вы лишаетесь его услугъ.

Джо положилъ мнѣ руку на плечо съ нѣжностью женщины. Впослѣдствіи я часто удивлялся, думая о необыкновенномъ сочетаніи силы и нѣжности въ этомъ паровомъ молотѣ, который однимъ ударомъ могъ раздавить человѣка, какъ ничтожную яичную скорлупу.

— Пипъ имѣетъ полное право отказаться отъ своихъ услугъ, когда хочетъ, — отвѣчалъ Джо, — и никто не можетъ запретить ему искать почестей и богатства. Если же вы думаете заплатить мнѣ деньгами за потерю этого ребенка... который пришелъ ко мнѣ въ кузницу... съ которымъ мы были наилучшими друзьями...

О, милый, добрый Джо, котораго я, неблагодарный, собирался покинуть! Я снова вижу тебя, вижу, какъ ты мускулистой, черной отъ угля и копоти рукой кузнеца отираешь слезы съ глазъ своихъ, вижу, какъ высоко вздымается грудь твоя, и слышу, какъ замираетъ твой голосъ. О, милый, добрый, вѣрный и нѣжный Джо, я чувствую еще, какъ дрожитъ твоя рука на моемъ плечѣ и, мнѣ кажется, что я даже слышу трепетъ крыла ангела!

Но въ то время я былъ слишкомъ поглощенъ ожидающей меня будущностью и не могъ думать о томъ, сколько времени шли мы съ нимъ вмѣстѣ по жизненному пути. Я просилъ Джо успокоиться, потому (какъ онъ самъ сказалъ) что мы всегда были съ нимъ наилучшими друзьями и (какъ я сказалъ) всегда будемъ друзьями. Джо вытеръ глаза кулакомъ свободной руки, точно собираясь совсѣмъ выдолбить ихъ, но не сказалъ ни слова.

Мистеръ Джаггерсъ взглянулъ на насъ съ такимъ видомъ, какъ будто онъ считалъ Джо деревенскимъ идіотомъ, а меня его сторожемъ. Продолжая размахивать кошелькомъ, онъ сказалъ:

— Предупреждаю васъ, Джо Гарджери, что это послѣдній для васъ благопріятный случай. Я не признаю полумѣръ. Если вы желаете получить вознагражденіе, которое мнѣ поручено передать вамъ, говорите и я выдамъ сейчасъ же. Если, напротивъ, вы хотите сказать...

Здѣсь, къ великому удивленію своему, онъ былъ остановленъ Джо, который вдругъ подступилъ къ нему съ несомнѣнными признаками воинственныхъ намѣреній.

— Если, — воскликнулъ онъ, — вы явились сюда въ мой домъ, чтобы издѣваться надо мной и оскорблять меня, то проваливайте! Драться готовъ я съ такимъ человѣкомъ! Что я сказалъ разъ, то сказалъ и буду говорить, пока у меня есть силы и я могу стоять на ногахъ.

Я оттащилъ Джо назадъ и онъ немедленно успокоился, сказавъ, однако, весьма вѣжливымъ и убѣдительнымъ тономъ, что-

бы я замѣтилъ, что онъ никогда не позволитъ издѣваться надъ собой и дразнить себя. Мистеръ Джаггерсъ поднялся съ мѣста при первыхъ же словахъ Джо и попятился къ дверямъ. Не выказавъ ни малѣйшаго желанія вернуться назадъ, онъ обратился ко мнѣ съ послѣдними инструкціями:

— Я думаю, мистеръ Пипъ, чѣмъ скорѣе вы уѣдете отсюда — такъ какъ вы собираетесь быть джентльменомъ — тѣмъ лучше. Не продолжайте срока больше недѣли, а я тѣмъ временемъ вышлю вамъ свой адресъ. Зайдите въ Лондонъ въ почтовую контору, наймите карету и пріѣзжайте прямо ко мнѣ. Замѣтьте, я не высказываю никакого мнѣнія, поступайте, какъ хотите, я исполню только данное мнѣ порученіе. Мнѣ платятъ за это и я дѣлаю. Поймите это, наконецъ... разъ навсегда!

Онъ указалъ пальцемъ на насъ обоихъ и, я думаю, продолжалъ бы еще далѣе свою рѣчь, не замѣть онъ, что Джо снова начинаетъ волноваться, а потому поспѣшилъ уйти.

Мысль, внезапно мелькнувшая у меня въ головѣ, заставила меня догнать его, когда онъ шелъ къ „Тремъ Веселымъ Лодочникамъ“, гдѣ его ждала наемная карета.

— Прошу извинить, мистеръ Джаггерсъ!

— Ну, — сказалъ онъ, оборачиваясь, — въ чемъ дѣло?

— Я хочу, чтобы все было хорошо, мистеръ Джаггерсъ, а потому пришелъ спросить вашего совѣта. Вы ничего не будете имѣть противъ того, если я пожелаю проститься со всѣми знакомыми передъ своимъ отъѣздомъ?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ онъ, поглядывая съ недоумѣніемъ на меня.

— Не только въ деревнѣ, но и въ городѣ?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ онъ, — ничего не имѣю.

Я поблагодарилъ его и вернулся домой, гдѣ нашелъ Джо, который успѣлъ уже закрыть на замокъ парадную дверь и гостиную, сидящимъ въ кухнѣ у камина; онъ смотрѣлъ пристально на огонь, опершись руками о колѣни. Я сѣлъ подлѣ него и долго смотрѣлъ на огонь, не говоря ни слова.

Моя сестра сидѣла на своемъ обыкновенномъ мѣстѣ. Бидди шила, сидя у огня, Джо сидѣлъ подлѣ Бидди, а я подлѣ Джо напротивъ моей сестры. Чѣмъ дольше я смотрѣлъ на огонь, тѣмъ больше чувствовалъ я себя неспособнымъ смотрѣть на огонь; чѣмъ дольше длилось молчаніе, тѣмъ меньше чувствовалъ я возможность говорить. Наконецъ, я рѣшился спросить:

— Джо, ты сказалъ Бидди?

— Нѣтъ, Пипъ, — отвѣчалъ Джо, продолжая смотрѣть на огонь и еще крѣпче прижималъ руки къ колѣнямъ, точно они собирались удрать куда-нибудь, — я думалъ, тебѣ лучше самому сказать ей, Пипъ!

— Лучше ты скажи, Джо!

— Пипъ теперь богатый джентльменъ, — сказалъ Джо, — и Богъ да благословитъ его!

Бидди—опустила работу и взглянула на меня. Джо продолжалъ держать колѣни и взглянулъ на меня. Я взглянулъ на обоихъ. Послѣ непродолжительной паузы оба отъ всего сердца поздравили меня, но я смутно почувствовалъ оттѣнокъ грусти въ этихъ поздравленіяхъ, что очень оскорбило меня.

Я постарался объяснить Бидди, а черезъ Бидди и Джо, что на друзьяхъ моихъ теперь лежитъ серьезная обязанность ничего не узнавать о человѣкѣ, который хочетъ сдѣлать мнѣ добро. Все узнается въ свое время, продолжалъ я, а до тѣхъ поръ ничего не надо говорить кромѣ того, что меня ждутъ „Большія Надежды“ отъ какого то таинственнаго покровителя. Бидди задумчиво покачала головой и, принявшись снова за работу, сказала, что она будетъ осторожна на этотъ счетъ; Джо, продолжая держать колѣни, повторилъ за нею, что и онъ будетъ остороженъ. Затѣмъ они оба поздравили меня и стали удивляться тому, что я буду джентльменомъ, что не особенно понравилось мнѣ.

Не малыхъ трудовъ стоило Бидди растолковать все случившееся моей сестрѣ. По моему труды эти не увѣнчались успѣхомъ. Она смѣялась, качала головой, повторяя за Бидди: — „Пипъ“ и „имѣніе“. Сомнѣваюсь, что она что либо поняла изъ этого объясненія и не могу представить себѣ болѣе жалкаго умственнаго состоянія, чѣмъ какое было у нея въ то время.

Я не повѣрилъ бы такому явленію, не испытай я самъ его, но чѣмъ веселѣе становились Джо и Бидди, тѣмъ мрачнѣе становился я. Недовольнымъ предстоящей мнѣ судьбой, я не могъ, конечно, быть, но весьма возможно, что я, самъ не сознавая этого, былъ недоволенъ самимъ собою.

Я сидѣлъ, опершись локтемъ о колѣно и подперевъ голову рукой, и смотрѣлъ на огонь, пока они говорили о томъ, какъ я уѣду, и что они будутъ дѣлать безъ меня и такъ далѣе. А когда я ловилъ ихъ взгляды, обращенные на меня не такъ ласково, какъ раньше, (они часто смотрѣли на меня — особенно Бидди) я чувствовалъ себя обиженнымъ; мнѣ казалось, что они не довѣряютъ больше мнѣ. Хотя Богу извѣстно, что они не показали мнѣ этого ни единымъ словомъ или знакомъ.

По временамъ я вставалъ и выглядывалъ за дверь, которая стояла открытой и продолжала стоять открытой весь вечеръ, чтобы лучше освѣжилась наша кухня. Я смотрѣлъ на звѣзды, блиставшія на небѣ и онѣ казались мнѣ такими жалкими и ничтожными при мысли о томъ, что онѣ сверкаютъ надъ деревенскимъ ландшафтомъ, среди котораго я все время велъ свою жизнь.

— Теперь суббота, — сказалъ я, сидя за ужиномъ, который

состоялъ изъ хлѣба, сыра и пива. — Пять еще дней, затѣмъ день наканунѣ того дня! Они скоро пройдутъ.

— Да, Пипъ! — замѣтилъ Джо, голосъ котораго зазвучалъ глухо, когда онъ подносилъ ко рту кружку съ пивомъ. — Они скоро пройдутъ.

— Скоро, скоро пройдутъ, — сказала Бидди.

— Я думаю Джо, что въ понедѣльникъ, когда я пойду въ городъ, чтобы заказать себѣ новое платье, я скажу портному, что самъ заѣду къ нему за нимъ, или скажу, чтобы онъ самъ отослалъ его къ мистеру Пембельчуку. Мнѣ вовсе не хочется, чтобы всѣ глазѣли на меня здѣсь

— Мистеръ и мистрисъ Хеббль пожелаютъ, вѣроятно, увидѣть тебя въ твоемъ новомъ красивомъ платьѣ, Пипъ, — сказалъ Джо, искусно разрѣзывая кусокъ хлѣба съ сыромъ на ладони лѣвой руки, и взглянулъ при этомъ на нетронутый мною ужинъ, какъ бы вспоминая о томъ, какъ мы сравнивали раньше наши ломти хлѣба. — И мистеръ Уопсель также... да и въ тавернѣ „Веселыхъ Лодочниковъ“ не прочь будутъ взглянуть на тебя.

— Вотъ этого то я и не хочу, Джо! Они сдѣлаютъ изъ этого цѣлую исторію... грубую такую и пошлую... Я не въ состояніи буду вынести этого...

— Ну, твое дѣло, Пипъ! — сказалъ джо. — Если ты не въ состояніи...

Тутъ вмѣшалась Бидди, сидѣвшая съ тарелкой подлѣ моей сестры, и сказала:

— А подумалъ ты о томъ, что тебѣ слѣдуетъ показаться мистеру Гарджери, твоей сестрѣ и мнѣ? Желаешь ты этого или нѣтъ?

— Бидди,—отвѣчалъ я съ неудовольствіемъ, — ты черезчуръ быстрая и за тобою не угоняешься.

— Она всегда быстрая,—замѣтилъ Джо.

— Если бы ты подождала одну минуточку, Бидди, я сказалъ бы тебѣ, что я принесу сюда свое платье въ узелкѣ... вечеромъ... наканунѣ отъѣзда.

Бидди не сказала ничего на это. Я великодушно простилъ ее и, отправляясь спать, ласково пожелалъ спокойной ночи ей и Джо. Войдя въ свою маленькую комнатку, я сѣлъ и окинулъ ее долгимъ взглядомъ, думая, что вотъ я скоро навсегда разстанусь съ нею и буду далеко отсюда. Въ ней витали мои самыя чистыя, юныя воспоминанія и въ настоящую минуту, сидя въ ней, я чувствовалъ странное двойственное чувство, заставлявшее меня колебаться между этой скромной комнаткой и лучшими комнатами, которыя ждали меня впереди, какъ раньше я колебался между кузницей и домомъ миссъ Хевишемъ, между Бидди и Эстеллой.

Солнце, ярко свѣтившее въ теченіи цѣлаго дня, сильно накалило крышу и въ моей комнаткѣ было очень тепло. Открывъ окно

и выглянувъ изъ него, я увидѣлъ Джо, который медленно вышелъ изъ темныхъ дверей внизу, чтобы пройтись раза два по воздуху; затѣмъ я увидѣлъ, какъ вышла Бидди, подала ему трубку и поднесла къ ней огонь. Онъ никогда не курилъ такъ поздно и я подумалъ, что онъ по какой то причинѣ куритъ, для того, чтобы успокоиться.

Онъ стоялъ у дверей, подъ моимъ окномъ, и курилъ трубку, а Бидди стояла подлѣ него и спокойно разговаривала съ нимъ. Я зналъ, что они говорятъ обо мнѣ, потому что слышалъ свое имя, произносимое много разъ самымъ нѣжнымъ и въ то же время грустнымъ голосомъ. Я могъ бы слышать болѣе, но я не хотѣлъ этого; я отошелъ отъ окна, сѣлъ въ кресло у своей кровати и задумался надъ тѣмъ, какъ грустно и странно, что первую ночь передъ началомъ моего блестящаго поприща я провелъ такъ скучно и чувствовалъ себя такимъ одинокимъ.

Взглянувъ въ сторону окна, я увидѣлъ свѣтлыя колечки дыма, подымающіяся вверхъ отъ трубки Джо, и мнѣ вообразилось, что Джо шлетъ мнѣ свое благословеніе, не желая ни навязывать мнѣ его, ни выставлять его на показъ, а лишь наполняя имъ атмосферу, окружающую насъ. Я погасилъ свѣчу и легъ въ постель; неудобною показалась она мнѣ, и въ эти послѣднія ночи я ни разу больше не спалъ въ ней прежнимъ крѣпкимъ сномъ.

Глава девятнадцатая.

Наступавшее утро значительно измѣнило мой общій взглядъ на жизнь, которая представилась мнѣ теперь въ несравненно болѣе свѣтломъ видѣ. Меня тяготила только та мысль, что еще шесть дней отдѣляли меня отъ дня моего отъѣзда; я никакъ не могъ отдѣлаться отъ той мысли, что въ этотъ промежутокъ времени можетъ случиться что нибудь въ Лондонѣ и когда я пріѣду туда, то все неожиданно повернется въ другую сторону.

Джо и Бидди очень сочувственно и ласково слушали меня, когда я заговаривалъ съ ними о днѣ своего отъѣзда, но сами никогда не начинали разговора о немъ. Послѣ завтрака Джо принесъ мое условіе, хранившееся въ гостиной. Мы сожгли его въ каминѣ и я почувствовалъ себя свободнымъ. Сознаніе, полученнаго мною освобожденія, такъ сильно подѣйствовало на меня, что я вмѣстѣ съ Джо отправился въ церковь и подумалъ, что знай все это священникъ, онъ не прочиталъ бы притчу о богачѣ и царствѣ небесномъ.

Мы обѣдали всегда очень рано и послѣ обѣда я отправился побродить по окрестностямъ съ цѣлью проститься съ нашими болотами. Проходя мимо церкви, я почувствовалъ (что я чувствовалъ и во время утренней службы) необыкновенное сожалѣніе къ не-

счастнымъ людямъ, которые вынуждены ходить сюда каждое воскресенье всю свою жизнь, а затѣмъ лежать въ землѣ среди низкихъ зеленыхъ холмиковъ. Я далъ самому себѣ слово сдѣлать впослѣдствіи что нибудь для нихъ и составилъ себѣ планъ, какъ въ одинъ прекрасный день угощу ихъ обѣдомъ изъ ростбифовъ и плумъ-пудинговъ и пинтой эля, а каждаго въ отдѣльности цѣлой бочкой снисходительнаго вниманія.

Если въ прежнее время я стыдился признаться въ своемъ знакомствѣ съ бѣглымъ колодникомъ, котораго я видѣлъ хромающимъ среди могилъ, что же долженъ былъ я чувствовать теперь, въ это воскресенье, когда мѣсто это напомнило мнѣ дрожащаго отъ холода и оборваннаго бѣглеца съ желѣзной колодкой на ногѣ и клеймомъ! Я успокоилъ себя только тѣмъ, что это случилось нѣсколько лѣтъ тому назадъ, что онъ, безъ сомнѣнія, былъ уже висланъ куда нибудь далеко отсюда, что онъ умеръ для меня, а, быть можетъ, умеръ на самомъ дѣлѣ.

Ни сырыхъ болотъ, ни каналовъ и шлюзовъ, ни стада, которое пасется неподалеку и, понуривъ головы, по своему обыкновенію, смотритъ сегодня на меня съ большимъ, повидимому, почтеніемъ и даже оборачивается въ ту сторону, куда я иду, чтобы подольше насладиться лицезрѣніемъ человѣка, котораго ждутъ „Большія Надежды“,—ничего этого не увижу я больше! Прощайте, скучные, однообразные знакомцы моего дѣтства! Я предназначенъ судьбою для Лондона и величія, а не для кузницы и васъ! Я направился къ старой батареѣ, легъ на землю и, раздумывая о томъ, не хочетъ ли миссъ Хевишемъ сочетать меня бракомъ съ Эстеллой, незамѣтно уснулъ.

Проснувшись, я къ удивленію своему увидѣлъ подлѣ себя Джо, который сидѣлъ и курилъ трубку. Онъ привѣтливо улыбнулся мнѣ, когда я открылъ глаза, и сказалъ:

— Послѣдніе дни подходятъ, Пипъ, вотъ я и пошелъ за тобой.

— И я, Джо, очень радъ видѣть тебя.

— Спасибо, Пипъ!

— Можешь быть увѣренъ, милый Джо, — сказалъ я, крѣпко пожавъ ему руку, — что я никогда не забуду тебя.

— Нѣтъ, нѣтъ, Пипъ! — весело сказалъ Джо. — Я увѣренъ, что нѣтъ! Да, дружище! Богъ да благословитъ тебя, но человѣку порядочно таки придется подумать прежде, чѣмъ повѣрить всему этому. Много придется употребить времени на это... потому, видишь, все измѣнилось такъ неожиданно... не правда-ли?

Не могу сказать, чтобы мнѣ особенно понравилась такая увѣренность Джо, что я его не забуду. Мнѣ гораздо пріятнѣе было бы, еслибъ онъ разчувствовался и сказалъ мнѣ растроганнымъ голосомъ: — „Это дѣлаетъ тебѣ честь, Пипъ!“ — или что нибудь въ этомъ родѣ. Вотъ почему я ничего не отвѣчалъ на первую половину

рѣчи Джо, зато на вторую я сказалъ, что все это, дѣйствительно, случилось неожиданно, но, что я всегда думалъ, что я буду джентльменомъ и часто, очень часто спрашивалъ себя, что я буду тогда дѣлать?

— Думалъ? — спросилъ Джо. — Удивительно!

— Какая жалость, Джо, — сказалъ я, — что ты такъ мало сдѣлалъ успѣховъ, когда я занимался съ тобою... Жаль, правда?

— Не знаю, — отвѣчалъ Джо, — такой я непонятливый. Вотъ въ своемъ ремеслѣ такъ я мастеръ. Мнѣ всегда было жаль, что я такой непонятливый... Ну, да теперь, по моему, не стоитъ жалѣть больше, чѣмъ двѣнадцать мѣсяцевъ тому назадъ... Не правда-ли?

Говоря объ этомъ съ Джо, я хотѣлъ сказать, что впослѣдствіи, когда у меня будетъ состояніе, я сдѣлаю что нибудь для Джо, что будетъ пріятнѣе и легче сдѣлать, если онъ станетъ умнѣе и развитѣе. Но простодушный Джо не понялъ меня и я рѣшилъ поговорить объ этомъ съ Бидди.

Когда мы вернулись домой и напились чаю, я пригласилъ Бидди пойти со мной въ нашъ маленькій садикъ и, послѣ нѣсколькихъ общихъ фразъ для поднятія ея духа, я сказалъ ей, что никогда не забуду ее, а теперь хочу обратиться къ ней съ просьбой.

— Пожалуйста, Бидди, — сказалъ я, — не упускай ни малѣйшаго случая, чтобы помочь Джо стать выше, хотя бы немного.

— То есть какъ выше? — спросила Бидди съ недоумѣніемъ.

— Видишь... Джо такой милый, добрый... Найти кого нибудь лучше его, я думаю, трудно... Но онъ страшно отсталъ во многихъ вещахъ. Вотъ напримѣръ, Бидди... въ ученіи и... манерахъ.

Хотя я смотрѣлъ на Бидди, говоря съ нею, и хотя глаза ея были широко открыты, пока я говорилъ, она не смотрѣла на меня.

— О, манеры! А зачѣмъ ему манеры? — спросила Бидди, срывая листъ черной смородины.

— Милая Бидди, манеры его хороши здѣсь...

— О, хороши здѣсь? — перебила меня Бидди, пристально разсматривая листъ, который она держала въ рукѣ.

— Выслушай меня... Если я, видишь, переведу Джо въ болѣе высокую сферу, что я надѣюсь сдѣлать, когда состояніе перейдетъ ко мнѣ, то тамъ врядъ ли понравятся его манеры.

— А ты думаешь, онъ знаетъ объ этомъ? — спросила Бидди.

Вопросъ очень щекотливый (онъ никогда не приходилъ мнѣ въ голову), а потому я спросилъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ:

— Что ты хочешь сказать, Бидди?

Бидди растерла листъ между руками — съ тѣхъ поръ запахъ черной смородины всегда напоминаетъ мнѣ этотъ вечеръ въ маленькомъ саду и сказала:

— Ты никогда не думалъ о томъ, что онъ можетъ быть гордъ?

— Гордъ? — повторилъ я съ презрѣніемъ.

— О, гордость бываетъ разная, — сказала Бидди, взглянувъ мнѣ прямо въ глаза и покачавъ головою, — гордость гордости рознь...

— Да? Что же ты не договариваешь? — сказалъ я.

— Да, гордость гордости рознь, — повторила Бидди. — У него именно такая гордость, что онъ ни за что не согласится уѣхать изъ того мѣста, гдѣ онъ привыкъ жить и жилъ честно, такъ что всѣ уважали его. Сказать тебѣ правду, у него, я думаю, такая гордость. Съ моей стороны глупо говорить тебѣ это, ты долженъ лучше знать его.

— Бидди, — сказалъ я, — мнѣ очень жаль, что ты такъ думаешь. Я не ожидалъ этого отъ тебя. Ты завистливая, Бидди, и ревнивая. Ты недовольна, что на мою долю выпало богатство и тебѣ трудно скрыть это.

— Если у тебя хватаетъ духу говорить такъ, — отвѣчала Бидди, — то говори. Говори и повторяй, если у тебя хватаетъ духу.

— Если у тебя хватаетъ духу думать такъ, Бидди, — сказалъ я негодующимъ и важнымъ тономъ, — то не показывай, по крайней мѣрѣ, этого мнѣ. Мнѣ очень жаль видѣть это въ тебѣ... Это худая сторона человѣческой природы. Я просилъ тебя, чтобы ты пользовалась всякимъ удобнымъ случаемъ и развивала дорогого Джо. Теперь я не прошу у тебя ничего. Мнѣ ужасно жаль видѣть это въ тебѣ, Бидди, — повторилъ я. Это... это худая сторона человѣческой природы.

— Можешь бранить меня, можешь хвалить, — отвѣчала бѣдная Бидди, — ты все же можешь разсчитывать, что я всегда и во всякое время сдѣлаю здѣсь все, что отъ меня зависитъ. Можешь думать обо мнѣ, что тебѣ угодно, но я всегда буду помнить тебя. Джентльмену не пристало быть несправедливымъ, — сказала Бидди, отворачиваясь отъ меня въ сторону.

Я снова съ жаромъ повторилъ ей, что это нехорошая сторона человѣческой природы (я былъ увѣренъ, что совершенно правильно примѣняю въ данномъ случаѣ это выраженіе) и, оставивъ Бидди, отправился одинъ по узенькой тропинкѣ. Бидди пошла домой, а я вышелъ изъ садовой калитки и отправился побродить до ужина. Мнѣ было такъ грустно и въ то же время странно, что и вторая ночь моей блестящей будущности, какъ и первая, не принесла мнѣ никакого утѣшенія.

Но на слѣдующее утро состояніе духа моего снова прояснилось; я относился уже болѣе снисходительно къ Бидди и не подымалъ вопроса о вчерашнемъ разговорѣ. Я надѣлъ свое лучшее платье и отправился въ городъ пораньше, надѣясь найти лавки открытыми и представиться мистеру Трэббу, портному. Послѣдній завтракалъ въ своей гостиной позади лавки и не счелъ нужнымъ выйти ко мнѣ, а сказалъ, чтобы я вошелъ къ нему.

— Ну-съ! — сказалъ мистеръ Трэббъ снисходительнымъ тономъ. — Какъ поживаете и что я могу сдѣлать для васъ?

Мистеръ Трэббъ разрѣзалъ горячій хлѣбъ на три куска, намазалъ ихъ масломъ и сложилъ вмѣстѣ. Онъ былъ богатый, старый холостякъ и открытое окно его выходило въ красивый маленькій садикъ и огородъ; у стѣны вблизи его камина стоялъ желѣзный несгораемый сундукъ, и я не сомнѣвался, что у него лежатъ тамъ цѣлые мѣшки богатства.

— Мистеръ Трэббъ, — сказалъ я, — мнѣ очень непріятно говорить объ этомъ, потому что вы подумаете, что я хвастаюсь передъ вами, но я получилъ порядочное состояньице.

Вся наружность мистера Трэбба мгновенно измѣнилась. Онъ забылъ хлѣбъ съ масломъ на кровати, вскочилъ съ мѣста и, вытеревъ пальцы о кончикъ скатерти, воскликнулъ:

— Господи, Боже ты мой!

— Я ѣду къ своему опекуну въ Лондонъ, — сказалъ я, какъ бы случайно вынувъ нѣсколько гиней изъ кармана и разсматривая ихъ, — и мнѣ нужна приличная пара платья. Я хочу заплатить за все наличными деньгами, — прибавилъ я, чтобы онъ не подумалъ, что я не хочу платить.

— Дорогой сэръ, — сказалъ мистеръ Трэббъ, почтительно склоняясь передо мной и слегка притрогиваясь къ моимъ локтямъ, — не обижайте меня такими словами. Могу я поздравить васъ? Прошу сдѣлать мнѣ одолженіе и войти ко мнѣ въ лавку.

Мальчишка, служившій у мистера Трэбба, былъ самый дерзкій мальчишка въ нашей мѣстности. Когда я вошелъ въ лавку, онъ подметалъ полъ и, продолжая свою работу, нарочно зацѣпилъ меня. Онъ продолжалъ мести, когда я вмѣстѣ съ мистеромъ Трэббомъ вышелъ изъ лавки, и толкалъ щеткой во всѣ углы и во все, что попадалось ему на дорогѣ, желая этимъ показать, вѣроятно, что онъ не хуже (такъ мнѣ показалось) всякаго кузнеца, живого и мертваго.

— Не шуми ты, — сурово крикнулъ ему мистеръ Трэббъ, а не то я хлопну тебя по башкѣ! Прошу садиться, сэръ! Вотъ извольте, — сказалъ онъ, выкладывая на прилавокъ штуку сукна и, распустивъ его, сталъ гладить рукой, чтобы показать мнѣ его ворсъ, — рѣдкая вещь. Рекомендую вамъ его, сэръ! Высшаго качества... Могу показать еще... Эй! Подай сюда № 4! — необыкновенно строго крикнулъ онъ мальчику, предвидя, быть можетъ, его намѣреніе затронуть меня щеткой или позволить по отношенію ко мнѣ какую нибудь другую фамильярность.

Мистеръ Трэббъ не спускалъ суроваго взгляда съ мальчишки до тѣхъ поръ, пока онъ не положилъ на прилавокъ номера четвертаго и не отошелъ на довольно приличное разстояніе отъ меня. Затѣмъ онъ приказалъ ему принести № 5 и № 8.

— Чтобъ я не видѣлъ больше такихъ фокусовъ, — сказалъ мистеръ Трэббъ, — или ты раскаешься въ этомъ, негодяй ты этакій!

Мистеръ Трэббъ склонился надъ номеромъ четвертымъ и почтительно рекомендовалъ мнѣ это сукно, какъ чрезвычайно легкій матеріалъ для лѣта, который въ большомъ ходу среди людей высшаго и средняго круга; онъ съ гордостью будетъ думать о томъ, что его надѣнетъ такой уважаемый согражданинъ, (неужели это онъ меня принималъ за этого согражданина?)

— Принесешь ты, наконецъ, четвертый и восьмой номера, негодяй? — крикнулъ онъ вслѣдъ за этимъ мальчишкѣ. — Смотри, вышвырну тебя изъ лавки и самъ принесу сукно.

Я выбралъ матеріалъ, сообразуясь съ совѣтомъ мистера Трэбба, и вошелъ въ гостиную, чтобы съ меня сняли мѣрку. Хотя у мистера Трэбба была еще раньше моя мѣрка, но онъ былъ недоволенъ ею и, какъ бы извиняясь предо мной, сказалъ: — „При существующихъ обстоятельствахъ, сэръ,.. она, знаете-ли, не пригодна для васъ". Я стоялъ въ гостиной, а мистеръ Трэббъ снималъ съ меня мѣрку и высчитывалъ сентиметры, точно я представлялъ собою помѣстье, а онъ былъ однимъ изъ самыхъ извѣстныхъ землемѣровъ. Старанія и хлопоты заставили меня почувствовать, что врядъ ли я могу оплатить деньгами пару платья, которое доставляетъ ему столько безпокойствъ. Снявъ мѣрку и уговорившись со мной относительно того, чтобы въ четвергъ вечеромъ доставить платье къ мистеру Пембельчуку, онъ сказалъ, провожая меня изъ гостиной:

— Я прекрасно понимаю, сэръ, что джентльмены изъ Лондона не имѣютъ возможности покровительствовать мѣстнымъ ремесленникамъ, но вы сдѣлаете мнѣ большую честь, если въ качествѣ согражданина заглянете хотя изрѣдка ко мнѣ. До свиданья, сэръ! Много обязанъ... Эй! дверь!

Послѣднее слово относилось къ мальчику, который видимо не понялъ, что оно значитъ. Но я видѣлъ, какъ онъ былъ ошеломленъ, когда его хозяинъ самъ меня проводилъ. Въ первый разъ понялъ я тутъ могущество денегъ, силу которыхъ узналъ мальчишка Трэбба на своей спинѣ.

Послѣ этого памятнаго происшествія я отправился къ шляпнику, сапожнику и чулочнику, чувствуя себя подобно собакѣ тетушки Хеббардъ, экипировка которой потребовала услугъ столькихъ же людей. Затѣмъ я зашелъ въ почтовую контору и взялъ билетъ въ дилижансѣ, который отходилъ въ субботу утромъ. Мнѣ не было необходимости объяснять каждому, что я получилъ порядочное состояніе, но всякій, кому я говорилъ объ этомъ, сейчасъ же отходилъ отъ окна, изъ котораго слѣдилъ за происходившимъ въ Хайгъ-Стритѣ и все свое вниманіе обращалъ на меня. Заказавъ

все, что мнѣ было нужно, я направился къ мистеру Пембельчуку и, подойдя къ его дому, засталъ его въ дверяхъ магазина.

Онъ ждалъ меня съ большимъ нетерпѣніемъ. Утромъ рано онъ выѣзжалъ въ своей одноколкѣ и заѣхалъ на кузницу, гдѣ ему разсказали всѣ новости. Онъ приготовилъ для меня закуску въ гостиной Барнуэлля и приказалъ своему приказчику идти на дорогу и высматривать появленіе моей священной особы.

— Дорогой другъ мой, — сказалъ мистеръ Пембельчукъ, пожимая мнѣ руки, когда я остался наединѣ съ нимъ и закуской. — Я радуюсь отъ души вашему счастью. Вы его заслужили вполнѣ... вполнѣ!

Слова эти показались мнѣ искреннимъ выраженіемъ его сочувствія.

— Подумать только, — сказалъ мистеръ Пембельчукъ, — что я, такъ сказать, былъ скромнымъ орудіемъ всего случившагося!.. Я горжусь этимъ.

Я просилъ мистера Пембельчука не забывать, что объ этомъ никогда и ничего не слѣдуетъ говорить.

— Мой дорогой, юный другъ, — сказалъ мистеръ Пембельчукъ, — если только вы позволите мнѣ такъ называть васъ...

Я прошепталъ „конечно“ и мистеръ Пембельчукъ снова пожалъ мнѣ обѣ руки.

— Мой дорогой, юный другъ, разсчитывайте на мое содѣйствіе во время вашего отсутствія и я буду напоминать объ этомъ Джо. Джозефъ! — продолжалъ съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ мистеръ Пембельчукъ. — Джозефъ!! Джозефъ!!! — И онъ покачалъ головой и похлопалъ по ней, выражая этимъ, что Джозефъ очень недалекъ.

— Но, мой дорогой, юный другъ,—сказалъ мистеръ Пембельчукъ, — вы должно быть голодны и устали. Садитесь... вотъ пулярдка изъ „Синяго Вепря“, языкъ изъ того-же „Синяго Вепря“, да и все остальное изъ „Синяго Вепря“... Надѣюсь, вы не побрезгуете. Неужели же, — воскликнулъ мистеръ Пембельчукъ, вскакивая послѣ того, какъ онъ уже сидѣлъ, — я вижу передъ собой того, съ кѣмъ я забавлялся въ дни его счастливаго дѣтства? И позвольте... позвольте...

Это „позвольте“ означало, можетъ ли онъ пожать мнѣ руку. Я согласился; онъ съ жаромъ пожалъ мнѣ руку и снова сѣлъ.

— Вотъ вино,—сказалъ мистеръ Пембельчукъ.—Выпьемъ за Фортуну, которая такъ справедливо выбираетъ своихъ любимцевъ. Но я не могу,—воскликнулъ мистеръ Пембельчукъ, снова вскакивая съ мѣста,—видѣть передъ собой его, пить за него, не выразивъ снова... Позвольте же!.. Позвольте!

Я сказалъ, что „позволяю“. Онъ пожалъ мнѣ руку, опустошилъ залпомъ стаканъ и поставилъ его вверхъ дномъ. Я сдѣлалъ то же самое. Если бы я самъ перекувыркнулся головой раньше, чѣмъ

выпить вино, то и тогда оно не ударило бы мнѣ такъ въ голову, какъ теперь.

Мистеръ Пембельчукъ угощалъ меня и крылышкомъ пулярдки, и языкомъ (теперь и помина не было о томъ, что могло меня ожидать, будь я поросенкомъ) и совершенно, повидимому, забывалъ себя.

— Ахъ,—пулярдка, пулярдка! — говорилъ мистеръ Пембельчукъ,—мало ты думала, когда была цыпленкомъ, какая судьба предназначена тебѣ. Мало ты думала, что попадешь подъ эту скромную кровлю и тобою будетъ угощаться тотъ... Ахъ, назовите это слабостью, если хотите,—сказалъ мистеръ Пембельчукъ, снова вскакивая съ мѣста,—но позвольте, позвольте!

Я нашелъ ненужнымъ больше повторять „позволяю", а потому онъ сдѣлалъ это безъ позволенія. Не знаю, какъ онъ умудрился это сдѣлать, не поранивъ себя ножемъ.

— А вотъ сестра,—началъ онъ снова, закусивъ немного,—которой выпала честь воспитать васъ „рукой"... Не горько ли думать, что она, такъ сказать, не въ состояніи понять всей этой чести? Позвольте...

Я видѣлъ, что онъ снова хочетъ пожать мнѣ руку и остановилъ его.

— Выпьемъ за ея здоровье,—сказалъ я.

— Ахъ!—воскликнулъ мистеръ Пембельчукъ, откидываясь на спинку стула и изнемогая отъ восторга.—Это достойно васъ, сэръ! (Я не зналъ, кто былъ этотъ сэръ, но, конечно, не я, а въ комнатѣ никого больше не было). Такъ поступаютъ благородные умы, сэръ! Забывать и любить! Это,—здѣсь низкій Пембельчукъ поставилъ обратно неначатый стаканъ и вскочилъ съ мѣста,—покажется какому нибудь пошляку докучнымъ повтореніемъ... но позвольте!...

Пожавъ мнѣ руку, онъ снова усѣлся и выпилъ за здоровье моей сестры.

— Не слѣдуетъ закрывать глаза,—сказалъ онъ,—на ея недостатки, но будемъ надѣяться, что она хотѣла вамъ добра.

Тѣмъ временемъ я сталъ замѣчать, что лицо у него пылало; что касается моего лица, то я чувствовалъ, что и оно начинаетъ краснѣть.

Я сказалъ мистеру Пембельчуку, что хочу примѣрить новое платье у него въ домѣ и онъ выразилъ восторгъ за сдѣланную ему честь. Я изложилъ ему причины, почему не желаю показывать его въ деревнѣ и онъ восхвалилъ меня до небесъ. Кромѣ него, сообщилъ онъ мнѣ, никто не достоинъ моего довѣрія и... короче говоря... позволяю ли я ему?.. Затѣмъ онъ нѣжно спросилъ меня, помню ли я дѣтскія игры и какъ мы вмѣстѣ ходили заключать мое условіе съ Джо, и какъ онъ былъ всегда моимъ любимцемъ и моимъ лучшимъ другомъ? Выпей я теперь въ десять разъ больше стакановъ вина,

я и тогда прекрасно сознавалъ бы, что онъ никогда не находился въ такихъ отношеніяхъ ко мнѣ, и отъ всего сердца своего отрекся бы отъ такой нелѣпой мысли. Но насколько мнѣ помнится, я въ тотъ моментъ подумалъ, что ошибался въ немъ и что онъ былъ. хотя и практическій человѣкъ, но все же добрый малый.

Мало-по-малу онъ высказалъ мнѣ большое довѣріе и просилъ моего совѣта относительно своихъ дѣлъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что ему представляется случай соединить въ собственныхъ своихъ рукахъ всю торговлю зерномъ и сѣменами и что, если это ему удастся, то его торговля расширится и подобной ей не было и не будетъ тогда во всѣхъ окрестностяхъ. Для осуществленія задуманнаго имъ плана необходимо только побольше денегъ. Всего два маленькихъ словечка:—„побольше денегъ". Ему (Пембельчуку) кажется, что капиталъ для этого дѣла можно достать у какого нибудь богатаго джентльмена, ничѣмъ не занимающагося; что дѣла джентльмену будетъ немного... ну, зайти въ контору самому или послать довѣренное лицо, какъ ему угодно будетъ, и просмотрѣть книги... Зайти можно два раза въ годъ, положить доходецъ въ карманъ, пятьдесятъ на сто... Это будетъ, по его мнѣнію, хорошимъ началомъ для молодого джентльмена съ состояніемъ и вполнѣ заслуживаетъ его вниманія. Что я думаю объ этомъ? Онъ очень довѣряетъ моему мнѣнію, но что я думаю? Свое мнѣніе я выразилъ словами „погодите чуточку!" Глубокомысленность и мѣткость этого выраженія поразили его и на этотъ разъ онъ, не спросивъ даже позволенія, пожалъ мнѣ руку, прибавивъ, что онъ обязанъ ждать и подождетъ.

Мы выпили все вино и мистеръ Пембельчукъ принялся снова и снова увѣрять меня, что онъ удержитъ Джозефа (я не зналъ отъ чего) и окажетъ мнѣ незамѣнимую услугу (я не зналъ чѣмъ). Въ первый разъ въ своей жизни услышалъ я отъ него тайну, которую онъ такъ свято хранилъ, что онъ всегда говорилъ обо мнѣ:—„Это необыкновенный мальчикъ... попомните мое слово, что его ждетъ необыкновенная судьба". Улыбаясь сквозь слезы, онъ сказалъ, какъ это странно, и я согласился съ нимъ. Наконецъ я вышелъ на воздухъ съ смутнымъ сознаніемъ, что съ солнцемъ случилась какая то нежелательная перемѣна, и вскорѣ послѣ этого я, двигаясь въ какомъ то полуснѣ, не сознавая, куда я иду, очутился вдругъ у заставы.

Здѣсь меня остановилъ громкій голосъ мистера Пембельчука. Онъ шелъ по освѣщенной солнцемъ улицѣ, слѣдуя все время за мной и всевозможными жестами стараясь остановить меня. Я остановился и онъ подошелъ ко мнѣ, совсѣмъ задыхаясь отъ усталости.

— Нѣтъ, мой дорогой другъ,—сказалъ онъ, отдышавшись немного,—я ничего тутъ не могу. Случай этотъ не можетъ обойтись безъ вашей любезности. Позвольте, какъ старому другу и благожелателю вашему... позвольте!

Мы въ сотый разъ пожали другъ другу руку и онъ съ величайшимъ негодованіемъ крикнулъ человѣку, ѣхавшему мимо на телѣгѣ, чтобы онъ свернулъ съ дороги. Затѣмъ онъ благословилъ меня и стоялъ, махая мнѣ рукой, до тѣхъ поръ, пока я не скрылся за поворотомъ дороги. Тогда я свернулъ въ сторону въ поле, хорошенько выспался у изгороди и затѣмъ уже продолжалъ дальнѣйшій путь къ деревнѣ.

Багажъ, который я собирался взять съ собою въ Лондонъ, былъ у меня очень скудный и только самая малая часть его была пригодна для моего новаго положенія. Тѣмъ не менѣе я занялся укладкой его въ тотъ же вечеръ и преимущественно тѣхъ вещей, которыя, я зналъ, будутъ мнѣ необходимы на слѣдующее утро, боясь потерять хотя одну лишнюю минуту.

Такъ прошли вторникъ, среда, четвергъ, а въ пятницу утромъ я отправился къ мистеру Пембельчуку, чтобы одѣть у него новое платье и нанести затѣмъ визитъ миссъ Хевишемъ. Мистеръ Пембельчукъ предоставилъ въ мое распоряженіе свою собственную комнату, которая была декорирована чистыми полотенцами исключительно для этого вечера. Я, конечно, разочаровался въ своемъ платьѣ. Надо полагать, что всякое новое платье, которое ожидается съ такимъ нетерпѣніемъ, и на половину не оправдываетъ ожиданій своего владѣльца. Но когда прошло полчаса и я въ теченіе этого времени перемѣнилъ безконечное множество всевозможныхъ позъ, рисуясь передъ туалетнымъ зеркаломъ мистера Пембельчука и тщетно пытаясь увидѣть свои ноги, я нѣсколько привыкъ къ нему и оно показалось мнѣ лучше. Мистера Пембельчука не было дома,— онъ уѣхалъ утромъ на рынокъ въ сосѣднемъ городѣ, который находился въ десяти миляхъ разстоянія отъ нашего города. Я не сказалъ ему точно, когда уѣзжаю, и мнѣ такимъ образомъ не пришлось больше обмѣняться съ нимъ рукопожатіемъ. Такъ видно суждено было. Я вышелъ въ своемъ новомъ нарядѣ и, признаться откровенно, чувствовалъ себя очень сконфуженнымъ, проходя мимо приказчика, ибо я смутно подозрѣвалъ, что новое платье пристало ко мнѣ въ той же мѣрѣ, въ какой пристала Джо его воскресная одежда.

Я прошелъ къ миссъ Хевишемъ окольными путями и съ трудомъ позвонилъ у калитки по причинѣ длинныхъ пальцевъ на моихъ перчаткахъ. Къ калиткѣ вышла Сара Покетъ и положительно отскочила назадъ, увидя происшедшую во мнѣ перемѣну; лицо ея, цвѣта каштана, изъ коричневаго превратилось въ зеленое и желтое.

— Ты? — сказала она. — Ты? Боже милосердый! Что тебѣ нужно?..

— Я уѣзжаю въ Лондонъ, миссъ Покетъ,—сказалъ я,—и желаю проститься съ миссъ Хевишемъ.

Меня не ждали, потому что она заставила меня стоять во дворѣ, пока ходила сама узнать, примутъ меня или нѣтъ. Она скоро вер-

нулась и повела меня вверхъ по лѣстницѣ, все время не спуская съ меня глазъ.

Миссъ Хевишемъ, опираясь на свою палку, прогуливалась по комнатѣ съ длиннымъ накрытымъ скатертью столомъ. Комната была освѣщена, какъ и нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Когда мы вошли, миссъ Хевишемъ остановилась и обернулась къ намъ. Она стояла какъ разъ напротивъ покрытаго паутиной свадебнаго пирога.

— Не уходи, Сара,—сказала она.—Что, Пипъ?

— Завтра я уѣзжаю въ Лондонъ, миссъ Хевишемъ,—сказалъ я, выражаясь, какъ можно, осторожнѣе,—и я думалъ, что вы не разсердитесь на меня за то, что я пришелъ проститься съ вами.

— Веселая у тебя фигура, Пипъ,—сказала она, обводя вокругъ меня палкой, какъ волшебница, которая произвела эту перемѣну во мнѣ и теперь заканчивала начатое ею превращеніе.

— Неожиданное счастье это выпало на мою долю послѣ того, какъ я видѣлъ васъ въ послѣдній разъ, миссъ Хевишемъ,—еле пролепеталъ я.—И я такъ благодаренъ вамъ, миссъ Хевишемъ!

— Ай, ай!—сказала она, съ восторгомъ поглядывая на смущенную и завистливую Сару.—Я видѣла мистера Джаггерса. Я слышала объ этомъ, Пипъ! Итакъ, ты ѣдешь завтра?

— Да, миссъ Хевишемъ!

— Тебя усыновилъ богатый человѣкъ?

— Да, миссъ Хевишемъ!

— Не знаешь имени?

— Нѣтъ, миссъ Хевишемъ!

— А мистеръ Джаггерсъ будетъ твоимъ опекуномъ?

— Да, миссъ Хевишемъ!

Она просто захлебывалась, дѣлая эти вопросы и слушая мои отвѣты, до того приводила ее въ восторгъ зависть Сары Покетъ.

— Итакъ,—сказала она,—тебя ждетъ впереди карьера. Будь хорошимъ малымъ, веди себя, какъ слѣдуетъ, исполняй совѣты мистера Джаггерса.—Она взглянула на меня, взглянула на Сару и на лицѣ ея, при видѣ выраженія лица Сары, показалась жестокая улыбка.

— До свиданья, Пипъ! Тебѣ извѣстно, вѣроятно, что ты долженъ сохранить твое имя, Пипъ?

— Да, миссъ Хевишемъ!

— До свиданья, Пипъ!

Она протянула руку, я сталъ на колѣни и поднесъ ее къ губамъ. Я не готовился заранѣе, какъ проститься съ нею и это пришло мнѣ въ голову только въ эту минуту. Миссъ Хевишемъ съ торжествомъ взглянула на Сару Покетъ. Такъ разстался я со своей доброй волшебницей, которая, опираясь обѣими руками на крючковатую

палку, стояла посреди тускло-освѣщенной комнаты подлѣ изъѣденнаго мышами свадебнаго пирога, покрытаго паутиной.

Сара Покетъ проводила меня внизъ съ такимъ видомъ, какъ будто я былъ призракъ. Она никакъ не могла придти въ себя послѣ моего появленія и была смущена до крайней степени. Я сказалъ:— „До свиданья, миссъ Покетъ!“, но она продолжала смотрѣть на меня, точно не сознавая, что я говорю. Выйдя изъ калитки, я направился обратно къ мистеру Пембельчуку, снялъ новое платье, завязалъ его въ узелокъ и отправился домой въ прежней своей одеждѣ и, говоря по правдѣ, мнѣ теперь было несравненно легче идти, не смотря на то, что я несъ узелокъ.

Итакъ шесть дней, которые казались мнѣ безконечными, прошли скоро и незамѣтно и неизвѣстное завтра заглядывало уже мнѣ въ глаза и болѣе упорно, чѣмъ самъ я могъ смотрѣть на него. По мѣрѣ того, какъ вечера переходили съ шести на пять, на четыре, на три, на два, я все болѣе и болѣе дорожилъ обществомъ Джо и Бидди. Въ этотъ послѣдній вечеръ я нарядился въ новое платье къ ихъ великому удовольствію и просидѣлъ въ немъ до того, какъ мы всѣ разошлись спать. Въ этотъ вечеръ у насъ былъ горячій ужинъ, состоявшій изъ жаренныхъ куръ и джину съ мушкатнымъ цвѣтомъ. Всѣ мы чувствовали себя грустно, хотя старались показать видъ, что намъ очень весело.

Я долженъ былъ выйти изъ деревни въ пять часовъ утра съ маленькимъ портъ-манто въ рукахъ; я сказалъ Джо, что хочу идти одинъ. Боюсь... сильно боюсь... что желаніе это было вызвано у меня страхомъ контраста между мной и Джо, когда мы придемъ съ нимъ въ почтовую контору. Я пробовалъ увѣрить себя, что въ этомъ желаніи моемъ нѣтъ никакой худой подкладки, но когда въ эту послѣднюю ночь я поднялся въ свою маленькую комнатку, я вынужденъ былъ сознаться, что во мнѣ говорило именно это чувство и я готовъ былъ уже сойти внизъ и сказать Джо, чтобы онъ шелъ со мною завтра утромъ. Но я не сдѣлалъ этого.

Всю ночь снились мнѣ дилижансы, которые ѣхали совсѣмъ въ другое мѣсто, а не въ Лондонъ. Они были запряжены то собаками, то кошками, то свиньями, то людьми... лошадей не было. Фантастическія видѣнія разныхъ путешествій преслѣдовали меня до тѣхъ поръ, пока не начало разсвѣтать и не запѣли птички. Я всталъ и, не совсѣмъ еще одѣвшись, сѣлъ у окна, чтобы въ послѣдни разъ взглянуть на привычный видъ, и тутъ же снова заснулъ.

Бидди встала очень рано, чтобы приготовить мнѣ завтракъ. Я не проспалъ и часу у окна, когда до меня донесся запахъ изъ кухни и я поспѣшно вскочилъ на ноги, съ ужасомъ думая о томъ, что уже больше двѣнадцати часовъ. Но еще долго послѣ этого прислушивался я къ звону чашекъ внизу и, хотя я былъ уже готовъ,

но никакъ не рѣшался сойти внизъ. Я стоялъ и то и дѣло развязывалъ и затягивалъ ремни своего маленькаго портъ-манто и снова затягивалъ и развязывалъ его. Наконецъ Бидди крикнула мнѣ, что уже поздно.

Я позавтракалъ на скорую руку и безъ всякаго аппетита. Я вскочилъ изъ-за стола и сказалъ какъ то поспѣшно и рѣзко:

— Ну-съ, пора, я полагаю, отправляться!

Я поцѣловалъ сестру, которая смѣялась и раскачивалась, кивая головой и сидя въ своемъ креслѣ, затѣмъ поцѣловалъ Бидди и обнялъ Джо. Затѣмъ я взялъ портъ-манто и поспѣшно вышелъ изъ дому. Спустя нѣсколько минутъ я услышалъ странный шумъ позади себя и, обернувшись, увидѣлъ, что сначала Джо бросилъ старый башмакъ, а за нимъ такой же башмакъ бросила и Бидди. Я остановился и замахалъ шляпой, а Джо поднялъ руку и, замахавъ ею, крикнулъ: „Ура!“, а Бидди закрыла лицо передникомъ.

Я шелъ довольно скоро и думалъ, что изъ дому было мнѣ гораздо легче уйти, чѣмъ я предполагалъ. Я разсуждалъ также о томъ, какъ мнѣ было бы неловко, вздумай они бросать старые башмаки подъ карету, на виду у всѣхъ жителей Хайгъ-Стрита. Я шелъ, насвистывая, и чувствовалъ себя какъ ни въ чемъ не бывало. Въ деревнѣ все было тихо и покойно. Утренній туманъ постепенно расходился, какъ бы спѣша показать мнѣ тотъ міръ, гдѣ я провелъ свои невинные дѣтскіе годы, и за которымъ скрывался невѣдомый мнѣ еще и великій міръ. Мнѣ стало такъ тяжело на сердцѣ, что я зарыдалъ. Я былъ въ эту минуту у столба съ деревяннымъ указательнымъ пальцемъ; я положилъ на него руку и сказалъ:

— Прости, милый, дорогой другъ!

Никогда не должны мы стыдиться нашихъ слезъ. Онѣ подобны дождю, прибивающему пыль, онѣ смягчаютъ черствыя сердца. Я почувствовалъ себя лучше послѣ слезъ, чѣмъ былъ до сихъ поръ; мнѣ стало грустно, и я понялъ свою неблагодарность. Если бы я плакалъ раньше, Джо былъ бы теперь со мной.

Слезы такъ подѣйствовали на меня и такъ часто выступали у меня на глазахъ въ то время, какъ я шелъ, что сидя уже въ дилижансѣ и выѣхавъ изъ города, я съ тяжелымъ сердцемъ сталъ подумывать о томъ, не лучше ли мнѣ выйти, когда мы будемъ перемѣнять лошадей, и пойти домой, чтобы провести еще одинъ вечерокъ и проститься, какъ слѣдуетъ. Мы перемѣнили лошадей, а я продолжалъ думать по прежнему и размышлять о томъ, не лучше ли будетъ выйти и вернуться назадъ, и думалъ до тѣхъ поръ, пока снова нужно было мѣнять лошадей. И пока я занимался этими размышленіями, мнѣ вообразилось, что я вижу Джо, который шелъ намъ навстрѣчу,—и сердце мое сильно забилось... Какъ будто онъ могъ быть здѣсь.

Ма мѣняли, мѣняли и мѣняли лошадей; теперь было уже поздно и слишкомъ далеко, чтобы вернуться назадъ и мнѣ пришлось ѣхать дальше. Туманъ тѣмъ временемъ поднялся и разсѣялся и передо мной открывался новый, невѣдомый мнѣ міръ.

Глава двадцатая.

Городъ нашъ отстоялъ отъ столицы на разстояніи пяти часовъ ѣзды. Было немного позже полудня, когда запряженная четверней карета наша, пассажиромъ которой я былъ, очутилась среди торговой сутолки Кроссъ-Киза, Удстрита, Чипсайда и, наконецъ, въѣхала въ Лондонъ.

Въ то время мы, британцы, считали измѣнникомъ всякаго, кто сомнѣвался въ томъ, что наша страна и вообще все наше—хорошо. Тѣмъ не менѣе, какъ ни былъ я пораженъ обширностью Лондона, у меня все же мелькали смутныя сомнѣнія въ томъ, не слишкомъ ли онъ безобразенъ со своими кривыми, узкими и грязными улицами.

Мистеръ Джаггерсъ прислалъ заранѣе свой адресъ; онъ жилъ въ улицѣ Литтль-Бритейнъ, и на карточкѣ его прибавлено было кромѣ того „За Смизфильдомъ, вблизи почтовой конторы". Не смотря на это, кучеръ нанятой мною почтовой кареты, у котораго было, повидимому, столько же капюшоновъ на большомъ плащѣ, сколько было ему лѣтъ отъ роду, усадилъ меня въ карету и такъ плотно запаковалъ меня съ ней, поднявъ вслѣдъ за мной цѣлый рядъ откидныхъ ступенекъ, какъ будто намъ предстояло совершить путешествіе миль за пятьдесятъ, по крайней мѣрѣ. Пока онъ взбирался на козлы, что заняло у него не малое время, я замѣтилъ, что козлы эти покрыты источеннымъ молью и выцвѣтшимъ отъ времени сукномъ гороховаго цвѣта, превратившимся въ настоящія лохмотья. По своей конструкціи это былъ удивительный экипажъ, съ гербами по бокамъ, истрепанными петлями изъ снурковъ позади для нѣсколькихъ человѣкъ лакеевъ на запяткахъ, края которыхъ были покрыты острыми зубцами, чтобы лакеи любители не покушались взобраться на нихъ.

Я не успѣлъ еще насладиться своимъ экипажемъ и рѣшить вопроса о томъ, почему внутренность его походитъ не то на скотный дворъ, выстланный соломой, не то на лавчонку, гдѣ продается ветошь, не то на складъ мѣшковъ съ лошадинымъ кормомъ, когда увидѣлъ, что кучеръ спускается съ козелъ, какъ будто мы пріѣхали уже на мѣсто. И мы, дѣйствительно, остановились въ мрачной улицѣ, у какой-то конторы съ открытой дверью, на которой была надпись: „Мистеръ Джаггерсъ".

— Сколько слѣдуетъ?—спросилъ я кучера.

— Одинъ шиллингъ... если вы не желаете прибавить,—отвѣчалъ онъ.

Я, разумѣется, сказалъ, что не желаю.

— Слѣдуетъ, значитъ, шиллингъ,—отвѣчалъ кучеръ.—Не хочу никакихъ непріятностей... знаемъ мы „*его*“ хорошо!—Онъ прищурилъ одинъ глазъ въ сторону имени мистера Джаггерса и покачалъ головой.

Когда, получивъ шиллингъ, онъ съ тою же медлительностью взобрался на козлы и затѣмъ уѣхалъ прочь (съ большимъ, повидимому, удовольствіемъ), я направился въ контору, держа въ рукахъ свой маленькій портъ-манто, и спросилъ. дома ли мистеръ Джаггерсъ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ клеркъ.—Онъ теперь въ судѣ. Не съ мистеромъ ли Пипомъ я говорю?

Я отвѣчалъ, что да, онъ говоритъ съ мистеромъ Пипомъ.

— Мистеръ Джаггерсъ поручилъ просить васъ посидѣть до его прихода у него въ комнатѣ. Онъ не могъ точно сказать, какъ долго пробудетъ тамъ, потому у него есть дѣло. Но такъ какъ онъ очень дорожилъ своимъ временемъ, то онъ, само собою разумѣется, не пробудетъ ни минуты дольше того, сколько потребуется.

Съ этими словами клеркъ открылъ мнѣ дверь и провелъ меня въ комнату, находившуюся позади конторы. Здѣсь мы застали какого то джентльмена съ однимъ глазомъ, въ вельветиновомъ костюмѣ и въ короткихъ по колѣна штанахъ; прерванный въ чтеніи газеты, онъ вытеръ себѣ носъ рукавомъ.

— Выйдите отсюда и подождите тамъ, Майкъ!—сказалъ ему клеркъ.

Я было началъ просить извиненіе, что помѣшалъ, но клеркъ не далъ мнѣ кончить и безъ всякой церемоніи выпроводилъ неизвѣстнаго мнѣ джентльмена изъ комнаты, бросивъ вслѣдъ за нимъ его мѣховую шапку, и оставилъ меня одного.

Комната мистера Джаггерса производила крайне непріятное впечатлѣніе и освѣщалась только сверху круглымъ окномъ, стекла котораго составлены были изъ кусочковъ, склеенныхъ между собою самымъ страннымъ образомъ; верхушки сосѣднихъ домовъ тѣснили, казалось, другъ друга, чтобы заглянуть черезъ него въ комнату и увидѣть меня. Бумагъ здѣсь было далеко не такъ много, но были предметы, которыхъ я не ожидалъ видѣть, какъ, напримѣръ, старый ржавый пистолетъ, сабля въ ножнахъ, нѣсколько странныхъ на видъ ящиковъ и тюковъ, а на полкѣ два слѣпка съ чьихъ то распухшихъ и искаженныхъ судорогой лицъ. Собственное, съ высокой спинкой кресло мистера Джаггерса, обитое черной волосяной матеріей и цѣлымъ рядомъ мѣдныхъ гвоздей по бокамъ, напоминало собою гробъ; мнѣ ясно представилось, какъ онъ сидитъ на немъ, откинувшись на спинку, и кусаетъ ногти, вы-

слушивая своихъ кліентовъ. Комната была небольшая и кліенты имѣли, повидимому, обыкновеніе прислоняться къ стѣнѣ во время разговора, ибо стѣна, находившаяся противъ кресла мистера Джаггерса, была покрыта жирными пятнами. Я вспомнилъ при этомъ, что и кривой джентльменъ, невинной причиной изгнанія котораго былъ я, также проѣхался плечомъ вдоль стѣны, выходя изъ комнаты.

Я сидѣлъ на стулѣ, который стоялъ напротивъ кресла мистера Джаггерса, и мною мало-по-малу овладѣло непріятное чувство недовольства окружающей меня атмосферой. Мнѣ начинало казаться, что у клерка такой же видъ, какъ и у его хозяина, и что онъ также знаетъ о каждомъ что нибудь, не говорящее въ его пользу. Я удивлялся количеству клерковъ, сидѣвшихъ въ верхнемъ отдѣленіи конторы, и думалъ, неужели и всѣ они раздѣляютъ взглядъ своего хозяина на своихъ ближнихъ? Я спрашивалъ себя, были ли эти слѣпки съ опухшими лицами сняты съ членовъ семьи мистера Джаггерса? Неужели же онъ такъ несчастенъ, что у него могутъ быть такіе ужасные родные и почему помѣстилъ онъ ихъ на пыльную полку на усмотрѣніе таракановъ и мухъ, а не держитъ ихъ у себя дома? Не имѣя никакого понятія о лѣтнемъ днѣ въ Лондонѣ, я чувствовалъ себя страшно удрученнымъ невѣроятно душнымъ воздухомъ и пылью, и соромъ, которые видѣлъ на каждомъ предметѣ. Я сидѣлъ, размышляя обо всемъ этомъ въ ожиданіи мистера Джаггерса, до тѣхъ поръ, пока мнѣ не опротивѣлъ видъ двухъ слѣпковъ на полкѣ надъ кресломъ мистера Джаггерса. Тогда я вскочилъ съ мѣста и вышелъ изъ комнаты.

Когда я сказалъ клерку, что хочу прогуляться немного по воздуху, онъ посовѣтовалъ мнѣ завернуть за уголъ, за которымъ я выйду на Смизфильдъ. Я послушался и пошелъ на Смизфильдъ; но это гадкое мѣсто, покрытое грязью и жиромъ, кровью и пѣной, душило меня. Я, насколько могъ, скорѣе прошелъ черезъ него и повернулъ въ улицу, гдѣ изъ-за сѣраго каменнаго зданія Ньюгетской тюрьмы, какъ мнѣ сказалъ какой-то прохожій, выглянувъ на меня большой черный куполъ Св. Павла. Я пошелъ вдоль тюремной стѣны и дошелъ до одного мѣста на улицѣ, которое все было выстлано соломой, чтобы заглушить шумъ проѣзжающихъ мимо экипажей. Солома, а также толпа народа, отъ которой несло водкой и пивомъ, навело меня на мысль, что здѣсь долженъ быть судъ.

Пока я осматривался кругомъ себя, ко мнѣ подошелъ необыкновенно грязный и пьяный служитель суда и спросилъ меня, не желаю ли я войти и посмотрѣть на засѣданіе суда, говоря, что за полкроны онъ проведетъ меня на одно изъ первыхъ мѣстъ, откуда я хорошо увижу лорда верховнаго судью въ парикѣ и мантіи, причемъ говорилъ о такой важной особѣ, какъ о какой-то восковой фигурѣ, которую онъ готовъ былъ показать даже за восемнадцать

пенсовъ. Я отклонилъ это предложеніе за неполученіемъ еще жалованья, но онъ все же былъ такъ любезенъ, что провелъ меня во дворъ и показалъ мнѣ мѣсто, гдѣ хранятся висѣлицы, и гдѣ людей сѣкутъ публично, и „Дверь Должника“, откуда преступники идутъ на висѣлицу, и чтобы больше заинтересовать меня этой ужасной дверью, далъ мнѣ понять, что послѣ-завтра, часовъ въ восемь утра, выведутъ изъ нея „цѣлыхъ четырехъ“ и повѣсятъ ихъ рядышкомъ. Это навело на меня ужасъ и дало мнѣ весьма не лестное понятіе о Лондонѣ; тѣмъ болѣе, что человѣкъ, предлагавшій мнѣ показать лорда верховнаго судью, какъ принадлежавшую ему собственность, былъ одѣтъ (начиная со шляпы, до сапогъ и носового платка включительно) въ покрытое пятнами платье, которое было, очевидно, сшито не на него, а, какъ я вообразилъ себѣ, было куплено имъ у палача. На этомъ основаніи я былъ очень радъ, когда всего за одинъ шиллингъ мнѣ удалось, наконецъ, отдѣлаться отъ него.

Я вернулся въ контору, чтобы узнать дома ли мистеръ Джаггерсъ и, не заставъ его тамъ, снова отправился бродить. Я прошелъ Литтль-Бритейнъ и вошелъ въ ограду церкви Св. Варѳоломея. Здѣсь я увидѣлъ, что мистера Джаггерса ждутъ, какъ и я, еще другіе люди. Внутри ограды прогуливались два какихъ то человѣка таинственной наружности и тихонько разговаривали между собою, съ глубокомысленнымъ видомъ принаравливая ноги къ трещинамъ мостовой; когда я поравнялся съ ними, одинъ изъ нихъ говорилъ другому: „Ужъ если только можно, то Джаггерсъ сдѣлаетъ это“. На самомъ углу стояли трое мужчинъ и двѣ женщины, одна изъ которыхъ плакала, закрывъ лицо грязной шалью, а другая успокаивала ее, прикрывая ее своей собственной шалью:—„Джаггерсъ за него! Мелія! Чего же тебѣ еще больше?“ Сюда же вслѣдъ за мною вошелъ и красноглазый еврейчикъ въ сопровожденіи другого маленькаго еврейчика, котораго онъ тотчасъ же послалъ по какому то порученію. Во время отсутствія посланнаго я замѣтилъ, что еврейчикъ, обладавшій, видимо, очень возбудимою натурою, отплясывалъ джигу, стоя подъ фонарнымъ столбомъ и въ тактъ подпѣвая себѣ:—„О, Дзаггерсъ, Дзаггерсъ, Дзаггерсъ! Всѣ прочіе Кегъ-Меггерзы! *) Давайте мнѣ Дзаггерса!“ Такое подтвержденіе популярности моего опекуна произвело на меня глубокое впечатлѣніе и я больше прежняго удивлялся ему.

И вотъ наконецъ, когда я стоялъ у желѣзныхъ рѣшетчатыхъ воротъ ограды Св. Варѳоломея, я увидѣлъ мистера Джаггерса, который переходилъ улицу по направленію ко мнѣ. Остальные увидѣли его одновременно со мной и всей гурьбой бросились къ нему. Мистеръ Джаггерсъ положилъ мнѣ руку на плечо и повелъ меня ря-

*) Cag-Meg значитъ по англійски: поскребки, подонки.

домъ съ собой, не говоря мнѣ ни слова, но все время обращаясь къ своимъ просителямъ.

Прежде всего обратился онъ къ двумъ таинственнымъ людямъ.

— Мнѣ больше не о чемъ говорить съ вами,—сказалъ онъ, указывая въ ихъ сторону пальцемъ.—Я не желаю знать больше того, чѣмъ знаю. Ну, а результаты, это орелъ и рѣшетка. Съ самаго начала говорилъ я вамъ, что орелъ и рѣшетка. Заплатили Уэммику?

— Необходимую сумму мы собрали только сегодня утромъ, сэръ!—сказалъ одинъ изъ нихъ покорно, а другой внимательно изучалъ въ это время лицо мистера Джаггерса.

— Я не прошу васъ говорить мнѣ ни когда вы ихъ собрали, ни гдѣ, ни какимъ образомъ вы все это устроили. Получилъ ихъ Уэммикъ?

Да, сэръ!—отвѣчали оба въ одинъ голосъ.

— Прекрасно... можете идти. Не говорите ничего больше!—сказалъ мистеръ Джаггерсъ, махая имъ рукой, чтобы они уходили.—Если скажете еще одно слово, я откажусь отъ дѣла.

— Мы думаемъ, мистеръ Джаггерсъ,—началъ одинъ изъ нихъ, снимая шляпу.

— Вотъ этого то вамъ и не слѣдуетъ дѣлать, — сказалъ мистеръ Джаггерсъ.—„*Вы*" думаете! Я думаю за васъ, и этого довольно для васъ. Если вы мнѣ понадобитесь, я знаю, гдѣ найти васъ; я не желаю, чтобы вы сами ходили ко мнѣ. Не желаю... и слышать ничего больше мнѣ не нужно.

Таинственные люди переглянулись другъ съ другомъ, когда мистеръ Джаггерсъ снова махнулъ имъ рукой, и, не говоря ни слова, смиренно удалились.

— А теперь вы! — сказалъ мистеръ Джаггерсъ, вдругъ останавливаясь на мѣстѣ и поворачиваясь къ двумъ женщинамъ въ шляпахъ, отъ которыхъ мужчины тотчасъ же почтительно отошли въ сторону. — Амелія, кажется?

— Да, мистеръ Джаггерсъ!

— Вы помните или нѣтъ, — продолжалъ мистеръ Джаггерсъ, — что безъ меня вы не были бы здѣсь и не могли бы быть здѣсь?

— О, да, сэръ! — воскликнули обѣ женщины разомъ. — Богъ да благословитъ васъ, сэръ, мы знаемъ это.

— Зачѣмъ же вы притащились сюда? — спросилъ мистеръ Джаггерсъ.

— Что съ моимъ Билемъ, сэръ? — заплакала женщина, съ которой онъ говорилъ.

— Вотъ что я вамъ скажу, — отвѣчалъ мистеръ Джаггерсъ,— и разъ навсегда! Если вы не знаете, что вашъ Биль въ хорошихъ рукахъ, то я это знаю. И если вы еще разъ придете сюда надо-

ѣдать мнѣ вашимъ Билемъ, то я покажу на васъ и на вашемъ Билѣ такой примѣръ, что онъ проскользнетъ у васъ между пальцами. Заплатили Уэммику?

— Да, сэръ! До послѣдняго фартинга.

— Очень хорошо. Вы сдѣлали, слѣдовательно, все, что должны были сдѣлать. Скажите еще слово... одно единое слово... и Уэммикъ сейчасъ же вернетъ вамъ деньги.

Страшная угроза заставила двухъ женщинъ немедленно удалиться. Никого больше не оставалось въ оградѣ, кромѣ взволнованнаго еврейчика, который уже нѣсколько разъ прикладывалъ къ губамъ полы сюртука мистера Джаггерса.

— Что это за человѣкъ? — сказалъ мистеръ Джаггерсъ съ самымъ пренебрежительнымъ видомъ. — Что нужно этому человѣку?

— О, дорогой мистеръ Дзаггерсъ... ми братъ Абрагаму Лазарузу.

— Кто онъ? — сказалъ мистеръ Джаггерсъ. — Оставьте мой сюртукъ въ покоѣ!

Проситель поцѣловалъ еще разъ полу сюртука и сказалъ:

— Абрагамъ Лазарумъ... фальсивый монетчикъ.

— Слишкомъ поздно, — отвѣчалъ мистеръ Джаггерсъ. — Я защищаю другую сторону.

— Ой, мистеръ Дзаггерсъ! — воскликнулъ еврейчикъ блѣднѣя. — Неужели-зе вы противъ Абрагама Лазаруза?

— Да, противъ, — отвѣчалъ мистеръ Джаггерсъ, — вотъ и конецъ! Уйдите съ дороги!

— Мистеръ Дзаггерсъ! Полминутоцки! Кузенъ мой самъ посолъ къ мистеру Уэммику... и теперь даетъ ему все, цто онъ захоцетъ... Мистеръ Дзаггерсъ!.. Цетверть минутоцка!.. О! переходите съ той стороны на наса сторона... цто хотите... цѣна не постоимъ... цто денги! Тьфу!.. Мистеръ Дзаггерсъ!.. Мистеръ..

Но опекунъ мой оттолкнулъ просителя съ величественнымъ хладнокровіемъ и оставилъ его танцующимъ на мостовой, какъ на раскаленныхъ угольяхъ. Безъ всякой дальнѣйшей помѣхи добрались мы, наконецъ, до конторы, гдѣ нашли клерка и человѣка въ вельветинѣ и мѣховой шапкѣ.

— Майкъ здѣсь, — сказалъ клеркъ, вставая со стула и съ таинственнымъ видомъ приближаясь къ мистеру Джаггерсу.

— О! — сказалъ послѣдній, поворачиваясь къ Майку, у котораго цѣлый клокъ волосъ былъ надвинутъ на самую середину лба, — человѣкъ тотъ придетъ сегодня вечеромъ? Да?

— Да, мистеръ Джаггерсъ, — отвѣчалъ Майкъ голосомъ человѣка, охрипшаго отъ простуды, — послѣ многихъ хлопотъ удалось таки найти одного, сэръ!

— Въ чемъ онъ готовъ присягнуть?

— О, мистеръ Джаггерсъ, — отвѣчалъ Майкъ, вытирая на этотъ разъ свой носъ мѣховой шапкой. — въ чемъ угодно!

Мистеръ Джаггерсъ вышелъ вдругъ изъ себя.

— Я еще раньше говорилъ вамъ, — сказалъ онъ, грозя пальцемъ испуганному кліенту, — что если вы вздумаете говорить такимъ образомъ здѣсь, то я покажу на васъ хорошій примѣръ. Дерзкій негодяй, какъ смѣете вы говорить *мнѣ* такія вещи?

Кліентъ былъ видимо смущенъ и ошеломленъ, не понимая, что онъ сдѣлалъ.

— Олухъ! — сказалъ ему тихо клеркъ, толкая его подъ локоть. — Глупая ты башка! Зачѣмъ ты говоришь ему въ лицо.

— Снова спрашиваю васъ, безсмысленный дуракъ, — сказалъ сердито мой опекунъ, — и въ послѣдній разъ: — въ чемъ можетъ присягнуть человѣкъ, котораго привели вы сюда?

Майкъ пристально смотрѣлъ на моего опекуна, какъ бы пытаясь прочесть заданный ему урокъ на его лицѣ, и медленно отвѣчалъ:

— О характерѣ его и о томъ, что онъ былъ съ нимъ и не покидалъ его всю ночь.

— Ну-съ, будьте осторожнѣй. Что это за человѣкъ?

Майкъ взглянулъ на шапку... на полъ... на потолокъ... взглянулъ на клерка... взглянулъ на меня и волнуясь отвѣчалъ:

— Мы одѣли его какъ...

— Что? — крикнулъ на него мой опекунъ. — Опять? Опять?

— Олухъ! — повторилъ клеркъ, снова толкнувъ его подъ локоть.

Безпомощно оглянувшись кругомъ, Майкъ вдругъ просіялъ и началъ:

— Онъ ѣдетъ, какъ почтенный разносчикъ пироговъ... пирожникъ.

— Здѣсь онъ? — спросилъ мой опекунъ

— Я оставилъ его тамъ, — отвѣчалъ Майкъ, — онъ сидитъ на ступенькахъ за угломъ.

— Проведи его мимо окна, чтобы я могъ его видѣть.

Окно, указанное имъ, находилось въ конторѣ. Мы всѣ трое подошли къ нему и, скрываясь за занавѣской, увидѣли Майка, который прошелъ какъ бы случайно мимо окна въ сопровожденіи человѣка самой злодѣйской наружности, высокаго роста, въ коротенькомъ сюртучкѣ изъ бѣлаго полотна и въ бумажномъ колпакѣ. Невинный пирожникъ былъ не очень то трезвъ и подъ глазомъ у него виднѣлся синякъ, мѣнявшій уже свой синій цвѣтъ въ зеленый и засыпанный сверху бѣлымъ порошкомъ.

— Скажите ему, чтобы онъ убирался вонъ со своимъ свидѣтелемъ, — сказалъ клерку мой опекунъ съ невыразимымъ отвра-

щеніемъ, — и спросите его, о чемъ онъ думалъ, когда велъ мнѣ такого свидѣтеля, какъ этотъ.

И сказавъ это, опекунъ мой повелъ меня къ себѣ въ комнату, гдѣ, стоя, принялся за завтракъ, состоявшій изъ сандвичей и бутылки хересу, (сандвичи ѣлъ онъ съ какимъ то пренебреженіемъ) и въ то же время сообщалъ мнѣ сдѣланныя относительно меня распоряженія. Я долженъ былъ отправиться въ гостинницу „Бернардъ" и помѣститься въ квартирѣ мистера Покета, куда уже послана для меня кровать; у молодого Покета я останусь до понедѣльника, когда вмѣстѣ съ нимъ долженъ буду отправиться съ визитомъ къ его отцу, чтобы сговориться съ нимъ объ условіяхъ. Затѣмъ онъ сказалъ мнѣ, сколько я буду получать — содержаніе оказалось весьма щедрымъ — и, вынувъ изъ письменнаго стола нѣсколько карточекъ, передалъ ихъ мнѣ и сказалъ, что я могу явиться съ ними къ разнымъ торговцамъ и заказать себѣ всю необходимую одежду и вообще все, что найду для себя желательнымъ.

— Вы будете довольны вашимъ кредитомъ, мистеръ Пипъ!— сказалъ мой опекунъ, глотая хересъ изъ бутылки, отъ которой несло, какъ отъ цѣлой бочки. — Только такимъ образомъ я и могу уплачивать ваши счета и удержать васъ во время, чтобы вы не завязли по уши въ долгахъ. Нѣтъ сомнѣнія, впрочемъ, что вы надѣлаете бѣдъ... Ну, да это не мое дѣло.

Поразмысливъ нѣсколько минутъ надъ этими далеко не утѣшительными словами, я спросилъ мистера Джаггерса, могу ли я нанять экипажъ? Онъ отвѣчалъ, что это лишнее, такъ какъ отсюда недалеко до мѣста моего назначенія, тѣмъ болѣе, что Уэммикъ можетъ провести меня туда, если я желаю.

Я узналъ такимъ образомъ, что Уэммикомъ назывался клеркъ, который занимался въ ближайшей конторѣ. На звонокъ явился сверху другой клеркъ, который долженъ былъ занять его мѣсто, пока онъ провожалъ меня. Я пожалъ руку своему опекуну и вышелъ на улицу, гдѣ познакомился съ Уэммикомъ. На улицѣ мы встрѣтили еще нѣсколько просителей, проходя мимо которыхъ, Уэммикъ сказалъ холодно и рѣшительно:

— Я вамъ говорю, что это безполезно; онъ ни съ кѣмъ изъ васъ не пожелаетъ перемолвиться ни единымъ словечкомъ.

Мы скоро оставили ихъ позади себя, продолжая идти все время рядомъ другъ съ другомъ.

Глава двадцать первая.

Пока мы шли такимъ образомъ, я нѣсколько разъ присматривался къ мистеру Уэммику, желая знать, на что онъ похожъ при дневномъ свѣтѣ, и увидѣлъ рядомъ съ собой человѣка сухощаваго и небольшого роста, съ широкимъ деревяннымъ лицомъ, которому

тупой рѣзецъ не сумѣлъ, повидимому, придать какое либо выраженіе. На немъ виднѣлись, правда, слѣды этого рѣзца, которые могли бы придать ему извѣстное выраженіе, будь матеріалъ мягче, а рѣзецъ тоньше и острѣе, но въ виду тупости инструмента получались вмѣсто черточекъ какія то углубленія. Рѣзецъ пытался, повидимому, три или четыре раза произвести кое-какія улучшенія въ области носа, но тутъ же и отказался отъ попытки смягчить это лицо. Судя по неряшливому состоянію его бѣлья, я вывелъ заключеніе, что онъ холостякъ и что ему приходится переносить много лишеній и потерь; онъ носилъ четыре траурныхъ кольца и кромѣ того брошку съ изображеніемъ женщины и плакучей ивы надъ могилой, на которой стояла урна. Я замѣтилъ также, что вся часовая цѣпочка его обвѣшана была кольцами и печатками, которыя служили ему вѣроятно, тяжелымъ воспоминаніемъ объ отошедшихъ друзьяхъ. Глаза у него были блестящіе, — маленькіе, проницательные и черные, — губы тонкія и прорѣзъ рта широкій. На видъ ему казалось, по моему, отъ сорока до пятидесяти лѣтъ.

— Такъ вы никогда не бывали раньше въ Лондонѣ? — спросилъ меня мистеръ Уэммикъ.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ я.

— И я когда то былъ здѣсь новичкомъ, — сказалъ мистеръ Уэммикъ.—Даже подумать странно!

— А теперь вы, вѣроятно, хорошо ознакомились съ городомъ?

— Разумѣется, — отвѣчалъ мистеръ Уэммикъ. — Теперь мнѣ извѣстна вся его жизнь.

— Худой это вѣрно городъ? — спросилъ я больше для того, чтобы сказать что нибудь, чѣмъ изъ желанія получить какія либо свѣдѣнія.

— Здѣсь въ Лондонѣ васъ когда угодно надуютъ, ограбятъ, убьютъ. — Народу здѣсь, да и вездѣ, впрочемъ, достаточно найдется для такихъ штукъ.

— Изъ-за вражды и злобы, — сказалъ я, желая нѣсколько смягчить его слова.

— О! Не знаю, вражда тутъ или злоба,—отвѣчалъ мистеръ Уэммикъ.—Дѣло тутъ не въ этомъ... ради выгоды люди на все бываютъ готовы.

— Это еще хуже.

— Вы думаете?—спросилъ мистеръ Уэммикъ.—Впрочемъ, и я сказалъ бы то же самое.

Шляпа мистера Уэммика была сдвинута на затылокъ и онъ шелъ, устремивъ взглядъ впередъ; видъ у него былъ очень сосредоточенный и ничто на улицѣ не привлекало, повидимому, его вниманія. Ротъ у него былъ устроенъ такимъ образомъ, что казался постоянно улыбающимся. Мы успѣли подняться на Хольборнъ-

Гилль прежде, чѣмъ я догадался, что улыбка эта механическая и что онъ на самомъ дѣлѣ никогда не улыбается.

— Вы знаете, гдѣ живетъ мистеръ Матью Покетъ?—спросилъ я.

— Да! Въ Гаммеръ-Смитѣ, въ западной части Лондона,—сказалъ онъ, кивая головой въ ту сторону.

— Далеко это?

— Порядочно... миль пять.

— Вы знакомы съ нимъ?

— Да вы никакъ подвергаете меня формальному допросу,—сказалъ мистеръ Уэммикъ, пристально всматриваясь въ меня.—Да, я знакомъ съ нимъ... знакомъ.

Въ словахъ его слышался оттѣнокъ снисходительности и въ то же время какого то недовольства, что непріятно подѣйствовало на меня; я взглянулъ сбоку на его деревянную физіономію, стараясь прочесть на ней что нибудь утѣшительное, когда онъ сказалъ вдругъ, что мы уже пришли въ гостинницу „Бернардъ". Это не успокоило меня, однако, ибо я предполагалъ, что зданіе это представляетъ собой цѣлый отель, который содержится мистеромъ Бернардомъ и въ сравненіи съ которымъ нашъ „Синій Вепрь" ничто иное, какъ таверна. И вдругъ оказалось, что мистеръ Бернардъ безплотный духъ, фикція моего воображенія, что нѣтъ никакой гостинницы, а существуетъ коллекція грязнѣйшихъ ветхихъ домовъ, столпившихся другъ подлѣ друга.

Мы вошли въ калитку, прошли длинный проходъ и вышли на мрачный квадратный дворъ, напомнившій мнѣ кладбище. Мнѣ показалось, что и деревья здѣсь угрюмыя, и воробьи угрюмые, и кошки угрюмыя, и дома (полдюжины или около этого) угрюмые, и что нигдѣ и ничего не видѣлъ я до такой степени угрюмаго. Окна цѣлаго ряда квартиръ, изъ которыхъ состоялъ этотъ домъ, служили настоящей выставкой старыхъ, вылинявшихъ шторъ и занавѣсокъ, уродливыхъ цвѣточныхъ горшковъ, битыхъ стеколъ, лома и гнили, нищеты и упадка. На окнахъ пустыхъ комнатъ наклеены были надписи: „сдается", „сдается", „сдается"; можно было подумать, что новые бѣдняки не придутъ больше сюда и что мстительная душа Бернарда жаждетъ постепеннаго истребленія настоящихъ жильцовъ и погребенія ихъ подъ неосвященнымъ молитвой грунтомъ мостовой. Грязный траурный слой сажи и копоти покрывалъ это заброшенное твореніе Бернарда и посыпалъ пепломъ главу его въ знакъ покаянія и смиренія. Все это оскорбляло чувство зрѣнія. Но чувство обонянія оскорблялось не менѣе запахомъ сухой гнили и мокрой гнили и всякой гнили, который шелъ изъ заброшенныхъ подваловъ и съ крышъ, запахомъ крысъ, и мышей, и клоповъ, и стойлъ, и всякой грязи, настоятель-

но требовавшей примѣненія какой нибудь обеззараживающей жидкости.

Это начало исполненія моихъ большихъ надеждъ, было столь неожиданно, что я съ неудовольствіемъ взглянулъ на мистера Уэммика.

— А,—сказалъ онъ, не понявъ моего взгляда,—здѣшнее уединеніе напоминаетъ вамъ деревню,... и мнѣ также.

Онъ провелъ меня въ уголъ двора и поднялся со мною въ верхній этажъ по крайне непрочной лѣстницѣ, которая грозила ежеминутно разсыпаться въ прахъ, такъ что верхніе жильцы могли въ одинъ прекрасный день выглянуть изъ своихъ дверей и увидѣть, что они не могутъ больше спуститься внизъ. На дверяхъ значилось: „Мистеръ Покетъ Младшій“, а на ящикѣ для писемъ я увидѣлъ полоску бумаги съ надписью: „Вернусь скоро“.

— Онъ не думалъ, вѣроятно, что вы такъ скоро пріѣдете,— объяснилъ мнѣ мистеръ Уэммикъ.—Вамъ ничего больше не нужно?

— Нѣтъ, благодарю васъ,—отвѣчалъ я.

— Я завѣдую кассой,—продолжалъ мистеръ Уэммикъ,—и поэтому мы часто будемъ видѣться съ вами. До свиданья.

— До свиданья.

Я протянулъ руку. Мистеръ Уэммикъ взглянулъ на меня съ такимъ видомъ, какъ будто думалъ, что я желаю чего нибудь. Но затѣмъ, видя, что это не то, сказалъ:

— Да... Да! Вы, я вижу, привыкли пожимать руку.

Я очень сконфузился, думая, что это не въ лондонскихъ обычаяхъ, но отвѣчалъ утвердительно.

— Я отвыкъ отъ этого, — сказалъ мистеръ Уэммикъ. Очень радъ, разумѣется, познакомиться съ вами. До свиданья!

Когда мы пожали другъ другу руку и онъ ушелъ, я отворилъ окно на площадкѣ лѣстницы и едва не лишился головы: подпорки подгнили и окно спустилось внизъ съ быстротою гильотины. Къ счастью я не успѣлъ еще высунуться изъ окошка. Послѣ такого происшествія, я рѣшилъ удовольствоваться туманнымъ видомъ гостинницы сквозь стекла окна, покрытаго наросшей на немъ корой грязи, и грустно думалъ о томъ, что разсказы о Лондонѣ очень преувеличены.

Понятіе мистера Покета младшаго о словѣ „скоро“ не согласовалось, очевидно, съ моимъ. Я чуть не до сумасшествія налюбовался видомъ изъ окна и въ теченіе полутора часа успѣлъ нѣсколько разъ написать пальцемъ свое имя на каждомъ стеклѣ окна, пока услышалъ, наконецъ, на лѣстницѣ чьи то шаги. Передо мною постепенно появились шляпа, голова, галстукъ, жилетъ, панталоны, сапоги члена человѣческаго общества моихъ приблизительно лѣтъ. Изъ подъ мышки каждой руки у него торчалъ бумажный

пакетъ, а въ одной рукѣ, кромѣ того, онъ держалъ корзину съ клубникой; самъ онъ еле переводилъ духъ.

— Мистеръ Пипъ?—спросилъ онъ.

— Мистеръ Покетъ?—спросилъ я.

— Богъ мой!—воскликнулъ онъ.—Мнѣ такъ жаль... я зналъ, что дилижансъ вашъ приходитъ сюда въ полдень, но я не думалъ, что вы пріѣдете на немъ. Дѣло въ томъ, что я выходилъ, имѣя собственно васъ въ виду... я не извиняюсь, нѣтъ!.. Я думалъ, что вы пріѣдете изъ деревни и не прочь будете покушать фруктовъ за обѣдомъ, а потому отправился въ Ковентъ-Гарденъ на фруктовый рынокъ.

По нѣкоторой причинѣ я почувствовалъ вдругъ, что глаза мои готовы выскочить изъ головы. Я высказалъ ему благодарность за вниманіе, начиная думать въ то же время, что я вижу сонъ.

— Богъ мой!—сказалъ мистеръ Покетъ младшій.—Эта дверь всегда такъ упрямится.

Онъ бросился отворять дверь, продолжая держать пакеты съ ягодами подъ мышками и выжимая изъ нихъ сокъ. Видя это, я предложилъ ему отдать эти пакеты мнѣ, на что онъ согласился съ пріятной улыбкой и принялся сражаться съ дверью, какъ съ какимъ то дикимъ звѣремъ. Дверь отворилась въ тотъ моментъ, когда онъ этого не ожидалъ, такъ что онъ покачнулся назадъ прямо на меня, а я покачнулся назадъ прямо на противоположную дверь и оба мы расхохотались. Но я продолжалъ чувствовать, что глаза мои выскакиваютъ изъ головы и что я вижу все это во снѣ.

— Войдите, пожалуйста, — сказалъ мистеръ Покетъ-младшій.—Позвольте мнѣ провести васъ. У меня здѣсь нѣтъ почти никакой обстановки, но я надѣюсь, вы устроитесь прилично до понедѣльника. Отецъ мой думалъ, что вамъ будетъ пріятнѣе пробыть завтра со мною, а не съ нимъ, и погулять по Лондону. Я очень счастливъ, что могу показать вамъ Лондонъ. Что касается вашего стола, то вы, надѣюсь, не найдете его худымъ... Я заказалъ его въ ближайшей кофейной и велѣлъ принести его сюда, и (я обязанъ это сказать) на вашъ счетъ, какъ сказалъ мнѣ мистеръ Джаггерсъ. Относительно квартиры долженъ сказать, что она не отличается роскошью, потому что я самъ долженъ зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба, а отецъ мой ничего не можетъ дать мнѣ, хотя, имѣй онъ даже что нибудь, я и тогда ничего не взялъ бы отъ него. Не думайте, пожалуйста, что скатерть, ложки и посуда принадлежатъ мнѣ, все это изъ ресторана. Вотъ моя маленькая спальня; нѣсколько сырая, но у Бернарда все сыро. А вотъ ваша спальня; мебель взята на прокатъ, но я увѣренъ, что она отвѣчаетъ своему назначенію; если желаете чего нибудь, я сейчасъ пойду и принесу мигомъ. Комнаты эти въ сторонѣ; мы будемъ одни и не будемъ, надѣюсь драться. Но, Богъ мой! Простите меня, я все время заста-

вляю васъ держать фрукты. Позвольте мнѣ сюда эти пакеты. Мнѣ такъ стыдно!

Я стоялъ противъ мистера Покета младшаго, передавая ему одинъ за другимъ оба пакета, и въ ту же минуту увидѣлъ, что съ глазами его происходитъ тоже, что и съ моими. Отскочивъ назадъ, онъ сказалъ:

— Боже спаси меня! Никакъ это тотъ самый мальчишка!

— А вы,—сказалъ я,—блѣдный молодой джентльменъ!..

Глава двадцать вторая.

Блѣдный молодой джентльменъ и я, мы стояли въ „гостинницѣ Бернарда", уставившись другъ на друга, пока оба не прыснули со смѣха.—„Подумать только, что это были вы?"—сказалъ онъ.— „Подумать только, что это были вы!"—сказалъ я. И мы снова уставились другъ на друга и затѣмъ снова прыснули.

— Ну, что тамъ!—сказалъ блѣдный молодой джентльменъ, протягивая мнѣ руку съ самымъ добродушнымъ видомъ.—Надѣюсь, все теперь прошло и вы будете такъ великодушны, если простите меня за то, что я тогда поколотилъ васъ.

Изъ этихъ словъ мистера Герберта Покета (блѣднаго молодого джентльмена звали Гербертомъ) я заключилъ, что онъ смѣшивалъ свое намѣреніе съ его исполненіемъ. Я скромно отвѣтилъ ему на это и мы еще разъ горячо пожали другъ другу руку.

— Въ то время у васъ не было еще такого хорошаго состоянія?—спросилъ Гербертъ Покетъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я.

— Нѣтъ,—повторилъ онъ.—Я слышалъ, это случилось недавно. Я также питалъ тогда надежды на хорошее состояніе.

— Неужели?

— Да. Миссъ Хевишемъ прислала за мной, желая посмотрѣть, могу ли я понравиться ей. Но она не могла полюбить меня... не могла.

Считаю нужнымъ замѣтить, что я былъ страшно пораженъ, услыша объ этомъ.

— Худой вкусъ,—сказалъ Гербертъ, смѣясь,—но дѣйствительный фактъ. Да, она послала за мной, желая устроить пробный опытъ и, выйди я съ успѣхомъ изъ этого испытанія, она, конечно, наградила бы меня состояніемъ, а быть можетъ я сталъ бы коечѣмъ и для Эстеллы.

— То есть какъ?—спросилъ я, становясь сразу серьезнымъ.

Онъ раскладывалъ фрукты по тарелкамъ, пока мы разговаривали, что отвлекало до нѣкоторой степени его вниманіе, такъ что онъ говорилъ съ остановками.

— Ну, соединила бы насъ... обручила, сговорила... какъ это тамъ называется. Подыщите сами слово.

— И вы легко перенесли вашу неудачу?—спросилъ я.

— Ну-у!..—сказалъ онъ.—Я совсѣмъ не гнался за этимъ. Она настоящая татарка.

— Миссъ Хевишемъ?

— Я говорю не о ней, а объ Эстеллѣ. Дѣвочка эта была жестокая, своенравная, капризная до послѣдней степени. Миссъ Хевишемъ воспитала ее съ тою цѣлью, чтобы она мстила всему мужскому полу.

— Она родственница миссъ Хевишемъ?

— Нѣтъ,—сказалъ онъ.—Она удочерила ее.

— Какимъ образомъ можетъ она мстить всему мужскому полу? Почему мстить?

— Боже мой, мистеръ Пипъ!—сказалъ онъ.—Неужели вы не знаете?

— Нѣтъ.

— Боже мой! Это цѣлая исторія, и ее надо оставить на время обѣда. А теперь позвольте мнѣ предложить вамъ одинъ вопросъ. Какъ вы туда попали въ тотъ день?

Я разсказалъ ему; онъ внимательно слушалъ, пока я не кончилъ, затѣмъ, снова засмѣялся и спросилъ меня, очень ли я сердился потомъ? Я не спросилъ его, сердился ли онъ, такъ какъ на этотъ счетъ я давно уже составилъ свое мнѣніе.

— Вѣрно ли я понялъ, что мистеръ Джаггерсъ вашъ опекунъ?—спросилъ онъ.

— Да.

— Вы знаете, онъ повѣренный по дѣламъ миссъ Хевишемъ и она никому, кромѣ него, не довѣряетъ.

Эти слова могли вывести меня на очень опасную дорогу, а потому я отвѣчалъ съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ, котораго не пытался даже скрыть, что я видѣлъ мистера Джаггерса у миссъ Хевишемъ въ день нашей драки, больше никогда, и думаю, что онъ не помнитъ, видѣлъ меня или нѣтъ.

— Онъ былъ такъ обязателенъ, что предложилъ моему отцу быть вашимъ наставникомъ и даже самъ заѣзжалъ просить его объ этомъ. О моемъ отцѣ онъ узналъ, вѣроятно, отъ самой миссъ Хевишемъ. Мой отецъ двоюродный братъ миссъ Хевишемъ; не смотря на это между ними не существуетъ родственныхъ отношеній. Мой отецъ плохой ухаживатель и не хочетъ заискивать въ ней.

Гербертъ Покетъ былъ такъ простъ и откровененъ со мною, что положительно очаровалъ меня. Никогда ни до того, ни послѣ того не видѣлъ я ни одного человѣка, у котораго такъ ясно видно было бы въ каждомъ взглядѣ, въ каждомъ словѣ, что онъ абсолютно неспособенъ сказать или даже подумать что-либо худое или безчестное. Вся фигура его дышала довѣріемъ и надеждою и въ то же время, глядя на него, я чувствовалъ, что онъ никогда не бу-

детъ пользоваться ни успѣхомъ, ни богатствомъ. Я не могъ дать себѣ отчета, почему я такъ думалъ. Я пришелъ къ такому заключенію въ первый же разъ, когда мы сидѣли за обѣдомъ, но на какомъ основаніи — сказать не могу.

Онъ былъ по прежнему блѣднымъ молодымъ джентльменомъ и во всѣхъ рѣчахъ его и движеніяхъ проглядывала нѣкоторая томность, явно указывавшая на отсутствіе физической силы и крѣпости здоровья. Лицо его нельзя было назвать красивымъ, оно было лучше этого: оно было привѣтливо и весело. Фигура у него была не особенно складная, какъ и въ то время, когда я такъ щедро угостилъ его своими кулаками, но при взглядѣ на него невольно думалось, что фигура его всегда останется легкой и гибкой. Такъ ли граціозно сидѣло бы на немъ мѣстное произведеніе мистера Требба, какъ и на мнѣ, это еще вопросъ, но я не могу отрицать того, что онъ несравненно лучше выглядѣлъ въ своемъ старомъ платьѣ, чѣмъ я въ своемъ новомъ костюмѣ.

Видя его такимъ сообщительнымъ, я почувствовалъ, что въ свою очередь и я не долженъ быть скрытнымъ, ибо скрытность не подходила къ нашему возрасту. Я разсказалъ ему свою недлинную исторію, а также о томъ, что мнѣ запрещено разузнавать, кто былъ моимъ благодѣтелемъ. Я разсказалъ ему, кромѣ того, что на родинѣ меня учили кузнечному ремеслу, что я мало знаю что такое приличія, а потому прошу его, чтобы онъ былъ такъ добръ и останавливалъ меня, когда увидитъ, что я дѣлаю что-нибудь не такъ, какъ принято.

— Съ удовольствіемъ,—отвѣчалъ онъ,—хотя я заранѣе предсказываю, что мнѣ очень мало придется останавливать васъ. Я полагаю, что мы очень часто будемъ видѣться съ вами и мнѣ очень хотѣлось бы, чтобы между нами не было никакой натянутости. Не будете ли такъ любезны съ самаго же начала называть меня моимъ христіанскимъ именемъ Герберта?

Я поблагодарилъ его и сказалъ, что охотно согласенъ на это. Въ свою очередь я сказалъ ему, что меня зовутъ христіанскимъ именемъ Филиппа.

— Ну, къ Филиппу я не питаю пристрастія,—сказалъ онъ, улыбаясь;—это напоминаетъ мнѣ мальчика изъ хрестоматіи, который былъ такъ неловокъ, что упалъ въ прудъ, такъ жиренъ, что почти не могъ открыть глазъ, такъ жаденъ, что пряталъ свой кэксъ до тѣхъ поръ, пока мыши не съѣли его, такъ безуменъ, что ходилъ въ лѣсъ за гнѣздами до тѣхъ поръ, пока его не съѣли медвѣди, которые жили по близости оттуда. Я скажу вамъ чего я хотѣлъ бы. Между нами такая гармонія и вы были кузнецомъ... Вы хотѣли сказать что-то?..

— Я готовъ на все. что вы предложите,—отвѣчалъ я,—но я не понимаю васъ.

— Не хотите ли, чтобы я называлъ васъ Генделемъ? Есть прелестная музыкальная пьеса Генделя, которую онъ назвалъ „Гармоничный кузнецъ“.

— Мнѣ это имя очень нравится.

— А вотъ, мой милый Гендель, и обѣдъ,—сказалъ онъ, видя, что открывается дверь.—Прошу занять почетное мѣсто у стола, потому что обѣдъ этотъ на вашъ счетъ.

Но я не согласился на это и просилъ его занять почетное мѣсто, а самъ сѣлъ противъ него. Обѣдъ былъ очень вкусный и показался мнѣ настоящимъ банкетомъ лорда-мэра; онъ показался мнѣ тѣмъ болѣе обаятельнымъ, что мы ѣли его при особенныхъ обстоятельствахъ,—съ нами не было взрослыхъ, степенныхъ людей и, кромѣ того, мы были среди Лондона. Прелесть нашего пиршества увеличивалась еще до нѣкоторой степени его цыганскимъ характеромъ; хотя обѣдъ, какъ выразился бы мистеръ Пембельчукъ, представлялъ собою настоящій образецъ роскоши, такъ какъ цѣликомъ былъ доставленъ изъ ресторана, но комната, въ которой мы сидѣли, была очень невелика и очень скромно обставлена, вслѣдствіе чего лакей вынужденъ былъ поставить приборы на полъ (спотыкаясь на нихъ), растопленное масло на кресло, хлѣбъ на полочку съ книгами, сыръ на совокъ для угля, а вареную курицу на мою кровать въ слѣдующей комнатѣ,—гдѣ я и нашелъ застывшій соусъ и масло, когда пришелъ ложиться спать. Все это дѣлало обѣдъ нашъ еще болѣе восхитительнымъ и когда лакеи ушли и некому было больше подсматривать за нами, моему удовольствію не было границъ.

За обѣдомъ, когда мы съѣли уже нѣсколько кушаній, я напомнилъ Герберту его обѣщаніе разсказать мнѣ о миссъ Хевишемъ.

— Вѣрно, — отвѣчалъ онъ,—за мной недоимка. Но прежде всего, Гендель, позвольте мнѣ замѣтить вамъ, что въ Лондонѣ никогда не ѣдятъ ножемъ во избѣжаніе несчастнаго случая; для ѣды употребляется обыкновенно вилка, но ее также не принято далеко засовывать въ ротъ. Врядъ ли стоитъ напоминать вамъ, что слѣдуетъ всегда дѣлать то, что дѣлаютъ другіе. Ложку берутъ обыкновенно не сверху рукой, а снизу. Это имѣетъ за собой два преимущества. Вамъ легче поднести ее ко рту (въ чемъ и заключается главное ея назначеніе) и вы не принимаете такого положенія, какое принимаютъ при вскрытіи устрицъ, оттопыривъ въ сторону правый локоть.

Онъ такъ весело давалъ мнѣ эти дружескія указанія, что мы оба хохотали отъ души и я даже ничуть не сконфузился.

— Теперь о миссъ Хевишемъ, — продолжалъ онъ. — Миссъ Хевишемъ, надо вамъ сказать, росла балованнымъ ребенкомъ. Мать ея умерла, когда она была еще въ младенческомъ возрастѣ, и отецъ

ни въ чемъ не отказывалъ ей. Отецъ ея, деревенскій джентльменъ изъ вашей мѣстности, былъ пивоваромъ. Я, собственно, не знаю, что именно представляетъ изъ себя пивоваръ; неоспоримо только то, что нельзя быть джентльменомъ и въ то же время заниматься печеньемъ хлѣба, но варить пиво и быть совершеннѣйшимъ джентльменомъ это, говорятъ, вещь вполнѣ допустимая. Такія вещи видишь ежедневно.

— Но джентльменъ не можетъ содержать таверны, не правда-ли? — спросилъ я.

— Ни подъ какимъ видомъ,—отвѣчалъ Гербертъ,—но таверна можетъ содержать въ себѣ джентльмена. Ну-съ! мистеръ Хевишемъ былъ очень богатъ и очень гордъ. Такова же была и его дочь.

— Миссъ Хевишемъ была единственная дочь? — спросилъ я.

— Погодите минутку, я постепенно приду къ этому. Нѣтъ, она не была единственнымъ ребенкомъ; у нея былъ сводный братъ. Отецъ ея женился тайно на кухаркѣ... если не ошибаюсь.

— Я думалъ, онъ былъ гордъ, — сказалъ я.

— Ну, да, мой милѣйшій Гендель, онъ былъ гордъ. Онъ женился на своей второй женѣ тайно, потому что былъ гордъ; эта жена также скоро умерла. Сколько мнѣ помнится, онъ сказалъ объ этомъ своей дочери только послѣ того, какъ жена его умерла; ея сынъ сдѣлался послѣ ея смерти членомъ семьи и жилъ въ извѣстномъ вамъ уже домѣ. Сынъ этотъ выросъ и сдѣлался буйнымъ молодымъ человѣкомъ, расточительнымъ, дерзкимъ, однимъ словомъ, нехорошимъ. Отецъ лишилъ его наслѣдства, но передъ смертью сжалился надъ нимъ и оставилъ ему столько же или почти столько же, какъ и миссъ Хевишемъ. Выпейте еще стаканъ вина и извините меня, если я замѣчу вамъ, что въ обществѣ никто рѣшительно не заподозритъ васъ въ томъ, что вы не опустошили своего стакана, а потому вамъ не для чего опрокидывать его вверхъ дномъ надъ самымъ своимъ носомъ.

Я такъ былъ поглощенъ его разсказомъ, что самъ не замѣтилъ, какъ я это сдѣлалъ. Я поблагодарилъ его и извинился. Онъ сказалъ „не стоитъ“ и затѣмъ продолжалъ:

— Миссъ Хевишемъ сдѣлалась, такимъ образомъ, богатой наслѣдницей и, какъ вы сами понимаете, всѣ стали поглядывать на нее, какъ на интересную невѣсту. Ея сводный братъ имѣлъ теперь также хорошія средства, но благодаря своей безумной расточительности надѣлалъ множество долговъ и разорился. Между нимъ и ею существовала еще большая рознь, чѣмъ между нимъ и отцомъ, и даже подозрѣваютъ, что онъ втайнѣ питалъ глубокую и смертельную къ ней ненависть за то, что она будто вооружала отца противъ него. Я приближаюсь къ самой трагической части своего разсказа... но, долженъ прервать его, милый Гендель, чтобы замѣтить вамъ, что салфетка ни за что не влѣзетъ въ стаканъ.

Почему вздумалось мнѣ запихивать салфетку въ стаканъ, я положительно сказать не могу. Знаю только, что я былъ удивленъ, замѣтивъ, что я занимаюсь этимъ упражненіемъ съ настойчивостью, достойною лучшей участи, и всѣми силами стараюсь забить салфетку въ это тѣсное для нея помѣщеніе. Я снова поблагодарилъ его и извинился, а онъ самымъ веселымъ образомъ снова отвѣтилъ мнѣ: — „не стоитъ“ и продолжалъ:

— Здѣсь на сцену началъ часто появляться... на скачкахъ, или на балахъ, или гдѣ въ другомъ мѣстѣ... нѣкій человѣкъ, который сталъ ухаживать за миссъ Хевишемъ. Я никогда не видѣлъ его (это случилось двадцать пять лѣтъ тому назадъ, когда мы съ вами не существовали еще, Гендель), но я слышалъ отъ своего отца, что это былъ человѣкъ видный и вполнѣ подходящій для такихъ приключеній. Но отецъ мой въ то же время серьезно увѣрялъ, что даже человѣкъ совсѣмъ несвѣдущій и тотъ не призналъ бы въ немъ настоящаго джентльмена; мой отецъ утверждаетъ принципіально, что человѣкъ никогда не можетъ быть джентльменомъ по наружности, если онъ не истинный джентльменъ по своимъ душевнымъ качествамъ. Онъ говоритъ, что никакой лакъ не можетъ скрыть строенія дерева; чѣмъ больше класть на него лаку, тѣмъ яснѣе выступятъ наружу его жилки и волокна. Такъ вотъ-съ! Человѣкъ этотъ сталъ ухаживать за миссъ Хевишемъ и, наконецъ, признался ей, что любитъ ее. Я думаю, что она въ то время не отличалась особенною чувствительностью, но тутъ, повидимому, чувство заговорило въ ней и она страстно полюбила его. Сомнѣнія во всякомъ случаѣ не можетъ быть, что она его положительно боготворила. Онъ самымъ систематическимъ образомъ пользовался ея любовью, вытягивая отъ нея громадныя суммы денегъ, и въ концѣ концовъ уговорилъ ее купить у брата отказанную ему покойнымъ отцомъ долю въ пивоварнѣ, за громадную сумму съ тѣмъ, что онъ самъ будетъ вести все это дѣло, когда сдѣлается ея мужемъ. Вашъ опекунъ не былъ тогда еще повѣреннымъ миссъ Хевишемъ, а она была слишкомъ горда и слишкомъ влюблена, чтобы совѣтоваться съ кѣмъ-нибудь. Всѣ ея родныя были люди бѣдные и низкопоклонные, за исключеніемъ моего отца; онъ былъ также бѣденъ, но въ немъ не было ни зависти, ни заискиванія. Среди нихъ онъ одинъ держалъ себя независимо и предупреждалъ ее, чтобы она не дѣлала такъ много для этого человѣка и не ставила бы себя въ зависимость отъ него. Она воспользовалась первымъ удобнымъ случаемъ и приказала моему отцу навсегда оставить ея домъ. Съ тѣхъ поръ отецъ мой никогда больше не видѣлъ миссъ Хевишемъ.

Я вспомнилъ, какъ она сказала: — „Матью придетъ и увидитъ меня только мертвой, когда я буду лежать на этомъ столѣ“. — Я спросилъ Герберта почему отецъ его такъ вооруженъ противъ нея?

— Дѣло въ томъ, — отвѣчалъ Гербертъ, — что она въ присутствіи своего будущаго мужа обвинила моего отца, будто онъ поступаетъ такъ потому, что самъ питаетъ надежды на нее. Поди онъ послѣ этого къ ней и тогда могли бы сказать, что она права. Вернемся, однако, къ этому человѣку и покончимъ съ нимъ. День свадьбы былъ назначенъ, вѣнчальный туалетъ купленъ, планъ вѣнчальной церемоніи составленъ, гости приглашены. День свадьбы наступилъ, но женихъ не явился. Онъ прислалъ письмо...

— Которое она получила, — перебилъ я его, — когда одѣвалась къ вѣнцу? Безъ двадцати минутъ девять?

— Ровно въ этотъ часъ, — сказалъ Гербертъ, — и ровно въ это время она остановила всѣ свои часы. Что онъ писалъ ей, кромѣ безсердечнаго отказа отъ женитьбы на ней, я не могу сказать вамъ, потому что не знаю. Когда она оправилась послѣ тяжелой болѣзни, она предала все полному запустѣнію, какъ вы это видѣли и съ тѣхъ поръ она никогда больше не видѣла дневного свѣта.

— И это все? — спросилъ я.

— Все, что мнѣ извѣстно, или вѣрнѣе все, что мнѣ нужно было знать, ибо отецъ никогда не говорилъ объ этомъ и когда миссъ Хевишемъ пригласила меня къ себѣ, онъ разсказалъ мнѣ не болѣе того, сколько необходимо было мнѣ знать. Но я забылъ еще одну вещь. Предполагаютъ, что человѣкъ, который былъ недостоинъ такого довѣрія съ ея стороны, дѣйствовалъ за одно съ ея сводным братомъ, что они заранѣе сговорились обо всемъ и затѣмъ подѣлили барыши.

— Удивляюсь, право, почему онъ не женился на ней и не забралъ все ея состояніе? — сказалъ я.

— Онъ, во-первыхъ, могъ быть уже женатъ, во-вторыхъ, это смертельное оскорбленіе входило, вѣроятно, въ планъ своднаго брата, задумавшаго отомстить ей, — сказалъ Гербертъ. — Не знаю.

— А что сталось съ обоими? — спросилъ я.

— Они спустились до самой послѣдней ступени порока и разврата... пали такъ низко, какъ только можно пасть и разорились.

— Живы они еще?

— Не знаю.

— Вы говорили, что Эстелла не родственница миссъ Хевишемъ, что она удочерена ею. Когда она удочерила ее?

Гербертъ пожалъ плечами.

— Эстелла всегда была у миссъ Хевишемъ съ тѣхъ поръ, какъ я узналъ о ея существованіи. Больше я ничего не знаю. А теперь, Гендель, — продолжалъ онъ, имѣя очевидное намѣреніе прекратить разсказъ объ этой исторіи, — между нами должно существовать полное соглашеніе. Все, что я знаю о миссъ Хевишемъ знаете вы.

— А все, что я знаю, — отвѣчалъ я, — знаете вы.

— Охотно вѣрю вамъ. Итакъ между мною и вами не должно быть никакого соперничества и никакихъ недоразумѣній. Что касается условія, отъ котораго находится въ зависимости ваше благоденствіе... условіе, на основаніи котораго вы не имѣете права разузнавать о вашемъ благодѣтелѣ... можете быть увѣрены, что ни я и никто изъ родныхъ моихъ и знакомыхъ не коснется ни единымъ намекомъ этого дѣла.

И, дѣйствительно, онъ такъ деликатно говорилъ объ этомъ, что я сразу почувствовалъ себя совершенно спокойнымъ, какъ будто бы я давно уже зналъ его отца и жилъ уже нѣсколько лѣтъ подъ его кровлей. Въ то же время онъ говорилъ все это съ такимъ видомъ, который заставилъ меня подумать о томъ, что онъ считаетъ миссъ Хевишемъ моей благодѣтельницей; а я къ такому заключенію пришелъ еще раньше.

Сначала мнѣ не пришло въ голову, что онъ преднамѣренно завелъ разговоръ объ этомъ предметѣ съ цѣлью разъ навсегда удалить его съ нашей дороги; я догадался объ этомъ, когда увидѣлъ, какъ намъ стало легче и веселѣе послѣ того, какъ мы поговорили обо всемъ. Мы были такъ рады и сдѣлались такъ откровенны между собой, что я спросилъ его, чѣмъ онъ занимается и что онъ такое?

— Капиталистъ, агентъ общества страхованія кораблей.

Увидя, что я осматриваю комнату въ надеждѣ найти какіе нибудь признаки страхованія кораблей или капитала, онъ сказалъ:

— Въ Сити.

Я составилъ себѣ особенное понятіе о богатствѣ и значеніи агента общества страхованія кораблей въ Сити, а потому съ ужасомъ подумалъ о томъ, что я когда то уложилъ на спину молодого агента, подбилъ ему глазъ и раскроилъ голову. Но тутъ, къ великому успокоенію моему, я почувствовалъ то же странное ощущеніе, подсказавшее мнѣ снова, что Гербертъ Покетъ никогда не будетъ имѣть ни успѣха, ни богатства.

— Я не удовольствуюсь только тѣмъ, что вложу свой капиталъ въ общество страхованія кораблей. Я пріобрѣту еще нѣсколько акцій общества страхованія жизни и сдѣлаюсь членомъ правленія. Я предполагаю также познакомиться и съ горнымъ производствомъ. Но всѣ эти вещи не помѣшаютъ мнѣ зафрахтовать на свой собственный счетъ судно въ пять тысячъ тоннъ. Да, я думаю, что займусь торговлей, — продолжалъ онъ, откидываясь на спинку стула, — съ Остъ-Индіей... Буду торговать шелкомъ, шалями, пряностями, красками, москательными и аптекарскими товарами, драгоцѣннымъ деревомъ... Преинтересная торговля!

— А барыши большіе? — спросилъ я.

— Громадные! — отвѣчалъ онъ.

Это заставило меня поколебаться въ своемъ мнѣніи и я началъ думать, что надежды его будутъ, пожалуй, еще больше моихъ.

— Да, я думаю, что буду торговать, — сказалъ онъ, закладывая большіе пальцы въ карманы жилета, — съ Вестъ-Индіей сахаромъ, табакомъ и ромомъ, съ Цейлономъ исключительно слоновыми клыками.

— Вамъ для этого понадобится много кораблей? — спросилъ я.

— Цѣлый флотъ, — отвѣчалъ онъ.

Удрученный великолѣпіемъ такой перспективы, я спросилъ его, гдѣ торгуютъ въ настоящее время корабли, которые онъ страхуетъ?

— Я еще не начиналъ страховать, — отвѣчалъ онъ, — я только присматриваюсь къ дѣлу.

Послѣднія слова были больше у мѣста въ гостинницѣ Бернарда, гдѣ мы находились, и я протянулъ многозначительно:—„а-а!"

— Да... я служу въ конторѣ и присматриваюсь.

— Выгодно служить въ конторѣ? — спросилъ я.

— То есть... кому выгодно? Тому юношѣ, который служитъ въ ней?

— Да... вамъ

— Почему нѣтъ? Только не мнѣ. — Онъ сказалъ это съ видомъ человѣка, который подводитъ итогъ прихода и расхода. — Не вполнѣ выгодно. Дѣло въ томъ, что мнѣ ничего не платятъ, а мнѣ нужно содержать себя.

Это было, само собой разумѣется, невыгодно и я сомнительно покачалъ головой, думая о томъ, какъ трудно собрать большой капиталъ при такомъ источникѣ дохода.

— Все дѣло, видите ли, въ томъ, — продолжалъ Гербертъ Покетъ, — что вы присматриваетесь. А это великая штука! Вы сидите въ конторѣ, и присматриваетесь.

Меня поразило то странное обстоятельство, что разъ вы желаете присмотрѣться къ дѣлу, то должны сидѣть въ конторѣ, но я промолчалъ, полагаясь на его опытность.

— Затѣмъ наступитъ время, — продолжалъ онъ, — когда вы приступите къ дѣлу. Вы беретесь за него, увлекаетесь имъ, составляете себѣ капиталъ и дѣло въ шляпѣ. Разъ у васъ есть капиталъ, вамъ ничего не остается, какъ пользоваться имъ.

Все это такъ напомнило мнѣ его поведеніе при встрѣчѣ нашей въ саду. Онъ переносилъ свою бѣдность такъ же точно, какъ перенесъ тогда свое пораженіе. Ко всемъ своимъ лишеніямъ и неудачамъ онъ относился съ тѣмъ же спокойствіемъ, съ какимъ отнесся къ моимъ ударамъ. Я видѣлъ ясно, что онъ ничего не имѣетъ кромѣ самаго необходимаго, ибо все почти, что я видѣлъ кругомъ себя, было прислано за мой счетъ или изъ ресторана или изъ магазина.

И не смотря, однако, на воображаемое имъ въ будущемъ богатство, онъ нисколько не гордился этимъ и я былъ очень доволенъ отсутствіемъ въ немъ какого бы то ни было чванства. Это было въ высшей степени пріятное прибавленіе къ его пріятному нраву

и мы чувствовали себя превосходно. Вечеромъ мы вышли погулять по улицамъ и за полцѣны попали въ театръ; на слѣдующій день мы посѣтили церковь въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ, а послѣ полудня гуляли по паркамъ. Я все время думалъ о томъ, кто подковывалъ всѣхъ этихъ лошадей и очень желалъ, чтобы это былъ Джо.

Несмотря на такой короткій промежутокъ времени, мнѣ казалось, что прошло уже нѣсколько мѣсяцевъ съ того воскресенья, когда я разстался съ Джо и Бидди. Пространство, раздѣлявшее меня съ ними, увеличивало еще больше это впечатлѣніе, и болота наши казались мнѣ теперь недосягаемыми. Тотъ фактъ, что всего какую нибудь недѣлю тому назадъ я стоялъ въ нашей старой церкви, въ своемъ воскресномъ платьѣ, казался мнѣ полной невозможностью, какъ въ географическомъ и соціальномъ отношеніи, такъ и въ солнечномъ и лунномъ. Здѣсь, въ этотъ вечеръ, гуляя по улицамъ Лондона, которыя были полны народомъ и были такъ блистательно освѣщены, я испытывалъ угрызенія совѣсти въ томъ, что покинулъ нашу бѣдную старую кухню, а среди ночной тиши сердце мое такъ тяжело сжималось, когда я прислушивался къ шагамъ привратника, который бродилъ кругомъ гостиницы Бернарда подъ предлогомъ, что онъ сторожитъ ее.

Въ понедѣльникъ утромъ въ три четверти девятаго Гербертъ отправился въ контору присматриваться и я проводилъ его туда. Мы условились, что я буду ждать его, и онъ черезъ часъ или два зайдетъ за мною и мы отправимся въ Гаммерсмитъ. Надо полагать, что яйца, изъ которыхъ выходили молодые страхователи, развивались въ пыли и духотѣ, подобно яйцамъ страусовъ, судя по тѣмъ учрежденіямъ, куда собирались по понедѣльникамъ эти будущіе гиганты торговли. Контора, гдѣ занимался Гербертъ, не показалась мнѣ особенно удобной, какъ наблюдательный постъ; она помѣщалась во второмъ дворѣ и была во всѣхъ своихъ частностяхъ чрезвычайно мрачной, выходя окнами на слѣдующій дворъ.

Я ждалъ Герберта часовъ до двѣнадцати, а затѣмъ отправился на Биржу и увидѣлъ тамъ множество людей, которые сидѣли подъ объявленіями о приходѣ и отходѣ судовъ и имѣли видъ богатыхъ купцовъ, хотя я никакъ не могъ понять, почему всѣ они казались не въ духѣ. Когда Гербертъ пришелъ, мы отправились съ нимъ позавтракать въ трактиръ, который показался мнѣ тогда замѣчательнымъ, хотя теперь я принялъ бы его за самое мерзкое учрежденіе во всей Европѣ, ибо даже и тогда, не смотря на свой восторгъ я все же не могъ не замѣтить, что на скатертяхъ, ножахъ платьяхъ лакеевъ было несравненно больше жиру, чѣмъ на бифштексѣ. Заплативъ довольно умѣренную цѣну за это угощеніе, мы вернулись въ гостинницу Бернарда, гдѣ я захватилъ свой небольшой портъ-манто, а затѣмъ взяли билеты въ дилижансѣ, шед-

лемъ въ Гаммерсмитъ. Мы прибыли туда въ три часа по полудни и, пройдя небольшое пространство, подошли къ дому мистера Покета. Мы открыли калитку и вошли въ небольшой садъ на берегу рѣки, гдѣ играли дѣти мистера Покета. Быть можетъ я ошибаюсь относительно того пункта, который не касался ни моихъ интересовъ, ни моихъ привязанностей, но только мнѣ показалось, что дѣти мистера и мистриссъ Покетъ очень быстро тянулись въ ростъ.

Мистриссъ Покетъ сидѣла въ креслѣ подъ деревомъ, а ноги ея лежали на другомъ стулѣ; за дѣтьми присматривали двѣ няньки.

— Мама, — сказалъ Гербертъ, — вотъ молодой мистеръ Пипъ.

Мистриссъ Покетъ привѣтствовала меня съ видомъ любезнаго достоинства.

— Мистеръ Аликъ и миссъ Дженъ, — крикнула одна изъ нянекъ дѣтямъ, — вы опять играете около тѣхъ кустовъ... упадете въ рѣку и утонете. Что скажетъ тогда папа?

Въ то же время нянька эта подняла носовой платокъ мистриссъ Покетъ и сказала:

— Шестой разъ ужъ роняете, мемъ!

Мистриссъ Покетъ засмѣялась и сказала:

— Благодарю васъ, Флопсонъ! — и, поправившись въ креслѣ, снова принялась за книгу. Лицо ея выразило немедленно сосредоточенное и напряженное вниманіе, какъ будто она была намѣрена читать еще недѣлю, но не прочла она и полдюжины строкъ, какъ взглянула вдругъ пристально на меня и спросила:

— Надѣюсь, ваша мама совершенно здорова?

Этотъ неожиданный вопросъ причинилъ мнѣ большое затрудненіе и я принялся самымъ глупымъ образомъ объяснять ей, что будь эта особа жива, она, безъ сомнѣнія, была бы совершенно здорова, и была бы очень ей обязана за вниманіе, и прислала бы ей свою благодарность... Тутъ на мое счастье вмѣшалась нянька и выручила меня изъ этого положенія.

— Опять! — крикнула она, подымая платокъ. — Это уже въ седьмой разъ. Что съ вами такое сегодня, мемъ!

Мистриссъ Покетъ приняла свое имущество, выказавъ при этомъ такое удивленіе, какъ будто она никогда раньше не видѣла его, а затѣмъ признавъ его, расхохоталась и сказала:

— Благодарю, Флопсонъ! — и, забывъ о моемъ присутствіи, снова принялась за чтеніе.

Воспользовавшись этимъ перерывомъ, я занялся подсчетомъ маленькихъ Покетовъ и нашелъ, что ихъ было не менѣе шести и въ разныхъ стадіяхъ роста. Не успѣлъ я подвести окончательнаго итога, какъ гдѣ то въ воздухѣ пронесся жалобный плачъ седьмого.

— Никакъ это Бэби! — воскликнула Флопсонъ съ выраженіемъ необыкновеннаго удивленія. — Скорѣе, Миллерсъ!

Миллерсъ, вторая нянька, поспѣшила въ домъ; жалобный плачъ ребенка мало-по-малу стихалъ и затѣмъ вдругъ прекратился. Можно было подумать, что это былъ молодой чревовѣщатель, которому неожиданно забили чѣмъ то ротъ. Мистриссъ Покетъ продолжала читать и мнѣ было очень любопытно узнать, какую это книгу она читаетъ.

Мы, по всей вѣроятности, ждали прихода м-ра Покета; ждали во всякомъ случаѣ чего-то, и это дало мнѣ возможность замѣтить удивительный семейный феноменъ, состоявшій въ томъ, что каждый ребенокъ, пробѣгалъ во время игры мимо мистриссъ Покетъ, неожиданно спотыкался и летѣлъ кувыркомъ на нее къ минутному удивленію ея самой и къ собственному болѣе продолжительному огорченію упавшаго. Я весь былъ поглощенъ этимъ удивительнымъ обстоятельствомъ, но никакъ не могъ отдать себѣ отчета, отчего это происходитъ. Въ эту минуту появилась Миллерсъ съ Бэби на рукахъ; она передала его Флопсонъ, а Флопсонъ собиралась передать его мистриссъ Покетъ, когда вдругъ въ свою очередь споткнулась и вмѣстѣ съ Бэби полетѣла на мистриссъ Покетъ; мы съ Гербертомъ еле-еле успѣли поддержать ее.

— Боже мой, Флопсонъ! — сказала мистриссъ Покетъ, подымая глаза отъ книги. — Что это всѣ падаютъ?

— Боже мой, мемъ! — отвѣчала Флопсонъ, вся красная отъ неожиданности. — Что тутъ у васъ такое?

— У меня, Флопсонъ? — спросила мистриссъ Покетъ.

— Да вѣдь это скамеечка! — воскликнула Флопсонъ. — Не мудрено, что всѣ падаютъ, когда она закрыта подоломъ вашего платья. Возьмите Бэби, мемъ, и дайте мнѣ сюда вашу книгу.

Мистриссъ Покетъ послушалась этого совѣта и принялась самымъ неискуснымъ образомъ подкидывать на рукахъ Бэби, тогда какъ всѣ остальныя дѣти забавляли его. Это продолжалось всего нѣсколько минутъ, послѣ чего мистриссъ Покетъ отдала приказаніе, чтобы дѣтей увели въ домъ и уложили спать. Изъ этого я вывелъ заключеніе, что все воспитаніе маленькихъ Покетовъ состояло въ томъ что они падали, вставали и ложились спать.

Вскорѣ послѣ того, какъ Флопсонъ и Миллерсъ погнали дѣтей въ домъ, точно стадо овецъ, въ садъ явился мистеръ Покетъ, чтобы познакомиться со мной. Я нисколько не удивился, послѣ всего замѣченнаго мною, когда увидѣлъ, что мистеръ Покетъ имѣетъ видъ джентльмена съ растеряннымъ выраженіемъ лица и растрепанными сѣдыми волосами на головѣ, который, повидимому, никакъ не могъ найти способа для приведенія всего окружающаго въ порядокъ.

Глава двадцать третья.

Мистеръ Покетъ сказалъ, что очень радъ видѣть меня и надѣется, что и я также не огорченъ, что увидѣлъ его. –– „Я право не страшный человѣкъ“, — прибавилъ онъ, что вызвало улыбку на лицо его сына. Онъ былъ очень моложавъ на видъ, не смотря на растерянное выраженіе лица и сѣдые волоса, и держался очень просто. Слово „просто“ я употребляю въ смыслѣ „безыскусственно“; потому что въ общемъ онъ держалъ себя необыкновенно странно, что, повидимому, было вполнѣ ясно и ему самому. Поговоривъ немного со мною, онъ вдругъ повернулся къ мистриссъ Покетъ, причемъ красивыя, черныя брови его тревожно сдвинулись, и спросилъ: — „Белинда, ты, надѣюсь, любезно приняла мистера Пипа?.. — Она подняла глаза отъ книги и отвѣчала: — „да!“— Затѣмъ она улыбнулась мнѣ и съ какимъ то страннымъ, черезъ чуръ ужъ разсѣяннымъ видомъ спросила меня, нравится ли мнѣ вода флеръ д'оранжъ? Такъ какъ вопросъ этотъ не имѣлъ для меня ни какого отношенія ни къ ближайшимъ, ни къ отдаленнымъ событіямъ, то я взглянулъ на него, какъ на вопросъ, предложенный такъ себѣ, ради желанія поддержать разговоръ.

Не прошло и нѣсколькихъ часовъ, какъ я уже зналъ, что мистриссъ Покетъ была единственной дочерью какого то умершаго отъ несчастнаго случая дворянина, который былъ убѣжденъ въ томъ, что покойный отецъ его былъ бы сдѣланъ баронетомъ, не воспротивься этому изъ за собственныхъ исключительно личныхъ мотивовъ — я забылъ изъ-за какихъ — не то самъ король, не то премьеръ-министръ, не то лордъ-канцлеръ, не то архіепископъ Кентерберійскій, не то еще кто-то, а потому и причислилъ самъ себя къ аристократіи на основаніи этого предполагаемаго факта. Самъ я лично припоминаю, что онъ былъ произведенъ въ дворянство за осаду англійской грамматики кончикомъ своего пера, которымъ онъ написалъ отчаянный адресъ на веленевой бумагѣ по случаю закладки перваго камня какого-то зданія, причемъ поднесъ лопатку или известку какому то представителю королевской семьи. Какъ бы тамъ ни было, но онъ воспитывалъ мистриссъ Покетъ, начиная съ самой колыбели ея, какъ дѣвушку, предназначенную выйти замужъ за титулованную особу, и потому охранялъ ее отъ знакомства съ плебейскимъ знаніемъ домашняго хозяйства.

Бдительность и вниманіе этого достойнаго родителя достигли полнаго успѣха и молодая дѣвушка, оказалась вполнѣ безпомощной и непригодной для жизни. Съ такимъ счастливымъ сочетаніемъ качествъ она въ самомъ расцвѣтѣ юности встрѣтилась съ мистеромъ Покетомъ, который также былъ въ расцвѣтѣ юности и не успѣлъ еще рѣшить, занять ли ему мѣсто предсѣдателя верхней

палаты или украсить себя архіепископской митрой. Такъ какъ то и другое было еще вопросомъ времени, то онъ и мистриссъ Покетъ воспользовались этимъ, чтобы влюбиться другъ въ друга и повѣнчаться безъ вѣдома достойнаго родителя. Но такъ какъ достойный родитель не могъ ничего дать своей дочери, кромѣ благословенія, то послѣ непродолжительнаго ломанья онъ кончилъ тѣмъ, что снисходительно простилъ ихъ, сказавъ при этомъ мистеру Покету, что жена его „сокровище, достойное принца“. Мистеръ Покетъ пустилъ въ жизненный оборотъ сокровище принца, которое, надо предполагать, не принесло ему хорошихъ процентовъ. Съ тѣхъ поръ мистриссъ Покетъ сдѣлалась предметомъ общаго почтительнаго сожалѣнія, потому что не вышла замужъ за титулованную особу; мистеръ же Покетъ сдѣлался предметомъ снисходительнаго укора за то, что не пріобрѣлъ себѣ титула.

Мистеръ Покетъ провелъ меня въ домъ и показалъ мнѣ мою комнату, которая произвела на меня пріятное впечатлѣніе, такъ какъ была обставлена всѣмъ необходимымъ для моего комфорта. Затѣмъ онъ постучалъ въ двери двухъ такихъ же комнатъ и познакомилъ меня съ ихъ жильцами—Друммелемъ и Стертопомъ. Друммель, старообразный молодой человѣкъ неуклюжаго сложенія, ходилъ и свистѣлъ. Стертопъ, болѣе молодой на видъ, сидѣлъ и читалъ, поддерживая голову обѣими руками, какъ бы опасаясь, что она иначе развалится отъ избытка пріобрѣтаемыхъ имъ знаній.

Мистеръ и мистриссъ Покетъ производили такое впечатлѣніе, какъ будто кто-то держалъ ихъ въ рукахъ, такъ что я нѣкоторое время не могъ понять, кто управляетъ домомъ и позволяетъ имъ жить въ немъ; но присмотрѣвшись внимательнѣе, я увидѣлъ, что они находятся въ полной власти слугъ. Это былъ, конечно, самый вѣрный путь, чтобы избавиться отъ лишнихъ безпокойствъ, но въ то же время это было крайне убыточно, ибо слуги считали себя вправѣ заботиться о томъ, чтобы ѣсть и пить получше и угощать цѣлое общество своихъ знакомыхъ. Они, правда, доставляли изобильный и сытный столъ мистеру и мистриссъ Покетъ, но мнѣ всегда почему то казалось, что нахлѣбникамъ несравненно лучше было бы столоваться на кухнѣ, и при томъ условіи, конечно, чтобы они были способны къ самозащитѣ. Я не пробылъ здѣсь и недѣли, какъ какая то леди, жившая по сосѣдству и бывшая личной знакомой этого семейства, написала письмо, въ которомъ сообщала, что она видѣла, какъ Миллерсъ била бэби. Письмо разстроило мистриссъ Покетъ, которая разразилась слезами и сказала, что находитъ необыкновенно страннымъ, почему сосѣди мѣшаются въ ея дѣла.

Мало-по-малу я узналъ, и главнымъ образомъ отъ Герберта, что мистеръ Покетъ учили въ Гарроу и Кембриджѣ, гдѣ пользовался большимъ отличіемъ передъ другими. Но въ виду того, что

онъ имѣлъ счастье жениться на мистриссъ Покетъ въ раннюю пору своей жизни, онъ не сдѣлалъ никакой карьеры, и превратился въ частнаго преподавателя *). Обработавъ на своемъ точилѣ значительное количество тупыхъ головъ, отцы которыхъ отличались тою особенностью, что на словахъ они всегда готовы были помочь ему, но какъ только тупыя головы оставляли своего начальника, такъ они забывали свои обѣщанія, онъ отказался отъ этого дѣла и переѣхалъ въ Лондонъ. Здѣсь, испытавъ полное разочарованіе во всѣхъ своихъ надеждахъ, онъ занялся обученіемъ тѣхъ, которые или утратили случай заниматься или пренебрегли имъ, и кромѣ того готовилъ къ экзаменамъ. Благодаря пріобрѣтеннымъ познаніямъ, онъ занимался кромѣ того компиляціями и корректурой что вмѣстѣ съ частнымъ заработкомъ его давало ему возможность содержать семью.

У мистера и мистриссъ Покетъ была знакомая старуха, жившая по сосѣдству; это была вдова, натура до того пріятная и симпатичная, что она сходилась со всѣми, благословляла всѣхъ, улыбалась и плакала со всѣми, сообразно обстоятельствамъ. Звали эту леди мистриссъ Койлеръ и я имѣлъ честь вести ее подъ руку къ обѣду въ первый же день моего пребыванія въ этомъ домѣ. Она дала мнѣ понять, когда мы шли по лѣстницѣ, какой ударъ для дорогой мистриссъ Покетъ, что дорогой мистеръ Покетъ вынужденъ держать у себя молодыхъ джентльменовъ и заниматься съ ними. Это не касалось меня, сказала она съ необыкновенной лаской и довѣріемъ, (хотя она видѣла меня не болѣе пяти минутъ); будь всѣ такіе, какъ я, тогда другое дѣло.

— Но дорогая мистриссъ Покетъ, — продолжала мистриссъ Койлеръ, — такъ рано разочаровалась въ своей жизни (дорогого мистера Покета, нельзя, конечно, порицать за это) и такъ нуждается въ роскоши и комфортѣ...

— Да, ма'амъ! — сказалъ я, чтобы успокоить ее. Мнѣ показалось, что она собирается плакать.

— И у нея такія аристократическія наклонности...

— Да, ма'амъ, — сказалъ я снова и съ тѣмъ же намѣреніемъ, какъ и раньше.

— И такъ тяжело видѣть, — продолжала мистриссъ Койлеръ, — что дорогой мистеръ Покетъ не можетъ посвятить всего своего времени и вниманія дорогой мистриссъ Покетъ!

Я невольно подумалъ при этомъ, что было бы гораздо хуже, думай онъ объ этомъ больше, чѣмъ о томъ, чтобы мясникъ снабжалъ мистриссъ Покетъ всѣмъ необходимымъ для нея. но я этого

*) На школьномъ жаргонѣ частный преподаватель называется grinder, т. е., буквально, точильщикъ, чѣмъ и объясняются каламбуры автора въ послѣдующихъ фразахъ. Прим. перев.

не сказалъ, да мнѣ и некогда было, потому что я усердно наблюдалъ за тѣмъ, какъ держало собя окружающее меня общество.

Стараясь внимательно слѣдить за ножемъ и вилкой, ложкой и стаканомъ, я въ то же время прислушивался къ разговору мистриссъ Покетъ съ Друммелемъ и узналъ, что Друммель, христіанское имя котораго было Бентлей, былъ ближайшимъ наслѣдникомъ баронетскаго титула. Далѣе выяснилось, что книга, которую мистриссъ Покетъ читала въ саду, представляла собой списокъ всѣхъ титуловъ и она даже знала число и день, когда дѣдушка ея долженъ былъ попасть въ этотъ списокъ, если бы онъ только попалъ въ него. Друммель не говорилъ много, а когда начиналъ говорить (онъ показался мнѣ крайне надутымъ) то дѣлалъ это съ полнымъ сознаніемъ своего избранннаго положенія, стараясь показать, что въ мистриссъ Покетъ онъ признаетъ настоящую женщину и сестру. Никто, кромѣ двухъ разговаривавшихъ лицъ, да мистриссъ Койлеръ, не выказывалъ ни малѣйшаго интереса къ этому разговору, который, какъ мнѣ показалось, мучительно дѣйствовалъ на Герберта; разговоръ грозилъ быть очень продолжительнымъ, не будь онъ прекращенъ мальчикомъ, который прислуживалъ за столомъ, и теперь, вбѣжавъ въ комнату, доложилъ, что случилось большое горе: кухарка не знала, куда пропалъ ростбифъ. Къ несказанному удивленію своему я въ первый разъ увидѣлъ тогда, какимъ образомъ мистеръ Покетъ облегчаетъ себя въ случаѣ такого происшествія, которое показалось мнѣ крайне необыкновеннымъ, хотя на другихъ не произвело ни малѣйшаго впечатлѣнія, и къ которому впослѣдствіи я привыкъ такъ же, какъ и ко всему остальному. Онъ отложилъ въ сторону ножъ для разрѣзыванія мяса и вилку, — онъ въ этотъ моментъ приготовился рѣзать что-то — и схватился обѣими руками за голову съ такимъ видомъ, какъ будто дѣлалъ неимовѣрное усиліе поднять себя вверхъ. Но поднять себя онъ, разумѣется, не поднялъ, а вслѣдъ за этимъ успокоился и занялся прежнимъ дѣломъ.

Мистриссъ Койлеръ перемѣнила предметъ разговора и принялась льстить мнѣ. Въ теченіи нѣсколькихъ минутъ я слушалъ ее съ удовольствіемъ, но затѣмъ лесть ея дошла до такихъ размѣровъ, что, наконецъ, надоѣла мнѣ. У нея была странная манера вилять изъ стороны въ сторону во время разговора и, дѣлая видъ, что интересуется мѣстностью, гдѣ я жилъ, и друзьями моими, она въ то же время касалась исключительно меня, причемъ ея тонъ и слова напоминали собой змѣиное шипѣнье. Когда она случайно затрогивала Стертопа (который мало говорилъ съ нею) или Друммеля, (который совсѣмъ не говорилъ), то я начиналъ завидовать тому, что они сидятъ на противоположной сторонѣ.

Послѣ обѣда привели дѣтей и мистриссъ Койлеръ тотчасъ же пришла въ восторгъ отъ ихъ глазъ, носовъ и ногъ, — мудрый спо-

собѣ умственнаго развитія. Здѣсь были четыре дѣвочки, два мальчика, кромѣ Бэби, который могъ быть и тѣмъ и другимъ, и послѣдующаго Бэби, который пока не былъ еще ни тѣмъ, ни другимъ. Дѣтей привели Флопсонъ и Миллерсъ съ такимъ видомъ, какъ будто обѣ онѣ были сверхъ-штатными чиновниками, вербующими дѣтей, имена которыхъ онѣ только что внесли въ списокъ. Мистриссъ Покетъ окинула взоромъ юныхъ потомковъ своихъ, долженствовавшихъ быть баронетами, думая, повидимому, о томъ, что она уже имѣла удовольствіе видѣть ихъ раньше, но тѣмъ не менѣе не знаетъ хорошо, что ей съ ними дѣлать.

— Дайте мнѣ вашу вилку, мемъ, и возьмите Бэби,—сказала Флопсонъ.—Не берите его такъ, не то онъ попадетъ головой подъ столъ.

Стараясь слѣдовать этому совѣту, мистриссъ Покетъ взяла ребенка инымъ образомъ и попала его головой по столу, что было возвѣщено всѣмъ присутствующимъ страннымъ сотрясеніемъ всего стоявшаго на столѣ.

— Боже мой! Дайте его назадъ, мемъ!—сказала Флопсонъ.— Сюда, миссъ Дженъ, потанцуйте для Бэбиньки... ну, скорѣй!

Одна изъ дѣвочекъ, совершенная еще крошка, которая не смотря на это, привыкла уже заботиться о другихъ, вышла впередъ съ того мѣста, гдѣ она стояла подлѣ меня и принялась танцовать передъ Бэби до тѣхъ поръ, пока тотъ не перестанъ плакать и не засмѣялся. Всѣ дѣти также засмѣялись и мистеръ Покетъ, (который тѣмъ временемъ раза два уже пробовалъ поднять себя вверхъ) засмѣялся, и всѣ мы засмѣялись, и всѣмъ намъ стало весело.

Тогда Флопсонъ, согнувъ Бэби вдвое, какъ куклу, благополучно водворила его на колѣняхъ мистриссъ Покетъ и вмѣсто игрушки дала ему щипцы, которыми раскалываютъ орѣхи; при этомъ она посовѣтовала мистриссъ Покетъ обращать вниманіе на то, чтобы половинки этого инструмента не попали въ глаза ребенку, поручивъ и маленькой Дженъ наблюдать за этимъ. Затѣмъ обѣ няньки вышли изъ комнаты и я слышалъ, какъ онѣ сцѣпились на лѣстницѣ съ мальчикомъ, который прислуживалъ за столомъ, въ курткѣ почти безъ половины пуговицъ, проигранныхъ, по всей вѣроятности въ карты.

Мнѣ было очень пріятно слушать разговоръ мистриссъ Покетъ съ Друммелемъ о какихъ то двухъ баронетствахъ, причемъ мистриссъ Покетъ ѣла кусочки апельсина, обмакивая ихъ въ сахаръ и вино и не обращая ни малѣйшаго вниманія на ребенка, который самымъ ужасающимъ образомъ размахивалъ щипцами. Крошка Дженъ, замѣтившая, наконецъ, какими послѣдствіями это угрожаетъ головному мозгу ребенка, тихонько оставила свое мѣсто и всѣми правдами и неправдами выманила у Бэби опасное оружіе.

Мистриссъ Покетъ доѣла въ эту минуту свой апельсинъ и, недовольная поступкомъ Дженъ, сказала ей:

— Какъ ты смѣла, гадкая дѣвочка? Поди и сядь сейчасъ же на мѣсто.

— Мамочка милая,—пролепетала дѣвочка,—Бэби себѣ глазки выколетъ!

— Какъ смѣешь ты говорить это!—отвѣчала мистриссъ Покетъ.—Поди и сію же минуту сядь на мѣсто!

Мистриссъ Покетъ говорила съ такимъ убійственнымъ достоинствомъ, что я положительно растерялся, и мнѣ казалось, что я самъ причиной всего случившагося.

— Белинда,—сказалъ мистеръ Покетъ, сидѣвшій на другомъ концѣ стола,—какъ можешь ты поступать такъ неблагоразумно? Дженъ вмѣшалась только, чтобы спасти ребенка отъ опасности.

— Я никому не позволю вмѣшиваться,—сказала мистриссъ Покетъ,—и меня крайне поражаетъ, Матью, какъ у тебя хватаетъ духу допускать, чтобы меня оскорбляли своимъ вмѣшательствомъ.

— Боже милосердый!—воскликнулъ мистеръ Покетъ въ порывѣ страшнаго отчаянія.—Неужели дѣтей можно щипцами доводить до могилы и никто не имѣетъ права спасти ихъ!

— Я не желаю, чтобы вмѣшивалась въ мои дѣла,—сказала мистриссъ Покетъ, бросивъ величественный взглядъ на невинную оскорбительницу.—Надѣюсь, что я прекрасно помню положеніе, которое занималъ мой бѣдный дѣдушка. Дженъ... вмѣшивается!

Мистеръ Покетъ снова схватился руками за голову и на этотъ разъ, дѣйствительно, приподнялся на нѣсколько дюймовъ отъ стула.

Слышали вы?—безпомощно воскликнулъ онъ, обращаясь къ стихіямъ.—Дѣтей можно убивать щипцами ради положенія, занимаемаго когда то бѣднымъ дѣдушкой!—И онъ опустился на стулъ и замолчалъ.

Мы молча сидѣли за столомъ, пока все это происходило, и не смѣли поднять глазъ отъ смущенія. Наступила пауза, во время которой честный и неукротимый Бэби продѣлалъ множество разнообразныхъ прыжковъ и взвизгиваній при видѣ маленькой Дженъ, которая, казалось мнѣ, была единственнымъ членомъ семьи (за исключеніемъ слугъ), наиболѣе знакомымъ ему.

— Мистеръ Друммель, позвоните, пожалуйста, Флопсонъ. Дженъ, негодная маленькая дѣвчонка, иди сейчасъ и ложись спать. А милочка Бэбинька пойдетъ съ мамой.

Но Бэби былъ благороденъ и всѣми силами протестовалъ противъ этого. Онъ такъ изгибался на рукахъ мистриссъ Покетъ, что обществу пришлось наслаждаться не видомъ его нѣжнаго личика, а парой вязаныхъ башмачковъ на пухленькихъ ножкахъ. Онъ дошелъ до высшаго предѣла бунтовства и одержалъ, повидимому,

побѣду на всѣхъ пунктахъ, потому что, выглянувъ изъ окна спустя нѣсколько минутъ, я увидѣлъ его на рукахъ у крошки Дженъ.

Остальныя пятеро дѣтей остались за обѣденнымъ столомъ, такъ какъ Флопсонъ понадобилось сдѣлать кому то частный визитъ, а больше некому было заниматься ими. Я сдѣлался такимъ образомъ свидѣтелемъ родственныхъ отношеній между ними и мистеромъ Покетомъ, которыя выразились въ слѣдующемъ. Мистеръ Покетъ, у котораго нормальное выраженіе растерянности на лицѣ еще болѣе увеличилось, а волоса его еще болѣе взъерошились, смотрѣлъ на дѣтей пристально въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, какъ будто бы не могъ сразу сообразить какимъ образомъ они сдѣлались его нахлѣбниками и поселились у него въ домѣ и почему природа не предназначила ихъ кому нибудь другому. Затѣмъ онъ холодно и сухо предложилъ имъ нѣсколько вопросовъ:—„почему у маленькаго Джо разорвана оборочка на воротничкѣ?“ — Джо отвѣчалъ: — „Флопсонъ, папа, хотѣла починить, но ей было некогда“.—„А почему у Фанни не проходитъ нарывъ?“—„Миллерсъ хотѣла, папа, приложить припарку, если не забудетъ“. — Здѣсь родительское сердце растаяло и мистеръ Покетъ, давъ каждому по шиллингу, приказалъ имъ уйти и играть. Когда они вышли, онъ сдѣлалъ неимовѣрное усиліе приподнять себя за волосы, но сразу отказался отъ этого безнадежнаго намѣренія.

Вечеромъ мы устроили катанье въ лодкахъ по рѣкѣ. Друммель и Стертопъ имѣли каждый свою собственную лодку, а потому я рѣшилъ и себѣ завести отдѣльную и поразить ихъ. Я достаточно хорошо напрактиковался въ разныхъ играхъ и упражненіяхъ съ деревенскими мальчиками, но мнѣ хотѣлось щегольнуть особеннымъ изяществомъ манеръ на Темзѣ,—не говоря уже о другихъ водахъ,— а потому я рѣшилъ поучиться у жившаго на нашей лѣстницѣ человѣка, который взялъ первый призъ во время гонки и съ которымъ меня познакомили мои новые товарищи. Этотъ опытный авторитетъ страшно сконфузилъ меня, сказавъ, что у меня руки, какъ у кузнеца. Знай онъ, какъ легко онъ могъ потерять своего ученика изъ за такого комплимента, онъ навѣрное не сказалъ бы его.

Вернувшись вечеромъ домой, мы сѣли за ужинъ и, я думаю, провели бы весело остатокъ дня, не случись одной непріятной домашней исторіи. Мистеръ Покетъ пришелъ въ самое прекрасное настроеніе, когда вдругъ появилась горничная и сказала:

— Сэръ, позвольте мнѣ поговорить съ вами.

— Говорить со своимъ хозяиномъ!—воскликнула мистриссъ Покетъ, у которой снова возмутилось ея достоинство.—Какъ смѣете вы даже думать о такихъ вещахъ? Можете идти и поговорить съ Флопсонъ... или поговорить со мной... и въ другое время.

— Прошу извиненія, ма'амъ,—отвѣчала горничная,—я должна говорить сейчасъ же и съ самимъ мистеромъ Покетомъ.

Тѣмъ временемъ мистеръ Покетъ вышелъ изъ комнаты и мы старались какъ нибудь поддержать разговоръ, пока онъ не вернулся.

— Славная штука, Белинда, нечего сказать!—воскликнулъ мистеръ Покетъ, входя въ комнату; лицо его выражало горе и отчаяніе.—Кухарка напилась пьяная и валяется въ кухнѣ на полу, а въ буфетѣ лежитъ огромный свертокъ свѣжаго масла, приготовленный для обмѣна на жиръ.

Мистриссъ Покетъ какъ будто бы слегка смутилась и сказала:

— Это все штуки отвратительной Софьи.

— Что ты хочешь этимъ сказать, Белинда?—спросилъ мистеръ Покетъ.

— Все это наговорила тебѣ Софья,—сказала мистриссъ Покетъ. Развѣ я не видѣла собственными глазами и не слышала собственными своими ушами, какъ она вошла въ комнату и просила тебя поговорить съ нею!

— Но вѣдь она свела меня внизъ, Белинда,—отвѣчалъ мистеръ Покетъ,—и показала мнѣ пьяную кухарку и свертокъ масла.

— И ты за это защищаешь ее, Матью!—сказала мистриссъ Покетъ.—За всю ея гадость?

Мистеръ Покетъ издалъ невнятное ворчанье.

— Не для того ли я внучка своего дѣдушки, чтобы не имѣть никакого значенія въ домѣ?—сказала мистриссъ Покетъ.—Кухарка всегда была прекрасной и почтенной женщиной и, замѣтивъ все, что у насъ дѣлается, самымъ искреннимъ образомъ сказала мнѣ, что я рождена быть герцогиней.

Мистеръ Покетъ стоялъ подлѣ дивана, на который онъ тотчасъ же упалъ въ позѣ умирающаго гладіатора. Продолжая лежать въ такомъ видѣ, онъ сказалъ мнѣ глухимъ голосомъ, когда увидѣлъ, что я собираюсь уйти изъ комнаты, чтобы лечь спать.

— Спокойной ночи, мистеръ Пипъ!

Глава двадцать четвертая.

Дня черезъ два или три послѣ того, какъ я поселился въ своей комнатѣ и, съѣздивъ нѣсколько разъ въ Лондонъ, заказалъ себѣ все необходимое, я имѣлъ продолжительный разговоръ съ мистеромъ Покетомъ. Онъ зналъ о будущемъ моемъ гораздо больше, чѣмъ я зналъ самъ; онъ передалъ мнѣ, что мистеръ Джаггерсъ говорилъ ему, что меня не готовятъ ни для какой профессіи, что для моего положенія мнѣ достаточно знать лишь столько, чтобы я могъ „поддержать собственное достоинство“ и быть на одномъ уровнѣ съ богатыми молодыми людьми. Я согласился, разумѣется, ибо не понималъ, что можно сказать противъ этого.

Онъ посовѣтовалъ мнѣ посѣщать нѣкоторыя учрежденія въ

Лондонѣ, дабы я могъ пріобрѣсти тамъ необходимыя для меня свѣдѣнія и просилъ разрѣшенія дѣлать мнѣ указанія и руководить моими занятіями. Онъ надѣялся, что помощь человѣка образованнаго дастъ мнѣ возможность легче бороться съ разными затрудненіями, которыя иначе могутъ обезкуражить меня и перейти затѣмъ къ занятіямъ безъ всякой посторонней помощи. Такими разговорами, а еще болѣе своимъ обращеніемъ, сумѣлъ онъ внушить мнѣ необыкновенную къ себѣ довѣренность, и я могу подтвердить, что онъ всегда такъ честно и ревностно исполнялъ свои обязанности по отношенію ко мнѣ, что и я въ свою очередь такъ же честно и ревностно исполнялъ ихъ по отношенію къ нему. Будь онъ, какъ учитель, совершенно равнодушенъ ко мнѣ, то и я, какъ ученикъ, платилъ бы ему тѣмъ же; онъ не давалъ мнѣ къ этому никакого повода и мы отдавали другъ другу полную справедливость. Въ его отношеніяхъ ко мнѣ, какъ учителя, я никогда и ничего смѣшного не видѣлъ; онъ былъ всегда добръ, серьезенъ и вѣжливъ.

Когда мы окончательно рѣшили съ нимъ всѣ пункты касательно моего образованія, я началъ серьезно работать. Вскорѣ послѣ этого мнѣ пришла въ голову мысль, что не дурно было бы удержать за собою комнату въ „Гостинницѣ Бернарда", что это могло бы пріятно разнообразить мою жизнь, да и манеры мои должны были улучшиться, благодаря обществу Герберта. Мистеръ Покетъ ничего не возразилъ мнѣ на это, но посовѣтовалъ предварительно обратиться къ моему опекуну за совѣтомъ. Я понялъ, что онъ поступаетъ такимъ образомъ изъ чувства деликатности, зная, что планъ этотъ будетъ способствовать къ уменьшенію расходовъ Герберта. Я отправился поэтому въ улицу Литтль-Бритенъ и сообщилъ о своемъ желаніи мистеру Джаггерсу.

— Имѣй я возможность купить обстановку, взятую для меня на прокатъ,—сказалъ я,—и еще двѣ, три вещички, я чувствовалъ бы себя тамъ, какъ дома.

— Да, да!—отвѣчалъ мистеръ Джаггерсъ, слегка разсмѣявшись,—говорилъ я вамъ, что расходы у васъ будутъ. Ну-съ! Сколько вы желаете?

Я сказалъ, что не знаю, сколько мнѣ нужно.

— Полноте!—отвѣчалъ мистеръ Джаггерсъ.—Сколько? Пятьдесятъ фунтовъ?

— О, далеко не такъ много.

— Пять фунтовъ?—спросилъ мистеръ Джаггерсъ.

Сумма была настолько мала въ сравненіи съ предыдущей, что я съ неудовольствіемъ сказалъ:

— О, больше этого.

— Больше этого? Эге!—отвѣчалъ мистеръ Джаггерсъ и, принявъ выжидательную позу, онъ заложилъ руки въ карманы, склонилъ голову на бокъ и уставился въ стѣну позади меня:

— На сколько больше?

— Мнѣ такъ трудно опредѣлить сумму,—сказалъ я нерѣшительно.

— Полноте! — сказалъ мистеръ Джаггерсъ. — Займемся счетомъ. Дважды пять... довольно? Трижды пять... довольно? Четырежды пять... довольно?

Я отвѣчалъ, что ,мнѣ кажется, это будетъ хорошо.

— Четырежды пять будетъ, значитъ, хорошо? Да?—сказалъ мистеръ Джаггерсъ, насупивъ брови.—Такъ-съ! Что же вы будете дѣлать съ этими четырежды пять?

— Что я сдѣлаю съ ними?

— Ага!—сказалъ мистеръ Джаггерсъ.—А сколько это составитъ всего?

— Предполагаю, что по вашему это составитъ двадцать фунтовъ,—отвѣчалъ я, улыбаясь.

— Не въ томъ дѣло, сколько это составитъ по моему, другъ мой,—сказалъ мистеръ Джаггерсъ, съ неудовольствіемъ покачивая головой.—Я желаю знать, какъ по вашему?

— Двадцать фунтовъ разумѣется!

— Уэммикъ!—сказалъ мистеръ Джаггерсъ, отворяя дверь въ контору.—Приготовьте чекъ для мистера Пипа и выдайте ему двадцать фунтовъ.

Такой суровый способъ вести дѣло произвелъ на меня сильное впечатлѣніе, но не могу сказать, чтобы пріятное. Мистеръ Джаггерсъ никогда не смѣялся; но онъ носилъ большіе, блестящіе и скрипучіе сапоги. Когда онъ стоялъ, склонивъ голову внизъ и насупивъ брови, и ждалъ отвѣта, то сапоги его при этомъ какъ то странно скрипѣли, точно смѣялись сухимъ, недовѣрчивымъ смѣхомъ. Случилось такъ, что мистеръ Уэммикъ былъ въ это время въ необыкновенно оживленномъ и разговорчивомъ настроеніи духа, а потому я сказалъ ему, что положительно не знаю, какъ мнѣ понять обращеніе мистера Джаггерса.

— Скажите это ему и онъ приметъ слова ваши за комплиментъ,—отвѣчалъ мистеръ Уэммикъ.—Онъ не имѣетъ никакого желанія, чтобы вы понимали его. О,—прибавилъ онъ, видя мое удивленіе,—здѣсь нѣтъ ничего личнаго, только профессіональное... да, профессіональное!

Мистеръ Уэммикъ сидѣлъ за своей конторкой и завтракалъ... то есть грызъ кусокъ черстваго сухаря; онъ ломалъ его по кусочкамъ и бросалъ ихъ въ свой широкій ротъ, точно въ почтовый ящикъ.

— Мнѣ кажется,—продолжалъ Уэммикъ,—что у него всегда на готовѣ ловушка, за которою онъ зорко наблюдаетъ. Щелкъ!.. И вы тамъ.

Сказавъ ему, что ловушки нельзя считать вещью принадлежа-

щею къ числу удовольствій жизни, я сказалъ, что мистеръ Джаггерсъ очень, вѣроятно, искусенъ въ своихъ дѣлахъ.

— Глубокъ, какъ Австралія,—сказалъ мистеръ Уэммикъ, указывая перомъ на полъ конторы и какъ бы желая этимъ выразить, что въ него также трудно проникнуть, какъ добраться до Австраліи, которая находится на противоположной сторонѣ земного шара.— Если есть что нибудь глубже, то, разумѣется, это онъ,—добавилъ Уэммикъ, принимаясь писать.

Я сказалъ, что онъ, вѣроятно, много зарабатываетъ и Уэммикъ сказалъ:—„ка-пи-таль-но!" Затѣмъ я спросилъ, много ли у нихъ клерковъ? Онъ отвѣчалъ мнѣ:

— Мы не очень то разоряемся на клерковъ, потому у насъ одинъ только Джаггерсъ и никто не захочетъ получать его изъ вторыхъ рукъ. Насъ только четыре. Желаете видѣть ихъ? Вы, такъ сказать, изъ нашихъ.

Я принялъ его предложеніе. Когда мистеръ Уэммикъ уложилъ весь сухарь въ почтовый ящикъ и уплатилъ мнѣ деньги, вынутыя имъ изъ несгораемаго сундука, ключъ отъ котораго онъ пряталъ у себя на спинѣ, вынимая его изъ-за воротника своего сюртука точно желѣзную косу, онъ предложилъ мнѣ подняться съ нимъ на лѣстницу. Домъ оказался темнымъ и грязнымъ, и слѣды жирныхъ пятенъ, которыя я видѣлъ на стѣнѣ въ комнатѣ мистера Джаггерса, цѣлыми годами копились здѣсь вдоль лѣстницы. Въ первой комнатѣ, куда мы поднялись, сидѣлъ клеркъ, представлявшій собой нѣчто среднее между трактирщикомъ и крысоловомъ; это былъ блѣдный, надутый человѣкъ, который внимательно разговаривалъ съ какими то четырьмя, очень невзрачными людьми, обращаясь съ ними также безцеремонно, какъ обращались обыкновенно со всѣми, кто способствовалъ увеличенію кассы мистера Джаггерса.—„Снимаетъ допросъ со свидѣтелей для суда",—сказалъ мистеръ Уэммикъ, когда мы вышли. Въ слѣдующей комнатѣ надъ этой находился клеркъ маленькаго роста—родъ фоксъ-терьера съ длинными, болтающимися волосами (которому забыли обрубить хвостъ, когда онъ былъ еще щенкомъ);—клеркъ этотъ былъ также занятъ съ какимъ то человѣкомъ съ больными глазами. Мистеръ Уэммикъ представилъ мнѣ послѣдняго, какъ плавильщика, у котораго котелъ всегда кипитъ и который можетъ расплавить все, что угодно; самъ плавильщикъ былъ покрытъ каплями пота и можно было подумать, что онъ даже къ самому себѣ примѣняетъ свое искусство. Въ задней комнатѣ сидѣлъ клеркъ съ высоко поднятыми кверху плечами и съ распухшей щекой, подвязанной грязной фланелью; на немъ былъ старый черный сюртукъ, который лоснился, точно покрытый воскомъ. Онъ сидѣлъ, согнувшись надъ столомъ, и переписывалъ для мистера Джаггерса бумаги, написанныя двумя клерками, которыхъ мы видѣли раньше.

Таково было учрежденіе мистера Джаггерса. Мы спустились внизъ, гдѣ мистеръ Уэммикъ провелъ меня въ комнату моего опекуна и сказалъ:

— Вы уже видѣли эту комнату.

— Скажите, пожалуйста, съ кого это снято?—спросилъ я, бросивъ нечаянно взглядъ на отвратительные два слѣпка, видѣнные мною раньше.

— Это вотъ?—спросилъ Уэммикъ и, ставъ на стулъ, принялся сдувать накопившуюся на слѣпкахъ пыль.—Это двѣ знаменитости. Наши замѣчательные кліенты, прославившіе насъ. Этотъ вотъ, напримѣръ, (неужели ты спускался ночью внизъ и заглядывалъ въ чернильницу и устроилъ себѣ пятно надъ глазомъ, пройдоха ты этакій?) убилъ своего хозяина и такъ ловко спряталъ концы въ воду, что никакъ не могли доказать этого на судѣ.

— Похожъ ли онъ здѣсь?—спросилъ я, съ ужасомъ отскакивая въ сторону, тогда какъ Уэммикъ хладнокровно вытиралъ рукавомъ пятно.

— Похожъ ли? Онъ, какъ есть. Слѣпокъ былъ сдѣланъ въ Ньюгетѣ, сейчасъ же послѣ того, какъ его казнили. Ты питалъ особенную любовь ко мнѣ, не правда ли, старый плутъ?—сказалъ Уэммикъ. Значеніе этого привѣтствія онъ объяснилъ мнѣ, указавъ на брошку съ изображеніемъ леди и плакучей ивы надъ могилой съ урной.—Нарочно заказалъ для меня,—прибавилъ онъ.

— Развѣ тутъ была замѣшана какая нибудь леди?—спросилъ я.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Уэммикъ.—Только шутка и больше ничего. (Любилъ ты пошутить, неправда ли?) Нѣтъ! Леди тутъ не было, мистеръ Пипъ! Была, пожалуй!.. Да не такого сорта, чтобы засматривать въ урны... если въ нихъ нѣтъ чего либо подходящаго для выпивки.—Вниманіе Уэммика было поглощено теперь брошкой и онъ, положивъ слѣпокъ на полку, взялъ платокъ и принялся вытирать имъ брошку.

— А тотъ другой кончилъ такимъ же образомъ?—спросилъ я.—У него тотъ же видъ.

— Вы правы,—отвѣчалъ Уэммикъ,—это, можно сказать, выраженіе искреннее. Ишь, одна ноздря вздернута кверху, точно подхвачена крючкомъ удочки. Да, онъ пришелъ къ такому же концу... къ естественному концу, увѣряю васъ. Онъ занимался поддѣлываніемъ духовныхъ завѣщаній и самъ же отправлялъ на тотъ свѣтъ предполагаемыхъ завѣщателей. (Ты былъ джентльменъ, пріятель! Ты говорилъ, что умѣешь писать по гречески. Хвастунъ! Вральманъ отмѣнный! Никогда еще не встрѣчалъ такого вральмана, какъ ты!)—Прежде чѣмъ положить на полку изображеніе своего покойнаго друга Уэммикъ притронулся къ самому большому траурному кольцу и сказалъ:—Послалъ нарочно купить его наканунѣ казни.

Пока онъ клалъ на полку слѣпокъ и спускался со стула, въ головѣ у меня мелькнула мысль, что всѣ драгоцѣнности его получены имъ изъ тѣхъ же источниковъ. Въ виду того, что онъ не уклонялся отъ этого предмета, я позволилъ себѣ спросить его объ этомъ, когда онъ остановился передо мной, вытирая себѣ руки.

— О, да,—отвѣчалъ онъ,—все это дары одного и того же рода. Одно приноситъ другое, какъ видите,—такова процедура всего этого. Я всегда принимаю ихъ. Своего рода достопримѣчательности. Дорого они стоютъ, а все же имущество, и можно носить. Для васъ съ вашимъ блестящимъ будущимъ это не имѣетъ значенія, ну а моей путеводной звѣздою всегда было правильно:—пріобрѣтай побольше движимаго имущества.

Я отдалъ честь такому взгляду на вещи и онъ дружескимъ тономъ продолжалъ:

— Если у васъ будетъ свободное время и вы не придумаете ничего лучше, то пожалуйста посѣтите меня въ Уольуорзѣ... Я могу предложить вамъ ночлегъ и почту это для себя за честь. Многаго я показать не могу, но есть у меня двѣ, три вещички, которыя очень заинтересуютъ васъ. У меня есть небольшой садикъ и оранжерейка.

Я отвѣчалъ, что съ восторгомъ принимаю его радушное приглашеніе.

— Благодарю,—сказалъ онъ,—и пріѣзжайте, когда найдете это наиболѣе удобнымъ для себя. Обѣдали вы когда нибудь у мистера Джаггерса? Обратите вниманіе на его экономку.

— Представляетъ она изъ себя что нибудь необыкновенное?

— Да,—сказалъ Уэммикъ,—вы увидите укрощеннаго дикаго звѣря. Не такъ ужъ необыкновенно, скажете вы. А я отвѣчу, что все зависитъ отъ характера самого дикаго звѣря и отъ способа его укрощенія. Это не должно унизить вашего мнѣнія о могуществѣ мистера Джаггерса. Присмотритесь хорошенько!

Я отвѣчалъ, что непремѣнно, такъ какъ предупрежденіе его сильно затронуло мое любопытство. Я собрался уходить, когда онъ вдругъ спросилъ меня, не желаю ли я посвятить пять минутъ на то, чтобы увидѣть мистера Джаггерса за дѣломъ?

По многимъ причинамъ, но не потому исключительно, чтобы я не зналъ, каковъ мистеръ Джаггерсъ „за дѣломъ“, я отвѣчалъ утвердительно. Мы направились въ Сити и тамъ вошли въ полицейское правленіе, биткомъ набитое народомъ. Здѣсь у рѣшетки стоялъ подсудимый и о чемъ то печально раздумывалъ, тогда какъ опекунъ мой допрашивалъ и передопрашивалъ какую то женщину, наводя ужасъ и на нее, и на судью, и на всѣхъ присутствующихъ. Если кто нибудь, кто бы онъ ни былъ, осмѣливался сказать хотя единое слово противъ него, онъ тотчасъ же просилъ внести это въ протоколъ. Если кто нибудь не хотѣлъ давать показанія, онъ говорилъ:—„ужъ я вытяну его изъ васъ!“—Если напротивъ, показаніе давалось, онъ

говорилъ:—„ну, вотъ я и добился своего!“—Судьи трепетали малѣйшаго движенія его пальца. Воры и поимщики воровъ съ ужасомъ слѣдили за каждымъ его словомъ и вздрагивали всѣмъ тѣломъ, когда взоръ его обращался въ ихъ сторону. На чьей сторонѣ онъ былъ, я никакъ не могъ понять и мнѣ казалось, что онъ мельничный жерновъ, перемалывающій безпощадно всѣхъ присутствующихъ. Я знаю только, что въ тотъ моментъ, когда я на цыпочкахъ выходилъ изъ засѣданія, онъ не былъ на сторонѣ суда, потому что старый джентльменъ, занимавшій мѣсто предсѣдателя, конвульсивно передергивалъ ногами подъ столомъ, слушая сыпавшіяся на него обвиненія въ томъ, что онъ ведетъ себя не такъ, какъ подобаетъ представителю британскихъ законовъ и справедливости.

Глава двадцать пятая.

Бентлей Druммель былъ до того надутый малый, что даже дулся на книгу, какъ будто бы сочинитель этой книги нанесъ ему какое-то кровное оскорбленіе; еще менѣе любезно относился онъ къ знакомымъ. Онъ былъ крайне тяжелъ на подъемъ, тяжелъ въ каждомъ движеніи и пониманіи; даже лицо у него было лѣнивое и языкъ до того неповоротливъ, что болтался у него такъ же тяжело, какъ тяжело онъ болтался, ничего не дѣлая, по комнатамъ. Онъ былъ, однимъ словомъ, лѣнивъ, гордъ, скупъ, скрытенъ и подозрителенъ. Онъ былъ сыномъ богатыхъ людей изъ Соммерсетскаго графства, которые холили и нѣжили это сочетаніе драгоцѣнныхъ качествъ до тѣхъ поръ, пока не открыли, что онъ уже переросъ, а остался олухомъ. Бентлей Друммель явился къ мистеру Покету, когда былъ уже выше ростомъ этого джентльмена и на полдюжины головъ глупѣе большинства джентльменовъ.

Мать Стертопа, болѣзненная женщина, очень баловала сына и держала его дома, не смотря на то, что ему давно уже была пора поступать въ школу; онъ боготворилъ ее и преклонялся передъ нею. У него были нѣжныя, женственныя черты лица и... „онъ вылитая мать, какъ вы это видите, хотя вы никогда не видѣли ее“,—сказалъ мнѣ Гербертъ. Само собою разумѣется, я сошелся съ нимъ больше, чѣмъ съ Друммелемъ и мы, начиная съ первыхъ же вечеровъ нашего катанья на лодкахъ, всегда возвращались домой рядомъ, переговариваясь изъ лодки въ лодку, тогда какъ Бентлей Друммель ѣхалъ всегда одинъ вдали отъ насъ, пробираясь вдоль нависшаго берега и среди камышей. Въ такихъ случаяхъ онъ напоминалъ собой какое то непріятное земноводное созданіе, принесенное откуда то теченіемъ. Когда я думаю о немъ, мнѣ всегда представляется, какъ онъ ѣдетъ позади насъ, выбирая самыя темныя мѣста, а наши лодки скользятъ въ это время посреди самой рѣки, освѣщенныя днемъ солнцемъ, а ночью луной.

Гербертъ сдѣлался самымъ близкимъ товарищемъ моимъ и другомъ. Я предложилъ ему мѣсто въ своей лодкѣ, что служило ему предлогомъ, чтобы чаще бывать въ Гаммерсмитѣ, а участіе мое въ половинной платѣ за его квартиру побуждало меня часто ѣздить въ Лондонъ. Такимъ образомъ мы во всѣ часы дня и ночи проѣзжали это пространство между Лондономъ и Геммерсмитомъ. Я навсегда сохранилъ пріятное воспоминаніе объ этой дорогѣ (хотя въ настоящее время она уже не такъ красива, какъ тогда) по которой я такъ часто ѣздилъ въ дни юности и надеждъ.

Я прожилъ мѣсяца два въ семьѣ мистера Покета, когда къ намъ заявились вдругъ мистеръ и мистриссъ Камилла. Послѣдняя была сестрой мистера Покета. Джіорджіана, которую я вмѣстѣ съ ней видѣлъ у миссъ Хевишемъ, также посѣтила насъ. Она была двоюродной сестрой мистера Покета; это была пренепріятная старая дѣва, которая признавала въ религіи одну лишь суровость и сердце которой преисполнено было желчи и злобы. Всѣ трое ненавидѣли меня всею алчностью и разочарованіемъ своимъ. Тѣмъ не менѣе, благодаря занятому мною вдругъ положенію, они льстили мнѣ, и самымъ низкимъ, отвратительнымъ образомъ. Къ мистеру Покету они относились какъ къ взрослому ребенку, который не понимаетъ своихъ собственныхъ интересовъ, и говорили, какъ я слышалъ, что къ нему надо быть снисходительнымъ. На мистриссъ Покетъ они смотрѣли съ презрѣніемъ, хотя признавали, что бѣдняжка должна была тяжело разочароваться въ жизни, потому что и сами они испытывали горечь этого чувства.

Вотъ среди какой обстановки пришлось мнѣ жить и заниматься своимъ образованіемъ. Я скоро усвоилъ себѣ всѣ привычки человѣка богатаго и истратилъ множество денегъ, количество которыхъ достигло въ нѣсколько мѣсяцевъ баснословной суммы. Временами, однако, я волей неволей брался за книгу. Въ послѣднемъ, впрочемъ, нѣтъ никакой заслуги съ моей стороны, такъ какъ у меня все же было настолько здраваго смысла, что я могъ понять свои недочеты. Благодаря мистеру Покету и Герберту я дѣлалъ успѣхи; и тотъ и другой всегда были готовы поддержать меня и удалить всѣ препятствія съ моей дороги, а потому мнѣ надо было превратиться въ такого олуха, какъ Друммель, чтобы не понимать своей пользы.

Прошло нѣсколько недѣль послѣ того, какъ я видѣлся съ мистеромъ Уэммикомъ, когда я написалъ ему, что хочу побывать у него и вмѣстѣ съ нимъ отправиться къ нему вечеромъ. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что это доставитъ ему большое удовольствіе и что онъ будетъ ждать меня въ конторѣ до шести часовъ. Я пришелъ въ назначенное время, когда онъ собирался уходить и пряталъ ключъ отъ сундука у себя на спинѣ.

— Вы думаете идти пѣшкомъ до самаго Уольуорза?—спросилъ онъ.

— Разумѣется,—отвѣчалъ я,—если вы желаете.

— Очень даже,—сказалъ Уэммикъ. — Я цѣлый день сижу за конторкой и не прочь размять себѣ ноги. Ну, а теперь я скажу вамъ, что у насъ будетъ на ужинъ, мистеръ Пипъ! Во-первыхъ, тушеное мясо—домашняго приготовленія—и холодная жареная курица—отъ кухмистера. У нея должно быть очень нѣжное мясо; хозяинъ ея былъ присяжнымъ при разборѣ нашихъ нѣсколькихъ дѣлъ и мы скоро освободили его. Когда я покупалъ у него курицу, я напомнилъ ему объ этомъ и сказалъ:—„Выберите получше, дружище Брайтонъ! Пожелай мы только задержать васъ подольше и вы просидѣли бы еще денька два лишнихъ“.—Онъ отвѣтилъ на это:—„Позвольте мнѣ подарить вамъ самую жирную курицу изъ всей моей лавки“.—Я позволилъ ему, разумѣется. Тоже вѣдь имущество, и тоже вѣдь движимое. Надѣюсь, вы ничего не имѣете противъ престарѣлаго родителя?

Я подумалъ, что онъ говоритъ все о той же курицѣ, когда онъ добавилъ:—„У меня въ домѣ есть престарѣлый родитель“.—Я отвѣтилъ ему то, что требовалось вѣжливостью.

— Такъ вы не обѣдали еще у мистера Джаггерса?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ еще.

— Онъ говорилъ мнѣ объ этомъ сегодня, когда услышалъ, что вы будете у меня. Я думаю, онъ пригласитъ васъ завтра. Онъ думаетъ пригласить и вашихъ товарищей. У васъ ихъ трое, не такъ-ли?

Хотя я не имѣлъ обыкновенія считать Друммеля въ числѣ своихъ товарищей, я все же отвѣчалъ:—„да!“

— Такъ вотъ, онъ хочетъ пригласить всю шайку.—Слово это не особенно польстило мнѣ.—Чѣмъ бы онъ ни угощалъ васъ, онъ угоститъ хорошо. Не ждите особеннаго разнообразія, но все будетъ превосходное. Въ домѣ у него есть еще одна достопримѣчательность,—продолжалъ Уэммикъ послѣ минутной паузы и я подумалъ, что онъ хочетъ говорить объ экономкѣ,—онъ никогда не запираетъ на ночь ни оконъ, ни дверей.

— И его ни разу не обокрали?

— Въ этомъ вся штука!—отвѣчалъ Уэммикъ.—Онъ говоритъ объ этомъ при всѣхъ:—„Хотѣлось бы мнѣ видѣть человѣка, который посмѣлъ бы обокрасть меня!“—Господи, Боже мой! Я самъ сотни разъ слышалъ, какъ онъ у насъ въ конторѣ говорилъ извѣстнымъ мошенникамъ:—„Вы знаете, гдѣ я живу, знаете, что я ничего не запираю на ключъ, почему вы не попробуете устроить дѣльце у меня? Неужели мнѣ такъ таки и не удастся соблазнить васъ?“ И ни одинъ изъ нихъ, сэръ, не смотря на всю любовь свою къ деньгамъ, не рѣшается на такую попытку.

— Такъ они боятся его?—спросилъ я.

— Боятся его!—отвѣчалъ Уэммикъ.—Я думаю, боятся. Ну, да и онъ то себѣ на умѣ, оттого и вызываетъ ихъ. Серебра у него ни-ни, сэръ! Все изъ британскаго металла, каждая ложка.

— Выгоды, слѣдовательно, не получатъ большой,—замѣтилъ я,—если бы даже...

— Зато ему будетъ большая выгода,—перебилъ меня Уэммикъ,—и они знаютъ это. Онъ держитъ жизнь ихъ у себя въ рукахъ; десятки, сотни людей зависятъ отъ него. Онъ сдѣлаетъ все, что захочетъ. Нѣтъ возможности даже сказать, чего онъ не сдѣлаетъ, если захочетъ.

Я задумался о величіи своего опекуна, но тутъ Уэммикъ снова заговорилъ со мной.

— Что касается отсутствія серебра, то это, знаете ли, касается глубины его души. У рѣки своя глубина, ну и у него своя глубина. Присмотритесь къ цѣпочкѣ его часовъ. Основательная!

— Очень массивная,—сказалъ я.

— Массивная?—повторилъ мистеръ Уэммикъ.—Я также думаю. Часы у него золотой хронометръ и стоятъ сто фунтовъ, ни на одинъ пенсъ меньше. Знаете-ли, мистеръ Пипъ, здѣсь у насъ въ городѣ семьсотъ воровъ и всѣ они знаютъ о существованіи этихъ часовъ, но нѣтъ ни одного мужчины, ни одной женщины и даже ребенка между ними, которые не узнали бы малѣйшаго колечка его цѣпочки и, попадись хотя одно такое колечко имъ въ руки, они отшвырнутъ его отъ себя, чтобы не ожечься имъ.

Бесѣдуя такимъ образомъ и перейдя затѣмъ къ общимъ предметамъ, прошли мы незамѣтно всю дорогу, пока не очутились, наконецъ, въ Уольуорзѣ, который представлялъ собою собраніе мрачныхъ переулковъ, канавъ и маленькихъ садиковъ и производилъ впечатлѣніе весьма скучнаго мѣста. Уэммикъ жилъ въ маленькомъ деревянномъ коттэджѣ, окруженномъ какъ бы клочками сада, а верхняя часть его была устроена и выкрашена въ родѣ баттареи, уставленной пушками.

— Собственная работа,—сказалъ Уэммикъ.—Выглядитъ красиво.. не правда-ли?

Я поспѣшилъ высказать свое одобреніе. Мнѣ казалось, что я никогда еще не видѣлъ такого крошечнаго домика, съ такими странными готическими окнами и готической дверью, такой маленькой, что въ нее едва можно было пройти.

— А вотъ тамъ, видите, настоящій флагштокъ,—сказалъ Уэммикъ,—а по воскресеньямъ на немъ взвивается настоящій флагъ. Теперь слушайте. Когда я перехожу этотъ мостъ, я подымаю его.. вотъ такъ... и всякое сообщеніе прекращается.

Мостъ состоялъ изъ доски, перекинутой черезъ канаву въ четыре фута ширины и въ два фута глубины. Любопытнѣе всего было видѣть ту гордость, съ которою онъ поднялъ эту доску и прикрѣпилъ

се; онъ дѣлалъ это улыбаясь, не спѣша и обдуманно, а не машинально.

— Въ девять часовъ каждый вечеръ, по Гринвичскому меридіану,—сказалъ Уэммикъ,—выстрѣлъ изъ пушки. Вотъ она, видите? А когда вы услышите ее, вы сами скажете тогда, что это настоящее орудіе.

Пушка, о которой онъ говорилъ мнѣ, помѣщалась въ отдѣльной рѣшетчатой крѣпости на батареѣ. Защищалась она отъ непогоды искусстнымъ маленькимъ сооруженіемъ изъ брезента, устроеннымъ въ видѣ зонтика.

— Я поставилъ ее назади,—сказалъ Уэммикъ,—чтобы она не была на виду и не давала повода подозрѣвать существованіе укрѣпленія... Я держусь того принципа что разъ у васъ есть идея, приводите ее въ исполненіе и держитесь за нее... Не знаю, таково ли ваше мнѣніе на этотъ счетъ...

Я сказалъ, что держусь того же мнѣнія.

— А тамъ еще дальше позади у меня помѣщеніе для свиньи, для куръ и кроликовъ. Затѣмъ, я самъ себѣ сдѣлалъ парничекъ и развожу тамъ огурцы, а за ужиномъ вы получите возможность судить о томъ, какой салатъ я развожу у себя. Да, сэръ,—продолжалъ Уэммикъ, улыбаясь на этотъ разъ совершенно серьезно и качая головой,—предположите это маленькое мѣстечко осажденнымъ и вы увидите, что оно выдержитъ осаду чортъ знаетъ сколько времени, благодаря значительному запасу провизіи.

Онъ провелъ меня къ бесѣдкѣ, куда надо было пройти всего какихъ нибудь двѣнадцать ярдовъ, но куда мы шли тѣмъ не менѣе довольно долго, потому что тропинка, по которой мы шли, дѣлала невѣроятное количество самыхъ причудливыхъ изворотовъ. Въ бесѣдкѣ насъ уже ждали стаканы съ пуншемъ, который мы охлаждали въ маленькомъ орнаментальномъ озерѣ, на берегу котораго стояла бесѣдка. Озеро это съ небольшимъ островкомъ посрединѣ (быть можетъ салатомъ для ужина) имѣло круглую форму; на островѣ онъ устроилъ фонтанъ. Какъ только вы приводили въ движеніе небольшое колесо и вынимали пробку изъ трубки, фонтанъ тотчасъ же начиналъ дѣйствовать и подставленная рука ваша становилась мокрой.

— Я самъ себѣ инженеръ, плотникъ, паяльщикъ, садовникъ и мастеръ на всѣ руки, — сказалъ Уэммикъ въ отвѣтъ на мои похвалы. — Дѣло это прекрасное, знаете-ли оно сметаетъ съ души вашей всю грязь Ньюгета и нравится преклонному родителю. Не желаете ли сейчасъ же познакомиться со старикомъ? Не стѣснитъ это васъ?

Я выразилъ свою готовность познакомиться и мы отправились въ замокъ, гдѣ у камина застали преклонныхъ лѣтъ старика въ фланелевомъ сюртукѣ, очень чистенькаго, чрезвычайно пріятнаго

и веселаго, который прекрасно сохранился, но былъ совершенно глухъ.

— Ну-съ, почтенный родитель, — сказалъ Уэммикъ, пожимая ему руку, — какъ поживаете?

— Очень хорошо, Джонъ, очень хорошо, — отвѣчалъ старикъ.

— Вотъ мистеръ Пипъ, почтенный родитель, —сказалъ Уэммикъ, — мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы разслышали его имя. Кивните ему головой, мистеръ Пипъ, онъ это очень любитъ. Кивните еще разъ, пожалуйста, кивните!

— Прекрасное это мѣстечко у моего сына, сэръ! — крикнулъ старикъ въ то время, когда я старался кивать ему, сколько могъ.— Одно удовольствіе, сэръ! Слѣдуетъ, чтобы государство послѣ смерти моего сына удержало бы за собой все это мѣсто со всѣми въ немъ украшеніями и устроило бы здѣсь гулянье для народа.

— Ты гордъ, какъ полишинель, не правда-ли, почтенный родитель? — сказалъ Уэммикъ, не спуская глазъ со старика, и выраженіе лица его при этомъ замѣтно смягчилось. — Вотъ тебѣ поклонъ, — вотъ тебѣ и второй, — и онъ отвѣсилъ еще болѣе низкій поклонъ. — Ты любишь это, не правда-ли? Если вы не утомились, мистеръ Пипъ... я знаю, это утомляетъ людей незнакомыхъ... кивните ему еще разъ. Вы представить себѣ не можете, какъ это нравится ему.

Я нѣсколько разъ отвѣсилъ поклонъ и это привело старика въ прекрасное настроеніе духа.Мы оставили его собирающимся кормить куръ, а сами вернулись въ бесѣдку и усѣлись за пуншъ. Здѣсь Уэммикъ разсказалъ мнѣ, покуривая трубку, сколько лѣтъ непрестаннаго труда стоило ему, чтобы привести свою дачу въ настоящее цвѣтущее состояніе.

— Это ваша собственность, мистеръ Уэммикъ?

— О да! — сказалъ Уэммикъ. — Я время отъ времени прикупалъ землю по клочкамъ. Да, это мое собственное трудовое, клянусь Св. Георгомъ!

— Въ самомъ дѣлѣ? Надѣюсь и мистеру Джаггерсу нравится ваша дача?

— Никогда не видѣлъ, — сказалъ Уэммикъ, — и никогда не слышалъ о ней. Никогда не видѣлъ старика... никогда не слышалъ о немъ. Нѣтъ! Контора одно, а частная жизнь другое. Когда я иду въ контору, замокъ остается позади, а когда я иду въ замокъ, контора остается позади меня. Если это не очень непріятно вамъ, то вы очень обяжете меня, если будете поступать такъ же. Я, такъ сказать, раздваиваюсь и держусь разно дома и въ конторѣ.

Я сразу почувствовалъ, что долженъ свято исполнить его просьбу. Пуншъ оказался превосходнымъ; мы пили его и разговаривали и договорились часовъ почти до девяти.

— Близится время выстрѣла, — сказалъ Уэммикъ, откла-

дывая въ сторону свою трубку. — Это ужъ удовольствіе для старика.

Мы вернулись въ замокъ, гдѣ старикъ стоялъ у камина и накаливалъ кочергу; глаза его блестѣли отъ удовольствія предстоящей великой церемоніи. Уэммикъ держалъ въ рукѣ часы и не спускалъ съ нихъ взора до тѣхъ поръ, пока не наступилъ моментъ, когда онъ взялъ у старика раскаленную до красна кочергу и отправился на батарею. Вскорѣ послѣ того, какъ онъ вышелъ, раздался такой сильный выстрѣлъ, что весь маленькій коттэджъ вздрогнулъ, готовый, казалось, развалиться, и зазвенѣли находившіяся въ немъ чашки и стаканы. Старикъ, который, какъ мнѣ показалось, едва не упалъ съ кресла, но удержался за него руками, вскрикнулъ восторженно:

— Выстрѣлъ! Я слышалъ его!

Я принялся кивать старому джентльмену и кивалъ ему до тѣхъ поръ, пока не потемнѣло у меня въ глазахъ, такъ что я пересталъ его видѣть.

Въ промежутокъ времени между выстрѣломъ и ужиномъ Уэммикъ занялся показываніемъ мнѣ своей коллекціи рѣдкостей. Всѣ онѣ были большею частью уголовнаго происхожденія; между ними находилось перо, которымъ былъ совершенъ знаменитый подлогъ, двѣ бритвы, нѣсколько локоновъ волосъ и рукописи съ исповѣдью приговоренныхъ къ казни, о которыхъ мистеръ Уэммикъ отозвался, что „все это до послѣдняго слова ложь, сэръ!“ —

Всѣ эти вещи были разложены между красиво сгруппированными образчиками китайскаго фарфора и стекла, различными бездѣлушками, сдѣланными самимъ хозяиномъ музея, и шпильками для чистки трубки, выточенными преклоннымъ родителемъ. Музей этотъ помѣщался въ комнатѣ, куда меня ввели вскорѣ послѣ моего прихода и которая была не только гостиной, но въ то же время и кухней, судя по кастрюлѣ, стоявшей на плиткѣ камина, и вертелу, висѣвшему тамъ же.

Въ домѣ прислуживала опрятно одѣтая дѣвочка подростокъ, которая цѣлый день ухаживала за старикомъ. Когда она накрыла столъ для ужина, для нея спустили подъемный мостъ, чтобы она могла уйти, а затѣмъ снова подняли его на всю ночь. Ужинъ былъ превосходенъ и хотя въ замкѣ чувствовался запахъ сырости и гнили, а свиной хлѣвъ можно было бы, по моему, помѣстить нѣсколько дальше, я тѣмъ не менѣе былъ вполнѣ доволенъ сдѣланнымъ мнѣ радушнымъ пріемомъ. Все понравилось мнѣ также и въ моей комнаткѣ, внутри маленькой башенки, не смотря на то, что между мною и флагштокомъ былъ до того низкій и тонкій потолокъ, что мнѣ казалось, когда я лежалъ уже въ постели, будто шестъ флагштока, того и гляди, воткнется мнѣ въ лобъ.

Уэммикъ всталъ очень рано и я боюсь сказать, что мнѣ пока-

залось, что онъ чистилъ мои сапоги. Послѣ этого онъ отправился въ садъ и я изъ своего готическаго окна видѣлъ, какъ онъ, желая доставить удовольствіе преклонному родителю, самымъ старательнымъ образомъ кивалъ ему головой. Завтракъ оказался такимъ же прекраснымъ, какъ и ужинъ, а въ половинѣ восьмого мы отправились въ Литтль-Бритейнъ. По мѣрѣ того, какъ мы подвигались впередъ, Уэммикъ становился все суше и суровѣе и смолкъ совершенно, подойдя къ конторѣ. Когда же наконецъ мы вошли въ его дѣловую комнату и онъ вынулъ изъ за спины ключъ, онъ забылъ, повидимому, и Уольуорзъ, и замокъ, и подъемный мостъ, и бесѣдку, и озеро, и фонтанъ, и старика, какъ будто все это разлетѣлось въ пухъ и прахъ съ послѣднимъ выстрѣломъ его пушки.

Глава двадцать шестая.

Все случилось такъ, какъ сказалъ Уэммикъ, и мнѣ скорѣе, чѣмъ я ожидалъ, представился случай сравнить домашній бытъ моего опекуна съ домашнимъ бытомъ его кассира и клерка. Мой опекунъ находился въ свой комнатѣ и мылъ руки душистымъ мыломъ, когда я вошелъ въ контору по возвращеніи изъ Уольуорза; онъ позвалъ меня къ себѣ и пригласилъ меня на обѣдъ вмѣстѣ съ моими пріятелями, какъ и говорилъ мнѣ Уэммикъ. — „Безъ церемоній, — сказалъ онъ, —завтра, и безъ всякихъ обѣденныхъ парадовъ". — Я спросилъ его, куда намъ явиться (я не имѣлъ никакого понятія о томъ, гдѣ онъ живетъ), но онъ по своему обыкновенію уклонился отъ прямого отвѣта и сказалъ: — „Приходите сюда и мы пойдемъ отсюда вмѣстѣ".—Пользуюсь здѣсь случаемъ замѣтить, что онъ имѣлъ обыкновеніе мыть руки послѣ разговора съ каждымъ кліентомъ, какъ это дѣлаютъ доктора и зубные врачи. Въ комнатѣ у него былъ исключительно для этой цѣли устроенъ маленькій чуланчикъ, весь пропитанный запахомъ душистаго мыла, какъ косметическая лавка. За дверью въ немъ висѣло необыкновенныхъ размѣровъ полотенце; онъ мылъ руки, а затѣмъ долго вытиралъ ихъ до суха этимъ полотенцемъ, когда возвращался изъ суда или отпускалъ какого нибудь кліента. Когда на слѣдующій день я вмѣстѣ съ пріятелемъ явился къ нему въ шесть часовъ по полудни, онъ, повидимому, только что кончилъ заниматься съ кѣмъ-то, болѣе обыкновеннаго грязнымъ, такъ какъ мы застали его за умываньемъ, причемъ на этотъ разъ онъ не ограничивался однѣми только руками, но мылъ голову и лицо и полоскалъ горло. Продѣлавъ всю эту исторію и вытеревъ все на сухо своимъ полотенцемъ, онъ вынулъ перочинный ножикъ и тщательно вычистилъ ногти, прежде чѣмъ надѣть сюртукъ.

Когда мы вышли на улицу, тамъ по обыкновенію бродило нѣсколько человѣкъ, которые хотѣли говорить съ нимъ, но въ запахѣ

душистаго мыла, который разносился отъ него во всѣ стороны, было очевидно что то особенное, такъ какъ всѣ они сразу отказались на этотъ день отъ своего намѣренія. Все время, пока мы шли, его то и дѣло узнавали въ толпѣ; замѣтивъ это, онъ тотчасъ же возвышалъ голосъ и начиналъ громко разговаривать со мною; но самъ онъ никого не узнавалъ или дѣлалъ видъ, что не узнаетъ.

Онъ привелъ насъ въ Джерардъ-Стритъ, въЬого, и остановился у дома на южной сторонѣ улицы; домъ былъ по наружному виду величественный, но плохо выкрашенъ и съ грязными окнами. Онъ вынулъ ключъ, открылъ дверь и мы вошли въ пустую, мрачную переднюю. Отсюда мы поднялись по темнымъ каменнымъ ступенямъ въ три темныя комнаты перваго этажа. Стѣны комнатъ были украшены вверху рѣзными гирляндами, которыя, когда я взглянулъ на нихъ, показались мнѣ очень похожими на видѣнныя мною раньше петли висѣлицъ.

Обѣдъ былъ приготовленъ въ самой большой и красивой комнатѣ; во второй комнатѣ была уборная, а въ третьей спальня. Онъ сказалъ намъ, что занимаетъ весь домъ, но живетъ только въ этихъ трехъ комнатахъ. Столъ былъ сервированъ хорошо, но серебра не было; подлѣ его стула стоялъ очень помѣстительный столикъ, а на немъ всевозможныя бутылочки и графинчики и четыре блюда съ фруктами. Я замѣтилъ, что онъ любилъ держать все это подъ рукой и угощалъ всегда самъ.

Въ комнатѣ былъ кромѣ того шкапъ съ книгами; по корешкамъ книгъ я увидѣлъ, что все это были уголовные законы, біографіи преступниковъ, процессы, парламентскіе акты и тому подобное. Обстановка комнаты была хорошая и прочная, подобно часовой цѣпочкѣ хозяина. Все кругомъ носило оффиціальный характеръ и нигдѣ не было видно никакихъ украшеній. Въ углу стоялъ небольшой письменный столъ и на немъ лампа съ абажуромъ; здѣсь у него, такъ сказать, была своя домашняя контора, гдѣ по вечерамъ онъ занимался дѣлами.

Такъ какъ онъ до сихъ поръ почти не обращалъ вниманія на моихъ трехъ пріятелей, — мы все время шли съ нимъ вдвоемъ отдѣльно отъ нихъ — то теперь, позвонивъ въ колокольчикъ, онъ остановился у камина и вопросительно взглянулъ на нихъ. Къ великому удивленію своему я увидѣлъ, что больше всего и даже можно сказать исключительно заинтересовался онъ Друммелемъ.

— Пипъ, — сказалъ онъ, положивъ мнѣ на плечо свою большую руку и подвинувъ меня къ окну, — я не знаю ни одного изъ нихъ. Кто этотъ паукъ?

— Паукъ? — переспросилъ я.

— Вотъ тотъ прыщеватый, надутый малый, что развалился тамъ?

— Это Бентлей Друммель, — отвѣчалъ я. — А того, у котораго такое нѣжное лицо, зовутъ Стертопъ.

Не обративъ ни малѣйшаго вниманія на моего пріятеля съ нѣжнымъ лицомъ, онъ отвѣчалъ:

— Бентлей Друммель зовутъ его, да? Мнѣ онъ нравится.

Онъ тотчасъ же вступилъ въ разговоръ съ Друммелемъ и не только не смущался его лѣнивыми отвѣтами, но повидимому задался цѣлью заставить его говорить во что бы то ни стало. Я внимательно наблюдалъ за ними, когда между нами прошла экономка и поставила первое блюдо на столъ.

Это была женщина лѣтъ около сорока, хотя я подумалъ, что она моложе, чѣмъ казалась. Она была довольно высокаго роста, стройная и гибкая, съ необыкновенно блѣднымъ лицомъ, большими поблекшими глазами и роскошными волосами, ниспадавшими на ея плечи. Не знаю, страшное ли какое нибудь горе или отчаяніе придали ея губамъ выраженіе такой невыносимой муки, а лицу ея выраженіе недоумѣнія и страха, знаю только, что оно напомнило мнѣ одно изъ лицъ, вынырнувшихъ изъ котла вѣдьмъ, когда два дня тому назадъ я былъ въ театрѣ и смотрѣлъ Макбета.

Она поставила блюдо на столъ, притронулась слегка пальцемъ къ рукѣ моего опекуна, давая этимъ знать, что обѣдъ поданъ, и безшумно исчезла. Мы сѣли за столъ, причемъ опекунъ мой посадилъ подлѣ себя съ одной стороны Друммеля, а съ другой Стертопа. Первое блюдо, поданное экономкой состояло изъ превосходной рыбы, затѣмъ слѣдовала отборная баранина и такая же отборная дичь. Разные соуса, вина, всѣ приправы и угощенія, какихъ мы только желали, были любезно поданы намъ нашимъ гостепріимнымъ хозяиномъ; все это онъ бралъ со стола, стоявшаго подлѣ него и, угостивъ всѣхъ сидѣвшихъ за обѣдомъ, ставилъ обратно на прежнее мѣсто. Самъ онъ также раздавалъ намъ тарелки, ножи и вилки и когда мы кончали блюдо, складывалъ ихъ въ корзину, стоявшую подлѣ него на полу. Кромѣ экономки не было видно другой прислуги. Она подавала каждое блюдо и я всегда, глядя на нее, видѣлъ передъ собою лицо, подымающееся изъ котла. Много лѣтъ спустя я припоминалъ ужасное выраженіе этой женщины. когда зажженнымъ спиртомъ освѣтилъ въ темной комнатѣ другое лицо, которое походило на нее только своими распущенными волосами.

Настроенный заранѣе словами Уэммика, а также и самой наружностью экономки, я внимательно наблюдалъ за нею и скоро замѣтилъ, что она, находясь въ комнатѣ, внимательно слѣдила глазами за моимъ опекуномъ и что она не сразу отнимала руки отъ блюда, точно боялась, что онъ вернетъ ее обратно, если она отойдетъ, и скажетъ ей что нибудь непріятное. Мнѣ показалось по его виду, что онъ это прекрасно замѣчаетъ.

Обѣдъ проходилъ весело и, не смотря на то, что опекунъ не слѣдилъ, повидимому, очень внимательно за предметомъ разговора и не заводилъ его самъ, онъ успѣлъ вывѣдать всѣ самыя слабыя стороны нашихъ характеровъ. Что касается меня, то я сразу поймался на удочку и не успѣлъ открыть рта, какъ уже высказалъ свою наклонность къ мотовству и желаніе покровительствовать Герберту, а затѣмъ сталъ хвастаться ожидающими меня большими надеждами. Тоже случилось и со всѣми нами, не исключая и Друммеля, наклонности котораго къ издѣвательству надъ другими и злобный, завистливый характеръ были выведены наружу еще до того, какъ кончено было первое блюдо изъ рыбы.

Когда обѣдъ былъ конченъ и подали сыръ, мы разговорились о нашихъ лодочныхъ гонкахъ и о томъ, что Друммель, подобно какому то земноводному, постоянно держится въ темнотѣ и позади насъ. Выслушавъ это, Друммель сообщилъ нашему хозяину, что онъ предпочитаетъ держаться отдѣльно отъ нашего общества и что, пожелай онъ только, онъ могъ бы еще поучить насъ этому искусству, а силенъ онъ такъ, что однимъ ударомъ кулака разбросалъ бы насъ во всѣ стороны. Совершенно незамѣтно для насъ опекунъ мой успѣлъ такъ подзадорить его, что онъ вдругъ неожиданно пришелъ въ ярость; засучивъ мгновенно рукава онъ принялся показывать намъ, какъ сильно развиты его мускулы, а за нимъ и мы въ свою очередь засучили свои рукава, представляя изъ себя такимъ образомъ крайне смѣшную картину.

Экономка убирала въ эту минуту со стола. Мой опекунъ, не обращавшій на нее никакого, повидимому, вниманія, сидѣлъ бокомъ къ ней и, откинувшись на спинку кресла, кусалъ свои ногти, выказывая непонятный для меня интересъ ко всему, что говорилъ Друммель. Вдругъ совершенно неожиданно онъ схватилъ своей громадной рукой руку экономки въ ту минуту, когда она за чѣмъ то протянула ее на столъ. Онъ сдѣлалъ это такъ внезапно и такъ ловко, что всѣ мы смолкли отъ удивленія.

— Разъ вы говорите о силѣ кулаковъ, — сказалъ онъ, — то я покажу вамъ кулакъ. Молли, покажи имъ свой кулакъ.

Пойманная въ ловушку рука экономки оставалась на столѣ, но другую свободную она спрятала за спину.

— Перестаньте, сэръ, — сказала она тихо, устремивъ на Джаггерса внимательный и напряженный взглядъ.

— Я хочу показать вамъ кулакъ, — повторилъ Джаггерсъ съ непоколебимой рѣшимостью. — Молли, покажи имъ свой кулакъ.

— Сэръ, — прошептала она снова, — пожалуйста!..

— Молли, — сказалъ Джаггерсъ, не глядя на нее, но упорно продолжая смотрѣть на противоположную стѣну, — покажи имъ оба твои кулака. Покажи имъ! Скорѣе!

Она высвободила свою руку и сложила ее въ кулакъ на столѣ. Вынувъ затѣмъ другую руку изъ за спины, она сложила ее также въ кулакъ и положила ее рядомъ съ первой. Кулакъ второй руки былъ совершенно обезображенъ и покрытъ по всѣмъ направленiямъ глубокими рубцами и шрамами. Держа такимъ образомъ руки, она медленно отвернулась отъ мистера Джаггерса и внимательно взглянула на каждаго изъ насъ по очереди.

— Вотъ гдѣ сила, — сказалъ мистеръ Джаггерсъ, холодно указывая пальцами на мускулы Молли; — мало есть на свѣтѣ мужчинъ, у которыхъ такая сила въ кулакѣ, какъ у этой женщины. Сила пожатiя этихъ рукъ невѣроятна. Я имѣлъ случай наблюдать много рукъ, но никогда не видѣлъ ни мужчины, ни женщины болѣе сильныхъ въ этомъ отношенiи.

Пока онъ говорилъ эти слова съ нѣсколько критическимъ, насмѣшливымъ оттѣнкомъ, экономка по прежнему переводила свой взоръ съ одного изъ насъ на другого. Когда онъ пересталъ говорить, она снова взглянула на него.

— Довольно, Молли! — сказалъ мистеръ Джаггерсъ, слегка кивнувъ ей головой. — На тебя достаточно насмотрѣлись, можешь идти.

Она сняла руки со стола и вышла изъ комнаты, а мистеръ Джаггерсъ взялъ со стола графинъ, наполнилъ оттуда свой стаканъ и угостилъ каждаго по очереди виномъ.

— Въ половинѣ десятаго, джентльмены, — сказалъ онъ, — мы должны разойтись. Не тратьте напрасно времени. Я радъ видѣть всѣхъ васъ. Ваше здоровье, мистеръ Друммель!

Если, отличая такимъ образомъ Друммеля, онъ имѣлъ намѣренiе еще больше вывести его наружу, то онъ въ этомъ успѣлъ вполнѣ. Торжествуя свою побѣду надъ нами, Друммель поспѣшилъ выразить свое непрiязненное отношенiе къ намъ и все болѣе и болѣе оскорблялъ насъ, сдѣлавшись подъ конецъ совершенно нестерпимымъ. Мистеръ Джаггерсъ съ необыкновеннымъ интересомъ слѣдилъ за всѣмъ этимъ. Можно было подумать, что такое наблюденiе служитъ ему наилучшей приправой къ вину.

Мы вели себя, какъ дѣти, пили не въ мѣру и болтали не въ мѣру. Въ концѣ концовъ насъ взбѣсила грубая насмѣшка Друммеля надъ тѣмъ, что мы соримъ деньгами. Это вынудило меня сдѣлать ему замѣчанiе, что съ его стороны крайне неприлично говорить такiя вещи послѣ того особенно, какъ онъ недѣлю тому назадъ занялъ въ моемъ присутствiи деньги у Стертопа.

— Такъ что-жъ, — отвѣчалъ Друммель, — онъ получитъ ихъ обратно.

— Я не хотѣлъ сказать этимъ, что онъ ихъ не получитъ, — сказалъ я, — но вамъ слѣдуетъ держать языкъ свой за зубами и не говорить о насъ и нашихъ деньгахъ.

— Вы думаете? — отвѣчалъ Друммель, — ну, скажите на милость!..

— Я хочу сказать, — продолжалъ я, стараясь казаться очень серьезнымъ, — что вы не одолжили бы намъ и самой крошечной монетки, если бы это только понадобилось намъ.

— Вы правы, — отвѣчалъ Друммель, — ни одного шестипенсовика не одолжилъ бы я вамъ... ни единаго!

— Не могу сказать, чтобы съ вашей стороны было честно занимать деньги при такихъ обстоятельствахъ.

— Не можете сказать! — повторилъ Друммель. — О, Боже!..

Это было ужъ слишкомъ, тѣмъ болѣе, что я чувствовалъ себя не въ силахъ справиться съ его нахальствомъ, а потому, не обращая вниманія на предостереженіе Герберта, я сказалъ:

— Перестаньте, мистеръ Друммель! Разъ мы коснулись этого предмета, я могу сказать вамъ, что мы замѣтили съ Гербертомъ, когда вы занимали эти деньги.

— Я не имѣю никакого желанія знать, что вы замѣтили съ Гербертомъ, — грубо отвѣтилъ Друммель. И мнѣ послышалось что онъ въ полголоса послалъ насъ обоихъ къ черту.

— А я все таки, хотите вы этого или нѣтъ, скажу вамъ, — продолжалъ я, — что вы были очень рады, имѣя возможность положить эти деньги себѣ въ карманъ, а затѣмъ потѣшались надъ тѣмъ, что онъ былъ такъ слабъ, что не могъ отказать вамъ.

Друммель расхохотался во все горло и, заложивъ руки въ карманы и поднявъ кверху плечи, смотрѣлъ нахально намъ въ лицо, продолжая смѣяться. Онъ этимъ ясно показывалъ, что все это правда, и что онъ презираетъ насъ.

Тогда Стертопъ подошелъ къ нему, взялъ его за руку и несравненно вѣжливѣе меня старался успокоить его. Стертопъ былъ чрезвычайно живой, веселый юноша, Друммель же совершенная противоположность ему, а потому счелъ поступокъ Стертопа личнымъ оскорбленіемъ для себя. Онъ отвѣтилъ ему чрезвычайно грубо, но Стертопъ сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ этого, и сказалъ какую то шутку, заставившую всѣхъ насъ засмѣяться. Взбѣшенный этимъ успѣхомъ, Друммель молча, не предупредивъ ни о чемъ, вынулъ руки изъ496 кармановъ, опустилъ плечи, произнесъ какое то проклятіе и, схвативъ большой стаканъ, хотѣлъ пустить въ голову Стертопу, когда мой опекунъ схватилъ его за руку и остановилъ его.

— Джентльмены, — сказалъ мистеръ Джаггерсъ, спокойно поставивъ стаканъ на столъ и взглянувъ на свой золотой хронометръ, — мнѣ очень жаль, но я долженъ сказать вамъ, что уже половина десятаго.

Мы всѣ встали, собираясь разойтись. Прежде чѣмъ выйти на улицу, Стертопъ ласково, какъ будто бы ничего не случилось, на-

звалъ Друммеля „старый дружище". Но „старый дружище" былъ такъ далекъ отъ желанія отвѣчать, что все время, пока оба они шли въ Гаммерсмитъ, онъ шелъ по другую сторону дороги. Мы съ Гербертомъ оставались въ городѣ, а потому смотрѣли издали, какъ они шли по двумъ обѣимъ противоположнымъ сторонамъ улицы. Стертопъ шелъ нѣсколько впереди, а Друммель сзади, въ тѣни домовъ, какъ это онъ дѣлалъ и на лодкѣ.

Такъ какъ дверь не была еще заперта, то я оставилъ на минуту Герберта и поспѣшилъ наверхъ, чтобы сказать нѣсколько словъ моему опекуну. Я нашелъ его въ уборной, окруженнаго сапогами и совершавшаго омовеніе послѣ насъ.

Я сказалъ ему, что пришелъ нарочно выразить ему свое сожалѣніе по поводу случившагося и надежду свою на то, что онъ не будетъ строго судить меня.

— Пфу!—сказалъ онъ, продолжая мыть лицо и прыскаться водой во всѣ стороны.—Все это пустяки, Пипъ! Мнѣ очень нравится этотъ паукъ.

Онъ повернулся ко мнѣ и, качая головой и пыхтя, вытиралъ лицо полотенцомъ.

— Радъ очень, если онъ нравится вамъ, сэръ! — сказалъ я.— Но я не...

— Нѣтъ, нѣтъ, — отвѣчалъ мой опекунъ, — имѣйте поменьше дѣла съ нимъ. Держитесь отъ него, какъ можно, дальше. Но молодецъ этотъ нравится мнѣ, Пипъ! Онъ настоящаго сорта. Будь я прорицателемъ...

Выглянувъ изъ за полотенца, онъ посмотрѣлъ на меня.

— Но я не прорицатель, — сказалъ онъ, вытирая голову полотенцемъ и проводя имъ за ушами, — Вѣдь вы знаете, кто я, не правда ли? Спокойной ночи, Пипъ!

— Спокойной ночи, сэръ!

Спустя мѣсяцъ послѣ этого кончился срокъ пребыванія паука въ домѣ мистера Покета и онъ къ величайшему удовольствію всѣхъ насъ, за исключеніемъ мистриссъ Покетъ, удалился къ себѣ во-свояси.

Глава двадцать седьмая.

„Любезный мистеръ Пипъ!"

„Пишу къ вамъ, по просьбѣ мистера Гарджери, чтобъ извѣстить васъ, что онъ ѣдетъ въ Лондонъ съ мистеромъ Уопселемъ и желалъ бы васъ видѣть, если вы позволите. Онъ заѣдетъ въ гостинницу Бернарда во вторникъ, въ девять часовъ утра, и если вы желаете его видѣть, то отдайте приказъ швейцару. Сестра ваша почти въ томъ же положеніи. Каждый вечеръ, сидя передъ очагомъ въ кухнѣ, мы вспоминаемъ о васъ и строимъ разныя догадки о

томъ, что вы говорите и дѣлаете. Если вы почтете письмо это за вольность, то извините меня ради вспоминанія прежнихъ счастливыхъ дней. Вотъ и все, дорогой мистеръ Пипъ.

„Ваша покорная слуга Бидди".

„P. S. Онъ просилъ меня написать вамъ: „шутки". Онъ говоритъ, что вы это поймете. Я надѣюсь и даже увѣрена, что вы будете рады его видѣть, потому-что, хотя вы и джентльменъ, но сердце у васъ всегда было доброе, а онъ достойный человѣкъ. Я прочла ему все письмо, за исключеніемъ этихъ послѣднихъ строкъ, и онъ еще разъ проситъ меня прибавить: „шутки".

Письмо это я получилъ въ понедѣльникъ, а слѣдовательно, Джо долженъ былъ явиться на слѣдующее утро. Позвольте мнѣ откровенно высказать чувства, съ которыми я ожидалъ пріѣзда Джо.

Не съ удовольствіемъ ожидалъ я его, хотя и былъ связанъ съ Джо столь тѣсными узами, а съ безпокойствомъ, даже неудовольствіемъ, вполнѣ сознавая несообразность этого свиданія. Еслибъ я могъ удержать его, заплативъ ему за то деньгами, то навѣрно не пожалѣлъ бы денегъ. Меня утѣшало только то, что онъ пріѣдетъ въ гостинницу Бернарда, а не въ Гамерсмитъ и, слѣдовательно, не наткнется на Друммеля. Замѣтьте, я не боялся, чтобъ его увидѣли Гербертъ и мистеръ Покетъ, которыхъ я уважалъ, но я боялся, чтобъ не увидѣлъ его Друммель, котораго я презиралъ. Такъ обыкновенно случается въ жизни: самыя вопіющія глупости и низости дѣлаются въ угоду людямъ, которыхъ мы презираемъ въ глубинѣ души.

Съ нѣкотораго времени я началъ украшать свои комнаты самымъ безполезнымъ и несообразнымъ образомъ, и эта тщетная борьба съ неизяществомъ Бернарда стоила мнѣ немало денегъ. Правда, комнаты значительно измѣнили свой видъ, а я получилъ немалое значеніе въ глазахъ сосѣдняго обойщика и мебельщика. Я дошелъ до того, что снарядилъ даже грума и еще какого! — въ ботфортахъ. Правда, въ немъ было не много проку и изъ насъ двухъ я бы скорѣе могъ назваться его рабомъ, потому-что, вышколивъ его (изъ оборвыша и негодяя, сынка моей прачки) и нарядивъ въ синій кафтанъ, желтый жилетъ, бѣлый галтухъ, палевыя брюки и упомянутые ботфорты, мнѣ предстояло еще заботиться о томъ, чтобъ ему поменьше дѣлать и побольше ѣсть. Онъ рѣшительно отравлялъ мое существованіе.

Это угнетающее пугало получило приказаніе быть во вторникъ, съ восьми часовъ наготовѣ въ передней (имѣвшей два фута въ квадратѣ), а Гербертъ предложилъ достать къ завтраку что-нибудь лакомое для Джо. Я былъ очень радъ видѣть въ немъ это вниманіе и сочувствіе, но, при всемъ томъ, подозрѣвалъ, что онъ дѣлалъ это потому, что Джо пріѣзжалъ не къ нему.

Какъ бы то ни было, чтобъ принять Джо, я съ вечера поѣхалъ въ городъ; на другое утро всталъ пораньше и приглядѣлъ за тѣмъ, чтобъ гостиная и чайный столъ имѣли самую блестящую обстановку. Къ несчастью, утро было пасмурное.

Чѣмъ ближе подступало время, тѣмъ я становился безпокойнѣе и, навѣрно, убѣжалъ бы, еслибъ грумъ мой, исполняя мое приказаніе, не сидѣлъ у дверей залы. Наконецъ, я услышалъ шаги Джо; я узналъ его по его тяжелой, неуклюжей поступи, благодаря его парадныхъ сапогамъ, которые всегда были ему не въ-пору, и мѣшкотности, съ которою онъ разбиралъ надписи на дверяхъ въ другихъ этажахъ. Когда онъ остановился у нашей двери, я могъ разслышать, какъ онъ проводилъ пальцемъ по надписи, разбирая ее букву за буквой, и потомъ совершенно-явственно разслышалъ его дыханіе у замочной скважины. Наконецъ, онъ слегка стукнулъ въ дверь и Пеперъ (такъ звали моего грума) доложилъ: „мистеръ Гарджери". Мнѣ показалось, что онъ цѣлую вѣчность будетъ обтирать себѣ ноги и что мнѣ придется идти, чтобъ оторвать его отъ ковра; но онъ, наконецъ, вошелъ.

— Джо! какъ ты поживаешь — а, Джо?

— Пипъ! какъ ты поживаешь, Пипъ?

Съ сіяющимъ лицомъ, поставилъ онъ свою шляпу на полъ между нами и, схвативъ меня за руки, принялся работать ими вверхъ и внизъ, какъ привиллегированнымъ насосомъ.

— Какъ я радъ тебя видѣть, Джо! Дай мнѣ твою шляпу.

Но Джо, схвативъ ее обѣими руками, какъ-будто гнѣздо съ яйцами, и слышать не хотѣлъ о разлукѣ съ своею собственностью и упорно продолжалъ держать ее въ рукахъ.

— Да какъ ты... того... выросъ! — сказалъ онъ: — и подобрѣлъ... и.. того.. оджентльменился.

Джо нѣсколько минутъ подумалъ прежде, чѣмъ пріискать это слово.

— Право, и король, и вся страна должны бы гордиться тобою.

— И ты, Джо, очень хорошъ навзглядъ.

— Слава Богу! — отвѣтилъ онъ: — я всегда былъ таковъ. И сестрѣ твоей не хуже, чѣмъ прежде. А Бидди все та же умница-разумница. И всѣ-себѣ живутъ попрежнему, если еще не лучше. Развѣ, что, вотъ, Уопсель сплоховалъ.

Во все время Джо, все еще не выпускавшій шляпы изъ рукъ, бросалъ вокругъ себя удивленные взгляды, останавливая ихъ то на предметахъ, находившихся въ комнатѣ, то на моемъ узорчатомъ, пестромъ халатѣ.

— Сплоховалъ, Джо?

— Какъ же, — сказалъ Джо, понижая голосъ: — бросилъ церковь и пошелъ на сцену. *Это* и привело его въ Лондонъ, вмѣстѣ со мною. И онъ бы желалъ — при этомъ Джо взялъ свое гнѣ-

эдо подъ-руку и другою принялся отыскивалъ въ немъ яйца: — чтобъ я осмѣлился, то-есть, если вы сдѣлаете честь...

Онъ подалъ мнѣ измятую афишу одного изъ мелкихъ столичныхъ театровъ, гласившую о дебютѣ „знаменитаго провинціальнаго актера-любителя, необыкновення игра котораго въ первомъ трагическомъ произведеніи нашего національнаго барда надѣлала много шуму въ кружкахъ цѣнителей драматическаго искусства“

— Былъ ли ты на его представленіи, Джо? — спросилъ я.

— *Былъ,* — отвѣтилъ онъ съ торжественнымъ выраженіемъ.

— И, дѣйствительно, онъ надѣлалъ шуму?

— То-есть... какъ бы вамъ сказать... правда, шуму было немало и апельсинныя корки сыпались на него градомъ; особенно, когда онъ, знаете, видитъ призракъ... И сами посудите, можно ли человѣку хорошо дѣлать свое дѣло, когда, среди самаго разговора съ призракомъ, ему то-и-дѣло, кричатъ „аминь“. Положимъ, человѣкъ имѣлъ несчастье быть прежде духовнымъ лицомъ,—прибавилъ Джо, понижая голосъ и продолжая говорить тономъ сочувствія и убѣжденія: — но, вѣдь, это же не причина мѣшать ему въ подобную минуту. А если уже тѣнь отца не должна занимать всего его вниманія, то, что жъ должно? Да къ тому же еще его траурная шапочка, какъ на грѣхъ, была такъ мала, что перья перевѣшивали, и она то-и-дѣло сваливалась съ головы.

Въ эту минуту, на лицѣ Джо выразилось что-то страшное, какъ-будто онъ самъ завидѣлъ привидѣніе. Я по этому догадался, что Гербертъ вошелъ въ комнату. Я представилъ ему Джо и онъ протянулъ ему руку, но послѣдній попятился, упорно держась обѣими руками за свое гнѣздо.

— Вашъ покорный слуга, сэръ, — сказалъ Джо: — позвольте выразить мою надежду, что вы и Пипъ...

Здѣсь его взоръ остановился на Пеперѣ, ставившемъ жареный хлѣбъ на столъ, и онъ ужъ былъ готовъ причесть его къ нашей семьѣ, какъ встрѣтилъ мой взглядъ и, сконфузившись, продолжалъ:

— То-есть, я хотѣлъ освѣдомиться, какъ вы оба джентльмена... какъ ваше здоровье, какъ вы поживаете въ этомъ тѣсномъ, душномъ углу? Ибо, хотя эта гостинница, можетъ-быть, и очень хороша для Лондона, но, прибавилъ онъ довѣрчивымъ шопотомъ:— я бы, съ вашего позволенія, не сталъ бы и свиней въ ней держать, то-есть, еслибъ я хотѣлъ откармливать ихъ, чтобъ мясо было повкуснѣе.

Произнеся эту похвалу нашему жилищу и выразивъ, мимоходомъ, наклонность называть меня сэромъ, Джо получилъ приглашеніе сѣсть къ столу и пришелъ въ недоумѣніе, куда ему дѣвать свою шляпу. Глядя на его хлопоты, можно было подумать, что она можетъ покоиться на предметахъ, только очень-рѣдко

встрѣчающихся въ природѣ. Наконецъ, онъ помѣстилъ ее на выступавшемъ углу камина, откуда она безпрестанно падала.

— Чего вы желаете, мистеръ Гарджери, кофе или чаю? — спросилъ Гербертъ, который всегда распоряжался за чайнымъ столомъ.

— Чувствительно вамъ благодаренъ, сэръ, — отвѣтилъ Джо, держась прямо, какъ палка. — Чего пожалуете-съ.

— Такъ хотите кофе?

— Благодарю васъ, сэръ, — отвѣтилъ Джо, явно-огорченный предложеніемъ: — если ужъ вамъ такъ угодно, я не намѣренъ противорѣчить. Но не находите ли вы, что кофе слишкомъ насыщаетъ?

— Такъ, значитъ, чаю? — сказалъ Гербертъ, наливая ему чашку.

Въ эту минуту шляпа Джо, стоявшая на каминѣ, упала; онъ вскочилъ, поднялъ ее и снова поставилъ на то же самое мѣсто, и поставилъ такъ, будто основныя правила общежитія требовали, чтобъ она вскорости снова упала.

— Когда вы пріѣхали, мистеръ Гарджери?

— Позвольте, кажется, вчера вечеромъ? — сказалъ Джо, принимаясь кашлять въ кулакъ, какъ будто успѣлъ съ своего пріѣзда схватить коклюшъ. — Нѣтъ, нѣтъ, это было не вчера; а, впрочемъ, позвольте, позвольте, позвольте— да, да, точно вчера вечеромъ.

Эти послѣднія слова онъ произнесъ съ выраженіемъ строгаго безпристрастія.

— А успѣли ли вы видѣть что-нибудь изъ достопримѣчательностей Лондона?

— О, да, сэръ, — сказалъ Джо: — мы съ Уопселемъ прямо отправились въ желѣзные ряды, да только они не очень-то похожи на тѣ картинки, что рисуютъ на объявленіяхъ, прибитыхъ вездѣ на лавкахъ, тѣ... того... знаете ли, больно алхитектурнурнурны.

Я, право, полагаю, что Джо еще протянулъ бы это слово (отлично выражавшее, по моему, извѣстнаго рода архитектуру), еслибъ его вниманіе не было отвлечено новымъ паденіемъ шляпы. Дѣйствительно, эта несчастная шляпа требовала постояннаго его вниманія и неимовѣрнаго проворства и ловкости. Вообще, это была прелюбопытная игра. Онъ, то подскакивалъ къ шляпѣ и ловко подымалъ ее съ полу, то искусно ловилъ ее на лету. Наконецъ, онъ уронилъ ее въ полоскательную чашку, откуда мнѣ пришлось ее спасать.

Что касается воротника его рубашки, то онъ страшно давилъ ему горло. Непостижимо, отчего этотъ человѣкъ, не сдавивъ себѣ горло до обморока, не считалъ себя прилично одѣтымъ? Отчего

онъ полагалъ необходимымъ искупить страданіемъ свое праздничное одѣяніе? Кончивъ свою игру со шляпою, онъ впалъ въ такую задумчивость, такъ страшно вылупилъ глаза и кашлялъ, такъ смѣшно сидѣлъ на стулѣ и ронялъ себѣ на колѣни, по-крайней-мѣрѣ, половину своей ѣды, что я отъ души обрадовался, когда Гербертъ ушелъ въ Сити.

У меня не доставало ни ума, ни души, чтобъ почувствовать, что я самъ всему виною; еслибъ я обходился съ Джо не такъ сухо, то и онъ не велъ бы себя такъ странно; я же начиналъ на него сердиться и выходить изъ себя.

— Теперь мы одни, сэръ... — началъ Джо.

— Джо, — перебилъ я его угрюмо: — какъ можешь ты меня называть сэромъ?

Джо пристально посмотрѣлъ на меня и что-то, въ родѣ упрека, блеснуло въ его глазахъ. Несмотря на мое нелѣпое настроеніе духа, я не могъ не почувствовать, что во взорахъ его проглядывало достоинство.

— Теперь мы одни, — продолжалъ Джо: — и такъ-какъ я намѣреваюсь остаться здѣсь очень недолго, то лучше прямо приступлю къ цѣли моего пріѣзда, доставившаго мнѣ честь васъ видѣть. Ибо,—прибавилъ онъ:—повѣрьте, еслибъ я этимъ не желалъ вамъ услужить, то никогда не обезпокоилъ бы джентльменовъ въ ихъ собственномъ домѣ.

Мнѣ такъ не хотѣлось опять встрѣтить взглядъ Джо, что я ничего не возразилъ на его слова.

— Ну, сэръ, — продолжалъ Джо: — вотъ въ чемъ дѣло. Сижу я намедни у „Трехъ лодочниковъ“, Пипъ (когда онъ хотѣлъ быть дружественнымъ, то называлъ меня Пипомъ, иначе же, изъ приличья, сэромъ); вдругъ пріѣзжаетъ Пембельчукъ въ своей одноколкѣ. Онъ, — продожалъ Джо, совершенно удаляясь отъ своего предмета: — часто досаждаетъ мнѣ: знаете, увѣряетъ весь городъ, будто бы онъ былъ вашимъ товарищемъ и другомъ въ юности вашей.

— Вздоръ, Джо! Вѣдь, ты знаешь, что ты былъ единственнымъ моимъ другомъ и товарищемъ.

— Какъ же, я это не хуже васъ знаю, хотя теперь ужъ все-равно, — проговорилъ Джо, слегка качая головою. — Ну, Пипъ, вотъ этотъ Пембельчукъ подходитъ ко мнѣ въ „Лодочникахъ“ — вы знаете, сэръ, какая отрада рабочему человѣку выпить пивца и выкурить трубочку — и говоритъ онъ мнѣ: „Джозефъ, миссъ Хевишемъ желаетъ, значитъ, съ тобою переговорить“.

— Миссъ Хевишемъ, Джо?

— „Она желаетъ, говоритъ, переговорить“.

Джо на минуту остановился и устремилъ глаза на потолокъ.

— Неужели, Джо? Пожалуйста, продолжай.

— Вотъ, на другой день, сэръ, — сказалъ Джо, смотря на меня: — я почистился, взялъ, да и пошелъ къ миссъ X.

— Миссъ X? Миссъ Хевишемъ ты хочешь сказать?

— Да, къ миссъ X, миссъ Хевишемъ тожъ, — отвѣчалъ Джо, съ такимъ *формальнымъ* видомъ, какъ будто онъ диктовалъ свое завѣщаніе. — Вотъ, что она мнѣ сказала: „Мистеръ Гарджери, вы, говоритъ, въ перепискѣ съ мистеромъ Пипомъ". Получивъ однажды отъ тебя письмо, я отвѣчалъ: „точно такъ-съ, сударыня". „Ну, такъ не скажете ли вы ему въ письмѣ, говоритъ, что Эстелла пріѣхала и желала бы его видѣть"?

Я чувствовалъ, что, взглянувъ на Джо, сильно покраснѣлъ. Одна изъ причинъ, заставившихъ меня покраснѣть, было сознаніе, что еслибъ я зналъ, съ какимъ порученіемъ пріѣхалъ Джо, я бы его принялъ совершенно иначе.

— Просилъ я Бидди написать вамъ, воротясь домой, да она какъ-то неохотно бралась за перо. „Я знаю, говоритъ, онъ очень будетъ радъ это слышать отъ васъ самихъ, къ тому же, вы очень желаете его видѣть. Сегодня праздникъ; поѣзжайте-ка". Вотъ я и кончилъ, сэръ,—прибавилъ Джо, вставая съ мѣста.—Желаю вамъ, Пипъ, чтобъ вы жили и поживали все счастливѣе и счастливѣе, дѣлались все славнѣе и славнѣе.

— Но, вѣдь, ты, Джо, не уходишь же сейчасъ?

— Да, я ухожу.

— Но, вѣдь, ты придешь обѣдать, Джо?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Джо.

Наши глаза встрѣтились и „сэръ" замерло на устахъ благороднаго человѣка.

— Пипъ, старый дружище!—сказалъ онъ, протянувъ мнѣ руку:—свѣтъ полонъ прощаній и разлукъ! И одинъ на свѣтѣ кузнецъ, другой—мѣдникъ, третій—золотильщикъ; вотъ между этими людьми и должны быть различія; но этимъ нечего огорчаться. Если кто-нибудь изъ насъ сегодня виноватъ, то это я. Я и ты, мы вмѣстѣ не можемъ быть въ Лондонѣ, и вообще нигдѣ, какъ посреди друзей, которые насъ понимаютъ. Не то, чтобъ я былъ гордъ— нѣтъ, но я хочу всегда хорошо поступать, и ты никогда болѣе меня не увидишь въ этомъ платьѣ. Я нехорошо дѣлаю, когда надѣваю это платье. Я нехорошо дѣлаю, когда оставляю кузницу, свою кухню или наши болота. Ты будешь гораздо лучшаго обо мнѣ мнѣнія, вспоминая обо мнѣ въ моемъ обыкновенномъ, замаранномъ платьѣ, съ молоткомъ въ рукѣ или трубкою въ зубахъ. Ты будешь гораздо лучшаго обо мнѣ мнѣнія, если когда-нибудь пожелаешь со мною повидаться и, заглянувъ въ окошко кузницы, увидишь кузнеца Джо въ изношенномъ, сожженномъ передникѣ и услышитъ какъ онъ стучитъ своимъ молоткомъ по наковальнѣ. Мнѣ очень, очень тяжело и грустно, но, мнѣ кажется, я наконецъ добрался-таки до

истины. Ну, прощай, Пипъ, Христосъ съ тобою, старый дружище, Христосъ съ тобою!

Нѣтъ, я не ошибся, онъ дѣйствительно имѣлъ какое-то врожденное достоинство. Уродливое платье его уже теперь не вредило ему въ моихъ глазахъ такъ же точно, какъ оно не могло и заслонить ему врата царствія небеснаго. Онъ тихонько поцѣловалъ меня въ лобъ и вышелъ. Когда я пришелъ въ себя и побѣжалъ искать его въ сосѣднихъ улицахъ, его уже слѣдъ простылъ.

Глава двадцать восьмая.

Итакъ, мнѣ предстояло на слѣдующій день посѣтить мой родимый городъ. Въ первомъ порывѣ раскаянія я хотѣлъ непремѣнно остановиться у Джо. Но когда прошло нѣсколько времени и я взялъ на завтра мѣсто въ дилижансѣ и съѣздилъ къ мистеру Покету, я началъ изобрѣтать себѣ извиненія, чтобъ остановиться не у Джо, а въ „Синемъ Вепрѣ“. Во-первыхъ, я стѣснилъ бы Джо, ибо меня не ожидали и моя постель вѣрно не была готова; во-вторыхъ, отъ нашего дома было слишкомъ далеко до миссъ Хевишемъ, а она была очень взыскательна. Самого себя обманывать легче всего, и потому я легко поддался этимъ обманчивымъ доводамъ. Однако, это очень странное явленіе. Взять по ошибкѣ фальшивую монету за настоящую—дѣло очень понятное; но, что сказать о томъ, кто принимаетъ фальшивую монету своего собственнаго издѣлія за настоящую? Обязательный незнакомецъ можетъ, взявшись завернуть мои деньги, ловко подмѣнить ихъ орѣховой скорлупой; но что жъ его ловкость сравнительно съ моею, когда я самъ завертываю скорлупу и увѣряю себя, что это деньги?

Рѣшившись остановиться у „Синяго Вепря“, я началъ раздумывать, не взять ли мнѣ съ собою моего грума. Конечно, меня сильно соблазнила мысль объ эффектѣ, который онъ произвелъ бы, публично выставляя свои высокіе сапоги на дворѣ „Синяго Вепря“. Я съ торжествомъ воображалъ себѣ, какъ онъ войдетъ въ лавку Трэбба и какъ ошеломитъ его мальчишку. Но, съ другой стороны, этотъ самый мальчишка могъ съ нимъ сблизиться и разсказать ему кое-что, или, пожалуй, осмѣять и закидать его грязью на улицѣ. Чего нельзя было ожидать отъ такой дерзкой твари? Къ тому жъ, могла о немъ услыхать и моя благодѣтельница и не одобрить такой роскоши. Словомъ, я рѣшился ѣхать одинъ.

Я взялъ мѣсто въ вечернемъ дилижансѣ, и такъ какъ была уже зима, то мы не могли пріѣхать къ мѣсту назначенія прежде сумерекъ. Дилижансъ отъѣзжалъ въ два часа, и я пріѣхалъ въ контору минутъ за десять. Я взялъ съ собою грума до дилижанса, чтобъ мнѣ помочь въ случаѣ нужды, хотя, по правдѣ, онъ никогда мнѣ не помогалъ, если только могъ отвертѣться.

Въ то время было обыкновеніе пересылать колодниковъ на галеры въ общественныхъ дилижансахъ. Я часто слыхалъ объ этомъ и самъ видалъ на большихъ дорогахъ, какъ они, сидя въ наружныхъ мѣстахъ, гремѣли своими цѣпями; потому я вовсе не удивился, когда Гербертъ, встрѣтивъ меня на дворѣ, объявилъ, что со мною вмѣстѣ ѣдутъ двое колодниковъ. Но, какъ извѣстно, я имѣлъ причины, хотя уже и очень устарѣлыя, смущаться при одномъ имени колодниковъ.

— Вѣдь, это тебѣ все-равно, Гендель? — сказалъ Гербертъ.

— Конечно!

— Мнѣ показалось, какъ-будто тебѣ это очень не понравилось.

— Я не могу сказать, чтобъ они мнѣ нравились, да и ты, я думаю, не особенно ихъ любишь. Впрочемъ, мнѣ, право, все-равно.

— Посмотри, вонъ ихъ ведутъ, — сказалъ Гербертъ. — Какое грубое и унизительное зрѣлище!

Они выходили изъ-за прилавка и, вѣроятно, только-что подчивали своего надсмотрищика, ибо всѣ трое рукою обтирали ротъ. Руки обоихъ колодниковъ были скованы вмѣстѣ; на ногахъ у нихъ были знакомыя мнѣ колодки; платье ихъ также было довольно мнѣ извѣстно. Тюремщикъ, провожавшій ихъ, имѣлъ при себѣ пару пистолетовъ и подъ-мышкой несъ толстую, сучковатую дубину. Однако, онъ, казалось, былъ съ ними въ дружескихъ отношеніяхъ. Онъ остановился съ ними посреди двора и сталъ смотрѣть, какъ запрягаютъ лошадей. Смотря на него, можно было принять каторжниковъ за интересную выставку, а его — за ея распорядителя. Одинъ изъ колодниковъ былъ выше и толще другого и, по какому-то странному случаю, свойственному и не однимъ колодникамъ, платье на немъ было уже и короче, чѣмъ у его товарища. Его руки и ноги казались огромными подушками для булавокъ, и вообще его странный костюмъ совершенно обезображивалъ его фигуру. Но я тотчасъ же узналъ его полузакрытый глазъ: это былъ незнакомецъ, давшій мнѣ нѣкогда въ трактирѣ двѣ фунтовыя бумажки.

Легко было видѣть, что онъ меня не узналъ. Онъ посмотрѣлъ на меня искоса, и глаза его остановились на моей цѣпочкѣ, потомъ онъ плюнулъ въ сторону и сказалъ что-то товарищу. Они оба засмѣялись, повернулись, гремя цѣпями, и обратили свое вниманіе на другой предметъ. Большіе нумера на спинѣ, какъ-будто сорванные съ домовъ, грубыя, неуклюжія фигуры, колодки на ногахъ, обвязанныя, для приличія, носовыми платками, наконецъ, презрѣніе, всѣми имъ оказываемое — все это придавало имъ какой-то непріятный, гнусный видъ.

Но это еще не все. Оказалось, что всѣ заднія наружныя мѣста были заняты какимъ-то семействомъ, перебиравшимся изъ Лондона въ провинцію. Такимъ образомъ, для колодниковъ оста-

вались только переднія мѣста, тотчасъ за кучеромъ. Увидѣвъ это, вспыльчивый господинъ, занявшій четвертое мѣсто впереди, пришелъ въ страшную ярость, крича, что противно правиламъ сажать его въ такое подлое общество; что это мерзко, гадко, безсовѣстно и т. д. и т. д. Дилижансъ былъ готовъ и кучеръ уже выходилъ изъ терпѣнія. Мы начали усаживаться, къ намъ подошли и колодники съ ихъ присмотрщикомъ, и отъ нихъ понесло странною смѣсью горячаго хлѣба, байки, веревокъ и сажи, запахомъ, присущимъ всѣмъ каторжникамъ.

— Не извольте безпокоиться, сэръ, — обратился присмотрщикъ къ сердитому путешественнику: — я самъ сяду рядомъ съ вами. Я ихъ посажу къ краю. Они не будутъ васъ безпокоить, сэръ. Представьте себѣ, что ихъ и нѣтъ вовсе.

— И не вините въ этомъ меня, — проворчалъ знакомый мнѣ колодникъ: — я вовсе не желаю ѣхать. Я готовъ съ радостью остаться. Насколько отъ меня зависитъ, я очень буду радъ, если кто-нибудь займетъ мое мѣсто.

— И я также, — подхватилъ другой колодникъ угрюмо: — я бы никого не обезпокоилъ, еслибъ дѣйствовалъ по своему желанію.

Послѣ этого они разсмѣялись и начали щелкать орѣхи, выплевывая скорлупу. Мнѣ, право, кажется, что въ ихъ положеніи, презираемый всѣми, и я бы дѣлалъ то же.

Наконецъ, сердитому господину пришлось рѣшиться или ѣхать въ случайномъ, непріятномъ обществѣ, или оставаться въ Лондонѣ. Нечего было дѣлать, онъ взлѣзъ на свое мѣсто. Около него помѣстился присмотрщикъ, а далѣе и колодники. Я сѣлъ на свое мѣсто, на козлахъ, передъ самымъ моимъ колодникомъ, такъ что его дыханіе обдавало мою голову.

— Прощай, Гендель! — крикнулъ Гербертъ, когда дилижансъ тронулся.

Я невольно подумалъ: „какое счастье, что онъ меня не звалъ Пипомъ!“

Невозможно выразить словами, какъ отчетливо ощущалъ я дыханіе колодника не только на головѣ, но и вдоль всей спины. Дыханіе это имѣло какое-то ѣдкое свойство и, казалось, проникало до мозга; я начиналъ уже отъ боли скрежетать зубами. Я тщетно старался повернуться къ нему бокомъ и плечомъ защитить голову отъ его дыханія; эти усилія могли только сдѣлать меня кривобокимъ. Погода была очень сырая и колодники не переставали проклинать холодъ. На всѣхъ насъ нашла какая-то спячка, и не проѣхали мы половины дороги, какъ всѣ задремали, дрожа отъ стужи. Я самъ задремалъ, раздумывая, не дать ли мнѣ этому несчастному нѣсколько фунтовъ, и какъ бы это удобнѣе сдѣлать. Но на козлахъ спать неудобно и я съ ужасомъ проснулся,

сильно пошатнувшись впередъ, будто желая нырнуть между лошадей. Тогда я снова сталъ думать о своемъ колодникѣ.

Но, должно-быть, я дремалъ долѣе, чѣмъ я думалъ, ибо, хотя я и ничего не могъ различить въ темнотѣ, при мерцающемъ свѣтѣ нашихъ фонарей, но я чувствовалъ, по сырости въ воздухѣ, что мы уже ѣдемъ по болотамъ. Колодники, желая за моей спиной укрыться отъ холода и вѣтра, совсѣмъ налегли на меня. Я не успѣлъ еще хорошенько придти въ себя, какъ услышалъ тѣ же слова, которыя меня теперь занимали, произнесенныя моимъ знакомцемъ колодникомъ:

— Двѣ фунтовыя бумажки.

— Какъ онъ ихъ досталъ? — спросилъ другой колодникъ.

— Почемъ я знаю? Онъ ихъ спряталъ какъ-то. Вѣрно друзья дали.

— Я бы желалъ теперь ихъ имѣть, — пробормоталъ неизвѣстный мнѣ каторжникъ, проклиная холодъ и вѣтеръ.

— Двѣ фунтовыя бумажки или друзей?

— Конечно, двѣ однофунтовыя бумажки. Я бы за одинъ фунтъ продалъ всѣхъ друзей на свѣтѣ и почелъ бы это выгодною сдѣлкой. Ну, такъ онъ говоритъ?..

— Такъ онъ говоритъ, — продолжалъ прерванный разсказъ мой знакомецъ: — все это случилось въ какія-нибудь полминуты за кучей дровъ, на верфи. Васъ скоро выпускаютъ? — спросилъ онъ. Да,—отвѣчалъ я. — Не потрудитесь ли вы отыскать ребенка, который накормилъ меня и не выдалъ моей тайны, и отдайте ему двѣ фунтовыя бумажки. Я обѣщалъ и исполнилъ свое обѣщаніе.

— Ну, и дуракъ, — промычалъ другой колодникъ: — я бы ихъ спустилъ на ѣду и вино. Онъ-таки, должно-быть, простакъ былъ. Вѣдь, тебя онъ прежде не зналъ?

— Нисколько. Мы не изъ одной шайки и съ различныхъ понтоновъ.

— А что, скажи по правдѣ, ты только тогда и былъ на понтонѣ въ этихъ краяхъ?

— Да.

— Ну, а что ты думаешь объ этихъ мѣстахъ?

— Самое подлѣйшее мѣсто. Грязь, туманъ, топь и работа; работа, топь, туманъ и грязь.

Оба они начали поносить нашъ край самыми рѣзкими выраженіями, но понемногу они совершенно истощили свой запасъ ругательствъ и поневолѣ замолчали.

Услыхавъ этотъ разговоръ, я, конечно, тотчасъ слѣзъ бы съ экипажа и остался бы одинъ на мрачной дорогѣ, еслибъ только не былъ увѣренъ, что мой знакомецъ и не подозрѣвалъ моего присутствія. Дѣйствительно, я не только измѣнился въ лѣтахъ и ростѣ, но моя одежда была другая, мое положеніе совершенно

иное, такъ что ему было почти невозможно узнать меня безъ посторонней помощи. Все же, если случайное стеченіе обстоятельствъ могло свести меня съ нимъ въ одномъ дилижансѣ, то могло и открыть меня ему. Потому я рѣшился слѣзть, какъ только мы въѣдемъ въ городъ. Этотъ планъ я исполнилъ съ успѣхомъ. Мой маленькій мѣшокъ лежалъ у меня подъ ногами въ ящикѣ; мнѣ только стоило отцѣпить крючокъ, чтобъ достать его. Кинувъ его на землю, я самъ слѣзъ вслѣдъ за нимъ у перваго фонаря въ городѣ.

Что же касается колодниковъ, они продолжали путь въ дилижансѣ, а послѣ отправились на понтоны. Я припоминалъ себѣ то мѣсто, откуда ихъ повезутъ на понтонъ. Въ воображеніи своемъ, я уже видѣлъ лодку, дожидавшуюся ихъ у земляныхъ ступенекъ, я слышалъ опять: — „ну, отваливай!“ — и опять предо мною выступалъ изъ мрака ночи зловѣщій ноевъ ковчегъ.

Я не сумѣлъ бы объяснить, чего я боялся, ибо мое чувство было неопредѣленно. Мною овладѣлъ какой-то неимовѣрный трепетъ. Идя къ трактиру, я чувствовалъ, что боялся чего-то хуже, чѣмъ простого, хотя далеко непріятнаго признанія меня колодникомъ. Я убѣжденъ, что неопредѣленное чувство, овладѣвшее мною, былъ воскресшій на минуту страхъ, преслѣдовавшій меня въ дѣтствѣ.

Столовая „Синяго Вепря“ была совершенно пуста и прислужникъ меня не призналъ, пока я не усѣлся за обѣдъ. Извинившисъ въ своей забывчивости, онъ тотчасъ предложилъ послать къ Пембельчуку.

— Нѣтъ, — сказалъ я: — незачѣмъ.

Прислужникъ — тотъ самый, который нѣкогда, въ день моего поступленія въ ученики къ Джо, протестовалъ отъ имени жильцовъ — казалось, очень удивился и воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, чтобъ подложить мнѣ подъ-руку засаленный старый листокъ мѣстной газеты. Я невольно взялъ газету и прочелъ слѣдующее: „Наши читатели прочтутъ не безъ интереса, по случаю недавняго романтическаго возвышенія въ свѣтѣ одного молодого художника желѣзныхъ дѣлъ въ нашемъ околоткѣ (какая великая тема для вдохновенія нашего великаго, хотя и не всѣми признаннаго, поэта Туби), что раннимъ патрономъ, другомъ и благодѣтелемъ знаменитаго юноши, былъ человѣкъ, всѣми уважаемый и имѣющій кой-какіе интересы въ торговлѣ хлѣбомъ и сѣменами. Его чрезвычайно удобныя контора и кладовыя находятся въ ста шагахъ отъ главной улицы. Мы съ душевнымъ удовольствіемъ извѣщаемъ, что именно онъ былъ менторомъ нашего юнаго Телемака, ибо очень пріятно знать, что нашъ юноша обязанъ первоначально своимъ счастьемъ гражданину нашего города“.

Послѣ этого, я имѣю основательныя причины думать, что

еслибъ въ дни моего счастья и веселья я попалъ бы случайно на сѣверный полюсъ, то, навѣрно, и тамъ бы нашелъ какихъ-нибудь эскимосовъ или образованныхъ людей, которые объявили бы мнѣ, что Пембельчукъ былъ благодѣтель моей юности и основатель моего счастья.

Глава двадцать девятая.

Рано утромъ я всталъ и вышелъ. Было еще слишкомъ рано, чтобъ идти къ миссъ Хевишемъ, и я сталъ бродить по окрестностямъ города, гдѣ находился домъ миссъ Хевишемъ, но не тамъ, гдѣ жилъ Джо; къ нему я могъ сходить и на другой день. Дорогой я думалъ о моей покровительницѣ и рисовалъ въ воображенiи блестящiя картины ея плановъ относительно моей будущности. Она удочерила Эстеллу, она все равно что усыновила меня, и не могла не имѣть намѣренiя женить насъ. Она предоставитъ мнѣ возстановить мрачный домъ, допустить солнечный свѣтъ въ темныя комнаты, завести остановившiеся часы, снять паутины, уничтожить червей и оживить окоченѣвшiя сердца—словомъ выполнить всѣ блестящiе подвиги сказочнаго рыцаря и жениться на принцессѣ. Я остановился, чтобы взглянуть на этотъ домъ и его растрескавшiяся красныя кирпичныя стѣны, на задѣланныя окна и густой плющъ, обхватывавшiй своими сухими побѣгами, будто старческими морщинистыми руками, даже верхушки трубъ на кровлѣ— все это составляло въ моемъ воображенiи какую-то хитрую, привлекательную для меня тайну, героемъ которой былъ я. Эстелла была душой ея; но хотя она и овладѣла мною такъ сильно, хотя мои надежды и мое воображенiе стремились къ ней одной, хотя ея влiянiе на мою жизнь и на мой дѣтскiй характеръ было всемогуще, я даже въ это романическое утро не облекъ ея ни въ какое вымышленное достоинство. Я нарочно упоминаю объ этомъ обстоятельствѣ, потому-что оно должно служить путеводною нитью въ моемъ бѣдномъ лабиринтѣ. Я знаю по опыту, что условныя для влюбленныхъ понятiя не могутъ всегда быть безусловно вѣрны. Правда, что когда я любилъ Эстеллу, будучи уже мужчиной, то я любилъ ее потому, что находилъ ее невыразимо-привлекательною. Я зналъ, къ моему горю, и повторялъ себѣ весьма часто, чтобъ не сказать безпрерывно, что любилъ ее вопреки разсудку, душевному спокойствiю, счастiю, вопреки безнадежности, овладѣвавшей мною по временамъ. Но я не любилъ ея менѣе оттого, что зналъ все это, любилъ, какъ бы считая ее земнымъ совершенствомъ.

Я такъ пригналъ прогулку, что очутился у воротъ дома миссъ Хевишемъ въ мой обычный въ былое время часъ. Позвонивъ нетвердою рукой, я повернулся спиной къ воротамъ и старался собраться съ духомъ и умѣрить бiенiе моего сердца. Я слышалъ, какъ боковая дверь отворилась и черезъ дворъ раздались шаги;

по я притворился, что не слыхалъ даже, когда ворота заскрипѣли па своихъ ржавыхъ петляхъ.

Наконецъ, когда кто-то коснулся до моего плеча, я вздрогнулъ и обернулся и, разумѣется, былъ еще болѣе пораженъ, когда передо мной очутился мужчина въ опрятной сѣрой одеждѣ. То былъ послѣднiй человѣкъ въ мiрѣ, котораго я бы ожидалъ найти привратникомъ у миссъ Хевишемъ.

— Орликъ!

— А, молодой баринъ! Какъ видите, со мной произошло болѣе перемѣнъ нежели съ вами. Но, войдите, войдите. Мнѣ не приказано оставлять ворота отпертыми.

Я вошелъ и онъ захлопнулъ ихъ, заперъ и вынулъ ключъ.

— Да,—сказалъ онъ, озираясь угрюмо и сдѣлавъ нѣсколько шаговъ къ дому:—вотъ и я здѣсь!

— Какъ ты попалъ сюда?

— Я пришелъ,—возразилъ онъ:—на своихъ на двоихъ, а сундукъ мой привезли на тачкѣ.

— Къ добру ли ты здѣсь?

— Да и не къ недоброму, я полагаю, молодой баринъ.

Я не слишкомъ то былъ въ этомъ увѣренъ. Я имѣлъ время взвѣсить его отвѣтъ, пока онъ медленно поднялъ свой тяжелый взглядъ отъ земли, вдоль по ногамъ и рукамъ, къ моему лицу.

— Такъ ты оставилъ кузницу?—спросилъ я.

— Развѣ этотъ домъ похожъ на кузницу?—возразилъ Орликъ, бросая оскорбительный взглядъ вокругъ себя:—развѣ похожъ?

Я спросилъ его, какъ давно онъ оставилъ кузницу Гарджери.

— Здѣсь одинъ день такъ похожъ на другой, — возразилъ онъ:—что я не сумѣю сказать. Впрочемъ, я попалъ сюда вскорѣ послѣ вашего отъѣзда.

— Я бы могъ угадать это, Орликъ!

— А!—сказалъ онъ рѣзко:—вѣдь, и вы въ ученые попали.

Тѣмъ временемъ мы подошли къ дому, гдѣ я увидѣлъ, что комната Орлика была какъ-разъ рядомъ съ боковой дверью и имѣла маленькое окно, выходившее на дворъ. Въ своихъ маленькихъ размѣрахъ она походила на конурки парижскихъ portier. Какiе-то ключи висѣли на стѣнѣ, къ нимъ присоединилъ онъ теперь и ключъ отъ воротъ; его маленькая, покрытая заплатками постель находилась въ небольшомъ углубленiи, или нишѣ. Все это имѣло какой-то тѣсный видъ, точно клѣтка сурка, между тѣмъ, какъ Орликъ, выдѣляясь изъ темнаго угла у окошка, казалось, былъ самъ сурокъ, обладатель этой клѣтки, чѣмъ онъ и былъ на самомъ дѣлѣ.

— Я никогда не видалъ этой комнаты, — замѣтилъ я: — да здѣсь и не было привратника.

— Не было до тѣхъ поръ, пока не стали толковать, что это мѣсто вовсе не безопасно, благодаря бродящимъ здѣсь каторжникамъ и прочей дряни. Тогда меня рекомендовали, какъ человѣка, который сумѣетъ постоять за себя и я принялъ это мѣсто. Должность здѣсь легче, нежели возиться съ мѣхами и молотомъ. А эта штука у меня заряжена на всякій случай.

Глазъ мой остановился на ружьѣ съ окованнымъ мѣдью шомполомъ, висѣвшемъ надъ каминомъ, и его глаза уловили этотъ взглядъ.

— Что-жъ,—сказалъ я, не желая продолжать разговоръ;—идти мнѣ къ миссъ Хевишемъ?

— Вздерните меня, если я знаю!—возразилъ онъ, сперва потянувшись и потомъ встряхиваясь:—объ этомъ не говоритъ данная мнѣ инструкція, молодой баринъ. Я вотъ этимъ молоткомъ ударю по этому колоколу и вы пойдете по корридору, пока не встрѣтите кого-нибудь.

— Меня ожидаютъ, я полагаю.

— Вздерните меня дважды, если я вамъ на это сумѣю отвѣтить,—сказалъ онъ.

Я пошелъ по длинному корридору, по которому я хаживалъ нѣкогда въ своихъ толстыхъ сапогахъ, а онъ позвонилъ въ колоколъ. Гулъ колокола еще не замеръ, когда я встрѣтилъ въ концѣ корридора Сару Покетъ, которая, увидѣвъ меня, кажется, пожелтѣла и позеленѣла.

— О,—сказала она—вы ли это, мистеръ Пипъ?

— Я, миссъ Покетъ. Я радъ, что могу сообщить вамъ, что мистеръ Покетъ и все семейство здоровы.

— Поумнѣли ли они сколько нибудь?—спросила Сара уныло покачивая головой:—пускай бы они лучше были менѣе здоровы, да поумнѣе. Ахъ Матью, Матью!... Вы знаете дорогу, сэръ?

Дорогу я зналъ довольно хорошо; часто мнѣ приходилось всходить на лѣстницу въ темнотѣ. Я теперь поднялся по ней въ болѣе тонкихъ сапогахъ, нежели во время оно, и по старому постучалъ въ дверь миссъ Хевишемъ. Она тотчасъ же сказала: „Это Пипъ стучится. Войди, Пипъ!

Миссъ Хевишемъ сидѣла въ своемъ креслѣ, подлѣ стариннаго стола, въ прежнемъ платьѣ; руки ея были скрещены на палкѣ; она оперла на нихъ подбородокъ и устремила глаза на огонь. Подлѣ нея сидѣла съ ненадѣванным ни разу бѣлымъ башмакомъ въ рукахъ и съ наклоненной надъ нимъ головой нарядная барыня, которой я никогда прежде не видывалъ.

— Войди, Пипъ,—продолжала лепетать миссъ Хевишемъ, не поднимая глазъ:—войди, Пипъ. Какъ твое здоровье, Пипъ? Ты цѣлуешь мою руку, какъ будто я королева — э?

Она вдругъ взглянула на меня исподлобья и повторила какъ-то нахмуренно шутливо: „э?“

— Я слышалъ, миссъ Хевишемъ,—сказалъ я нѣсколько растерявшись:—что вы были такъ добры, что желали повидаться со мною—вотъ я и пріѣхалъ.

— Ну и хорошо.

Барыня, *которой я прежде не видывалъ*, подняла глаза и проницательно взглянула на меня. Я узналъ глаза Эстеллы; но она такъ измѣнилась, такъ похорошѣла, такъ сложилась; все, что было въ ней прекраснаго, такъ удивительно развилось, что мнѣ показалось, что я самъ вовсе не подвинулся впередъ. Глядя на нее, я вообразилъ, что я снова превращался въ безнадежнаго, простого, грубаго мальчишку. О, какое сознаніе несоизмѣримости разстоянія между нами овладѣло мною, и какой видъ недоступности она приняла въ моихъ глазахъ!

Она протянула мнѣ руку. Я пробормоталъ что-то про удовольствіе снова ее видѣть.

— Находишь ли ты ее очень измѣнившеюся, Пипъ?—спросила миссъ Хевишемъ съ своимъ страннымъ взглядомъ и постучала палкой по стулу, стоявшему противъ нея, приглашая тѣмъ меня сѣсть.

— Когда я вошелъ, миссъ Хевишемъ, я не узналъ ни одной черты прежней Эстеллы, но теперь все какъ то странно напоминаетъ ее...

— Какъ, ужъ, не хочешь ли ты сказать, что она все та же прежняя Эстелла?—перебила миссъ Хевишемъ.—Она была гордая и дерзкая дѣвочка и ты хотѣлъ уйти отъ нея. Развѣ ты не помнишь?

Я отвѣтилъ уклончиво, что это было такъ давно, и что я въ то время ничего лучшаго не стоилъ, и т. п. Эстелла улыбалась совершенно спокойно, говоря, что, безъ сомнѣнія, я тогда былъ правъ. и что она была очень непріятная дѣвочка.

— А онъ измѣнился?—спросила миссъ Хевишемъ.

— Очень,—сказала Эстелла, глядя на меня.

— Онъ менѣе грубъ и неотесанъ?—спросила миссъ Хевишемъ, играя Эстеллиными волосами.

Эстелла засмѣялась, взглянула на башмакъ, бывшій у нея въ рукахъ, снова засмѣялась, посмотрѣла на меня и потомъ опустила башмакъ. Она все еще обращалась со мной какъ съ ребенкомъ, хотя и кокетничала со мной. Мы сидѣли въ прежней усыпительной комнатѣ, подъ вліяніемъ той старой обстановки, которая нѣкогда такъ сильно дѣйствовала на меня. Я узналъ, что она только-что возвратилась изъ Франціи и отправляется въ Лондонъ. Гордая и своенравная попрежнему, она до того подчинила эти свойства своей красотѣ, что было невозможно или противоестественно—по

крайней мѣрѣ, я такъ думалъ—отдѣлить ихъ отъ ея красоты. Видъ ея пробудилъ во мнѣ живое воспоминаніе о той жалкой жаждѣ богатства и джентльменства, которая такъ преслѣдовала меня въ дѣтствѣ, обо всѣхъ тѣхъ, дурно направленныхъ, стремленіяхъ, которыя впервые заставили меня стыдиться моего дома и Джо, обо всѣхъ тѣхъ видѣніяхъ, которыя представляли моему воображенію образъ ея въ пламени горна, воспроизводили его въ ударахъ молота и рисовали его во тьмѣ ночной, мелькающимъ въ деревянномъ окнѣ кузницы; словомъ, мнѣ невозможно было, ни въ прошедшемъ, ни въ настоящемъ, выдѣлить мысль о ней изъ самой сокровенной глубины моей внутренней жизни.

Рѣшили, что я проведу тамъ вечеръ и на ночь возвращусь въ гостинницу, а въ Лондонъ уѣду на другой день. Поговоривъ съ нами немного, миссъ Хевишемъ послала насъ погулять вдвоемъ въ запущенномъ саду. Возвратившись съ гулянья, я долженъ былъ покатать ее въ креслѣ, какъ бывало.

Мы вышли съ Эстеллой въ садъ черезъ ту калитку, въ которую я входилъ въ день драки съ блѣднымъ джентльменомъ, нынѣ Гербертомъ. Я весь дрожалъ внутренно и обожалъ самый край ея платья; она же была совершенно спокойна и положительно ничего во мнѣ не обожала.

Когда мы подошли ближе къ мѣсту знаменитаго побоища, она остановилась и сказала:

— Должно быть, я была странное маленькое созданье, чтобъ, спрятавшись, смотрѣть на вашъ поединокъ; а это зрѣлище очень потѣшало меня.

— И вы щедро наградили меня.

— Право?—возразила она равнодушно, будто не понимая въ чемъ дѣло.—Я помню, что была очень не расположена къ вашему противнику; мнѣ сильно не нравилось его общество; появленіемъ своимъ онъ только наводилъ на меня скуку.

— Мы съ нимъ большіе друзья теперь,—сказалъ я.

— Да? Впрочемъ, вы, кажется, занимаетесь съ его отцомъ?

— Да.

Я неохотно отвѣтилъ на этотъ вопросъ; мнѣ казалось, что онъ былъ слишкомъ дѣтскій, а она и безъ того уже обращалась со мной, какъ съ ребенкомъ.

— Съ перемѣной вашего положенія. вы перемѣнили и товарищей,—сказала Эстелла.

— Разумѣется.

— И конечно,—прибавила она надменнымъ тономъ:—что нѣкогда было приличнымъ для васъ обществомъ, то теперь совершенно неприлично.

Я не знаю, было ли у меня въ душѣ смутное намѣреніе сходить

повидаться съ Джо; но если оно и было, то это замѣчаніе уничтожило его.

— Вы не ожидали въ то время такой счастливой перемѣны?— сказала Эстелла, дѣлая въ воздухѣ легкое движеніе рукой, намекавшимъ на время поединка.

— Ни мало.

Видъ независимости и превосходства, съ которымъ она шла подлѣ меня, и видъ стѣсненія и покорности, съ которымъ я шелъ подлѣ нея, представляли разительную противоположность, ясно мною сознаваемую. Сознаніе это грызло бы меня болѣе, еслибъ я не считалъ себя положительно избраннымъ и предназначеннымъ для нея.

Садъ слишкомъ заглохъ и заросъ, чтобъ можно было удобно гулять въ немъ; обойдя его два или три раза, мы очутились на дворѣ пивоварни. Я въ точности показалъ ей мѣсто, гдѣ я когда-то видѣть ее на бочкахъ. На это она сказала только:—„Право?"—и бросила равнодушный взглядъ въ ту сторону. Я напомнилъ ей, какъ она вышла изъ дома и вынесла мнѣ позавтракать; но она сказала, что не помнитъ.

— Какъ, вы не помните, что заставили меня расплакаться?— сказалъ я.

— Нѣтъ,—возразила она, покачавъ головой и осматриваясь вокругъ себя.

Эта забывчивость съ ея стороны заставила меня снова расплакаться внутренне, а это самыя горькія слезы.

— Вы должны знать,—сказала Эстелла, снисходя до меня, на сколько прилично хорошенькой и блестящей женщинѣ:—вы должны знать, что у меня нѣтъ сердца; не знаю, имѣетъ ли это вліяніе на память.

Я пробормоталъ, что осмѣливаюсь сомнѣваться въ этомъ, и имѣю на то основаніе, ибо такая красавица не можетъ быть безъ сердца.

— О, да! Я не сомнѣваюсь, что у меня есть сердце, которое можно поразить кинжаломъ или пулею,—сказала Эстелла:—и что когда оно перестанетъ биться, то я перестану жить. Но вы знаете, что я хочу сказать. Во мнѣ нѣтъ этихъ нѣжностей, симпатій, чувствъ и прочаго вздора.

Что поразило меня въ то время, какъ она стояла передо мной и внимательно глядѣла на меня? Сходство ли ея съ миссъ Хевишемъ? Нѣтъ. Въ нѣкоторыхъ ея взглядахъ и движеніяхъ была только та тѣнь сходства съ миссъ Хевишемъ, которую мы часто замѣчаемъ въ дѣтяхъ, которыя взросли подъ исключительнымъ вліяніемъ извѣстной личности, вдали отъ остальныхъ людей; вслѣдствіе чего образуется поразительное сходство въ выраженіи лицъ, хотя бы черты ихъ не имѣли ничего общаго. Однако, она напоминала мнѣ

не миссъ Хевишемъ. Я взглянулъ на нее еще разъ, она все еще продолжала смотрѣть на меня, но предположенія мои уже исчезли. Что жъ это было?..

— Я не шучу,—сказала Эстелла, съ какимъ то мрачнымъ выраженіемъ лица, хотя брови ея и не были нахмурены.—Если судьба должна часто сводить насъ вмѣстѣ, то я вамъ совѣтую сразу повѣрить мнѣ. Нѣтъ,—продолжала она, повелительно останавливая меня, когда я хотѣлъ открыть ротъ.—Я никого и ничего не любила. Я никогда не испытывала ничего подобнаго.

Черезъ минуту мы очутились въ заброшенной пивоварнѣ, и она указала на высокую галлерею, на которую входила она въ первый день нашего знакомства, сказавъ, что „она была тамъ и видѣла меня внизу, пораженнаго и испуганнаго“. Пока глаза мои слѣдили за ея бѣлой ручкой, опять та же смутная, безотчетная мысль поразила меня. Моя невольная дрожь заставила ее положить свою руку на мою. Тотчасъ же странныя мысли мои разсѣялись. Что жъ это было?..

— Что съ вами?—спросила Эстелла:—или васъ опять что-нибудь испугало?

— Мнѣ слѣдовало бы испугаться, еслибъ я могъ повѣрить вашимъ словамъ,—возразилъ я, желая перемѣнить разговоръ.

— Такъ вы не вѣрите? Что жъ дѣлать? Во всякомъ случаѣ я высказалась. Миссъ Хевишемъ скоро будетъ ждать васъ для катанья въ креслѣ, хотя я полагаю, что это можно бы теперь бросить въ сторону, вмѣстѣ со всѣмъ остальнымъ старьемъ. Обойдемте еще разъ вокругъ сада и потомъ отправимся домой. Пойдемте. Сегодня вамъ не слѣдуетъ проливать слезъ о моей жестокости; будьте моимъ пажемъ и позвольте мнѣ опереться на ваше плечо.

Ея красивое платье до сихъ поръ тащилось по землѣ. Она теперь подняла его одной рукой, а другою легко оперлась на мое плечо. Мы еще два или три раза обошли вокругъ заросшаго сада и онъ мнѣ показался весь въ цвѣту. Будь зеленыя и желтыя травки въ трещинахъ старой стѣны самыми рѣдкими цвѣтами, онѣ не могли бы имѣть болѣе прелести въ моихъ воспоминаніяхъ.

Между нами не было несоотвѣтствія въ лѣтахъ, которое могло бы служить намъ преградою. Мы были почти ровесники. Но неприступный видъ, придаваемый ей красотою и обращеніемъ, отравлялъ мое блаженство, несмотря на внутреннее убѣжденіе, что наша покровительница предназначала насъ другъ другу. Наконецъ, мы воротились домой и тамъ я узналъ съ удивленіемъ, что мой опекунъ приходилъ повидаться съ миссъ Хевишемъ по одному дѣлу и возвратится къ обѣду. Въ комнатѣ, гдѣ стоялъ покрытый гнилью столъ, были зажжены старые канделябры, и миссъ Хевишемъ сидѣла въ своемъ креслѣ, ожидая меня.

Когда мы стали описывать старинные круги около развалинъ

свадебнаго пирога, мнѣ показалось, что вслѣдъ за кресломъ я уходилъ въ прошедшее. Но въ этой мрачной комнатѣ, рядомъ съ этимъ трупомъ, будто возставшимъ изъ гроба, Эстелла казалась еще прекраснѣе и плѣнительнѣе, и я былъ очарованъ сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь.

Приближалось обѣденное время и Эстелла оставила насъ, чтобъ приготовиться къ столу. Мы остановились у средины длиннаго стола и миссъ Хевишемъ, протянувъ свою сухую руку, положила ее на пожелтѣвшую скатерть. Эстелла оглянулась на порогѣ комнаты и взглянула назадъ черезъ плечо; миссъ Хевишемъ послала ей рукою поцѣлуй съ такимъ страстнымъ взглядомъ, что онъ невольно привелъ меня въ ужасъ.

Когда Эстелла вышла и мы остались вдвоемъ, она обратилась ко мнѣ и спросила шопотомъ:

— Что, она хороша, стройна, граціозна? Нравится она тебѣ?

— Она должна нравиться всякому, кто ее знаетъ, миссъ Хевишемъ.

Обхвативъ одной рукой мою шею, она, сидя въ креслѣ, пригнула мою голову къ своей.

— Люби, люби ее! Какъ она съ тобой обращается?

Прежде, нежели я успѣлъ отвѣтить (если только я могъ отвѣтить что-нибудь на такой трудный вопросъ) она повторила:

— Люби, люби ее! Если она станетъ отличать тебя—люби ее. Если она будетъ оскорблять тебя—люби ее. Если она будетъ раздирать твое сердце на части, и чѣмъ старше ты станешь, чѣмъ глубже будутъ раны—все жъ люби, люби ее!

Я никогда не слыхивалъ словъ, произнесенныхъ съ такимъ жаромъ. Я чувствовалъ, какъ мускулы ея сухой руки, обхватившей мою шею, наливались кровью отъ овладѣвшаго ею волненія.

— Слушай, Пипъ! Я приняла ее къ себѣ, чтобъ ее любили. Я выростила и воспитала ее, чтобъ ее любили. Я довела ее до того, что она теперь, все затѣмъ, чтобъ ее любили—люби ее!

Она повторяла послѣднее слово довольно часто, такъ что нельзя было смѣшать его съ какимъ-нибудь другимъ; но если бы это слово, вмѣсто любви, выражало ненависть, отчаяніе, мщеніе, проклятіе, она не могла бы произнести его болѣе страшнымъ голосомъ.

— Я скажу тебѣ,—продолжала она тѣмъ же отрывистымъ, страшнымъ шепотомъ:—что такое истинная любовь: это слѣпая, безотчетная преданность, самоуниженіе, это совершенная покорность, вѣра и надежда, вопреки самому себѣ, это, наконецъ, полная отдача души и сердца любимому человѣку. Это то, что сдѣлала я!

Дойдя до этого, она испустила дикій крикъ; я обхватилъ ее за талію, потому что она встала съ кресла и бросилась впередъ, какъ будто желая удариться объ стѣну и пасть мертвою.

Все это произошло въ одно мгновеніе. Усадивъ ее въ кресло, я

почувствовалъ знакомый мнѣ запахъ душистаго мыла и, оглянувшись, увидѣлъ въ комнатѣ своего опекуна.

Я, кажется, не говорилъ еще, что онъ постоянно носилъ шелковый носовой платокъ внушающихъ размѣровъ, который игралъ большую роль въ его ремеслѣ. Я видалъ, какъ онъ смущалъ кліента или свидѣтеля тѣмъ, что торжественно развертывалъ свой платокъ, какъ бы собираясь немедленно высморкаться, но потомъ останавливался, зная, что не успѣетъ это сдѣлать, прежде нежели кліентъ или свидѣтель проговорится. Когда я увидѣлъ его въ комнатѣ, онъ держалъ свой зловѣщій платокъ въ обѣихъ рукахъ и глядѣлъ на насъ. Встрѣтивъ мой взглядъ, онъ ясно высказалъ тѣмъ, что остался на нѣсколько минутъ молча въ этой же позѣ: „Неужели? Странно!“ и затѣмъ, съ необыкновеннымъ успѣхомъ, обратилъ свой платокъ къ настоящему его назначенію.

Миссъ Хевишемъ примѣтила его въ одно время со мной; она, какъ и всѣ вообще, боялась его. Она сдѣлала сильную попытку оправиться и пробормотала, что онъ аккуратенъ, какъ всегда.

— Аккуратенъ какъ всегда,—повторилъ онъ, подходя къ намъ ближе.—Какъ ваше здоровье, Пипъ? Хотите, чтобъ я прокатилъ васъ кругомъ комнаты, миссъ Хевишемъ? Итакъ вы здѣсь, Пипъ?

Я сказалъ ему, что миссъ Хевишемъ желала, чтобъ я пріѣхалъ повидаться съ Эстеллой. На это онъ замѣтилъ:

— Да, очень красивая дѣвушка!

Потомъ, онъ одною рукою сталъ толкать передъ собою кресло съ миссъ Хевишемъ, а другую опустилъ въ карманъ панталонъ, какъ будто карманъ этотъ былъ наполненъ тайнами и онъ хотѣлъ ихъ удержать.

— А что, Пипъ, часто ли вы видали миссъ Эстеллу прежде?—сказалъ онъ, дѣлая привалъ.

— Какъ часто?

— Да, сколько разъ. Десять тысячъ, что ли?

— О, нѣтъ! Конечно не столько.

— Такъ два раза?

— Джаггерсъ, вмѣшалась миссъ Хевишемъ на мое счастье:—оставьте Пипа въ покоѣ и ступайте съ нимъ обѣдать.

Онъ повиновался, и мы вмѣстѣ спустились по темной лѣстницѣ. На пути къ отдѣльному строенію въ задней части двора, гдѣ находилась столовая, онъ спросилъ меня часто ли я видалъ миссъ Хевишемъ за обѣдомъ и, по обыкновенію, предоставилъ мнѣ обширный выборъ между сотнею разъ и однимъ разомъ.

Я подумалъ и сказалъ:

— Никогда!

— Никогда и не увидите, Пипъ, — возразилъ онъ съ пасмурной улыбкой. — Съ тѣхъ поръ, какъ она начала настоящій образъ жизни, она никогда не позволяла себѣ ѣсть или пить ни въ чьемъ

присутствіи. Она бродитъ по ночамъ и тогда питается чѣмъ попало.

— Могу ли я, сэръ, предложить вамъ вопросъ?

— Можете, — сказалъ онъ: — а я могу уклониться отъ отвѣта. Ну, спрашивайте.

— Имя Эстеллы—Хевишемъ, или?.. Я не зналъ, что прибавить.

— Или какъ? — спросилъ онъ

— Она Хевишемъ?

— Хевишемъ.

Мы пришли къ столу, гдѣ она и Сара Покетъ уже ожидали насъ. Мистеръ Джаггерсъ сидѣлъ на почетномъ мѣстѣ, Эстелла напротивъ его, а я противъ своей желтозеленой пріятельницы. Мы очень хорошо пообѣдали. За столомъ служила дѣвушка, которую я не видалъ ни въ одно изъ моихъ прежнихъ посѣщеній, но которая, я знаю, была все время въ этомъ таинственномъ домѣ. Послѣ обѣда бутылка отборнаго стараго портвейна была поставлена передъ моимъ попечителемъ (который, очевидно, былъ знатокъ по части виноградныхъ винъ), и дамы оставили насъ вдвоемъ.

Я никогда не замѣчалъ въ мистерѣ Джаггерсѣ прежде такой упорной скрытности, какою онъ отличался въ этомъ домѣ. Онъ не поднималъ даже глазъ и лишь одинъ разъ во весь обѣдъ, и то едва, взглянулъ на Эстеллу. Когда она обращалась къ нему, онъ выслушивалъ ее и, когда нужно, отвѣчалъ, но я ни разу не видалъ, чтобъ онъ при этомъ смотрѣлъ ей въ лицо. За то она часто глядѣла на него съ участіемъ, любопытствомъ и недовѣрчивостью; но по лицу его никакъ нельзя было судить, примѣчаетъ ли онъ ея взгляды, или нѣтъ. Во все время обѣда, онъ находилъ величайшее наслажденіе заставлять Сару Покетъ еще болѣе желтѣть и зеленѣть, часто намекая въ разговорѣ со мной на большія надежды, которыя я имѣлъ на будущее. Впрочемъ, и это онъ, казалось, дѣлалъ безсознательно, или, лучше сказать, вызывалъ меня въ невинности моей души, на подобныя выходки. Когда мы остались съ нимъ вдвоемъ, онъ сидѣлъ съ такимъ сосредоточеннымъ и таинственнымъ видомъ, что выводилъ меня изъ терпѣнія. Онъ, казалось, производилъ слѣдствіе надъ достоинствомъ вина, за неимѣніемъ чего другого подъ рукою. Онъ подносилъ стаканъ къ свѣчкѣ, пробовалъ вино, полоскалъ имъ ротъ, глоталъ его, снова смотрѣлъ на стаканъ, нюхалъ, отвѣдывалъ, доливая стаканъ; все это приводило меня въ сильное раздраженіе и безпокойство. Три или четыре раза я намѣревался-было начать разговоръ, но, замѣтивъ, что я собираюсь предложить ему вопросъ, онъ, со стаканомъ въ рукахъ, бросалъ на меня выразительные взгляды и принимался полоскать ротъ виномъ, какъ-будто обращая мое вниманіе на то, что не стоитъ заговаривать съ нимъ, такъ какъ онъ не въ состояніи отвѣчать.

Мнѣ кажется, что мое присутствіе могло бы, наконецъ, довести миссъ Покетъ до бѣшества и внушить ей опасное желаніе сорвать съ себя чепецъ, который былъ весьма безобразенъ, на подобіе кисейной швабры, и разметать по полу свои волосы, которые, конечно, выросли не на *ея* головѣ. Она не показывалась послѣ, когда мы пошли въ комнату миссъ Хевишемъ и вчетверомъ стали играть въ вистъ. Во время нашего отсутствія, миссъ Хевишемъ возымѣла странную мысль украсить голову, шею и руки Эстеллы самыми драгоцѣнными вещами съ своего уборнаго столика, и я замѣтилъ, что даже опекунъ мой поднялъ нѣсколько брови и поглядѣлъ на нее исподлобья—такъ хороша она была, при блескѣ этихъ украшеній.

Я не говорю о томъ, съ какимъ искусствомъ онъ билъ нашихъ крупныхъ козырей и оставался побѣдителемъ съ маленькими незначительными картами, передъ которыми совершенно помрачались слава нашихъ королей и дамъ; умолчу также о моихъ чувствахъ при мысли, что онъ видитъ въ насъ три жалкія загадки, давно имъ разгаданныя; меня хуже всего заставляла страдать несообразность его леденящаго присутствія съ моею любовью къ Эстеллѣ. Мнѣ было досадно, что предметъ моей любви былъ въ двухъ шагахъ отъ него, въ одномъ съ нимъ мѣстѣ: — это казалось мнѣ невыносимымъ.

Мы играли до девяти часовъ, послѣ чего было рѣшено, что, когда Эстелла поѣдетъ въ Лондонъ, то меня предупредятъ и я встрѣчу ее въ конторѣ дилижансовъ. Затѣмъ я простился съ ней, пожалъ ей руку и ушелъ.

Опекунъ мой занималъ въ гостинницѣ „Синяго Вепря“ комнату рядомъ съ моею. До поздней ночи слова миссъ Хевишемъ „люби, люби ее!“ звучали въ моихъ ушахъ. Я передѣлалъ ихъ по своему и сто разъ твердилъ своей подушкѣ: „*я* люблю, люблю ее!“

По временамъ мною овладѣвалъ порывъ благодарности за то, что она была предназначена *мнѣ*, нѣкогда ученику кузнеца. Я боялся, что она теперь далеко не въ восторгѣ отъ подобной судьбы. Но когда же начнетъ она принимать во мнѣ участіе? Когда пробужу я въ ней сердце, которое до сихъ поръ погружено въ сонъ и апатію?

Несчастный, я думалъ, что то были высокія чувства и ни разу не приходило мнѣ въ голову, что было низко и малодушно съ моей стороны чуждаться Джо потому, что *она* могла презирать его. Прошелъ одинъ день, и мысль о Джо уже вызывала слезы въ моихъ глазахъ; впрочемъ, онѣ скоро высохли, да проститъ меня Богъ!

Глава тридцатая.

Хорошенько обдумавъ дѣло, пока я одѣвался на другое утро въ гостинницѣ „Синяго Вепря“, я рѣшился замѣтить моему опекуну, что Орликъ не такой человѣкъ, какому можно поручить у

миссъ Хевишемъ мѣсто, требующее большого довѣрія. — „Конечно, не такой человѣкъ, — отвѣтилъ мой опекунъ, потому что нѣтъ человѣка, на котораго можно было бы вполнѣ положиться“. — Онъ былъ очень радъ слышать, что и настоящій случай не составлялъ исключенія, и съ видимымъ удовольствіемъ выслушалъ все, что я могъ сообщить ему объ Орликѣ.

— Хорошо, хорошо, Пипъ, — замѣтилъ онъ, когда я кончилъ: — я сейчасъ выплачу ему, что ему слѣдуетъ и отправлю его.

Испугавшись такой поспѣшности, я сталъ уговаривать его повременить немного и даже намекнулъ, что нелегко будетъ справиться съ Орликомъ.

— Не безпокойтесь, — отвѣтилъ онъ, вынимая платокъ: — я бы желалъ посмотрѣть, какъ онъ будетъ разсуждать со мною.

Мы оба должны были ѣхать въ Лондонъ съ двѣнадцати-часовымъ дилижансомъ; я воспользовался этимъ и объявилъ ему, что намѣренъ пройтись немного по лондонской дорогѣ и сяду въ дилижансъ, когда онъ меня догонитъ. Я рѣшился на это, потому что все время боялся, что вотъ-вотъ прибѣжитъ Пембельчукъ. Такимъ образомъ я могъ тотчасъ же бѣжать изъ гостинницы. Сдѣлавъ обходъ мили въ двѣ, чтобы миновать домъ Пембельчука, я снова свернулъ на главную улицу нѣсколько дальше этой страшной западни, и чувствовалъ себя почти внѣ опасности.

Мнѣ было пріятно послѣ столькихъ лѣтъ снова очутиться въ этомъ тихомъ стареньком городкѣ, а удивленные взгляды прохожихъ, узнававшихъ меня, немало льстили моему самолюбію. Два или три лавочника даже вскочили изъ своихъ лавокъ и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ передо мною, возвращались назадъ, будто спохватившись о чемъ-то, и все это единственно для того, чтобы встрѣтиться со мною лицомъ къ лицу. Трудно рѣшить, кто изъ насъ при этомъ болѣе притворялся: они ли, стараясь удачнѣе сыграть комедію, или я, дѣлая видъ, что ничего не замѣчаю. Я производилъ впечатлѣніе и былъ совершенно этимъ доволенъ, когда вдругъ судьба, какъ бы на зло, наслала на меня того разбойника, Треббовскаго мальчишку.

Онъ шелъ мнѣ навстрѣчу, размахивая пустымъ синимъ мѣшкомъ. Я тотчасъ сообразилъ, что всего лучше было идти впередъ, не смущаясь, и смотрѣть ему прямо въ лицо; этимъ я поддержалъ бы свое достоинство и укротилъ бы его злыя наклонности. Я такъ и сдѣлалъ, и начиналъ уже поздравлять себя съ успѣхомъ, какъ вдругъ онъ остановился; колѣни его затряслись, волосы стали дыбомъ, шапка свалилась, онъ весь дрожалъ и, отшатнувшись на средину улицы, принялся кричать: — „Поддержите меня! Я испугался!“ — желая тѣмъ показать, будто моя величавая наружность повергла его въ ужасъ и умиленіе. Когда я поровнялся

съ нимъ, зубы его щелкали и онъ, съ видомъ крайняго униженія, распростерся въ прахѣ предо мною.

Нелегко было мнѣ перенести подобную насмѣшку, но это было ничего въ сравненіи съ тѣмъ, что послѣдовало. Не прошелъ я и двухсотъ шаговъ, какъ съ удивленіемъ и негодованіемъ увидѣлъ предъ собою того же мальчишку. Онъ выходилъ изъ-за угла. Синій мѣшокъ былъ переброшенъ черезъ плечо, честное трудолюбіе сіяло въ его глазахъ, онъ весело спѣшилъ домой. Онъ шелъ будто ничего не замѣчая, но вдругъ наткнулся на меня и снова принялся выкидывать тѣ же штуки: сталъ вертѣться вокругъ меня, сгибая колѣни и протягивая ко мнѣ руки, какъ бы умоляя о пощадѣ. Отчаянныя кривлянья его были встрѣчены радостными рукоплесканіями цѣлаго кружка зрителей. Я рѣшительно не зналъ, куда мнѣ дѣться.

Не успѣлъ я дойти до почтоваго двора, какъ онъ уже забѣжалъ во второй разъ и снова появился передо мною. Теперь онъ совершенно измѣнился: синій мѣшокъ былъ надѣтъ на немъ наподобіе моего пальто, и онъ важно выступалъ мнѣ навстрѣчу по другой сторонѣ улицы. За нимъ со смѣхомъ бѣжала цѣлая толпа товарищей, которымъ онъ отъ времени до времени съ выразительнымъ жестомъ кричалъ: — „Отвяжитесь! я васъ не знаю“. Никакія слова не въ состояніи выразить, какъ я былъ взбѣшенъ и оскорбленъ, когда, проходя, мимо меня, онъ оправилъ воротникъ рубашки сбилъ волосы на вискахъ, подбоченился и, съ отчаянной аффектаціей, протяжно повторилъ: — „Не знаю васъ, не знаю, честное слово, не знаю!“

Потомъ онъ принялся преслѣдовать меня по мосту, крича и громко каркая, какъ зловѣщая птица, знавшая меня еще въ кузнецахъ. Это послѣднее обстоятельство довершило позоръ, съ какимъ я покинулъ городъ.

И теперь еще я убѣжденъ, что мнѣ оставалось или убить этого мальчишку, или снести оскорбленіе. Побить же его тогда на улицѣ, или потребовать у него въ удовлетвореніе менѣе, чѣмъ жизни, было бы унизительно для меня. Сверхъ того, онъ былъ неуязвимъ; увертываясь какъ змѣя, онъ съ презрительнымъ хохотомъ проскользалъ между ногъ. Однако, я на слѣдующій же день написалъ мистеру Треббу, что мистеръ Пипъ будетъ принужденъ не имѣть съ нимъ болѣе никакого дѣла, если онъ до такой степени не уважаетъ публики, что держитъ у себя такого негодяя, заслуживающаго порицаніе всякаго благонамѣреннаго человѣка.

Дилижансъ съ мистеромъ Джаггерсомъ подъѣхалъ во-время; я занялъ свое мѣсто и достигъ Лондона въ исправности, но нельзя сказать въ цѣлости, потому что сердце мое было не на мѣстѣ. Пріѣхавъ въ Лондонъ, я поспѣшилъ отправить Джо боченокъ

устрицъ и трески (въ видѣ вознагражденія за то, что я у него не побывалъ) и затѣмъ поспѣшилъ къ Бернарду.

Гербертъ сидѣлъ за обѣдомъ, состоявшемъ изъ холодной говядины, и очень обрадовался моему возвращенію. Я почувствовалъ необходимость повѣдать тайну своего сердца другу и товарищу. Я отправилъ своего грума въ театръ, такъ какъ нечего было и думать объ откровенности. пока Пеперъ былъ рядомъ, ибо замочная скважина доставляла ему возможность почти что присутствовать въ гостиной. Подобныя уловки, къ которымъ я прибѣгалъ, чтобы занять его, яснѣе всего доказываютъ мое собственное рабство. Образцомъ того, до чего можетъ дойти человѣкъ въ такой крайности, можетъ служить фактъ, что я иногда посылалъ его въ Гайдъ-паркъ посмотрѣть который часъ...

Пообѣдавъ, мы усѣлись около камина.

— Милый Гербертъ, — сказалъ я, обращаясь къ нему: — я имѣю тебѣ сообщить нѣчто очень важное.

— Милый Гендель, — отвѣчалъ Гербертъ: — я покажу себя достойнымъ твоего довѣрія.

— Я тебѣ скажу нѣчто, касающееся меня и еще одного посторонняго лица.

Гербертъ, скрестивъ ноги, сталъ смотрѣть на огонь, и видя, что я нѣсколько минутъ молчу, вопросительно взглянулъ на меня.

— Гербертъ, — сказалъ я, кладя руку ему на колѣни: — я люблю... я обожаю... Эстеллу.

Гербертъ вмѣсто того, чтобъ изумиться, очень хладнокровно отвѣчалъ:

— Хорошо! Ну?

— Хорошо, ну! Неужели это все, что ты мнѣ скажешь?

— Я хочу сказать, что далѣе? — отвѣчалъ Гербертъ: — Это-то я и самъ знаю.

— Ты почему знаешь? — спросилъ я.

— Почему знаю? Отъ тебя же узналъ.

— Я никогда тебѣ не говорилъ.

— Не говорилъ мнѣ! Ты никогда мнѣ не говоришь, когда стрижешь себѣ волосы, и я безъ тебя знаю. Ты всегда ее обожалъ, съ тѣхъ поръ, какъ я съ тобою познакомился. Ты привезъ свою любовь вмѣстѣ съ чемоданами. Да ты мнѣ говорилъ объ этомъ круглый день. Разсказывая свою исторію, ты прямо сказалъ, что началъ обожать ее съ перваго свиданія, еще очень молодымъ мальчикомъ.

— Ну, хорошо, — отвѣчалъ я, услышавъ это въ первый разъ, и не безъ удовольствія: — я никогда не переставалъ обожать ее и теперь она воротилась еще прекраснѣе и восхитительнѣе чѣмъ тогда. Я ее видѣлъ вчера. И если я прежде ее обожалъ, то теперь обожаю еще вдвое.

— Счастливецъ же ты, Гендель, — отвѣчалъ Гербертъ: — что тебя прочатъ для нея. Не дотрогиваясь до запрещенныхъ вопросовъ, мы можемъ съ тобою сказать, что не мало не сомнѣваемся въ этомъ послѣднемъ фактѣ. А знаешь ли ты, что думаетъ Эстелла о твоей нѣжной страсти?

Я угрюмо показалъ головою.

— О, она обо мнѣ и не думаетъ.

— Потерпи, милый Гендель, — сказалъ Гербертъ: — время не ушло. Но ты еще что-то хочешь сказать?

— Мнѣ стыдно сказать, — отвѣчалъ я: — а вѣдь говорить же не грѣшнѣе, чѣмъ думать. Ты знаешь меня счастливцемъ. Конечно, я счастливецъ. Вчера еще былъ мальчишка, ученикъ кузнеца, а сегодня, ну... какъ бы себя назвать?

— Назови хоть добрымъ малымъ, если ты хочешь что-нибудь сказать, — отвѣчалъ Гербертъ, улыбаясь и ударяя меня по рукѣ. — Добрый малый, въ которомъ странно соединяется смѣлость съ нерѣшительностью, горячность съ осторожностью, жажда дѣятельности съ лѣнью.

Я остановился на минуту, чтобъ обдумать, дѣйствительно ли характеръ мой состоитъ изъ такой смѣси качествъ. Вообще, я признавалъ справедливымъ этотъ анализъ и полагалъ, что не стоитъ возражать.

— Когда я спрашиваю, какъ себя теперь называть, Гербертъ, — продолжалъ я: — я намекаю на то, что теперь занимаетъ мои мысли. Ты говоришь: я счастливъ. Я знаю, что я самъ ничего не сдѣлалъ для своего возвышенія въ свѣтѣ; все это дѣло счастья. Поэтому, конечно, я большой счастливецъ. Но когда подумаю объ Эстеллѣ...

— А когда жъ ты не думаешь о ней? — перебилъ меня Гербертъ, не сводя съ меня глазъ.

— Ну, такъ, милый Гербертъ, я не могу выразить, какъ я чувствую себя зависимымъ отъ сотни случайностей. Не дотрогиваясь до запрещенныхъ вопросовъ, я могу все-таки сказать, что всѣ мои надежды основаны на постоянствѣ одного лица (конечно, никого не называя). Какое это неопредѣленное положеніе, едва лишь туманно предугадывать, въ чемъ состоятъ мои надежды!

Говоря эти слова, я облегчилъ свою душу отъ бремени, давно тяготившаго меня, особливо со вчерашняго вечера.

— Ну, Гендель, — отвѣчалъ Гербертъ своимъ обычнымъ веселымъ тономъ: — мнѣ кажется, мы, съ отчаянія отъ нашей жаркой любви, смотримъ въ зубы дареному коню, да еще въ микроскопъ. Мнѣ кажется, что, устремивъ все наше вниманіе на одинъ пунктъ, мы совершенно не замѣчаемъ лучшихъ сторонъ дарена го коня. Ты, вѣдь, говорилъ, что Джаггерсъ съ самаго начала сказалъ, что ты имѣешь не однѣ только надежды. И даже, еслибъ

онъ этого не сказалъ, неужели ты думаешь, Джаггерсъ такой человѣкъ, что взялся бы за твое дѣло, не бывъ увѣреннымъ въ его исходѣ?

Я согласился, что противъ этого возражать было трудно. Я сказалъ эти слова (люди часто такъ говорятъ въ подобныхъ случаяхъ), какъ бы неохотно преклонясь предъ истиной. Словно, я желалъ сказать противное!

— Я думаю, это важный пунктъ, — продолжалъ Гербертъ:— и я полагаю, ты призадумался бы, чтобъ пріискать другой, поважнѣе. Что касается остального, ты долженъ ждать, пока заблагоразсудится твоему опекуну открыть тебѣ тайну; а онъ долженъ ждать того же отъ своего кліента. Ты, вѣрно, прежде сдѣлаешься совершеннолѣтнимъ, чѣмъ узнаешь тайну твоего теперешняго положенія, а тогда, быть можетъ, тебѣ кое-что и откроютъ. Во всякомъ случаѣ, ты будешь тогда ближе къ исполненію твоихъ надеждъ, ибо когда-нибудь они должны же исполниться.

— Какой у тебя счастливый характеръ! Ты никогда не отчаиваешься, — замѣтилъ я, восхищаясь его веселымъ настроеніемъ духа.

— Еще бы! — возразилъ онъ: — у меня, вѣдь, только и есть, что надежды, и болѣе ничего. Однако, я долженъ сознаться, что все, мною сказанное, есть, собственно, мнѣніе моего отца. Единственное замѣчаніе, которое я когда-либо отъ него слышалъ о твоихъ надеждахъ, было слѣдующее: — „Дѣло, конечно, уже вѣрное, а то Джаггерсъ не взялся бы за него“. Теперь, прежде чѣмъ далѣе говорить тебѣ о моемъ отцѣ, или его сынѣ, и заплатить откровенностью за откровенность, я хочу тебѣ сказать кое-что непріятное — сдѣлаться въ глазахъ твоихъ на минуту положительно гадкимъ и отвратительнымъ.

— Тебѣ это не удастся, — возразилъ я.

— Нѣтъ, удастся, — сказалъ онъ: — разъ, два, три — ну, я готовъ! Гендель, другъ мой, — началъ онъ искреннимъ, хотя и веселымъ голосомъ: — я вотъ все это время думалъ, что, конечно, Эстелла не можетъ быть условіемъ для полученія твоего наслѣдства, если объ этомъ никогда не упоминалъ твой опекунъ. Правъ ли я, говоря, что онъ никогда не упоминалъ о ней ни прямо, ни издалека? Никогда, напримѣръ, не замѣчалъ ты, чтобъ у твоего благодѣтеля были свои планы на счетъ твоей женитьбы?

— Никогда.

— Ну, Гендель, по чистой совѣсти, я говорю вовсе не потому, что зеленъ виноградъ! Не бывъ связанъ съ нею никакими узами, можешь ты оставить ее? Я уже тебѣ сказалъ, что буду говорить непріятности.

Я отвернулся въ сторону, ибо моимъ сердцемъ овладѣло чувство, похожее на то, которое смутило меня нѣкогда въ день моего

прощанія съ кузницею, когда я плакалъ, обнимая нашъ деревенскій верстовой столбъ. Мы оба нѣсколько минутъ молчали.

— Да; но, милый Гендель, — продолжалъ Гербертъ, какъ ни въ чемъ не бывало: — если это чувство такъ глубоко вкоренилось въ душѣ юноши, столь романтическаго отъ природы и вслѣдствіе обстоятельствъ, то это дѣло серьезное. Подумай о ея воспитаніи, о миссъ Хевишемъ. Подумай о самой Эстеллѣ. Не правда ли, ты теперь меня ненавидишь? Вѣдь, это можетъ повести Богъ знаетъ къ чему.

— Я самъ это знаю, Гербертъ, — сказалъ я, не поворачивая къ нему головы: — но что жъ мнѣ дѣлать?

— Ты не можешь оставить ее и забыть о ней?

— Нѣтъ, это невозможно!

— И не можешь попытаться, Гендель?

— Нѣтъ, невозможно!

— Ну, — сказалъ Гербертъ, вскакивая со стула и встряхиваясь, какъ будто отъ сна: — ну, теперь я опять буду любезнымъ!

Онъ сталъ ходить по комнатѣ, расправлялъ занавѣски, переставлялъ стулья, перебиралъ книги, заглядывалъ въ столовую и въ ящикъ съ письмами, затворялъ и отворялъ двери и, наконецъ, усѣлся въ кресло передъ каминомъ.

— Я хотѣлъ сказать тебѣ слова два, Гербертъ, о моемъ отцѣ и его сынѣ. Я думаю, не стоитъ говорить о томъ, что ты вѣрно уже самъ замѣтилъ, что домъ папеньки не отличается большою аккуратностью въ хозяйственномъ отношеніи.

— Но, вѣдь, нѣтъ ни въ чемъ недостатка, Гербертъ, — сказалъ я, желая сказать что-нибудь пріятное.

— О, да! Вѣрно то же говорятъ и дворникъ и лавочникъ на углу. Безъ шутокъ, Гендель, дѣло, вѣдь, нешуточное — ты знаешь это такъ же хорошо, какъ и я. Я думаю, что было время, когда еще отецъ не махнулъ на все рукою; но это было уже давно. Замѣтилъ ли ты въ вашихъ мѣстахъ странное обстоятельство, что дѣти, родившіяся отъ несчастныхъ браковъ, всегда жаждутъ какъ можно скорѣе жениться.

Это былъ такой странный вопросъ, что я спросилъ въ свою очередь: „будто?"

— Не знаю, — сказалъ Гербертъ: —оттого-то я и хочу знать. У насъ это общій фактъ. Живой примѣръ — моя сестра Шарлотта, хотя она и умерла на тридцатомъ году жизни. Маленькая Дженни идетъ вся въ сестру. Она такъ жаждетъ связать себя брачными узами, что невольно подумаешь, что она всю свою короткую еще жизнь провела въ размышленіяхъ о семейномъ счастьи. Маленькій Аликъ, который еще ходитъ въ платьицѣ, уже распорядился, чтобъ вступить въ законный бракъ съ молодой дѣвушкой изъ Кью. Мнѣ кажется, всѣ мы помолвлены, исключая Бэби.

— Такъ ты помолвленъ? — спросилъ я.

— Да; но это покуда тайна, — отвѣчалъ Гербертъ.

Я увѣрилъ его, что свято сохраню его тайну и просилъ, чтобъ онъ меня посвятилъ въ ея подробности. Онъ такъ умно и съ такимъ чувствомъ говорилъ о моей слабости, что я хотѣлъ узнать кое-что о его собственной силѣ.

— Могу я спросить ея имя? — сказалъ я.

— Клара! — отвѣчалъ Гербертъ.

— И живетъ въ Лондонѣ?

— Да, и можетъ-быть, я долженъ прибавить,—началъ Гербертъ, какъ-то присмирѣвъ и упавъ духомъ:—что она нисколько не подходитъ къ уродливымъ родовымъ понятіямъ моей матери. Отецъ ея былъ поставщикомъ припасовъ на корабли и, кажется, исполнялъ должность кассира.

— А теперь? — спросилъ я.

— Онъ за старостью въ отставкѣ.

— И живетъ?..

— Въ верхнемъ этажѣ,—отвѣчалъ Гербертъ. (Я вовсе не хотѣлъ спросить, гдѣ онъ живетъ, а чѣмъ онъ живетъ). — Я никогда его не видалъ съ тѣхъ поръ, какъ знаю Клару; онъ не выходилъ изъ своей конуры наверху. Но за-то я его слышалъ постоянно. Онъ съ ужаснымъ шумомъ стругаетъ и пилитъ полъ какимъ-то страшнымъ орудіемъ.

—Ты и не ожидаешь его увидѣть? — спросилъ я.

— О, нѣтъ, я постоянно ожидаю этого, — сказалъ Гербертъ:— я всегда боюсь, чтобъ онъ не провалился къ намъ на голову. Я не знаю, впрочемъ, какъ долго вынесутъ потолочныя балки.

Разсмѣявшись отъ души при этихъ словахъ, онъ опять чрезъ минуту поникъ головою и объявилъ мнѣ, что, какъ только начнетъ наживать капиталецъ, тотчасъ же женится на Кларѣ. Онъ прибавилъ, какъ-бы въ объясненіе своей грусти:—Нельзя, вѣдь, жениться, пока еще только осматриваешься.

Мы оба стали пристально смотрѣть на огонь. Положивъ руки въ карманы панталонъ, я думалъ: какое въ дѣйствительности трудное дѣло для многихъ нажить капиталъ! Ощупавъ въ одномъ изъ кармановъ какую-то бумажку, я вынулъ ее и, развернувъ, увидѣлъ, что это афиша, которую принесъ мнѣ Джо, о дебютѣ знаменитаго провинціальнаго актера-любителя.

— Боже милосердый! — невольно воскликнулъ я: — это представленіе сегодня!

Эта находка совершенно измѣнила наше настроеніе и мы рѣшились тотчасъ же отправиться въ театръ. Я наскоро, какъ умѣлъ, сталъ утѣшать Герберта всѣми возможными и невозможными средствами. Онъ сообщилъ мнѣ тутъ же, что его невѣста уже знала

меня по слухамъ и желаетъ познакомиться со мною. Послѣ всѣхъ этихъ взаимныхъ изліяній мы пожали другъ другу руку, погасили свѣчи, затушили огонь, заперли за собою дверь и отправились отыскивать мистера Уопселя.

Глава тридцать первая.

Прибывъ въ Данію, родину Гамлета, котораго изображалъ Уопсель, мы увидѣли короля и королеву той страны, принимавшихъ свой дворъ, сидя въ двухъ креслахъ, взгроможденныхъ на кухонномъ столѣ. Все датское дворянство было въ сборѣ: — благородный юноша, въ высокихъ нечерненыхъ сапогахъ, шитыхъ, вѣроятно, на отдаленнаго предка, громаднаго роста; почтенный пэръ королевства съ довольно грязнымъ лицомъ, что заставляло предположить, что онъ выскочка изъ низшаго сословія, недавно достигшій своего высокаго званія; наконецъ, представитель датскаго рыцарства, съ гребешкомъ въ волосахъ и бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ, и вообще довольно женственнаго характера. Мой даровитый землякъ стоялъ въ сторонѣ, со сложенными руками; лобъ и кудри его не отличались особою естественностью.

Во время представленія, обнаружилось нѣсколько весьма любопытныхъ обстоятельствъ. Оказалось, что жестокій кашель, не только мучилъ покойнаго короля передъ смертью, но даже преслѣдовалъ его въ могилѣ, и воскресъ съ его тѣнью. Царственная тѣнь имѣла также призрачную рукопись, обвитую вокругъ жезла, и, по временамъ, обращалась къ ней съ безпокойнымъ видомъ, постоянно теряя мѣсто, что ясно указывало на ослабѣвшее отправленіе памяти, вслѣдствіе начавшагося разложенія. Это обстоятельство, вѣроятно, подало райку мысль закричать призраку: — „Поверни листокъ!“ — что, по-видимому, крайне ему не понравилось. Еще должно замѣтить, что этотъ величественный духъ только отдѣлялся отъ боковой стѣны, хотя и дѣлалъ видъ, что приходитъ изъ далека, послѣ долгаго отсутствія; а потому страшное появленіе его встрѣтили насмѣшкой. Королева датская была женщина слишкомъ веселая и рѣзвая, хотя и исторически извѣстная своимъ безстыдствомъ; она отличалась, по мнѣнію публики, излишествомъ въ мѣдныхъ украшеніяхъ: подбородокъ ея соединялся съ короною широкою полосою этого неблагороднаго металла (словно она страдала сильнѣйшею зубною болью), другая полоса обхватывала ея станъ, а на каждой рукѣ ея было еще по мѣдной полосѣ; поэтому ее открыто называли „литаврою“.

Благородный юноша былъ, очевидно, непослѣдователенъ въ своей игрѣ: онъ въ одно и то же время представлялся искуснымъ морякомъ, кочующимъ актеромъ, могильщикомъ, священникомъ и самымъ необходимымъ лицомъ на придворномъ турнирѣ, ибо опыт-

ный глазъ его безошибочно опредѣлялъ достоинство каждаго удара. Это повело къ всеобщему предубѣжденію противъ него, разразившемуся величайшимъ негодованіемъ, (въ видѣ мѣтко пущенныхъ орѣховъ), когда его открыли въ облаченіи священника и онъ отказался отслужить отходную. Что касается до Офеліи, то она страдала такимъ тихимъ сумасшествіемъ, что, когда впослѣдствіи она сняла свой бѣлый кисейный шарфъ и, сложивъ, уложила въ могилу, какой-то нетерпѣливый зритель, долго охлаждавшій свой горячій носъ о чугунную рѣшетку райка, завопилъ: — „Ну, ребенка уложила, теперь можно и поужинать!“ Выраженіе во всякомъ случаѣ крайне неприличное.

Всѣ эти обстоятельства обрушились на моего несчастнаго согражданина. Всякій разъ, какъ нерѣшительному принцу случалось предложить себѣ вопросъ или выразить сомнѣніе, публика спѣшила выручить его изъ затрудненія. Такъ, на вопросъ: „благороднѣе ли внутренно страдать?“ — одни кричали въ отвѣтъ „да“, другіе „нѣтъ“, наконецъ, третьи, клонившіеся въ ту и другую сторону, говорили, „а ну его по-боку“, и возникало цѣлое парламентское преніе. Когда онъ спороси лъ, что дѣлать людямъ, которые, какъ онъ, пресмыкаются между небомъ и землею? — его стали поощрять криками: „слушайте, слушайте!“ Когда онъ явился съ чулкомъ на ногѣ въ безпорядкѣ (безпорядкѣ, выраженномъ, какъ обыкновенно, аккуратною складкою, сдѣланною вѣроятно утюгомъ), послышался разговоръ о блѣдности обнаженной ноги, и о томъ, была ли тѣнь короля тому причиной, или нѣтъ. Когда онъ взялъ свитокъ лѣтописей, очень похожій на черную флейту, переданную изъ оркестра, всѣ обратились къ нему съ единодушной просьбою сыграть „Rule Britania“. Когда онъ обратился къ музыканту съ наставленіемъ не такъ безжалостно драть уши, сердитый зритель угрюмо возразилъ: „да и *вы* того не дѣлайте, вы гораздо хуже *его!*“ Я, къ сожалѣнію, долженъ сознаться, что громкій хохотъ привѣтствовалъ мистера Уопселя при каждомъ изъ этихъ пасажей.

Но самыя горестныя испытанія ожидали его на кладбищѣ, представлявшемъ какой-то первобытный лѣсъ съ церковью, болѣе похожею на прачешную, съ одной стороны, и вертяшеюся калиткой, съ другой. Мистеръ Уопселъ явился въ почтенной черной шинели; какъ скоро онъ показался у калитки, кто-то изъ зрителей дружески обратился къ могильщику со словами:

— Не зѣвай, любезный! Вонъ самъ подрядчикъ пришелъ взглянуть на твою работу!

Возвративъ черепъ могильщику, послѣ длиннаго нравоученія, мистеръ Уопсель вытянулъ изъ-за пазухи чистый платокъ и обтеръ себѣ руки; я думаю, что въ столь образованной странѣ мистеръ Уопсель рѣшительно не могъ поступить иначе; однако, и этотъ чистоплотный и вполнѣ невинный поступокъ не обошелся безъ

крика: „Человѣкъ, салфетку!“ — со стороны публики. Появленіе покойника подъ видомъ пустого чернаго ящика, съ котораго, на бѣду, еще свалилась крышка, было поводомъ къ всеобщему веселью; веселье это еще усилилось открытіемъ какой-то неприличной личности въ числѣ носильщиковъ. Радость и веселье сопровождали каждый шагъ мистера Уопселя въ борьбѣ съ Лаэртомъ на краю сцены и могилы, и утихли только послѣ того, какъ онъ сбросилъ короля съ кухоннаго стола, и самъ постепенно скончался, начиная съ пятокъ.

Сначала, мы пытались было хлопать мистеру Уопселю, но попытки наши оказались тщетными и, поневолѣ, пришлось отъ нихъ отказаться. Потому намъ оставалось только сожалѣть о немъ и, не смотря на то, хохотать до упаду. Я, противъ воли, смѣялся во время всего представленія, такъ оно было потѣшно; но въ душѣ я былъ убѣжденъ, что игра мистера Уопселя была дѣйствительно не дурна; и то не по старой памяти, а собственно потому, что онъ произносилъ свою роль очень медленно и уныло, съ какими-то неестественными переливами голоса, однимъ словомъ такъ, какъ никогда никто не выражался, ни при какихъ обстоятельствахъ жизни или смерти. Когда трагедія кончилась и его вызвали и освистали, я сказалъ Герберту: „Уйдемъ скорѣй, не то, пожалуй, съ нимъ повстрѣчаемся“.

Мы спустились по лѣстницѣ съ возможною, но увы, безполезною поспѣшностью. У дверей стоялъ человѣкъ жидовской наружности, съ необыкновенно густо намазанными бровями; онъ высмотрѣлъ меня въ толпѣ и, когда мы проходили мимо, остановилъ насъ словами:

— Мистеръ Пипъ съ пріятелемъ?

Мы подтвердили его предположеніе.

— Мистеръ Уолденгарверъ, — сказалъ человѣкъ жидовской наружности: — желалъ бы имѣть честь...

— Уолденгарверъ? — повторилъ я, пока Гербертъ шепнулъ мнѣ на ухо: „вѣроятно, Уопсель“.

— Да, — воскликнулъ я: — чтожъ вы насъ проведете?

— Въ двухъ шагахъ отсюда, пожалуйста. — И онъ повелъ насъ по боковому корридору, потомъ вдругъ спросилъ, оглянувшись: — а каковъ онъ былъ навзглядъ? Я его одѣвалъ.

Право, не знаю, на что онъ походилъ, если не на факельщика, съ добавкою большого датскаго ордена, или звѣзды, висѣвшей на голубой лентѣ у него на шеѣ, будто клеймо какого-то чудовищнаго страхового общества. Но я, разумѣется, отвѣтилъ, что костюмъ его былъ безукоризненъ.

— Подходя къ могилѣ, онъ превосходно выставилъ свой плащъ, — продолжалъ нашъ проводникъ: — но, на сколько я могъ замѣтить изъ-за кулисъ, онъ, кажется, мало воспользовался

красотою своего чулка, когда ему являлся призракъ въ покояхъ королевы.

Я скромно выразилъ свое согласіе съ его мнѣніемъ, и всѣ мы ввалились, черезъ маленькую грязную дверь, въ какой-то душный чуланчикъ. Тутъ мистеръ Уопсель снималъ съ себя свой датскій нарядъ, и, чтобъ наслаждаться этимъ зрѣлищемъ, намъ пришлось, за тѣснотою помѣщенія, смотрѣть другъ другу черезъ плечо, не затворяя при томъ дверей конурки.

— Господа, — сказалъ мистеръ Уопсель: — я горжусь вашимъ посѣщеніемъ. Надѣюсь, мистеръ Пипъ, вы извините мою вольность. Но я рѣшился послать вамъ приглашеніе, потому что былъ нѣкогда съ вами знакомъ, и въ тому же драма всегда имѣетъ право на благосклонность богатыхъ и знатныхъ.

Говоря это, мистеръ Уолденгарверъ неимовѣрно пыхтѣлъ, стараясь высвободиться изъ своихъ царскихъ соболей.

— Снимите чулки, мистеръ Уолденгарверъ, иначе вы ихъ разорвете. Право, они лопнутъ, и съ ними тридцать пять шиллинговъ. Никогда лучшая пара не дѣлала чести Шекспиру. Сидите тихо на стулѣ и предоставьте ихъ лучше мнѣ.

При этомъ онъ сталъ на колѣни и принялся обдирать свою жертву; при первомъ же чулкѣ, который онъ стащилъ, датскій принцъ непремѣнно полетѣлъ бы на полъ вмѣстѣ со стуломъ, еслибъ только было куда падать.

До сихъ поръ я боялся заговорить о представленіи. Но самъ мистеръ Уопсель, послѣ этой операціи, весело взглянулъ на насъ и сказалъ съ улыбкою:

— А какъ вамъ, господа показалось оно, спереди-то?

Гербертъ сказалъ (въ то же время толкнувъ меня), „превосходно". И я повторилъ „превосходно".

— А хорошо ли я постигъ и передалъ свою роль? — сказалъ мистеръ Уолденгарверъ, почти-что покровительственнымъ тономъ.

Гербертъ, снова толкнувъ меня, сказалъ: „вполнѣ и безподобно". И я смѣло повторилъ, будто собственную мысль: „вполнѣ и безподобно".

— Очень радъ слышать, что вы одобряете мою игру, господа, — сказалъ мистеръ Уолденгарверъ съ полнымъ сознаніемъ своего достоинства, хотя въ ту минуту употреблялъ всѣ усилія, чтобъ удержаться на стулѣ.

— Я вамъ скажу, мистеръ Уолденгарверъ, — замѣтилъ человѣкъ, стоявшій на колѣняхъ:—какой единственный недостатокъ въ вашей игрѣ. Выслушайте меня. Мнѣ все равно, согласны ли другіе или нѣтъ; я вамъ это напередъ говорю. Ваша игра теряетъ, когда ноги у васъ съ боку. Послѣдній Гамлетъ, котораго мнѣ приходилось одѣвать, дѣлалъ ту же ошибку на репетиціяхъ, пока я, наконецъ, не уговорилъ его налѣпить по красной облаткѣ

на каждое колѣно; на репетиціи (на послѣдней-то) я сталъ себѣ спереди, за будкою, и каждый разъ, какъ, увлекшись игрою, онъ станетъ бокомъ, я и закричу: „не вижу облатокъ". И вечеромъ, на представленіи, игра его была безукоризненно пріятна.

Мистеръ Уолденгарверъ улыбнулся мнѣ, желая тѣмъ сказать: „вѣрный слуга — я сквозь пальцы смотрю на его глупость", и потомъ произнесъ вслухъ: — „Мой взглядъ на драму слишкомъ серьезенъ и классиченъ для этого народа; но они разовьются, они разовьются".

Гербертъ и я повторили въ одинъ голосъ: — „О, безъ сомнѣнія, они разовьются".

— Замѣтили ли вы, господа, — спросилъ мистеръ Уолденгарверъ: — замѣтили ли вы въ райкѣ человѣка, который пытался насмѣхаться надъ служеніемъ... надъ представленіемъ, я хотѣлъ сказать.

Мы довольно подло отвѣтили, что, кажется, тамъ былъ, дѣйствительно, подобный человѣкъ. Я прибавилъ, что „онъ, вѣроятно, былъ выпивши".

— О, нѣтъ, сэръ, — сказалъ мистеръ Уопсель: — вовсе не выпивши. Его патронъ смотритъ за нимъ и не позволилъ ему напиться.

— Такъ вы знаете его патрона? — спросилъ я.

Мистеръ Уопсель закрылъ и потомъ столь же медленно открылъ глаза.—Вы, должно быть, замѣтили, господа, невѣжественнаго, крикливаго осла, съ широкою глоткою и злобнымъ выраженіемъ лица, который отбарабанилъ, я не могу сказать исполнилъ, роль Клавдія, короля датскаго. Вотъ онъ-то и нанимаетъ того человѣка. Ужъ это такое ремесло.

Я въ точности не знаю, жалѣлъ ли бы я болѣе о мистерѣ Уопселѣ, будь онъ въ отчаяніи, чѣмъ я сожалѣлъ о немъ теперь. Я воспользовался случаемъ, когда намъ пришлось попятиться изъ конурки, чтобъ не мѣшать ему натягивать панталоны, и спросилъ Герберта, какъ онъ думаетъ, не пригласить ли Уолденгарвера на ужинъ? Гербертъ сказалъ, что это было бы очень мило съ нашей стороны. Я пригласилъ его и онъ отправился, вмѣстѣ съ нами, закутавшись до ушей. Мы угостили его, какъ могли, и прослушали до двухъ часовъ ночи объ его будущихъ успѣхахъ и планахъ. Я хорошо не помню, въ чемъ они именно состояли; знаю только, что онъ долженъ былъ начать съ передѣлки драмы и окончить уничтоженіемъ ея, и что преждевременная смерть его отняла бы у театра всякую надежду на прогрессъ.

Грустно пошелъ я спать въ тотъ вечеръ, грустно думалъ объ Эстеллѣ, и грустно снилось мнѣ, что всѣ надежды мои рушились, что я принужденъ отдать свою руку Гербертовой Кларѣ, или играть роль Гамлета передъ тѣнью миссъ Хевишемъ.

Глава тридцать вторая.

Въ одно прекрасное утро, когда я сидѣлъ за книгами съ мистеромъ Покетомъ, мнѣ принесли съ почты письмо; одного адреса было достаточно, чтобъ совершенно взволновать меня; почеркъ былъ незнакомый, но я догадался чья это рука. Письмо не начиналось никакимъ обращеніемъ, въ родѣ „любезный мистеръ Пипъ", или „любезный Пипъ", или „любезный сэръ"; содержаніе было слѣдующее:

„Я пріѣзжаю въ Лондонъ послѣ завтра, съ двѣнадцати-часовымъ дилижансомъ. Кажется, было рѣшено, что вы меня встрѣтите? Во всякомъ случаѣ, миссъ Хевишемъ такъ говоритъ, и я пишу, по ея порученію. Она вамъ кланяется.

Вамъ преданная, *Эстелла*".

Будь только назначаемый въ письмѣ срокъ не такъ коротокъ, я навѣрно заказалъ бы себѣ нѣсколько паръ новаго платья собственно на этотъ случай; но такъ какъ шить его было не время, то мнѣ поневолѣ пришлось довольствоваться тѣмъ, что у меня было. Аппетитъ у меня пропалъ съ той же минуты, и я не зналъ покоя до тѣхъ поръ, пока не пришелъ, наконецъ, назначенный день. Но онъ не возвратилъ мнѣ спокойствія, а напротивъ, я находился еще въ большемъ волненіи, чѣмъ раньше и началъ расхаживать передъ конторою дилижансовъ въ Вудъ-Стритѣ, прежде чѣмъ почтовая карета тронулась отъ гостинницы Синяго Вепря въ нашемъ городкѣ. Хотя я очень хорошо зналъ это и тогда, однако, для пущей вѣрности, я ни разу не выпускалъ изъ виду конторы болѣе, чѣмъ на пять минутъ; въ такомъ-то безсмысленномъ занятіи и настроеніи, я провелъ первые полчаса своего четырехъ или пяти часового дежурства, какъ вдругъ набѣжалъ на меня мистеръ Уэммикъ.

— Э! мистеръ Пипъ, — воскликнулъ онъ: — какъ вы поживаете. Я не зналъ за вами такой прыти.

Я объяснилъ ему, что ожидаю одну особу, которая должна пріѣхать въ дилижансѣ, и освѣдомился о его замкѣ и престарѣломъ родителѣ.

— Оба процвѣтаютъ, благодарствуйте, — отвѣчалъ онъ: — особенно старикъ. Онъ поживаетъ, какъ нельзя лучше. Ему скоро минетъ восемьдесятъ два года, и я намѣренъ дать поэтому случаю восемьдесятъ два выстрѣла, лишь бы сосѣди не стали жаловаться и орудіе мое выдержало такое давленіе. Впрочемъ, это не лондонскій разговоръ. Какъ вы думаете, куда я иду?

— Въ контору, — сказалъ я, такъ-какъ онъ шелъ по тому направленію.

— Почти-что туда, — возразилъ Уэммикъ: — я иду въ Ньюгэтъ. У насъ теперь на рукахъ дѣло о покражѣ, учиненной у од-

ного банкира. Я только что осматривалъ мѣсто преступленія, а теперь иду переговорить кое о чемъ съ кліентомъ.

— А воръ — вашъ кліентъ? — спросилъ я.

— Сохрани Богъ, нѣтъ,—воскликнулъ онъ.—Но его обвиняютъ. Такъ же точно могли бы обвинить и меня или васъ. Понимаете, и насъ могли бы обвинить точно такъ же.

— Только ни одинъ изъ насъ обоихъ не виноватъ, — замѣтилъ я.

— Такъ, такъ,—сказалъ Уэммикъ, дотрогиваясь до меня пальцемъ: — вы, я вижу, тонкая штука, мистеръ Пипъ! Не хотите ли заглянуть въ Ньюгэтъ со мною? Если у васъ есть свободное время.

У меня столько было свободнаго времени впереди, что предложеніе его показалось мнѣ очень заманчивымъ, несмотря на прежнюю мою рѣшимость не выпускать изъ виду конторы дилижансовъ болѣе, чѣмъ на пять минутъ. Пробормотавъ, что я пойду, справлюсь, я вошелъ въ контору и, съ величайшей точностью, распросилъ почталіона, къ немалому его неудовольствію, когда можетъ придти нашъ дилижансъ при наибольшей быстротѣ — хотя я самъ зналъ это не хуже его самого. Потомъ, я воротился къ мистеру Уэммику. Взглянувъ на часы и, притворившись очень удивленнымъ, я согласился на его приглашеніе.

Черезъ нѣсколько минутъ, мы пришли въ Ньюгэтъ, и проникли въ эту мрачную тюрьму черезъ входъ, украшенный цѣпями, висѣвшими на стѣнахъ между правилами для посѣтителей. Въ то время тюрьмы находились еще въ весьма запущенномъ состояніи и далеко еще было время неумѣренной реакціи, необходимаго послѣдствія порочной терпимости народа, и самаго тяжкаго и продолжительнаго за нее воздаянія; словомъ тогда преступникъ еще не кормили лучше, чѣмъ солдатъ, уже не говоря о нищихъ. Когда мы вошли, разнощикъ съ пивомъ обходилъ дворы и заключенные покупали у него пиво изъ-за рѣшетки и разговаривали съ друзьями, пришедшими ихъ навѣстить; вообще, зрѣлище было грустное, мрачное и безобразное.

Меня поразила мысль, что Уэммикъ расхаживалъ между преступниками, совершенно какъ садовникъ между своими растеніями. Мысль эта пришла мнѣ въ голову, когда онъ вдругъ словно замѣтилъ новый ростокъ, взошедшій въ ту ночь и воскликнулъ:

— Какъ, капитанъ Томъ! *Вы* ли это? Въ самомъ дѣлѣ!—А потомъ обратился къ другому:—Не черный ли это Биль за колодцомъ? Я не видалъ васъ вотъ уже второй мѣсяцъ. Какъ вы поживаете?

Слушая поодиночкѣ еще нѣсколькихъ другихъ, шептавшихъ ему что-то сквозь рѣшетку съ озабоченнымъ видомъ, онъ, казалось, осматривалъ ихъ съ головы до ногъ, словно расчитывая, далеко ли

нмъ до того времени, когда они въ полномъ цвѣтѣ явятся при слѣдствіи.

Уэммикъ пользовался большою популярностью, и я замѣтилъ, что онъ обдѣлывалъ тамъ частныя дѣла своего хозяина; впрочемъ, и въ немъ что-то напоминало недоступность Джаггерса и не позволяло въ обращеніи съ нимъ переступать извѣстныхъ границъ. Узнавая каждаго новаго кліента, онъ кивалъ головою, поправлялъ шляпу обѣими руками, потомъ сжималъ губы и клалъ руки въ карманы. Въ двухъ, трехъ случаяхъ обнаружилось затрудненіе, касательно сбора въ пользу патрона, тогда отвертываясь, на сколько позволяло приличіе, отъ предлагаемыхъ денегъ, онъ сухо произносилъ:

— Не стоитъ и говорить, мой голубчикъ. Я только подчиненный. Если вы не въ состояніи сколотить нужной суммы, вы бы лучше обратились къ моему хозяину или другому кому; ихъ, слава тебѣ Господи, довольно; что одному кажется мало, другому, пожалуй, будетъ и много; это мой вамъ совѣтъ, какъ отъ подчиненнаго. Зачѣмъ вамъ только попусту безпокоиться. Рѣшительно не къ чему! Ну-съ, что далѣе?

Такимъ образомъ, мы обошли теплицу мистера Уэммика; наконецъ, онъ обратился ко мнѣ со словами:

— Обратите вниманіе на человѣка, которому я пожму руку.

Я и безъ того обратилъ бы на это вниманіе, такъ какъ онъ до сихъ поръ никому еще не подавалъ руки. Не успѣлъ онъ окончить своихъ словъ, какъ къ рѣшеткѣ подошелъ красный, высокій мужчина и приложилъ свою руку къ засаленному полю своей шляпы, въ видѣ полусерьезнаго и полушутливаго военнаго привѣтствія. До сихъ поръ я его какъ будто вижу предъ собою, въ отлично сшитомъ оливковаго цвѣта сюртучкѣ, съ загорѣлымъ лицомъ, покрытымъ какою-то неестественною блѣдностью, и глазами, напрасно силившимися остановиться на одномъ предметѣ.

— Наше вамъ, полковникъ,—сказалъ Уэммикъ:—какъ вы поживаете?

— Такъ себѣ, мистеръ Уэммикъ.

— Все, что возможно, было сдѣлано, но улики слишкомъ сильны противъ насъ, полковникъ.

— Да, слишкомъ сильны, сэръ, но мнѣ все равно.

— Да, я знаю, *вамъ* все равно,—сказалъ Уэммикъ хладнокровно и потомъ обратился ко мнѣ.—Служилъ ея величеству. Былъ въ арміи и купилъ себѣ отставку.

Я сказалъ на это:

— Въ самомъ дѣлѣ?

Онъ взглянулъ на меня, потомъ выше меня, потомъ во всѣ стороны, наконецъ, провелъ рукой по губамъ и засмѣялся.

— Я думаю, я выхожу отсюда въ понедѣльникъ, сэръ,—сказалъ онъ Уэммику.

— Можетъ быть—отозвался мой пріятель:—впрочемъ, Богъ вѣсть.

— Я очень радъ, что имѣю случай проститься съ вами, мистеръ Уэммикъ,—сказалъ онъ, просовывая руку сквозь рѣшетку.

— Спасибо, — сказалъ Уэммикъ, пожимая ему руку: — и я также.

— Еслибъ то, что взяли на мнѣ, было не поддѣльное,—сказалъ рослый мужчина, не желая выпустить его руки изъ своей:—я попросилъ бы васъ принять отъ меня еще одно кольцо и носить его въ память вашего ко мнѣ вниманія.

— Я принимаю доброе желаніе ваше за дѣйствительный подарокъ, — сказалъ Уэммикъ. — Вы, кажется, между прочимъ, были страстнымъ охотникомъ до голубей?

Собесѣдникъ его взглянулъ на небо.

— Я слыхалъ у васъ была отличная порода. Не могли ли бы вы поручить какому нибудь пріятелю прислать мнѣ парочку, если они не имѣютъ особаго назначенія?

— Будетъ сдѣлано, какъ вы желаете, сэръ.

— И прекрасно,—сказалъ Уэммикъ,—я буду хорошо за ними смотрѣть. Добраго вечера, полковникъ, прощайте!

Они снова пожали другъ другу руку. Немного отойдя Уэммикъ сказалъ мнѣ:

— Поддѣлывалъ монету, и очень ловко. Сегодня приговоренъ, и въ понедѣльникъ навѣрно будетъ повѣшенъ. Все жъ таки пара голубей движимое имущество, не такъ ли?

При этихъ словахъ, онъ оглянулся назадъ и кивнулъ своему мертвому растенію, и выходя изъ тюрьмы, казалось, размышлялъ, какимъ новымъ цвѣткомъ замѣнить его.

При выходѣ, я замѣтилъ, что и тюремщики, не менѣе арестантовъ, уважали моего опекуна.

— Ну-съ, мистеръ Уэммикъ,—сказалъ тюремщикъ, пока мы находились между двумя желѣзными воротами, изъ которыхъ онъ осторожно заперъ одни, прежде чѣмъ отворить другія:—что мистеръ Джаггерсъ намѣренъ сдѣлать съ тѣмъ убійствомъ на берегу? Подведетъ ли онъ его подъ убійство, или подъ что похуже?

— Отчего бы вамъ у *него* не спросить?—возразилъ Уэммикъ.

— Какъ бы не такъ, нашли кого спрашивать!—произнесъ тюремщикъ.

— Вотъ, они здѣсь всѣ такіе, мистеръ Пипъ,—замѣтилъ Уэммикъ, обращаясь ко мнѣ и вытягивая свой ротъ до крайнихъ предѣловъ:—Имъ ничего не стоитъ разспрашивать меня, подчиненнаго; но вы никогда не поймаете ихъ за тѣмъ же съ самимъ хозяиномъ.

— Этотъ молодецъ служитъ или считается у васъ на конто-

рѣ?—спросилъ тюремщикъ, видимо издѣваясь надъ неудовольствіемъ Уэммика.

— Ну, вотъ опять!—воскликнулъ Уэммикъ.—Не говорилъ ли я вамъ! Спрашивать второй вопросъ у подчиненнаго прежде, чѣмъ онъ успѣлъ отвѣтить на первый! Ну, положимъ, что мистеръ Пипъ изъ нашихъ?

— Ну-съ, въ такомъ разѣ онъ знаетъ, что такое мистеръ Джаггерсъ?—возразилъ тюремщикъ тѣмъ же насмѣшливымъ тономъ.

— Да!—вдругъ воскликнулъ Уэммикъ, тыкая пальцемъ на тюремщика самымъ ярымъ образомъ:—вы такъ же нѣмы, какъ любой изъ вашихъ ключей, когда имѣете дѣло съ моимъ хозяиномъ. Выпустите насъ, старая лиса, не то я попрошу его взвести на васъ обвиненіе въ незаконномъ задержаніи въ тюрьмѣ невинныхъ людей.

Тюремщикъ расхохотавшись, пожелалъ намъ добраго утра, и продолжалъ хохотать за рѣшеткою двери, пока мы сходили по ступенькамъ на улицу.

— Замѣтьте, мистеръ Пипъ, — сказалъ мнѣ Уэммикъ чуть-что не на ухо, взявъ меня за руку для большаго внушенія: — я полагаю, мистеръ Джаггерсъ ничего лучшаго не могъ придумать, какъ держаться такъ высоко. Онъ всегда держится такъ недосягаемо высоко. Высота его постоянно соотвѣтствуетъ его способностямъ. Ни полковникъ не посмѣлъ бы прощаться съ нимъ, ни тюремщикъ спрашивать его взгляда на процессъ. А между его недосягаемой высотою и ими, приходится его подчиненный, понимаете? Такъ что они у него въ рукахъ и тѣломъ и душою.

На меня сильно подѣйствовало это доказательство ловкости моего опекуна. И, сказать по правдѣ, я очень желалъ въ ту минуту, какъ и прежде не разъ, чтобъ опекуномъ у меня былъ человѣкъ не такой ужъ ловкій и способный.

Мы разстались съ мистеромъ Уэммикомъ у дверей конторы, гдѣ жаждавшіе лицезрѣть мистера Джаггерса изобиловали по обыкновенію, и я возвратился на свой постъ у конторы дилижансовъ съ двумя или тремя свободными часами впереди. Все это время я провелъ размышляя о томъ, какъ странно, что тюрьмы и преступники рѣшительно меня преслѣдуютъ; что преслѣдованіе это началось еще въ деревнѣ, въ зимній вечеръ, на нашихъ уединенныхъ болотахъ, потомъ возобновлялось еще два раза, какъ старая, но незажившая язва; и наконецъ, теперь не оставляло меня, когда надежды мои начинали осуществляться, въ сближеніи моемъ съ Эстеллою. Среди подобныхъ размышленій, моему воображенію представился ея изящный горделивый образъ, и я съ ужасомъ сравнилъ его съ недавно-видѣннымъ мною зрѣлищемъ. Я отъ души сожалѣлъ о томъ, зачѣмъ мнѣ повстрѣчался Уэммикъ и зачѣмъ я согласился на его приглашеніе; въ этотъ день я желалъ менѣе,

чѣмъ въ какой другой, чтобъ отъ меня пахло ньюгэтской тюрьмою. Прохаживаясь взадъ и впередъ, я отряхалъ тюремную пыль съ сапоговъ, счищалъ ее съ платья, выдыхалъ ее изъ легкихъ. Я до такой степени былъ занятъ моими мыслями, что время до пріѣзда дилижанса показалось мнѣ вовсе не длиннымъ; я еще не успѣлъ вполнѣ освободиться отъ грустнаго впечатлѣнія темницы, когда я увидалъ *ея* лицо въ окошкѣ дилижанса, и руку, которой она махала мнѣ, въ видѣ привѣтствія.

Въ эти минуту снова какая-то неуловимая тѣнь мелькнула передо мною. Что это было?

Глава тридцать третья.

Въ своемъ дорожномъ платьѣ, обшитомъ мѣхомъ, Эстелла казалась мнѣ еще нѣжнѣе, еще прекраснѣе, чѣмъ когда-нибудь. Обращеніе ея было какъ нельзя болѣе привлекательно; кто бы подумалъ, что она заботиться о томъ, чтобъ мнѣ понравиться? И я уже воображалъ, что въ этомъ обнаруживается вліяніе миссъ Хевишемъ.

Мы стояли на дворѣ гостинницы и она указывала мнѣ на свои вещи. Когда я всѣ ихъ собралъ, мнѣ пришла въ голову мысль — до сихъ поръ я, кромѣ ея, ни о чемъ не думалъ, — что я даже не знаю куда она ѣдетъ.

— Я ѣду въ Ричмондъ, — сказала она мнѣ. — Мнѣ объяснили, что есть два Ричмонда, одинъ въ Сэрри, другой въ Іоркширѣ. Мой, видите ли, въ Сэрри. Отсюда до него десять миль. Вы мнѣ наймете карету и проводите меня. Вотъ мой кошелекъ, вы изъ него заплатите за что слѣдуетъ. Нѣтъ, нѣтъ, вы должны взять кошелекъ! Намъ съ вами не приходится разсуждать, мы должны повиноваться даннымъ инструкціямъ. Мы съ вами не вольны поступать, какъ вздумается.

Говоря это, она передала мнѣ кошелекъ, и я надѣялся, что слова ея имѣли свой тайный смыслъ. Она произнесла ихъ легкомысленно, но не то, чтобъ съ недовольнымъ видомъ.

— За каретой надо еще послать, Эстелла. А покуда вы отдохнули бы здѣсь?

— Да, я здѣсь отдохну и буду пить чай, и вы должны обо всемъ позаботиться.

Она подхватила меня за руку, будто и это было такъ ужъ положено, и я попросилъ лакея, глазѣвшаго на дилижансъ, какъ-будто онъ отродясь не видывалъ такой штуки, провести насъ въ отдѣльную комнату. Услышавъ это, онъ засуетился, схватилъ откуда то салфетку, словно она была магическій ключъ, безъ котораго онъ не могъ найти дороги наверхъ, и ввелъ насъ въ самый черный и темный чуланъ во всемъ домѣ. Комнатка эта была

снабжена уменьшительнымъ зеркаломъ (совершенно излишнимъ предметомъ, если принять во вниманіе небольшіе размѣры комнаты), стклянкою съ подливкою изъ анчоусовъ и валявшимися въ углу коньками. Когда я протестовалъ противъ подобной конурки, онъ провелъ насъ въ другую, большую, съ обѣденнымъ столомъ человѣкъ на тридцать. На рѣшеткѣ камина, въ цѣлой грудѣ золы и угольной пыли, валялся смятый, исписанный листокъ, вырванный изъ какой-нибудь тетради. Взглянувъ на эти обгорѣлые остатки, онъ покачалъ головою и спросилъ у меня: — „чего прикажите“, и получилъ въ отвѣтъ: „чашку чаю для барыни“, вышелъ въ раздумьи.

Мнѣ тогда показалось, да и теперь еще кажется, судя по смѣшанному запаху бульона и конюшни въ этой комнатѣ, что вѣроятно конюшенная отрасль хозяйства находилась далеко не въ цвѣтущемъ состояніи, и что вслѣдствіе того предпріимчивый хозяинъ пустилъ своихъ лошадей на бульонъ. Но несмотря ни на что, эта комната была для меня лучше всѣхъ на свѣтѣ, потому что въ ней была Эстелла. Мнѣ казалось, что съ нею я пресчастливо могъ бы прожить тамъ цѣлый вѣкъ. (Но замѣтьте, въ ту минуту я не былъ счастливъ и вполнѣ это сознавалъ).

— Къ кому вы ѣдете въ Ричмондъ? — спросилъ я у Эстеллы.

— Я ѣду жить и проживаться къ одной дамѣ, которая имѣетъ возможность, или, по крайней мѣрѣ, увѣряетъ, что имѣетъ возможность вывозить меня въ общество, и познакомить въ нѣсколькихъ домахъ, словомъ, предоставить мнѣ случай другихъ посмотрѣть и себя показать.

— Конечно, вы будете очень довольны видѣть новыя мѣста, новыхъ людей, имѣть новыхъ поклонниковъ.

— Да, конечно.

Она отвѣтила такъ небрежно, что я замѣтилъ:

— Вы говорите о себѣ, какъ-будто о постороннемъ лицѣ.

— А почему вы знаете, какъ я говорю о постороннихъ? — сказала Эстелла, прелестно улыбаясь. — Не учиться же мнѣ у *васъ;* я говорю, какъ мнѣ вздумается. Какъ поживаете вы у мистера Покета?

— Очень весело, по крайней мѣрѣ... Мнѣ казалось, что слѣдовало воспользоваться случаемъ.

— По крайней мѣрѣ?—подхватила Эстелла.

— Такъ весело, какъ только можетъ-быть безъ васъ.

— Ахъ глупый мальчикъ, — сказала Эстелла совершенно хладнокровно. — Зачѣмъ вы болтаете такія глупости? Мнѣ кажется, вашъ другъ мистеръ Матью будетъ почище всей своей семьи.

— Конечно, онъ никому не врагъ...

— Постойте, постойте, никому, кромѣ самого себя; я ненавижу

такого рода людей. Но, говорятъ, онъ дѣйствительно очень безкорыстенъ, и не унижается до мелочной зависти и вражды? Я такъ слыхала.

— А я имѣю достаточныя основанія, чтобъ подтвердить ваши слова.

— Я думаю, нельзя сказать того же объ остальныхъ, — сказала Эстелла съ полу-серьезнымъ, полу-шутливымъ выраженіемъ: — Они такъ надоѣдаютъ миссъ Хевишемъ всякими доносами на васъ. Они слѣдятъ за каждымъ вашимъ шагомъ, перетолковываютъ его, пишутъ письма (нерѣдко анонимныя); словомъ, вы составляете мученіе и единственное занятіе ихъ жизни. Вы не можете себѣ представить, какъ эти люди васъ ненавидятъ.

— Но надѣюсь, они этимъ не вредятъ мнѣ? —сказалъ я.

Вмѣсто отвѣта Эстелла покатилась со смѣху. Это меня очень удивило, и я смотрѣлъ на нее въ недоумѣньи. Когда она перестала смѣяться, а смѣялась она отъ души, я спросилъ ее недовѣрчиво:

— Надѣюсь, вы не стали бы радоваться, еслибъ они могли сдѣлать мнѣ какой-нибудь вредъ.

— О нѣтъ, нѣтъ, вы можете быть увѣрены, что я смѣюсь потому, что всѣ ихъ попытки не удаются, — сказала Эстелла. — О эти люди, какъ они бьются и мучатся!

Она снова захохотала и даже теперь, когда я зналъ причину ея смѣха, онъ все еще оставался для меня загадкою; я не могъ сомнѣваться въ его искренности, а съ другой стороны, я тутъ не находилъ ничего особеннаго смѣшного, и подозрѣвалъ, что подъ этимъ что-нибудь кроется; она казалось угадала мою мысль и отвѣтила на нее.

— Вы не можете понять, какъ я рада, когда эти люди остаются въ дуракахъ. Вы не взросли въ томъ странномъ домѣ; а я взросла. Вы не прошли той школы постоянныхъ, глухихъ интригъ, скрывающихся подъ личиною сочувствія и сожалѣнія и разныхъ другихъ нѣжныхъ чувствъ; а я прошла. Вы не знаете, что такое значитъ въ дѣтскіе годы съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе убѣждался въ гнусности всѣхъ окружающихъ; а я знаю.

Теперь Эстелла была далеко отъ смѣха; эти воспоминанія нахлынули на нее съ необыкновенною силою. Ни за что на свѣтѣ не желалъ бы я быть причиною ея гнѣвныхъ взглядовъ.

— Я могу сказать вамъ только двѣ вещи, — продолжала Эстелла. — Во-первыхъ, что, не смотря на пословицу, что капля за каплей камень точитъ, вы можете быть увѣрены, что эти люди никогда, съ сотни лѣтъ не успѣютъ очернить васъ въ глазахъ миссъ Хевишемъ. Во-вторыхъ, я вамъ скажу, что это все изъ-за меня они такъ хлопочутъ и дѣлаютъ столько подлостей; вотъ вамъ въ томъ моя рука.

И она шутливо подала мнѣ руку. Мрачное ея настроеніе уже исчезло. Я схватилъ ея руку и поднесъ ее къ губамъ.

— Смѣшной мальчикъ, — сказала она. — Видно васъ ничто не образумитъ! Или вы, можетъ-быть, цѣлуете мою руку, съ тѣмъ же чувствомъ, съ какимъ я когда-то дала вамъ поцѣловать мою щеку?

— Какое же то было чувство? — спросилъ я.

— Постойте, дайте мнѣ припомнить... то было чувство презрѣнія ко всѣмъ льстецамъ и пройдохамъ.

— Если я скажу — да, то могу ли я опять поцѣловать васъ въ щеку?

— Вы бы попросили прежде, чѣмъ цѣловать руку. Но, впрочемъ, можете и теперь, если хотите.

Я наклонился къ ней, ея лицо было спокойно, какъ лицо статуи. — Ну-съ, — сказала Эстелла, ускользнувъ, какъ только я прикоснулся къ ея щекѣ. — Вѣдь вы должны позаботиться, чтобъ мнѣ дали чаю, и потомъ отвезти меня въ Ричмондъ.

Этотъ неожиданный оборотъ ея рѣчи, напоминавшій мнѣ, что наши отношенія были насильственно-обязательны, что мы были ни что иное какъ куклы въ чужихъ рукахъ, очень огорчилъ меня; впрочемъ, все въ нашихъ отношеніяхъ огорчало меня.

Каково бы ни было ея обращеніе со мною, я не могъ довѣриться ей, я не могъ надѣяться на нее и, несмотря на то, я шелъ наперекоръ своимъ надеждамъ, своей увѣренности. Но зачѣмъ повторять одно и тоже тысячи разъ! Такъ всегда было со мною.

Я позвонилъ и снова потребовалъ чаю. Лакей появился съ своей магической салфеткой, принося одинъ за однимъ, по крайней мѣрѣ, пятьдесятъ различныхъ снарядовъ и приборовъ, необходимыхъ для чаю, но о самомъ чаѣ и помину не было. Тутъ былъ подносъ, чашки съ блюдцами, тарелки, ножи, вилки, (даже точила), ложки, (различныхъ сортовъ), солонки; скромная маленькая рѣшеточка съ жаренымъ хлѣбомъ, подъ громаднымъ желѣзнымъ колпакомъ; кусочекъ мягкаго масла въ грудѣ петрушки, словно Моисей въ нильскихъ камышахъ; блѣдный хлѣбъ съ пригорѣлой верхней коркой, усыпанной сахаромъ и еще чѣмъ-то, и наконецъ, пузатый семейный самоваръ, внесенный лакеемъ съ выраженіемъ невыносимаго страданія и утомленія. Доставивъ все это, онъ снова пропалъ, и послѣ долгаго отсутствія возвратился съ какимъ-то драгоцѣннымъ коробцемъ, заключавшимъ въ себѣ сушеные листья или, вѣрнѣе, цѣлые сучки. Я бросилъ нѣсколько этого матеріала въ горячую воду и, наконецъ, успѣлъ добыть для Эстеллы чашку, право, не знаю чего.

Заплативъ по счету, не забывая лакея и вспомнивъ о привратникѣ и принявъ въ соображеніе горничную, словомъ подкупивъ

весь домъ и значительно облегчивъ кошелекъ, мы сѣли въ карету и поѣхали. Повернувъ въ Чипсайдъ и покатившись вдоль Ньюгэтской улицы, мы скоро очутились подъ тѣми стѣнами, которыхъ я теперь такъ стыдился.

— Что это за мѣсто? — спросила Эстелла.

Я было попытался не узнать, но потомъ отвѣтилъ на ея вопросъ. Послѣ того, какъ она взглянула на это зданіе и потомъ отшатнувшись проговорила:—несчастные!—я ни за что въ мірѣ не сознался бы въ своемъ посѣщеніи.

— Говорятъ, что мистеръ Джаггерсъ лучше всѣхъ знаетъ тайны этого страшнаго мѣста, — сказалъ я, желая свалить вину на кого-нибудь другого.

— Онъ, я думаю, знаетъ тайны всѣхъ на свѣтѣ, — тихо проговорила Эстелла.

— Вы, вѣроятно, часто съ нимъ видитесь?

— Я привыкла видать его отъ времени до времени, съ тѣхъ поръ какъ себя помню. Но я теперь знаю его не лучше, чѣмъ знала, когда еще не умѣла говорить. А какъ-то вы съ нимъ ладите?

— Разъ свыкнувшись съ его вѣчною недовѣрчивостью, я „поладилъ съ нимъ" очень хорошо.

— И вы съ нимъ близко познакомились?

— Я обѣдалъ у него, въ его собственномъ домѣ.

— То-то, я думаю, любопытное мѣсто, — сказала Эстелла съ выраженіемъ отвращенія.

— Дѣйствительно, очень любопытное мѣсто.

Не думаю, чтобъ даже съ нею я могъ слишкомъ разговориться о своемъ опекунѣ, но я вѣроятно разсказалъ бы ей объ обѣдѣ въ Джерардстритѣ, еслибъ насъ вдругъ не обдало ослѣпительнымъ свѣтомъ газа. Онъ живо напомнилъ мнѣ тѣ чувства, которыя когда-то возбуждалъ во мнѣ, и я нѣсколько времени былъ пораженъ словно блескомъ молніи.

И такъ мы перешли къ другому разговору; мы говорили преимущественно о мѣстахъ, по которымъ проѣзжали, и о томъ, какія части Лондона лежатъ направо, какія налѣво. Городъ былъ почти неизвѣстенъ Эстеллѣ, потому что она постоянно находилась при миссъ Хевишемъ, до своего путешествія, а тогда она только два раза проѣзжала мимо Лондона. Я спросилъ ее, не порученъ ли моему опекуну надзоръ надъ нею, покуда она здѣсь, но она съ живостью вскричала: — Боже избави!

Я не могъ не замѣтить, что она старалась прельстить меня, старалась покорить мое сердце, и конечно успѣла бы въ томъ, будь задача во сто разъ труднѣе. Но это не дѣлало меня счастливымъ; даже еслибъ она не намекала, что мы оба находимся въ зависимости, я чувствовалъ, что она овладѣла моимъ сердцемъ потому только, что ей такъ хотѣлось; въ ней не было того нѣжнаго

чувства, которое бы ручалось, что она никогда не сокрушитъ, не броситъ его.

Когда мы проѣзжали чрезъ Гаммерсмитъ, я показалъ ей домъ мистера Покета и выразилъ свои надежды, что такъ какъ оттуда недалеко до Ричмонда, то я буду имѣть случай видѣться съ нею.

— О конечно, конечно, мы будемъ видѣться; имъ уже, кажется, писали о васъ.

Я спросилъ ее, большое ли это семейство?

— Нѣтъ, ихъ только двое, мать и дочь. Мать занимаетъ важное положеніе въ обществѣ, но не прочь, кажется, увеличить свои доходы.

— Я удивляюсь, какъ миссъ Хевишемъ могла такъ скоро снова съ вами разстаться?

— Это входитъ въ ея планы, Пипъ, — сказала она вздыхая, какъ бы отъ утомленія. — Я должна постоянно писать ей, и въ опредѣленные сроки ѣздить къ ней. Я должна постоянно сообщать ей извѣстія о себѣ и о брильянтахъ, потому что теперь они почти всѣ мои.

Первый разъ въ жизни назвала она меня по имени. Конечно, она сдѣлала это съ намѣреніемъ, она знала, что я оцѣню такую фамильярность.

Мы пріѣхали въ Ричмондъ, какъ мнѣ показалось, очень скоро. Мѣстомъ нашего назначенія былъ важный старинный домъ, въ которомъ когда-то царствовали фижмы, пудра и мушки, шитые кафтаны, манжеты, парики и шпаги. Нѣсколько старыхъ деревьевъ передъ домомъ были обрѣзаны въ формы столь же оффиціальныя и неестественныя, какъ тѣ фижмы и парики, но и они, казалось, не далеко отстали отъ мертвецовъ, когда-то обитавшихъ въ этомъ домѣ и имъ, повидимому, было суждено скоро отправиться той же дорогой.

Хриплый, старый колокольчикъ не разъ, вѣроятно, возвѣщавшій появленіе какой-нибудь зеленой фижмы, брильянтовой шпаги или краснаго каблучка, важно нарушилъ тишину лунной ночи, и двѣ молодыя краснощекія дѣвушки выбѣжали навстрѣчу Эстеллы. Вскорѣ всѣ ея чемоданы и ящики исчезли за дверьми сѣней; она подала мнѣ руку, улыбнулась и, пожелавъ доброй ночи, также скрылась за дверью. Нѣсколько минутъ стоялъ я, раздумывая, какъ бы я былъ счастливъ, еслибъ жилъ въ этомъ домѣ, вмѣстѣ съ нею, хотя и сознавалъ въ то же время, что я никогда не былъ счастливъ въ ея присутствіи.

Съ разбитымъ сердцемъ сѣлъ я въ карету, чтобъ возвратиться въ Гаммерсмитъ. Въ дверяхъ нашего дома, я встрѣтилъ маленькую Джэнъ Покетъ, возвращавшуюся съ какого-то дѣтскаго вечера, въ сопровожденіи своего возлюбленнаго. И я завидовалъ это-

му мальчику, не смотря на то, что онъ находился подъ командой у Флопсонъ.

Мистеръ Покетъ былъ на лекціи. Онъ прекрасно читалъ о домохозяйствѣ, и его брошюры о воспитаніи дѣтей и объ обращеніи съ прислугой, считались лучшими руководствами по этой части. Но мистриссъ Покетъ была дома и въ ужасныхъ хлопотахъ; она застала Бэби, играющаго съ игольникомъ, который ему дали, чтобы занять его во время отсутствія Миллерсъ, (отлучившейся на минутку съ своимъ родственникомъ гвардейцемъ). При тщательномъ осмотрѣ, въ иголкахъ оказался большой недочетъ, такъ что дѣйствительно можно было сомнѣваться въ безвредности подобнаго пріема, будь онъ употребленъ какъ внутреннее или наружное средство, въ особенности, если принять во вниманіе нѣжный возрастъ паціента.

Такъ какъ мистеръ Покетъ славился своимъ умомъ, яснымъ и здравымъ взглядомъ на вещи и умѣньемъ давать прекрасные практическіе совѣты, то я хотѣлъ было раскрыть передъ нимъ свои душевныя страданія. Но увидѣвъ какъ мистрисъ Покетъ преспокойно принялась за свою родословную Великобританіи, предписавъ Бэби выспаться, какъ лучшее лекарство, я раздумалъ: — нѣтъ, лучше не раскрою...

Глава тридцать четвертая.

По мѣрѣ того, какъ я свыкался съ своими надеждами, я невольно сталъ замѣчать ихъ вліяніе на меня самого и окружающихъ. Вліяніе ихъ на мой характеръ я старался всѣми силами скрывать отъ себя, очень хорошо сознавая, что перемѣна во мнѣ была не къ лучшему. Я постоянно находился въ какомъ-то хроническомъ состояніи сомнѣнія на счетъ моего поведенія съ Джо. Совѣсть моя далеко также не оправдывала моихъ отношеній къ Бидди. Просыпаясь по ночамъ, подобно Камиллѣ, я часто думалъ, что былъ бы лучшимъ человѣкомъ и гораздо счастливѣе, еслибъ никогда не видалъ миссъ Хевишемъ и довольствовался скромной долей помощника Джо, въ честной, старой кузницѣ. Часто сидя одинъ по вечерамъ передъ каминомъ, я задумчиво смотрѣлъ на огонь и думалъ, что все-таки огонь кузницы и нашего домашняго очага лучше и милѣе мнѣ всѣхъ огней на свѣтѣ.

Однако, Эстелла была столь постояннымъ предметомъ моихъ мыслей и безпокойствъ, что право я затруднился бы сказать, на сколько источникомъ тревожнаго состоянія моего ума была Эстелла и на сколько мои надежды. Я этимъ хочу сказать, что еслибъ надеждъ моихъ вовсе не существовало, и Эстелла была бы единственнымъ предметомъ моихъ думъ, то наврядъ ли мое нравственное состояніе много разнилось бы отъ теперешняго. Что жъ ка-

сается до вліянія, производимаго моими надеждами на окружающихъ, то его легче было опредѣлить, и я, хотя и не очень ясно, но сознавалъ, что онѣ никому не приносили пользы, и конечно, менѣе всѣхъ Герберту. Мои расточительныя привычки ввели его въ большіе долги, которыхъ онъ не въ состояніи былъ платить; словомъ, они развратили его простую жизнь и нарушили его спокойствіе. Я вовсе не упрекалъ себя въ томъ, что невольно побуждалъ другихъ членовъ семейства Покетовъ дѣлать низости: ихъ характеры были такъ мелочны, что еслибъ не я, то кто-нибудь другой привелъ бы ихъ къ тому же. Но Гербертъ дѣло иное, и совѣсть меня часто укоряла, что я очень худо услужилъ ему, замѣнивъ его простую старую мебель нелѣпыми издѣліями современнаго искусства, и отдавъ въ его распоряженіе моего ливрейнаго грума.

Такимъ образомъ, идя отъ одной роскоши къ другой, я началъ входить въ огромные долги. Но я не могъ дѣлать долговъ, чтобъ ихъ не дѣлалъ и Гербертъ, и вотъ онъ вскорѣ послѣдовалъ моему примѣру. По совѣту Стартопа мы записались кандидатами въ клубъ, носившій хитрое названіе „Товарищества Лѣсныхъ Зябликовъ“. Я никогда не догадался, въ чемъ состояла цѣль этого общества, если не въ томъ, чтобъ разъ въ двѣ недѣли члены его собирались роскошно и дорого пообѣдать, послѣ обѣда вдоволь поспорить, и доставить случай шестерымъ лакеямъ напиться пьяными на лѣстницѣ. Я знаю, что эти три цѣли такъ хорошо достигались обществомъ, что мы съ Гербертомъ только на это и видѣли намекъ въ обычномъ тостѣ нашего клуба: „Милостивые государи, выпьемъ за постоянное сохраненіе тѣхъ дружескихъ отношеній, которыя существуютъ нынѣ между „Товариществомъ Лѣсныхъ Зябликовъ“.

Зяблики безсмысленно сорили деньгами, (мы всегда обѣдали въ трактирѣ въ Ковентъ-Гарденѣ) и первымъ зябликомъ, котораго я увидѣлъ, имѣвъ честь поступить въ ихъ число, былъ Друммель. Онъ въ то время ничего не дѣлалъ, только катался по городу въ собственномъ экипажѣ, оббивая тумбы на углахъ. Но распространяясь объ этомъ, я нѣсколько увлекаюсь и нарушаю нить разсказа, ибо я былъ еще несовершеннолѣтнимъ, и, по священнымъ законамъ общества зябликовъ, не могъ быть его членомъ. Вполнѣ увѣренный въ своихъ огромныхъ средствахъ, я бы охотно взялъ на себя всѣ издержки Герберта, но онъ былъ гордъ, и я не смѣлъ ему это предложить. И такъ, онъ втянулся въ безконечные долги, продолжая по-прежнему ничего не дѣлать, а только „осматриваться“. По мѣрѣ того, какъ мы стали засиживаться и поздно ложиться спать, я началъ замѣчать, что Гербертъ осматривался по утрамъ, до завтрака—съ какимъ-то отчаяніемъ, а въ половинѣ дня уже съ надеждою; во время обѣда онъ падалъ

духомъ, вечеромъ яснѣе сознавалъ возможность имѣть капиталы, а къ полуночи уже чуть не чувствовалъ себя капиталистомъ. За то къ двумъ часамъ утра имъ овладѣвало такое отчаяніе, что онъ начиналъ бредить о томъ, что купитъ ружье и отправится въ Америку искать счастья и богатства въ охотѣ на буйволовъ.

Я обыкновенно проводилъ полнедѣли въ Гаммерсмитѣ, и часто ѣздилъ оттуда въ Ричмондъ; объ этихъ посѣщеніяхъ впослѣдствіи скажу подробнѣе. Гербертъ часто пріѣзжалъ въ Гаммерсмитъ, когда я тамъ былъ, и, мнѣ кажется, по случаю этихъ пріѣздовъ отецъ его догадывался, что онъ еще не „осмотрѣлся“ и не открылъ себѣ никакого поприща въ жизни. Но, такъ-какъ все семейство Покетовъ жило какъ-нибудь, спотыкаясь на каждомъ шагу, то они не отчаявались, что Гербертъ какъ-нибудь наткнется на жизненное поприще. Между тѣмъ, мистеръ Покетъ сѣдѣлъ все болѣе и болѣе и чаще и чаще старался приподнять себя за голову. Мистрисъ Покетъ попрежнему заставляла все семейство спотыкаться объ ея скамейку, читала списокъ дворянскихъ родовъ, теряла платокъ и разсказывала намъ про своего дѣдушку.

Такъ какъ я теперь обобщаю цѣлый періодъ моей жизни, чтобъ перейти къ послѣдующимъ событіямъ, то лучше всего теперь же сообщу подробности и нашего житья-бытья въ гостинницѣ Бернарда.

Мы расходовали очень много денегъ, получая въ замѣнъ очень мало пользы и удовольствія. Мы всегда болѣе или менѣе чувствовали себя несчастными, и въ томъ же положеніи находилась большая часть нашихъ пріятелей. Мы всѣ воображали, что постоянно наслаждаемся жизнью, хотя что-то всегда говорило намъ противное. Я думаю, что наше положеніе было очень обыкновенное для молодыхъ людей.

Каждое утро Гербертъ отправлялся въ Сити, чтобъ „осматриваться“. Я часто посѣщалъ его въ темной, пустой комнатѣ, гдѣ онъ сиживалъ одинъ въ сообществѣ чернильницы, конторки, стула и линейки. На сколько помню, я никогда не видалъ, чтобъ онъ тамъ что-нибудь дѣлалъ. Еслибъ мы всѣ такъ ревностно исполняли наши обязанности, какъ Гербертъ, то, право могли бы жить въ идеальной республикѣ добродѣтелей. Онъ не имѣлъ никакого занятія кромѣ того, чтобъ въ извѣстный часъ пополудни „сходить къ Ллойду“. Я полагаю, это была церемонія представленія начальнику. Онъ ничего другого не дѣлалъ въ своемъ званіи конторщика у Ллойда. Когда онъ находился въ очень серьезномъ настроеніи духа, и чувствовалъ, что ему необходимо открыть себѣ какое-нибудь поприще, онъ отправлялся на биржу во время сходки тамъ всѣхъ капиталистовъ, и важно прохаживался между ними, съ видомъ пріѣзжаго. Приходя домой послѣ такого посѣщенія биржи, онъ всегда говаривалъ:—„Я вижу, Гендель, что хорошая

карьера не придетъ къ вамъ сама, надо идти къ ней навстрѣчу... Вотъ я и ходилъ".

Еслибъ насъ не связывала теплая любовь, то, право, я думаю, мы положительно каждое утро ненавидѣли бы другъ друга. Я не могъ видѣть нашихъ комнатъ въ эти минуты раскаянія, а грумъ мой становился мнѣ совершенно противнымъ. Онъ казался мнѣ въ это время больше, чѣмъ во всѣ остальныя сутки, безполезнымъ предметомъ роскоши. Чѣмъ болѣе мы дѣлали долговъ, тѣмъ горьче становился намъ утренній кофе. Однажды, когда во время его принесли мнѣ письмо, грозившее судебнымъ искомъ, я до того разгорячился, что схватилъ за шиворотъ грума за его замѣчаніе о необходимости вести счета, и такъ тряхнулъ его, что онъ очутился на воздухѣ.

Иногда я говаривалъ Герберту, какъ будто что новое:

— Милый Гербертъ, наши дѣла очень плохи.

— Милый Гендель,—обыкновенно отвѣчалъ онъ:—я только что хотѣлъ сказать то же. Вотъ странное совпаденіе!

— Ну, такъ, Гербертъ, — замѣчалъ я: — разсмотримъ наши дѣла.

Мы всегда чувствовали какое-то удовольствіе рѣшиться на такое занятіе. Я полагалъ, что это было дѣло, что это значило мужественно встрѣчать опасность. Я увѣренъ, что Гербертъ раздѣлялъ мое мнѣніе.

Тогда мы заказывали къ обѣду какое-нибудь особенное кушанье и вино, чтобъ подкрѣпиться на такое важное занятіе. Послѣ обѣда мы притаскивали кучу перьевъ, бумаги и порядочное количество чернилъ. Одно зрѣлище изобилія этихъ припасовъ было уже очень утѣшительно.

Потомъ я обыкновенно бралъ листокъ бумаги и надписывалъ наверху очень аккуратно заголовокъ:—„Счетъ долговъ Пипа", и прибавлялъ „гостинница Бернарда" и число. Гербертъ такъ же бралъ листокъ бумаги и съ тѣми же формальностями ставилъ заголовокъ: „Счетъ долговъ Герберта".

Каждый изъ насъ тогда обращался къ кучкѣ записокъ и бумажекъ, долго валявшихся, и въ ящикахъ, и въ карманахъ, и за зеркалами; многія изъ нихъ были изгажены, и даже частью сожжены отъ употребленія ихъ на зажиганіе свѣчей. Скрипъ нашихъ перьевъ имѣлъ очень успокоительное дѣйствіе, такъ что я не могъ понять разницы между этимъ назидательнымъ занятіемъ и дѣйствительною уплатою долга. По своему добродѣтельному характеру эти оба дѣла казались мнѣ равносильны. Когда мы нѣсколько времени прилежно занимались, я прерывалъ молчаніе, спрашивая Герберта, какъ идетъ его дѣло? Гербертъ, почесывая голову, обыкновенно отвѣчалъ:—„Цифры-то растутъ, Гендель, честное слово, растутъ".

— Не унывай, Гербертъ, — отвѣчалъ я, усердно водя перомъ:—Разбери хорошенько свои дѣла. Смотри прямо въ глаза опасности!..

— Я бы радъ, но цифры сами очень сердито смотрятъ на меня.

Но, моя рѣшительность имѣла свое вліяніе, и Гербертъ опять принимался за работу. Черезъ нѣсколько времени, онъ снова бросалъ дѣло, отговариваясь, что у него не достаетъ счета Кобба, Лобба, Нобба, или кого-нибудь другого.

— Такъ поставь круглымъ числомъ, Гербертъ.

— Какой ты молодецъ на выдумки!—отвѣчалъ мой другъ въ восхищеніи.—Дѣйствительно, у тебя великолѣпныя способности къ дѣламъ.

Я былъ того же мнѣнія. Въ подобныхъ обстоятельствахъ я считалъ себя дѣловымъ человѣкомъ — дѣятельнымъ, рѣшительнымъ, хладнокровнымъ. Когда я всѣ свои долги списывалъ съ отдѣльныхъ бумажекъ на общій листъ, я свѣрялъ ихъ и отмѣчалъ черточкой: при каждой черточкѣ мною овладѣвало какое-то великолѣпное чувство довольства самимъ собою. Когда уже мнѣ не оставалось болѣе ничего отмѣчать, я свертывалъ въ одинаковую форму всѣ записки и счеты, надписывалъ на задней сторонѣ ихъ содержаніе, и связывалъ въ симметрическія пачки. Потомъ то же дѣлалъ и для Герберта, который скромно замѣчалъ, что онъ не имѣлъ административнаго генія. Покончивъ это занятіе, я чувствовалъ, что устроилъ и его дѣла.

Мои способности къ дѣламъ выразились еще въ другой важной мѣрѣ, которую я называлъ „оставлять поле". Напримѣръ, положимъ, долги Герберта составляли сто шестьдесятъ четыре фунта и четыре съ половиною пенса. Тогда я говорилъ: „оставь поле и пиши круглымъ числомъ двѣсти фунтовъ!" Или, положимъ, мои долги были въ четверо болѣе его долговъ, я оставлялъ „поле" и ставилъ круглымъ числомъ семьсотъ фунтовъ. Я очень этимъ утѣшался, но долженъ теперь признаться, что это было разорительное самообольщеніе. Мы всегда дѣлали новые долги и наполняли оставленное поле и часто даже, полагаясь на чувство свободы и состоятельности, перебирали и начинали новое поле.

Но, послѣ такой ревизіи нашихъ дѣлъ нами овладѣвало чудное спокойствіе, и я убѣждался все болѣе и болѣе въ моихъ рѣдкихъ способностяхъ. Довольный своими трудами, методою и комплиментами Герберта, я долго съ удовольствіемъ сиживалъ между моими и Гербертовыми пачками счетовъ. Въ эти минуты я чувствовалъ себя какъ-бы цѣлымъ банкомъ, а не частнымъ лицомъ.

Во время этихъ важныхъ занятій мы обыкновенно запирали двери, чтобъ насъ не безпокоили. Однажды, только что я началъ

ощущать успокоительное дѣйствіе „поля“, какъ вдругъ, какое-то письмо упало къ намъ въ комнату чрезъ отверстіе въ двери.

— Это письмо тебѣ, Гендель,—сказалъ Гербертъ, вставая и передавая мнѣ его.—Надѣюсь, ничего не случилось худого,—прибавилъ онъ, указывая на черную кайму и печать.

Письмо было подписано „Треббъ и Комп.“ и заключало въ себѣ слѣдущія извѣстія: во-первыхъ, что я былъ „почтеннѣйшій сэръ“, а, во-вторыхъ, что мистриссъ Гаржери скончалась въ прошедшій понедѣльникъ, вечеромъ въ 6 часовъ и 20 минутъ, а похороны ея назначены въ будущій понедѣльникъ въ три часа пополудни.

Глава тридцать пятая.

Въ первый разъ на моемъ жизненномъ пути разверзалась могила, и страшною, зіяющею бездною показалась она мнѣ. Образъ моей сестры, въ знакомомъ покойномъ креслѣ, у кухоннаго очага, преслѣдовалъ меня день и ночь. Мысль, что ея не было на обычномъ мѣстѣ, казалось мнѣ совершенно невозможностью; въ послѣднее время я рѣдко вспоминалъ о ней, а теперь она не выходила у меня изъ головы: на улицѣ мнѣ казалось, что она непремѣнно должна идти за мною, дома—что она вотъ сейчасъ постучится въ дверь. Даже мои комнаты, съ которыми никогда не были связаны воспоминанія о ней, напоминали ея смерть. Мнѣ все мерещился ея голосъ, ея лицо, какъ-будто я привыкъ ее здѣсь видѣть.

Я не могъ очень любить свою сестру, но смерть даже недорогого сердцу человѣка въ состояніи поразить насъ. Подъ вліяніемъ этого чувства (за неимѣніемъ болѣе нѣжнаго), мною овладѣло страшное негодованіе къ тому неизвѣстному лицу, которое причинило моей сестрѣ столько страданій, и имѣй я достаточныя улики противъ Орлика или кого другого, я былъ-бы въ состояніи преслѣдовать его до послѣдней крайности.

Написавъ Джо письмо, въ которомъ я утѣшалъ его и обѣщалъ непремѣнно пріѣхать на похороны, я провелъ эти нѣсколько дней, оставшіеся до отъѣзда, въ томъ странномъ настроеніи, которое только-что описалъ. Я выѣхалъ рано утромъ и пріѣхалъ къ „Синему Вепрю“ какъ разъ во-время, чтобъ поспѣть пѣшкомъ въ кузницу.

Погода стояла прекрасная, лѣтняя, и эта прогулка живо напомнила мнѣ то время, когда я былъ маленькое, беззащитное существо, и рука сестры моей тяготѣла надо мной; но всѣ непріятныя воспоминанія какъ-то сглаживались, все смягчалось. Теперь и запахъ разцвѣтшихъ бобовъ и клевера, казалось, шепталъ мнѣ, что прійдетъ день, когда я пожелаю, чтобъ другіе, подъ успокоительнымъ вліяніемъ прекраснаго солнечнаго дня, смягчались при мысли обо мнѣ.

Дойдя до дома, я тотчасъ увидѣлъ, что мистеръ Треббъ и Комп. уже овладѣли имъ. Двѣ крайне нелѣпыя личности съ большими булавами, обвитыми крепомъ—точно будто эти орудія могли кого утѣшить—были поставлены по обѣимъ сторонамъ двери. Въ одномъ изъ нихъ я узналъ почтальона, выгнаннаго отъ „Синяго Вепря" за то, что онъ съ пьяна вывалилъ только-что обвѣнчавшуюся чету. Ребятишки со всей деревни и множество женщинъ столпились передъ домомъ, восхищались торжественнымъ зрѣлищемъ этихъ траурныхъ привратниковъ и запертыхъ ставней. Когда я подошелъ къ двери, одинъ изъ привратниковъ постучалъ въ дверь, вѣроятно, полагая, что я такъ истомленъ грустью, что не въ состояніи самъ этого сдѣлать.

Другой траурный прислужникъ (плотникъ, когда-то съѣвшій двухъ гусей на пари) отворилъ дверь и ввелъ меня въ парадную гостиную. Тамъ мистеръ Треббъ завладѣлъ самымъ лучшимъ столомъ и открылъ на немъ какой-то базаръ траурныхъ матерій и черныхъ булавокъ. Когда я вошелъ, онъ только-что окончилъ отдѣлывать крепомъ съ длинными концами чью-то шляпу и протянулъ руку за моею; но я не понялъ этого движенія и, вообще смущенный всею обстановкою, предружески пожалъ ему руку.

Бѣдный, милый Джо, опутанный въ какую-то траурную мантію, завязанную большимъ бантомъ подъ самымъ подбородкомъ, сидѣлъ совершенно отдѣльно въ заднемъ концѣ комнаты, куда его, какъ главное траурное лицо, вѣроятно, посадилъ мистеръ Треббъ. Когда я нагнулся къ нему и сказалъ:—„милый Джо, какъ ты поживаешь?" онъ только отвѣтилъ:

— Пипъ, старый дружище, ты зналъ ее, когда она была красивая... и молча пожалъ мою руку.

Бидди, очень скромненькая и опрятная въ своемъ черномъ платьѣ, дѣятельно распоряжалась, но вовсе не суетясь. Поздоровавшись съ нею, и понимая, что теперь было не до разговоровъ, я снова подсѣлъ къ Джо; я удивился и не могъ понять, въ какой части дома было оно, то-есть, она, моя сестра. Во всей гостиной пахло сладкимъ пирогомъ и я принялся отыскивать столъ съ закускою. Съ первой минуты, его нельзя было различить въ темнотѣ, но свыкнувшись съ нею, я разглядѣлъ, что тутъ былъ и плумъ-пудингъ, нарѣзанный ломтями, и апельсины, также нарѣзанные ломтями, и тартинки, и бисквиты, и еще два графинчика, которые я очень хорошо зналъ, но никогда не видалъ въ употребленіи; одинъ былъ съ хересомъ, другой—съ портвейномъ. Подойдя къ столу, я замѣтилъ низкопоклоннаго Пембельчука въ черной накидкѣ и въ шляпѣ съ крепомъ, концы котораго свисали на нѣсколько аршинъ; онъ, въ перемежку, то набивалъ себѣ ротъ, то дѣлалъ какіе-то траурные знаки, желая привлечь мое вниманіе. Увидавъ, что, наконецъ, успѣлъ въ этомъ, онъ подскочилъ ко

мнѣ (отъ него несло хересомъ и булкою) и вполголоса проговорилъ:

— Позвольте, любезный сэръ?

И, не дожидаясь отвѣта, принялся жать мнѣ руку. Затѣмъ, я разглядѣлъ мистера и мистриссъ Хобль; послѣдняя была въ припадкѣ обморока, совершенно приличномъ при такихъ обстоятельствахъ. Уже было время „провожать тѣло", и Треббъ принялся наряжать насъ самымъ нелѣпымъ образомъ.

— А по моему, Пипъ,—шепнулъ мнѣ Джо, когда мы начали, по выраженію Требба, „строиться", какъ бы приготовляясь къ какой-то страшной, уродливой пляскѣ:—по-моему, сэръ, такъ я бы гораздо лучше самъ отнесъ ее въ церковь, съ двумя или тремя друзьями, которые придутъ и помогутъ отъ добраго сердца; да, говорятъ, сосѣди почли бы это за недостатокъ уваженія.

— Платки вонъ, разомъ!—крикнулъ мистеръ Треббъ глухимъ, должностнымъ голосомъ.—Платки вонъ! Все готово!

Мы всѣ приложили платки къ лицу, точно будто у насъ шла кровь изъ носу, и потянулись изъ комнаты по-двое: я и Джо, Бидди и Пембельчукъ, мистеръ и мистриссъ Хобль. Смертные останки моей бѣдной сестры были, между тѣмъ, обнесены кругомъ изъ кухонныхъ дверей. Приличія требовали, чтобъ шесть несчастныхъ носильщиковъ задыхались и не могли ничего видѣть подъ какою-то безобразною попоною изъ чернаго бархата съ бѣлою каймою, и потому вся штука походила на какое-то чудовище, которое переваливаясь и спотыкаясь, двигалось на двѣнадцати человѣческихъ ногахъ, съ почтальономъ и его товарищемъ впереди.

Но сосѣди были очень довольны этими распоряженіями; вся деревня восхищалась великолѣпіемъ шествія. Самая юная и бодрая часть народонаселенія перебѣгала съ мѣста на мѣсто, чтобъ видѣть насъ съ самыхъ выгодныхъ мѣстъ. Въ этихъ случаяхъ, нѣкоторые изъ нихъ, не будучи въ силахъ сдерживать наплыва сильныхъ ощущеній, завидѣвъ насъ откуда-нибудь изъ-за угла, въ восторгѣ принималась кричать:—„Идутъ! идутъ! Вотъ сейчасъ будутъ здѣсь!"—и насъ чуть-чуть не привѣтствовали криками одобренія. Низкій Пембельчукъ, шедшій какъ разъ за мною, надоѣдалъ мнѣ во все время шествія. Подъ видомъ деликатнаго вниманія ко мнѣ, онъ то и дѣло оправлялъ развѣвающійся крепъ моей шляпы или складки моей мантіи. Меня также очень забавляла напыщенность и тщеславіе мистера и мистриссъ Хобль, которые, кажется, ужасно гордились тѣмъ, что участвовали въ такомъ важномъ шествіи.

И вотъ, передъ нами показались болота, а за ними рѣка, изъ которой какъ бы выростали паруса; мы вошли на кладбище, и направились прямо къ могиламъ неизвѣстныхъ моихъ родителей: Филиппа Пирипа и Джорджіаны, тожъ, жены означеннаго. Тамъ

сестра моя была смиренно опущена въ землю. Жаворонки прелестно пѣли, кружась въ высотѣ, и легкій вѣтерокъ пробѣгалъ въ листьяхъ деревъ, бросавшихъ прозрачную тѣнь на свѣжую могилу.

О поведеніи безчувственнаго Пембельчука я скажу только, что онъ былъ постоянно занятъ однимъ мною, даже когда читали эти безподобныя строки, напоминающія человѣку, что „нагъ пришелъ онъ въ этотъ міръ, нагъ и выйдетъ изъ него, и что онъ переходитъ, какъ тѣнь, не останавливаясь на одномъ мѣстѣ"; и тутъ онъ покашливалъ, какъ бы желая сказать, что этихъ словъ нельзя примѣнить къ одному молодому человѣку, неожиданно получившему отличное состояніе. Когда мы возвратились назадъ, онъ имѣлъ дерзость сказать, что очень бы желалъ, чтобъ сестра моя могла только знать о чести, которую я ей сдѣлалъ; онъ даже пошелъ далѣе и намекнулъ, что она, вѣроятно, не почла бы смерть слишкомъ дорогою цѣною за такую почесть. Затѣмъ, онъ выпилъ весь хересъ; мистеръ Хобль, въ свою очередь, докончилъ портвейнъ, и оба принялись толковать между собою, точно будто они существа, совершенно отличныя отъ усопшей и увѣрены въ своемъ безсмертіи. Наконецъ, онъ удалился, вмѣстѣ съ мистеромъ и мистриссъ Хобль, вѣроятно, въ намѣреніи окончить день у „Трехъ Лодочниковъ" и разсказать тамъ, что онъ былъ моимъ первымъ благодѣтелемъ и причиною моего благополучія.

Когда всѣ они ушли, ушелъ и мистеръ Треббъ, съ своими модами и тряпками—мальчика его тутъ не было—и въ домѣ стало гораздо легче и просторнѣе. Немного спустя, мы сѣли обѣдать; обѣдъ былъ холодный, но ѣли мы не въ кухнѣ, а въ гостиной, и Джо былъ такъ занятъ своимъ приборомъ, что всѣмъ намъ поневолѣ стало неловко; но когда мы кончили, я уговорилъ его закурить свою трубку. Побродивъ съ нимъ по комнатамъ, мы вышли и присѣли на большомъ камнѣ; тогда только мы стали нѣсколько сообщительнѣе и менѣе стѣснялись другъ друга. Я замѣтилъ, что послѣ похоронъ, Джо сдѣлалъ какой-то компромисъ между своимъ праздничнымъ и рабочимъ платьемъ, въ которомъ онъ былъ гораздо развязнѣе и болѣе походилъ на себя.

Онъ очень обрадовался моей просьбѣ переночевать въ прежней своей комнатѣ, и я также обрадовался тому, потому что самъ сознавалъ всю важность этой побѣды надъ собою. Подъ вечеръ, когда уже стемнѣло, мнѣ удалось пойти въ садъ съ Бидди и тамъ у насъ завязался слѣдующій разговоръ:

— Бидди,—сказалъ я:—мнѣ кажется, вы бы могли написать мнѣ обо всемъ случившемся.

— Вы думаете, мистеръ Пипъ?—отвѣтила она.—Я бы непремѣнно написала, еслибъ знала, какъ вы это примете.

— Не подумайте, что я хочу сдѣлать вамъ выговоръ, но мнѣ кажется, что вы могли бы угадать напередъ.

— Вы такъ думаете, мистеръ Пипъ?

Она была такъ спокойна, такъ мила и добра, что мнѣ не хотѣлось довести ее до слезъ. Посмотрѣвъ нѣсколько времени на ея опущенные глаза, я рѣшился перемѣнить разговоръ.

— Бидди, моя милая, я думаю, вамъ теперь уже неловко будетъ оставаться здѣсь?

— Да, мистеръ Пипъ, мнѣ невозможно оставаться здѣсь,— сказала она тономъ сожалѣнія и твердой рѣшимости.—Я уже переговорила съ мистриссъ Хобль, и завтра же отправляюсь къ ней; я надѣюсь, мы вдвоемъ будемъ въ состояніи позаботиться о мистерѣ Гарджери, покуда онъ немного успокоится.

— Но чѣмъ же вы будете жить, Бидди? Если вы будете нуждаться въ ден...

— Чѣмъ я буду жить?—повторила Бидди, и яркій румянецъ на мгновеніе выступилъ на ея щекахъ.—Я вамъ сейчасъ скажу. Я ищу мѣсто гувернантки въ новой школѣ, что скоро открывается въ деревнѣ. Всѣ сосѣди меня хорошо отрекомендуютъ, и я надѣюсь, что буду трудолюбива и терпѣлива, и, уча другихъ, буду сама учиться. Вы знаете, мистеръ Пипъ,—продолжала она, улыбаясь и смотря мнѣ въ лицо:—вѣдь, новыя школы не то, что старыя; но я съ тѣхъ поръ уже успѣла выучиться многому отъ васъ и имѣла довольно времени, чтобъ усовершенствоваться.

— Я думаю, вы могли бы усовершенствоваться при какихъ угодно обстоятельствахъ.

— Кромѣ самой дурной стороны человѣческой природы.

Это былъ не упрекъ, а скорѣе мысль вслухъ.

„Ну“,—подумалъ я,—„лучше оставить въ сторонѣ и этотъ разговоръ“.

Я прошелъ нѣсколько шаговъ, молча поглядывая на ея опущенныя вѣки.

— Бидди, я до сихъ поръ не слышалъ подробностей о смерти моей сестры.

— Они очень просты. Бѣдняжка! Она была въ припадкѣ— но надо замѣтить, что послѣднее время припадки эти были гораздо слабѣе—продолжался онъ четыре дня, на четвертый день подъ вечеръ, какъ-разъ во время нашего чая, она очнулась и совершенно явственно проговорила: „Джо!“ Такъ какъ она уже не произносила ни одного слова, я тотчасъ же побѣжала въ кузницу за Джо. Когда онъ пришелъ, сестра ваша попросила знаками посадить его поближе и положить ея руки вокругъ его шеи. Я такъ и сдѣлала, и она наклонила къ нему свою голову и, казалось, была этимъ очень довольна. Тогда она снова проговорила „Джо“, и потомъ „прости!“ и потомъ „Пипъ!“ Такъ, бѣдняжка, и не поднимала головы. Ровно черезъ часъ мы опустили ее на подушки. Ее уже не было въ живыхъ.

Бидди заплакала; и садъ, и дорожка, и звѣзды, сверкавшія на небѣ, помутились въ моихъ глазахъ.

— Ничего особаго не разузнали, Бидди?

— Ничего.

— Не знаете ли, что сталось съ Орликомъ?

— Судя по его одеждѣ, онъ, должно-быть, работаетъ въ копяхъ.

— Конечно, вы его видѣли тогда? Зачѣмъ вы такъ пристально смотрите на то темное дерево, что виднѣется вонъ на той аллеѣ?

— Я видѣла его тамъ въ ночь, когда она умерла

— И это было въ послѣдній разъ, Бидди?

— Нѣтъ; я только что видѣла его тамъ, покуда мы гуляли. Но не безпокойтесь,—продолжала она, видя, что я хотѣлъ бѣжать въ ту сторону, и удерживая меня за руку:—вы знаете, я не стала бы васъ обманывать, но онъ былъ тамъ за минуту и уже ушелъ.

Я былъ взбѣшенъ мыслью, что этотъ человѣкъ не перестаетъ ее преслѣдовать, и питалъ къ нему злобу, доходившую до остервенѣнія. Я такъ и сказалъ ей и прибавилъ еще, что не пожалѣю ни денегъ, ни трудовъ, чтобъ выжить его изъ околодка. Мало-по-малу, она успокоила меня и заговорила о томъ, какъ Джо любитъ меня и никогда ни на что не жалуется (она не сказала на меня, потому что это было и безъ того понятно), и какъ онъ исполняетъ свой долгъ твердою рукою и съ добрымъ сердцемъ.

— Правда, его нельзя довольно хвалить,—сказалъ я.—И мы, вѣроятно, не разъ будемъ возвращаться къ этому предмету, потому что я теперь буду часто пріѣзжать. Я не оставлю бѣднаго Джо въ одиночествѣ.

Бидди не сказала ни слова.

— Бидди, развѣ вы не слушаете меня?

— Слушаю, мистеръ Пипъ.

— Ужъ не говоря объ этомъ мистерѣ, которымъ вы меня совсѣмъ не кстати величаете, Бидди, что вы этимъ хотите сказать?

— Что я хочу этимъ сказать?—застѣнчиво спросила она.

— Бидди, — сказалъ я добродѣтельно - самоувѣреннымъ тономъ.—Я прошу васъ объяснить мнѣ, что все это значитъ?

— Все это?—повторила Бидди.

— Ну, не повторяйте моихъ словъ,—сказалъ я.—У васъ прежде не было этой привычки.

— Какъ же не было, мистеръ Пипъ!—возразила она.—И еще какъ было!

Я уже начиналъ подумывать не бросить ли мнѣ и этотъ разговоръ? Обойдя молча весь садъ, я возвратился къ первоначальному предмету.

— Бидди,—сказалъ я.—Я замѣтилъ, что буду часто навѣщать Джо, а вы встрѣтили эти слова намѣреннымъ молчаніемъ. Объясните, пожалуйста. почему?

— Да увѣрены ли вы, что *дѣйствительно* будете часто навѣщать его?—сказала Бидди, останавливаясь на узенькой садовой дорожкѣ и глядя на меня своими ясными, честными глазами.

— О, Бидди!—воскликнулъ я, какъ бы теряя надежду когда-либо образумить ее.— Это уже очень дурная сторона человѣческой природы! Пожалуйста, не говорите болѣе. Я не могу этого вынести.

Послѣ этого, за ужиномъ, я сидѣлъ поодаль отъ Бидди, и, идя спать, простился съ нею такъ холодно и важно, какъ только могъ, имѣя постоянно въ памяти кладбище и всѣ происшествія дня. Всякій разъ, какъ я просыпался ночью—а просыпался я каждыя четверть часа—я раздумывалъ о томъ, какъ злобно и несправедливо Бидди оскорбила меня.

Мнѣ слѣдовало ѣхать рано утромъ. И рано утромъ я всталъ и, никѣмъ незамѣченный, вышелъ изъ дому и заглянулъ въ одно изъ деревянныхъ оконъ кузницы. Нѣсколько минутъ смотрѣлъ я на Джо: онъ уже былъ за работою, на лицѣ его выражалась сила и здоровье.

— Прощай, милый Джо! Нѣтъ, нѣтъ, не обтирай руки, ради Бога: подай мнѣ твою черную руку. Вѣдь, я скоро опять пріѣду, я часто буду пріѣзжать.

— Никогда не довольно скоро,—сказалъ Джо:—и никогда не довольно часто.

Бидди дожидалась меня въ дверяхъ кухни, съ кружкою молока и краюшкою хлѣба.

— Бидди,—сказалъ я, подавая ей руку на прощаніе:—я не сержусь, но я огорченъ.

— Не огорчайтесь, прошу васъ,—уговаривала она меня съ чувствомъ:—ужъ предоставьте мнѣ одной огорчаться, если я была несправедлива.

Еще разъ передо мною поднимался туманъ. Если они предсказывали мнѣ, что я былъ здѣсь въ послѣдній разъ и что Бидди была права, то я только могу сказать, что они были правы.

Глава тридцать шестая.

Наши дѣла шли день отъ дня хуже; долги росли, мы часто сводили счеты и „оставляли поля", а время между тѣмъ быстро летѣло. Я былъ уже совершеннолѣтній, а еще, какъ предсказывалъ Гербертъ, тайна моей судьбы не разоблачилась.

Гербертъ самъ достигъ совершеннолѣтія восемью мѣсяцами прежде меня. Такъ какъ это событіе не ознаменовалось никакою существенною перемѣною въ его положеніи, то оно и не произвело никакого впечатлѣнія въ гостиницѣ Бернарда. Но день моего рожденія мы ожидали съ бездною надеждъ и самыхъ невозможныхъ

предположеній, потому что оба были убѣждены, что мой опекунъ не можетъ не сказать мнѣ по этому случаю чего-нибудь рѣшительнаго.

Я приложилъ возможныя старанія, чтобъ всѣ въ Литль-Бритейнѣ знали, когда будетъ день моего рожденія. Наканунѣ я получилъ оффиціальную записку отъ Уэммика, увѣдомлявшую меня, что мистеръ Джаггерсъ желалъ бы меня видѣть завтра, около пяти часовъ пополудни. Это меня окончательно убѣдило, что должно случиться что-нибудь очень важное и я, съ трепетомъ и необыкновенною исправностью, отправился на слѣдующій день въ назначенный часъ къ своему опекуну.

Въ первой комнатѣ встрѣтилъ и поздравилъ меня Уэммикъ; разговаривая со мною, онъ случайно потеръ себѣ носъ бумажкой, видъ которой мнѣ очень понравился. Но онъ ни слова не сказалъ о ней, а кивнулъ головою на дверь, приглашая меня войти въ кабинетъ моего опекуна. Былъ ноябрь мѣсяцъ и мистеръ Джаггерсъ стоялъ передъ огнемъ, прислонившись спиною къ карнизу камина и заложивъ руки подъ фалды фрака.

— Ну, Пипъ,—сказалъ онъ:—сегодня слѣдуетъ васъ называть—мистеромъ Пипомъ. Поздравляю васъ, мистеръ Пипъ.

Мы пожали другъ другу руку (онъ никогда долго не жалъ руку) и я поблагодарилъ его.

— Возьмите стулъ, мистеръ Пипъ,—сказалъ мой опекунъ.

Я сѣлъ; онъ продолжалъ стоять въ прежнемъ положеніи, и только, поводя бровями, пристально смотрѣлъ на свои сапоги. Мнѣ стало неловко; мною овладѣло то же чувство, которое я испыталъ когда-то, давно, когда каторжникъ меня посадилъ на надгробную плиту. Страшные слѣпки на стѣнахъ, казалось, дѣлали неимовѣрныя усилія, чтобъ разслушать разговоръ.

— Ну, любезнѣйшій,—началъ мой опекунъ, обращаясь ко мнѣ, будто я былъ свидѣтель, сидѣвшій на судебной скамьѣ:—я желалъ бы сказать вамъ нѣсколько словъ.

— Сдѣлайте одолженіе.

— Какъ велики, полагаете вы, ваши расходы?—сказалъ мистеръ Джаггерсъ, нагибаясь, чтобъ взглянуть на полъ и потомъ закидывая голову назадъ и глядя въ потолокъ.

— Какъ велики мои расходы, сэръ?

— Какъ велики ваши расходы?—повторилъ онъ, все еще глядя въ потолокъ.

Подождавъ немного, онъ обвелъ взоромъ всю комнату и остановилъ платокъ на полпути къ носу, дожидаясь моего отвѣта.

Я послѣднее время такъ часто занимался повѣркою счетовъ, что совершенно сбился съ толку, и не былъ въ состояніи отвѣтить на этотъ вопросъ. Я такъ и сказалъ своему опекуну. Отвѣтъ, кажется, понравился ему. Онъ замѣтилъ:

— Я такъ и думалъ.

И съ самодовольнымъ видомъ высморкалъ носъ.

— Ну, любезнѣйшій, я вамъ задалъ одинъ вопросъ,—сказалъ Джаггерсъ.—Теперь не имѣете ли вы какихъ-нибудь вопросовъ задать мнѣ?

— Конечно, я радъ бы задать вамъ и не одинъ вопросъ, сэръ, но я помню ваше запрещеніе.

— Задайте одинъ,—сказалъ Джаггерсъ.

— Не откроется ли мнѣ сегодня мой благодѣтель?

— Нѣтъ. Задайте другой.

— Скоро ли объяснится тайна?

— Оставьте этотъ вопросъ на минутку въ сторонѣ,—сказалъ Джаггерсъ:—и спросите что-нибудь другое.

Я подумалъ. Оставался только одинъ вопросъ.

— Приходится ли мнѣ получить что-нибудь сегодня?

На этотъ вопросъ мистеръ Джаггерсъ съ торжествующимъ видомъ отвѣчалъ:

— Я такъ и думалъ, что кончится этимъ!

Онъ позвалъ Уэммика и приказалъ подать себѣ знакомую мнѣ бумажку. Уэммикъ подалъ ему и тотчасъ же удалился.

— Ну-съ, мистеръ Пипъ,—сказалъ Джаггерсъ:—потрудитесь теперь выслушать. Вы не стѣсняясь брали отсюда деньги; ваше имя частенько встрѣчается въ расходной книгѣ, но вы, безъ сомнѣнія, уже надѣлали долговъ?

— Къ несчастью, я долженъ сказать „да".

— Конечно, вы должны сказать „да", въ томъ нѣтъ сомнѣнія,—сказалъ мистеръ Джаггерсъ.

— Да, сэръ.

— Я не спрашиваю сколько у васъ долговъ, потому что вы сами того не знаете, а еслибъ и знали, такъ не сказали бы, непремѣнно убавили бы. Да, да, любезнѣйшій,—продолжалъ онъ, увидѣвъ, что я собираюсь протестовать, и махая мнѣ рукою, чтобъ я молчалъ.—Вамъ, кажется, что вы бы этого не сдѣлали, но, повѣрьте, навѣрно сдѣлали бы. Вы меня извините, но я лучше васъ знаю. Ну-съ, возьмите вотъ эту бумажку. Взяли вы ее? Хорошо-съ Теперь скажите мнѣ, что это такое!

— Это банковый билетъ въ пятьсотъ фунтовъ,—отвѣтилъ я.

— Это банковый билетъ въ пятьсотъ фунтовъ,—повторилъ мистеръ Джаггерсъ.—И эта недурная сумма денегъ—какъ вы думаете?

— Могу ли я думать иначе!

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчайте прямо,—сказалъ мистеръ Джаггерсъ.

— Можетъ ли быть въ этомъ сомнѣніе.

— Итакъ, вы считаете эту сумму, безъ сомнѣнія, недурною. Ну-съ, Пипъ, такъ знайте же, что она принадлежитъ вамъ. Это вамъ подарокъ на сегодняшній день въ доказательство основательности вашихъ надеждъ. Таковъ будетъ вашъ ежегодный доходъ до тѣхъ поръ, пока вашъ благодѣтель заблагоразсудитъ открыться вамъ. Вы сами возьмете теперь въ руки денежныя дѣла, и только въ каждую четверть будете получать отъ Уэммика сто двадцать пять фунтовъ; все это, конечно, до тѣхъ поръ, пока вы будете имѣть дѣло съ самимъ источникомъ вашего благополучія, а не съ его довѣреннымъ лицомъ. Я вамъ уже прежде сказалъ, что я здѣсь только довѣренное лицо. Я дѣйствую сообразно даннымъ инструкціямъ и мнѣ за то платятъ. Я нахожу ихъ крайне неблагоразумными, но, вѣдь, мнѣ не за то платятъ, чтобъ я разсуждалъ объ ихъ достоинствахъ и недостаткахъ.

Я началъ было распространяться о признательности, которую я питаю къ своему благодѣтелю за его щедрость, какъ Джаггерсъ остановилъ меня, сказавъ холодно:

— Мнѣ, вѣдь, не платятъ за то, чтобъ я передавалъ ваши слова.

Онъ оправилъ фалды своего фрака и снова насупивъ брови, принялся разглядывать свои сапоги.

Помолчавъ немного я сказалъ:

— Я вамъ задалъ одинъ вопросъ, мистеръ Джаггерсъ, и вы сказали мнѣ повременить съ минутку. Надѣюсь, я не сдѣлаю ничего дурного, если во второй разъ его предложу?

— Что жъ это было?

Я впередъ зналъ, что онъ не поможетъ мнѣ выйти изъ неловкаго положенія, но необходимость снова сдѣлать вопросъ совершенно сконфузила меня.

— Вѣроятно ли, что мой патронъ,—началъ я заикаясь:—тотъ источникъ, о которомъ вы говорили, скоро... здѣсь я изъ деликатности запнулся.

— Что жъ скоро?—подхватилъ мистеръ Джаггерсъ.—Покуда это еще не вопросъ.

— Скоро ли онъ пріѣдетъ въ Лондонъ?—сказалъ я, тщетно пытаясь найти болѣе точное выраженіе.—Или потребуетъ меня къ себѣ?

— Ну, вотъ видите ли,—отвѣчалъ мистеръ Джаггерсъ, въ первый разъ глядя на меня:—видите ли, я теперь долженъ напомнить вамъ о томъ вечерѣ, когда мы въ первый разъ встрѣтились. Что я вамъ сказалъ тогда?

— Вы сказали, что, можетъ быть, мой благодѣтель откроется чрезъ нѣсколько лѣтъ.

— Именно такъ,—сказалъ мистеръ Джаггерсъ:—вотъ вамъ и мой отвѣтъ.

Мы взглянули другъ другу въ глаза. Я чувствовалъ, что дыханіе мое ускорялось вслѣдствіе желанія вывѣдать у него что-нибудь. Но, я видѣлъ также, что онъ замѣчаетъ мой трепетъ, и съ этимъ исчезала надежда добиться отъ него разъясненія тайны.

— Думаете ли вы, что и теперь еще дожидаться этого надо нѣсколько лѣтъ?

Мистеръ Джаггерсъ покачалъ головой, но онъ отрицалъ этимъ не самый вопросъ, а вообще возможность добиться у него отвѣта. Страшные слѣпки, когда я взглянулъ на нихъ, казалось, съ усиленнымъ вниманіемъ прислушивались къ нашему разговору, что придавало имъ выраженіе, будто они готовились чихнуть.

— Постойте! — сказалъ мистеръ Джаггерсъ, потирая себѣ ляжки. — Я вамъ прямо скажу, мой другъ Пипъ, вамъ не слѣдуетъ меня объ этомъ и спрашивать. Вы это поймете еще лучше, если я вамъ скажу, что этотъ вопросъ можетъ ввести *меня* въ непріятности. Постойте! Я пойду далѣе, я скажу вамъ еще нѣчто.

Разсматривая свои сапоги, онъ такъ низко нагнулся, что могъ потереть даже икры.

— Когда вашъ благодѣтель откроется вамъ, — сказалъ мистеръ Джаггерсъ, выпрямляясь: — тогда ужъ вы сами будете имѣть съ нимъ дѣло. Когда это лицо откроется, мои обязанности оканчиваются. Когда это лицо откроется, мнѣ и нужды не будетъ до васъ. Это все, что я имѣю вамъ сказать.

Мы переглянулись, и я задумчиво опустилъ глаза. Изъ его послѣднихъ словъ я заключилъ, что миссъ Хевишемъ, по какой-нибудь причинѣ или, можетъ быть, совсѣмъ безъ причины, не сообщила Джаггерсу, что она предназначаетъ меня для Эстеллы, что онъ былъ недоволенъ этимъ, завидовалъ мнѣ, или, наконецъ, что онъ открыто противился этимъ планамъ и не хотѣлъ имѣть никакого съ ними дѣла. Поднявъ глаза, я увидѣлъ, что онъ все время не спускалъ съ меня своего проницательнаго взгляда.

— Если это все, что вы имѣете мнѣ сказать, сэръ, — замѣтилъ я: — то мнѣ не остается ничего болѣе говорить.

Онъ кивнулъ головою въ знакъ согласія и, вынувъ свои часы— грозу всѣхъ воровъ, — спросилъ, гдѣ я намѣренъ обѣдать? Я отвѣтилъ: „дома, съ Гербертомъ“. Какъ водится, въ свою очередь, я попросилъ его осчастливить насъ своимъ присутствіемъ и онъ тотчасъ же согласился. Но онъ настаивалъ идти вмѣстѣ со мною для того, чтобъ я не вздумалъ ради него входить въ излишніе расходы, а ему еще нужно было написать письма два, три и, разумѣется, вымыть руки. Я сказалъ, что посижу покуда съ Уэммикомъ.

Дѣло въ томъ, что когда пятьсотъ фунтовъ очутились у меня въ карманѣ, въ головѣ моей зашевелилась мысль, которая уже не

разъ приходила мнѣ на умъ и мнѣ показалось, что Уэммикъ именно человѣкъ, съ которымъ можно посовѣтоваться объ этомъ дѣлѣ.

Онъ уже собирался уходить, заперъ сундукъ, покинулъ конторку, поставилъ обѣ свѣчи съ щипцами на полочку около дверей, чтобъ разомъ ихъ потушить, сгребъ уголья въ каминѣ, такъ чтобъ они не могли вывалиться, приготовилъ шляпу и пальто и стоялъ, постукивая себя ключемъ въ грудь, въ видѣ полезнаго гимнастическаго упражненія, послѣ столькихъ часовъ усидчиваго труда.

— Мистеръ Уэммикъ, сказалъ я: — я бы желалъ посовѣтоваться съ вами; мнѣ бы хотѣлось помочь одному другу.

Уэммикъ стиснулъ ротъ и молча покачалъ головою, какъ бы желая сказать, что онъ даже не подаетъ своего мнѣнія о такой пагубной страсти.

— Этотъ другъ, — продолжалъ я: — старается добиться чего-нибудь на торговомъ поприщѣ, и ему очень трудно начинать безъ капитала. Ну-съ, я бы хотѣлъ ему помочь.

— Деньгами? — сухо спросилъ Уэммикъ.

— Частью деньгами, — отвѣтилъ я, и мнѣ представилась та аккуратная пачка счетовъ, которая лежала у меня дома: — Частью деньгами, а частью своими надеждами.

— Мистеръ Пипъ, — сказалъ Уэммикъ, я бы желалъ перечесть съ вами по пальцамъ всѣ мосты вверхъ по Темзѣ. Ну-съ вотъ будетъ Лондонскій — разъ; Саутворкскій — два; Блякфрайерзскій — три; Ватерлоскій — четыре; Весминстерскій — пять; Воксолскій — шесть. И онъ отсчитывалъ всѣ эти мосты, ударяя ключемъ по ладони. Какъ видите, ихъ ровно шесть, выбирайте любой.

— Я не понимаю васъ, — сказалъ я.

— Выберите себѣ мостъ, мистеръ Пипъ,—продолжалъ Уэммикъ, вмѣсто отвѣта; — и пойдите прогуливаться по своему мосту, и остановитесь надъ среднею аркою вашего моста, и бросьте ваши деньги въ Темзу, вотъ и конецъ имъ. Одолжите ваши деньги другу, и конецъ имъ будетъ тотъ же! Да къ тому же въ этомъ будетъ еще меньше пользы и удовольствія.

И говоря это, онъ широко раскрылъ ротъ.

— Однако, это вовсе не утѣшительно, — замѣтилъ я.

— На то и сказано, — отвѣчалъ Уэммикъ.

— И такъ, ваше мнѣніе, — спросилъ я, почти съ негодованіемъ: — что человѣкъ никогда не долженъ...

— Ссужать, давать другу движимое имущество? — сказалъ Уэммикъ.—Конечно, нѣтъ, исключая того случая, когда хочешь отъ него отдѣлаться и то еще вопросъ, сколько можно на это пожертвовать.

— И это, спросилъ я: — и это ваше убѣжденіе, мистеръ Уэммикъ?

— Это мое убѣжденіе, здѣсь въ конторѣ, — отвѣтилъ онъ.

— А-га!—подхватилъ я, хватаясь за его увертку.—Но будетъ ли это вашимъ убѣжденіемъ въ Уольвортѣ.

— Мистеръ Пипъ, — серьезно отвѣтилъ онъ: — Уольвортъ самъ по себѣ, а контора сама по себѣ. Точно такъ же, какъ мой старикъ одно, Джаггерсъ другое. Ихъ не слѣдуетъ смѣшивать. Мои уольвортскія убѣжденія можно узнать только въ Уольвортѣ, а здѣсь вы узнаете только мои оффиціальныя убѣжденія.

— Хорошо, хорошо, — сказалъ я, чувствуя, что у меня гора свалилась съ плечъ:—въ такомъ случаѣ я непремѣнно навѣщу васъ въ Уольвортѣ, вы можете быть въ этомъ увѣрены.

— Милости просимъ, мистеръ Пипъ, — отвѣтилъ онъ.

Мы все время разговаривали въ полголоса, зная, какъ чутокъ слухъ мистера Джаггерса. Теперь онъ показался въ двери, съ полотенцемъ въ рукахъ, и Уэммикъ тотчасъ надѣлъ свое пальто и готовился затушить свѣчи. Мы вышли втроемъ, но на крыльцѣ раздѣлились; Уэммикъ пошелъ въ свою сторону, мы съ Джаггерсомъ въ свою.

Не разъ въ этотъ вечеръ, пожалѣлъ я, что у мистера Джаггерса нѣтъ въ Джерардъ-Стритѣ ни старика, ни пушки, словомъ, никого и ничего, что бы могло раздвинуть его насупившіяся брови. Не совсѣмъ пріятно было мнѣ убѣдиться, что мое совершеннолѣтіе не прояснило ту тѣсную атмосферу постояннаго присмотра и подозрѣній, которою окружилъ меня мистеръ Джаггерсъ. Онъ былъ въ тысячу разъ умнѣе и образованнѣе Уэммика, и все же, я бы въ тысячу разъ скорѣе желалъ бы имѣть Уэммика у себя за столомъ. И не на меня одного производилъ онъ такое тяжелое впечатлѣніе, потому что, когда онъ ушелъ, Гербертъ, устремивъ взоры въ огонь, сказалъ мнѣ, что чувствуетъ будто когда-то, очень давно, совершилъ преступленіе и совершенно забылъ о немъ, но теперь начинаетъ мучиться угрызеньями совѣсти.

Глава тридцать седьмая.

Прійдя къ заключенію, что въ воскресенье было бы удобнѣе всего узнать Уольвортскія мнѣнія и убѣжденія мистера Уэммика, я слѣдующее же воскресенье посвятилъ на путешествіе въ замокъ. Подъѣхавъ къ его стѣнамъ, я увидѣлъ, что флагъ грозно развѣвался надъ башнею, а мостъ былъ поднятъ; но не испугавшись этихъ признаковъ осаднаго положенія, я позвонилъ у воротъ, и былъ впущенъ старикомъ самымъ миролюбивымъ образомъ.

— Мой сынъ, сэръ, —сказалъ старикъ — предвидѣлъ, что вы заѣдете и велѣлъ вамъ сказать, что онъ скоро воротится изъ своей послѣобѣденной прогулки. Онъ очень аккуратенъ въ своихъ прогулкахъ. Онъ во всемъ аккуратенъ, мой сынъ.

Я кивнулъ старику, не хуже самого Уэммика; мы вошли въ комнату и расположились передъ огнемъ.

— Вы, вѣроятно, познакомились съ моимъ сыномъ, сэръ, въ его конторѣ? — сказалъ старикъ своимъ обыкновеннымъ голосомъ, напоминавшимъ щебетаніе птицъ, и грѣя руки передъ огнемъ.—Я кивнулъ головою. Да! — Я слышалъ, что мой сынъ удивительно знаетъ свое дѣло, сэръ?

Я кивнулъ сильнѣе. — Да, да, такъ говорятъ. Вѣдь онъ по части законовъ? — Я кивнулъ еще сильнѣе. — И это меня тѣмъ болѣе удивляетъ, что онъ не къ тому былъ воспитанъ, — продолжалъ старикъ: — онъ готовился въ купорщики.

Мнѣ любопытно было знать, какое понятіе старый джентльменъ имѣлъ о славѣ мистера Джаггерса, и потому я, что было силы, прокричалъ это имя. Но онъ совершенно озадачилъ меня, разразившись, вмѣсто отвѣта, самымъ радушнымъ, веселымъ смѣхомъ и едва проговоривъ:

— Конечно, конечно, ваша правда! — До сихъ поръ я не знаю, что онъ этимъ хотѣлъ сказать и, что смѣшного нашелъ въ моихъ словахъ.

Такъ какъ я не могъ же сидѣть и постоянно кивать ему головою, не пытаясь даже занять его чѣмъ нибудь, то я пустилъ на удачу вопросъ, было ли купорное мастерство и его ремесломъ? Повторивъ нѣсколько разъ свой вопросъ и тыкая старика въ грудь, чтобъ привлечь его вниманіе, я, наконецъ, успѣлъ втолковать ему свой вопросъ.

— Нѣтъ, отвѣтилъ онъ; — нѣтъ, я былъ надсмотрищикомъ при магазинахъ. Прежде тамъ, вонъ. — Онъ указалъ на печку, но я догадался, что онъ разумѣлъ Ливерпуль. —А потомъ здѣсь, въ Лондонѣ; но по природному недостатку, потому-что, я долженъ вамъ сказать, сэръ, я тугъ на ухо...

Я выразилъ знаками величайшее удивленіе.

— ...Да, тугъ на ухо. Когда этотъ недостатокъ поразилъ меня, мой сынъ сталъ заниматься законами, и сталъ покоитъ и беречь меня, и вотъ, мало-по-малу, отдѣлалъ это красивое и великолѣпное имѣнье. Но, что касается сказаннаго вами, продолжалъ онъ, снова принимаясь хохотать—то, конечно, ваша правда.

Я задавалъ себѣ вопросъ: могъ ли бы я что нибудь выдумать, что бы позабавило старика болѣе этой воображаемой шутки, какъ вдругъ что-то щелкнуло въ стѣнѣ, и передо мною не далеко отъ камина отворились маленькія дверцы съ надписью „Джонъ“. Старикъ слѣдилъ за движеніемъ моихъ глазъ и съ восторгомъ закрикричалъ:

— Это сынъ воротился! — и мы оба пошли къ подъемному мосту.

Прелесть было смотрѣть на Уэммика, посылавшаго мнѣ при-

вѣтствіе рукою, стоя по другую сторону рва, тогда какъ мы свободно могли бы пожать другъ другу руку. Старикъ съ такимъ восторгомъ суетился у моста, что я даже и не предложилъ ему своей помощи, а спокойно дождался, покуда Уэммикъ перешелъ мостикъ и представилъ меня миссъ Скиффинзъ, сопровождавшей его дамѣ.

Миссъ Скиффинзъ была какая-то словно деревянная; на видъ, она была двумя, тремя годами моложе Уэммика и, повидимому, имѣла кой какую движимую собственность. Покрой ея платья, отъ таліи до плечей, какъ спереди такъ и сзади напоминалъ дѣтскій змѣй; и оранжевый цвѣтъ его, какъ и зеленыя ея перчатки нѣсколько грѣшили яркостью.

Но она, казалось, была уживчиваго нрава и очень почтительно обходилась со старикомъ. Я вскорѣ узналъ, что она обычная гостья въ замкѣ, потому что, когда я сталъ расхваливать остроумный способъ, которымъ Уэммикъ объявлялъ о своемъ появленіи, онъ попросилъ меня обратить вниманіе на другую сторону камина а самъ, между тѣмъ, исчезъ. Черезъ нѣсколько минутъ, что-то снова щелкнуло въ стѣнѣ; отворилась другая дверка, съ надписью „миссъ Скиффинзъ“, потомъ она закрылась, а отворилась прежняя съ „Джонъ“, потомъ обѣ вмѣстѣ и, наконецъ, обѣ окончательно закрылись. Когда Уэммикъ возвратился, я выразилъ свое удивленіе его механическимъ талантамъ, на что онъ отвѣтилъ:

— Да-съ, оно и забавно и полезно для моего старика. И къ тому же вамъ слѣдуетъ сказать что изо всѣхъ посѣщающихъ замокъ, секретъ этотъ знаютъ только старикъ, миссъ Скиффинзъ, да я!

— И мистеръ Уэммикъ собственными руками сдѣлалъ весь механизмъ, — замѣтила миссъ Скиффинзъ, — и все изъ головы.

Покуда миссъ Скиффинзъ снимала шляпу — перчатки она не снимала во весь вечеръ, въ знакъ того, что были гости — Уэммикъ пригласилъ меня обойти его владѣнія, чтобъ полюбоваться зимнимъ видомъ острова. Думая, что онъ сдѣлалъ это предложеніе съ цѣлью доставить мнѣ случай узнать его Уольвортскія убѣжденія, я обратился прямо къ предмету своего посѣщенія, какъ только мы вышли изъ замка

Обдумавъ хорошенько дѣло, я принялся за него, точно будто между нами никогда и не было рѣчи о немъ. Я увѣдомилъ Уэммика, что желалъ бы услужить Герберту Покету, а также не забылъ разсказать о нашей первой встрѣчѣ и дракѣ. Я бросилъ бѣглый взглядъ на семейство Герберта, его характеръ и средства къ существованію, совершенно зависящія отъ его отца, и потому очень не вѣрныя. Я намекнулъ на пользу, которую извлекъ изъ его общества, когда еще былъ грубъ и неотесанъ, и сознался, что очень дурно отплатилъ ему, потому что онъ, безъ сомнѣнія, гораздо лучше велъ себя безъ меня. Оставляя миссъ Хевишемъ на заднемъ

планѣ, я все же намекнулъ на то, что я, можетъ быть, перебилъ ему дорогу и что я, несмотря на то, считаю его неспособнымъ ни на какую подлость, месть, или какой дурной умыселъ противъ меня. Ради всѣхъ этихъ причинъ (сказалъ я Уэммику) и вслѣдствіе того, что онъ любимый мой другъ и товарищъ, я желалъ бы, чтобъ мое благополучіе отразилось и на немъ, и потому желаю воспользоваться опытностью Уэммика и его знаніемъ людей и обстоятельствъ. На первый случай, я желалъ бы помочь Герберту найдти мѣсто съ жалованіемъ фунтовъ въ сто, и мало-по-малу доставить ему возможность войдти въ долю. Я въ заключеніе объяснилъ Уэммику, что все это должно быть сдѣлано безъ вѣдома Герберта, такъ, чтобъ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго подозрѣнія. Въ заключеніе своей рѣчи, я положилъ руку на плечо Уэммику и сказалъ:

— Я надѣюсь на васъ; это вамъ, пожалуй, будетъ стоить много хлопотъ, но вы сами же виноваты; зачѣмъ было вамъ приглашать меня.

Уэммикъ нѣсколько минутъ молчалъ, но потомъ, какъ будто опомнившись, произнесъ: —однако, мистеръ Пипъ, вѣдь, это чортъ знаетъ какъ мило съ вашей стороны.

— И прибавьте, что вы мнѣ поможете сдѣлать доброе дѣло.

— Это не мое ремесло,—отвѣтилъ Уэммикъ, качая головою.

— Да и здѣсь не ваша мастерская,—сказалъ я.

— Вы правы, — отвѣчалъ онъ. Вы задѣли за мою чувствительную струну. Я подумаю, мистеръ Пипъ; и, мнѣ кажется, все, что вы желаете, можетъ быть обдѣлано, по маленьку. Скиффинзъ (ея братъ) бухгалтеръ и агентъ. Я зайду къ нему на дняхъ и пущу дѣло въ ходъ.

— Благодарю васъ, тысячу разъ благодарю.

— Напротивъ, —сказалъ онъ. Я васъ благодарю, потому что, хотя я тутъ и частный человѣкъ, но все же есть ньюгетсткія мерзости, которыя пристаютъ къ вамъ, и отъ которыхъ радъ отдѣлаться.

Поговоривъ еще немного, мы возвратились въ замокъ, гдѣ миссъ Скиффинзъ между тѣмъ приготовила чай. Трудная обязанность жарить хлѣбъ возлагалась на старика, и онъ принялся за нее такъ ревностно, лицо его было такъ близко къ огню, что я началъ опасаться, чтобъ у него не пострадали глаза. Затѣмъ, онъ принялся намазывать масло и сложилъ изъ кусковъ такую кучу, что его не было видно изъ за нея. Миссъ Скиффинзъ наварила такой котелъ чаю, что даже свинья по сосѣдству пришла въ волненіе, и нѣсколько разъ выражала свое желаніе участвовать въ нашемъ пиру.

Флагъ былъ спущенъ, орудіе выстрѣлило и я почувствовалъ, что былъ такъ же отдѣленъ отъ всего міра, словно ровъ былъ въ тридцать футовъ ширины и глубины. Ничто не нарушало спокойствія въ замкѣ, только отъ времени до времени маленькія дверцы

съ „Джонъ“ и „миссъ Скиффинзъ“, будто подверженныя судорогамъ, внезапно отворялись и заставляли меня вздрагивать. По всѣмъ пріемамъ миссъ Скиффинзъ я заключилъ, что она каждое воскресенье дѣлаетъ здѣсь чай, и я даже очень подозрѣваю, что ея классическая брошка, съ изображеніемъ женщины съ прямымъ носомъ и новою луною въ волосахъ, составляла когда то часть движимаго имущества Уэммика.

Мы съѣли весь жареный хлѣбъ съ масломъ и выпили соотвѣтствующее количество чая, что насъ бросило въ потъ, и лица наши, особенно у старика, лоснились какъ у дикихъ, натертыхъ масломъ. Потомъ миссъ Скиффинзъ — за отсутствіемъ маленькой прислужницы, которая, вѣроятно, уходила домой по воскреснымъ вечерамъ — принялась мыть посуду, но такимъ шуточнымъ, дамски изящнымъ образомъ, что никому изъ насъ и въ голову не входила мысль о неприличности этого занятія. Перемывъ посуду она снова надѣла перчатки, мы всѣ расположились передъ огнемъ, а Уэммикъ сказалъ: — ну-тка, престарѣлый родитель, почитайте намъ газету.

Покуда старикъ доставалъ очки, Уэммикъ объяснилъ мнѣ, что это у нихъ такое уже обыкновеніе, что старика очень забавляетъ читать новости вслухъ.

— По правдѣ сказать,—продолжалъ Уэммикъ:—вѣдь, онъ не много имѣетъ удовольствій. Не такъ ли, престарѣлый родитель?

— Такъ, такъ,—отозвался старикъ, замѣчая, что къ нему обращаются.

— Только кивните ему разъ, другой, когда онъ взглянетъ изъ-за газеты и онъ будетъ счастливѣе любого короля. Мы всѣ слушаемъ, старина.

— Такъ, такъ, Джонъ!—отвѣтилъ веселый старикъ, суетясь и радуясь, такъ-что пріятно было на него смотрѣть.

Чтеніе старика напомнило мнѣ классы у тетки Уопселя. Такъ какъ ему необходимо было имѣть свѣчу поближе къ себѣ, и онъ постоянно чуть не попадалъ въ огонь головою или газетою, то его нужно было сторожить, словно пороховой заводъ. Но Уэммикъ былъ неутомимъ и смотрѣлъ въ оба, такъ что старикъ продолжалъ читать, не подозрѣвая, сколько разъ онъ былъ на краю гибели. Всякій разъ, что онъ смотрѣлъ на насъ, мы старались выразить напряженное вниманіе и удивленіе, и кивали до тѣхъ поръ, что онъ снова принимался читать.

Уэммикъ и миссъ Скиффинзъ сидѣли рядышкомъ, а я—въ темномъ уголку, напротивъ ихъ. При столь выгодномъ положеніи, я очень удобно могъ наблюдать, какъ, отъ времени до времени, ротъ его удлинялся, и это означало, что его рука по-маленьку прокрадывалась вокругъ таліи миссъ Скиффинзъ; потомъ я замѣчалъ, что рука эта появлялась по другую сторону миссъ Скиф-

финзъ, которая въ ту же минуту очень мило удерживала ее и клала на столъ передъ собою, будто часть своего туалета. Невозмутимое спокойствiе и отчетливость, съ которою миссъ Скиффинзъ исполняла эту церемонiю, были однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ зрѣлищъ, когда-либо мною виданныхъ, и еслибъ подобное дѣйствiе могло быть безсознательно, то я призналъ бы его за чисто-механическое.

Спустя немного, рука Уэммика снова исчезла со стола, ротъ его удлинялся, и вскорѣ та же рука появлялась по другую сторону миссъ Скиффинзъ. Въ ту же минуту, миссъ Скиффинзъ схватывала ее, съ хладнокровiемъ боксера, и, высвободившись изъ ея объятiя, снова клала ее передъ собою на столъ. Принимая столъ за стезю добродѣтели, я долженъ сказать, что, впродолженiе всего чтенiя, рука Уэммика уклонялась отъ этой стези и возвращалась на путь истины старанiями миссъ Скиффинзъ.

Старикъ читалъ до тѣхъ поръ, пока не задремалъ. Тогда Уэммикъ вытащилъ откуда-то маленькiй котелокъ, подносъ со стаканами и темную бутылочку, пробка которой изображала какое-то духовное лицо веселаго нрава. При помощи этихъ припасовъ, мы добыли себѣ теплое питье; даже и старикъ, который вскорѣ проснулся, не отказался отъ угощенiя. Миссъ Скиффинзъ мѣшала питье въ котелкѣ, и пила изъ одного стакана съ Уэммикомъ. Я, конечно, не имѣлъ особаго желанiя проводить миссъ Скиффинзъ домой, и потому собразилъ, что лучше было бы заранѣе убраться. Я такъ и сдѣлалъ: простился со старикомъ и со всѣмъ обществомъ и, очень довольный проведеннымъ вечеромъ, отправился домой.

Не прошло и недѣли, какъ я получилъ письмо изъ Уольворта, въ которомъ Уэммикъ увѣдомлялъ меня, что уже сдѣлалъ кое-что по нашему неоффицiальному дѣлу и былъ бы очень радъ видѣть меня въ замкѣ, чтобъ переговорить со мною лично. Я поѣхалъ въ Уольвортъ и послѣ того неоднократно ѣзжалъ туда по тому же дѣлу, но въ Литтль Британь, гдѣ мы не разъ встрѣчались, не говорили о немъ ни одного слова. Все дѣло состояло въ томъ, что мы нашли достойнаго молодца купца, или браковщика, который искалъ дѣльнаго помощника съ капиталомъ и современемъ готовъ былъ взять его въ долю. Между нимъ и мною были заключены тайныя условiя, предметомъ которыхъ былъ Гербертъ. Я далъ ему на первый случай половину моихъ пятисотъ фунтовъ и обязался выплачивать извѣстныя суммы изъ своихъ доходовъ, а остальное доплатить, когда я получу въ распоряженiе свое состоянiе. Братъ миссъ Скиффинзъ велъ переговоры, а Уэммикъ всѣмъ руководилъ, хотя ни во что не вмѣшивался.

Дѣло было такъ ловко ведено, что Гербертъ и не подозрѣвалъ моего участiя въ немъ. Никогда не забуду я его сiяющаго лица, когда однажды вечеромъ онъ пришелъ ко мнѣ съ новостью, что

встрѣтился съ какимъ-то Кларрикеромъ (такъ звали молодого купца), который очень полюбилъ его; этого-то случая, по его мнѣнію, онъ такъ долго и дожидался. Съ каждымъ днемъ, надежды его все болѣе и болѣе осуществлялись, и онъ, вѣроятно, замѣчалъ, что я, вмѣстѣ съ тѣмъ, становился къ нему все дружественнѣе и дружественнѣе, потому что я едва могъ сдерживать слезы восторга и торжества, при видѣ его счастья.

Наконецъ, когда дѣло было покончено, когда онъ поступилъ въ контору Кларрикера и послѣ того цѣлый вечеръ проболталъ со мною о своихъ планахъ въ будущемъ, я, дѣйствительно, идучи спать, не могъ удержаться отъ слезъ, при мысли, что наконецъ-то мои надежды принесли пользу хоть кому-нибудь.

Теперь приближается происшествіе, измѣнившее весь ходъ моей жизни. Но прежде, чѣмъ я скажу о немъ и роковомъ вліяніи его на мою жизнь, я посвящу одну главу Эстеллѣ. Мнѣ, кажется, одной главы не лишне для предмета, такъ долго занимавшаго всѣ мои мысли.

Глава тридцать восьмая.

Если когда-нибудь, послѣ моей смерти, старый домъ въ Ричмондѣ будетъ посѣщаемъ призракомъ, то, вѣроятно, моимъ. Боже мой! Сколько дней, сколько ночей моя душа блуждала въ томъ домѣ, гдѣ жила Эстелла! Гдѣ бы ни находилось мое грѣшное тѣло, душа моя всегда витала около ричмондскаго дома.

Мистрисъ Брэндли, у которой жила Эстелла, была вдова, и имѣла одну дочь, нѣсколькими годами старше Эстеллы. Мать была очень моложава на взглядъ, дочь же, напротивъ, очень старообразна; цвѣтъ лица у матери поражалъ своею свѣжестью, лица дочери—желтизною; мать думала только объ удовольствіяхъ, дочь—о богословіи. Онѣ были, что называется, въ хорошемъ положеніи, много выѣзжали въ свѣтъ и много принимали гостей. Онѣ не были связаны никакими дружескими узами съ Эстеллою, но жили съ нею мирно, ибо были нужны ей, а она имъ. Мистрисъ Брэндли, когда то, прежде добровольнаго заточенія миссъ Хевишемъ, находилась съ нею въ тѣсной дружбѣ.

Въ домѣ мистрисъ Брэндли и внѣ его я выстрадалъ всевозможныя муки, которыя только могла мнѣ причинить Эстелла. Характеръ нашихъ отношеній, ставившій меня на фамильярную съ нею ногу, въ то же время ни чуть не увеличивая ея расположенія ко мнѣ, приводилъ меня въ смущеніе. Она мною играла, чтобъ дразнить своихъ поклонниковъ, и самая наша фамильярность давала ей поводъ весьма легко смотрѣть на мое обожаніе. Еслибъ я былъ ея лакеемъ, бѣднымъ родственникомъ, или даже меньшимъ братомъ ея жениха, то и тогда, мнѣ кажется, я не былъ бы дальше, чѣмъ теперь, отъ осуществленія моихъ пламенныхъ надеждъ. Самое пре-

имущество называть ее Эстеллою и, въ свою очередь, слышать, какъ она меня называла Пипомъ, при теперешнихъ обстоятельствахъ, только усугубляло мои муки. Это преимущество, сводившее съ ума другихъ ея поклонниковъ, увы, и меня самого едва не свело съ ума.

Поклонниковъ у ней было безъ конца. Нѣтъ сомнѣнія, что ревность дѣлала въ моихъ глазахъ ея поклонникомъ всякаго, кто только подходилъ къ ней, но и безъ того ихъ было довольно. Я часто видалъ ее въ Ричмондѣ, часто слыхалъ о ней въ городѣ, часто каталъ ее и мистриссъ Брэндли въ лодкѣ. Я всюду слѣдовалъ за нею и на пикники, и въ театры, и въ концерты, и на балы. И всѣ эти удовольствія только отравляли мою жизнь. Я не провелъ и часа счастливо въ ея обществѣ, и все же круглыя сутки, всѣ двадцать четыре часа, я занятъ былъ одною мыслью о неизмѣримомъ счастіи владѣть ею до гробовой доски.

Во все это время—а продолжалось оно, какъ мнѣ тогда казалось, очень долго—Эстелла своимъ обращеніемъ давала мнѣ понять, что наши отношенія были обязательныя, а не добровольныя. Иногда, однако, выдавались минуты, когда она какъ будто себя останавливала, перемѣняла тонъ и, казалось, сожалѣла обо мнѣ.

— Пипъ, Пипъ!—сказала она мнѣ въ одну изъ такихъ минутъ, когда мы сидѣли съ ней наединѣ у окошка въ Ричмондѣ:—неужели вы никогда не поймете и не остережетесь?

— Чего?

— Меня.

— Вы хотите сказать, Эстелла, когда я стану остерегаться вашей красоты?

— Что я хочу сказать? Если вы не понимаете, что я хочу сказать, то вы просто слѣпы.

Я бы долженъ былъ отвѣтить, что любовь всегда считаютъ слѣпою, но удержался. Я всегда былъ очень сдержанъ, подъ вліяніемъ мысли, что, съ моей стороны, было бы неблагодарно преслѣдовать Эстеллу любезностями, такъ какъ она знала, что не имѣетъ свободнаго выбора, а должна слѣпо повиноваться миссъ Хевишемъ. Я всегда боялся, что это сознаніе возстановляло противъ меня ея гордость, и дѣлало меня причиною ея внутренней борьбы.

— Во всякомъ случаѣ, — сказалъ я: — сегодня мнѣ нечего остерегаться, вы сами на этотъ разъ просили меня пріѣхать.

— Правда,—отвѣчала она, съ холодной, небрежной улыбкой, которая невольно всегда обдавала меня морозомъ.

Посмотрѣвъ въ окно (были сумерки), она чрезъ нѣсколько минутъ продолжала:

— Миссъ Хевишемъ желаетъ меня видѣть. Вы повезете меня къ ней на денекъ и привезете назадъ, то-есть, конечно, если вы

желаете. Она не хотѣла бы, чтобъ я ѣздила одна, а горничной моей она не приметъ, боясь, чтобъ та съ ней не заговорила. Согласны вы?

— Можете ли вы сомнѣваться въ этомъ, Эстелла!

— Такъ, значитъ, вы согласны? Если вамъ все равно, то, пожалуйста, поѣдемте послѣ завтра. Всѣ издержки за дорогу вы заплатите изъ моего кошелька. Вы слышите условіе?

— Я долженъ повиноваться,—отвѣчалъ я.

Дальнѣйшихъ подробностей о поѣздкѣ мнѣ не сообщили: впрочемъ, и въ послѣдующіе разы меня точно также кратко увѣдомляли о днѣ отправленія. Миссъ Хевишемъ никогда ко мнѣ не писала, я не видалъ даже ея почерка. Черезъ день мы отправились въ путь и нашли ее въ той же комнатѣ, гдѣ я нѣкогда увидалъ ее впервые. Не стоитъ прибавлять, что въ ея домѣ не произошло никакой перемѣны; все было по старому.

Миссъ Хевишемъ, казалось, любила Эстеллу еще больше, чѣмъ прежде. Дѣйствительно, было что-то страшное въ ея пламенныхъ взглядахъ и поцѣлуяхъ. Она съ жадностью смотрѣла на красоту Эстеллы, жадно слушала каждое ея слово, слѣдила за каждымъ ея движеніемъ. Судорожно шевеля своими исхудалыми, дрожащими пальцами, она пожирала очами чудное созданіе, ею взрощенное.

Взглядъ ее иногда отъ Эстеллы переходилъ на меня и, казалось, хотѣлъ проникнуть въ самую глубину моего сердца и ощупать его раны.

— Какъ она съ тобою обходится, Пипъ, какъ она съ тобою обходится?—спрашивала она, съ живостью, даже въ присутствіи Эстеллы.

Но всего страшнѣе была она вечеромъ, при свѣтѣ мерцавшаго огня, когда обнявъ Эстеллу и крѣпко стиснувъ ея руку, она хитро вывѣдывала у нея всѣ имена и положенія людей, очарованныхъ ею. И перебирая этотъ длинный списокъ съ раздражительностью уязвленной и страждущей души, она спокойно сидѣла, опираясь подбородкомъ на свободную руку, лежавшую на костылѣ; глаза ея глядѣли на меня съ неестественнымъ призрачнымъ выраженіемъ. Я во всемъ ясно видѣлъ, какъ ни горько мнѣ было сознавать свое униженіе, что Эстелла была ничто иное, какъ орудіе, которымъ миссъ Хевишемъ мстила всѣмъ мужчинамъ. Я сознавалъ, что она не будетъ моею, прежде чѣмъ хоть отчасти исполнитъ свое назначеніе. Я понялъ и причину, зачѣмъ мнѣ ее напередъ предназначали. Посылая ее побѣждать и терзать сердца, миссъ Хевишемъ посылала ее съ злобною увѣренностью, что ея сердце было внѣ опасности, что всѣ, кто отваживались на столь опасную игру, не могли не проиграть. Я понялъ, что я самъ мучусь отъ излишней хитрости этихъ плановъ, хотя призъ и назначенъ мнѣ напередъ. Я понялъ теперь, зачѣмъ меня такъ долго терзали, откладывая раскрытіе тайны, и зачѣмъ мой опекунъ еще такъ недавно не хо-

тѣлъ сознаться, что знаетъ что нибудь объ этихъ планахъ. Однимъ словомъ, я во всемъ видѣлъ миссъ Хевишемъ, какъ и прежде, и всегда имѣлъ ее передъ глазами. Я видѣлъ на всемъ тѣнь этого мрачнаго, рокового дома, скрывавшаго ее отъ солнечнаго свѣта.

Свѣчи, тускло освѣщавшія комнату, стояли въ стѣнныхъ канделябрахъ. Они висѣли довольно высоко и горѣли тѣмъ унылымъ огнемъ, какимъ горитъ свѣча въ спертомъ воздухѣ. Когда я глядѣлъ на канделябры, на всю тускло освѣщенную комнату, на остановившіеся часы, поблекшее подвѣнечное платье и на страшную фигуру миссъ Хевишемъ, я во всемъ видѣлъ только подтвержденіе своихъ мыслей. Въ воображеніи своемъ я перенесся и въ большую комнату, за площадкой лѣстницы, и тамъ я видѣлъ доказательство тѣхъ же мыслей, какъ бы начертанное невидимою рукою, и въ прихотливыхъ узорахъ паутины, покрывавшей пирогъ, и въ слѣдахъ, оставленныхъ паукомъ на скатерти, и мышью на паneляхъ, наконецъ, въ самомъ шорохѣ таракановъ, бѣгавшихъ по полу.

Въ этотъ визитъ, я былъ въ первый разъ свидѣтелемъ ссоры Эстеллы съ миссъ Хевишемъ.

Мы, какъ сказано, сидѣли около огня, и миссъ Хевишемъ, все еще крѣпко обнявъ Эстеллу, не выпускала ея руки. Наконецъ, Эстелла начала по маленьку освобождаться изъ ея объятій. Она и прежде не разъ выражала гордое нетерпѣніе и, вообще, скорѣе терпѣла эту страшную любовь, чѣмъ сочувствовала ей, или платила взаимностью.

— Что! — воскликнула миссъ Хевишемъ, устремивъ на нее свои сверкающіе гнѣвомъ глаза.—Я тебѣ уже надоѣла?

— Нѣтъ, я сама себѣ немного надоѣла,—отвѣчала Эстелла, освобождая свою руку, и подойдя къ камину, стала смотрѣть на огонь.

— Говори правду, неблагодарная!—воскликнула миссъ Хевишемъ, гнѣвно ударяя палкою о полъ.—Говори, я тебѣ надоѣла?

Эстелла посмотрѣла на нее совершенно спокойно и потомъ опять устремила глаза на огонь. Вся ея граціозная фигура и прелестное лицо выражали только совершенно хладнокровное равнодушіе къ бѣшенному пылу миссъ Хевишемъ.

— О, каменная!—воскликнула миссъ Хевишемъ:—о, холодное, холодное сердце!

— Что?—сказала Эстелла, сохраняя свое равнодушіе и только поднимая глаза:—что, вы, упрекаете меня въ холодности? вы?

— А развѣ я не права?—отвѣчала та свирѣпо.

— Я только то, что вы изъ меня сдѣлали, — продолжала Эстелла:—вамъ вся хвала, вамъ и порицаніе; вамъ обязана я своими успѣхами, вамъ же и своими неудачами. Однимъ словомъ, я вся ваше созданіе, какова бы я ни была.

— Боже мой! Посмотрите на нее!—восклицала съ горечью

миссъ Хевишемъ.—Посмотрите на нее! Какъ она жестока и неблагодарна и гдѣ же, у очага, гдѣ ее вскормили и вынянчили! А я ее прижимала къ своему сердцу, когда оно еще обливалось кровью, и расточала на нее всю свою любовь и нѣжность!

— По крайней мѣрѣ, я не участвовала въ сдѣлкѣ,—сказала Эстелла:—я чуть могла ходить, когда ее заключили. Но чего вы хотите? Вы были всегда ко мнѣ очень добры и я вамъ за то много обязана. Чего же вы хотите?

— Любви,—пробормотала миссъ Хевишемъ.

— Развѣ вы ею не пользуетесь?

— Нѣтъ, нѣтъ!

— Вы нареченная моя мать, вы признали меня своею дочерью,—отвѣчала Эстелла, не покидая своей граціозной позы, не возвышая голоса и не поддаваясь, ни чувству гнѣва, ни нѣжности:—я уже разъ сказала, что вамъ всѣмъ обязана. Все, что я имѣю, принадлежитъ вамъ; все, что вы мнѣ дали, вы можете когда угодно получить обратно. Кромѣ того, что вы мнѣ дали, я ничего не имѣю. И если вы просите отъ меня того, чего вы мнѣ никогда не давали, то я должна сказать вамъ, что чувство благодарности и долга къ вамъ не въ состояніи создать во мнѣ того, чего нѣтъ.

— Развѣ я ей не дала моей любви!—воскликнула миссъ Хевишемъ, свирѣпо обращаясь ко мнѣ.—Развѣ я ей не дала самой пламенной моей любви, стоившей мнѣ столько ревности и терзаній? А она такъ со мною говоритъ! Если я ей не дала моей любви, то пусть она назоветъ меня сумасшедшею, пусть назоветъ меня сумасшедшею!

— Зачѣмъ мнѣ называть васъ сумасшедшей? — отвѣчала Эстелла:—я послѣдняя могу такъ васъ назвать. Есть ли человѣкъ, который зналъ бы ваши планы вполовину такъ хорошо, какъ я? Мнѣ васъ назвать сумасшедшей? Мнѣ, которая здѣсь же, у этого очага, училась у васъ всему, слушала ваши уроки, сидя вонъ на томъ маленькомъ стуликѣ, смотря вамъ прямо въ глаза, хотя выраженіе лица вашего и пугало меня?

— И все это такъ скоро забыто,—пробормотала миссъ Хевишемъ:—все забыто!

— Нѣтъ, не забыто,—возразила Эстелла:—не забыто, а свято хранится въ моей памяти. Когда я въ чемъ-нибудь отступала отъ вашего ученія? Когда пренебрегала вашими уроками? Когда позволяла себѣ имѣть здѣсь чувство—и она тронула рукою свое сердце—котораго вы не одобряли? Будьте ко мнѣ справедливы.

— Такъ горда, такъ горда!—бормотала миссъ Хевишемъ, отбрасывая назадъ рукою свои сѣдые волосы.

— Кто выучилъ меня быть гордою?—отвѣчала Эстелла.—Кто хвалилъ меня, когда я усвоила это правило?

— Такъ жестока, такъ жестока! — со стономъ произнесла миссъ Хевишемъ.

— Кто выучилъ меня быть жестокою!—возразила Эстелла.— Кто хвалилъ меня, когда я и въ этомъ слѣдовала вашимъ урокамъ?

— Но со *мною* быть гордою и жестокою!—пронзительно воскликнула миссъ Хевишемъ, всплеснувъ руками.—Эстелла, Эстелла! ты жестока и горда со *мною!*

Эстелла на минуту взглянула на нее съ какимъ-то спокойнымъ удивленіемъ; но потомъ, какъ-будто ни въ чемъ не бывало, опять наклонилась и стала смотрѣть на огонь.

— Я, право, не знаю,—начала она послѣ небольшого молчанія:—отчего вы такъ неблагоразумны, когда я пріѣзжаю васъ навѣстить послѣ долгой разлуки. Я никогда ни на минуту не забывала вашихъ страданій и ихъ причины; я никогда не измѣнила ни вамъ ни вашему внушенію. Я не могу себя упрекнуть въ томъ, что когда-нибудь выказала слабость.

— А меня любить было бы слабостью!—воскликнула миссъ Хевишемъ.—Да, да, она назвала бы это слабостью!

— Я начинаю думать, — сказала Эстелла послѣ минутнаго удивленія:—что почти понимаю, въ чемъ дѣло. Вамъ вздумалось воспитать вашу пріемную дочь въ мрачномъ уединеніи этихъ комнатъ и никогда не говорить ей, что существуетъ дневной свѣтъ, при которомъ она никогда не видала вашего лица; сдѣлавъ это, вы бы вдругъ изъ каприза захотѣли, чтобъ она понимала и знала, что такое свѣтъ, и обманулись бы въ ней и стали жаловаться на судьбу!

Миссъ Хевишемъ закрыла лицо руками и молча сидѣла въ креслѣ, тихо стоная.

— Или,—продолжала Эстелла:—что ближе объясняетъ дѣло, вы бы учили ее съ самаго ранняго возраста, что существуетъ нѣчто, называемое свѣтомъ, но что онъ ей врагъ, и она должна отъ него отворачиваться, ибо онъ погубилъ васъ и погубитъ ее; вы бы это сдѣлали, и потомъ вдругъ, изъ-за каприза, захотѣли, чтобъ ей полюбился дневной свѣтъ; а она не могла бы полюбить его, и вы бы обманулись въ ней, и были бы недовольны!

Миссъ Хевишемъ молча слушала, или казалось, слушала, ибо я не могъ видѣть ея лица.

— Итакъ,—прибавила Эстелла:—вы должны меня терпѣть такою, какою сами меня сдѣлали. Мои успѣхи—не мои, мои недостатки—не мои, хотя со мною нераздѣльны.

Миссъ Хевишемъ, между тѣмъ, я, право, не знаю какъ, сползла на полъ и сидѣла, окруженная поблекшими остатками подвѣнечнаго платья. Я воспользовался давно ожидаемою минутою, чтобъ выйти изъ комнаты. Выходя, я знакомъ обратилъ вниманіе Эстеллы на миссъ Хевишемъ; Эстелла все еще стояла, какъ прежде, у ка-

мина; а миссъ Хевишемъ валялась на полу съ распущенными сѣдыми волосами, представляя грустное зрѣлище.

Съ стѣсненнымъ сердцемъ вышелъ я на чистый воздухъ и, по крайней мѣрѣ, съ часъ ходилъ по двору и по саду... Когда я, наконецъ, собрался съ духомъ, чтобъ воротиться въ комнаты, я нашелъ Эстеллу у ногъ миссъ Хевишемъ, починявшею ея старыя тряпки. Часто, впослѣдствіи, изорванныя старыя знамена въ соборахъ напоминали мнѣ эти несчастныя остатки подвѣнечнаго наряда. Потомъ, мы съ Эстеллою сѣли играть въ карты, какъ бывало, но теперь мы уже играли во французскія модныя игры. Такъ прошелъ вечеръ, и мы разошлись спать.

Мнѣ была отведена комната въ особомъ флигелѣ, по ту сторону двора. Мнѣ въ первый разъ приходилось ночевать въ этомъ домѣ. Я никакъ не могъ уснуть—тысячи миссъ Хевишемъ, казалось, преслѣдовали меня. Я видѣлъ ее вездѣ—и по сю, и по ту сторону подушки, и въ изголовьи кровати, и въ ногахъ, и за полуотворенною дверью, и въ сосѣдней комнатѣ, и въ комнатѣ наверху и въ комнатѣ внизу. Ночь ужасно тихо подвигалась, было только два часа; я, наконецъ, почувствовалъ, что не въ состояніи болѣе лежать въ этой комнатѣ, и потому рѣшился встать. Одѣвшись, я перешелъ въ корридоръ большого дома, намѣреваясь проникнуть на внѣшній дворъ и тамъ отвести душу на чистомъ воздухѣ. Но не успѣлъ я войти въ корридоръ, какъ долженъ былъ погасить свѣчу, ибо увидѣлъ страшную фигуру миссъ Хевишемъ, которая шла по корридору точно привидѣніе и тихо, тихо стонала. Я послѣдовалъ за нею, и видѣлъ, какъ она пошла наверхъ по лѣстницѣ. Она въ рукахъ держала свѣчку безъ подсвѣчника, которую, вѣроятно, вынула изъ канделябра. При тускломъ мерцаньи этой свѣчи она, дѣйствительно, походила на что-то страшное, неземное. Вдругъ пахнуло запахомъ сырости и гнили; я догадался, что она прошла въ комнату съ накрытымъ столомъ; черезъ нѣсколько минутъ я услышалъ, какъ она ходила тамъ взадъ и впередъ; потомъ она прошла черезъ лѣстницу въ свою комнату и обратно, ни на минуту не переставая стонать. Я попытался было воротиться и выбраться на дворъ, но это было невозможно въ темнотѣ, и потому пришлось дожидаться разсвѣта. Когда я ни подходилъ къ лѣстницѣ, я всегда видѣлъ свѣтъ, мелькавшій наверху, слышалъ унылые шаги и непрерывный глухой стонъ.

До нашего отъѣзда, на другой день, неудовольствія между миссъ Хевишемъ и Эстеллою не возобновлялись. Замѣчу тутъ же, что и впослѣдствіи, во время такихъ посѣщеній, подобной сцены не случалось; а такихъ посѣщеній, сколько я помню, было, по крайней мѣрѣ, четыре. Обращеніе миссъ Хевишемъ съ Эстеллою вовсе не перемѣнилось, развѣ только мнѣ показалось, что она начала ея отчасти бояться.

Я не могу, какъ это мнѣ ни горько, закончить мой разсказъ объ этомъ періодѣ моей жизни, не внеся въ него имени Бентли Друммеля.

Однажды все общество Лѣсныхъ Зябликовъ было въ сборѣ и обычныя дружескія отношенія царствовали между всѣми, то-есть, никто ни съ кѣмъ не соглашался и всѣ спорили. Вдругъ предсѣдатель призвалъ къ порядку и объявилъ, что мистеръ Друммель еще не произнесъ тоста въ честь своей красавицы. Таковъ былъ у насъ обычай, и на этотъ разъ очередь была за этимъ олухомъ. Я замѣтилъ, что, пока наливали вино, онъ какъ-то странно покосился на меня. Каково же было мое удивленіе и досада, когда онъ попросилъ все общество выпить съ нимъ за здоровье „Эстеллы!"

— Какой Эстеллы?—спросилъ я.

— Не ваше дѣло,—отвѣчалъ онъ.

— Эстеллы откуда? — спросилъ я. — Вы обязаны сказать откуда?

(Дѣйствительно, онъ былъ обязанъ это сдѣлать, какъ членъ нашего клуба).

— Изъ Ричмонда, господа, — сказалъ Друммель, вовсе не обращая на меня вниманія:—и красавицы какихъ мало.

— Много онъ понимаетъ въ красавицахъ, подлая, глупая скотина!—шепнулъ я Герберту.

— Я знаю эту даму,—сказалъ Гербертъ черезъ столъ, когда тостъ былъ выпитъ.

— Будто?—замѣтилъ Друммель.

— И я ее знаю,—прибавилъ я, покраснѣвъ отъ гнѣва.

— Будто?—сказалъ Друммель.—О, Боже!

Это былъ единственный отвѣтъ, на который этотъ тяжелый дуракъ былъ способенъ; но онъ меня такъ взбѣсилъ, точно это была самая остроумная колкость. Я тотчасъ же всталъ со стула и громко сказалъ, что это очень походитъ на наглое безстыдство почтеннаго джентльмена — предложить въ собраніи Зябликовъ тостъ въ честь женщины, которой онъ вовсе не знаетъ. Друммель, вскочивъ съ мѣста, спросилъ:—Что я хочу этимъ сказать?—Я на это отвѣчалъ, что онъ, кажется, *знаетъ мой адресъ*.

Послѣ этой выходки все общество раздѣлилось на нѣсколько партій и поднялся жестокій споръ о томъ, можно ли въ христіанской странѣ кончить такое дѣло безъ кровопролитія. Пренія были до того жарки, что нѣсколько членовъ, никакъ не менѣе шести, объявили другимъ шести членамъ, что тѣ, кажется, *знали ихъ адреса*. Однако, наконецъ, было рѣшено (такъ какъ нашъ клубъ былъ вмѣстѣ и совѣстный судъ), что если мистеръ Друммель представитъ свидѣтельство отъ замѣшанной въ дѣлѣ дамы, что онъ имѣетъ честь быть съ нею знакомымъ, то мистеръ Пипъ долженъ будетъ извиниться, какъ джентльменъ и членъ общества

„Зябликовъ“, въ томъ, что „онъ слишкомъ погорячился“ и т. д. Слѣдующій день былъ назначенъ для представленія свидѣтельства. (Для того, чтобъ наше чувство чести не остыло отъ продолжительности срока). На другой день, дѣйствительно, Друммель явился съ маленькой записочкою, въ которой Эстелла своею рукою свидѣтельствовала, что имѣла честь съ нимъ танцовать нѣсколько разъ. Такимъ образомъ, мнѣ только оставалось извиниться въ томъ, что я слишкомъ погорячился и т. д., и т. д. Мы съ Друммелемъ, по крайней мѣрѣ, съ часъ косились другъ на друга, пока всѣ остальные члены жарко спорили, но, наконецъ, было громогласно объявлено, что дружескія отношенія блистательно возстановлены въ обществѣ „Зябликовъ“.

Теперь я это разсказываю такъ слегка, но тогда мнѣ было очень тяжело. Я не могу прибрать настоящаго названія тѣмъ мукамъ, которыя я чувствовалъ при одной мысли, что Эстелла оказывала какое нибудь вниманіе такому презрѣнному, неотесанному олуху. Я до сихъ поръ увѣренъ, что негодованіе мое за то, что она унижается до такой скотины, происходило изъ чистаго, безкорыстнаго источника моей любви къ ней. Безъ сомнѣнія, кого бы она мнѣ ни предпочла, я былъ бы несчастливъ. Но остановись ея выборъ на болѣе достойномъ предметѣ, мое горе было бы совершенно иного рода.

Мнѣ было легко найти, и я, дѣйствительно, скоро нашелъ, что Друммель началъ прилежно ухаживать за Эстеллою, и что она позволяла ему ухаживать за собою. Онъ сталъ всюду за ней слѣдовать и мы, такимъ образомъ, сталкивались съ нимъ каждый день. Онъ упрямо и настойчиво шелъ своею дорогою, и Эстелла удерживала его при себѣ, то поощряя его, то, напротивъ, отнимая всякую надежду. Она, то почти что льстила ему, то явно презирала его, сегодня обходилась какъ съ давнишнимъ пріятелемъ, завтра будто не узнавала его.

Паукъ, какъ мистеръ Джаггерсъ прозвалъ Друммеля, распустилъ свою паутину и ждалъ съ неутомимымъ терпѣніемъ подобныхъ тварей. Къ тому же, онъ имѣлъ слѣпую увѣренность въ значеніи своего богатства и имени. Эта увѣренность служила ему на пользу, ибо замѣняла отчасти совершенную неспособность сосредоточивать свои мысли на чемъ бы то ни было. Паукъ, упрямо сторожа Эстеллу, превосходилъ бдительностью многихъ, гораздо умнѣйшихъ насѣкомыхъ, и часто, въ данную минуту, удачно нацѣливался и дѣлалъ нападеніе.

Однажды, на балу въ собраніи, въ Ричмондѣ (въ то время такіе балы бывали часто во всѣхъ почти городахъ), Эстелла, по обыкновенію, превзошла всѣхъ своею красотою. Друммель такъ ухаживалъ за нею, и она такъ благосклонно съ нимъ обходилась,

что я рѣшился съ нею переговорить и воспользовался первымъ представившимся случаемъ. Она сидѣла въ сторонѣ между цвѣтами, дожидаясь мистриссъ Брэндли, чтобъ ѣхать домой. Я стоялъ около нея, ибо всегда сопровождалъ ихъ въ подобныхъ выѣздахъ.

— Вы устали, Эстелла?

— Немного, Пипъ.

— Да, вы должны были устать.

— Скажите лучше, не должна была. Вѣдь мнѣ предстоитъ еще сегодня передъ сномъ писать письма.

— И описывать сегодняшнюю побѣду,—замѣтилъ я.—Вотъ, уже жалкая побѣда, Эстелла!

— Что вы хотите сказать? Я и не знала, что одержала какую-нибудь побѣду.

— Эстелла, — отвѣчалъ я: — посмотрите вонъ на того молодца въ углу, который теперь на насъ смотритъ.

— Зачѣмъ мнѣ на него смотрѣть? — спросила Эстелла, устремивъ на меня свой взглядъ: — чѣмъ онъ заслуживаетъ моего вниманія?

— Это-то, именно, я и хотѣлъ у васъ спросить, — отвѣчалъ я. — Весь вечеръ онъ увивался около васъ.

— Моль и всякая другая дрянь увивается около зажженной свѣчи, — сказала Эстелла, взглянувъ на Друммеля. — Развѣ свѣча въ этомъ виновата?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ я. — Но развѣ Эстелла въ этомъ не виновата?

— Ну, — замѣтила она, разсмѣявшись: — можетъ быть. Впрочемъ, думайте себѣ, что хотите.

— Но, Эстелла, выслушайте меня. Мнѣ горько, что вы поощряете ухаживаніе такого, всѣми презираемаго дурака, какъ Друммель. Вы знаете, его всѣ презираютъ.

— Ну? — сказала она.

— Вы знаете, онъ не имѣетъ никакихъ хорошихъ качествъ, ни внутреннихъ, ни внѣшнихъ. Онъ, просто, уродливый, злобный, пустой дуракъ.

— Ну? — повторила она.

— Вы знаете, что онъ не можетъ ни чѣмъ похвастаться, кромѣ денегъ и безсмысленнаго списка своихъ тупоголовыхъ предковъ. Развѣ вы этого не знаете?

— Ну? — сказала она еще разъ, и всякій разъ она все болѣе и болѣе раскрывала свои прелестные глаза.

Чтобъ помочь ей перескочить черезъ это несчастное восклицаніе, я самъ повторилъ его съ одушевленіемъ:

—Ну, такъ вотъ отчего мнѣ и горько!

Еслибъ я могъ думать, что она кокетничала съ Друммелемъ, чтобъ бѣсить меня. мнѣ было бы не такъ тяжело. Но ея обыкновен-

ное обхожденіе со мною дѣлало подобное предположеніе совершенно невозможнымъ.

— Пипъ, — начала Эстелла, окидывая взоромъ всю комнату: — не воображайте себѣ глупостей. Можетъ-быть, мое обращеніе имѣетъ вліяніе на другихъ людей, и можетъ-быть оно на то и разсчитано. Но вы, дѣло иное. Впрочемъ, объ этомъ не стоитъ болѣе и говорить.

— Нѣтъ, стоитъ, — отвѣчалъ я: — я не могу снести, чтобъ люди говорили про васъ, что вы расточаете свои прелести и красоту на самаго глупаго и низкаго изъ всей толпы.

— Я могу снести, — замѣтила Эстелла.

— О, не будьте, такъ горды и непреклонны, Эстелла!

— Каковъ,—воскликнула Эстелла:—теперь зоветъ меня гордою и непреклонною, а за минуту передъ тѣмъ упрекалъ, что я унижаюсь до дурака!

— Конечно, въ этомъ нѣтъ и сомнѣнія,—проговорилъ я поспѣшно: — я видѣлъ, вы сегодня расточали ему такіе взгляды и улыбки, какими меня никогда не дарите.

— Такъ вы хотите, — сказала Эстелла, внезапно повернувшись и взглянувъ на меня серьезно, почти гнѣвно: — чтобъ я и васъ обманывала и завлекала?

— Вы обманываете и завлекаете его, Эстелла?

— Да, и многихъ другихъ, всѣхъ кромѣ васъ. Но вотъ и мистриссъ Брэндли. Болѣе я вамъ не скажу ни слова.

Теперь, когда я посвятилъ цѣлую главу предмету, столь долго наполнявшему мое сердце и причинившему мнѣ столько горя, я обращусь къ описанію происшествія, которое готовилось уже давно, очень давно. Причины этого происшествія крылись въ событіяхъ, случившихся прежде, чѣмъ я узналъ, что Эстелла существуетъ на свѣтѣ, въ то время, когда ея дѣтскій умъ воспринималъ первыя свои впечатлѣнія, подъ гибельнымъ вліяніемъ страшной миссъ Хевишемъ.

Въ восточныхъ сказкахъ мы читаемъ, какъ камень, который долженъ упасть на роскошную постель побѣдителя и умертвить его, былъ понемногу высѣченъ изъ скалы. Понемногу прорубали въ скалахъ туннель для веревки, которая должна была поддерживать камень. Не торопясь, подымали и устанавливали его на мѣстѣ; не торопясь провели и веревку по туннелю и прикрѣпили къ большому желѣзному кольцу. Наконецъ, послѣ неимовѣрныхъ трудовъ, все было готово и настала роковая минута. Султана будятъ въ полночь и подаютъ ему сѣкиру. И онъ взмахнулъ сѣкирою, веревка лопнула и потолокъ рухнулъ на главу побѣдителя. Такъ же было и со мною: всѣ приготовленія были кончены, все вдали и вблизи готово, раздался ударъ — и въ ту же секунду распалось зданіе моихъ надеждъ.

*

Глава тридцать девятая.

Мнѣ съ недѣлю какъ минуло двадцать три года, но я ни на волосъ не подвинулся; мои „надежды" попрежнему оставались для меня тайною. Мы за годъ передъ тѣмъ переѣхали изъ гостиницы Бернарда въ Темпль; квартира наша была теперь въ Гарденкортѣ, на берегу рѣки.

Мои прежнія отношенія къ мистеру Покету уже нѣсколько времени какъ прекратились, но мы оставались съ нимъ на самой дружеской ногѣ. Несмотря на мою неспособность заняться какимъ бы то ни было дѣломъ, что происходило, надѣюсь, единственно отъ безпокойнаго состоянія духа, я пристрастился къ чтенію, и ежедневно читалъ положенное число часовъ. Гербертовы дѣла подвигались впередъ; вообще, все шло тѣмъ же порядкомъ, какъ въ концѣ прошлой главы.

Гербертъ отправился по торговымъ дѣламъ въ Марсель, такъ что я остался одинъ и очень скучалъ своимъ одиночествомъ. Разочарованный и грустный ждалъ я, день за днемъ, недѣля за недѣлей, что вотъ раскроется моя тайна, и каждый день, каждая недѣля проходила мимо, оставляя меня въ той же неизвѣстности. Понятно, что не видать веселаго лица и не слышать веселой болтовни моего друга было большимъ для меня лишеніемъ.

Погода была отвратительная — сырая, дождливая, бурная; на улицахъ стояла грязь и слякоть непроходимая. Тяжелая, влажная пелена неслась съ востока и уже нѣсколько дней стлалась по Лондону, словно тамъ, далеко на востокѣ, былъ неисчерпаемый источникъ тумановъ. Бури бывали такъ сильны въ эти дни, что въ городѣ съ высокихъ зданій сносило крыши; въ полѣ вырывало деревья съ корнемъ и ломало крылья у мельницъ; а съ морского берега приходили печальныя вѣсти о гибели и смерти. Сильные потоки дождя слѣдовали за порывами вѣтра, особливо въ этотъ день, когда я, какъ сказано, одинъ одинехонекъ усѣлся къ вечеру почитать передъ каминомъ.

Въ то время Темпль, часть города, въ которой мы жили, была ближе къ рѣкѣ и носила болѣе одинокій характеръ, чѣмъ нынѣ. Мы жили наверху, въ самомъ крайнемъ домѣ, и вѣтеръ, гуляя по рѣкѣ, съ шумомъ устремился на нашъ домъ, грозя пошатнуть его своею дикою силою. Когда, вслѣдъ за вѣтромъ, дождь съ трескомъ захлесталъ въ окна, я невольно вздрогнулъ и оглянулся, чтобъ убѣдиться, что я у себя дома, а не на какомъ-нибудь пустынномъ маякѣ, среди бурнаго моря. По временамъ, клубы дыма врывались въ комнату изъ камина, будто и дымъ боялся выйти изъ трубы въ такую страшную ночь. Отворивъ дверь на лѣстницу я увидѣлъ, что вѣтромъ задуло лампы; закрывшись отъ свѣта руками, прило-

живъ лицо къ окну, (открыть окно нечего было и думать при такой бурѣ), я сталъ всматриваться въ мрачное пространство. На дворѣ фонари также погасли, а на мосту и по набережной тускло мерцали, готовясь потухнуть при каждомъ новомъ порывѣ вѣтра; огни же на баркахъ, стоявшихъ на рѣкѣ, носились по вѣтру, какъ пламенные языки.

Я читалъ, посматривая отъ времени до времени на часы, съ тѣмъ чтобъ закрыть книгу въ одиннадцать часовъ. Когда я закрылъ ее, часы у св. Павла и на колокольняхъ всѣхъ остальныхъ церквей, одни за другими, пробили этотъ часъ. Бой часовъ какъ-то странно разносился вѣтромъ; я прислушивался, какъ вѣтеръ, играя ими, двоилъ и множилъ эти звуки, когда вдругъ раздались шаги на лѣстницѣ.

Я невольно содрогнулся — мнѣ почудились шаги покойной сестры. Но мысль эта только мелькнула въ разстроенномъ моемъ воображенiи и тотчасъ же исчезла. Я снова прислушался — шаги приближались, спотыкаясь по ступенямъ. Вспомнивъ, что лампы на лѣстницѣ погасли, я взялъ свою лампу и вышелъ, чтобъ посвѣтить. Взбиравшiйся по лѣстницѣ остановился, завидѣвъ свѣтъ, ибо шаги затихли.

— Кто тамъ? Есть тамъ кто внизу? — спросилъ я, нагибаясь черезъ перила.

— Есть, — произнесъ голосъ изъ мрака.

— Въ который вамъ этажъ?

— Въ верхнiй, къ мистеру Пипу.

— Это ко мнѣ. Не случилось ли чего?

— Ничего, ничего, — возразилъ голосъ.

И человѣкъ сталъ подниматься по лѣстницѣ.

Я свѣтилъ, стоя у самыхъ перилъ, и незнакомецъ сталъ, мало-по-малу, выявляться изъ темноты. Лампа моя была съ абажуромъ, приспособлена къ чтенiю, такъ что ею освѣщалось только весьма ограниченное пространство, и незнакомецъ не успѣлъ показаться, какъ снова скрылся во мракѣ. Но я могъ разглядѣть, что лицо его мнѣ незнакомо; оно поразило меня выраженiемъ удовольствiя и радости, съ которою онъ, повидимому, смотрѣлъ на меня. Я сталъ слѣдить за нимъ лампою и разглядѣлъ, что онъ былъ основательно, хотя довольно грубо одѣтъ, какъ морской путешественникъ. Волосы у него были сѣдые. То былъ человѣкъ лѣтъ шестидесяти, плотнаго сложенiя, закаленый въ трудахъ подъ открытымъ небомъ. Когда онъ всходилъ на послѣднiя двѣ ступени, то, къ крайнему моему удивленiю, вдругъ протянулъ мнѣ обѣ руки.

— Скажите, пожалуйста, что вамъ угодно?—спросилъ я.

— Что мнѣ угодно? — сказалъ онъ, остановившись: — А! Да. Я вамъ объясню сейчасъ, если позволите.

— Желаете ли вы войти?

— Да, — сказалъ онъ: я желаю войти, мой джентльменъ.

Я задалъ ему этотъ довольно негостепріимный вопросъ, потому что былъ въ претензіи за счастливое выраженіе, которымъ сіяло его лицо, будто при встрѣчѣ съ добрымъ знакомымъ. Я былъ оттого въ претензіи, что онъ, казалось, требовалъ отъ меня взаимности. Однако, я впустилъ его въ комнату, изъ которой только что вышелъ и, какъ можно вѣжливѣе попросилъ его объясниться.

Онъ сталъ осматриваться съ нѣкоторымъ удовольствіемъ, будто бы часть видимыхъ имъ вещей была его собственностью, потомъ снялъ верхнее пальто и шляпу. Тогда я увидѣлъ, что голова его была лыса, а длинныя, стального цвѣта, пряди волосъ только окаймляли безобразную лысину. Но я и въ этомъ не видалъ ни малѣйшаго объяненія загадки. Минуту спустя, онъ снова протянулъ мнѣ обѣ руки.

— Что это значитъ? — спросилъ я, начиная считать его за сумасшедшаго.

Онъ перестал смотрѣть на меня и потеръ себѣ голову правой рукой.

— Довольно обидно для человѣка, — сказалъ онъ грубымъ, прерывистымъ голосомъ: — послѣ того, какъ онъ вдалекѣ объ одномъ только и думалъ, и, наконецъ, собрался пріѣхать съ конца свѣта... Впрочемъ, вы тому не виноваты, ни одинъ изъ насъ не виноватъ. Я объяснюсь сію минуту. Дайте мнѣ только минутку вздохнуть.

Онъ усѣлся въ кресла передъ огнемъ и закрылъ лицо своими широкими, жилистыми руками. Я пристально взглянулъ на него, отступивъ немного, чтобъ лучше разглядѣть его; но лицо его было положительно мнѣ не знакомо.

— Тутъ нѣтъ никого вблизи, — сказалъ онъ, глядя черезъ плечо: — никого нѣтъ?

— Зачѣмъ вы, чужой человѣкъ, пришли сюда ночью задавать мнѣ подобные вопросы?—сказалъ я.

— Какой вы молодецъ, — возразилъ онъ, кивая головою, съ выраженіемъ самаго нѣжнаго и вмѣстѣ обиднаго участія. — Я очень радъ, что вы стали такимъ молодцемъ. Не трогайте меня, лучше не трогайте. Вы послѣ раскаетесь.

Я уже раскаялся въ своемъ желаніи схватить его, ибо узналъ его! Я не могъ припомнить ни одной черты, но узналъ его! Еслибъ вѣтеръ разметалъ всѣ промежуточные годы, еслибъ дождь смылъ всѣ окружающіе предметы, и мы снова очутились бы, какъ нѣкогда, лицомъ къ лицу на кладбищѣ, я и тогда не могъ бы болѣе достовѣрно убѣдиться въ торжественности моего колодника съ человѣкомъ, сидѣвшимъ теперь передо мною. Лишнее было вынимать напилокъ изъ кармана, и показывать его мнѣ; лишнее — снимать платокъ съ шеи и обертывать имъ голову; лишнее — прохажи-

ваться по комнатѣ невѣрною поступью, по временамъ оглядываясь назадъ. Всѣ эти намеки были лишніе, я и безъ того узналъ его, хотя за минуту только принималъ его за незнакомца.

Возвратясь къ тому мѣсту, гдѣ я стоялъ, онъ снова протянулъ мнѣ обѣ руки. Не зная что дѣлать — я совершенно растерялся отъ удивленія — я протянулъ ему руки. Онъ съ радостью схватилъ ихъ, поднесъ къ губамъ, и долго не выпускалъ изъ своихъ мощныхъ рукъ.

— Вы благородно поступили, честный Пипъ! — сказалъ онъ:— Я никогда не забуду вашего поступка.

Онъ, казалось, такъ разчувствовался, что хотѣлъ броситься мнѣ на шею, но я во время остановилъ его.

— Тише! — сказалъ я: — тише! Если вы чувствуете благодарность за то, что я для васъ сдѣлалъ, будучи ребенкомъ, то я надѣюсь, что вы прежде всего исправили свой образъ жизни. Если вы пришли сюда единственно, чтобъ поблагодарить меня, то вы только напрасно безпокоились. Однако, вы отыскали меня. Въ чувствѣ, побудившемъ васъ къ тому, есть своя доля добра, и я васъ не оттолкну; но вы должны понять, что... я...

Я былъ такъ пораженъ напряженностью его взгляда, что слова замерли у меня на губахъ.

— Вы говорили, — замѣтилъ онъ, когда мы молча насмотрѣлись другъ на друга,—что я долженъ понять... Чтожъ я долженъ понять?

— Что я не имѣю желанія возобновлять съ вами давнишнее знакомство. Я радъ думать, что вы раскаялись и ведете лучшую жизнь. Я радъ, что могу вамъ выразить свое сочувствіе; радъ что вы пришли поблагодарить меня, полагая, что я заслуживаю вашу благодарность. Но все таки, у насъ дороги въ жизни слишкомъ различныя. Однако, вы промокли и устали; не выпьете ли вы чего-нибудь, прежде чѣмъ уйти?

Онъ свободно завязалъ галстухъ и пристально наблюдалъ за мною, все время кусая длинный конецъ его

— Я думаю, — отвѣчалъ онъ, не спуская съ меня глазъ, и не выпуская платка изо рта,—я думаю, что, дѣйствительно, выпью чего-нибудь, прежде чѣмъ уйти, благодарствуйте.

На боковомъ столѣ стоялъ накрытый подносъ; я перенесъ его на столикъ у камина и спросилъ его, чего бы онъ желалъ; онъ указалъ пальцемъ на одну изъ бутылокъ, не говоря ни слова и даже не глядя на нее. Я приготовилъ ему пуншъ, и старался, чтобъ рука у меня не дрожала; но напрасно, его взоръ слишкомъ смущалъ меня, пока, развалившись въ креслѣ, онъ продолжалъ грысть уголокъ шейнаго платка.

До сихъ поръ я не садился, чтобъ показать ему, что не желаю продлить его посѣщеніе. Но я самъ смягчился при видѣ смягчен-

наго выраженія его лица, и почувствовалъ угрызенія совѣсти за столь негостепріимный пріемъ.

— Я надѣюсь, — сказалъ я, наливая себѣ что-то въ стаканъ и придвигая стулъ:—что высказанное мною вы не сочли за грубость. Я не хотѣлъ вовсе васъ обидѣть. И очень жалѣю, если противъ воли сказалъ вамъ что-либо непріятное. Желаю вамъ всякаго добра и благополучія!

Когда я коснулся губами своего стакана, онъ съ удивленіемъ взглянулъ на кончикъ платка, выскользнувшій у него изо рта, и протянулъ мнѣ руку. Я подалъ ему свою. Тогда и онъ выпилъ, и провелъ платкомъ по глазамъ и по лбу.

— Какъ вы поживали съ тѣхъ поръ? — спросилъ я.

— Я содержалъ стада овецъ, потомъ велъ торговлю скотомъ, и еще кое чѣмъ, тамъ, далече, въ Новомъ Свѣтѣ, за многія тысячи верстъ, за бурнымъ моремъ.

— Надѣюсь, что вамъ повезло?

— О, я отлично велъ свои дѣла. Многіе еще до меня начали и также заработали хорошія деньги, но я всѣхъ ихъ перещеголялъ. Я этимъ въ славу вошелъ.

— Очень радъ слышать.

— Я думаю, что такъ, мой мальчикъ.

Не стараясь разгадать смыслъ этихъ словъ я обратился къ вопросу, который вдругъ пришелъ мнѣ въ голову.

— Видались ли вы съ человѣкомъ, котораго вы когда-то послали ко мнѣ съ порученіемъ?

— Ни разу, и врядъ ли когда увижусь.

— Онъ исполнилъ ваше порученіе, и передалъ мнѣ двѣ однофунтовыя бумажки. Я былъ бѣдный мальчикъ тогда, и для меня то было цѣлое состояніе. Но мои обстоятельства поправились съ тѣхъ поръ, какъ и ваши; я теперь хорошо поживаю и потому позвольте мнѣ возвратить вамъ ваши два фунта. Вы можете облагодѣтельствовать ими кого-нибудь другого.

Съ этими словами, я вынулъ кошелекъ. Онъ пристально слѣдилъ за мною, пока я бралъ оттуда двѣ фунтовыя бумажки. Онѣ были совершенно чистыя и новенькія, я разгладилъ ихъ и передалъ ему. Не спуская съ меня глазъ, онъ взялъ бумажки, сложилъ ихъ вдоль, скрутилъ и зажегъ на лампѣ, а золу бросилъ на подносъ.

— Осмѣлюсь спросить,—сказалъ онъ, не то хмурясь, не то улыбаясь;—какъ вы это такъ хорошо зажили съ тѣхъ поръ, что мы съ вами разстались, тамъ на болотахъ?

— Какъ?

— Да!

Онъ осушилъ стаканъ, всталъ, прислонился къ камину и поставилъ ногу на рѣшетку, чтобъ высушиться. Отъ его сапога по-

шелъ густой паръ; но онъ не смотрѣлъ ни на ногу, ни на огонь, а пристально уставилъ взоры свои на меня. Я начиналъ дрожать.

Губы мои шевелились нѣсколько времени, не производя звука; наконецъ, я принудилъ себя выговорить, хотя очень невнятно, что я назначенъ наслѣдникомъ значительнаго имущества.

— А позволено ли такой твари, какъ я, спросить, какого именно рода это имущество?—сказалъ онъ.

Я снова едва слышно прошепталъ: — Не знаю.

— Не могъ бы ли я сдѣлать, напримѣръ, предположенія, касательно вашихъ доходовъ съ тѣхъ поръ, какъ вы вошли въ совершенныя лѣта? Ну вотъ, хоть первая цифра не пять ли?

Сердце мое билось, будто тамъ лихорадочно стучалъ чудовищный молотъ. Я вскочилъ со стула и, прислонясь къ его спинкѣ, дико смотрѣлъ на своего собесѣдника.

— Теперь касательно опекуна, — продолжалъ онъ: — Вѣдь, вы же не могли обойтись безъ опекуна, до совершеннолѣтія; вѣроятно, какой-нибудь законникъ? Первая буква его имени не Д ли?

Вся истина моего положенія вдругъ раскрылась передо мною; вся горечь, опасность, унизительность этого положенія вдругъ представились мнѣ съ такою силою, что совершенно уничтожили меня; я, задыхаясь отъ волненія, едва держался на ногахъ.

— Положимъ, — продолжалъ онъ, что довѣритель того законника, котораго имя начинается съ Д, пускай хоть Джаггерса, пріѣхалъ на кораблѣ въ Портсмутъ, а оттуда сюда, чтобъ повидаться съ вами. „Однако вы отыскали меня“, сказали вы только что. Ну-съ, однако, я васъ отыскалъ! Штука не хитрая, я написалъ изъ Портсмута къ одному человѣку въ Лондонъ, чтобъ узнать вашъ адресъ. А имя этого человѣка, положимъ, хоть Уэммикъ.

Я не могъ произнести ни слова, хотя бы оттого зависѣла моя жизнь. Я стоялъ, опираясь одной рукой на спинку кресла, а другую положилъ себѣ на грудь; я насилу переводилъ духъ. Такъ я стоялъ, дико глядя на него, пока всѣ предметы въ комнатѣ стали мѣшаться и кружиться, и я схватился обѣими руками за стулъ. Онъ поддержалъ меня, положилъ на диванъ, окружилъ подушками и сталъ на одно колѣно подлѣ меня; лицо его, теперь хорошо мнѣ знакомое, почти касалось моего.

— Да, Пипъ, мой милый, я сдѣлалъ изъ васъ джентльмена. Это я изъ васъ барина сдѣлалъ! Я поклялся въ то время, что всякая гинея, которую я заработаю, будетъ ваша. Я клялся потомъ, каждый разъ, когда предпринималъ какое-нибудь дѣло, что если оно удастся и я буду богатъ, то и вы будете богаты. Я велъ трудную жизнь, чтобъ вамъ жизнь была легка, видите ли; я работалъ сильно, чтобъ вамъ не работать. Но, что за пустяки, милый Пипъ! Развѣ я говорю это, чтобъ вы чувствовали себя обязаннымъ мнѣ? Нимало! Я говорю это, чтобъ вы знали, что несчастная со-

бака, за которой охотились, поднялась до того, что могла сдѣлать джентльмена, и джентльменъ этотъ — вы.

Отвращеніе, съ которымъ я смотрѣлъ на этого человѣка, и страхъ, который онъ вселялъ въ меня, были такъ сильны, что, будь онъ лютый звѣрь, чувства эти не могли бы быть сильнѣе.

— Взгляните на меня, Пипъ, я вашъ второй отецъ. Вы мнѣ сынъ,—болѣе, чѣмъ сынъ. Я копилъ деньги лишь для того, чтобъ вамъ ихъ проживать. Когда я былъ наемнымъ пастухомъ и, живя въ пустынной хижинѣ, не видалъ по цѣлымъ недѣлямъ никого, кромѣ овецъ, такъ что забывалъ, на что похожи люди, — васъ я все имѣлъ передъ собою. Не разъ случалось мнѣ выпустить изъ рукъ ножъ за обѣдомъ или ужиномъ, въ той одинокой лачужкѣ, и воскликнуть: — „Вотъ онъ мальчикъ снова тутъ, смотритъ, какъ я ѣмъ и пью“. Я видѣлъ васъ тамъ много разъ, также ясно, какъ прежде на болотахъ. „Накажи меня Господь“, говорилъ я тогда — и выходилъ подъ открытое небо, чтобъ онъ лучше меня слышалъ: — „если я не сдѣлаю изъ того мальчика джентльмена, когда буду свободенъ и богатъ“. И я сдержалъ слово. Посмотрите на себя! Взгляните на свою квартиру, годную для лорда! Для лорда! Э, вы покажите имъ, этимъ лордамъ, сколько у васъ денегъ; они захотятъ угоняться за вами, да не смогутъ!

Въ жару своего увлеченія и торжества онъ не замѣтилъ, какое впечатлѣніе производили на меня его слова. Это было единственное для меня утѣшеніе.

— Взгляните! — продолжалъ онъ, вынимая часы мои изъ кармана и оборачивая къ себѣ кольцо на моемъ пальцѣ, тогда какъ я отстранялся отъ его прикосновенія, словно отъ ядовитой змѣи; — золотые и великолѣпные — джентльменскіе, что и говорить! Алмазъ, усаженный рубинами, ужъ, это надѣюсь, джентльменская вещь. Взгляните на свое бѣлье—тонкое, отличное! Взгляните на платье, лучшаго достать нельзя! А книжки-то ваши, прибавилъ онъ, осматриваясь кругомъ: — сотнями громоздятся на полкахъ! Вы, вѣдь, ихъ читаете, не правда ли? Я вижу, вы читали одну изъ нихъ, когда я пришелъ. Вы мнѣ почитаете изъ нихъ, мой дружокъ! Если онѣ писаны и на иностранномъ, непонятномъ языкѣ, то я все равно буду слушать и гордиться вами.

Онъ снова взялъ меня за обѣ руки и прикоснулся къ нимъ губами; у меня кровь застыла въ жилахъ.

— Не старайтесь говорить со мною, Пипъ, — сказалъ онъ, проводя рукавомъ по глазамъ и по лбу, и я услышалъ знакомый, странный звукъ въ его горлѣ; съ своимъ участіемъ онъ казался мнѣ еще страшнѣе: — вамъ лучше всего полежать теперь тихо, мой мальчикъ. Вы не поджидали этого издавна, какъ я; вы не были къ этому приготовлены, какъ я. Вѣдь вы никогда не подозрѣвали, что то могъ быть я?

— О, нѣтъ, нѣтъ,—отвѣчалъ я;—никогда, никогда!

— Видите ли, а вышло, что то былъ я, одинъ, самъ собой, безъ чужой помощи. Ни одна душа въ этомъ не участвовала, кромѣ меня да мистера Джаггерса.

— Болѣе никого? — спросилъ я.

— Никого, — сказалъ онъ съ видомъ удивленія: — кому же еще? Но какимъ вы красавцемъ стали, мой мальчикъ. Вѣрно, есть прекрасныя очи на примѣтѣ, о которыхъ любо и говорить и думать? (О, Эстелла, Эстелла!)

— Они будутъ ваши, эти очи, если деньгами ихъ можно купить. Не то, что бы такой джентльменъ, какъ вы, такой молодецъ какъ вы, не могъ пріобрѣсть ихъ и безъ того; но деньги все таки помогутъ. Дайте, мнѣ окончить вамъ свой разсказъ. Въ той хижинѣ, гдѣ я нанимался, мнѣ перепало довольно отъ хозяина (который сперва былъ то же, что и я, но умеръ, не успѣвъ разбогатѣть); тогда я попалъ на свободу и сталъ жить самъ собою. Каждое дѣло, что я предпринималъ, я предпринималъ для васъ. „Порази меня Господь Богъ, —говаривалъ я, за что бы ни принимался: — „если это я дѣлаю не для него!“ Дѣла мои удавались хорошо, отлично. Какъ я вамъ уже говорилъ, этимъ просто я составилъ себѣ славу. Оставленныя мнѣ хозяиномъ деньги и барыши первыхъ годовъ я и выслалъ мистеру Джаггерсу — все для васъ; онъ за вами и поѣхалъ, вслѣдствіе моего письма.

(О, когда бъ онъ вовсе не пріѣзжалъ! Когда бъ онъ меня оставилъ на кузницѣ, далеко недовольнаго судьбою, но сравнительно говоря, счастливаго!).

— А потомъ, милый Пипъ, мнѣ было утѣшеніемъ и наградою знать про себя, что я дѣлаю джентльмена. Пускай себѣ рысаки колонистовъ обдаютъ меня грязью и пылью, пока я тащусь пѣшечкомъ. Что я говорю себѣ тогда? Я говорю себѣ: „я дѣлаю джентльмена, почище васъ всѣхъ!“ Если кто изъ нихъ скажетъ: „онъ, дескать, былъ колодникомъ недавно, и какъ ни счастливъ, а все таки грубый, необразованный человѣкъ“. А я ему въ отвѣтъ:— „если я не джентльменъ и неучъ, за то у меня есть настоящій джентльменъ. Всѣ вы здѣшніе, простые; кто изъ васъ воспитанный лондонскій джентльменъ?“ Такъ то я себя поддерживалъ. Такъ то я постоянно имѣлъ на умѣ, что рано или поздно, я пріѣду къ своему мальчику, полюбуюсь имъ и откроюсь ему.

Онъ положилъ мнѣ руку на плечо. Я содрогнулся при мысли, что, пожалуй, рука эта обагрена кровью, по крайней мѣрѣ, я не былъ увѣренъ въ противномъ.

— Не легко мнѣ было, Пипъ, и не безопасно оставлять тѣ края. Но я пламенно желалъ съ вами видѣться, и чѣмъ труднѣе было исполнить мое желаніе, тѣмъ оно становилось сильнѣе; я

твердо рѣшился ѣхать сюда, во что бы то ни стало. И пріѣхалъ. Да, мальчикъ, я таки пріѣхалъ!

Я старался собрать свои мысли, но не могъ; я былъ рѣшительно ошеломленъ. Я былъ такъ озадаченъ, что не помню, къ чему болѣе прислушивался—къ его ли словамъ, или къ завываніямъ вѣтра на дворѣ; я не различалъ его голоса, даже теперь, какъ онъ стихъ, отъ шумнаго голоса бури.

— Куда вы меня дѣнете?—вдругъ спросилъ онъ:—меня куда-нибудь да надо же дѣвать, мой мальчикъ.

— Гдѣ васъ уложить спать?—спросилъ я.

— Да, мнѣ надо выспаться и—хорошенько,—отвѣчалъ онъ:—потому что меня качало и мочило водою цѣлые мѣсяцы.

— Моего друга и товарища нѣтъ дома,—сказалъ я:—вамъ можно занять его комнату.

— А онъ завтра не воротится?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я, все еще безсознательно, несмотря на всѣ усилія собрать свои мысли:—нѣтъ, не завтра.

— Потому что, видите ли, мой добрый мальчикъ,—сказалъ онъ, понижая голосъ и выразительно дотрогиваясь пальцемъ до моей груди,—надо быть осторожнымъ.

— Почему же осторожнымъ?

— Потому что это—смерть, видитъ Богъ.

— Что смерть?

— Я сосланъ на всю жизнь. Воротиться на родину — это смерть. Послѣднее время слишкомъ много возвращалось народу оттуда, и меня, навѣрно, повѣсятъ, если откроютъ.

Только этого и недоставало! Несчастный мало того, что наложилъ на меня тяжкое бремя своихъ благодѣяній, теперь рисковалъ жизнью, чтобъ видѣться со мною и вручить свою участь въ мои руки! Питай я къ нему пламенную любовь вмѣсто отвращенія, будь онъ для меня предметомъ восхищенія и нѣжной привязанности, а не омерзенія, и тогда подобнаго извѣстія было бы достаточно, чтобы сдѣлать меня несчастнымъ. Но тогда, по крайней мѣрѣ, пещись о его безопасности было бы естественною потребностью моего сердца.

Первою моею заботою было закрыть ставни, чтобъ снаружи не видно было свѣта въ моей комнатѣ, потомъ запереть дверь на ключъ и на запоръ. Онъ покуда стоялъ у стола и ѣлъ сухари, запивая ромомъ; моему воображенію живо представился колодникъ на болотѣ, и я ожидалъ, что вотъ онъ нагнется и станетъ пилить себѣ ногу.

Я тщательно задѣлалъ всѣ выходы изъ Гербертовой комнаты, кромѣ дверей въ мою комнату, и тогда только предложилъ ему идти спать. Онъ охотно согласился, и попросилъ только у меня моего „джентльменскаго бѣлья“, чтобы надѣть его на другое утро.

Я вынулъ бѣлье и положилъ у его изголовья; кровь снова застыла въ моихъ жилахъ, когда онъ, на прощанье, протянулъ мнѣ обѣ руки.

Не помню, какъ я ушелъ отъ него, и безсознательно сталъ поправлять огонь въ каминѣ, не смѣя ложиться спать. Съ часъ, я простоялъ такимъ образомъ, слишкомъ ошеломленный, чтобъ собраться съ мыслями и обсудить свое положеніе; но, наконецъ, пришло сознаніе моего горестнаго положенія, сознаніе, что великолѣпное зданіе моихъ надеждъ разрушено на вѣки.

Расположеніе ко мнѣ миссъ Хевишемъ—пустая бредня; Эстелла вовсе мнѣ не назначена; меня терпѣли только какъ пугало для жадной родни, какъ чучело съ механическимъ сердцемъ, надъ которымъ Эстелла могла упражняться, за неимѣніемъ другой практики; вотъ первыя представившіяся мнѣ мысли. Но прискорбнѣе всего было думать, что я покинулъ Джо изъ за колодника, виновнаго Богъ вѣсть въ какомъ преступленіи, котораго каждую минуту могли схватить у меня въ комнатѣ и повѣсить на Смитфильдѣ.

Теперь я ни за что въ свѣтѣ не воротился бы къ Джо, ни за что не воротился бы къ Бидди; я думаю, просто потому, что гнусность моего поведенія не давала мнѣ здраво обсудить ничего на свѣтѣ. Никакая мудрость въ свѣтѣ не могла бы замѣнить мнѣ утѣшеніе, какимъ бы мнѣ служила ихъ простая, безыскусственная преданность; но теперь ужъ никогда, никогда не возвратить потеряннаго!

Въ каждомъ завываніи вѣтра, въ каждомъ потокѣ дождя, я слышалъ погоню. Два-три раза я побожился бы, что стучатся и шепчутся у наружной двери. Подъ впечатлѣніемъ подобнаго страха, я сталъ припоминать, что предчувствовалъ появленіе этого человѣка; что нѣсколько недѣль сряду, я на улицахъ встрѣчалъ лица, похожія на него; что сходство это становилось разительнѣе, по мѣрѣ его приближенія къ Англіи; что злой духъ его подсылалъ мнѣ этихъ провозвѣстниковъ, и теперь, въ эту бурную ночь, онъ исполнилъ свою угрозу и самъ явился ко мнѣ.

Вслѣдъ за тѣмъ, я сталъ припоминать, какъ въ дѣтствѣ я видѣлъ его отчаяннымъ и жестокимъ; какъ другой каторжникъ не переставалъ твердить, что онъ хотѣлъ убить его; какъ онъ во рву вцѣпился въ своего товарища и рвалъ его, какъ дикій звѣрь. Изъ такихъ воспоминаній воображеніе мое создало какое то страшное, ясное сознаніе, что мнѣ не безопасно спать съ нимъ подъ однимъ кровомъ. Ужасъ овладѣвалъ мною все болѣе и болѣе. Наконецъ, я всталъ, взялъ свѣчу и вошелъ, чтобъ взглянуть на чудовище, созданное моимъ воображеніемъ.

Онъ обвязалъ голову платкомъ, лицо его было спокойно и сонъ невозмутимъ, хотя рядомъ на подушкѣ лежалъ пистолетъ. Убѣдившись въ этомъ, я тихо вынулъ ключъ изъ двери, воткнулъ его снаружи и повернулъ два раза, прежде чѣмъ снова усѣлся пе-

редъ огнемъ. Мало по мало я сползъ со стула и растянулся на полу. И во снѣ я не терялъ ни на минуту сознанія своего горя; когда я проснулся, часы на колокольняхъ били пять часовъ, свѣчи догорѣли, огонь потухъ, а буря и дождь еще увеличивали ужасъ мрака.

Глава сороковая.

Большимъ счастіемъ для меня была необходимость заботиться о безопасности моего страшнаго гостя. Мысли объ этомъ совершенно овладѣли мною, когда я проснулся ночью, и изгнали на время изъ моей головы всякое другое помышленіе. Очевидно, что его нельзя было скрывать въ моей квартирѣ, ибо подобная попытка непремѣнно возбудила бы подозрѣніе. Правда, у меня уже не было грума, но мнѣ прислуживала возмутительная старуха и ея мѣшковатая племянница, и запереть отъ нихъ комнату было бы вѣрнымъ средствомъ возбудить ихъ любопытство и породить сплетню. Онѣ обѣ страдали глазами, и я давно уже приписывалъ это постоянной привычкѣ подсматривать въ замочную щелку; кромѣ того, онѣ имѣли рѣдкое свойство являться всегда не вовремя и не кстати. Если къ этому прибавить еще страсть къ воровству, то мы получимъ полный списокъ ихъ качествъ. Не желая имѣть тайны съ такими людьми, я рѣшился объявить имъ, что ко мнѣ пріѣхалъ неожиданно дядюшка изъ провинціи.

Раздумывая объ этомъ, я всталъ съ постели и долго искалъ огнива въ темнотѣ, спотыкаясь на каждомъ шагу. Наконецъ, ничего не найдя, я рѣшился отправиться внизъ по лѣстницѣ къ привратнику, и попросить его посвѣтить мнѣ съ фонаремъ. Сходя ощупью, я на что-то наткнулся и упалъ. То былъ кто-то прижавшійся въ углу. Человѣкъ этотъ не отвѣчалъ ни слова на мои вопросы и только молча вывернулся отъ меня. Я тотчасъ бѣгомъ пустился къ привратнику и поспѣшно притащилъ его, разсказавъ ему по дорогѣ о случившемся. Вѣтеръ свирѣпствовалъ попрежнему, и потому мы не рискнули открыть фонарь, чтобъ зажечь лампы на лѣстницѣ, а довольствовались его свѣтомъ. Осмотрѣвъ, однако, всю лѣстницу, сверху до низу, мы никого не нашли. Тогда я вздумалъ, что, можетъ-быть, человѣкъ этотъ спрятался въ мои комнаты; потому засвѣтивъ свою свѣчу, и оставивъ привратника у двери, я аккуратно осмотрѣлъ всю квартиру, не исключая и комнаты, гдѣ спалъ мой страшный гость. Все было тихо и пусто.

Меня очень безпокоило, что, именно, въ эту ночь нашелся на лѣстницѣ какой-то подозрительный человѣкъ, и, поднося чарку привратнику, я сталъ разспрашивать его не впускалъ ли онъ кого въ ворота.

— Какъ же,—отвѣчалъ онъ:—въ различное время ночи воротилось домой трое джентльменовъ, вѣроятно, съ какихъ- нибудь вечеровъ.

Жилецъ, жившій въ одномъ со мною домѣ, уже нѣсколько недѣль какъ уѣхалъ въ провинцію и онъ, конечно, не воротился домой въ эту ночь, ибо мы, всходя, видѣли его дверь попрежнему запертою.

— Ночь-то, сударь, таковская, что очень мало людей проходило въ ворота,—сказалъ привратникъ, отдавая мнѣ чарку.—Кромѣ тѣхъ трехъ джентльменовъ, кажется, больше никого не было. Только часовъ въ одиннадцать, васъ спрашивалъ какой-то незнакомецъ.

— Мой дядя,—пробормоталъ я.—Знаю.

— Вы его видѣли, сэръ?

— Да, конечно.

— Такъ же и его спутника?

— Спутника?—повторилъ я машинально.

— Я полагалъ, что онъ шелъ съ вашимъ дядею,—отвѣчалъ привратникъ.—Человѣкъ этотъ остановился, когда дядя вашъ остановился, чтобъ спросить объ васъ, и пошелъ за нимъ наверхъ.

— На кого походилъ этотъ человѣкъ?

Привратникъ не разглядѣлъ его хорошенько, но полагалъ, что онъ ремесленникъ; сколько онъ помнилъ, платье на немъ было свѣтлаго цвѣта, а пальто черное. Вообще, привратникъ, казалось, вовсе не считалъ важнымъ этого обстоятельства. И не мудрено, онъ не зналъ причинъ, дѣлавшихъ его столь важнымъ въ моихъ глазахъ.

Отдѣлавшись отъ привратника безъ дальнѣйшихъ объясненій, я остался одинъ и, въ сильномъ смущеніи, сталъ обдумывать эти два странныя происшествія. Ихъ легко было растолковать, случись они отдѣльно. Какой-нибудь запоздалый джентльменъ, придя не въ тѣ ворота, гдѣ стоялъ мой привратникъ, могъ нечаянно попасть ко мнѣ на лѣстницу и тамъ заснуть; наконецъ, мой страшный гость могъ взять съ собою кого нибудь, чтобъ указать дорогу. Но взятыя вмѣстѣ эти два обстоятельства не могли не возбудить во мнѣ подозрѣній и опасеній.

Я развелъ огонь въ каминѣ и при тускломъ его свѣтѣ задремалъ. Проснувшись въ шесть часовъ, я былъ увѣренъ, что проспалъ цѣлую ночь, но такъ какъ оставалось до утра еще цѣлыхъ полтора часа, то я опять вздремнулъ. Но сонъ мой былъ самый безпокойный. Я то вскакивалъ съ испугомъ, полагая, что кто то говорилъ въ комнатѣ, то принималъ шумъ вѣтра въ трубѣ за громъ. Наконецъ, я утомился и уснулъ непробуднымъ сномъ. Когда я проснулся, ужъ былъ день. До сихъ поръ, я не могъ вполнѣ сознать своего положенія и собраться съ мыслями. Я былъ ужасно разстроенъ и растерянъ, и рѣшительно не въ состояніи былъ составить себѣ какой бы то ни было планъ для будущаго. Вскочивъ съ постели, я безсознательно открылъ окно, посмотрѣлъ на тусклое,

дождливое небо, безсознательно прошелся по комнатамъ, и усѣлся передъ огнемъ, дрожа всѣмъ тѣломъ и дожидаясь своей прачки. Я чувствовалъ, что былъ очень несчастливъ, но не сознавалъ почему.

Наконецъ, явилась старуха съ своей племянницею, голову которой трудно было отличить отъ ея ручной метелки. Онѣ очень удивились, увидя меня передъ огнемъ, и я тотчасъ же объявилъ имъ, что ко мнѣ ночью пріѣхалъ дядя, и потому надо сдѣлать коекакія перемѣны въ утреннемъ завтракѣ. Послѣ этого, покуда онѣ шумѣли мебелью и подымали страшную пыль, я какъ-то безсознательно умылся, одѣлся и снова усѣлся передъ огнемъ, ожидая его къ завтраку.

Вскорѣ его дверь отворилась и онъ вошелъ. Я не могъ на него смотрѣть, онъ мнѣ показался днемъ еще отвратительнѣе.

— Я даже не знаю,—сказалъ я шепотомъ, когда онъ сѣлъ за столъ:—какъ васъ звать. Я выдалъ васъ за своего дядюшку.

— Хорошо, милый мальчикъ, называй меня дядюшкой.

— Вы, вѣрно, назвались же какъ-нибудь на кораблѣ?

— Конечно, мой мальчикъ, я назвался Провисомъ.

— Намѣрены ли вы удержать это имя?

— Отчего же нѣтъ, оно не хуже другого, и я при немъ останусь, если вамъ все равно.

— А какъ ваше настоящее имя?—спросилъ я шепотомъ.

— Магвичъ, — отвѣчалъ онъ, тѣмъ же голосомъ — Абель Магвичъ.

— А къ какой карьерѣ васъ предназначали?

— Карьерѣ негодяя,—отвѣчалъ онъ серьезно, какъ будто, дѣйствительно, существуетъ такая карьера.

— Когда вы вошли въ Темпль, вчера ночью... —началъ я и остановился въ недоумѣніи, дѣйствительно ли то было вчера ночью, а не очень давно, какъ мнѣ казалось.

— Ну, мой мальчикъ?

— Когда вы вошли въ ворота и спросили меня, вы были одни?

— Одинъ? Конечно, одинъ.

— Но у воротъ былъ кто-нибудь?

— Я не обратилъ на то особеннаго вниманія, — отвѣчалъ онъ.—Я не зналъ, вѣдь, вашихъ обычаевъ. Но, мнѣ, кажется, кто-то вошелъ сейчасъ за мною.

— Васъ знаютъ въ Лондонѣ?

— Надѣюсь, нѣтъ! — сказалъ онъ, щелкнувъ пальцемъ по горлу.

Меня бросило въ жаръ.

— Прежде-то васъ знали въ Лондонѣ?

— Не очень многіе, мальчикъ. Я больше жилъ въ провинціи.

— А судили васъ въ Лондонѣ?

— Въ который разъ?—спросилъ онъ, живо посмотрѣвъ на меня.

— Въ послѣдній.

Онъ кивнулъ головой.

— Я тогда то и узналъ Джаггерса. Онъ меня защищалъ.

Я только что хотѣлъ спросить, за что его судили, когда онъ схватилъ ножикъ и, махнувъ имъ по воздуху, сказалъ:

— Что бы я тамъ ни сдѣлалъ, я своимъ трудомъ все загладилъ!

Съ этими словами онъ принялся за свой завтракъ.

Онъ ѣлъ съ какою-то непріятною прожорливостью и, вообще, дѣлалъ все грубо и съ шумомъ. Онъ потерялъ уже нѣсколько зубовъ съ тѣхъ поръ, какъ я видѣлъ его на болотахъ, и теперь, когда онъ наклонялъ голову, чтобъ куски попадали на задніе зубы, онъ походилъ на голодную старую собаку.

Еслибъ мнѣ и хотѣлось ѣсть, то онъ отбилъ бы всякій аппетитъ, и я сидѣлъ бы, какъ теперь, потупивъ взоры на скатерть. Какое то непреоборимое отвращеніе отталкивало меня отъ него.

— Не мѣшаетъ теперь и покурить,—сказалъ онъ.—Когда я въ первый разъ нанялся пастухомъ, тамъ за моремъ, то, право, еслибъ не табакъ, то я давно бы самъ сталъ бѣшенымъ барано́мъ.

Съ этими словами онъ всталъ изъ-за стола, и вынулъ изъ своего гороховаго сюртука коротенькую, черную трубочку и щепотку табаку, извѣстнаго подъ названіемъ негрскаго. Набивъ трубку, онъ остальной табакъ ссыпалъ себѣ въ карманъ, точно въ кисетъ. Потомъ взялъ щипцами уголекъ изъ камина, закурилъ трубку и, повернувшись спиною къ камину, протянулъ мнѣ руки.

— Такъ вотъ,—началъ онъ, понемногу выпуская дымъ изо рта и пожимая мои руки:—вотъ онъ, мой джентльменъ! Настоящій-то, котораго я сдѣлалъ! Смотрѣть на васъ, Пипъ, для меня огромное удовольствіе. Я болѣе ничего не требую, лишь бы быть близко и смотрѣть на моего мальчика!

Я освободилъ свои руки, какъ только могъ. Слушая его грубый голосъ и смотря на его морщинистую, лысую голову, я началъ сознавать всю тяжесть моего положенія.

— Я не потерплю, чтобъ мой джентльменъ шатался пѣшкомъ по грязи; не потерплю, чтобъ на сапогахъ его была малѣйшая пылинка. Мой джентльменъ долженъ имѣть лошадей, Пипъ, лошадей верховыхъ и упряжныхъ; лошадей для себя и лошадей для лакеевъ, верховыхъ и упряжныхъ. Ссыльные (да еще убійцы, прости Господи!) ѣздятъ на лошадяхъ, а мой лондонскій джентльменъ станетъ ходить пѣшкомъ! Нѣтъ, нѣтъ! Мы имъ себя покажемъ, Пипъ,—не такъ ли?

При этомъ онъ вынулъ изъ кармана толстый бумажникъ и швырнулъ его на столъ.

— Тутъ есть на что погулять, мой мальчикъ! Это все ваше.

Все, что я имѣю, не мое, а ваше. Не безпокойтесь, это не все; тамъ, откуда это пришло, есть еще много, много... Я пріѣхалъ въ старый-то свѣтъ посмотрѣть, какъ мой джентльменъ проживаетъ деньги по-джентльменски. Вотъ мое счастье-то въ чемъ состоитъ! И тресните вы всѣ съ зависти, сколько васъ тамъ ни есть,—воскликнулъ онъ, окидывая взглядомъ комнату и громко хлопая руками:—отъ судьи въ парикѣ и до ссыльнаго колониста, а я вамъ покажу джентльмена почище всѣхъ васъ вмѣстѣ!

— Постойте!—сказалъ я, не помня себя отъ страха и отвращенія.—Я хочу знать, что мы будемъ дѣлать; я хочу знать, какъ васъ спасти отъ опасности. Сколько вы намѣрены провести здѣсь времени, и, вообще, въ чемъ состоятъ ваши планы?

— Послушайте, Пипъ,—сказалъ онъ, положивъ свою руку на мою и внезапно измѣняя тонъ:—послушайте меня, прежде всего. Я, вѣдь, забылся, я выразился-то грубо, именно, грубо. Послушайте, Пипъ, забудьте все это! Я болѣе грубымъ не буду.

— Во-первыхъ,—повторилъ я:—какія предосторожности можно принять, чтобъ васъ не узнали и не схватили?

— Нѣтъ, милый мальчикъ, — продолжалъ онъ тѣмъ-же тономъ:—не это первое дѣло. Первое то, что я былъ грубъ. Я не даромъ такъ долго подготовлялъ своего джентльмена; я передъ нимъ болѣе не забудусь. Послушайте, Пипъ, я выразился-то грубо, именно, грубо; забудьте это, мой мальчикъ.

Я невольно тоскливо улыбнулся, такъ онъ мнѣ показался жалокъ и смѣшонъ.

— Я уже забылъ,—отвѣчалъ я.—Ради Бога, не говорите объ этомъ болѣе.

— Да, да; но, послушайте, — упрямо продолжалъ онъ:—я, вѣдь, не для того пріѣхалъ сюда, мальчикъ, чтобъ быть грубымъ. Ну, теперь продолжайте. Вы говорили...

— Какъ укрыть васъ отъ опасности?

— Ну, мальчикъ, опасность не очень велика. Если меня не выдадутъ, то опасности большой нѣтъ. Но кто же знаетъ, что я здѣсь? Джаггерсъ, Уэммикъ и вы—болѣе никто.

— Нѣтъ ли кого тутъ, кто бы могъ случайно васъ узнать на улицѣ?—спросилъ я.

— Ну,—отвѣчалъ онъ:—не много такихъ людей. Да, вѣдь, я не пропечатанъ же во всѣхъ газетахъ: А. М. изъ Ботанибея. Сколько лѣтъ уже прошло, да и кому какое дѣло меня выдавать? Но, послушайте, Пипъ, еслибъ опасность была и въ пятьдесятъ разъ болѣе, то и тогда я точно такъ же пріѣхалъ бы посмотрѣть на васъ.

— А какъ долго вы намѣрены здѣсь оставаться?

— Какъ долго?—повторилъ онъ, вынимая изо рта трубку и

смотря на меня съ удивленіемъ.—Я вовсе не намѣренъ уѣзжать; я навсегда пріѣхалъ.

— Гдѣ же вы будете жить?—спросилъ я.—Гдѣ вы будете внѣ опасности?

— Милый мальчикъ,—отвѣчалъ онъ:— за деньги можно купить парикъ, пудры, очки, черный фракъ, короткіе штаны, и что тамъ еще будетъ нужно. Дѣлали же это люди и не попадались, слѣдственно, и другіе могутъ то же дѣлать. А о томъ, гдѣ и какъ мнѣ жить, я бы желалъ слышать ваше мнѣніе.

— Вы какъ-то очень спокойно смотрите сегодня на ваше положеніе, а вчера вы серьезно клялись, что вамъ грозитъ смерть.

— Я и теперь поклянусь, что мнѣ грозитъ смерть,—сказалъ онъ, опять покуривая трубку:—и смерть публичная, на висѣлицѣ. Дѣло такъ серьезно, что вы должны хорошенько обсудить его. Но дѣло сдѣлано. Я уже здѣсь. Воротиться назадъ хуже, чѣмъ здѣсь оставаться. Къ тому же, я здѣсь, Пипъ, потому что я уже годами хотѣлъ васъ видѣть. А что я рискнулъ, это дѣло не новое: я уже старая птица, пускался на всякія штуки, и не боюсь пугала. Если въ пугалѣ то кроется смерть, то пусть она выйдетъ наружу, я ей посмотрю въ глаза, и тогда только повѣрю ей. А покуда дайте мнѣ еще разъ взглянуть на моего джентльмена.

Еще разъ онъ взялъ меня за обѣ руки и, продолжая курить, осматривалъ меня съ видомъ собственника. Мнѣ казалось, что лучше всего было нанять ему маленькую, безопасную квартирку вблизи, куда бы онъ могъ переѣхать, когда воротится Гербертъ, котораго я ожидалъ дня черезъ два или три. Герберта, конечно, необходимо было посвятить въ мою тайну. Для меня это было совершенно ясно, даже не взявъ въ разсужденіе, какая отрада будетъ мнѣ раздѣлять съ нимъ всѣ опасенія и заботы. Но мистеръ Провисъ (я рѣшился звать его этимъ именемъ), кажется, съ этимъ не совсѣмъ соглашался и сказалъ, что только позволитъ открыть тайну Герберту, если онъ составитъ о немъ хорошее мнѣніе, судя по его физіономіи.

— и тогда даже, мальчикъ,—прибавилъ онъ, вытаскивая изъ кармана маленькое Евангеліе въ черномъ переплетѣ, съ застежками:—и тогда мы приведемъ его къ присягѣ.

Я не могу сказать рѣшительно, что мой страшный покровитель носилъ при себѣ эту маленькую, черную книжку единственно для того, чтобъ заставлять людей, въ случаѣ надобности, присягать на ней; я знаю только, что никогда не видалъ, чтобъ онъ употреблялъ ее иначе. Видъ самой книжки подавалъ подозрѣніе, что ее украли изъ какого-нибудь суда. Можетъ быть, ея прошедшее и собственный опытъ убѣдили его въ ея сверхъестественной силѣ. Когда я ее увидѣлъ въ первый разъ, то невольно вспомнилъ, какъ онъ заставилъ меня дать клятву когда-то на кладбищѣ, и

какъ онъ вчера разсказывалъ, что клятвою поддерживалъ себя въ уединенной хижинѣ Новаго Свѣта.

Такъ какъ одежда его напоминала морского путешественника и дѣлала его очень похожимъ на продавца сигаръ и попугаевъ, то я началъ разсуждать, какъ ему одѣться. Онъ считалъ короткіе штаны какъ то особенно удобными для маскированія, и уже составилъ въ своемъ умѣ цѣлый костюмъ, который сдѣлалъ бы изъ него нѣчто среднее между пасторомъ и дантистомъ. Наконецъ, мы рѣшили, что онъ не покажется моей прачкѣ и ея племянницѣ до тѣхъ поръ, пока не надѣнетъ новаго платья.

Кажется, чего легче, какъ обдумать эти предосторожности, но въ смутномъ, чтобъ не сказать, помраченномъ, состояніи моего ума на это потребовалось не мало времени. Наконецъ, все было обсужено къ двумъ или тремъ часамъ пополудни. Онъ долженъ былъ остаться взаперти въ моей квартирѣ, и ни для кого не отпирать двери.

Я зналъ, что въ Эссексъ-Стритѣ была почтенная гостинница, задній фасадъ которой выходилъ на Темпль, почти противъ моихъ окошекъ. Поэтому я прямо туда отправился и былъ такъ счастливъ, что нашелъ квартиру во второмъ этажѣ, которую и нанялъ для моего дяди Провиса. Потомъ я пошелъ по лавкамъ и закупивъ необходимыя вещи для его туалета, уже по своему дѣлу повернулъ въ Литтль-Бритенъ. Мистеръ Джаггерсъ сидѣлъ у своей конторки; но, увидѣвъ меня, онъ тотчасъ всталъ и подошелъ къ камину.

— Ну, Пипъ,—сказалъ онъ:—будьте осторожны

— Я буду остороженъ, сэръ,—отвѣчалъ я. Я, идя, хорошенько обдумалъ все, что буду говорить.

— Не выдайте себя,—продолжалъ Джаггерсъ:—и не выдайте еще кого другого. Вы меня понимаете не выдайте кого другого. Не говорите мнѣ ничего; я ничего не желаю знать; я вовсе не любопытный человѣкъ.

Конечно, я понялъ, что онъ зналъ о случившемся.

— Я только хочу, мистеръ Джаггерсъ, увѣриться въ справедливости всего, что мнѣ сказали; я не имѣю ни малѣйшей надежды разубѣдиться въ этомъ; но мнѣ все-таки хотѣлось бы болѣе удостовѣриться.

Мистеръ Джаггерсъ кивнулъ головою.

— Вамъ сказали, или васъ извѣстили?—спросилъ онъ, нагнувъ голову на сторону и смотря не на меня, а на дверь.—Если вамъ сказали, то, вѣдь, это значитъ въ изустномъ разговорѣ; а вы не могли же разговаривать съ человѣкомъ, который живетъ въ Новомъ Южномъ Валлисѣ.

— Хорошо, мистеръ Джаггерсъ, меня извѣстили.

— Такъ.

— Меня извѣстилъ нѣкто Абель Магвичъ, что онъ мой неизвѣстный покровитель.

— Онъ самый,—сказалъ мистеръ Джаггерсъ:—и живетъ онъ въ Новомъ Южномъ Валлисѣ.

— И онъ одинъ?—спросилъ я.

— Одинъ,—отвѣчалъ мистеръ Джаггерсъ.

— Я не такъ безразсуденъ, сэръ, чтобъ думать, что вы виноваты въ моемъ заблужденіи; но я всегда полагалъ, что это была миссъ Хевишемъ.

— Какъ, вы сами говорите, Пипъ,—замѣтилъ мистеръ Джаггерсъ, холодно глядя на меня и кусая свой палецъ:—я тутъ не виноватъ.

— А все же, сэръ, вѣдь, оно на то походило,—продолжалъ я съ отчаяніемъ.

— Ни тѣни очевидности, Пипъ, — отвѣчалъ мистеръ Джаггерсъ, качая головою.—Не вѣрь ни чему, что кажется, а только вѣрь очевидности. Нѣтъ лучшаго правила.

— Мнѣ не объ чемъ болѣе говорить,—сказалъ я со вздохомъ, послѣ минутнаго молчанія. — Я провѣрилъ достовѣрность моихъ извѣстій и болѣе мнѣ ничего не нужно.

— А теперь, когда Магвичъ, живущій въ Новомъ Южномъ Валлисѣ, открылся вамъ, — замѣтилъ мистеръ Джаггерсъ: — вы поймете, Пипъ, какъ строго во все время моихъ съ вами сношеній, я придерживался однихъ фактовъ. Я никогда не увлекался далѣе фактовъ. Вы это хорошо знаете.

— Какъ же, сэръ.

— Я сообщалъ Магвичу въ Новый Южный Валлисъ, когда онъ въ первый разъ писалъ ко мнѣ изъ Новаго Южнаго Валлиса, чтобъ онъ не ждалъ отъ меня уклоненія ни на шагъ отъ фактовъ. Я такъ же предупредилъ его и кое о чемъ другомъ. Онъ, мнѣ казалось, упомянулъ вскользь въ своемъ письмѣ, что думаетъ когда-нибудь васъ повидать въ Англіи. Я предостерегъ его, чтобъ онъ такихъ вещей болѣе не писалъ, ибо невѣроятно, чтобъ его простили, а изгнанъ онъ изъ отечества на всю жизнь, и потому, если онъ явится въ Англію, то съ нимъ поступятъ по всей строгости законовъ. Я предостерегъ Магвича,—прибавилъ мистеръ Джаггерсъ, пристально посмотрѣвъ на меня:—я написалъ ему объ этомъ въ Новый Южный Валлисъ. Безъ сомнѣнія, онъ воспользовался моимъ предостереженіемъ.

— Безъ сомнѣнія,—замѣтилъ я.

— Мнѣ сообщилъ Уэммикъ,—продолжалъ мистеръ Джаггерсъ, не переставая пристально смотрѣть на меня:—что онъ получилъ письмо изъ Портсмута, отъ одного колониста по имени Пурвиса или...

— Или Провиса,—подсказалъ я.

— Или Провиса, спасибо Пипъ. Можетъ быть, дѣйствительно, это Провисъ? Можетъ быть, вы знаете, что это Провисъ?

— Да,—отвѣчалъ я.

— Вы знаете, что это Провисъ. Онъ получилъ письмо изъ Портсмута, отъ одного колониста по имени Провиса, въ которомъ тотъ спрашивалъ, отъ имени Магвича, вашъ адресъ. Уэммикъ послалъ ему вашъ адресъ съ первою почтою. Вѣроятно, черезъ этого Провиса вы узнали, что вашъ благодѣтель Магвичъ, живущій въ Новомъ Южномъ Валлисѣ?

— Да, я узналъ это отъ Провиса,—отвѣчалъ я.

— Прощайте, Пипъ,—сказалъ мистеръ Джаггерсъ, протягивая мнѣ руку. Когда вы будете писать по почтѣ къ Магвичу въ Новый Южный Валлисъ, или будете имѣть съ нимъ сношенія черезъ Провиса, сдѣлайте одолженіе извѣстите его, что подробный счетъ всѣхъ издержекъ будетъ вамъ присланъ, вмѣстѣ съ оставшимися деньгами, ибо все-таки есть еще остатокъ. Прощайте, Пипъ!

Мы пожали другъ другу руки и онъ пристально слѣдилъ за мною, какъ могъ долго. Я повернулся у двери—онъ все еще слѣдилъ за мною, а страшные слѣпки на полкѣ, казалось, старались открыть глаза и промолвить: „о! что это за человѣкъ!“

Уэммика не было въ конторѣ, да еслибъ онъ и былъ тутъ, то не былъ бы въ состояніи помочь моему горю. Я пошелъ прямо въ Темпель, и засталъ тамъ Провиса, въ безопасности, за пуншемъ и трубкою.

На другой день, принесли заказныя платья и Провисъ тотчасъ же надѣлъ ихъ. Но мнѣ казалось, что новое платье еще менѣе къ нему шло, чѣмъ старое; мнѣ казалось, что въ немъ самомъ было нѣчто, дѣлавшее тщетною всякую попытку замаскировать его. Чѣмъ лучше я его одѣвалъ, тѣмъ болѣе онъ походилъ на несчастнаго каторжника, видѣннаго мною нѣкогда на болотахъ; вѣроятно, отъ того, что я уже начиналъ привыкать къ нему, лицо его и манеры ежеминутно напоминали мнѣ знакомаго каторжника. Къ тому же онъ ковылялъ одной ногою, точно на ней была колодка. Вообще, все въ немъ отъ головы до ногъ ясно говорило мнѣ:—вотъ каторжникъ.

Кромѣ того его прежняя уединенная, пустынная жизнь придавала ему какой-то дикій видъ, котораго измѣнить нельзя было никакимъ переодѣваніемъ. Къ этому еще прибавимъ, что въ немъ ясно обнаруживалось вліяніе предыдущей постыдной жизни и тревожнаго сознанія, что онъ прячется отъ преслѣдованіи. Ѣлъ ли онъ, или пилъ, прохаживался ли по комнатѣ или вынималъ изъ кармана свой большой ножъ и принимался рѣзать мясо, во всѣхъ его малѣйшихъ движеніяхъ проглядывалъ, какъ нельзя яснѣе, арестантъ, каторжникъ, ссыльный.

Онъ хотѣлъ непремѣнно пудриться и я согласился на это, равно какъ и на короткіе штаны. Но Провисъ въ пудрѣ былъ такъ же страшенъ, какъ нарумяненый мертвецъ. Все, что мы хотѣли въ немъ скрыть, какъ-то страшно проглядывало сквозь маскировку. Пудру, однако, бросили тотчасъ послѣ первой пробы и онъ только коротко остригъ свои сѣдые волосы.

Словами нельзя передать, что я въ то время чувствовалъ; такъ страшна мнѣ казалась тайна этого человѣка. Когда онъ, по вечерамъ, засыпалъ въ креслѣ, тяжело опустивъ голову на грудь, я долго передъ нимъ сиживалъ, думая о томъ, что онъ сдѣлалъ въ своей жизни. Я приписывалъ ему всевозможныя преступленія, и до того воспламенялъ свое воображеніе, что не разъ думалъ бѣжать отъ него. Каждый часъ, каждая минута только увеличивали мое отвращеніе къ нему и я, право, палагаю, что въ первомъ порывѣ отчаянія, я поддался бы своимъ чувствамъ, и несмотря на все, что онъ для меня сдѣлалъ, бѣжалъ бы отъ него, еслибъ меня не удерживала мысль скоро увидѣться съ Гербертомъ. Однажды ночью, я, дѣйствительно, вскочилъ съ постели и сталъ поспѣшно одѣваться въ худшее свое платье, намѣреваясь оставить ему все свое имущество и отправиться въ Индію простымъ солдатомъ.

Сомнѣваюсь, чтобъ любое привидѣніе могло быть ужаснѣе для меня, явись оно мнѣ въ эти длинные вечера и ночи, пока вѣтеръ вылъ и дождь лилъ безъ умолку. Призрака не могли бы взять и повѣсить изъ-за меня, а мысль, что съ нимъ это могло случиться, не мало увеличивала мой страхъ. Когда онъ не спалъ и не раскладывалъ особаго рода пасьянсъ грязными своими картами (пасьянса этого я никогда ни прежде, ни послѣ, не видалъ), онъ иногда просилъ меня почитать ему. „По иностранному, милый мальчикъ“ говорилъ онъ. Пока я исполнялъ его желаніе, онъ, не понимая ни слова, бывало стоитъ у огня и смотритъ на меня съ видомъ собственника, а я чрезъ пальцы руки, которою заслонялъ лицо, замѣчалъ, что онъ будто молча приглашалъ мебель восхищаться моею образованностью. Мнимый мудрецъ, преслѣдуемый безобразнымъ существомъ, имъ же вызваннымъ, не былъ несчастнѣе меня, когда меня преслѣдовало существо, сдѣлавшее меня джентльменомъ; и, чѣмъ оно болѣе восхищалось мною, болѣе ласкало меня, тѣмъ чувствовалъ я къ нему большее отвращеніе. Мнѣ кажется, что здѣсь описано это ужасное для меня время, какъ будто оно длилось цѣлый годъ. Но оно длилось только пять дней. Въ ожиданіи Герберта я не смѣлъ выходить, развѣ только вечеромъ съ Провисомъ, чтобъ дать ему подышать свѣжимъ воздухомъ.

Наконецъ, однажды послѣ обѣда я уснулъ, совершенно утомленный (ночи мои были очень неспокойныя и я часто просыпался отъ ужасный сновидѣній),—я проснулся, услыхавъ знакомые шаги

на лѣстницѣ. Провисъ, также спавшій, вскочилъ при этомъ шумѣ и обнажилъ свой ножъ.

— Успокойтесь! Это Гербертъ!—сказалъ я. И Гербертъ вошелъ, освѣженный шестью стами миль, сдѣланныхъ имъ по Франціи.

— Гендель, любезный товарищъ, какъ ты поживаешь и что подѣлываешь? Мнѣ кажется, что я тебя цѣлый годъ не видалъ! Смотря потому, какъ ты похудѣлъ и поблѣднѣлъ, я готовъ въ самомъ дѣлѣ повѣрить этому! Гендель мой... Ахъ! извините, пожалуйста.—Видъ Провиса заставилъ его прекратить свою болтовню и пожиманіе рукъ. Провисъ, смотря на него съ усиленнымъ вниманіемъ, медленно спряталъ свой ножъ и что то искалъ въ другомъ карманѣ.

— Гербертъ, любезный другъ,—сказалъ я, затворивъ наружную дверь, пока онъ стоялъ въ удивленіи.—Случилось много страннаго въ твое отсутствіе. Это мой гость.

— Хорошо, хорошо, мальчикъ!—перебилъ Провисъ, выступая впередъ, съ своею маленькою черною книжкою и, обращаясь къ Герберту, сказалъ:

— Возьмите ее въ правую руку и порази васъ Господь Богъ на мѣстѣ, если вы въ чемъ измѣните! Поцѣлуйте ее.

— Сдѣлай то, что онъ проситъ, — сказалъ я Герберту, и когда онъ, взглянувъ на меня съ удивленіемъ, исполнилъ требованіе Провиса, тотъ пожалъ ему руку и сказалъ:

— Теперь помните же, что вы присягнули. И пусть я лгунъ, если Пипъ не сдѣлаетъ изъ васъ джентльмена!

Глава сорокъ первая.

Тщетна была попытка описать чувства, наполнявшія мою душу, и неловкое положеніе Герберта, пока, въ присутствіи Провиса, я раскрывалъ ему роковую тайну. Достаточно сказать, что мои собственныя чувства вѣрно отражались на лицѣ у Герберта, и между ними виднѣе другихъ выдавалось отвращеніе къ моему благодѣтелю.

Довольно было бы одного торжества, съ какимъ онъ слѣдилъ за моимъ разсказомъ, чтобъ поселить въ насъ отвращеніе къ нему. Кромѣ того, что со времени своего пріѣзда онъ однажды былъ „грубъ" (о чемъ онъ немедленно и сообщилъ Герберту по окончаніи моего разсказа) онъ не могъ представить себѣ другой помѣхи моему счастью. Онъ хвастался тѣмъ, что сдѣлалъ изъ меня джентльмена и дастъ мнѣ средства поддержать это званіе, и пришелъ къ заключенію, что намъ обоимъ есть чѣмъ похвалиться и похвастаться.

— Видите ли, Пиповъ товарищъ, сказалъ онъ Герберту послѣ продолжительнаго разсужденія: — я былъ грубъ на одну мину-

ту — я знаю, что былъ грубъ. Я сейчасъ же сказалъ Пипу, что не даромъ слѣлалъ изъ Пипа джентльмена, а Пипъ сдѣлаетъ изъ васъ джентльмепа, — я знаю, какъ мнѣ должно съ вами обращаться. Милый мой мальчикъ и Пиповъ товарищъ, вы оба можете быть увѣрены, что я на себя надѣну приличную узду. Ходилъ въ уздѣ, пока не выпустилъ того грубаго слова, и теперь въ уздѣ, и вѣкъ не сниму ея.

Гербертъ сказалъ: „разумѣется", но судя по его взорамъ, онъ далеко не видѣлъ въ этомъ большого утѣшенія и ставался озадаченнымъ и пораженнымъ. Мы съ нетерпѣніемъ ожидали минуты, когда онъ уйдетъ къ себѣ и оставитъ насъ вдвоемъ, но, кажется, ему не хотѣлось оставить насъ наединѣ, и онъ просидѣлъ довольно долго. Уже пробило полночь, когда я проводилъ его въ Эссексъ-Стритъ, гдѣ онъ вошелъ при мнѣ въ свою мрачную дверь. Когда дверь эта захлопнулась, я, впервые послѣ его пріѣзда, почувствовалъ минутное облегченіе.

Неспокойный съ тѣхъ поръ, какъ наткнулся на чужого человѣка на лѣстницѣ, я всегда осматривался, когда въ сумерки ходилъ за своимъ гостемъ и ночью возвращался съ нимъ, желая убѣдиться, что никто не слѣдуетъ за нами, и на этотъ разъ я осмотрѣлся на всѣ стороны. Какъ ни легко вообразить себѣ въ большомъ городѣ, что за вами слѣдятъ, но теперь я не замѣтилъ никого, кто бы, хоть сколько-нибудь, заботился обо мнѣ. Немногіе шедшіе по улицѣ, прошли каждый своей дорогой, и когда я повернулъ обратно въ Темпль, улица была пуста. Никто не выходилъ со мною изъ воротъ, никто не вошелъ за мною. Проходя мимо фонтана, я увидѣлъ, какъ окна его тихо и спокойно свѣтились въ темнотѣ, и Гарденъ-Кортъ, когда я остановился у двери дома, въ которомъ мы жили, былъ такъ же спокоенъ и безмолвенъ, какъ лѣстница, по которой я взобрался домой.

Гербертъ встрѣтилъ меня съ распростертыми объятіями, и я никогда не сознавалъ такъ сильно, какъ въ ту минуту, что за блаженство имѣть истиннаго друга. Произнеся нѣсколько словъ или, вѣрнѣе, звуковъ, въ утѣшеніе другъ другу, мы сѣли, чтобъ обсудить вопросъ: — что тутъ дѣлать?

Стулъ, на которомъ сидѣлъ Провисъ, еще стоялъ на томъ же мѣстѣ; Гербертъ взялъ его безсознательно, но въ ту же минуту вскочилъ и взялъ другой. Послѣ этого, ему не къ чему было признаваться въ своемъ отвращеніи къ моему благодѣтелю, которое и я раздѣлялъ довольно явно, чтобъ не нуждаться въ объясненіяхъ. Мы помѣнялись признаніями, не открывая рта.

— Что, что тутъ дѣлать? — сказалъ я, когда Гербертъ перешелъ на другой стулъ.

— Бѣдный, милый Гендель, — отвѣчалъ онъ: — я слишкомъ пораженъ, чтобъ здраво помышлять о чемъ бы то ни было.

— То же было и со мной, когда ударъ внезапно разразился. Но что нибудь да надо же предпринимать. Онъ хочетъ непремѣнно заводить лошадей, карету и всякую роскошь. Надо же остановить его какъ-нибудь.

— То-есть, ты не хочешь принять?..

— Могу ли я? — подхватилъ я, видя, что онъ остановился. — Подумай о немъ! Посмотри на него!

Мы оба невольно содрогнулись.

— Я боюсь, Гербертъ! Дѣло въ томъ, что онъ ко мнѣ сильно привязался. Видана ль когда подобная судьба?

— Бѣдный мой милый Гендель,—повторилъ Гербертъ.

— Да къ тому же,—сказалъ я:—вѣдь, остановись я сейчасъ же, не возьми я болѣе отъ него ни одного пенса, подумай, сколько я ему долженъ! Потомъ опять, у меня большіе долги, очень большіе для человѣка, не имѣющаго никакихъ надеждъ въ будущемъ, а я ни къ чему не подготовленъ, ни къ чему не годенъ.

— Ну, ну!—возразилъ Гербертъ:—ужъ не то, чтобъ ни къ чему не годенъ.

— Къ чему жъ я годенъ? На то развѣ годенъ, чтобъ пойти въ солдаты? Я, можетъ-быть, и отправился бы уже, еслибъ не желаніе поговорить и посовѣтоваться съ тобою, единственнымъ моимъ другомъ.

Я не могъ долѣе удержаться отъ слезъ; но Гербертъ только горячо пожалъ мнѣ руку и притворился, что ничего не замѣчаетъ.

— Во всякомъ случаѣ, милый Гендель,—сказалъ онъ:—идти въ солдаты послѣднее дѣло. Если ты откажешься отъ всѣхъ этихъ благъ, то, вѣроятно, въ надеждѣ когда-нибудь выплатить уже истраченныя на тебя деньги. А надежда эта была бы плохая, если бы ты пошелъ въ военную службу. Да къ тому же это безсмысленно. Тебѣ гораздо лучше поступить въ контору Кларикера. Вѣдь, ты знаешь, я скоро вхожу въ долю.

Бѣдняжка, онъ мало подозрѣвалъ—благодаря чьимъ деньгамъ.

— Другое обстоятельство еще то,—продолжалъ Гербертъ:— что онъ человѣкъ необразованный и рѣшительный, у котораго постоянно была въ головѣ одна мысль. Болѣе того, онъ, мнѣ кажется, хотя я могу и ошибаться, человѣкъ необузданнаго, отчаяннаго характера.

— Таковъ онъ въ самомъ дѣлѣ,—сказалъ я:—я могу привести тому доказательство. И я разсказалъ о встрѣчѣ его съ другимъ каторжникомъ, о чемъ умолчалъ въ своемъ вечернемъ разсказѣ.

— Ну, вотъ, видишь ли!—воскликнулъ Гербертъ. Подумай только объ этомъ! Онъ пріѣзжаетъ сюда съ опасностью жизни, чтобъ привести въ исполненіе мысль, постоянно его занимавшую. И въ самую минуту исполненія этой завѣтной мысли, послѣ столь-

кихъ лѣтъ труда и ожиданія, ты разрушаешь его планы, дѣлаешь тщетными для него накопленныя имъ богатства. Не догадываешься ли ты, что онъ можетъ сдѣлать въ подобныхъ обстоятельствахъ?

— Я только и думалъ, только и бредилъ объ этомъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ тутъ. Ничего не представлялось яснѣе моему уму, какъ то, что онъ отдастся въ руки правосудія.

— А ты можешь быть увѣренъ,—сказалъ Гербертъ:— что подобный поступокъ сопряженъ съ большою опасностью. Въ этомъ то заключается власть его надъ тобою, пока онъ въ Англіи. Онъ непремѣнно рѣшится на этотъ отчаянный поступокъ, если ты бросишь его.

Я былъ такъ пораженъ этой мыслью, постоянно меня преслѣдовавшею, что не могъ долѣе сидѣть на стулѣ, а сталъ ходить по комнатѣ, изъ одного угла въ другой; случись подобная вещь, я бы считалъ себя его убійцею, даже еслибъ онъ не предалъ себя добровольно. Въ сравненіи съ такою мыслію, было даже легко сносить его присутствіе, хотя я согласился бы охотно работать на кузницѣ во всѣ дни моей жизни, чтобъ избавиться отъ него.

Но не было возможности обойти вопросъ: что тутъ дѣлать?

— Первое и главное дѣло—удалить его изъ Англіи,—сказалъ Гербертъ:—тогда, пожалуй, удастся уговорить его и вовсе уѣхать.

— Но куда бы его ни отправили, онъ можетъ воротиться.

— Добрѣйшій Гендель, развѣ не очевидно, что объясниться съ нимъ здѣсь, по сосѣдству съ Ньюгетомъ, гораздо опаснѣе, чѣмъ гдѣ въ иномъ мѣстѣ. Когда бъ пріискать какой-нибудь предлогъ къ его удаленію, вотъ хоть напугать его тѣмъ колодникомъ, или чѣмъ нибудь инымъ. А ну, подумай-ка—не знаешь ли чего такого изъ его жизни?

— Увы!—воскликнулъ я, держа передъ Гербертомъ раскрытыя руки свои, будто на нихъ лежала вся горечь моей участи.—Я ничего не знаю о его жизни. Когда по ночамъ я сиживалъ съ нимъ здѣсь передъ огнемъ, меня просто сводила съ ума ужасная мысль, что я его знаю только, какъ злодѣя, который въ дѣтствѣ два дня сряду пугалъ меня до смерти!

Гербертъ всталъ, взялъ мою руку и мы стали медленно ходить взадъ и впередъ по ковру, слѣдуя за его узорами.

— Гендель, — сказалъ Гербертъ, останавливаясь: — ты убѣжденъ, что не можешь болѣе ничѣмъ отъ него пользоваться, не такъ ли?

— Совершенно. И я увѣренъ, что и ты на моемъ мѣстѣ поступилъ бы не иначе.

— И ты убѣжденъ, что долженъ съ нимъ разойтись?

— Можешь ли ты сомнѣваться, Гербертъ?

— Но ты обязанъ пещись о немъ и стараться спасти его отъ угрожающей опасности. Ты долженъ, слѣдовательно, прежде всего

удалить его изъ Англіи, а потомъ уже позаботиться о себѣ. А разъ, ты его выпроводилъ, ради Бога, постарайся вылѣзть изъ этой петли, и тогда уже, милый Гендель, мы вмѣстѣ постараемся устроить свои дѣла.

Мнѣ было уже большимъ утѣшеніемъ пожать ему при этомъ руку и продолжать нашу прогулку по ковру, будто онъ своимъ совѣтомъ на сколько нибудь подвинулъ дѣло.

— Ну, Гербертъ,—сказалъ я,—что касается до того, чтобъ вывѣдать у него подробности его жизни, то, мнѣ кажется, на это нѣтъ другого средства, какъ прямо попросить его разсказать свою исторію.

— Да. Спроси его,—сказалъ Гербертъ,—за завтракомъ, по утру. Прощаясь, онъ объявилъ, что придетъ къ намъ завтракать.

Съ этими планами въ головѣ мы улеглись спать. Мнѣ снились самые дикіе сны о немъ, и я проснулся на другое утро, вовсе не освѣжившись сномъ—все съ тою же мыслію въ головѣ, что его поймаютъ, какъ бѣглаго ссыльнаго. На яву эта мысль не покидала меня ни на минуту.

Онъ пришелъ въ назначенное время, вынулъ свой ножъ и усѣлся у накрытаго стола. Онъ только и говорилъ о томъ, какъ „его джентльменъ покажетъ себя настоящимъ джентльменомъ“, и совѣтовалъ мнѣ приняться поскорѣе за бумажникъ, который онъ мнѣ передалъ. Онъ смотрѣлъ на наши комнаты и на свою квартиру, какъ на временное помѣщеніе, и совѣтовалъ мнѣ не медля пріискать „уголъ по-важнѣе“, гдѣ бы и ему найти „привалъ“, въ случаѣ нужды. Когда онъ окончилъ свой завтракъ и обтиралъ свой ножъ объ ногу, я сказалъ ему безъ малѣйшаго предисловія:

— Послѣ того, какъ вы ушли вчера вечеромъ, я разсказалъ моему другу о томъ, какъ вы боролись во рву съ незнакомымъ мнѣ человѣкомъ, когда мы подоспѣли съ солдатами. Помните?

— Помню ли?—сказалъ онъ:—я думаю, что такъ!

— Намъ бы хотѣлось узнать поболѣе о васъ и о томъ человѣкѣ. Странно ничего не знать о немъ, и въ особенности о васъ, кромѣ того, что я могъ разсказывать вчера. Теперь, кажется, прислѣло время услышать отъ васъ подробности вашей жизни.

— Ну!—сказалъ онъ, подумавъ немного. Помните жъ, что вы присягали, Пиповъ товарищъ.

— Разумѣется,—возразилъ Гербертъ.

— Чтобъ я ни разсказалъ,—продолжалъ онъ:—присяга остается присягой.

— Извѣстно,—подтвердилъ Гербертъ.

— И не забудьте, что все, чтобъ я ни сдѣлалъ, я загладилъ своимъ трудомъ.

— Такъ, такъ!

Онъ вынулъ свою черную трубку и хотѣлъ было набить ее, но

потомъ раздумалъ, опасаясь, вѣроятно, чтобъ куреніе ему не помѣшало разсказывать. Онъ спряталъ въ карманъ свой негрскій табакъ, прицѣпилъ трубку къ пуговицѣ сюртука, положилъ руки на колѣни и, сурово посмотрѣвъ нѣсколько времени на огонь, началъ свой разсказъ.

Глава сорокъ вторая.

— Милый мой мальчикъ и Пиповъ товарищъ, я не стану распространяться, разсказывая мою жизнь, словно пѣсню или сказку какую; но, чтобы изложить ее коротко и ясно разомъ передамъ ее въ немногихъ словахъ. Въ тюрьму и изъ тюрьмы—вотъ и вся жизнь, вся моя жизнь до тѣхъ поръ, пока я не сошелся съ Пипомъ и меня не отправили за море.

Я все испыталъ, развѣ что не отвѣдалъ висѣлицы. Меня прятали, словно дорогое сокровище; меня таскали туда и сюда, изгоняли то изъ одного города, то изъ другого; сидѣлъ я въ рабочемъ домѣ, били меня, мучили и гоняли. Я не болѣе васъ знаю о мѣстѣ своего рожденія; я, впервые, помню себя въ Эссексѣ, гдѣ я воровалъ рѣпу для утоленія голода. Кто-то пустился за мной и, сильно побивъ меня, наконецъ отпустилъ. Я зналъ, что меня зовутъ Магвичъ, а крещенъ былъ Авелемъ. А какъ я это узналъ? Да въ родѣ того, какъ узналъ, что птицу въ лѣсу зовутъ, какую воробьемъ, какую синицей.

Сколько могъ я замѣтить, не было человѣка, какъ бы ничтоженъ онъ ни былъ, который, завидѣвъ молодого Авеля Магвича, не избѣгалъ бы его, не прогонялъ, или не билъ бы его. Меня сажали въ тюрьму, сажали до того часто, что я рѣшительно выросъ въ заключеніи.

Такимъ образомъ случилось, что хотя я былъ маленькимъ несчастнымъ, оборваннымъ существомъ, достойнымъ сожалѣнія (впрочемъ, я никогда не видалъ себя въ зеркалѣ, ибо зналъ очень немногіе дома, гдѣ зеркала водились), меня уже считали всѣ неисправимымъ. „Вотъ самый закоснѣлый (говорили тюремщики посѣтителямъ, указывая на меня): онъ, можно сказать навѣрно, всю жизнь проведетъ въ тюрьмѣ“. Потомъ посмотрятъ на меня, а я на нихъ. Иные щупали мою голову; лучше, еслибъ пощупали мой желудокъ; другіе давали мнѣ нравоучительныя книги и говорили рѣчи, которыхъ я не могъ понять; толковали что-то о дьяволѣ, но что мнѣ было до дьявола? Мнѣ необходимо было набить себѣ брюхо—не такъ ли? Я, кажется, снова выразился грубо; но не безпокойтесь, мой мальчикъ и Пиповъ товарищъ, я знаю, какъ должно вести себя при васъ; я болѣе не стану грубо выражаться.

Шляясь, прося милостыню, воруя, работая иногда, когда могъ—впрочемъ, не такъ то часто, какъ вы сами поймете, если

зададите себѣ вопросъ: согласились ли бы вы тогда дать мнѣ работу?—работая по-временамъ полевымъ работникомъ, иногда извозчикомъ, косцомъ или каменщикомъ и, испытавъ всѣ ремесла, дающія много труда и мало вознагражденія, я подросъ и сдѣлался мужчиной. Бѣглый солдатъ, прятавшійся подъ кучею лохмотьевъ, выучилъ меня читать; а странствующій великанъ, готовый приложить свою подпись ко всякому дѣлу за одинъ пенсъ, выучилъ меня писать. Теперь меня не такъ часто сажали въ тюрьму, какъ прежде, но все-таки и теперь я не разъ испытывалъ удовольствіе сидѣть взаперти.

На эпсомскихъ скачкахъ, тому лѣтъ двадцать, познакомился я съ человѣкомъ, которому бы я теперь раскроилъ черепъ ломомъ, еслибъ встрѣтился съ нимъ. Его настоящее имя было Компесонъ; и, милый мальчикъ, этого-то человѣка я и душилъ, какъ вы справедливо разсказали вашему пріятелю, вчера послѣ моего ухода. Онъ представлялся джентльменомъ, онъ былъ воспитанъ въ училищѣ и былъ хорошо образованъ; онъ ловко говорилъ и задавалъ тону. Съ виду онъ былъ очень приличенъ. Накапунѣ большихъ скачекъ, я засталъ его у камина гостинницы, которую я посѣщалъ. Компесонъ сидѣлъ съ многими другими, когда я вошелъ, и содержатель гостинницы, большой плутъ, хорошо меня знавшій, вызвалъ его и сказалъ: „Я вамъ, кажется, нашелъ годнаго человѣка“, и указалъ на меня.

Компесонъ взглянулъ на меня съ большимъ вниманіемъ, а я на него. На немъ были часы съ цѣпочкой, кольцо, булавка и очень хорошее платье.

— Если судить по наружности, вамъ не везетъ теперь?—сказалъ Компесонъ, обращаясь ко мнѣ.

— Да, сударь, мнѣ никогда ни въ чемъ не везло.

(Я недавно былъ выпущенъ изъ Кингстонской тюрьмы, гдѣ сидѣлъ за бродяжничество; водились за мною и другіе грѣхи, да на этотъ разъ я попался только за бродяжничество).

— Счастье перемѣнчиво,—сказалъ Компесонъ:—ваша судьба можетъ скоро измѣниться къ лучшему.

— Надѣюсь, что такъ,—отвѣчалъ я.

— Что же вы умѣете дѣлать?—спросилъ Компесонъ.

— Ѣсть и пить,—сказалъ я:—если вы мнѣ дадите на что.

Компесонъ засмѣялся, опять посмотрѣлъ на меня очень внимательно, далъ мнѣ пять шиллинговъ и назначилъ свиданье на слѣдующую ночь въ той же гостинницѣ.

Я явился на свиданіе, и Компесонъ принялъ меня къ себѣ въ сотоварищи и помощники. Въ чемъ заключались дѣла Компесона, въ которыхъ я долженъ былъ ему помогать? Компесоновы занятія заключались въ надувательствѣ, въ поддѣлкѣ подписей, въ пускaніи въ ходъ краденыхъ банковыхъ билетовъ и т. д.: Компесонъ за-

нимался всякаго рода мошенничествомъ, которое только могъ придумать, стараясь при томъ оградить свою особу отъ дурныхъ послѣдствій. У него столько же было чувства, какъ у желѣзнаго напилка; онъ былъ холоднѣе мертвеца, а умъ у него былъ чертовскій. Съ Компесономъ дѣйствовалъ заодно еще нѣкто, по имени Артуръ; не то, чтобъ его этимъ именемъ окрестили, а только по прозванію. Онъ совершенно отощалъ и походилъ на тѣнь; онъ съ Компесономъ участвовалъ въ какомъ то грязномъ дѣлѣ съ одной леди, нѣсколько лѣтъ назадъ и они добыли отъ нея много денегъ; но Компесонъ промоталъ свои на пари и въ карты, а Артуръ поплатился за разныя продѣлки значительными штрафами. Такимъ образомъ, Артуръ умиралъ въ чрезвычайно бѣдственномъ и совершенно безпомощномъ состояніи, но въ немъ приняла участіе жена Компесона (сильно страдавшая отъ побоевъ мужа). Компесонъ же никому не оказывалъ участія и никому не помогалъ.

Видѣвъ участь Артура, я могъ бы остеречься, но я этого не сдѣлалъ; не то, чтобъ я хотѣлъ выказать себя чѣмъ-нибудь особеннымъ; нѣтъ, милый мальчикъ и Пиповъ товарищъ. Такимъ образомъ, я сталъ содѣйствовать Компесону въ его продѣлкахъ, сталъ простымъ орудіемъ въ его рукахъ. Артуръ жилъ на чердакѣ, у Компесона (далеко за Брентфордомъ), и Компесонъ велъ строгій счетъ его долгамъ за квартиру и ѣду, чтобъ, если онъ когда-нибудь выздоровѣетъ, заставить его заработать всѣ издержки; но Артуръ скоро покончилъ счеты. На второй или третій разъ послѣ первой нашей встрѣчи, онъ вошелъ въ комнату Компесона въ фланелевомъ халатѣ, весь въ поту, съ растрепанными волосами и, обращаясь къ женѣ Компесона, сказалъ:

— Салли, она всюду преслѣдуетъ меня, и я никакъ не могу отдѣлаться отъ нея. Она вся въ бѣломъ, съ бѣлыми цвѣтами въ волосахъ; смотритъ, какъ сумасшедшая, и, держа саванъ на рукахъ, грозитъ накрыть имъ меня въ пять часовъ утра.

На это Компесонъ возразилъ:

— Какимъ ты дуракомъ сталъ? Развѣ не знаешь, что она еще жива? Возможно ли ей явиться въ комнату, не пройдя черезъ дверь или окошко, а потомъ по лѣстницѣ?

— Не знаю, какъ она туда попала,—сказалъ Артуръ, дрожа отъ страха,—но она стоитъ въ углу, у ногъ кровати, и такъ ужасно смотритъ. Я видѣлъ капли крови на ея сердцѣ, которое вы разбили.

Компесонъ бойко говорилъ, хотя и сильно трусилъ.

— Сведите наверхъ больного; онъ въ бреду,—сказалъ онъ своей женѣ:—а вы, Магвичъ, пожалуйста, помогите ей.

Самъ же онъ и съ мѣста не двинулся. Мы съ женою Компесона снесли больного наверхъ и уложили въ кровать, гдѣ онъ продолжалъ бредить:

— Смотрите!—вскрикивалъ онъ:—она грозитъ мнѣ саваномъ! Видите вы ее? Взгляните на ея глаза! Не ужасна ли она?

Спустя нѣкоторое время онъ снова кричалъ:

— Она накроетъ меня и тогда я пропалъ! Отнимите у нея саванъ, отнимите его!

Тутъ схватывалъ онъ насъ, продолжая говорить съ привидѣніемъ, и довелъ меня до того, что и я вообразилъ, что вижу передъ собою призракъ.

Жена Компесона, болѣе знавшая его, дала ему выпить какой-то водки, и онъ понемногу успокоился.

— О, она ушла! Что, ее въ сумасшедшій домъ отвели?—спросилъ онъ.

— Да,—отвѣчала жена Компесона.

— Приказали ли вы ее хорошенько сторожить и не выпускать?

— Да.

— И отнятъ отъ нея саванъ?

— Да, да, все это сдѣлано.

— Вы добрая женщина. Не оставляйте меня ни подъ какимъ предлогомъ. Благодарю васъ.

Онъ спокойно провелъ ночь до пяти часовъ, когда съ ужаснымъ крикомъ вскочилъ и закричалъ:

— Она здѣсь! Опять съ саваномъ! Она развернула его и выходитъ изъ угла! Подходитъ къ кровати... Держите меня оба съ каждой стороны, не давайте ей дотронуться до меня! А, она промахнулась на этотъ разъ! Не дайте накинуть на меня савана. Не позволяйте ей поднимать меня! Она поднимаетъ меня! Держите меня!

Тутъ онъ сильно приподнялся и упалъ мертвый.

Компесонъ принялъ это извѣстіе, какъ нельзя спокойнѣе. Мы съ нимъ вскорѣ занялись. Но сначала, по своей хитрости, онъ поклялся мнѣ надъ моей книгой, надъ этой маленькой черной книжкой, милый мальчикъ, надъ которой присягалъ мнѣ вашъ товарищъ.

Разсказать вамъ всѣ предпріятія Компесона, въ которыхъ я участвовалъ заняло бы цѣлую недѣлю; я вамъ просто скажу, милый мальчикъ и Пиповъ товарищъ, что этотъ человѣкъ до того запуталъ меня въ свои сѣти, что я сдѣлался его рабомъ. Я постоянно былъ въ долгу у него, постоянно подъ его ярмомъ, постоянно работалъ и былъ постоянно въ опасности. Онъ былъ моложе меня, но за то умнѣе и образованнѣе, и потому разъ пятьсотъ обманывалъ меня безъ всякой пощады. Миссъ, съ которой я тогда водился... но, нѣтъ, я про нее не хочу говорить.

При этомъ онъ сталъ вглядываться, какъ будто потерялъ нить своего разсказа и, повернувшись лицомъ къ огню, положилъ руки на колѣни, потомъ поднялъ ихъ и опять опустилъ.

— Нѣтъ нужды вамъ это разсказывать,—сказалъ онъ, опять оглядываясь.—Время работы у Компесона было для меня самое трудное. Разсказывалъ я вамъ, какимъ образомъ меня присудили за мошенничество, хотя мы съ Компесономъ вмѣстѣ работали?

Я отвѣтилъ, „нѣтъ“.

— Хорошо!—сказалъ онъ.—Меня присудили и наказали на этотъ разъ. Въ промежуткѣ четырехъ или пяти лѣтъ нашего товарищества, насъ раза три арестовали по подозрѣнію, но за неимѣніемъ явныхъ уликъ всякій разъ отпускали. Наконецъ, насъ взяли съ Компесономъ по обвиненію въ продажѣ ворованныхъ банковыхъ билетовъ; кромѣ того представили на насъ и другія жалобы. Компесонъ сказалъ мнѣ, „давайте отдѣльно защищаться, не сообщаясь другъ съ другомъ“ и больше ничего. Я тогда такъ былъ бѣденъ, что продалъ все платье, кромѣ того, что было на мнѣ, чтобъ нанять себѣ мистера Джаггерса.

Когда насъ привели въ судъ, я замѣтилъ, какимъ джентльменомъ смотрѣлъ Компесонъ, съ завитыми волосами и съ бѣлымъ носовымъ платкомъ, и какимъ несчастнымъ я выглядывалъ. Когда началось засѣданіе и опрашивали свидѣтелей, я замѣтилъ, какъ тяжело падали на меня всѣ улики, едва касаясь его; я всегда былъ впереди, и потому меня легко могли присудить, оттого, что, казалось, будто я все дѣлалъ и всегда получалъ деньги, всю прибыль. Но когда началась защита адвоката, я яснѣе распознавалъ въ чемъ дѣло. Адвокатъ Компесона началъ:—„Милорды и джентльмены, вы видите, что стоятъ рядомъ два человѣка, которыхъ ваши глаза ясно могутъ различить: одинъ изъ нихъ, младшій, получилъ хорошее воспитаніе, и слѣдуетъ съ нимъ согласно съ этимъ поступать; другой, старшій, безъ всякаго воспитанія, и съ нимъ поступать слѣдуетъ сообразно съ его качествами. Младшій, рѣдко или даже почти не замѣченъ въ мошенничествѣ и здѣсь только по подозрѣнію. Старшій былъ часто обвиняемъ въ плутняхъ и постоянно оказывался виновнымъ. Можете ли вы сомнѣваться, что здѣсь одинъ только виноватъ, а если оба, то кто изъ нихъ болѣе виновенъ?“ А когда стали описывать нашу прежнюю жизнь, то вывели, что друзья и товарищи Компесона состояли въ такихъ то должностяхъ, что его многіе знали членомъ такихъ то клубовъ и обществъ, и все въ его пользу. А меня развѣ не присуждали уже въ прежніе годы, развѣ меня не знали всюду, какъ негодяя? Когда пришлось намъ лично говорить, Компесонъ сталъ держать рѣчь, по временамъ поднося къ лицу носовой платокъ, включая въ нее даже стихи, я же ничего не могъ сказать кромѣ одного:—„джентльмены, этотъ человѣкъ, что стоитъ рядомъ со мною величайшій мошенникъ“. Когда объявили рѣшеніе суда, я узналъ, что Компесона участь смягчили, въ уваженіе его прежней хорошей жизни и худого общества, въ которомъ

онъ находился послѣднее время; меня же признали виновнымъ во всемъ. Тутъ я сказалъ Компесону:—„Какъ только выйдемъ отсюда, я тебѣ черепъ размозжу!“ Компесонъ просилъ судью о защитѣ, и потому между нами поставили двухъ тюремщиковъ. Его присудили къ семилѣтнему заключенію, а меня къ четырнадцатилѣтнему, и судья изъявилъ сожалѣніе о немъ, а обо мнѣ замѣтилъ, что „я старый грѣшникъ, что не только никогда не исправлюсь, но стану еще хуже“.

Внутреннее волненіе Провиса все возрастало, но онъ имъ наконецъ совладалъ и, тяжело вздохнувъ раза два, протянулъ мнѣ руку, говоря:—„Я не буду грубъ“, мой милый мальчикъ.—Онъ до того разгорячился, что долженъ былъ обтереть платкомъ лицо, голову, шею и руки, прежде чѣмъ могъ продолжать.

— Я сказалъ Компесону, что размозжу ему голову, призывая Бога въ свидѣтели. Насъ назначали на работу на одномъ и томъ же понтонѣ, но я, какъ ни старался, не могъ поймать его. Наконецъ, подкараулилъ я его и, подбѣжавъ сзади, ударилъ по щекѣ, чтобы заставить его оборотиться и удобнѣе размозжить ему голову, но меня замѣтили и схватили. Арестантская на этомъ понтонѣ не слишкомъ была надежна для человѣка, хорошо знакомаго съ этими заведеніями и умѣвшаго отлично плавать и нырять. Я убѣжалъ на берегъ и скрывался между могилами, завидуя тѣмъ, кто лежалъ въ нихъ, пока не встрѣтилъ моего мальчика.

Онъ взглянулъ на меня съ выраженіемъ такой привязанности, что мнѣ стало дурно, хотя я и чувствовалъ большую къ нему жалость.

— Мальчикъ мой сообщилъ мнѣ, что Компесонъ скрывался въ болотахъ. Ей-Богу, кажется, одинъ страхъ опять встрѣтиться со мною заставилъ его бѣжать, не зная, что я уже на берегу! Я, наконецъ, затравилъ его и размозжилъ ему лицо.—„Теперь, сказалъ я, не заботясь о собственной участи, не могу ничего хуже выдумать, какъ притащить тебя назадъ на понтонъ“. И, дѣйствительно, собирался исполнить свое намѣреніе, когда помѣшали солдаты.

Разумѣется, ему стало отъ этого еще лучше; его всѣ считали хорошимъ человѣкомъ. Говорили, что онъ бѣжалъ только со страху, чтобъ избавиться отъ моихъ побоевъ и угрозъ и потому его слегка наказали. Меня же заковали въ цѣпи, снова судили и сослали на всю жизнь. Но я не остался тамъ на всю жизнь, милый мальчикъ и Пиповъ товарищъ, иначе вы не видали бы меня здѣсь.

Онъ попрежнему обтерся, медленно вынулъ изъ кармана свертокъ табаку, вытащилъ трубку изъ петли жилета, набилъ ее и закурилъ.

— Онъ умеръ?—спросилъ я послѣ нѣкотораго молчанія.

— Кто умеръ, мой мальчикъ?

— Компесонъ?

— Если онъ еще живъ, то, навѣрное, думаетъ, что я умеръ,— грозно произнесъ онъ.—Я ничего болѣе о немъ не слышалъ.

Гербертъ въ это время писалъ карандашемъ на переплетѣ книги, а тутъ слегка придвинулъ ее ко мнѣ, пока Провисъ курилъ, глядя на огонь. Я прочелъ:

„Молодого Хевишемъ звали Артуромъ, а Компесонъ тотъ самый, что прикидывался любовникомъ миссъ Хевишемъ“.

Я закрылъ книжку, утвердительно кивнулъ Герберту, и затѣмъ спряталъ эту книгу. Но никто изъ насъ не проронилъ ни слова и мы оба продолжали смотрѣть на Провиса, пока онъ курилъ у камина

Глава сорокъ третья.

Зачѣмъ мнѣ останавливаться надъ вопросомъ, на сколько Эстелла была причиною моего отвращенія къ Провису? Зачѣмъ мнѣ медлить на дорогѣ, для сравненія расположенія духа, въ которомъ я находился, когда передъ встрѣчею съ нею въ конторѣ дилижансовъ, старался смыть съ себя всякій слѣдъ ньюгетской тюрьмы, съ тѣмъ отчаяніемъ, съ которымъ я теперь измѣрялъ бездну, раздѣлявшую Эстеллу, въ ея гордости и красстѣ, отъ меня, въ моемъ униженіи? Дорога не стала бы ровнѣе, она привела бы къ тому же концу.

Новое опасеніе вкралось въ мою душу послѣ его разсказа; или вѣрнѣе, его разсказъ далъ образъ и цѣль уже зародившемуся опасенію. Компесонъ еще живъ и можетъ узнать о его возвращеніи, и тогда нечего и сомнѣваться въ послѣдствіяхъ. Что Компесонъ сильно боялся его, никто не зналъ лучше меня, и едва ли, можно было сомнѣваться, чтобъ подобный человѣкъ не постарался бы отдѣлаться отъ опаснаго врага, посредствомъ доноса.

Никогда не говорилъ я, и не хотѣлъ говорить Провису ни слова объ Эстеллѣ. Но я говорилъ Герберту, что до отъѣзда моего за границу, мнѣ необходимо навѣстить Эстеллу и миссъ Хевишемъ.

Я сообщилъ ему объ этомъ въ ту ночь, когда мы оставались наединѣ, за день передъ тѣмъ, какъ Провисъ разсказалъ намъ свою исторію. Я рѣшился ѣхать въ Ричмондъ на слѣдующій день и, дѣйствительно, поѣхалъ.

Когда я вошелъ къ мистриссъ Брэндли, служанка Эстеллы сообщила мнѣ, что ея госпожа уѣхала.

— Куда?

— Въ Сатисъ-Гаусъ, къ миссъ Хевишемъ, какъ всегда.

— Не какъ всегда,—сказалъ я;—она прежде никогда не ѣздила туда безъ меня. Когда же она вернется? Отвѣтъ былъ столь неопредѣленный, что увеличилъ мое недоумѣніе. Она отвѣчала, что ея госпожа, вѣротяно, вернется только на короткое время. Я ничего не могъ понять изъ этого, развѣ, что отъ меня нарочно

хотѣли скрыть сущность дѣла, и потому вернулся домой совершенно разстроенный. Другое ночное совѣщаніе съ Гербертомъ, послѣ ухода Провиса (я всегда провожалъ его домой и хорошо при этомъ осматривался), привело насъ къ рѣшенію:—не говорить ничего о заграничномъ путешествіи, пока я не возвращусь отъ миссъ Хевишемъ.

Въ это время Гербертъ и я должны были, сами по себѣ, обдумать какой предлогъ удобнѣе употребить:—боязнь ли, что онъ находится подъ подозрительнымъ надзоромъ, или что мнѣ, не бывшему никогда заграницею, хотѣлось бы попутешествовать? Мы знали, что мнѣ стоитъ только предложить что-нибудь, чтобъ онъ тотчасъ же согласился.

На слѣдующій день, я унизился до того, что притворился будто бы обѣщалъ навѣстить Джо. Я въ состояніи былъ спуститься до всякой почти гнусности, касательно Джо. Провису слѣдовало быть очень осторожнымъ въ моемъ отсутствіи и Герберту замѣнить меня при немъ. Я же долженъ быть въ отлучкѣ одну только ночь, и, по возвращеніи своемъ, удовлетворить его нетерпѣніе пышнымъ отъѣздомъ за границу. Мнѣ тогда пришло на мысль и, какъ я послѣ узналъ, такъ же и Герберту, что легче всего можно было бы увезти его подъ предлогомъ разныхъ закупокъ.

Приготовившись такимъ образомъ къ поѣздкѣ къ миссъ Хевишемъ, я отправился въ утреннемъ дилижансѣ еще до разсвѣта и уже былъ на большой загородной дорогѣ, когда день сталъ постепенно появляться, медленно дрожа, окруженный обломками и лохмотьями тумана, какъ нищій.

Когда мы подъѣхали къ „Синему Вепрю“ послѣ тряской ѣзды, кто, какъ вы думаете, вышелъ изъ воротъ посмотрѣть на дилижансъ?—Бентлей Друммель, съ зубочисткой въ зубахъ.

Онъ притворился, что не видитъ меня, и я сдѣлалъ то же; впрочемъ, плохое было притворство съ обѣихъ сторонъ, тѣмъ болѣе, что мы оба взошли въ столовую, гдѣ онъ только что кончилъ, а я заказалъ себѣ завтракъ. Мнѣ было очень горько видѣть его въ городѣ, ибо я зналъ очень хорошо, почему онъ тамъ.

Присѣвъ къ столу, пока онъ стоялъ у камина, я взялъ грязную газету давно прошедшихъ дней, на которой было менѣе четкихъ словъ, чѣмъ пятенъ отъ кофея, сажи, масла и вина. Подъ конецъ мнѣ стало невыносимо видѣть, какъ онъ торчитъ у камина и я всталъ съ намѣреніемъ также воспользоваться огнемъ. Я подошелъ къ камину и протянулъ руки за его ногами, чтобъ достать кочергу и помѣшать уголь, все еще притворяясь, что не узнаю его.

— Насмѣшка это что-ли?—спросилъ Друммель.

— О,—отвѣтилъ я, держа ломъ въ рукахъ:—это вы, въ самомъ дѣлѣ? Какъ ваше здоровье? Я удивлялся, кто заслонялъ

огонь. Съ этими словами, я сильно помѣшалъ уголья и вталъ рядомъ съ Друммелемъ спиною къ огню.

— Вы только что пріѣхали?—спросилъ онъ, слегка толкая меня плечомъ.

— Да, — отвѣчалъ я, слегка толкая его плечомъ въ свою очередь.

— Скверная мѣстность,—сказалъ Друммель. Вы здѣшній, я полагаю?

— Да,—отвѣтилъ я. Мнѣ сказывали, что здѣшняя страна имѣетъ большое сходство съ вашимъ Шропширомъ.

— Никакого,—сказалъ Друммель.

Тутъ мистеръ Друммель взглянулъ на свои сапоги, а я на свои; потомъ онъ поглядѣлъ на мои, а я на его сапоги.

— Вы давно здѣсь?—спросилъ я, рѣшившись не отступать.

— Довольно долго, чтобъ городишка успѣлъ мнѣ надоѣсть,—возразилъ Друммель, притворно зѣвая и съ тою же рѣшимостью.

— А долго пробудете здѣсь?

— Не знаю,—отвѣтилъ Друммель. А вы?

— Не знаю,—сказалъ я.

Тутъ почувствовалъ я, по волненію въ крови, что если мистеръ Друммель, хотя слегка задѣнетъ меня плечомъ я его выброшу за окно, а такъ же, если я его задѣну плечомъ, мистеръ Друммель броситъ меня въ ближайшую яму.

Онъ сталъ свистать. Я то же.

— Я слышалъ, что здѣсь въ окрестностяхъ много болотъ?—сказалъ Друммель.

— Да. Но что жъ изъ этого?—спросилъ я.

Мистеръ Друммель взглянулъ на меня, потомъ на мои сапоги, и сказалъ:—о! и засмѣялся.

— Вамъ весело, мистеръ Друммель?

— Нѣтъ,—сказалъ онъ, не особенно. Я хочу проѣхаться верхомъ и для забавы осмотрѣть болота. Мнѣ сказывали, что тамъ, вдали отъ дороги, есть деревни, гостиницы, кузницы и разное такое. Эй, человѣкъ!

— Что прикажете?

— Готова моя лошадь?

— У крыльца, сударь.

— Слушай. Дама не поѣдетъ сегодня. Погода не хороша.

— Слушаю-съ, сударь.

Тутъ Друммель взглянулъ на меня съ выраженіемъ обиднаго торжества, которое меня поразило до глубины сердца и, какъ бы онъ ни былъ глупъ, это до того разсердило меня, что я готовъ былъ, какъ разбойникъ въ сказкѣ, схватить его и посадить въ огонь. Одно было ясно намъ обоимъ, что безъ посторонней помощи, ни одному изъ насъ не отойти отъ камина. Такъ мы продолжали стоять,

плечо къ плечу, нога къ ногѣ, держа руки за собою и не двигаясь ни на волосъ. Лошадь видна была у подъѣзда, мой завтракъ уже былъ настолѣ, лакей предложилъ мнѣ сѣсть къ столу. Я кивнулъ головой, но мы оба остались на мѣстѣ.

— Давно были вы въ клубѣ?—спросилъ Друммель.

— Нѣтъ,—сказалъ я.—Послѣдній разъ, когда я тамъ былъ, зяблики надоѣли мнѣ.

— Это было, когда мы съ вами не сошлись въ мнѣніяхъ?

— Да,—отрывисто сказалъ я.

— Да! да! Вы тогда легко отдѣлались,—колко замѣтилъ Друммель. Вамъ не слѣдовало выходитъ изъ терпѣнья.

— Мистеръ Друммель,—сказалъ я,—вы не въ состояніи давать совѣтъ въ этомъ случаѣ. Если я и выхожу изъ терпѣнья (хотя тогда я вовсе и не выходилъ изъ терпѣнія), то никогда не бросаюсь стаканами.

— А я бросаюсь,—сказалъ Друммель.

Взглянувъ на него, съ возрастающею яростью, я сказалъ:

— Мистеръ Друммель, я не искалъ разговора съ вами и вовсе не считаю его пріятнымъ.

— Я съ этимъ согласенъ,—отвѣтилъ онъ, глядя черезъ плечо:—и потому ни во что его не ставлю.

— Поэтому я попрошу васъ прекратить и на будущее время всякія сношенія между нами.

— Я совершенно съ вами согласенъ,—сказалъ Друммель, и я бы самъ предложилъ вамъ это, даже, вѣроятно, прервалъ бы съ вами сношенія безо всякаго предложенія. Но не теряйте терпѣнія. Развѣ вы и безъ того не довольно потеряли?

— Что вы этимъ хотите сказать, сударь?

— Эй, человѣкъ!—крикнулъ Друммель, вмѣсто отвѣта.

Лакей явился.

— Послушай ты! Хорошо ли ты понялъ, что молодая леди не поѣдетъ верхомъ и что я сегодня обѣдаю у молодой леди?

— Точно такъ, сударь.

Тутъ лакей дотронулся рукой до моего простывшаго чая и, взглянувъ на меня умоляющимъ взоромъ, вышелъ изъ комнаты. Друммель, остерегаясь, чтобъ не дотронуться до моего плеча, вынулъ изъ кармана сигару и откусилъ кончикъ, все таки не показывая виду, что хочетъ отойти. Задыхаясь и кипя отъ гнѣва, я чувствовалъ, что нельзя было продолжать разговоръ, не упоминая имени Эстеллы, котораго я не могъ бы слышать отъ него; и потому я безсмысленно сталъ глядѣть на противоположную стѣну, какъ будто никого не было въ комнатѣ, и продолжалъ хранить молчаніе. Какъ долго продолжалась бы эта смѣшная продѣлка, не знаю, еслибъ не вошли въ столовую три фермера, подосланные, я полагаю, лакеемъ, которые вошли, растегивая сюртуки и потирая руки

и которымъ, такъ какъ они направились къ камину, мы должны были дать мѣсто. Я увидѣлъ въ окно, какъ Друммель, схватившись за гриву лошади, неуклюже усѣлся и уѣхалъ, подпрыгивая и качаясь. Я воображалъ себѣ, что онъ ужъ далеко, когда онъ вернулся, требуя огня для сигары, про которую онъ сначала забылъ. Человѣкъ въ кафтанѣ пыльнаго цвѣта явился по требованію. Я не могъ понять, откуда онъ взялся; изъ внутренняго двора, или съ улицы, или изъ какого другого мѣста—и когда Друммель нагнулся съ сѣдла и зажегши сигару, засмѣялся, кивнувъ головой, по направленіи къ окнамъ столовой, сгорбленныя плечи и растрепанные волосы этого человѣка, стоявшаго спиной ко мнѣ, напомнили мнѣ Орлика.

Будучи слишкомъ разстроенъ, чтобъ много заботиться о томъ, онъ ли это или нѣтъ, или чтобъ дотронуться до завтрака, я смылъ грязь и пыль съ лица и съ рукъ, и пошелъ къ знакомому старому дому, въ который, лучше бы было мнѣ никогда не входить.

Глава сорокъ четвертая.

Я нашелъ миссъ Хевишемъ и Эстеллу въ комнатѣ, гдѣ стоялъ туалетный столикъ и горѣли восковыя свѣчи; миссъ Хевишемъ сидѣла въ креслахъ близъ камина, а Эстелла на подушкѣ у ея ногъ. Эстелла вязала, а миссъ Хевишемъ смотрѣла передъ собою. Обѣ подняли глаза при моемъ входѣ и обѣ замѣтили перемѣну во мнѣ. Я замѣтилъ это изъ взгляда, которымъ онѣ обмѣнялись.

— Какой вѣтеръ,—сказала миссъ Хевишемъ, принесъ васъ сюда, Пипъ?—Хотя она пристально смотрѣла на меня, но я замѣтилъ, что она смущена. Эстелла, по временамъ, переставала вязать и кидала взгляды на меня; я вообразилъ, что читаю въ движеніяхъ ея пальцевъ такъ же ясно, какъ бы въ азбукѣ нѣмыхъ, что она знаетъ, что мой благодѣтель открылся.

— Миссъ Хевишемъ,—сказалъ я,—я былъ въ Ричмондѣ вчера, чтобъ видѣть Эстеллу и, узнавъ, что какой то вѣтеръ принесъ ее сюда, послѣдовалъ за нею.

Миссъ Хевишемъ повторила мнѣ въ третій и четвертый разъ приглашеніе сѣсть; я занялъ стулъ близъ туалетнаго столика, на которомъ она часто сиживала. Видя всюду разрушеніе моихъ мечтаній, я почелъ этотъ стулъ настоящимъ мѣстомъ для меня въ этотъ день.

— Все, что я хотѣлъ сказать Эстеллѣ, миссъ Хевишемъ, я скажу передъ вами, тотчасъ же. Оно не удивитъ и не оскорбитъ васъ. Я теперь несчастнѣе, чѣмъ вы когда либо могли пожелать.

Миссъ Хевишемъ продолжала упорно смотрѣть на меня. Я могъ замѣтить, по движеніямъ пальцевъ Эстеллы, что она внимательно слушаетъ меня, но глазъ она не поднимала.

— Я узналъ своего покровителя. Это далеко не счастливое открытіе и невѣроятно, чтобъ оно улучшило мою репутацію, положеніе или состояніе. Нѣкоторыя причины не дозволяютъ мнѣ распространяться объ этомъ. Это тайна другого—не моя.

Я на минуту умолкъ, глядя на Эстеллу и обдумывая, какъ продолжать. Миссъ Хевишемъ повторила:—Тайна другого, а не ваша. Хорошо, ну.

— Когда вы въ первый разъ потребовали меня сюда, миссъ Хевишемъ, я еще жилъ въ той деревнѣ, которую теперь жалѣю, что покинулъ; полагаю, что я сюда попалъ, какъ всякій другой мальчишка могъ бы попасть, въ родѣ слуги, для удовлетворенія прихоти, за добровольную плату?

— Такъ, Пипъ!—отвѣтила миссъ Хевишемъ, кивая головой Вы правы!

— А мистеръ Джаггерсъ?

— Мистеръ Джаггерсъ, — сказала миссъ Хевишемъ, рѣзко прерывая меня,—никакого дѣла съ этимъ не имѣлъ и даже ничего не зналъ объ этомъ. Надо приписать одной только случайности, что онъ мой стряпчій и въ то же время стряпчій вашего покровителя. Онъ въ такихъ же отношеніяхъ со многими лицами, и потому мнимое предположеніе ваше легко могло возникнуть. Какъ бы то ни было, оно возникло и ни кѣмъ не было опровергнуто.

Легко было замѣтить по выраженію ея лица, что она не скрывала и не измѣняла ничего.

— И когда я впалъ въ ошибку, заставившую меня такъ долго заблуждаться, вы не вывели меня изъ заблужденій.

— Да,—отвѣчала она, кивая головой, я не вывела васъ.

— Это не говоритъ въ пользу вашей доброты.

— Кто же я,—воскликнула миссъ Хевишемъ, ударяя палкой по полу, съ возрастающимся гнѣвомъ, такъ что Эстелла взглянула на нее съ удивленіемъ.—Кто же я,—скажите ради Бога, чтобъ быть доброю къ кому бы то ни было?

Жалоба эта была слабостью съ моей стороны и я нехотя произнесъ ее. Я такъ и сказалъ ей, когда она продолжала угрюмо сидѣть послѣ этой вспышки.

— Хорошо, хорошо!—сказала она:—что жъ дальше?

— Меня хорошо вознаградили здѣсь за труды,—сказалъ я, чтобы успокоить ее. Меня отдали въ ученье, и я дѣлалъ эти вопросы только изъ собственнаго любопытства. Что я скажу далѣе, имѣетъ другую причину, и я полагаю болѣе безпристрастную. Поддерживая мою ошибку, миссъ Хевишемъ, вы наказывали, — или можетъ вы сами пріищете безобидное выраженіе—вашихъ эгоистическихъ родственниковъ?

— Да,—сказала она. Вѣдь они сами этого хотѣли! Того же и вы хотѣли. Зачѣмъ же мнѣ было давать себѣ трудъ упрашивать

ихъ или васъ не поступать такъ какъ вамъ вздумалось? Вы сами ставили себѣ западни, а не я.

Обождавъ, пока она совсѣмъ успокоилась, потому что и эти слова она произнесла рѣзко и колко, я продолжалъ:

— Я поступилъ въ родственное вамъ семейство, миссъ Хевишемъ, и постоянно жилъ въ немъ, пока я былъ въ Лондонѣ. Я зналъ, что оно столько же обмануто относительно меня, какъ и я самъ. И я поступилъ бы подло и низко, еслибъ не сказалъ вамъ,— чѣмъ бы оно вамъ ни казалось и повѣрили бы вы тому или нѣтъ,—что вы крайне несправедливы къ мистеру Матью Покету и сыну его Герберту, если ихъ не считаете за благородныхъ, прямыхъ и откровенныхъ людей, неспособныхъ ни на что низкое.

— Вы съ ними друзья,—сказала миссъ Хевишемъ.

— Они сами предложили мнѣ дружбу свою,—отвѣчалъ я,—даже тогда, когда полагали, что я ихъ лишаю наслѣдства, и когда, я думаю, Сара Покетъ, миссъ Джіорджіана и миссъ Камилла далеко не были моими друзьями.

Сравненіе друзей моихъ съ другими членами ея семейства, казалось, я радъ былъ это видѣть, произвело хорошее впечатлѣніе на нее. Она съ минуту пристально посмотрѣла на меня и сказала тихо:

— Чего вы для нихъ желаете?

— Только,—отвѣчалъ я, чтобъ вы не смѣшивали ихъ съ другими. Они одной крови, но, повѣрьте мнѣ, они не одинаковаго характера.

Продолжая пристально смотрѣть на меня, миссъ Хевишемъ повторила:

— Чего вы хотите для нихъ?

— Я не столь хитеръ, вы видите,—сказалъ я, замѣчая, что краснѣю:—чтобъ скрыть, еслибъ даже и постарался, что я желаю для нихъ чего нибудь. Миссъ Хевишемъ, если вы хотите употребить съ пользою деньги и оказать вѣчную услугу моему другу Герберту, но, которая, по самой сущности дѣла, должна быть сдѣлана безъ его вѣдома, то я бы вамъ помогъ въ этомъ.

— Отчего же надобно дѣйствовать безъ его вѣдома?—спросила она, кладя руки на палку, чтобъ лучше разсмотрѣть меня.

— Оттого,—сказалъ я:—что я самъ началъ это дѣло, безъ его вѣдома, болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ, и я не желалъ бы выдать себя. Отчего же я не могу довольствоваться собственными средствами, не въ моихъ силахъ объяснить. Это тайна, принадлежащая другому, а не мнѣ.

Она постепенно свела съ меня глаза свои и устремила ихъ на огонь. Пробывъ въ такомъ положеніи, какъ казалось, по тишинѣ и по свѣту медленно горѣвшихъ свѣчей, довольно долго, она встрепенулась при вспышкѣ угля и опять взглянула на меня, сначала

неопредѣленно, но постепенно съ большимъ вниманіемъ. Все это время Эстелла продолжала вязать. Наконецъ, миссъ Хевишемъ обратилась ко мнѣ, сказавъ, какъ будто и не было остановки въ нашемъ разговорѣ:

— Что же далѣе?

— Эстелла,—воскликнулъ я, обращаясь къ ней и стараясь совладать съ своимъ дрожащимъ голосомъ:—вы знаете, что я васъ люблю. Вы знаете, что я васъ давно и горячо люблю.

Она подняла свои глаза при этихъ словахъ, пальцы ея смяли работу и она взглянула на меня съ неподвижнымъ выраженіемъ лица. Я замѣтилъ, что миссъ Хевишемъ бросала взгляды, то на нее, то на меня.

— Я бы признался въ этомъ раньше, еслибъ не долгое мое несчастное заблужденіе, заставившее меня думать, что миссъ Хевишемъ предназначала насъ другъ для друга. Пока я думалъ, что вы не можете дѣйствовать сами по себѣ, я воздерживался отъ этого въ разговорѣ. Но теперь я долженъ высказаться.

Не измѣняя выраженія лица и продолжая работать пальцами, Эстелла покачала головой.

— Знаю,—отвѣчалъ я на это:—знаю, что не имѣю надежды назвать васъ моею, Эстелла! Не могу сказать, что скоро будетъ со мною, какъ я буду бѣденъ, или куда пойду. Но все таки я люблю васъ. Я полюбилъ васъ съ первой же встрѣчи нашей въ этомъ домѣ.

Продолжая такъ же пристально смотрѣть на меня и работая пальцами, она снова покачала головой.

— Было бы жестоко, очень жестоко, еслибъ миссъ Хевишемъ играла чувствами бѣднаго мальчика и мучила меня всѣ эти годы пустою надеждой, если она съ намѣреніемъ такъ дѣйствовала. Но я не думаю, чтобъ онъ такъ поступала. Я полагаю, что при своихъ страданіяхъ, она позабыла о моихъ, Эстелла!

Здѣсь я замѣтилъ, что миссъ Хевишемъ приложила руку къ сердцу, обращая взоры, то на Эстеллу, то на меня.

— Мнѣ кажется, — сказала очень спокойно Эстелла: — что есть чувства, капризы—не знаю, какъ ихъ назвать—которыхъ я не понимаю. Когда вы говорите, что любите меня, я знаю, что вы этимъ хотите выразить, только какъ слова, но не болѣе. Вы ничего не затрогиваете въ моемъ сердцѣ. Я совсѣмъ не забочусь о томъ, что вы говорите. Я старалась предостеречь васъ. Развѣ я это не дѣлала?

Съ печальнымъ видомъ отвѣчалъ я: „да, да“.

— Но вы не вняли предостереженію, полагая, что я не то хотѣла сказать. Не такъ ли?

— Я былъ увѣренъ, что вы не могли быть искренны. Вы,

столь молоды, неопытны и прекрасны, Эстелла! Право, это невозможно въ природѣ.

— Однако, это въ моей природѣ,—отвѣчала она, и потомъ прибавила, съ удареніемъ на словахъ:—это въ природѣ, созданной во мнѣ. Говоря это вамъ, я дѣлаю большую разницу между другими людьми и вами. Я болѣе не могу сдѣлать.

— Правда ли,—спросилъ я:—что Бентлей Друммель здѣсь въ городѣ, чтобъ ухаживать за вами?

— Совершенная правда,—отвѣчала она, съ равнодушіемъ, выражавшимъ совершенное презрѣніе.

— Правда ли, что вы обнадеживаете его, ѣздите съ нимъ верхомъ, и, что даже, онъ сегодня у васъ обѣдаетъ?

Она, казалось, удивлена была моими свѣдѣніями, но опять отвѣчала:

— Совершенная правда.

— Вы не можете любить его, Эстелла!

Пальцы ея въ первый разъ остановились, и она съ сердцемъ отвѣчала.

— Что-жъ я вамъ говорила? Вы все таки полагаете, что я не то думаю, что говорю?

— Вы не выйдете замужъ за него, Эстелла?

Она взглянула на миссъ Хевишемъ и, держа работу въ рукахъ, съ минуту подумала и сказала:

— Зачѣмъ не сказать вамъ правды? Я выхожу за него замужъ.

Я схватился руками за голову, но понемногу совладалъ съ собою, хотя меня эти слова страшно поразили. Когда я опять поднялъ голову, миссъ Хевишемъ смотрѣла такимъ празракомъ, что даже тронула меня, несмотря на мое собственное горе.

— Эстелла, милая, милая Эстелла, не допустите миссъ Хевишемъ увлечь васъ. Киньте меня, вы, я знаю, уже сдѣлали это; но подарите собою человѣка болѣе достойнаго, чѣмъ Друммель. Миссъ Хевишемъ выдаетъ васъ за него въ знакъ пренебреженія и величайшаго оскорбленія многимъ лучшимъ людямъ, обожающимъ васъ и не многимъ истинно любящимъ васъ. Въ числѣ послѣднихъ находится одинъ человѣкъ, который столько же васъ любитъ, хотя и не такъ долго, какъ я. Выйдите за него, я снесу это ради вашего счастія!

Моя искренность удивила ее и, вѣроятно, вызвала бы сожалѣніе ко мнѣ, еслибъ она могла меня понять.

— Я выхожу за него замужъ,—повторила она, болѣе мягкимъ тономъ.—Приготовленія къ свадьбѣ дѣлаются и я скоро съ нимъ обвѣнчаюсь. Зачѣмъ вы съ укоромъ упоминаете имя моей воспитательницы? Это собственный мой выборъ.

— Вашъ собственный выборъ, отдать себя олуху, Эстелла?

— Кому же мнѣ отдать себя?—улыбаясь отвѣчала она.— Развѣ человѣку, который скоро замѣтитъ, что я никакихъ нѣжныхъ чувствъ къ нему не питаю? Уже дѣло кончено. Съ мужемъ мы поладимъ. Что-жъ касается миссъ Хевишемъ, то она не только не побуждала меня къ этому шагу, но даже уговаривала не выходить теперь замужъ, а обождать немного. Но мнѣ надоѣла жизнь, которую я до сихъ поръ вела. Она имѣла слишкомъ мало прелести для меня и потому я согласна ее промѣнять на новую. Не говорите болѣе. Мы никогда не поймемъ другъ друга.

— Отдать себя такому глупому и низкому олуху! — повторилъ я, съ отчаяніемъ.

— Не бойтесь, чтобъ я составила для него счастье,—сказала Эстелла:—вотъ вамъ моя рука. Неужели мы на этомъ разстанемся, идеальный мальчикъ, или юноша?

— О, Эстелла!—воскликнулъ я, проливая горькія слезы на ея руку, какъ я ни старался ихъ удержать: — даже еслибъ я остался въ Англіи и могъ бы стоять наряду съ другими, могъ ли бы я видѣть васъ женою Друммеля?

— Пустое!—возразила она.—Пустое! Это скоро пройдетъ.

— Никогда, Эстелла!

— Вы меня забудете чрезъ недѣлю.

— Забуду! Вы часть моего существованія, часть меня самого! Вы были въ каждой строкѣ, которую я когда-либо читалъ, съ тѣхъ поръ, какъ въ первый разъ я прибылъ сюда грубымъ мальчикомъ, сердцемъ котораго вы тогда еще овладѣли! Вашъ образъ всюду рисовался передо мною—на рѣкѣ, на парусахъ кораблей, на болотахъ, на морѣ, на улицахъ. Вы были изображеніемъ всякой изящной мысли, которая только поражала меня, и вліяніе ваше надо мною всегда было и будетъ безгранично, Эстелла! До послѣдняго моего часа, вы невольно будете частью моего существованія, частью немногаго добра и зла во мнѣ. Но при разставаніи съ вами я помню одно добро, оказанное мнѣ вами, не смотря на всю горечь настоящей минуты! Да благословитъ васъ Богъ! Да проститъ онъ вамъ!

Не знаю, какимъ образомъ вырвались эти слова изъ устъ моихъ, при моемъ отчаяніи. Эти мысли скопились во мнѣ, какъ кровь въ сокрытой ранѣ и вдругъ нашли себѣ истокъ. Я продержалъ нѣсколько краткихъ мгновеній ея руку у моихъ устъ и удалился. Но всегда впослѣдствіи вспоминалъ, что, пока Эстелла смотрѣла на меня съ недовѣрчивымъ удивленіемъ, призрачный образъ миссъ Хевишемъ, державшей все время руку на сердцѣ, ясно обнаруживалъ жалость и раскаяніе. Теперь все было кончено! Когда я вышелъ изъ воротъ, дневной свѣтъ показался мнѣ темнѣе, чѣмъ когда я вошелъ. Сначала я блуждалъ по маленькимъ тропинкамъ, а потомъ пустился по дорогѣ въ Лондонъ. Въ это

время, я настолько пришелъ въ себя, что обсудилъ невозможность вернуться въ гостиницу и встрѣтиться тамъ съ Друммелемъ. Я чувствовалъ, что не могъ бы сидѣть въ дилижансѣ и разговаривать съ сосѣдомъ; я полагалъ лучше всего утомить себя до изнеможенія. Было уже за полночь, когда я прошелъ Лондонскій Мостъ. Миновавъ узкія улицы, ведущія на западъ, близь Миддельсекской Набережной, ближайшій мой путь въ Темпль былъ чрезъ Уайтфрайерсъ. Меня не ожидали раньше слѣдующаго дня, но я взялъ съ собою ключи и, еслибъ даже Гербертъ спалъ, я легко могъ бы пройти въ спальню, не разбудивъ его.

Мнѣ рѣдко случалось проходить Уайтфрайерскія ворота послѣ того, какъ ужъ запирали Темпль. Грязный и уставшій съ дороги, я не обидился, когда ночной сторожъ, осмотрѣвъ меня съ большимъ вниманіемъ, только слегка отворилъ мнѣ ворота; чтобъ помочь его памяти, я назвалъ себя.

— Я такъ и полагалъ, сударь, но не былъ вполнѣ увѣренъ. Вотъ письмо къ вамъ. Человѣкъ, принесшій его, просилъ сказать вамъ, чтобъ вы потрудились прочесть его при свѣтѣ моего фонаря.

Очень удивленный этой просьбою, я взялъ записку. Адресована она была Филиппу Пипу, эсквайру, и надъ адресомъ было написано: „пожалуйста, прочтите это здѣсь же“. Я раскрылъ ее и прочелъ слѣдующія слова, написанныя рукою Уэммика:

„*Не ходите домой*“.

Глава сорокъ пятая.

Прочтя предостереженіе Уэммика, я тотчасъ повернулъ отъ воротъ Темпля, поспѣшилъ въ Флитъ-Стритъ, нанялъ тамъ экипажъ, и отправился въ Ковентъ-Гарденъ къ гостиницѣ Гуммумсъ. Въ тѣ времена во всякое время ночи можно было найти тамъ постель, и лакей, впустивъ меня въ открытую калитку, зажегъ первую стоявшую въ ряду свѣчу и провелъ меня въ первую комнату, стоявшую у него на листѣ. То была маленькая комнатка со сводомъ, съ громадною двухспальною кроватью, деспотически завладѣвшею всѣмъ помѣщеніемъ, такъ что одна изъ ея ножекъ была почти въ каминѣ, другая въ дверяхъ, а тщедушный умывальный столикъ былъ совершенно придушенъ ею.

Я спросилъ свѣчу и лакей принесъ мнѣ старинный ночникъ, употреблявшійся въ тѣ добродѣтельныя времена. Онъ былъ заключенъ въ высокой жестяной башнѣ съ круглыми дырочками въ бокахъ; слабый мерцающій свѣтъ его, пробиваясь чрезъ эти дырочки, рисовалъ затѣйливые узоры, въ видѣ уродливыхъ глазъ, на всѣхъ стѣнахъ. Улегшись въ постель, усталый, измученный, и съ болью въ ногахъ, я вскорѣ увидѣлъ, что былъ также не въ состояніи сомкнуть свои собственные глаза, какъ и глаза этого

безсмысленнаго ночника Аргуса. Итакъ, во мракѣ глухой ночи, мы пристально глядѣли другъ на друга.

Что это была за ночь! Какъ безпокойна, страшна и длинна показалась она мнѣ. Въ комнатѣ моей царствовалъ какой-то негостепріимный запахъ дыма и пыли. Я взглянулъ наверхъ въ углы полога и мнѣ пришло въ голову, сколько мухъ изъ мясныхъ лавокъ и оводовъ съ рынка покоятся тамъ въ ожиданіи лѣта. Я начиналъ раздумывать, не станутъ ли они валиться на меня сверху, и уже чувствовалъ, будто что-то легкое упало мнѣ на лицо. Потомъ мысли принимали иной оборотъ; мнѣ казалось, что нѣчто еще болѣе непріятное прогуливается по моей спинѣ. Пролежавъ такимъ образомъ нѣсколько времени, я начиналъ совершенно ясно слышать тѣ странные звуки, которые порождаетъ мертвая тишина. Чуланчикъ свистѣлъ, каминъ вздыхалъ, умывальный столикъ кряхтѣлъ и какая то гитарная струна дребезжала отъ времени до времени въ комодѣ. Около того же времени и всѣ глаза на стѣнахъ приняли новое выраженіе, всѣ они, кажется, хотѣли сказать: *Не ходите домой.*

Какова бы ни была игра ночной фантазіи, каковы бы ни были эти ночные звуки, вездѣ и во всемъ, я только видѣлъ и слышалъ: *Не ходите домой.* Эта мысль не давала мнѣ покою, точно неотвязчивая физическая боль. Недавно я прочелъ въ газетахъ, что какой-то неизвѣстный господинъ пріѣхалъ разъ ночью въ гостиницу Гуммумсъ, легъ въ постель и зарѣзался, такъ что утромъ его нашли плавающимъ въ крови. Мнѣ пришло въ голову, что онъ непремѣнно долженъ былъ остановиться подъ этимъ самымъ сводомъ; я всталъ, чтобъ удостовѣриться, нѣтъ ли гдѣ слѣдовъ крови, потомъ заглянулъ въ корридоръ, и очень обрадовался, увидавъ на концѣ его огонекъ; я зналъ, что близь него дремлетъ лакей. Но во все это время вопросы:—зачѣмъ мнѣ не ходить домой, и что случилось дома, и когда же я отправлюсь домой и находится ли Провисъ внѣ опасности?—такъ наполняли мою голову, что, кажется, должны были бы исключить всякую другую мысль. Даже, когда я думалъ объ Эстеллѣ и о томъ, какъ мы на вѣки разстались съ нею, когда я припоминалъ всѣ обстоятельства нашего прощанія, ея голосъ и взгляды, движеніе ея пальцевъ, перебиравшихъ вязальныя иглы, даже и тогда, предостереженіе: *не ходите домой,* не переставало меня преслѣдовать. Наконецъ, физически и нравственно истомленный я задремалъ, но и во снѣ эти слова превратились въ какой то чудовищный глаголъ, который мнѣ приходилось спрягать. Повелительное наклоненіе: — не ходи домой, пусть онъ не пойдетъ домой, не пойдемъ домой, не ходите домой, пусть они не пойдутъ домой. Далѣе условныя, безличныя формы:— мнѣ бы не должно, не хотѣлось, не слѣдовало, мнѣ нельзя идти домой; и тутъ я чувствовалъ, что начинаю путаться, скатывался

съ подушки, и снова принимался разглядывать свѣтлые кружки, смотрѣвшіе на меня со стѣны.

Я приказалъ разбудить себя въ семь часовъ, такъ какъ мнѣ необходимо было видѣть Уэммика прежде всего; и очень понятно, что на этотъ разъ мнѣ хотѣлось узнать только Уольвортскія его убѣжденія. Пріятно было выбраться изъ комнаты, въ которой я провелъ такую ночь и лакею не пришлось два раза постучать въ мою дверь, чтобъ поднять меня на ноги.

Ровно въ восемь часовъ бойницы замка предстали передъ моими глазами. Когда я приближался къ нему, маленькая прислужница входила въ замокъ съ двумя горячими хлѣбами; я поспѣшилъ перейти мостъ вмѣстѣ съ нею и, такимъ образомъ, безъ предувѣдомленія очутился въ присутствіи Уэммика, дѣлавшаго чай себѣ и своему старику. Въ растворенную дверь я увидѣлъ издали самого старика, еще лежавшаго въ постелѣ.

— Ага, мистеръ Пипъ!—воскликнулъ Уэммикъ.—Вы таки возвратились?

— Да,—отвѣтилъ я:—но я еще не заходилъ домой.

— И хорошо сдѣлали,—сказалъ онъ, потирая руки:—я на всякій случай положилъ по запискѣ у каждыхъ воротъ Темпля. Въ которыя изъ нихъ вы вошли?

Я сказалъ ему.

— Я въ теченіе дня обойду всѣ другія и уничтожу записки,—сказалъ Уэммикъ.—Никогда не слѣдуетъ оставлять письменныхъ доказательствъ, если можно безъ нихъ обойтись; это вообще хорошее правило, потому что не знаешь, когда оно пригодится. Я намѣренъ позволить себѣ маленькую вольность, а именно, попросить васъ поджарить эту сосиску для престарѣлаго родителя?

Я отвѣтилъ, что очень радъ ему помочь.

— Въ такомъ случаѣ, ты можешь возвратиться къ своимъ занятіямъ, Мери Анна,—сказалъ Уэммикъ маленькой служанкѣ.— И мы останемся безъ свидѣтелей, мистеръ Пипъ, — прибавилъ онъ, подмигивая мнѣ, когда она вышла изъ комнаты.

Я поблагодарилъ его за дружбу и осторожность, и мы продолжали разговаривать вполголоса, пока я поджаривалъ передъ каминомъ сосиску для старика, а Уэммикъ намазывалъ масло на его хлѣбецъ.

— Ну-съ, мистеръ Пипъ,—сказалъ Уэммикъ.—Вѣдь, мы понимаемъ другъ друга; мы здѣсь по совершенно частнымъ и насъ лично касающимся дѣламъ. Сверхъ того, мы оба принимаемъ участіе въ одномъ секретномъ дѣлѣ. Оффиціальныя отношенія—вещь хорошая, но только мы ужъ черезчуръ оффиціальны.

Я дружески согласился съ нимъ; я былъ въ такомъ нервномъ раздраженіи, что чуть чуть не сжегъ сосиски: она загорѣлась-было, какъ факелъ, такъ что мнѣ пришлось тушить ее.

— Вчера утромъ, я случайно услышалъ,—началъ Уэммикъ:— въ одномъ мѣстѣ, въ которомъ мы были съ вами однажды...— даже между собою лучше избѣгать собственныхъ именъ, когда возможно.

— Конечно, лучше,—сказалъ я:—я васъ понимаю.

— Ну-съ, въ этомъ-то мѣстѣ вчера утромъ я услышалъ,— продолжалъ Уэммикъ,—что извѣстное лицо, имѣющее нѣчто общее съ колоніями и не лишенное движимаго имущества—я не знаю навѣрно, кто это,—мы не станемъ называть этого лица...

— И не нужно,—замѣтилъ я.

— ...Надѣлало много шуму въ нѣкоторой части свѣта, куда добрые люди не всегда ѣздятъ по своей волѣ и обыкновенно на казенный счетъ...

Слѣдя за выраженіемъ его лица, я забылъ про сосиску, и она запылала цѣлымъ фейерверкомъ и отвлекла вниманіе Уэммика отъ разговора. Я извинился, и онъ продолжалъ:

— ...тѣмъ, что скрылось изъ упомянутаго мѣста и пропало безъ вѣсти. На этотъ счетъ составляются различныя предположенія и строятся цѣлыя теоріи. Я также слышалъ, что за вами слѣдятъ въ Гарденъ-Кортѣ и, вѣрно, еще будутъ слѣдить...

— Кто же это слѣдитъ?—спросилъ я.

— Я не хочу распространяться объ этомъ, — сказалъ Уэммикъ:—это повлечетъ за собою отвѣтственность; я слышалъ это, какъ и многое, что слыхалъ на своемъ вѣку, въ томъ же мѣстѣ. Я не говорю, что имѣю положительныя свѣдѣнія. Я только слышалъ.

Говоря это, онъ взялъ у меня изъ рукъ вилку съ сосискою и очень аккуратно помѣстилъ на маленькомъ подносѣ весь завтракъ для старика; но прежде, чѣмъ отнести его, онъ пошелъ въ комнату отца, подвязалъ ему салфетку подъ подбородокъ, помогъ присѣсть и сбилъ ему колпакъ на одинъ бокъ, что сообщило старику не то молодецкое, не то распутное выраженіе. Потомъ Уэммикъ осторожно поставилъ передъ нимъ завтракъ и сказалъ:

— Теперь все ладно, не такъ ли, престарѣлый родитель?

На что веселый старикъ отвѣчалъ:

— Такъ, такъ, Джонъ, мой мальчикъ!

Между мною и Уэммикомъ было нѣмое соглашеніе, что старикъ не былъ въ приличномъ видѣ и не принималъ, и потому я дѣлалъ видъ, что ничего не примѣчаю.

— И этотъ надзоръ надо мною (который я имѣлъ однажды случай замѣтить), — спросилъ я Уэммика, когда онъ возвратился:—имѣетъ нѣчто общее съ лицомъ, о которомъ шла рѣчь?

Лицо Уэммика приняло серьезное выраженіе.

— Не сумѣю вамъ сказать этого; то-есть, мнѣ кажется, я могъ сказать, что онъ или имѣетъ нѣчто общее, или будетъ имѣть,

или, во всякомъ случаѣ, можетъ имѣть, чего и слѣдуетъ остерегаться.

Зная, что его вассальныя отношенія въ Литтль-Бриттейнъ связывали его языкъ, и чувствуя себя благодарнымъ ему и за то, что онъ рѣшился сообщить мнѣ, я болѣе не докучалъ ему вопросами. Но, подумавъ немного, я замѣтилъ, что желалъ бы задать ему одинъ вопросъ, предоставляя, впрочемъ, ему полную свободу отвѣчать или не отвѣчать, такъ какъ я увѣренъ, что онъ всегда поступитъ, какъ того требуетъ благоразуміе. Онъ пересталъ ѣсть на минутку и, скрестивъ руки и пощипывая себя за рукава рубашки (первымъ домашнимъ удобствомъ онъ считалъ возможность ходить безъ сюртука), кивнулъ головою, желая этимъ сказать, что я могу предложить ему свой вопросъ.

— Слыхали ли вы о человѣкѣ, пользующемся очень дурною славою, по имени Компесонъ?

Онъ отвѣтилъ мнѣ, кивнувъ головой во второй разъ.

— Живъ онъ?

Еще кивокъ.

— И въ Лондонѣ?

Онъ кивнулъ еще разъ, усиленно сжалъ ротъ, кивнулъ въ послѣдній разъ и продолжалъ завтракать.

— Ну-съ,—сказалъ Уэммикъ:—теперь допросъ конченъ (и онъ повторилъ послѣднія слова съ намѣреннымъ удареніемъ въ мое назиданіе), и я вамъ разскажу, что я сдѣлалъ, услыхавъ то, что я услыхалъ. Я отправился въ Гарденъ-Кортъ васъ отыскивать и, не найдя васъ дома, прошелъ къ Кларикеру, въ надеждѣ застать тамъ мистера Герберта.

— И застали его?—спросилъ я со страхомъ.

— И засталъ его. Не говоря именъ и не вдаваясь въ подробности, я далъ ему понять, что если ему извѣстно, что кто-нибудь, кто бы тамъ ни было, занимаетъ нумеръ или живетъ по сосѣдству, то онъ лучше удалилъ бы оттуда этого Тома, Джака или Джемса прежде, чѣмъ вы возвратитесь.

— Онъ былъ, вѣрно, очень озадаченъ и не зналъ, что дѣлать?

— Онъ, дѣйствительно, былъ озадаченъ, и еще болѣе, когда узналъ мое мнѣніе, что не совсѣмъ безопасно было бы перевозить теперь этого Тома, Джака или Джемса слишкомъ далеко. Послушайте, мистеръ Пипъ, я вамъ одно скажу. При настоящихъ обстоятельствахъ, нѣтъ ничего лучше большого города, то есть, если вы уже находитесь въ немъ. Не бѣгите слишкомъ поспѣшно изъ сохраннаго мѣста; только умѣйте притаиться. Дайте время забыть дѣло прежде, чѣмъ отважиться выйти на чистый воздухъ, хотя бы даже и не здѣшній, а заграничный.

Я поблагодарилъ его за драгоцѣнный совѣтъ и спросилъ, что сдѣлалъ Гербертъ.

— Мистеръ Гербертъ,—сказалъ Уэммикъ,—раздумывалъ съ полчаса и, наконецъ, напалъ на мысль; онъ сообщилъ мнѣ по секрету, что онъ ухаживаетъ за дѣвицей, у которой есть папаша, не покидающій своей постели. И этотъ папаша, бывшій когда то кассиромъ, лежитъ постоянно въ постели передъ полукруглымъ окномъ, откуда можетъ слѣдить за кораблями, какъ они снуютъ вверхъ и внизъ по рѣкѣ. Вѣдь, вы вѣрно знакомы съ этой дѣвицей?

— Не лично,—отвѣтилъ я.—Дѣло въ томъ, что она не жалуетъ меня, какъ мота, который только сбиваетъ съ толку Герберта, и такъ холодно приняла предложеніе послѣдняго познакомить меня съ нею, что Гербертъ былъ принужденъ сообщить мнѣ объ этомъ, прося повременить немного. Когда я началъ тайкомъ помогать ему, то переносилъ эту маленькую непріятность съ твердостью, достойною философа. Влюбленные, съ своей стороны, не очень спѣшили ввести въ свое общество постороннее лицо и, такимъ образомъ, хотя я уже нѣсколько времени былъ увѣренъ въ благорасположеніи ко мнѣ Клары и мѣнялся съ нею всякими любезностями и комплиментами, чрезъ посредство Герберта, но еще не видалъ ее.

Впрочемъ, я не докучалъ Уэммику этими подробностями.

— Такъ какъ этотъ домъ, съ полукруглыми окнами,—продолжалъ Уэммикъ:—выходитъ на рѣку, нѣсколько ниже бассейна, тамъ между Лаймгаусомъ и Гриничемъ, и принадлежитъ одной почтенной вдовѣ, которая еще отдаетъ въ наемъ верхній этажъ, то мистеръ Гербертъ предложилъ мнѣ переселить туда Тома, Джака или Джемса. Я нашелъ это предложеніе очень благоразумнымъ, и по тремъ причинамъ, о которыхъ я вамъ сейчасъ сообщу. Во-первыхъ, мѣсто это будетъ внѣ выстрѣловъ и вообще вдали отъ всякихъ улицъ, большихъ и малыхъ; во-вторыхъ, вы будете имѣть извѣстія о безопасности Тома, Джака или Джемса чрезъ Герберта, не подвергая себя опасности; а со временемъ, когда вы захотите спустить Тома, Джака или Джемса на иностранный корабль, то онъ будетъ у васъ подъ рукой.

Очень успокоенный этимъ, я нѣсколько разъ принимался благодарить его и просилъ продолжать.

— Ну-съ, сэръ! Мистеръ Гербертъ съ жаромъ принялся за дѣло, и вчера къ девяти часамъ вечера совершенно благополучно переселилъ Тома, Джака или Джемса, или какъ бы его тамъ ни звали, намъ съ вами до того дѣла нѣтъ. На старой квартирѣ сказали, что онъ уѣхалъ въ Дувръ и, дѣйствительно, его повезли по дуврской дорогѣ, да потомъ свернули въ сторону. Ну-съ, еще одна хорошая сторона этого дѣла та, что все было сдѣлано безъ васъ, и такъ, что если кто-нибудь и слѣдилъ за вашими движеніями, то всѣмъ должно

быть извѣстно, что вы были въ то время далеко отсюда и заняты совершенно инымъ дѣломъ. Это отвлекаетъ подозрѣнія и сбиваетъ съ толку; по той же причинѣ я и совѣтовалъ вамъ не возвращаться на ночь домой. Это напускаетъ еще болѣе мрака, а вамъ необходимо его напустить.

Уэммикъ, между тѣмъ, окончилъ завтракъ, взглянулъ на часы и приготовлялся надѣть сюртукъ.

— И теперь, мистеръ Пипъ,—сказалъ онъ, продолжая щипать рукава рубашки,—я, кажется, сдѣлалъ все, что могъ; но если я когда нибудь могу вамъ быть еще въ чемъ полезенъ—то-есть, съ уольвортской точки зрѣнія и какъ частное лицо, то буду очень радъ вамъ помочь. А вотъ между прочимъ адресъ. Вы можете совершенно безопасно отправиться сегодня вечеркомъ посмотрѣть, какъ устроился Томъ, Джакъ или Джемсъ, прежде чѣмъ воротитесь домой— и вотъ еще причина, почему вамъ лучше было не возвращаться съ вечера домой. Но разъ вы побывали дома, не ходите туда болѣе. Вы сами знаете, какъ я всегда радъ видѣть васъ, мистеръ Пипъ.— Теперь руки его были свободны и я дружески пожалъ ихъ. — И позвольте мнѣ, въ заключеніе, искренно посовѣтовать вамъ одну вещь. — Онъ положилъ обѣ руки мнѣ на плечи и добавилъ торжественнымъ шепотомъ: — воспользуйтесь этимъ вечеромъ, чтобы завладѣть его недвижимымъ имуществомъ. Кто знаетъ, что можетъ еще съ нимъ случиться. Смотрите, чтобъ не случилось чего съ недвижимымъ имуществомъ.

Потерявъ надежду когда-нибудь объяснить Уэммику мои убѣжденія, касательно этого предмета, я болѣе и не пытался вразумить его на этотъ счетъ.

— Мнѣ уже пора идти, — сказалъ Уэммикъ. — Если вы не имѣете ничего лучшаго въ виду, то я бы посовѣтовалъ вамъ остаться здѣсь до сумерекъ. Вы, кажется, очень утомлены и вамъ бы не мѣшало провести спокойный день со старикомъ — онъ сейчасъ встанетъ. И сдѣлайте честь кусочку, помните, той свиньи?

— Конечно, — отвѣтилъ я.

— Ну, значитъ не откажетесь отвѣдать кусочекъ. Та сосиска, что вы жарили, была изъ нея сдѣлана и вполнѣ достойна похвалы. Пожалуйста, отвѣдайте этой свиньи, хотя бы только ради стараго знакомства. Прощай, престарѣлый родитель! — весело крикнулъ онъ въ заключеніе.

— Такъ, такъ, Джонъ, мальчикъ мой — отозвался старикъ изъ своей комнаты.

Я вскорѣ задремалъ передъ огнемъ и, вообще, мы со старикомъ очень весело проводили день, проспавъ большую часть его. Къ обѣду намъ подали свинины и зелени, выращенной на угодьяхъ замка; я, разумѣется, кивалъ старику сколько могъ. Когда совершенно стемнѣло, я вышелъ, оставивъ старика въ большихъ хлопо-

тахъ передъ огнемъ; онъ сгребалъ уголья, приготовляясь жарить хлѣбъ. По числу чашекъ и по безпокойнымъ взглядамъ, которые старикъ бросалъ, отъ времени до времени, на маленькія дверки въ стѣнѣ, я заключилъ, что миссъ Скифинзъ будетъ у нихъ пить чай сегодня.

Глава сорокъ шестая.

Уже пробило восемь часовъ, когда я очутился въ атмосферѣ стружекъ и свѣжаго лѣса. Весь берегъ былъ застроенъ доками и мастерскими, въ которыхъ строились лодки и изготовлялись мачты, весла и блоки. Эта часть города была мнѣ совершенно незнакома. Спустившись внизъ по рѣкѣ, я узналъ, что мѣсто, которое я отыскивалъ, находится совершенно не тамъ, гдѣ я полагалъ, и что мнѣ не легко будетъ его найти. Адресъ, который мнѣ дали, былъ: по набережной Мельничнаго пруда, близъ Чинковскаго Бассейна. А о Чинковскомъ Бассейнѣ я зналъ только то, что онъ находится по сосѣдству стараго Гринъ-Копперскаго канатнаго завода.

Я не стану описывать, какъ я плуталъ по грязи и щебню, нанесенному приливомъ; между сухими доками, въ которыхъ чинились корабли и ломались старые, негодные ихъ остовы; по дворамъ разныхъ корабельныхъ мастеровъ; между заржавленными якорями, глубоко въѣвшимися въ землю; взбираясь на груды бочекъ и тесу и встрѣчая, чуть не на каждомъ шагу, канатные заводы, но все не тотъ, который мнѣ былъ нуженъ. Не разъ, минуя мѣсто, когда былъ отъ него въ нѣсколькихъ шагахъ, я, наконецъ, неожиданно очутился на набережной Мельничнаго пруда. То былъ уголокъ очень свѣжій во всѣхъ отношеніяхъ; прохладный вѣтеръ съ рѣки гулялъ тутъ на просторѣ; тамъ и сямъ росло нѣсколько деревьевъ; поодаль возвышался остовъ развалившейся мельницы. А вотъ и онъ, старый Гринъ-Копперскій заводъ съ своею безконечною перспективою, освѣщенною луною.

Выбравъ изъ нѣсколькихъ опрятныхъ домиковъ, выходившихъ на набережную Мельничнаго пруда, тотъ, который былъ въ три этажа съ деревяннымъ фасадомъ и круглымъ окномъ, я взглянулъ на дверь и прочелъ на доскѣ имя мистриссъ Уимпель. Ее то мнѣ и было нужно; я позвонилъ; дверь отворила мнѣ женщина пожилая, дородная и довольно пріятной наружности, но тотчасъ же была смѣнена Гербертомъ, который ввелъ меня въ гостиную и заперъ за собою дверь. Какъ то пріятно было видѣть это знакомое лицо совершенно какъ дома въ этомъ неизвѣстномъ, чуждомъ мнѣ мѣстѣ, и я смотрѣлъ на него совершенно иначе, чѣмъ на угловой шкафъ съ хрусталемъ и фарфоромъ, на раковины, лежавшія на каминѣ, раскрашенныя гравюры по стѣнамъ, изображавшія смерть Кука, спускъ корабля и его величество короля Георга III, гуляющаго

на Виндзорской террасѣ, въ парадномъ кучерскомъ нарядѣ, лосинахъ и ботфортахъ.

— Все устроилось, какъ нельзя лучше, любезный Гендель, — сказалъ Гербертъ. — Онъ совершенно доволенъ, но очень желаетъ тебя видѣть. Моя Кларочка теперь у отца и если ты подождешь, покуда она воротится, то я тебя представлю ей и тогда мы пойдемъ наверхъ... *Это* опять ея отецъ.

Я въ эту минуту слышалъ какое-то грозное ворчаніе надъ нашими головами и лицо мое, вѣроятно, обнаружило мое удивленіе.

— Я воображаю себѣ, что это должно быть за старая бестія!— улыбаясь, сказалъ Гербертъ. — Я его никогда не видалъ. Слышишь, какъ несетъ ромомъ? Онъ съ нимъ неразлученъ.

— Съ ромомъ-то? — спросилъ я.

— Да, — отвѣчалъ Гербертъ и ты можешь себѣ представить, какъ онъ облегчаетъ его подагру. Онъ прячетъ всю провизію у себя наверху и каждую бездѣлицу выдаетъ собственноручно. Все стоитъ на полкахъ у него въ головахъ, онъ всякую вещь самъ взвѣшиваетъ. Его комната должна походить на мелочную лавочку.

Покуда мы разсуждали такимъ образомъ, ворчаніе перешло въ продолжительный ревъ, который черезъ нѣсколько времени совершенно замеръ.

— Да можетъ ли быть иначе? — сказалъ Гербертъ въ объясненіе. — Непремѣнно хочетъ самъ рѣзать сыръ. Человѣкъ съ хирагрой въ рукѣ и болью во всякомъ мѣстѣ не можетъ одолѣть цѣлый кругъ сыра, не повредивъ себѣ руки.

Онъ, должно быть, очень ушибъ себя, потому что заревѣлъ во второй разъ еще сильнѣе.

— Мистриссъ Уимпель рада-радехонька имѣть Провиса жильцомъ, — сказалъ Гербертъ. — Какой же человѣкъ станетъ выносить такой шумъ? Диковинное это мѣсто, Гендель, не правда ли?

Дѣйствительно, мѣсто было диковинное, но необыкновенно опрятно и чисто.

— Мистриссъ Уимпель замѣчательная хозяйка,—отвѣтилъ Гербертъ на мое замѣчаніе. — И я, право, не знаю, что бы сдѣлала моя Клара безъ ея материнскихъ попеченій. Вѣдь, у Клары нѣтъ ни матери, ни одного родственника кромѣ этого ревуна.

— Конечно, это не настоящее его имя, Гербертъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, это я ему далъ такую кличку. Его зовутъ мистеръ Барлэ. Но какое счастье, что сынъ такого отца и матери, каковы мои, влюбился въ дѣвушку, которая не будетъ докучать ни себѣ, ни другимъ, своимъ родствомъ.

Гербертъ ужъ и прежде разсказывалъ мнѣ и теперь снова повторилъ, что онъ въ первый разъ познакомился съ миссъ Кларою Барлэ, когда она была еще въ школѣ въ Гаммерсмитѣ, и что, когда она была отозвана оттуда, чтобъ ухаживать за больнымъ отцемъ,

они оба открылись въ своей любви доброй мистриссъ Уимпель, которая съ тѣхъ поръ поощряла и сдерживала ихъ чувства съ необыкновенною добротою и умѣньемъ. Понятно, что ничего въ этомъ родѣ не могло быть открыто старому Барлэ, психологическія понятія котораго не простирались далѣе подагры, рома и судовъ.

Покуда мы разговаривали въ полголоса и потолочныя балки дрожали отъ постояннаго ворчанья стараго Барлэ, дверь потихоньку отворилась и въ комнату вошла хорошенькая дѣвушка, лѣтъ двадцати или около того, съ мягкими черными глазами и добродушнымъ выраженіемъ; она несла корзинку, которую Гербертъ поспѣшилъ взять у нея изъ рукъ и, подведя ее ко мнѣ, совершенно раскраснѣвшуюся, представилъ просто, какъ „Клару". Она, дѣйствительно, была прелестная дѣвушка и могла бы показаться плѣнною красавицею сказокъ, которую поработилъ этотъ жестокій людоѣдъ, старый Барлэ.

— Только взгляни сюда, — сказалъ съ нѣжною и сострадательною улыбкою Гербертъ, указывая мнѣ на корзинку: — это весь ужинъ бѣдной Клары, въ томъ видѣ, какъ онъ выдается ей каждый вечеръ. Вотъ ея порція хлѣба, вотъ ломоть сыра, а вотъ ромъ, который я всегда выпиваю. А это, вотъ, завтрашній завтракъ мистера Барлэ, выданный съ вечера, чтобъ его завтра приготовили. Двѣ бараньи котлетки, три картофелины, нѣсколько раздавленныхъ горошинокъ, немного муки, два унца масла, щепотка соли и куча чернаго перца. Все это варится вмѣстѣ и принимается внутрь въ горячемъ видѣ. Должно быть прекрасное лекарство отъ подагры.

Было что-то особенно привлекательное въ этой покорности судьбѣ, которая выражалась во взглядахъ Клары, устремленныхъ на корзинку съ провизіей, пока Гербертъ перебиралъ то, что въ ней находилось. Столько довѣрчивости, любви и невинности было въ этой непринужденности, съ которою она позволила Герберту обвить себя рукою вокругъ тальи, и столько безпомощной кротости, что я за всѣ деньги, лежавшія въ моемъ бумажникѣ (котораго я, впрочемъ, еще не открывалъ), не желалъ бы нарушить согласія между ними.

Я смотрѣлъ на нее съ удовольствіемъ и удивленіемъ, какъ вдругъ ворчанье старика снова перешло въ ревъ, сопровождавшійся страшнымъ стукомъ, какъ будто великанъ съ деревянной ногой хотѣлъ пробить ею полъ, чтобъ добраться до насъ. Услышавъ этотъ шумъ, Клара сказала:

— Это, папа меня зоветъ, душка! И убѣжала.

— Вотъ безсовѣстная-то старая обжора и пьяница, — сказалъ Гербертъ. — Чего ты думаешь, онъ теперь хочетъ, Гендель?

— Не знаю, — отвѣтилъ я: — вѣроятно, чего-нибудь выпить?

— Именно! — подхватилъ Гербертъ, какъ-будто я отгадалъ что-нибудь очень удивительное. — Онъ держитъ свой грогъ, уже

совсѣмъ готовый, въ маленькой кадушкѣ, на столѣ. Ты сію минуту услышишь, какъ Клара станетъ помогать ему привстать, чтобъ напиться. Вотъ онъ подымается. (Послышался продолжительный ревъ, а за нимъ послѣдовалъ новый ударъ, такъ что потолокъ задрожалъ). Теперь онъ пьетъ,—сказалъ Гербертъ, когда послѣдовало нѣсколько минутъ молчанія. — А теперь, — добавилъ онъ, когда ревъ снова раздался: — онъ снова залегъ!

Клара вскорѣ возвратилась и Гербертъ провелъ меня наверхъ повидаться съ нашимъ затворникомъ. Проходя мимо дверей мистера Барлэ, мы слышали, какъ онъ бормоталъ про себя хриплымъ голосомъ, который возвышался и понижался, какъ порывы вѣтра; всего яснѣе слышался одинъ постоянный припѣвъ:

— Ай! Вотъ тебѣ и старый Биль Барлэ, окаянные твои глаза; вотъ тебѣ и старый Биль Барлэ, окаянные твои глаза. Вотъ онъ, старый Биль Барлэ, какъ святъ Богъ, лежитъ на спинѣ. Валяется на спинѣ, какъ старая дохлая камбала. Вотъ те и старый Биль Барлэ, окаянные твои глаза. Ай! чортъ бы тебя взялъ!

Такого то рода утѣшенія, по словамъ Герберта, невидимый Барлэ бормоталъ себѣ подъ носъ день и ночь, и когда было свѣтло смотрѣлъ въ телескопъ, устроенный у его постели, такъ, что онъ не вставая, могъ видѣть все теченіе рѣки.

Провисъ, повидимому, очень удобно помѣстился на своей новой квартирѣ. Двѣ маленькія комнатки, которыя онъ занималъ, правда, очень походили на каюты, но воздухъ въ нихъ былъ прохладнѣе и не такъ спертъ, какъ внизу, и къ тому же мистера Барлэ было тамъ гораздо менѣе слышно. Провисъ не выразилъ никакого безпокойства и, кажется, не имѣлъ даже серьезныхъ опасеній; я только замѣтилъ, что онъ очень смягчился, какъ и въ чемъ, я, ни въ ту минуту, ни послѣ, не могъ себѣ дать отчета.

Одумавшись на досугѣ, впродолженіе цѣлаго дня, я рѣшился не говорить ему вовсе о Компесонѣ. Непримиримая вражда, которую онъ питалъ къ этому человѣку, могла бы побудить Провиса отъискать его и такимъ образомъ опрометчиво броситься навстрѣчу открытой погибели. Потому, какъ только мы вдвоемъ помѣстились передъ огнемъ, я прежде всего спросилъ его, полагается ли онъ на сужденіе и свѣдѣнія Уэммика?

— Э-э, милый мальчикъ! — отвѣтилъ онъ кивая головою. — Джаггерсъ знаетъ.

— Я говорилъ съ Уэммикомъ, — сказалъ я: — и пришелъ вамъ передать его совѣтъ и предостереженіе.

Я разсказалъ ему все отчетливо и подробно, опустивъ только тотъ фактъ, о которомъ я только что упоминалъ. Я разсказалъ ему, какъ Уэммикъ слыхалъ въ Ньюгетѣ (отъ чиновниковъ или отъ заключенныхъ, неизвѣстно), что онъ находится подъ подозрѣніемъ и что за моею квартирою постоянно слѣдятъ; какъ Уэммикъ совѣ-

товалъ ему быть поосмотрительнѣе, а мнѣ на нѣкоторое время держаться поодаль отъ него; и что, наконецъ, Уэммикъ сказалъ о бѣгствѣ изъ Англіи. Я прибавилъ, что, разумѣется, я отправлюсь съ нимъ или послѣдую за нимъ, какъ Уэммикъ рѣшитъ. Я не распространялся о томъ, что за этимъ послѣдуетъ, я даже самъ не былъ въ томъ увѣренъ теперь, какъ видѣлъ его смягченнымъ и въ явной опасности, ради меня. Что жъ касается до перемѣны образа жизни и увеличенія расходовъ, то я предоставилъ на его сужденіе, не былъ ли бы подобный шагъ, въ настоящихъ шаткихъ и затруднительныхъ обстоятельствахъ, по меньшей мѣрѣ, смѣшонъ, чтобъ не сказать хуже.

Онъ не могъ опровергнуть столь убѣдительнаго доказательства и, вообще, былъ очень благоразуменъ. Его возвращеніе въ Англію было смѣлымъ дѣломъ, говорилъ онъ и, онъ всегда считалъ его таковымъ, но никогда не хотѣлъ, чтобъ изъ смѣлаго оно превратилось въ безразсудное, отчаянное дѣло, и, къ тому же онъ считалъ себя почти въ безопасности, имѣя такихъ дѣльныхъ покровителей.

Гербертъ, все время задумчиво глядѣвшій на огонь, замѣтилъ тогда, что совѣты Уэммика навели его на мысль, которую не мѣшало бы привести въ исполненіе. „Мы оба хорошіе гребцы, Гендель, и когда понадобится, можемъ сами спустить его внизъ по теченію. Тогда не понадобится ни лодки, ни лодочника; хоть одинъ источникъ подозрѣнія будетъ избѣгнутъ и то уже много. Несмотря на то, что теперь не сезонъ кататься на лодкѣ, право, очень хорошо было бы, еслибъ ты сразу завелъ бы лодку у лѣстницы Темпля и взялъ привычку гресть внизъ и вверхъ по рѣкѣ? Ты бы взялъ привычку и никто бы этого не замѣтилъ, или, по крайней мѣрѣ, не обратилъ бы на это вниманія. Покатайся разъ двадцать или пятьдесятъ, и никто не удивиться, если ты поѣдешь въ двадцать или пятьдесятъ первый разъ.

Этотъ планъ мнѣ очень понравился, а Провисъ былъ отъ него въ восторгѣ. Мы рѣшили, что мысль Герберта будетъ немедленно приведена въ исполненіе, и что Провисъ, если и увидитъ насъ на рѣкѣ, то прикинется, что насъ не знаетъ. Далѣе мы порѣшили, что, увидавъ насъ, онъ будетъ опускать стору на окнѣ, выходившемъ на востокъ въ знакъ того, что все благополучно.

Когда наши совѣщанія окончились и все было улажено, я всталъ чтобъ идти домой, замѣтивъ Герберту, что намъ бы лучше возвращаться порознь, и потому я отправлюсь получасомъ ранѣе.

— Мнѣ что то очень не хочется оставлять васъ здѣсь, — сказалъ я Провису: — хотя я увѣренъ, что вы гораздо безопаснѣе здѣсь, чѣмъ у меня. До свиданья!

— Милый мальчикъ, —отвѣтилъ онъ схвативъ мою руку. — Не знаю когда еще мы свидимся и мнѣ не нравится ваше „до свиданья“. Скажите лучше: доброй ночи.

— Ну, такъ, доброй ночи! Гербертъ будетъ поддерживать правильныя сношенія между нами, а когда придетъ время, вы можете быть увѣрены, что я буду готовъ. Доброй ночи, доброй ночи!

Мы почли за лучшее, чтобъ онъ оставался въ своихъ собственныхъ комнатахъ и потому провожая насъ, онъ вышелъ только на площадку лѣстницы передъ своею дверью и свѣтилъ намъ, протянувъ руку со свѣчею черезъ перила. Оглянувшись, чтобы взглянуть на него въ послѣдній разъ, я невольно припомнилъ первую ночь по его пріѣздѣ, когда мы находились въ обратномъ положеніи и когда я не подозрѣвалъ еще, что мнѣ когда нибудь будетъ такъ тяжело и грустно съ нимъ разставаться, какъ теперь.

Старый Барлэ продолжалъ ворчать и божиться, когда мы проходили мимо его дверей; онъ, повидимому, и не переставалъ, да и не намѣренъ былъ перестать. Сойдя съ лѣстницы, я спросилъ Герберта: удержалъ ли нашъ жилецъ имя Провиса? Онъ отвѣтилъ, что, конечно, нѣтъ; жилецъ называется теперь мистеромъ Кэмбелемъ. Онъ также объяснилъ мнѣ, что всѣмъ въ домѣ было только извѣстно, что мистеръ Кэмбель оставленъ на его (Герберта) попеченіи, и что потому его личные интересы требуютъ, чтобъ мистеръ Кэмбель былъ бы всегда подъ тщательнымъ присмотромъ и велъ бы самую отшельническую жизнь. Поэтому, когда вы вошли въ гостиную, гдѣ мистриссъ Уимпель и Клара сидѣли за работой, то я ни слова не сказалъ объ участіи, которое я питаю къ мистеру Кэмбелю.

Когда я распрощался съ хорошенькою черноглазою дѣвушкою и доброю женщиною, еще не потерявшею вкуса къ невиннымъ продѣлкамъ неподдѣльной любви, то даже старый Гринъ Копперскій канатный заводъ показался мнѣ совсѣмъ инымъ. Старый Барлэ могъ быть старъ, какъ горы, и могъ ругаться и божиться, какъ цѣлая армія солдатъ; но въ этомъ домѣ, у Чинковскаго бассейна, было довольно молодости и свѣтлыхъ надеждъ, чтобъ наполнить его до краевъ. Мнѣ пришла въ голову Эстелла и наше прощанье, и я пошелъ домой совершенно грустный.

Все было такъ же спокойно въ Темплѣ, какъ и всегда. Окна, когда то занимаемыя Провисомъ, были теперь темны и угрюмы, и никто не прогуливался въ Гарденъ-Кортѣ. Два, три раза прошелъ я мимо фонтана, прежде чѣмъ войти домой. Гербертъ, возвратившись, подошелъ къ моей постели — потому что, усталый и нравственно измученный, я тотчасъ же легъ въ постель — отрапортовалъ мнѣ тоже самое. Отворивъ затѣмъ одно изъ оконъ, онъ выглянулъ на улицу, ярко освѣщенную луною, и объявилъ мнѣ, что тротуаръ былъ такъ же пустъ, какъ любая церковь въ этотъ часъ.

На слѣдующій день, я отправилсз покупать лодку. Дѣло было скоро улажено и лодка покачивалась у лѣстницы Темпля; я могъ быть въ ней въ одну или двѣ минуты. Я принялся разъѣзжать

по рѣкѣ для практики, иногда съ Гербертомъ, иногда одинъ. Я часто выѣзжалъ въ холодъ, дождь и снѣгъ, но, послѣ нѣсколькихъ разъ никто и не обращалъ на меня вниманія. Сначала я держался выше Блякфрайярскаго моста, но потомъ, когда часы прилива миновали, принялся ѣздить къ Лондонскому мосту. Въ то время, стоялъ еще старый Лондонскій мостъ и, въ извѣстныя времена прилива, ѣздить тамъ было довольно опасно, и потому онъ пользовался дурною славою. Но приглядѣвшись къ тому, какъ дѣлали другіе, я скоро пріучился „пролетать“ подъ мостомъ и уже начиналъ разъѣзжать между кораблями, около Пуля и внизъ до Эрита. Въ первый разъ, какъ я проѣхалъ мимо набережной Мельничнаго Пруда, я гребъ вмѣстѣ съ Гербертомъ и мы оба видѣли, какъ спустилась стора на окнѣ выходившемъ на востокъ. Гербертъ рѣдко бывалъ тамъ менѣе трехъ разъ въ недѣлю и всякій разъ приносилъ мнѣ хорошія извѣстія. Но все же было довольно причинъ опасаться, и я не могъ отдѣлаться отъ мысли, что за мною слѣдятъ. Разъ эта мысль овладѣетъ человѣкомъ, она преслѣдуетъ его, какъ призракъ; трудно счесть въ сколькихъ невинныхъ людяхъ я подозрѣвалъ шпіоновъ.

Однимъ словомъ, я постоянно дрожалъ за безразсудство человѣка, котораго теперь приходилось прятать. Гербертъ иногда говаривалъ мнѣ, что ему всегда пріятно смотрѣть въ сумерки на рѣку и думать, что она течетъ къ Кларѣ со всѣмъ, что она несетъ на своихъ волнахъ. Но я съ ужасомъ думалъ, что она течетъ и къ Магвичу, и, что черныя пятна на ея поверхности, можетъ быть его преслѣдователи, которые быстро, но безъ шума плывутъ, чтобъ накрыть и схватить его.

Глава сорокъ седьмая.

Прошло нѣсколько недѣль—все шло по старому безъ малѣйшей перемѣны. Мы постоянно ждали Уэммика, но онъ не являлся. Если-бъ я не зналъ его внѣ Литтль-Бритейнъ и не бывалъ никогда въ замкѣ, то могъ бы усомниться въ немъ, но теперь подобная мысль и не приходила мнѣ въ голову.

Мои денежныя дѣла принимали довольно угрюмый видъ, и многіе кредиторы уже настоятельно требовали уплаты долговъ. Я самъ даже начиналъ нуждаться въ деньгахъ (я разумѣю въ карманныхъ деньгахъ) и пособлялъ этой бѣдѣ, превращая въ звонкую монету кой-какія, совершенно излишнія мнѣ, драгоцѣнности. Но я считалъ безчестнымъ брать деньги у моего благодѣтеля, особенно въ теперешнемъ, нерѣшительномъ состояніи моихъ мыслей и плановъ. Потому я, не открывая, возвратилъ ему бумажникъ черезъ Герберта, прося его беречь бумажникъ у себя. Я чувствовалъ какое-то особенное удовольствіе, не знаю, было ли оно естественное или искусственное—что еще ни разу не пользовался его щедротами послѣ того, какъ онъ открылся мнѣ.

По мѣрѣ того, какъ время летѣло, меня начинала преслѣдовать мысль, что Эстелла уже должна быть замужемъ. Боясь встрѣтить подтвержденіе моихъ опасеній, я сталъ избѣгать газетъ и просилъ Герберта (которому я разсказалъ наше послѣднее свиданіе) никогда не говорить о ней. Отъ чего я такъ крѣпко держался за этотъ лоскутокъ пестрой ткани моихъ надеждъ, которая вся была разодрана и разметана по вѣтру? Право не знаю—отчего, и вы, читатели, дѣлали такія же несообразности въ прошломъ году, въ прошломъ мѣсяцѣ, можетъ быть, на прошлой недѣлѣ.

Жизнь моя въ то время была самая несчастная; главный предметъ моего безпокойства, господствовавшій надъ всѣми другими, подобно острой вершинѣ, возвышающейся надъ грядою горъ, никогда не выходилъ у меня изъ головы. Несмотря на то, что не было никакихъ новыхъ поводовъ къ страху, я каждое утро вскакивалъ съ постели съ свѣжими опасеніями, что онъ, вѣрно, открытъ и схваченъ; ночью я со страхомъ прислушивался къ шагамъ Герберта и мнѣ казалось, что онъ ускоряетъ ихъ, спѣша сообщить мнѣ недобрыя вѣсти. И такъ проходили дни и ночи въ постоянномъ страхѣ и неизвѣстности. Осужденный на бездѣйствіе и постоянное безпокойство, я продолжалъ разъѣзжать въ своей лодкѣ, ждалъ и дожидался.

Иной разъ, когда во время прилива, спустившись внизъ по рѣкѣ, я не могъ пробраться назадъ мимо грозныхъ арокъ и быковъ стараго Лондонскаго моста, я оставлялъ свою лодку у буяна близь таможни, откуда ее послѣ приводили обратно къ Темплю. Я дѣлалъ это съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что такимъ образомъ береговые жители привыкали къ моей лодкѣ и моимъ поѣздкамъ, чего мнѣ, именно, и хотѣлось. Это пустячное обстоятельство породило двѣ встрѣчи, о которыхъ я намѣренъ теперь разсказать.

Однажды въ сумерки, въ концѣ февраля, я вышелъ изъ лодки на буянъ. Съ отливомъ я спустился до Гринича, и потомъ возвратился назадъ съ приливомъ. День былъ прекрасный, ясный; но когда солнце сѣло, поднялся туманъ и я долженъ былъ очень осторожно пробираться между судами. Оба раза я проѣзжалъ мимо его окна, и видѣлъ условный знакъ, что все благополучно.

Вечеръ былъ сырой, я продрогъ, и потому рѣшился тотчасъ же подкрѣпиться обѣдомъ; потомъ, такъ какъ дома меня ожидали только тоска и одиночество, я вздумалъ пойти въ театръ. Театръ, на которомъ игралъ, хотя и съ сомнительнымъ успѣхомъ, мистеръ Уопсель, находился въ тѣхъ прибрежныхъ краяхъ, и я рѣшился посѣтить его. Я слыхалъ, что мистеръ Уопсель не только не успѣлъ воскресить драму, но даже способствовалъ ея паденію. Изъ афишъ я узналъ, что онъ уже занималъ зловѣщую роль вѣр-

наго арапа, имѣвшаго дѣло съ дѣвицею благороднаго происхожденія и обезьяною. А Гербертъ видѣлъ его въ роли татарина, отличавшагося комическими странностями, съ лицомъ краснымъ, какъ кирпичъ, и громадною шляпою съ побрякушками.

Я пообѣдалъ въ трактирѣ, который мы съ Гербертомъ называли географическимъ трактиромъ, потому что на каждомъ полуярдѣ скатерти грязными донышками портерныхъ бутылокъ были расписаны цѣлыя ландкарты; почти тоже повторялось на каждомъ ножѣ всегда запачканномъ соусомъ. Да и до сегодня, едва ли во всѣхъ владѣніяхъ лорда мэра найдется хоть одинъ трактиръ, который былъ бы не географическій. Послѣ обѣда я долго сидѣлъ, безсознательно разсматривая каждую крошку на скатерти и таращa глаза на газовый рожокъ. Наконецъ, я пришелъ въ себя и отправился въ театръ.

Тамъ я увидѣлъ одного добродѣтельнаго боцмана, находившагося на службѣ его величества,—прекраснѣйшаго во всѣхъ отношеніяхъ человѣка (хотя бы можно было пожелать, чтобъ его панталоны были не такъ въ обтяжку на иныхъ мѣстахъ и не такъ мѣшковаты въ другихъ). Этотъ боцманъ, впрочемъ, очень храбрый и великодушный человѣкъ, постоянно нахлобучивалъ шапки на глаза всѣмъ маленькимъ людямъ, съ которыми имѣлъ дѣло, и слушать не хотѣлъ, чтобъ кто нибудь платилъ подати, несмотря на свой отъявленный патріотизмъ. Онъ постоянно носилъ въ карманѣ мѣшокъ съ деньгами, очень походившій на пуддингъ въ салфеткѣ, и на эти деньги женился на молодой дѣвушкѣ, одѣтой въ какія то занавѣски, должно быть снятыя съ кровати. По случаю этой свадьбы данъ былъ большой праздникъ и всѣ жители Портсмута (числомъ девять, по послѣдней ревизіи) высыпали на морской берегъ, потирая свои руки, пожимая чужія и голося: „Наливай-ка, наливай!“ Но какой то смуглый матросъ, не хотѣвшій „наливать“ и дѣлать то, что дѣлали другіе, и душа котораго (по словамъ боцмана) была такъ же черна, какъ и лицо, подговорилъ двухъ другихъ товарищей затянуть въ бѣду все человѣчество. Этотъ умыселъ былъ такъ удачно приведенъ въ исполненіе, что потребовалось ровно полвечера, чтобъ привести все въ порядокъ, да и тогда дѣло уладилось только благодаря стараніямъ честнаго, мелочнаго торговца, съ большимъ краснымъ носомъ, въ бѣлой шляпѣ и черныхъ штиблетахъ. Этотъ догадливый человѣкъ прятался, съ рашперомъ въ рукахъ, въ большой часовой чахолъ и подслушивалъ, сидя тамъ, все, что говорили; по временамъ, онъ выскакивалъ оттуда и билъ рашперомъ по макушкѣ всякаго, кого не могъ озадачить тѣмъ, что подслушалъ. Это послужило поводомъ къ появленію мистера Уопселя (о которомъ прежде не было и слышно) въ звѣздѣ и подвязкѣ, въ качествѣ уполномоченнаго отъ адмиралтейства. Онъ объявилъ,

что бунтовавшіе матросы будутъ съ мѣста засажены въ тюрьму, а нашему боцману, въ видѣ слабаго вознагражденія за его заслуги, жалуется почетный флагъ на корабль. Доблестный морякъ, въ первый разъ растроганный, почтительно осушаетъ свои слезы флагомъ и, развеселившись, обращается къ мистеру Уопселю и, называя его „вашимъ благородіемъ“, проситъ позволенія пожать ему руку. Мистеръ Уопсель милостиво, но съ достоинствомъ, соглашается на его просьбу. Послѣ этого его забиваютъ въ какой-то грязный уголъ, откуда онъ недовольнымъ взглядомъ окидываетъ публику и останавливается на мнѣ, между тѣмъ какъ всѣ остальные принимаются плясать.

Вторая пьеса была новая, великолѣпная Рождественская пантомима. Въ первомъ дѣйствіи, мнѣ кажется, я узналъ Уопселя въ роли неизвѣстнаго существа въ красныхъ шерстяныхъ чулкахъ съ чудовищно свѣтившимся лицомъ и съ цѣлою горою красной занавѣсочной бахрамы, вмѣсто волосъ. Онъ ковалъ громы въ какой то пещерѣ и обнаруживалъ необыкновенную трусость, когда его хозяинъ возвратился домой (совершенно охрипши) и потребовалъ обѣдать. Но онъ вскорѣ явился въ болѣе видной роли. Герой юношеской любви, нуждаясь въ помощи — по случаю отеческой жестокости одного невѣжественнаго фермера, противившагося сердечному влеченію своей дочери—вызвалъ одного velерѣчиваго кудесника. Этотъ кудесникъ, не совсѣмъ твердо державшійся на ногахъ, вѣроятно, вслѣдствіи неудобствъ, испытанныхъ на пути, былъ никто иной какъ Уопсель, въ высокой, острой шапкѣ и съ большой книжкой черной магіи въ рукахъ. Такъ какъ вся должность этого кудесника состояла въ томъ, чтобъ быть предметомъ рѣчей, пѣсней и тычковъ, то онъ имѣлъ много досуга. Я съ удивленіемъ примѣтилъ, что онъ посвящалъ все свое свободное время на то, чтобъ глядѣть на меня, какъ бы теряясь въ изумленіи.

Было что то особенно замѣчательное въ возраставшемъ блескѣ Уопселевыхъ глазъ, и онъ, повидимому, столько вещей перебиралъ въ своей головѣ и былъ такъ смущенъ, что я рѣшительно не могъ понять, что съ нимъ. Я продолжалъ обдумывать его странные взгляды, когда онъ уже давно исчезъ за облаками въ какомъ то большомъ часовомъ чахлѣ, и, однако, не могъ ничего придумать. Я все еще былъ занятъ этими мыслями, когда часъ спустя, выходя изъ театра, я увидѣлъ его, дожидавшагося меня у дверей.

— Какъ вы поживаете?—сказалъ я, пожавъ ему руку, и идя рядомъ съ нимъ по улицѣ.—Я примѣтилъ, что вы меня увидали.

— Увидалъ васъ, мистеръ Пипъ!—сказалъ онъ.—Конечно, я васъ видѣлъ. Но кто это былъ съ вами?

— Кто былъ со мной?

— Право, непонятное дѣло, — сказалъ мистеръ Уопсель, и

лицо его снова приняло прежнее растерянное выраженіе.—Готовъ побожиться.

Испугавшись въ свою очередь, я сталъ упрашивать Уопселя объясниться.

— Не поручусь, узналъ ли бы я его, еслибъ вы не сидѣли около,—продолжалъ онъ съ тѣмъ же растерянным видомъ.

Я невольно оглянулся, какъ я имѣлъ привычку всегда оглядываться, возвращаясь домой. Эти таинственныя слова бросили меня въ холодъ.

— О! Мы его не догонимъ,—сказалъ мистеръ Уопсель;—онъ вышелъ прежде меня. Я видѣлъ, какъ онъ уходилъ.

Имѣя столько основаній подозрѣвать всѣхъ и каждаго, я даже началъ подозрѣвать и бѣднаго Уопселя. Мнѣ показалось, что онъ хотѣлъ побудить меня на какую нибудь откровенность. Поэтому я только вскользь взглянулъ на него и не сказалъ ни слова.

— Страшная мысль мнѣ пришла въ голову. Мнѣ казалось, что вы пришли вмѣстѣ съ нимъ, но потомъ я увидѣлъ, что вы и не подозрѣвали его присутствія, а онъ слѣдилъ за вами, какъ тѣнь какая.

Прежній страхъ снова овладѣлъ мною, но я рѣшился еще не говорить, ибо изъ его словъ можно было понять, что онъ хочетъ побудить меня отнести все сказанное къ Провису. Конечно, я былъ увѣренъ, что Провисъ не былъ въ театрѣ.

— Вы, должно быть, удивляетесь? Конечно, вы удивляетесь, я вижу это по вашему лицу. Но, право, такъ странно! Вы просто не повѣрите тому, что я вамъ сейчасъ разскажу. Я бы самъ не повѣрилъ, если бы вы мнѣ то же самое разсказали.

— Будто?—замѣтилъ я.

— Право. Помните вы, мистеръ Пипъ, давно давно, одно Рождество, когда вы были еще ребенкомъ, и я обѣдалъ у мистера Гарджери, и вдругъ пришло нѣсколько солдатъ, прося починить пару колодокъ?

— Очень хорошо помню.

— И помните ли вы, какъ мы гонялись за двумя бѣглыми и Гарджери взялъ васъ къ себѣ на спину, и я еще шелъ впереди, а вы плелись за мною, какъ могли?

— Я помню все это очень хорошо. (Лучше даже чѣмъ онъ полагалъ—за исключеніемъ, конечно, послѣдняго факта).

— И помните, мы нашли двухъ людей въ канавѣ? Они дрались между собою и одинъ другого порядкомъ отработалъ, особенно сильно помялъ ему лицо?

— Я все это какъ-будто вижу передъ собою.

— Помните, солдаты зажгли факелы и повели обоихъ, а мы пошли чрезъ темныя болота, за ними, чтобъ посмотрѣть, чѣмъ все это кончится. и свѣтъ отъ факеловъ падалъ на ихъ лица — я

напираю, именно, на это обстоятельство, свѣтъ отъ факеловъ падалъ на ихъ лица, — между тѣмъ, какъ вокругъ насъ царствовала темнота?

— Да, да,—сказалъ я.—Я все это помню.

— Ну-съ, мистеръ Пипъ, вотъ одинъ изъ этихъ каторжниковъ сидѣлъ за вами весь вечеръ. Я видѣлъ его чрезъ ваше плечо.

— Рѣшительно сказано! — подумалъ я, и потомъ спросилъ его—который же изъ нихъ, по его мнѣнію, былъ здѣсь?

— Тотъ, котораго помяли,—запинаясь отвѣтилъ онъ. И я готовъ побожиться, что видѣлъ его. Чѣмъ болѣе я думаю, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что это, дѣйствительно, былъ онъ.

— Однако, это очень любопытно,—сказалъ я, стараясь показать, что фактъ этотъ для меня, дѣйствительно, былъ не болѣе, какъ любопытенъ.

Я рѣшительно не въ состоянiи разсказать въ какое безпокойство меня повергъ этотъ разговоръ и въ какой ужасъ я приходилъ при мысли, что Компесонъ слѣдилъ за мною, „какъ тѣнь“. Если была минуту, когда я не думалъ о немъ съ тѣхъ поръ, какъ явился Провисъ, такъ это, именно, тогда, какъ онъ былъ рядомъ со мною. Я не могъ сомнѣваться, что онъ былъ тамъ, именно потому, что я былъ тамъ, и что какъ ни маловажна была опасность, угрожавшая намъ, она тѣмъ не менѣе существовала и была близка.

Я спросилъ мистера Уопселя, когда вошелъ этотъ человѣкъ? Но онъ не могъ мнѣ дать на это отвѣта, онъ только когда увидѣлъ меня, то сейчасъ за моею спиною увидѣлъ и его. Онъ не вдругъ узналъ его, но тотчасъ же нашелъ, что то общее между мною и имъ, напоминавшее ему мою прежнюю жизнь въ деревнѣ. Какъ былъ онъ одѣтъ?—Хорошо, но ничѣмъ особеннымъ не отличался, кажется, весь былъ въ черномъ.—Было ли лицо его изуродовано?—Нѣтъ, какъ помнится, нѣтъ. Я также полагалъ, что нѣтъ, потому что хотя одумавшись я и не замѣтилъ никого изъ сидѣвшихъ около меня, но все же очень вѣроятно, что совершенно изуродованное лицо бросилось бы мнѣ въ глаза.

Когда мистеръ Уопсель разсказалъ все, что онъ могъ припомнить, или все, что я могъ изъ него вытянуть и когда я угостилъ его кое-чѣмъ, необходимымъ послѣ трудовъ того вечера, мы разошлись. Былъ уже первый часъ, когда я возвратился въ Темпль и ворота были заперты. Никого не было вблизи, когда я вошелъ въ домъ и прошелъ въ свою квартиру.

Гербертъ уже былъ дома, и мы тотчасъ же открыли долгое и серьезное совѣщанiе передъ огнемъ.

Нужно было только сообщить Уэммику о моемъ открытiи и напомнить ему, что мы ожидаемъ его наставленiй. Такъ какъ я боялся повредить ему слишкомъ частыми визитами въ замокъ,

то и рѣшился сообщить ему эти извѣстія по почтѣ. Я написалъ ему прежде чѣмъ легъ спать и тотчасъ же самъ отнесъ и опустилъ письмо въ почтовый ящикъ. Мы съ Гербертомъ рѣшили, что слѣдовало быть какъ можно осторожнѣе. И мы, дѣйствительно, были осторожны, осторожнѣе чѣмъ прежде, если это возможно. Что касается меня, то я никогда не бывалъ и вблизи Чинковскаго бассейна, развѣ только проѣзжалъ мимо, на лодкѣ, и тогда даже я смотрѣлъ на набережную Мельничнаго пруда такъ же хладнокровно, какъ и на всѣ другіе берега.

Глава сорокъ восьмая.

Вторая изъ двухъ встрѣчъ случилась съ недѣлю спустя послѣ первой. Я опять оставилъ свою лодку у буяна, ниже моста, только я вышелъ на берегъ часомъ ранѣе и не рѣшился, гдѣ буду обѣдать. Я добрелъ до Чипсайда и пробирался одинъ одинешенекъ, безъ опредѣленной цѣли, въ дѣловой, суетливой толпѣ, когда кто-то, догнавъ меня, потрепалъ по плечу. Это былъ мистеръ Джаггерсъ, и онъ тотчасъ подхватилъ меня подъ руку.

— Такъ какъ мы идемъ въ одну сторону, Пипъ, то пойдемъ вмѣстѣ. Куда это вы направляетесь?

— Да я думаю въ Темпль,—сказалъ я.

— Вы развѣ не знаете навѣрно?—спросилъ мистеръ Джаггерсъ.

— Вотъ, видите ли, — отвѣтилъ я, обрадовавшись, что на этотъ разъ могу увернуться отъ его допросовъ:—я, *дѣйствительно*, не знаю, потому что еще не рѣшился.

— Но вы идете обѣдать?—сказалъ мистеръ Джаггерсъ.—Это вы можете допустить?

— Да,—отвѣчалъ я:—это я могу допустить.

— И никуда не приглашены?

— Даже и это я могу допустить.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ мистеръ Джаггерсъ:—приходите обѣдать ко мнѣ.

Я уже собирался отказаться, какъ онъ прибавилъ:

— Уэммикъ у меня обѣдаетъ.

Я тотчасъ же согласился. Мы отправились вдоль Чипсайда къ Литтль-Бритейнъ. Между тѣмъ, въ окнахъ магазиновъ загорались огни, и фонарщики, едва находя мѣсто для своихъ лѣстницъ среди толкотни и суеты, то и дѣло карабкались и спускались по нимъ, зажигая фонари.

Въ Литтль-Бритейнѣ повторилось все по обыкновенію: писаніе писемъ, мытье рукъ, тушеніе свѣчей, запираніе замковъ, означавшее, что дневная работа окончена. Не имѣя занятія, я стоялъ и грѣлся у камина. При его мерцавшемъ свѣтѣ, мнѣ показалось, что

обѣ маски на полкахъ играли въ какую то бѣсовскую игру, попеременно поглядывая другъ на друга, а что толстыя жирныя конторскія свѣчи, тускло освѣщавшія уголокъ, въ которомъ писалъ Джаггерсъ, были украшены грязными саванами, какъ бы въ воспоминаніе цѣлаго легіона повѣшенныхъ кліентовъ.

Мы всѣ втроемъ, съ Уэммикомъ, отправились въ Джерардъ-Стритъ въ наемной каретѣ, и какъ только пріѣхали, сѣли обѣдать. Хотя мнѣ и въ голову не пришло бы сдѣлать, хоть бы самый дальній намекъ на ульвортскія убѣжденія, однако я былъ бы не прочь, отъ времени до времени, встрѣтить дружественый взглядъ его; но и этому, какъ видно, не слѣдовало быть. Всякій разъ, какъ онъ поднималъ глаза со стола, онъ вперялъ ихъ въ Джаггерса, и былъ такъ сухъ и сдержанъ со мною, что можно было бы подумать, что есть два Уэммика-близнеца, и это не настоящій Уэммикъ.

— Отослали вы къ мистеру Пипу записочку миссъ Хевишемъ, Уэммикъ?—спросилъ Джаггерсъ скоро послѣ того, какъ мы сѣли за столъ.

— Нѣтъ, сэръ,—отвѣтилъ Уэммикъ.—Я хотѣлъ отослать ее на почту, когда вы пришли съ мистеромъ Пипомъ въ контору. Вотъ она.

Онъ подалъ записку Джаггерсу, вмѣсто того, чтобъ отдать ее мнѣ.

— Всего двѣ строчки, Пипъ,—сказалъ мистеръ Джаггерсъ, передавая ее мнѣ.—И адресовано ко мнѣ, потому что миссъ Хевишемъ не знаетъ вашего адреса. Она пишетъ мнѣ, что желала бы видѣть васъ по поводу одного дѣла, о которомъ вы ей говорили. Вы къ ней поѣдете?

— Да,—отвѣчалъ я, пробѣгая письмо, заключавшее въ себѣ слово въ слово то, что онъ сказалъ.

— Когда же вы думаете ѣхать?

— Меня связываетъ одно важное обстоятельство,—сказалъ я, взглянувъ на Уэммика, опускавшаго въ эту минуту рыбу въ свой непомѣрно большой ротъ,—которое не позволяетъ мнѣ располагать своимъ временемъ; я полагаю, что скоро отправлюсь.

— Если мистеръ Пипъ намѣренъ скоро отправиться,—сказалъ Уэммикъ Джаггерсу:—то ему и не нужно отвѣчать.

Принявъ это за намекъ, что лучше не мѣшкать, я рѣшился ѣхать завтра же, о чемъ и сказалъ имъ. Уэммикъ выпилъ вина и съ очень довольнымъ видомъ взглянулъ на мистера Джаггерса, но не на меня.

— Итакъ, Пипъ, нашъ пріятель, паукъ, — сказалъ Джаггерсъ, — ловко сыгралъ свою игру и взялъ призъ.

Я только былъ въ состояніи поддакнуть.

— О! этотъ молодой человѣкъ подаетъ большія надежды.

Только врядъ ли ему удастся добиться своего. Сильнѣйшій побьетъ подъ конецъ; только сперва надо знать, который изъ двухъ сильнѣйшій. Если окажется, что это онъ, и онъ ее побьетъ...

— Конечно, мистеръ Джаггерсъ, — перебилъ я съ негодованіемъ:—вы не считаете вѣдь его до такой степени мерзавцемъ?

— Я этого не сказалъ, Пипъ. Я только говорю, что можетъ выйти. Если онъ кинется на нее и побьетъ, то сила будетъ на его сторонѣ, если же состязаніе будетъ умственное, то конечно, онъ не выйдетъ побѣдителемъ. Можно только напередъ сказать, что такой молодецъ сдѣлаетъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, потому что тутъ могутъ быть только два исхода.

— А позвольте спросить, какіе именно?

— Такой человѣкъ, каковъ пріятель нашъ паукъ,—отвѣтилъ мистеръ Джаггерсъ, или бьетъ, или ползаетъ. Онъ можетъ ползать и огрызаться, и ползать и не огрызаться, но только, онъ или бьетъ или ползаетъ. Вотъ спросите у Уэммика, какъ *его* мнѣніе.

— Или бьетъ или ползаетъ,—сказалъ Уэммикъ, не обращаясь ко мнѣ.

— Итакъ, за здоровіе мистриссъ Бентли Друммель,—сказалъ мистеръ Джаггерсъ, вынимая изъ погребца графинчикъ отборнаго вина и наливая себѣ и намъ,—и пусть вопросъ о первенствѣ разрѣшится къ ея удовольствію! Къ удовольствію же обоихъ онъ не можетъ разрѣшиться. Ну, Молли, Молли, Молли! Какъ ты медленна сегодня.

Она была въ эту минуту около него и ставила блюдо на столъ. Поставивъ его, она отошла шага на два, нервически бормоча какое то извиненіе и сопровождая его какимъ то движеньемъ пальцевъ, которое обратило на себя мое вниманіе.

— Что такое?—спросилъ мистеръ Джаггерсъ.

— Ничего. Только предметъ нашего разговора слишкомъ тягостенъ для меня,—сказалъ я.

Движеніе ея пальцевъ походило на движеніе ихъ при вязаніи. Она стояла, поглядывая на своего барина и какъ бы не понимая, можетъ ли она идти, или онъ имѣетъ еще что нибудь сказать ей. Взглядъ ея былъ очень выразителенъ. О, конечно, я видѣлъ точь въ точь такіе глаза и такія руки въ памятную мнѣ минуту, очень, очень недавно!

Онъ отпустилъ ее и она тихо, какъ тѣнь, удалилась изъ комнаты. Но я видѣлъ ее совершенно ясно передъ собою, будто она не трогалась съ мѣста. Я смотрѣлъ на эти руки, на эти глаза, на эти развѣвающіеся волоса и сравнивалъ ихъ съ другими руками, другими глазами, другими волосами, которые мнѣ были хорошо знакомъ, и я думалъ на что тѣ будутъ похожи чрезъ двадцать лѣтъ бурной жизни, проведенной съ грубымъ, дикимъ мужемъ. Я снова посмотрѣлъ на руки и глаза экономки, и мнѣ пришло на умъ то

непонятное чувство, которое я ощущалъ когда въ послѣдній разъ шелъ, и не одинъ, по заглохшему саду и запустѣлой пивоварнѣ. Я вспомнилъ, какъ то же чувство проснулось во мнѣ, когда я увидѣлъ лицо, смотрѣвшее на меня, и руку, махавшую мнѣ изъ окна почтовой кареты, и въ другой разъ озарило меня какъ молнія, когда я промчался въ каретѣ, и не одинъ, чрезъ рѣзкую полосу свѣта среди темной улицы. Я думалъ: какъ тотъ разъ, въ театрѣ, одного сцѣпленія старыхъ воспоминаній было достаточно, чтобъ узнать давно забытое лицо, такъ и теперь, случайнаго перехода отъ имени Эстеллы къ движенію пальцевъ, какъ бы ворочавшихъ вязальными спицами, и къ глубокимъ, внимательнымъ глазамъ, стоявшей передо мною женщины, было достаточно, чтобъ подтвердить сходство, давно, хотя совершенно безсознательно, мною подмѣченное. Теперь я былъ твердо убѣжденъ, что эта женщина мать Эстеллы.

Мистеръ Джаггерсъ видалъ меня съ Эстеллою и не могъ не понять чувствъ, которыхъ я и не старался скрывать. Онъ кивнулъ мнѣ головою, когда я сказалъ, что предметъ разговора былъ слишкомъ тягостенъ для меня, потрепалъ меня по плечу, налилъ опять всѣмъ вина и продолжалъ ѣсть.

Экономка послѣ того появлялась только два раза, и не долго оставалась въ комнатѣ. Джаггерсъ сбходился съ нею очень рѣзко. Но руки ея были Эстеллины руки, и глаза ея были Эстеллины глаза, и если бы она появилась еще сотни разъ, то я не могъ бы болѣе увѣриться въ истинѣ моего убѣжденія.

Вечеръ былъ прескучный, потому что Уэммикъ тянулъ свое вино какъ будто по службѣ, не спуская глазъ съ своего начальника. Что же касается количества вина, то онъ, какъ настоящая бездонная бочка, былъ готовъ пить сколько угодно. Съ моей точки зрѣнія, онъ во все время обѣда былъ даже не настоящимъ близнецомъ, а только съ виду походилъ на уольвортскаго Уэммика.

Мы рано распрощались и вышли вмѣстѣ. Когда мы возились между джаггерсовыми сапогами, отыскивая свои шляпы, я уже почувствовалъ, что настоящій близнецъ возвращается, а не сдѣлали мы и десяти шаговъ по Джерардъ-Стриту по направленію къ Уольворту, какъ я почувствовалъ, что шелъ подъ руку съ настоящимъ близнецомъ Уэммика, между тѣмъ какъ поддѣльный улетучился въ вечернемъ воздухѣ.

— Ну!—сказалъ Уэммикъ—какъ гора съ плечъ свалилась. Онъ удивительный человѣкъ да только издали; я чувствую, что я долженъ надѣвать на себя узду, когда обѣдаю у него. А гораздо спокойнѣе обѣдать безъ этого стѣсненія.

Я чувствовалъ, что мысль его была совершенно вѣрная, и такъ и сказалъ ему.

— Никому, кромѣ васъ, не сказалъ бы этого,—отвѣтилъ онъ.

— Я знаю, что сказанное остается между нами.

Я спросилъ его, видалъ ли онъ когда-нибудь воспитанницу миссъ Хевишемъ, теперешнюю мистриссъ Бентли Друммель? Онъ отвѣчалъ, что нѣтъ. Чтобъ избѣжать рѣзкости въ переходѣ, я сталъ разспрашивать его о старикѣ и о миссъ Скиффинзъ. При послѣднемъ имени, лицо его приняло очень лукавое выраженіе и онъ остановился среди улицы, чтобъ высморкнуться; даже и въ этомъ дѣйствіи было что то хвастливое.

— Уэммикъ,—сказалъ я—помните, когда я въ первый разъ отправлялся обѣдать къ мистеру Джаггерсу, вы сказали мнѣ, чтобъ я обратилъ вниманіе на его экономку?

— Будто я сказалъ? — отвѣтилъ онъ. — Впрочемъ, можетъ-быть, я и сказалъ. Да, чортъ побери, — прибавилъ онъ, спохватясь,—конечно, я сказалъ. Видно, я еще не совсѣмъ очнулся.

— Вы назвали ее укрощеннымъ звѣремъ,—сказалъ я.

— А какъ же *вы* ее назовете?

— Точно такъ же. А какъ это Джаггерсъ ее укротилъ, Уэммикъ?

— Это ужъ его секретъ. Она у него уже не первый годъ.

— Я бы желалъ, чтобъ вы мнѣ разсказали ея исторію. Она имѣетъ для меня особенный интересъ. Вы знаете, вѣдь, что все, что ни говорится между нами, не идетъ далѣе.

— Ну-съ,—отвѣчалъ Уэммикъ,—я и самъ не знаю ея исторіи, то-есть, не знаю всей ея исторіи. Но, что я знаю, я вамъ разскажу. Мы здѣсь, конечно, не оффиціальные, а частные люди.

— Конечно.

— Лѣтъ двадцать тому назадъ, ее судили по обвиненію въ убійствѣ, но она была оправдана. Она была прекрасивая молодая женщина, и, если не ошибаюсь, въ ея жилахъ текла отчасти цыганская кровь. Какъ бы то ни было, но она горяча, когда разъиграется ея кровь, какъ вы сами можете себѣ представить.

— Но, вѣдь, она была оправдана?

— Мистеръ Джаггерсъ былъ за нее,—продолжалъ Уэммикъ. И повелъ дѣло просто на удивленіе. Дѣло было отчаянное и онъ еще былъ тогда, сравнительно говоря, молодъ, но несмотря на то всѣхъ изумилъ; въ сущности это дѣло, едва-ли не положило основаніе его славѣ. Онъ самъ, день за днемъ, присутствовалъ въ полицейскомъ судѣ, противясь даже тому, чтобъ ее посадили въ тюрьму, а во время допроса, когда онъ уже не могъ самъ дѣйствовать, онъ сидѣлъ за ея защитниками и, какъ всѣмъ было очень хорошо извѣстно, подпускалъ въ ихъ рѣчи своей соли да перцу. Убитое лицо было женщина, годами десятью старѣе, гораздо болѣе ростомъ, и сильнѣе обвиняемой. Убійство было дѣломъ ревности. Онѣ обѣ вели распутную жизнь и эта женщина, что теперь въ Джерардъ-Стритѣ,

еще въ очень молодыхъ лѣтахъ, обвѣнчалась съ такимъ же распутнымъ молодцомъ, какъ она сама, и въ ревности своей была сущая фурія. Убитая, которая была ему болѣе подъ стать, въ отношеніи лѣтъ, была найдена мертвою въ одной ригѣ близъ Гунзло-Гита. Должно быть не обошлось безъ борьбы, можетъ-быть, даже настоящей драки. Она была избита, изцарапана, ободрана и, наконецъ, задушена. Кромѣ этой женщины, никого другого не было основанія подозрѣвать, и Джаггерсъ, главнымъ образомъ, основалъ свою защиту на томъ, что она не въ состояніи была бы этого сдѣлать. Вы можете быть увѣрены,—прибавилъ Уэммикъ, взявъ меня за рукавъ, что тогда онъ не распространялся о силѣ ея рукъ, какъ теперь иногда.

Я разсказалъ Уэммику, какъ онъ заставилъ ее показать намъ руки во время того обѣда.

— Ну-съ, сэръ,—продолжалъ Уэммикъ:—случилось, извольте видѣть, что съ самаго начала суда эта женщина стала такъ искусно одѣваться, что казалась болѣе слабаго сложенія, чѣмъ была въ дѣйствительности, особенно рукава, говорятъ, были такъ хитро устроены, что руки казались совершенно нѣжными. Въ двухъ трехъ мѣстахъ у нея были синяки, но у такого рода женщинъ это не диковина. А дѣло въ томъ, что обѣ ладони ея были исцарапаны, и оставалось только узнать, не ногтями ли? Въ опроверженіе этого, мистеръ Джаггерсъ показалъ, что она пробиралась чрезъ частый, колючій кустарникъ, который не доставалъ ей до лица, но изъ котораго она не могла выбраться, не исцарапавъ рукъ; кусочки иглъ были вынуты изъ кожи и представлены въ подтвержденіе; сверхъ того, упомянутый кустарникъ оказался поломаннымъ и на иныхъ вѣтвяхъ найдены лоскутья ея платья и капли крови. Но главное его доказательство было слѣдующее. Въ подтвержденіе ея ревности приводили то обстоятельство, что она уже подозрѣвалась въ убійствѣ трехлѣтняго своего ребенка, прижитаго съ упомянутымъ человѣкомъ—ему въ отмщеніе. Мистеръ Джаггерсъ поставилъ вопросъ слѣдующимъ образомъ. Мы говоримъ, что это не мѣтки отъ ногтей, а царапины, причиненныя колючками и мы представляемъ колючки. Вы говорите, что это мѣтки отъ ногтей и еще строите предположеніе, что она убила ребенка. Мы должны допустить всѣ слѣдствія этого предположенія. Насколько намъ извѣстно, она могла убить ребенка, и ребенокъ, ухватившись за нее, могъ исцарапать ей руки. Зачѣмъ же вы не судите ее за убійство ребенка? Итакъ, если вы настаиваете на царапинахъ, то, насколько намъ извѣстно, дѣло теперь совершенно ясно, допуская, конечно, что вы сами ихъ выдумали? Однимъ словомъ, — сказалъ Уэммикъ—мистеръ Джаггерсъ былъ не подъ силу присяжнымъ—и они поддались.

— И она съ тѣхъ поръ находится у него въ услуженіи?

— Да,—сказалъ Уэммикъ—она опредѣлилась къ нему тотчасъ послѣ своего оправданія; теперь-то она укрощена и выучилась кое какимъ обязанностямъ, но прежде всего ее необходимо было укротить.

— А какого полу былъ ребенокъ, помните ли вы?

— Говорятъ, дѣвочка.

— Вы болѣе ничего не имѣете мнѣ сказать сегодня?

— Нѣтъ ничего. Я только получилъ ваше письмо и уничтожилъ его.

Мы дружески распрощались и я отправился домой съ новою пищею для мыслей, но ни мало не успокоенный насчетъ своихъ постоянныхъ опасеній.

Глава сорокъ девятая.

На слѣдующее утро я опять поѣхалъ въ дилижансѣ къ миссъ Хевишемъ, захвативъ съ собою ея записку, какъ предлогъ къ столь скорому возвращенію въ Сатисъ-Гаусъ. Остановившись въ гостиницѣ на полу-дорогѣ и позавтракавъ, я отправился далѣе пѣшкомъ, стараясь проникнуть въ городъ окольными путями, ни кѣмъ не замѣченный.

Уже начинало темнѣть, когда я шелъ пустырями, позади большой улицы. Груды развалинъ, нѣкогда обитель монаховъ, и толстыя стѣны окружавшія ихъ, сады и зданія, теперь обращенныя въ конюшни и навѣсы, были также безмолвны, какъ и самые монахи въ своихъ могилахъ. Отдаленный звонъ колоколовъ и звуки органа сливались для меня въ какой-то унылый, погребальный гулъ, и вороны, летая вокругъ сѣрой башни и деревьевъ монастырскаго сада, казалось, напоминали мнѣ своимъ однообразнымъ крикомъ, что все здѣсь измѣнилось—Эстеллы уже нѣтъ.

Старая служанка, жившая въ пристройкѣ, на заднемъ дворѣ, отворила мнѣ двери.

Свѣчка, попрежнему, стояла въ темномъ корридорѣ, я взялъ ее и пошелъ, попрежнему, по лѣстницѣ. Миссъ Хевишемъ не было въ спальной; она находилась въ большой комнатѣ, по ту сторону лѣстницы. Постучавшись нѣсколько разъ и не получая отвѣта, я, наконецъ, отворилъ дверь и увидѣлъ ее, сидѣвшую передъ каминомъ на изодранномъ креслѣ, и неподвижно вперившую глаза въ огонь.

Вошедши въ комнату, я прислонился къ камину, чтобы она, поднявъ глаза, могла меня замѣтить. Она казалась такъ одинока, что возбудила бы мое сочувствіе, еслибъ не воспоминаніе ужаснаго зла, причиненнаго мнѣ ею. Такимъ образомъ простоялъ я нѣсколько минутъ, посматривая на нее съ жалостью и думая, что и я также испыталъ несчастіе въ этомъ домѣ. Наконецъ, она взглянула на меня и произнесла глухимъ голосомъ:

— Не сонъ ли это?

— Это я, Пипъ. Мистеръ Джаггерсъ отдалъ мнѣ вчера вашу записку и я явился, не теряя времени.

— Благодарю васъ, благодарю васъ.

Тутъ я придвинулъ другое кресло къ камину и, обратясь къ ней, замѣтилъ небывалое выраженіе въ ея лицѣ; она какъ будто боялась меня.

— Я хочу,—сказала она,—возобновить разговоръ о предметѣ, о которомъ вы прошлый разъ говорили, и показать вамъ, что я не безчувственна, какъ камень. Но, можетъ-быть, вы никогда не повѣрите, что въ моемъ сердцѣ есть хоть частица чувства?

Когда я на это отвѣтилъ нѣсколькими успокоительными словами, она протянула жилистую правую руку, будто хотѣла дотронутся до меня, но отдернула ее, прежде чѣмъ я успѣлъ понять ея намѣреніе.

— Вы сказали, говоря о вашемъ другѣ, что вы можете указать мнѣ, какъ помочь ему. Вы, кажется, очень желали, чтобъ я это сдѣлала?

— Дѣйствительно, я очень, очень, желалъ бы этого.

— Въ чемъ же заключается ваше желаніе?

Я началъ разсказывать ей исторію его поступленія въ контору. Я только что началъ свой разсказъ, когда замѣтилъ, по ея взглядамъ, что она не слѣдитъ за моими словами. Я остановился. Нѣсколько минутъ прошло прежде, чѣмъ она это замѣтила.

— Вы перестали говорить, — сказала она, съ видомъ, будто боится меня: — вы меня настолько ненавидите, что не хотите говорить со мною?

— Нѣтъ, нѣтъ, — отвѣтилъ я, какъ вы можете это думать, миссъ Хевишемъ! Я остановился, думая, что вы не слѣдите за моимъ разсказомъ.

— Можетъ-быть, это и правда, — отвѣчала она, прикладывая руку къ головѣ. — Начните снова... Постойте!.. Ну, разсказывайте.

Она уперлась руками на палку и смотрѣла на огонь, съ видомъ усиленнаго вниманія. Я продолжалъ разсказъ, говоря ей, какъ я надѣялся покончить дѣло собственными средствами, и какъ мнѣ это не удалось. Причину того, прибавилъ я, — я не могу объяснить, потому что это чужая тайна.

— Такъ! — сказала она, кивая головой и не глядя на меня. А сколько вамъ надо денегъ?

Я было побоялся сказать всю сумму, такъ она была велика: — девятьсотъ фунтовъ.

— Если я вамъ дамъ эти деньги, сохраните ли вы столь же свято мою тайну, какъ сохранили свою?

— Непремѣнно.

— И вы будете покойны?

— Значительно покойнѣе.

— Вы теперь очень несчастны?

Она сдѣлала послѣднiй вопросъ, не глядя на меня, но съ тономъ необыкновеннаго сочувствiя.

Я не могъ тотчасъ отвѣчать. Голосъ измѣнялъ мнѣ. — Она положила лѣвую руку на палку и опустила голову на нее.

— Я очень несчастливъ, миссъ Хевишемъ; но вы не знаете причины моего безпокойства. Она то и есть тайна, о которой я вамъ говорилъ.

Она подняла голову и опять стала смотрѣть на огонь.

— Съ вашей стороны очень благородно говорить, что вы имѣете еще постороннiя причины быть несчастнымъ. Правда ли это?

— Увы, правда.

— Развѣ я могу вамъ быть полезной, только помогая вашему другу? Не могу ли я чѣмъ-нибудь услужить вамъ самимъ?

— Ничѣмъ. Благодарю васъ всего болѣе за сочувствiе. Но я лично ни въ чемъ не нуждаюсь.

Тутъ она встала съ кресла, и оглянулась, отыскивая повидимому бумагу и перо. Но таковыхъ не оказалось, и потому она вынула изъ кармана маленькую записную книжку и начала писать карандашемъ.

— Вы въ хорошихъ отношенiяхъ съ Джаггерсомъ?

— Да, я вчера обѣдалъ у него.

— Вотъ записка къ нему, чтобъ онъ заплатилъ вамъ деньги для вашего друга. Я дома не держу денегъ, но, если вы желаете, чтобы мистеръ Джаггерсъ не узналъ ничего объ этомъ дѣлѣ, я вамъ сама пришлю деньги.

— Благодарю васъ, миссъ Хевишемъ, у меня нѣтъ причины скрыватъся отъ него.

Она прочла мнѣ свою записку; содержанiе ея было простое и ясное и совершенно избавляло меня отъ подозрѣнiя въ желанiи присвоить себѣ эти деньги. Я взялъ книжку изъ ея дрожащей руки, которая еще болѣе задрожала, когда она, не глядя на меня, подала мнѣ карандашъ.

— Мое имя написано на первомъ листкѣ. Если вы когда-нибудь, хотя бы послѣ моей смерти, будете въ состоянiи написать подъ моимъ именемъ „я прощаю ей“, то умоляю васъ, сдѣлайте это.

— О, миссъ Хевишемъ,—сказалъ я,—я это теперь же могу исполнить. Я самъ дѣлалъ жестокiя ошибки и жизнь моя была до сихъ поръ безплодна и безотрадна; самъ я слишкомъ нуждаюсь въ прощенiи, чтобы быть злопамятнымъ.

Она въ первый разъ прямо взглянула на меня, и, къ крайнему моему изумленiю и страху, упала на колѣни у ногъ моихъ, простирая ко мнѣ руки умоляющимъ образомъ. При видѣ сѣдой ста-

рухи на колѣняхъ передо мною, я невольно содрогнулся. Я умолялъ ее встать, и обхватилъ ее руками, чтобы помочь ей, но она только пожимала руку мою въ своихъ рукахъ и, опустивъ голову, зарыдала. Я никогда прежде не видалъ ее въ слезахъ и, въ надеждѣ, что слезы ее облегчатъ, не мѣшалъ ей плакать. Она уже не стояла на колѣняхъ, а совершенно распростерлась на полу.

— О,—отчаянно воскликнула она: — что я сдѣлала, что я сдѣлала!

— Если вы этимъ хотите сказать, что вы сдѣлали мнѣ, то я могу васъ увѣрить, что вы мнѣ сдѣлали очень мало вреда.—Я полюбилъ бы ее и безъ васъ. Она замужемъ?

— Да.

Это былъ совершенно лишній вопросъ; небывалая пустота въ уединенномъ домѣ, уже служила на него отвѣтомъ.

— Что я сдѣлала! Что я сдѣлала!—Она ломала свои руки, рвала на себѣ сѣдые волосы и продолжала вопить:—Что я сдѣлала!

Я не зналъ, что отвѣчать ей, какъ ее успокоить. Я зналъ, что она поступила дурно, принявъ къ себѣ на воспитаніе впечатлительное дитя, чтобы создать изъ него орудіе своей мести. Но я зналъ и то, что лишая себя свѣта, они лишила себя и многаго другого; ея умъ, не имѣвшій никакого сообщенія съ людьми, подвергся нравственному недугу, какъ всегда бываетъ съ человѣкомъ, нарушающимъ естественный порядокъ вещей. И могъ ли я смотрѣть на нее безъ сожалѣнія, видя, какъ она уже наказана, какъ неспособна жить на свѣтѣ, какъ гордость добровольнаго страданія овладѣла всѣмъ ея существомъ и отравляла всякую минуту ея жизни.

— До послѣдняго вашего разговора съ нею, когда я увидѣла ваше изображеніе въ зеркалѣ, я сама не понимала, что сдѣлала! Я забыла, что нѣкогда сама испытала то же.—Что я сдѣлала! Что я сдѣлала! И снова десятки, сотни разъ повторяла она: „что я сдѣлала!"

— Миссъ Хевишемъ,—сказалъ я,—не думайте обо мнѣ, и не упрекайте себя ни въ чемъ; это нисколько не касается меня. Но Эстелла, дѣло другое; и если вы хоть сколько нибудь исправите вредъ, причиненный ей вашимъ воспитаніемъ, то вы лучше поступите, чѣмъ оплакивать сотни лѣтъ ваше заблужденіе.

— Да, да, я это знаю. Но, Пипъ, другъ мой!—возразила она съ видомъ глубокаго чувства. —Другъ мой, повѣрьте мнѣ, когда я впервые увидала ее, я хотѣла спасти ее отъ несчастія, испытаннаго мною. Сначала, я этого только и хотѣла.

— Я надѣюсь что такъ,—сказалъ я.

— Но когда она подросла, сдѣлалась красавицей, я пошла далѣе; своими похвалами, брильянтами, наставленіями и разсказами о своей участи, я испортила ея сердце и сдѣлала его безчувственнымъ.

— Лучше поступили бы вы, — невольно воскликнулъ я, — еслибъ ей оставили ея природное сердце, хотя бы и ему предстояло только терзаться и страдать.

Тутъ миссъ Хевишемъ посмотрѣла на меня какъ то безсмысленно и опять воскликнула:—Что я сдѣлала! Еслибъ вы знали мою жизнь, вы пожалѣли бы о мнѣ и лучше бы поняли меня.

— Миссъ Хевишемъ, — отвѣчалъ я, сколько могъ деликатнѣе,—я могу сказать, что знаю вашу жизнь, и знаю ее съ тѣхъ поръ, какъ переселился въ Лондонъ. Судьба ваша возбудила во мнѣ самое искреннее сожалѣніе и я глубоко сочувствую вашимъ несчастіямъ. Позвольте мнѣ вамъ сдѣлать одинъ вопросъ объ Эстеллѣ?

Она сидѣла на полу, держась руками за кресло и положивъ на нихъ голову.

Пристально взглянувъ на меня, она сказала:—продолжайте!

— Кто родители Эстеллы?—спросилъ я.

Она покачала головой.

— Вы не знаете?

Она опять покачала головой.

— Но мистеръ Джаггерсъ самъ привезъ ее къ вамъ, или прислалъ съ кѣмъ?

— Онъ самъ привезъ.

— Разскажите мнѣ, пожалуйста, какъ это случилось?

Она отвѣчала тихимъ шепотомъ и очень медленно:

— Я долго одна сидѣла въ заперти въ этихъ комнатахъ (не сумѣю сказать какъ долго; вы знаете, какъ хорошо часы указываютъ здѣсь время). Наконецъ, я сказала Джаггерсу, что желаю взять на воспитаніе маленькую дѣвочку и спасти ее отъ участи, постигшей меня. Я въ первый разъ познакомилась съ нимъ, когда поручила ему купить для меня этотъ домъ; я прочла статью въ газетахъ, гдѣ очень расхваливали его заслуги, не задолго передъ тѣмъ, какъ покинула свѣтъ. Онъ обѣщалъ пріискать мнѣ сиротку. Однажды ночью привезъ онъ ее сюда спящею и я назвала ее Эстеллою.

— А сколько ей было тогда лѣтъ?

—Два или три года. Она сама ничего не помнитъ о своемъ происхожденіи, знаетъ только, что осталась сиротой и что я воспитала ее.

Я до того увѣренъ былъ, что экономка Джаггерса мать Эстеллы, что не нуждался ни въ какихъ доказательствахъ.

Мнѣ казалось, родство между ними должно быть ясно для всякаго. Что же мнѣ оставалось болѣе дѣлать у миссъ Хевишемъ? Я уладилъ дѣло Герберта, миссъ Хевишемъ сказала мнѣ все, что знала объ Эстеллѣ, я же, на сколько могъ, успокоилъ ее. Поэтому, не продолжая разговора, мы распростились.

Вечерняя заря потухала, когда сошедши съ лѣстницы, я вы-

шелъ на дворъ. Я сказалъ женщинѣ, отворившей мнѣ ворота, что прежде чѣмъ уйти, хочу погулять по саду. Что то говорило мнѣ, что я здѣсь въ послѣднiй разъ. Я чувствовалъ, что проститься съ этимъ памятнымъ для меня мѣстомъ приличнѣе всего при слабомъ свѣтѣ замирающаго дня. Я прошелъ въ запущенный садъ, по остаткамъ бочекъ, по которымъ я нѣкогда лазилъ. Я обошелъ весь садъ; заглянулъ въ уголъ, гдѣ мы дрались съ Гербертомъ, въ уединенныя дорожки, по которымъ мы гуляли съ Эстеллою. Все было такъ холодно, безжизненно! На возвратномъ пути, проходя мимо пивоварни, я отворилъ маленькую дверь, вошелъ въ нее, и хотѣлъ уже выдти въ противоположную дверь, но ее не такъ легко было отворитъ; дерево отъ сырости растрескалось и разбухло; петли заржавѣли и порогъ совершенно обросъ травою. Я внезапно оглянулся, мнѣ показалось, какъ когда-то въ дѣтствѣ, что миссъ Хевишемъ виситъ на перекладинѣ. Впечатлѣнiе это было такъ сильно, что я стоялъ подъ перекладиной, дрожа отъ головы до ногъ, пока, опомнившись, не убѣдился, что это только игра моего воображенiя.

Уединенность мѣста, ночное время, страхъ, хотя и минутный, причиненный мнѣ призракомъ, сильно подѣйствовали на меня. Пройдя на переднiй дворъ, я колебался съ минуту, позвать ли мнѣ женщину, чтобъ она отворила ворота, или вернуться наверхъ, посмотрѣть не случилось ли на самомъ дѣлѣ чего съ миссъ Хевишемъ, послѣ моего ухода. Я рѣшился на послѣднее.

Я заглянулъ въ комнату, гдѣ ее оставилъ; она сидѣла попрежнему въ старомъ креслѣ близъ камина, спиною ко мнѣ. Я уже собирался уйти, когда увидѣлъ сильный свѣтъ въ комнатѣ. Въ то же мгновенiе миссъ Хевишемъ бросилась ко мнѣ, съ крикомъ, вся въ огнѣ. На мнѣ былъ толстый сюртукъ и такое же пальто на рукѣ. Я скорѣе сбросилъ ихъ, положилъ ее на полъ и покрылъ ими; потомъ сорвалъ со стола суконную скатерть, для той же цѣли, поднявъ въ комнатѣ ужасную пыль, и сбросивъ на полъ всѣхъ гадинъ, скрывавшихся въ ней. Мы отчаянно боролись съ нею на полу; я старался накрыть ее, а она, съ неистовымъ крикомъ, силилась освободиться; все это я созналъ только впослѣдствiи, ибо въ ту минуту самъ не понималъ, что дѣлалъ. Когда я опомнился, я увидалъ себя съ миссъ Хевишемъ на полу, близъ большого стола; пепелъ отъ ея стараго вѣнчальнаго платья еще леталъ по комнатѣ. Тутъ я оглянулся и увидѣлъ разбѣгавшихся во всѣ стороны пауковъ и насѣкомыхъ, а въ дверяхъ прислугу, спѣшившую къ намъ на помощь. Я все еще насильно удерживалъ ее на полу, будто боясь, чтобъ она не убѣжала, и сомнѣваюсь, зналъ ли я въ то время, кто она и къ чему я держу ее.

Она была въ безпамятствѣ, и я боялся поднять ее. Послали за докторомъ; я продолжалъ держать ее, будто огонь вспыхнулъ бы снова и сжегъ ее, еслибъ я ее оставилъ. При входѣ врача я всталъ

и съ удивленіемъ замѣтилъ, что обжегъ себѣ обѣ руки; до того времени я не чувствовалъ боли.

Осмотрѣвъ больную, докторъ нашелъ, что хотя она получила значительные ожоги, но они сами по себѣ не опасны, а главная опасность заключается въ нервномъ сотрясеніи. По указаніямъ доктора, ей постлали постель на большомъ столѣ, болѣе удобномъ для перевязки ранъ. Когда я чѐрезъ часъ опять вошелъ туда, она лежала на томъ самомъ мѣстѣ, на которое нѣкогда указала палкой, сказавъ мнѣ, что будетъ здѣсь лежать покойницею.

Все ея платье сгорѣло; ее обернули ватой до самаго горла, накрыли бѣлой простыней, такъ что она, какъ и прежде, походила на чудовищный призракъ.

Я узналъ отъ прислуги, что Эстелла въ Парижѣ, и докторъ обѣщалъ мнѣ написать ей со слѣдующею почтою. Я же взялся написать ея родственникамъ, рѣшившись при этомъ сообщить о̆ случившемся одному Покету и предоставить ему дѣйствовать, что касается до другихъ, какъ ему заблагоразсудится, что и сдѣлалъ по прибытіи въ Лондонъ на слѣдующій день. Вечеромъ, миссъ Хевишемъ говорила здраво о случившемся, хотя и съ лихорадочнымъ увлеченіемъ. Но около полуночи она стала бредить и повторять несчетное число разъ отчаяннымъ голосомъ: — „что я сдѣлала!... Когда она впервые прибыла сюда, я хотѣла только избавить ее отъ участи, подобной моей!.. Возьмите карандашъ и напишите подъ моимъ именемъ: я прощаю ей!..“ Она не измѣняла порядка этихъ фразъ, только иногда глотала какое нибудь слово.

Такъ какъ мое присутствіе здѣсь было совершенно безполезно, а дома оставался предметъ моего постояннаго безпокойства, то я рѣшился ѣхать въ Лондонъ съ утреннимъ дилижансомъ и сѣсть въ него за городомъ. Около 6-ти часовъ утра, я подошелъ къ миссъ Хевишемъ и дотронулся до ея губъ своими губами; она въ эту минуту въ сотый разъ повторяла:—„возьмите карандашъ и напишите подъ моимъ именемъ: я прощаю ей!“

То было въ первый и послѣдній разъ, что я дотронулся до ея губъ. Я болѣе никогда не видалъ ея.

Глава пятидесятая.

Перевязку возобновляли мнѣ на рукахъ два или три раза ночью и утромъ. Лѣвая рука была сильно обожжена до локтя и слегка около плеча. Боль въ ранахъ была очень мучительна, но я благодарю Бога, что не случилось хуже. Правая рука, хотя и пострадала, но все же я могъ двигать пальцами. Она такъ же была обвязана, но меньше лѣвой, которую я принужденъ былъ подвязать къ груди; сюртукъ приходилось мнѣ носить въ видѣ плаща, застегнутаго у

шеи и свободно висящаго на плечахъ. Волоса также немного погорѣли. Но лицо и голова по счастью не пострадали.

Гербертъ, по возвращеніи изъ Гаммерсмита, гдѣ онъ видался со своимъ отцемъ, посвятилъ весь день няньчелью за мною. Онъ былъ нѣжнѣе всякой сидѣлки: въ положенные сроки снималъ перевязки и, помочивъ ихъ въ освѣжающую примочку, прикладывалъ ихъ съ такимъ терпѣніемъ, что я не зналъ, какъ выразить ему свою благодарность. Сначала, пока я лежалъ на диванѣ, я никакъ не могъ позабыть, хоть на минуту, блеска пламени, шума и суетни въ домѣ. Если задремлю, бывало, на минуту, меня будили крики миссъ Хевишемъ и я видѣлъ ее, бѣжавшую ко мнѣ, всю объятую пламенемъ. Такое настроеніе нервовъ было гораздо тягостнѣе всякой тѣлесной боли, и Гербертъ, замѣчая это, старался, насколько могъ, развлекать меня. Никто изъ насъ не говорилъ ни слова о лодкѣ, но мы оба только о ней и думали. Это было ясно изъ того, что мы избѣгали упоминать о ней, и заботились о томъ, чтобы я какъ можно скорѣе былъ въ состояніи грести. Разумѣется, мой первый вопросъ при встрѣчѣ съ Гербертомъ былъ:—все-ли благополучно тамъ, внизу на рѣкѣ? Онъ отвѣтилъ утвердительно веселымъ и спокойнымъ тономъ, и мы не возобновляли объ этомъ разговора до конца дня, когда Гербертъ, перемѣняя перевязки, при свѣтѣ камина, сказалъ мнѣ:

— Я вчера вечеромъ, Гендель, провелъ съ Провисомъ добрыхъ два часа.

— Гдѣ-жъ была Клара? — спросилъ я.

— Доброе существо!—отвѣчалъ Гербертъ.—Она весь вечеръ то и дѣло, что бѣгала къ ревуну. Онъ начиналъ стучать, какъ только она его оставляла. Сомнѣваюсь, чтобы онъ могъ долго еще прожить. Благодаря рому да перцу, перцу да рому, я думаю, онъ скоро перестанетъ стучать.

— И ты тогда женишься на ней, Гербертъ?

— Какъ же мнѣ иначе беречь это милое дитя?—Положи-ка руку на спинку дивана, мой другъ, а я сюда присяду и сниму понемногу перевязку, чтобы тебя не безпокоить. Но возвратимся къ Провису; знаешь ли, онъ исправляется.

— Я тебѣ говорилъ, что онъ смягчился, уже и тогда, когда я его видѣлъ въ послѣдній разъ.

— Да, это правда, онъ вчера вечеромъ былъ очень разговорчивъ и разсказалъ мнѣ кое что о своей жизни. Помнишь ли, какъ онъ прервалъ свой разсказъ, заговоривъ о женщинѣ, причинившей ему столько хлопотъ... Ушибъ я тебя?—Я вздрогнулъ, но не отъ его прикосновенія. Слова его заставили меня вздрогнуть.

— Я совсѣмъ было забылъ объ этомъ, но теперь припоминаю,—сказалъ я.

— Онъ познакомилъ меня съ этой частью своей дѣйствитель-

но темной жизни. Передать ли тебѣ его разсказъ или теперь это тебя обезпокоитъ?

— Передай мнѣ все до послѣдняго слова!

Гербертъ нагнулся и пристально взглянулъ на меня, полагая вѣроятно, что моя просьба была сдѣлана слишкомъ горячо.

— Голова у тебя не горяча?—сказалъ онъ, прикладывая руку къ ней.

— Нимало,—отвѣчалъ я.—Разскажи мнѣ, что Провисъ сообщилъ тебѣ новаго, любезный Гербертъ.

— Вотъ,—сказалъ Гербертъ,—я снялъ перевязку и теперь положу свѣжую. Ты вздрагиваешь, другъ! Но сейчасъ почувствуешь облегченіе. Эта женщина, видно, была молода, ревнива и мстительна, мстительна до послѣдней крайности.

— До какой крайности?

— До смертоубійства.—Тебѣ слишкомъ холодно?

— Нѣтъ. Кого же она убила? И какимъ образомъ?

— Впрочемъ, ея поступокъ, можетъ, и не заслуживаетъ этого названія,—сказалъ Гербертъ;—но ее обвинили въ убійствѣ и судили. Мистеръ Джаггерсъ, защищая ее, вошелъ въ славу; тогда и Провисъ въ первый разъ узналъ о немъ.—Жертвою ея была другая женщина. Кто началъ драку—неизвѣстно, только, послѣ ужасной борьбы въ сараѣ, жертва найдена задушенною.

— И признали ее виновною?

— Нѣтъ, ее оправдали...—Бѣдный мой Гендель, я тебѣ раздражаю рану.

— Нѣтъ, нельзя быть нѣжнѣе, Гербертъ. Что же дальше?

— Отъ этой оправданной молодой женщины и Провиса,—сказалъ Гербертъ,—родился ребенокъ, маленькая дѣвочка, сильно любимая Провисомъ. Нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, какъ она удавила предметъ своей ревности, эта женщина явилась къ Провису и поклялась убить его ребенка... Теперь я хорошо перевязалъ тебѣ лѣвую руку и остается только поправить правую. Мнѣ легче дѣлать перевязки при такомъ полу-свѣтѣ; мои руки рѣшительнѣе дѣйствуютъ, когда я не совсѣмъ ясно вижу страшныя раны. Но тебѣ трудно дышать, любезный другъ? Мнѣ кажется, ты слишкомъ часто дышешь?

— И женщина эта сдержала клятву, Гербертъ?

— Здѣсь то и есть самое темное мѣсто въ жизни Провиса. Она дѣйствительно исполнила свою угрозу.

— То-есть, онъ говоритъ, что она исполнила?

— Разумѣется, милый другъ,—возразилъ Гербертъ, съ видомъ удивленія и опять наклоняясь, чтобъ ближе взглянуть на меня:—онъ разсказалъ мнѣ все это. Другихъ свѣдѣній я не имѣю.

— Конечно, тебѣ не откуда ихъ имѣть.

— Теперь,—продолжалъ Гербертъ:—Провисъ не говоритъ, хорошо или худо онъ обходился съ матерью ребенка. Но она жила съ нимъ пять или шесть лѣтъ и никогда не оставляла его, даже въ самыхъ жалкихъ обстоятельствахъ и, мнѣ кажется, онъ сожалѣлъ о ней и спускалъ ей многое. Онъ говоритъ, что изъ опасенія быть призваннымъ въ свидѣтели противъ нея и сдѣлаться причиною ея смерти, онъ прятался отъ судей, и потому при слѣдствіи только вскользъ упоминалось о какомъ то Абелѣ, бывшемъ причиною ревности этой женщины. Она пропала безъ вѣсти, послѣ того, какъ ее оправдали и такимъ образомъ Провисъ лишился и ребенка и матери его.

— Скажи, пожалуйста...

— Сейчасъ я кончу, милый другъ,—продолжалъ Гербертъ.—Злой геній, Компесонъ, мошенникъ изъ мошенниковъ, зналъ о причинахъ, заставлявшихъ Провиса скрываться въ то время, и, разумѣется, воспользовался этимъ, чтобы еще болѣе поработить его себѣ. Вотъ, гдѣ кроется главная причина ненависти къ нему Провиса.

— Я хотѣлъ бы знать, Гербертъ,—сказалъ ли онъ тебѣ, когда это случилось?

— Дай мнѣ припомнить его собственныя слова. Онъ, кажется, выразился такъ:—это было лѣтъ двадцать тому назадъ, когда я только что сошелся съ Компесономъ. Сколько тебѣ было лѣтъ, когда ты повстрѣчался съ нимъ на кладбищѣ?

— Лѣтъ семь, я думаю.

— Ну, такъ онъ говоритъ, что это случилось года три или четыре передъ тѣмъ, и ты напомнилъ ему потерянную имъ дѣвочку, которая была бы твоихъ лѣтъ.

— Гербертъ,—сказалъ я, послѣ небольшого молчанія,—ты можешь лучше разсмотрѣть меня у окна, или у камина?

— У камина,—отвѣчалъ Гербертъ, подходя ко мнѣ.

— Посмотри на меня.

— Ну, посмотрѣлъ.

— Пощупай меня.

— Ну, я держу твою руку, любезный другъ.

— Ты не думаешь, Гербертъ, чтобъ я былъ въ горячкѣ, или чтобъ мои мысли были сильно разстроены послѣ вчерашняго происшествія?

— Нѣтъ,—сказалъ Гербертъ, посмотрѣвъ на меня внимательно.—Ты нѣсколько разгорячился, но совсѣмъ въ нормальномъ положеніи.

— Конечно, я увѣренъ въ этомъ и въ томъ, что человѣкъ, кораго мы скрываемъ,—отецъ Эстеллы.

Глава пятьдесятъ первая.

Я, право, не могу сказать, зачѣмъ я такъ горячо желалъ узнать, кто дѣйствительно были родители Эстеллы? Вообще, этотъ вопросъ представлялся мнѣ очень смутнымъ до тѣхъ поръ, пока его не уяснилъ мнѣ человѣкъ, лучше знакомый съ дѣломъ.

Я знаю только, что когда Гербертъ разсказалъ мнѣ все слышанное отъ Провиса, мною овладѣло какое то лихорадочное желаніе раскрыть эту тайну. Мнѣ казалось, что я не долженъ былъ оставлять этого дѣла, напротивъ того, обязанъ, не теряя времени, повидать мистера Джаггерса и узнать отъ него всю тайну.

Я не знаю, побуждало ли меня къ тому желаніе принести пользу Эстеллѣ, или я съ радостью пользовался случаемъ, чтобъ перенести на человѣка, о которомъ теперь такъ заботился, хоть часть той любви, которую питалъ къ Эстеллѣ. Быть можетъ, послѣднее предположеніе вѣроятнѣе.

Какъ бы то ни было, но Гербертъ меня едва удержалъ. Я хотѣлъ тотчасъ же ночью идти къ Джаггерсу. Онъ увѣрялъ, что если я пойду, то конечно заболѣю и буду неспособнымъ помочь Провису, когда онъ всего болѣе будетъ нуждаться въ моей помощи. Его слова нѣсколько умѣрили мое нетерпѣніе. Рѣшившись, во что бы то ни стало, пойти къ Джаггерсу на другое утро, я нѣсколько успокоился и согласился спокойно пролежать всю ночь.

На другой день, очень рано, мы отправились вмѣстѣ въ городъ. На углу Гильпуръ Стрита, около Смитфильда, я разстался съ Гербертомъ. Онъ пошелъ въ Сити, а я повернулъ въ Литтль-Бритень.

По временамъ Джаггерсъ съ помощью Уэммика свѣрялъ и приводилъ въ порядокъ свои счетныя книги. Уэммикъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ носилъ всѣ книги и счеты въ комнату мистера Джаггерса и тамъ съ нимъ занимался, а его мѣсто въ конторѣ занималъ тогда одинъ изъ писцовъ. Найдя теперь одного изъ нихъ за Уэммиковой конторкою, я догадался въ чемъ дѣло; но былъ очень радъ, что буду говорить съ Джаггерсомъ при Уэммикѣ, ибо онъ такимъ образомъ самъ будетъ свидѣтелемъ, что я ничего не сказалъ, могущаго его компрометировать. Мой видъ съ подвязанной рукой и сюртукомъ накинутымъ на плеча способствовалъ эффекту моего прихода.

Я уже вчера ночью, по пріѣздѣ въ Лондонъ, извѣстилъ мистера Джаггерса о случившемся, но теперь хотѣлъ сообщить ему всѣ подробности.

Необыкновенное происшествіе это какъ то сдѣлало нашъ разговоръ болѣе оживленнымъ и не столь натянутымъ, какъ обыкновенно. Во все время моего разсказа мистеръ Джаггерсъ стоялъ, по своему обыкновенію, передъ каминомъ. Уэммикъ, прислонясь на

спинку кресла и заложивъ руки въ карманы, смотрѣлъ мнѣ нрямо въ глаза. Чудовищные слѣпки, какъ то нераздѣльные въ моемъ воображенiи съ оффицiальными прiемами Джаггерса, казалось, слышали запахъ гари.

Когда я кончилъ свой разсказъ и отвѣтилъ на нѣсколько вопросовъ, предложенныхъ мнѣ Джаггерсомъ и Уэммикомъ, я представилъ записку миссъ Хевишемъ, уполномочивавшую меня получить 900 фунтовъ для Герберта. Мистеръ Джаггерсъ, взявъ ея записную книжку, нѣсколько прищурился, но тотчасъ же передалъ ее Уэммику и приказалъ написать мнѣ вексель. Я смотрѣлъ на Уэммика, пока онъ писалъ; а Джаггерсъ въ то же время покачиваясь то въ ту, то въ другую сторону, смотрѣлъ на меня.

— Мнѣ очень жаль, Пипъ,—сказалъ онъ, вручая мнѣ вексель, послѣ того, что онъ подписалъ его,—что эти деньги не для васъ.

— Миссъ Хевишемъ была такъ добра,—отвѣчалъ я,—что спросила не можетъ ли она мнѣ сдѣлать чего, но я отвѣчалъ, что нѣтъ.

— Каждый человѣкъ долженъ знать лучше про свои дѣла, — сказалъ Джаггерсъ. Движенiю губъ Уэммика ясно выражало его любимый доводъ: „движимое имущество“.

— Я бы на вашемъ мѣстѣ не сказалъ бы нѣтъ,—продолжалъ Джаггерсъ,—но каждый человѣкъ долженъ лучше знать про свои дѣла.

— Каждый человѣкъ обязанъ пещись о прiобрѣтенiи движимаго имущества,—сказалъ Уэммикъ, посмотрѣвъ на меня съ упрекомъ.

Теперь, мнѣ казалось, была лучшая минута начать разговоръ, для котораго собственно я и пришелъ. Поэтому, обращаясь къ Джаггерсу, я сказалъ:

— Я таки попросилъ кое что у миссъ Хевишемъ, сэръ. Я попросилъ ее передать мнѣ все, что она знала о своей воспитанницѣ и она исполнила мою просьбу.

— Неужели? — спросилъ Джаггерсъ, нагнувшись, чтобъ посмотрѣть на свои сапоги, и потомъ тотчасъ же снова выпрямляясь. —Ну,—продолжалъ онъ,—я бы не сдѣлалъ этого на ея мѣстѣ; впрочемъ, это ея дѣло, ей лучше знать.

— Я знаю, однако, болѣе о воспитанницѣ миссъ Хевишемъ, чѣмъ она сама. Я знаю мать Эстеллы.

Джаггерсъ вопросительно посмотрѣлъ на меня и повторилъ— „мать?“

— Я видѣлъ ее третьяго дня.

— Будто!—сказалъ Джаггерсъ.

— И вы ее также видѣли, сэръ. Вы еще ее видѣли гораздо позже меня.

— Будто!—повторилъ Джаггерсъ.

— Можетъ быть, я знаю объ Эстеллѣ и болѣе васъ самихъ. Я знаю и ея отца.

Мистеръ Джаггерсъ какъ то странно остановился; онъ слишкомъ хорошо владѣлъ собою, чтобъ измѣниться въ лицѣ, но по всей его фигурѣ я замѣтилъ, что мои слова его удивили; онъ не зналъ, кто былъ отецъ Эстеллы.

Я это подозрѣвалъ, основываясь на томъ, что Провисъ, по словамъ Герберта, держался въ сторонѣ во время процесса, и вошелъ въ сношенія съ Джаггерсомъ только четыре года спустя. Теперь, смотря на мистера Джаггерса, я совершенно убѣдился въ моемъ предположеніи.

— Такъ, вы знаете отца этой молодой дѣвушки, Пипъ?—сказалъ Джаггерсъ.

— Да, отвѣчалъ я:—отецъ ея—Провисъ, изъ Новаго Южнаго Валлиса.

Даже мистеръ Джаггерсъ вздрогнулъ отъ удивленія; конечно, онъ тотчасъ же опомнился и сдѣлалъ видъ, что достаетъ платокъ изъ кармана, но я замѣтилъ, что онъ вздрогнулъ. Какъ Уэммикъ принялъ это извѣстіе, я не знаю, ибо я не хотѣлъ на него смотрѣть, боясь чтобъ Джаггерсъ какъ нибудь не замѣтилъ нашихъ взглядовъ, и что мы имѣемъ тайныя сношенія.

— На какомъ же основаніи,—сказалъ Джаггерсъ очень сухо, остановивъ платокъ, по обыкновенію, на полдорогѣ къ носу,—Провисъ хочетъ предъявлять права свои на нее?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я,—онъ никогда объ этомъ и не думалъ; онъ и не воображаетъ, что дочь его жива.

Но на этотъ разъ Джаггерсъ измѣнилъ себѣ. Мой отвѣтъ былъ столь неожиданъ, что онъ положилъ платокъ въ карманъ, не исполнивъ обыкновеннаго процесса, и, скрестивъ руки, пристально посмотрѣлъ на меня.

Я разсказалъ ему тогда все, что зналъ, и откуда имѣлъ всѣ эти свѣдѣнія. Я только умолчалъ о Уэммикѣ, а оставилъ его думать, что я узналъ подробности, переданныя мнѣ Уэммикомъ отъ миссъ Хевишемъ. Я все еще боялся смотрѣть на Уэммика, и только окончивъ свой разсказъ и помѣнявшись взглядами съ Джаггерсомъ, я взглянулъ на него. Онъ сидѣлъ согнувшись и вперивъ глаза въ столъ.

— А-а!—наконецъ, произнесъ Джаггерсъ, подходя къ столу.—На чемъ мы остановились Уэммикъ, когда вошелъ мистеръ Пипъ?

Я не могъ позволить, чтобы со мною такъ обошлись, я горячо протестовалъ и просилъ Джаггерса быть со мной откровеннѣе. Я напомнилъ ему, какъ долго я заблуждался, какъ тѣшилъ себя несбыточными надеждами, и какъ я теперь сдѣлалъ важное открытіе; я даже далъ ему понять, что теперешнее безпокойное

состояніе моихъ мыслей можетъ имѣть дурныя послѣдствія. Я говорилъ, что кажется заслуживаю взаимной откровенности съ его стороны. Я невиненъ; не подозрѣвалъ его ни въ чемъ, а только хотѣлъ узнать отъ него всю правду. А если онъ спроситъ, зачѣмъ я этого хочу, какое право я имѣю требовать отвѣта отъ него, то я скажу, хотя ему, быть можетъ, дѣла нѣтъ до подобныхъ грезъ, что я любилъ Эстеллу, горячо и долго, и теперь, когда я потерялъ ее, мнѣ дорого все, что до нея касается. Видя, наконецъ, что Джаггерсъ стоитъ молча и остается неумолимъ, несмотря на мой страстный порывъ, я обратился къ Уэммику.

— Уэммикъ,—воскликнулъ я:—я знаю, у васъ доброе сердце! Я видѣлъ вашъ веселый домикъ, вашего стараго отца; я видѣлъ, какъ вы мило и пріятно проводите время у семейнаго очага. Умоляю васъ, заступитесь за меня, скажите мистеру Джаггерсу, что онъ долженъ быть со мною откровеннѣе!

Я никогда не видалъ страннѣе взглядовъ, чѣмъ тѣ, какими помѣнялись теперь Джаггерсъ съ Уэммикомъ. Сначала я ужаснулся, думая, что Джаггерсъ тотчасъ же выгонитъ Уэммика, но я скоро успокоился: на губахъ Джаггерса показалось что то въ родѣ улыбки, и Уэммикъ ободрился.

— Это что значитъ?—спросилъ Джаггерсъ.—У васъ старикъ отецъ, и вы мило и пріятно проводите время?

— Ну, такъ что жъ?—отвѣчалъ Уэммикъ.—Я его сюда не таскаю, и здѣсь не веселюсь.

— Пипъ,—сказалъ Джаггерсъ, взявъ меня за руку и открыто улыбаясь,—этотъ человѣкъ, должно быть, самый хитрѣйшій обманщикъ во всемъ Лондонѣ.

— Ничуть не бывало, — подхватилъ Уэммикъ, становясь все бойчѣе и бойчѣе;—я думаю, вы по этой части никому не уступите.

Они опять посмотрѣли другъ на друга такъ же странно, какъ сначала. Каждый изъ нихъ видимо боялся попасть въ ловушку.

— У васъ веселый и пріятный домъ.—началъ Джаггерсъ.

— Если это не мѣшаетъ моимъ занятіямъ, то пускай онъ веселъ и пріятенъ,—отвѣчалъ Уэммикъ.—А вотъ какъ я на васъ посмотрю, сэръ, такъ, право, не удивляюсь, если и вы теперь только думаете и заботитесь о томъ, чтобъ устроить себѣ пріятный домикъ и у домашняго очага отдохнуть отъ стольких лѣтъ работы.

Мистеръ Джаггерсъ покачалъ головою раза три и вздохнулъ.

— Пипъ,—сказалъ онъ:—мы не станемъ говорить о грезахъ, вы болѣе насъ знаете о такихъ вещахъ. Вы испытали все это еще такъ недавно; но о дѣлѣ я скажу вамъ мое предположеніе. Помните, это только предположеніе, я ничего не утверждаю.

Онъ подождалъ, пока я сказалъ, что очень хорошо понимаю, что его слова будутъ только предположеніемъ, и потомъ продолжалъ:

— Вотъ, видите ли, Пипъ. Предположимъ, что какая-нибудь

женщина въ такихъ точно обстоятельствахъ, какъ вы только что говорили, скрыла своего ребенка. Положимъ, что она должна была открыть это своему адвокату, которому необходимо было, для ея же защиты, знать всю правду о ребенкѣ; предположимъ, что ему въ то же время было поручено пріискать воспитанницу богатой барынѣ...

— Понимаю, сэръ.

— Положимъ, далѣе, что адвокатъ этотъ жилъ посреди разврата и порока, и что все его знаніе о дѣтяхъ сводилось къ тому, что они рождаются для униженія и погибели. Положимъ, что онъ часто видѣлъ, какъ судили дѣтей за уголовныя дѣла; видѣлъ, какъ ихъ запирали въ тюрьмы, сѣкли и ссылали. Положимъ, наконецъ, что онъ считалъ дѣтей только зародышемъ тѣхъ птицъ, которыя попадутся въ его сѣти и которыхъ придется обвинять или защищать; онъ зналъ, что они растутъ только для того, чтобъ ихъ судили, допрашивали, вѣшали.

— Понимаю, сэръ.

— Теперь положимъ, Пипъ, что нашелся хорошенькій ребенокъ, котораго можно было спасти; отецъ его считалъ умершимъ, а мать не смѣла противиться. Адвокатъ ея имѣлъ право ей сказать: „Я знаю, что ты сдѣлала и какъ ты это сдѣлала. Вотъ какъ ты начала драку, вотъ какъ тебѣ сопротивлялись; вотъ и средства, употребленныя тобою, чтобъ отвести подозрѣнія. Я все знаю, и прямо тебѣ это говорю. Разстанься съ ребенкомъ; конечно, если нужно будетъ его представить для твоего оправданія, то я его представлю. Отдай мнѣ ребенка, а я употреблю всѣ средства, чтобъ оправдать тебя. Если ты будешь спасена, ребенокъ твой спасенъ; если погибнешь, ребенокъ все таки спасенъ“. Положимъ, что она согласилась, отдала ребенка и ее оправдали.

— Я совершенно вас понимаю, сэръ.

— Но я ничего не утверждаю; помните, все это одно предположенія.

— Одно предположеніе,—повторилъ я.

То же сдѣлалъ и Уэммикъ.

— Положимъ, Пипъ, что страсти и боязнь смерти нѣсколько потрясли умственныя способности этой женщины, и когда ее выпустили на свободу, она уже была не въ состояніи жить на свѣтѣ, а скрываясь отъ людей, поселилась у своего адвоката. Предположимъ, что онъ взялъ ее къ себѣ и обуздывалъ всякую вспышку ея страстей тою огромною властью, которую онъ надъ нею пріобрѣлъ. Понимаете ли вы вполнѣ мои слова?

— Совершенно.

— Ну съ, положимъ теперь, что ребенокъ выросъ и вступилъ въ бракъ изъ денежныхъ разсчетовъ; положимъ, что отецъ и мать еще не умерли и живутъ, не зная другъ друга, на разстояніи из-

вѣстнаго числа миль, или, пожалуй, саженъ. Усвойте себѣ хорошенько это послѣднее предположеніе.

— Хорошо.

— Я прошу и Уэммика усвоить себѣ хорошенько это предположеніе.

— Хорошо,—отвѣчалъ также Уэммикъ.

— Ради кого же,—продолжалъ Джаггерсъ,—откроете вы теперь эту тайну? Ради отца? Но я не думаю, чтобъ и теперь онъ сталъ лучше обходиться съ матерью ребенка. Ради матери? Но я полагаю, послѣ того, что она сдѣлала, она сохраннѣе тамъ, гдѣ живетъ. Ради дочери? Но врядъ ли открытіе ея родителей принесетъ ей пользу; оно только подвергнетъ ее на всю жизнь позору и униженію, отъ котораго она избавилась двадцать лѣтъ назадъ. Но предположите еще, что вы ее любили, Пипъ, что она была предметомъ вашихъ грезъ, какія,—увы!—питаютъ иногда и люди, отъ которыхъ вы менѣе всего ожидали бы подобнаго чувства. Предположите это, и я вамъ скажу (вы со мною, навѣрно, согласитесь, если только хорошенько подумаете), что лучше вамъ отрубить себѣ правою рукою вашу лѣвую руку, и потомъ попросить Уэммика отрубить и правую, чѣмъ открыть эту тайну.

Я посмотрѣлъ на Уэммика; онъ серьезно дотронулся пальцемъ до губъ, то же сдѣлали и мы съ Джаггерсомъ.

— Ну, Уэммикъ,—сказалъ тогда Джаггерсъ обыкновеннымъ своимъ тономъ—на чемъ же мы остановились, когда вошелъ мистеръ Пипъ?

Они принялись за работу. Я постоялъ нѣсколько времени у стола и замѣтилъ, что они опять по временамъ какъ то странно смотрѣли другъ на друга; но теперь въ ихъ взглядахъ видно было, что они сознавали, что оба выказали себя слабыми и измѣнили своей оффиціальной роли. Вѣроятно, поэтому то они теперь такъ строго держались этой роли. Джаггерсъ поражалъ своимъ холоднымъ, диктаторскимъ тономъ, а Уэммикъ исполнялъ всѣ приказанія въ ту же минуту и съ невозмутимымъ хладнокровіемъ. Я никогда не видалъ ихъ въ такихъ натянутыхъ отношеніяхъ, потому что обыкновенно они ладили очень хорошо.

Но вскорѣ, къ ихъ счастію, въ комнату вошелъ Майкъ, клиентъ Джаггерса, въ мѣховой шапкѣ, котораго я видѣлъ еще при первомъ посѣщеніи мною Джаггерса. Этотъ человѣкъ какъ то постоянно попадался въ Ньюгетъ, или самъ или кто нибудь изъ его семейства; теперь онъ пришелъ объявить, что его старшую дочь поймали въ воровствѣ. Пока онъ передавалъ это извѣстіе Уэммику, Джаггерсъ величественно стоялъ передъ огнемъ и не обращалъ на него вниманія. Окончивъ свой разсказъ, Майкъ прослезился.

— Что ты?—спросилъ Уэммикъ съ необыкновеннымъ отвращеніемъ —Ревѣть сюда пришелъ, что-ли?

— Нѣтъ, мистеръ Уэммикъ,—пробормоталъ Майкъ.

— Какъ ты смѣешь!—продолжалъ Уэммикъ.—Ты лучше и не ходи сюда, если не можешь слова сказать, не заревѣвъ, какъ старая баба. Что ты этимъ хочешь сказать, а?

— Человѣкъ не всегда можетъ совладать съ своими чувствами, мистеръ Уэммикъ,—произнесъ Майкъ.

— Что?—спросилъ Уэммикъ гнѣвно.—Повтори-ка!

— Вотъ дверь,—сказалъ Джаггерсъ, подходя и указывая на нее.—Пошелъ вонъ изъ конторы! Я не потерплю здѣсь никакихъ чувствъ. Убирайся себѣ!

— И по дѣломъ,—прибавилъ Уэммикъ.—Убирайся.

Бѣдный Майкъ, съ покорнымъ видомъ, удалился изъ комнаты, а мистеръ Джаггерсъ и Уэммикъ, казалось, совершенно поладили другъ съ другомъ и продолжали свою работу съ новымъ рвенiемъ, словно подкрѣпившись завтракомъ.

Глава пятьдесятъ вторая.

Отъ Джаггерса я отправился къ брату миссъ Скифинзъ. Онъ тотчасъ же привелъ Кларикера и я имѣлъ удовольствiе тутъ же покончить наше дѣло. Это было единственное доброе дѣло, которое я сдѣлалъ съ того времени, какъ впервые услышалъ о своихъ надеждахъ.

Кларикеръ сказалъ мнѣ, между прочимъ, что торговля у нихъ идетъ очень успѣшно и они теперь уже въ состоянiи открыть контору на Востокѣ, которая обѣщаетъ имъ огромныя выгоды. Гербертъ, въ своемъ новомъ качествѣ компаньона, долженъ устроить эту контору. Итакъ, мнѣ приходилось вскорѣ разстаться съ моимъ другомъ, даже еслибъ и мои дѣла не были въ такомъ разстройствѣ. Я чувствовалъ теперь, какъ будто послѣднiй якорь моего спасенiя оборвался, и я съ этой минуты буду носиться по волнамъ, по волѣ вѣтровъ.

Минута, когда Гербертъ возвратясь домой, съ восторгомъ разсказалъ о случившемся, была лучшею для меня наградою. Какъ мало воображалъ онъ, что мнѣ это не новость! Отрадно было смотрѣть на него, какъ онъ строилъ воздушные замки, воображалъ себѣ, что уже везетъ Клару Барлэ въ чудныя страны Востока, что я прiѣзжаю къ нимъ (кажется, съ караваномъ верблюдовъ), и мы всѣ вмѣстѣ отправляемся на Нилъ, любоваться его чудесами. Хотя я и не вполнѣ, что касается меня лично, раздѣлялъ его восторженные планы, но чувствовалъ, что будущность Герберта свѣтлѣетъ, и что старый Барлэ, могъ уже безпокоиться только о своемъ ромѣ и перцѣ, предоставивъ другимъ устраивать участь своей дочери.

Мартъ былъ уже на дворѣ. Моя лѣвая рука такъ медленно за-

живала, что я до сихъ поръ не могъ надѣть сюртука. Правая же почти совсѣмъ была здорова, хотя и порядочно изуродована. Однажды, въ понедѣльникъ, сидя съ Гербертомъ за завтракомъ, я получилъ отъ Уэммика по почтѣ слѣдующую записку:

„Ульвортъ. Сожгите записку тотчасъ по прочтеніи. На первыхъ дняхъ этой недѣли, положимъ, въ среду, вы можете, если желаете, попытать счастье. Ну, теперь сожгите“.

Я показалъ Герберту письмо и, выучивъ его наизустъ, бросилъ въ огонь. Потомъ мы начали разсуждать, что намъ дѣлать. Я не могъ теперь грести, и этого обстоятельства не надо было упускать изъ вида.

— Я объ этомъ не разъ уже думалъ,—сказалъ Гербертъ:— и полагаю, что нашелъ средство избѣгнуть необходимости нанимать лодочника. Возьмемъ Стартопа. Онъ славный малый и отлично гребетъ, къ тому же насъ очень любитъ, и честный, благородный человѣкъ.

Я самъ не разъ о немъ думалъ.

— Но на сколько открыть ему нашу тайну?

— Мы ему скажемъ очень мало. Пускай сначала онъ будетъ думать, что это только шутка, а утромъ мы ему скажемъ, что важныя причины заставляютъ тебя тайкомъ перевезти Провиса на иностранный пароходъ. Вѣдь ты поѣдешь съ нимъ?

— Конечно.

— Куда?

Мнѣ было рѣшительно все равно, куда бы мы ни поѣхали, въ Гамбургъ ли, въ Ротердамъ или въ Антверпенъ, только бы выбраться съ Магвичемъ изъ Англіи. Поэтому, главное было встрѣтить на рѣкѣ иностранный пароходъ, какой бы то ни было, благо бы онъ насъ принялъ на бортъ. Я полагалъ спуститься на лодкѣ подальше къ устью, конечно, миновавъ Гревзендъ, гдѣ очень было трудно спрятаться отъ преслѣдованій. Такъ какъ иностранные пароходы уходили изъ Лондона съ приливомъ, то мой планъ состоялъ въ томъ, чтобъ спуститься внизъ заранѣе съ отливомъ и ожидать перваго парохода въ какомъ-нибудь сохранномъ мѣстѣ у берега. Время же можно было разсчесть, если напередъ хорошенько разузнать обо всемъ. Гербертъ вполнѣ согласился со мною и мы тотчасъ же послѣ завтрака отправились собирать нужныя намъ свѣдѣнія. Оказалось, что гамбургскій пароходъ обѣщалъ намъ быть полезнымъ болѣе другихъ и потому мы сосредоточили на немъ все, всѣ наши планы. Однако, мы записали также и всѣ остальные пароходы, которые должны были оставить Лондонъ около того же времени. Кромѣ того, мы хорошенько заучили наружный видъ и флагъ каждаго парохода. Потомъ мы разстались на нѣсколько часовъ; я отправился, чтобъ выхлопотать необходимые паспорты, а Гербертъ пошелъ отыскивать Стартопа. Когда мы со-

шлись опять къ часу пополудни, то оказалось, что оба удовлетворительно исполнили свои дѣла. Я, съ своей стороны, досталъ паспорты, а Гербертъ видѣлъ Стартопа, и тотъ съ радостью согласился намъ помочь.

Мы рѣшили, что Стартопъ съ Гербертомъ будутъ грести, а я, править рулемъ. Магвичъ же будетъ смирно сидѣть между нами. Такъ какъ мы не нуждались въ большой скорости, то положили ѣхать потихоньку. Кромѣ того рѣшено было, что Гербертъ отправится сегодня, не заходя обѣдать домой, прямо на набережную Мельничнаго пруда, а завтра вовсе не пойдетъ туда. Такимъ образомъ, сегодня въ понедѣльникъ все будетъ устроено съ Магвичемъ и до среды мы съ нимъ не будемъ имѣть никакихъ сношеній. Въ среду же, увидѣвъ насъ на рѣкѣ, онъ выйдетъ на ближній спускъ къ рѣкѣ и сядетъ къ намъ въ лодку.

Переговоривъ порядкомъ и порѣшивъ все это, я отправился домой. Отворяя наружную дверь нашей квартиры, я нашелъ въ ящикѣ письмо на мое имя. Оно было очень грязно и почеркъ прескверный. Письмо пришло, очевидно, не по почтѣ, вѣроятно, въ мое отсутствіе кто-нибудь опустилъ его въ ящикъ. Вотъ содержаніе этого письма:

„Если вы не боитесь, то приходите на старыя болота въ шлюзный домикъ, сегодня или завтра вечеромъ часовъ въ девять. Если вы желаете узнать кое что о *вашемъ дядѣ Провисѣ*, то лучше приходите, не теряя времени и не говоря о томъ никому. *Вы должны придти одни*. Принесите съ собою эту записку“.

У меня и до полученія этой странной записки было много безпокойствъ. Но теперь я просто не зналъ, что дѣлать. Хуже всего то, что надо было рѣшиться тотчасъ же, не теряя ни минуты, или я опоздалъ бы на сегодняшній дилижансъ. Нечего было и думать ѣхать завтра, ибо это было слишкомъ близко ко времени бѣгства. Къ тому же, обѣщанныя въ этой запискѣ свѣдѣнія могли имѣть важное вліяніе и на самое бѣгство.

Еслибъ я имѣлъ болѣе времени, чтобъ обдумать все хладнокровно, то и тогда, кажется, я поѣхалъ бы. Теперь же, посмотрѣвъ на часы и увидавъ, что оставалось только полчаса до отъѣзда дилижанса, я сразу рѣшился ѣхать. Ѣхалъ же я, конечно, только потому, что въ письмѣ упомянуто было имя моего дяди Провиса. Вообще, впопыхахъ очень трудно хорошенько понять содержаніе всякаго письма, и потому я прочелъ это таинственное письмо нѣсколько разъ, прежде чѣмъ какъ то безсознательно понялъ, что долженъ скрывать въ тайнѣ свое путешествіе. Такъ же безсознательно я написалъ нѣсколько словъ Герберту, что, оставляя Англію, можетъ быть, надолго, я рѣшился съѣздить и узнать о здоровьи миссъ Хевишемъ. Послѣ этого я поспѣшно надѣлъ пальто, заперъ квартиру и кратчайшими закоулками отправился

въ контору дилижансовъ. Еслибъ я нанялъ кэбъ и поѣхалъ по проѣзжимъ улицамъ, то непремѣнно опоздалъ бы. Теперь же я поймалъ дилижансъ у самыхъ воротъ конторы. Я взялъ внутреннее мѣсто и пришелъ въ себя, когда уже покачивался въ дилижансѣ, одинъ одинехонекъ, по колѣна въ соломѣ.

Дѣйствительно, съ самаго полученія письма я былъ какъ то самъ не свой. Письмо это, послѣ утреннихъ заботъ и усталости, причиненныхъ запискою Уэммика, хотя давно уже ожидаемою, совсѣмъ вскружило мнѣ голову. Теперь, сидя въ дилижансѣ я началъ удивляться, зачѣмъ я ѣду и обдумывать не лучше ли остановить экипажъ и воротиться домой, ибо какъ то странно слушаться анонимнаго письма; однимъ словомъ, я находился въ нерѣшительномъ положеніи, свойственномъ человѣку, котораго засуетили. Но имя Провиса, упомянутое въ письмѣ, брало верхъ надъ всѣмъ и уничтожало всякое колебаніе. Я разсуждалъ теперь самъ съ собою, хотя почти безсознательно, что, еслибъ его постигло какое нибудь несчастіе, вслѣдствіе моей нерѣшимости, то я никогда не простилъ бы себѣ этого.

Пока мы ѣхали, уже стемнѣло, и дорога показалась мнѣ очень длинною и скучною, ибо изнутри ничего не было видно, а снаружи я не могъ сидѣть по причинѣ моихъ ранъ. Нарочно не заѣзжая въ „Синій Вепрь", я остановился въ какомъ то маленькомъ трактиришкѣ и заказалъ себѣ обѣдъ. Пока его готовили, я пошелъ въ Сатисъ-Гаусъ, чтобъ освѣдомиться о миссъ Хевишемъ. Мнѣ сказали, что она все еще очень больна, хотя и чувствуетъ себя немного полегче прежняго.

Трактиръ, въ которомъ я остановился, былъ когда то частью стариннаго монастыря, и осьмиугольная комнаты, отведенная мнѣ, очень походила на церковную купель. Такъ какъ я не могъ съ больною рукою рѣзать мясо, то старикъ трактирщикъ, съ большой лысиной на головѣ, долженъ былъ рѣзать за меня. Это обстоятельство возбудило между нами разговоръ, и мой хозяинъ былъ такъ добръ, что разсказалъ мнѣ мою собственную исторію, конечно, украсивъ ее народнымъ повѣріемъ, что Пембельчукъ былъ моимъ первымъ благодѣтелемъ и основателемъ моего счастья.

— Вы знаете этого молодого человѣка?—спросилъ я.

— Знаю ли я его? Да, кажется, съ тѣхъ поръ, что его чуть-чуть отъ земли было видно.

— Пріѣзжаетъ онъ когда-нибудь въ свой родной городъ?

— Какъ же,—отвѣчалъ трактирщикъ,—пріѣзжаетъ по временамъ повидаться съ своими знакомыми, что поважнѣе, и не обращаетъ никакого вниманія на человѣка, можно сказать, выведшаго его въ люди.

— Кто-жъ этотъ человѣкъ?

— Тотъ, о которомъ я говорилъ, мистеръ Пембельчукъ.

— А онъ никому другому не оказываетъ подобной же неблагодарности?

— Вѣроятно бы оказывалъ, еслибъ было кому, — отвѣчалъ трактирщикъ.—А теперь некому, потому что одинъ Пембельчукъ его облагодѣтельствовалъ въ дѣтствѣ.

— Это Пембельчукъ самъ говоритъ?

— Самъ! Да на кой чортъ это ему самому говорить! Только слова тратить по пустому.

— Однакожъ, онъ говоритъ?

— У человѣка кровь кипитъ, когда послушаешь, какъ онъ объ этомъ разсказываетъ, сэръ.

Я невольно подумалъ:—„А Джо, добрый Джо, ты вѣрно никогда не говоришь объ этомъ. Ты, который меня столько любишь и страдаешь отъ моей неблагодарности, ты никогда не жалуешься! И ты милая, милая Бидди, вѣдь и ты никогда не жалуешься!“

— Вашъ аппетитъ, кажется, пострадалъ такъ же отъ вашего несчастья,—сказалъ трактирщикъ, поглядывая на мою подвязанную руку. — Отвѣдайте-ка, вотъ этотъ кусочекъ, онъ будетъ помягче.

— Нѣтъ, благодарствуйте, — отвѣчалъ я, отодвигаясь отъ стола къ огню.—Я болѣе не могу ѣсть. Уберите, пожалуйста.

Я никогда еще не былъ такъ пораженъ своею неблагодарностью къ Джо, какъ теперь, узнавъ всю наглость подлеца Пембельчука. Чѣмъ хуже казался мнѣ теперь Пембельчукъ, тѣмъ лучше становился Джо; чѣмъ подлѣе Пембельчукъ, тѣмъ благороднѣе становился Джо въ моихъ глазахъ.

Сидя передъ огнемъ часа два, я чувствовалъ, что совершенно смирился сердцемъ. Наконецъ, бой часовъ словно разбудилъ меня, и я вскочилъ все еще полный сожалѣнія и раскаянія. Я накинулъ на себя сюртукъ и вышелъ изъ трактира. Еще передъ тѣмъ, я обшарилъ всѣ карманы, чтобъ перечесть еще разъ таинственную записку, но не нашелъ ее. Вѣроятно, я обронилъ ее въ дилижансѣ, и это меня не мало безпокоило. Я тѣмъ не менѣе очень хорошо зналъ, что назначенное свиданіе должно произойти въ шлюзномъ домикѣ на болотахъ, ровно въ девять часовъ вечера. Такъ какъ теперь нельзя было ни минутки терять, то я и отправился прямо на болота.

Глава пятьдесятъ третья.

Ночь была очень темна, несмотря на полный мѣсяцъ, который только что выплывалъ на небосклонѣ, когда я, миновавъ всѣ изгороди, очутился на открытыхъ болотахъ. За ихъ чернѣющею полосою извивалась узкая лента яснаго неба, едва вмѣщавшая въ

себя багровую луну. Чрезъ нѣсколько минутъ она исчезла и скрылась въ густыхъ облакахъ, застилавшихъ все небо.

Унылый вѣтеръ навѣвалъ тоску, и болота казались угрюмѣе обыкновеннаго. Человѣку, незнакомому съ этою мѣстностью, они показались бы невыносимыми, и на меня они произвели такое тяжелое впечатлѣніе, что я уже началъ колебаться не возвратиться ли мнѣ назадъ. Но мнѣ болота были хорошо знакомы, я бы нашелъ дорогу и не въ такую ночь, а потому и не думалъ отступать, разъ зашелъ такъ далеко. Итакъ, я какъ началъ, такъ и продолжалъ свой путь совершенно противъ желанія.

Я шелъ не по направленію, которое вело къ кузницѣ, не по направленію, по которому мы преслѣдовали каторжниковъ. Я шелъ все время спиною къ отдаленному понтону и видѣлъ старинные сторожевые огни, только черезъ плечо.

Сначала мнѣ пришлось отворять и притворять за собою ворота, или дожидаться на тропинкѣ, покуда столпившійся скотъ посторонится и сойдетъ въ сторону въ траву и камыши. Но чрезъ нѣсколько времени, я былъ совершенно одинъ среди болотъ.

Прошло еще съ полчаса, прежде чѣмъ я добрался до печей, гдѣ обжигали известку; огонь былъ разведенъ, но горѣлъ какъ то вяло, распространяя спертый запахъ, рабочихъ же не было видно; рядомъ находилась ломка известняка. Мнѣ слѣдовало пройти черезъ нее и я увидѣлъ, что тамъ были разбросаны инструменты и тачки, слѣдовательно, каменьщики работали въ тотъ день.

Поднявшись изъ ямы, такъ какъ тропинка пролегала по дну ея, я увидѣлъ огонь въ сторожкѣ при шлюзахъ. Я прибавилъ шагу и постучался въ дверь. Дожидаясь отвѣта, я сталъ осматриваться вокругъ, и увидѣлъ, что шлюзы были заброшены и поломаны; домикъ, деревянный съ черепичной крышей, казалось, могъ не долго служить защитою отъ непогоды, если служилъ ею теперь; грязь и илъ были покрыты известью, и удушливый дымъ и паръ изъ печи билъ мнѣ прямо въ лицо. Отвѣта все не было; я снова постучалъ, и на этотъ разъ не получивъ отвѣта, дернулъ задвижку.

Она подалась и дверь отворилась. Заглянувъ, я увидѣлъ свѣчу, стоявшую на столѣ, скамью, и кровать съ матрацемъ. Такъ какъ въ комнатѣ были полати, то я крикнулъ:—Есть тутъ кто?—но никто не отозвался. Я взглянулъ на часы, былъ уже десятый часъ. Я снова закричалъ:—есть тутъ кто?—По прежнему не получивъ отвѣта, я вышелъ изъ дверей, не зная что дѣлать.

Вдругъ пошелъ сильный дождь. Я возвратился въ избушку и всталъ въ дверяхъ, вглядываясь въ ночную темноту. Обдумавъ, что кто нибудь, вѣроятно, былъ здѣсь недавно и скоро возвратится, иначе свѣча не горѣла бы, я захотѣлъ посмотрѣть, много ли она нагорѣла. Я повернулся и взялъ въ руки свѣчу, какъ

вдругъ ее кто-то задулъ и я почувствовалъ, что пойманъ въ петлю, наброшенную на меня сзади.

— Ага!—проговорилъ какой-то глухой голосъ, сопровождая свои слова проклятіями:—попался, голубчикъ!

— Что это значитъ?—закричалъ я, стараясь высвободиться.—Кто это? Караулъ, караулъ, караулъ!

Мои руки были плотно притянуты къ бокамъ, и веревка врѣзалась въ мою больную руку. Чья то тяжелая рука и грудь попеременно зажимали мой ротъ, чтобы заглушить крики; я чувствовалъ чье то жаркое дыханіе, и, не смотря на мои усилія высвободиться, былъ накрѣпко привязанъ къ стѣнѣ.—Теперь только крикни, — съ новымъ проклятіемъ проговорилъ глухой голосъ — такъ я разомъ съ тобою покончу!

Мнѣ сдѣлалось дурно отъ боли въ больной рукѣ. Я не могъ придти въ себя отъ изумленія; но я тотчасъ сообразилъ, какъ легко было исполнить эту угрозу, и потому пересталъ кричать, а старался хотя сколько нибудь освободить руку и облегчить свои страданія. Но она была слишкомъ крѣпко привязана. Прежде боль можно было сравнить съ обжогомъ, теперь же я чувствовалъ будто вся рука была въ кипяткѣ.

По совершенной темнотѣ, воцарившейся въ комнатѣ, я догадался, что онъ заперъ ставни. Пошаривъ нѣсколько времени въ потемкахъ, онъ отыскалъ кремень и кусокъ стали и принялся высѣкать огонь. Напрасно напрягалъ я глаза, глядя на искры, падавшія на трутъ, который онъ тотчасъ же принимался раздувать, держа въ рукѣ спичку; я ничего не могъ разобрать, кромѣ его губъ и конца спички, и то лишь урывками. Трутъ видно отсырѣлъ, что было и не удивительно въ такомъ мѣстѣ, и искры тухли одна за другою.

Человѣкъ этотъ, казалось, не спѣшилъ и снова принялся высѣкать огонь. Теперь искры стали летѣть все чаще и чаще; я могъ различить его руки и нѣкоторыя черты лица, а также и то, что онъ сидѣлъ наклонившись надъ столомъ; но—ничего больше. Онъ снова принялся раздувать трутъ. Вдругъ вспыхнуло пламя и я узналъ—Орлика!

Кого я думалъ увидѣть, не знаю, только не его. Я почувствовалъ, что нахожусь въ большой опасности и не спускалъ съ него глазъ.

Не спѣша, зажегъ онъ свѣчу, бросилъ спичку на полъ и наступилъ на нее ногою. Потомъ, отставивъ свѣчу подалѣе отъ себя на столѣ, чтобы она не мѣшала ему видѣть меня, онъ сложилъ руки на столѣ и принялся глядѣть на меня. Тогда я увидѣлъ, что былъ привязанъ къ толстой отвѣсной лѣстницѣ, въ нѣсколькихъ вершкахъ отъ стѣны; то былъ ходъ на верхъ.

— Ага,—сказалъ онъ, послѣ того какъ мы нѣсколько минутъ молча разсматривали другъ друга. Попался ты мнѣ въ руки!

— Развяжи, пусти меня!

— Ха-ха! — отвѣтилъ онъ — я тебя пущу! Я тебя пущу па луну, я тебя пущу къ звѣздамъ! Все своимъ чередомъ.

— Зачѣмъ заманилъ ты меня сюда?

— Будто ты самъ не знаешь?—отвѣтилъ онъ, какъ то убійственно поглядывая на меня.

— Зачѣмъ ты напалъ на меня въ темнотѣ?

— Затѣмъ, что я хочу все одинъ справить. Одинъ лучше сохранитъ тайну, чѣмъ двое. Уу, проклятая образина!

Злобная радость, съ которою онъ глядѣлъ на меня, качая головою и все еще сложивъ руки на столѣ, заставила меня вздрогнуть. Я продолжалъ молча слѣдить за нимъ; онъ протянулъ руку въ сосѣдній уголъ и вытащилъ оттуда ружье въ мѣдной оправѣ.

— Знакомъ ты съ этимъ?—сказалъ онъ, какъ-бы цѣлясь въ меня.—Помнишь ты, гдѣ видѣлъ его прежде? Говори, волкъ!

— Да,—отвѣчалъ я.

— Изъ-за тебя потерялъ я то мѣсто? Говори, изъ-за тебя?

— Могъ ли я поступить иначе?

— Ты это сдѣлалъ и этого уже было бы довольно. Какъ смѣлъ ты встать между мною и дѣвушкой, которая мнѣ нравится?

— Когда жъ это было?

— Когда жъ этого не было? Не ты развѣ очернилъ стараго Орлика въ ея глазахъ.

— Самъ ты себя очернилъ, самъ ты это заслужилъ. Я бы не могъ сдѣлать тебѣ никакого вреда, еслибы ты самъ себѣ не былъ врагъ.

— Ты лжешь, мерзавецъ. И ты не „пожалѣешь ни трудовъ, ни денегъ, чтобъ выжить меня изъ страны“, не такъ ли?—сказалъ онъ, повторяя мои слова, которыя я сказалъ Бидди во время нашего послѣдняго свиданія. Такъ я же тебѣ что нибудь сообщу. Никогда бы тебѣ не было такъ нужно выжить меня отсюда какъ въ теперешнюю ночь. Да, это стоило бы всѣхъ твоихъ денегъ до послѣдняго мѣднаго фарсинга, и двадцать разъ болѣе того!—И онъ кивнулъ на меня головою, ворча, какъ тигръ. Я почувствовалъ, что въ послѣднихъ словахъ своихъ онъ былъ правъ.

— Что ты намѣренъ со мною сдѣлать?

— Что я намѣренъ съ тобою сдѣлать?—сказалъ онъ, ударя кулакомъ по столу и приподнявшись съ своего мѣста, чтобъ сообщить болѣе силы удару. Я намѣренъ покончить съ тобою!

Онъ наклонился всѣмъ тѣломъ впередъ и нѣсколько минутъ не спускалъ съ меня глазъ, потомъ медленно раскрылъ кулакъ, провелъ рукою по рту, какъ будто отъ одной этой мысли у него слюньки потекли, и снова усѣлся на свое мѣсто.

— Ты всегда былъ поперекъ дороги старому Орлику, съ самаго своего дѣтства. Нынѣшнею ночью ты сойдешь съ его дороги. Не будешь ты ему болѣе мѣшать. Ужъ ты все равно, что померъ.

Я почувствовалъ, что стою на краю могилы. На мгновеніе я дико посмотрѣлъ вокругъ себя въ надеждѣ на какое-нибудь средство къ спасенью, но не было никакого.

— Болѣе того, — сказалъ онъ, снова скрещивая руки на столѣ. Я хочу, чтобъ отъ тебя не осталось ни одной тряпки, ни одной косточки. Я брошу твой трупъ въ печь, гдѣ пережигаютъ известь. Я и два такихъ трупа стащу на своихъ плечахъ. И тогда пусть люди думаютъ, что хотятъ, они никогда ничего не узнаютъ.

Съ необыкновенною быстротою сообразилъ я всѣ возможныя послѣдствія подобной смерти. Эстеллинъ отецъ будетъ увѣренъ, что я бросилъ его, будетъ схваченъ и умретъ, осуждая меня; даже Гербертъ усомнится во мнѣ, сравнивъ письмо, которое я оставилъ ему, съ фактомъ, что я остановился только на минуту у воротъ миссъ Хевишемъ. Джо и Бидди никогда не узнаютъ, какъ грустно мнѣ было въ ту ночь; никто, никогда не узнаетъ, что я перетерпѣлъ, какія душевныя муки я перенесъ, какъ я хотѣлъ исправиться. Смерть, ожидавшая меня, была ужасна, но еще ужаснѣе смерти была мысль, что мои дѣйствія не поймутъ и перетолкуютъ иначе послѣ смерти. Такъ быстро мысль смѣнялась мыслью въ головѣ моей, что прежде чѣмъ замерли слова злодѣя, я уже представлялъ себя предметомъ презрѣнія еще нерожденныхъ поколѣній— Эстеллиныхъ дѣтей и дѣтей этихъ дѣтей.

— Ну, волкъ,—сказалъ онъ, прежде чѣмъ я тебя пришибу, не хуже другой какой скотины—я еще полюбуюсь на тебя да и пошпигую тебя. Уу, гадина!

Мнѣ вошло въ голову снова крикнуть помощи, хотя никто лучше меня не зналъ уединенности этого мѣста и безнадежности моего положенія. Но чувство презрѣнія къ нему удерживало меня. Въ одномъ я только былъ увѣренъ, что не стану упрашивать его и умру, сдѣлавъ послѣднее жалкое усиліе противиться ему. Какъ ни былъ я снисходителенъ ко всѣмъ людямъ въ эти страшныя минуты, какъ ни просилъ прощенія у неба, какъ ни былъ растроганъ мыслью, что не простился и не прощусь съ дорогими моему сердцу, не объяснюсь съ ними, не выпрошу снисходительности къ моимъ слабостямъ,—несмотря на всѣ эти горькія чувства, я бы убилъ его, еслибъ, умирая, могъ это сдѣлать.

Онъ вѣрно выпилъ недавно: глаза у него были красны и налиты кровью. На шеѣ у него болталась жестяная фляжка, какъ въ былые дни. Онъ поднесъ фляжку къ губамъ, хлебнулъ, и я услышалъ запахъ спирта.

— Волкъ!—сказалъ онъ снова, складывая руки. Старый Ор-

ликъ скажетъ тебѣ кое что. Это ты самъ удружилъ своей сварливой сестрицѣ.

Опять въ моемъ воображеніи, съ непонятною быстротою промелькнули всѣ обстоятельства нападенія на мою бѣдную сестру, ея болѣзнь, ея смерть, прежде чѣмъ онъ успѣлъ проговорить свои нѣсколько словъ.

— Это ты мерзавецъ!—сказалъ я.

— Говорятъ тебѣ, что это твоя работа, говорятъ тебѣ, что это изъ-за тебя было сдѣлано,—возразилъ онъ, схвативъ ружье и махая прикладомъ по промежутку, раздѣлявшему его отъ меня. Я накинулся на нее сзади какъ теперь накинусь на тебя. Я ей задалъ! Я думалъ, что она ужъ была готова и, будь только тамъ печь также близко, какъ здѣсь, такъ она бы не ожила. Только сдѣлалъ это не старый Орликъ, а ты. Тебя ласкали да хвалили, а его ругали, да били; стараго Орлика ругали, да били. Теперь ты за это поплатишься. Ты виноватъ, ты и поплатишься.

Онъ снова хлебнулъ и пришелъ еще въ большую ярость. Судя потому, какъ онъ при этомъ закидывалъ назадъ голову, можно было заключить, что во фляжкѣ оставалось уже немного. (Я понялъ, что онъ подзадориваетъ себя, чтобъ разомъ покончить со мною). Я зналъ, что каждая капля содержавшейся въ ней влаги была каплею моей жизни. Я зналъ, что когда я превращусь въ часть тѣхъ паровъ, которые еще такъ недавно раздражали мое обоняніе, онъ сдѣлаетъ то же, что сдѣлалъ послѣ убійства сестры:—поспѣшитъ въ городъ и будетъ шататься и пьянствовать въ кабакахъ, чтобъ всѣ его видѣли. Я мысленно послѣдовалъ за нимъ въ городъ, представилъ себѣ картину улицы, съ нимъ посреди ея, и невольно сравнилъ ея свѣтъ и жизнь съ унылыми болотами.

Не только я былъ въ состояніи мысленно прослѣдить цѣлые годы, покуда онъ успѣвалъ проговорить какихъ нибудь десять словъ, но даже слова его представляли мнѣ цѣлые образы и картины, а не одни слова. Въ томъ раздраженномъ и напряженномъ состояніи всѣхъ умственныхъ способностей, въ которомъ я находился теперь, я не могъ думать ни о какомъ лицѣ или мѣстѣ, не видѣвъ ихъ передъ собою. Невозможно себѣ представить, съ какою быстротою эти образы смѣнялись одинъ другимъ, и несмотря на то, я все время такъ пристально слѣдилъ за нимъ—кто не станетъ слѣдить за тигромъ, который готовиться на васъ броситься?—что видѣлъ малѣйшее движеніе его.

Хлебнувъ во второй разъ, онъ всталъ со скамьи и оттолкнулъ отъ себя столъ. Затѣмъ онъ взялъ свѣчу и, закрывая ее отъ себя рукою, такъ, чтобъ свѣтъ ея падалъ на меня, нѣсколько времени наслаждался зрѣлищемъ.

— Я тебѣ, волкъ, еще что нибудь скажу. Ты черезъ стараго Орлика споткнулся то въ ту ночь, у себя на лѣстницѣ.

Я увидѣлъ лѣстницу, съ загашенными лампами, увидѣлъ тѣнь тяжелыхъ перилъ, бросаемую фонаремъ, висѣвшимъ на стѣнѣ; увидалъ комнаты, которыхъ мнѣ болѣе не суждено было видѣть. Здѣсь дверь притворена, тамъ полуоткрыта, и вся знакомая мебель вдоль по стѣнамъ.

— А зачѣмъ старый Орликъ былъ тамъ? Я тебѣ, волкъ, еще что нибудь разскажу. Ты съ ней почти что выжилъ меня изъ этихъ странъ, ну, я и нашелъ другихъ товарищей и другихъ господъ. Одинъ изъ нихъ пишетъ мои письма, когда мнѣ нужно—слышишь ли?—пишетъ мои письма, волкъ! Да пишутъ они не по твоему, пятидесятью различными почерками. Я уже порѣшилъ пришибить тебя съ самаго того времени, какъ ты былъ на похоронахъ сестры. Не нашелъ только удобнаго случая, а слѣдилъ я за каждымъ твоимъ шагомъ, ибо порѣшилъ подстеречь тебя во что бы то ни стало! Ну! Ищу я тебя да и наткнись на твоего дядюшку Провиса?

Набережная Мельничнаго пруда, и Чинковъ бассейнъ, и старый Гринъ-Копперовъ канатный заводъ совершенно ясно представились моимъ глазамъ! Провисъ въ своей комнатѣ, сигналъ, который теперь уже былъ безполезенъ, хорошенькая Клара, добрая ея хозяйка, старый Биль Барлэ,—все промчалось въ моемъ воображенiи, какъ потокъ моей жизни!

— У *тебя* также дядюшка. Когда я тебя зналъ у Гарджери, ты еще былъ не великъ волчонокъ, такъ что я могъ бы тебя двумя пальцами придушить (какъ не разъ и думалъ сдѣлать, когда ты шатался подъ тополями въ воскресенье, подъ вечеръ); тогда еще у тебя не было дядюшекъ. Куда тебѣ! Но когда старый Орликъ узналъ, что твой дядюшка Провисъ, по всей вѣроятности, носилъ ту колодку, которую старый Орликъ давно давно нашелъ на болотѣ, перепиленную пополамъ, и которую онъ берегъ до тѣхъ поръ, что свалилъ ею твою сестру, какъ быка на бойнѣ, что онъ намѣренъ сдѣлать и съ тобой — хе, хе — когда онъ узналъ это — хе, хе...

И съ дикой усмѣшкой онъ поднесъ свѣчу такъ близко къ моему лицу, что я долженъ былъ отвернуться отъ пламени.

— Ага!—со смѣхомъ закричалъ онъ, повторивъ то же дѣйствiе.—Обжегшееся дитя огня боится! Старый Орликъ знаетъ, что ты обжогся, старый Орликъ знаетъ, что ты хочешь тайкомъ стащить своего дядюшку, старый Орликъ будетъ тебѣ подъ пару, онъ зналъ, что ты придешь сюда въ эту ночь. Ну, волкъ, скажу тебѣ еще что нибудь, а тамъ и конецъ. Есть люди, которые будутъ такъ же подъ пару твоему дядюшкѣ Провису, какъ старый Орликъ былъ тебѣ. Пусть онъ возится съ ними, когда потеряетъ

своего племянника! Пусть онъ съ ними знается, когда не останется ни одной косточки отъ его милаго родственника, ни одного лоскуточка отъ его платьица. Нашлись такіе, которые не хотятъ имѣть Магвича—вѣдь, я знаю его имя—не хотять, говорю, имѣть его подъ бокомъ; они все знали о немъ, еще когда онъ жилъ далеко за моремъ, откуда не могъ сбѣжать и угрожать ихъ безопасности. Можетъ быть, они то и пишутъ пятидесятью различными почерками, не по твоему. Ура! Компесонъ, Магвичъ и висѣлица!

Съ этими словами, онъ снова ткнулъ въ меня свѣчею, опаливъ мнѣ лицо и волосы и на минуту совершенно ослѣпивъ меня; потомъ, повернувшись ко мнѣ своею могучею спиною, онъ поставилъ свѣчу на столъ. Прежде чѣмъ онъ опять обратился ко мнѣ лицомъ, я уже успѣлъ мысленно прочесть молитву и проститься съ Джо, и Бидди и Гербертомъ.

Между столомъ и противоположною стѣною было пространство въ нѣсколько шаговъ. На этомъ то пространствѣ онъ принялся шагать взадъ и впередъ. Руки его тяжело висѣли по бокамъ, а глаза угрюмо на меня смотрѣли. Никогда не казался онъ мнѣ такъ силенъ, какъ теперь Я не имѣлъ ни искры надежды. Несмотря на дикій стремительный потокъ образовъ, которые представлялись моему уму, вмѣсто мыслей, я ясно понималъ, что еслибъ онъ не былъ увѣренъ, что мнѣ недолго остается жить, то ни за что въ мірѣ не разсказалъ бы мнѣ того, что только что разсказалъ.

Вдругъ онъ остановился, выхватилъ пробку изъ фляжки и бросилъ ее въ сторону. Какъ ни была она легка, но я услышалъ ея паденіе. Онъ медленно глоталъ, все болѣе и болѣе закидывая голову, и уже не смотрѣлъ на меня. Послѣднія капли онъ вылилъ на руку и подлизалъ. Тогда въ бѣшенномъ порывѣ и съ страшными проклятіями, онъ швырнулъ въ сторону фляжку и вскочилъ со скамьи; въ рукахъ у него былъ молотокъ съ длинною тяжелою ручкою.

Моя рѣшимость не покинула меня. Не проронивъ ни одной безполезной мольбы, я закричалъ, что было силы и приготовился защищаться. Только голова и ноги были у меня свободны, но я чувствовалъ въ себѣ силу дотолѣ неизвѣстную. Въ то же мгновеніе, я услышалъ крики, въ дверяхъ показался свѣтъ, нѣсколько человѣкъ вломились въ комнату—и я увидѣлъ, какъ среди этой сумятицы, Орликъ проскользнулъ между вошедшими людьми, однимъ прыжкомъ перепрыгнулъ черезъ столъ и исчезъ во мракѣ ночи.

Когда я очнулся, я увидѣлъ себя на полу въ томъ же мѣстѣ; я былъ развязанъ и голова моя лежала на чьихъ то колѣняхъ. Глаза мои были устремлены на лѣстницу, прислоненную къ стѣнѣ,

и потому, придя въ себя, я тотчасъ же узналъ, что это было то же самое мѣсто, въ которомъ я впалъ въ безчувствіе.

Слишкомъ ошеломленный, чтобъ хоть оглянуться и посмотрѣть, кто меня поддерживаетъ, я пристально смотрѣлъ на лѣстницу, какъ вдругъ между мною и ею показалось знакомое лицо — лицо Треббова мальчишки!

— Кажется, все ладно! — тихо проговорилъ Треббовъ мальчикъ.—Только онъ что то больно блѣденъ!

При этихъ словахъ лицо того, кто поддерживалъ меня наклонилось надо мною и я узналъ его.

— Гербертъ! Боже милостивый?..

— Тише, тише, Гендель,—сказалъ Гербертъ.—Не тревожься.

— И нашъ старый другъ Стартопъ!—воскликнулъ я, когда онъ наклонился надо мною.

— Не забывай нашего дѣла,—сказалъ Гербертъ,—и главное не безпокойся.

Намекъ этотъ побудилъ меня вскочить, но боль въ рукѣ заставила меня снова опуститься на полъ.—Время еще не ушло, Гербертъ,—говори скорѣе? Сколько времени пробылъ я здѣсь?—Мнѣ сдается, что я пролежалъ здѣсь долгое время—цѣлый день и цѣлую ночь—два дня и двѣ ночи—можетъ быть, долѣе.

— Время не ушло. Теперь еще ночь на вторникъ.

— Слава Богу!

— Передъ тобой еще весь вторникъ, чтобъ отдохнуть,—сказалъ Гербертъ. — Однако, ты стонешь, милый Гендель. Гдѣ ты ушибленъ? Можешь ты стоять?

— Да, да,—сказалъ я.—Я могу ходить. У меня ничего не болитъ, только, вотъ эта рука.

Они тотчасъ засучили рукавъ и сдѣлали, что могли, чтобъ уменьшить боль. Рука очень опухла и я не могъ выносить, когда до нея дотрогивались. Они разорвали свои носовые платки, чтобъ сдѣлать свѣжіе бандажи, и бережно вложили руку въ перевязь. Чрезъ нѣсколько минутъ мы притворили за собою дверь въ темный и пустой сторожевой домикъ и направились къ известковой ямѣ. Треббовъ мальчикъ—теперь уже высокій молодой человѣкъ, шелъ передъ нами съ фонаремъ—это и былъ тотъ свѣтъ, который я увидѣлъ въ дверяхъ. Мѣсяцъ поднялся часа на два выше, чѣмъ я его видѣлъ идучи туда и хотя шелъ дождь, но ночь была далеко не такъ угрюма. Бѣлый дымокъ, подымавшійся изъ печи, бѣжалъ теперь отъ насъ. Я мысленно поблагодарилъ Провидѣніе, какъ еще недавно также мысленно творилъ послѣднюю молитву.

До сихъ поръ, на всѣ мои просьбы разсказать мнѣ, какимъ образомъ онъ подоспѣлъ мнѣ на помощь, Гербертъ отказывалъ мнѣ на отрѣзъ, совѣтуя успокоиться. Но теперь я узналъ, что я обронилъ письмо въ нашей квартирѣ, гдѣ Гербертъ, возвратившись

домой съ Стартопомъ, и нашелъ его вскорѣ послѣ моего ухода. Тонъ письма, а еще болѣе противорѣчіе его съ поспѣшной запиской, которую я оставилъ ему, показались ему подозрительными. Подумавъ немного, онъ сталъ еще болѣе безпокоиться и отправился съ Стартопомъ, добровольно вызвавшимся провожать его, чтобъ узнать когда отходитъ дилижансъ. Услыхавъ, что вечерній дилижансъ уже отошелъ и безпокоясь все болѣе и болѣе, по мѣрѣ того, какъ росли препятствія, онъ рѣшился отправиться съ почтою. Итакъ, они съ Стартопомъ пріѣхали къ „Синему-Вепрю", въ надеждѣ найти тамъ или меня самого, или какія нибудь извѣстія обо мнѣ, но, обманувшись въ своихъ надеждахъ, отправились къ миссъ Хевишемъ, гдѣ потеряли меня изъ виду. Затѣмъ, они возвратились въ гостиницу (вѣроятно, въ то самое время, когда я слушалъ мѣстное толкованіе моей собственной исторіи), чтобъ перекусить чего нибудь и достать проводника на болото. Между зѣваками, прогуливавшимися подъ арками „Вепря", случился Треббовъ мальчикъ — всегда вѣрный своему старому правилу быть вездѣ, гдѣ не его мѣсто.—Треббовъ мальчикъ видѣлъ, какъ отъ миссъ Хевишемъ я пошелъ обѣдать. Итакъ, Треббовъ мальчикъ сдѣлался ихъ проводникомъ, но они направились къ сторожевому домику при шлюзахъ по городской дорогѣ, которой я избѣгалъ. По дорогѣ, Гербертъ, обдумавъ, что я могъ быть здѣсь по надобности, клонившейся къ безопасности Провиса, и потому постороннее вмѣшательство было бы неумѣстно, оставилъ проводника и Стартопа на краю ломки, а самъ осторожно три раза обошелъ кругомъ домика, чтобъ убѣдиться, что все безопасно. Слыша неясные звуки, какого то глухого грубаго голоса, онъ даже усумнился, чтобъ я былъ тамъ, какъ вдругъ услышалъ мой крикъ, и тотчасъ же вломился, вмѣстѣ съ остальными.

Когда я разсказалъ Герберту все, что произошло, онъ непремѣнно хотѣлъ, чтобъ мы тотчасъ же отправились объявить объ этомъ городскимъ властямъ. Но я сообразилъ, что это или задержало бы насъ, или побудило возвратиться и, во всякомъ случаѣ, могло бы быть пагубно для Провиса. Этого препятствія нельзя было обойти, и мы должны были покинуть всякую надежду преслѣдовать Орлика на этотъ разъ. При настоящихъ обстоятельствахъ, мы почли за лучшее не распространяться при Треббовомъ мальчикѣ, который, я убѣжденъ, былъ очень разочарованъ, услыхавъ, что его вмѣшательство спасло меня отъ известковой печи. Не то, чтобъ онъ былъ безчеловѣченъ отъ природы; нѣтъ, онъ только имѣлъ немного лишней живости и требовалъ возбудительной пищи для воображенія. При разставаньи, я далъ ему двѣ гинеи, что, кажется, пришлось ему по вкусу, и сказалъ ему, что очень сожалѣю, что былъ когда то дурного о немъ мнѣнія, что, впрочемъ, ни мало его не тронуло.

Такъ какъ среда была не за горами, то мы рѣшились возвратиться въ Лондонъ въ ту же ночь, тѣмъ болѣе, что мы желали убраться изъ городка, прежде чѣмъ разнесутся слухи о вчерашнемъ приключенiи. Гербертъ досталъ цѣлую бутыль какой то жидкости, которою и примачивали мнѣ руку всю ночь. Ужъ свѣтало, когда мы добрались до Темпля; и я тотчасъ же легъ въ постель и пролежалъ въ ней весь день.

Страхъ заболѣть и быть ни на что негоднымъ на слѣдующiй день, такъ преслѣдовалъ меня, что я удивляюсь, какъ онъ, дѣйствительно, не сломилъ меня. И, безъ сомнѣнiя, этотъ страхъ, вмѣстѣ съ душевною тревогою и изнуренiемъ, которыя я перенесъ, сломили бы меня, еслибъ не постоянное, напряженное состоянiе, въ которомъ поддерживала меня мысль о завтрашнемъ днѣ. Этотъ завтрашнiй день, столь давно ожидаемый и связанный со столь важными послѣдствiями!

Осторожность требовала, чтобы между имъ и нами не было никакихъ сношенiй въ этотъ день, что еще увеличивало мое безпокойство. Каждый шагъ, каждый шорохъ заставлялъ меня вздрагивать; мнѣ казалось, что это вѣстникъ съ роковою вѣстью, что онъ открытъ и пойманъ. Но день прошелъ, и вѣстника не явилось; когда стало темнѣть, мои опасенья разболѣться до завтрашняго утра, совершенно овладѣли мною. И больная рука моя и голова горѣли, я думалъ, что уже начинаю бредить. Я принялся считать, и насчиталъ громадныя цифры, потомъ я принялся повторять длинные отрывки, прозу и стихи, которыя я зналъ наизусть. Урывками я забывался или засыпалъ на нѣсколько мгновенiй, потомъ, внезапно очнувшись, говорилъ себѣ: „Вотъ, я начинаю бредить!“

Гербертъ и Стартопъ пробыли около меня весь день, постоянно примачивали мнѣ руку и давали пить прохладительнаго питья. Задремавъ на минуту, я каждый разъ просыпался съ мыслью, что прошло много времени и случай спасти его потерянъ. Около полуночи, я вскочилъ съ постели и подбѣжалъ къ Герберту съ полною увѣренностью, что я проспалъ двадцать четыре часа и что среда уже прошла. Это было послѣднее проявленiе моей болѣзненной раздражительности; послѣ того я крѣпко заснулъ.

Утро смотрѣло въ окно, когда я проснулся. Мерцающiе огни на мостахъ уже блѣднѣли. Заря разлилась огненною пеленою по горизонту. Рѣка была еще темна и таинственна, только кое гдѣ на холодныхъ, угрюмыхъ мостахъ, играло теплое зарево отъ пожара, горѣвшаго на небѣ. Покуда я смотрѣлъ на тѣснившiяся крыши домовъ и башенъ и стрѣлы церквей, вырѣзавшiяся на ясномъ небѣ, взошло солнце и будто темный покровъ слетѣлъ съ рѣки, поверхность ея заблистала миллiонами искръ. И съ меня будто свалился покровъ, я чувствовалъ въ себѣ силу и бодрость.

Гербертъ спалъ на своей кровати, а нашъ старый товарищъ

на диванѣ. Я не могъ одѣться безъ ихъ помощи, но развелъ огонь и приготовилъ имъ кофе. Скоро и они проснулись; мы открыли окно, чтобъ подышать свѣжимъ, утреннимъ воздухомъ и взглянуть на приливъ, все еще бѣжавшій съ моря.

— Около девяти часовъ,—весело сказалъ Гербертъ—поджидай насъ, Провисъ, и будь готовъ, тамъ на набережной Мельничнаго пруда!

Глава пятьдесятъ четвертая.

Былъ одинъ изъ тѣхъ мартовскихъ дней, когда солнце печетъ, а вѣтеръ морозитъ; на солнцѣ лѣто, а въ тѣни зима. Мы запаслись теплыми пальто. Изъ всего своего имущества, я уложилъ въ мѣшокъ только самыя необходимыя на дорогу вещи, и взялъ его съ собой.

„Куда я ѣду, что буду дѣлать, когда возвращусь?"—все это были совершенно неразрѣшимые вопросы; да я и не ломалъ себѣ головы надъ подобными вопросами; всѣ мысли мои были заняты заботою о Провисѣ. Только выходя изъ дверей, я на минуту оглянулся и невольно подумалъ, при какихъ обстоятельствахъ суждено мнѣ возвратиться въ эти комнаты, если я долженъ возвратиться?

Мы прошли, не торопясь, къ лѣстницѣ Темпля и нѣсколько времени совѣтовались, будто въ нерѣшимости ѣхать, или нѣтъ. Разумѣется, мы заблаговременно распорядились, чтобъ лодка и всѣ принадлежности были на мѣстѣ и въ порядкѣ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ мнимой нерѣшительности, совершенно излишней, такъ какъ наблюдать за нами было положительно некому, кромѣ двухъ трехъ земноводныхъ личностей, всегдашней принадлежности темпельской лѣстницы, мы сошли въ лодку и отчалили. Гербертъ усѣлся на носу я у руля. Была половина девятаго, время почти полнаго прилива.

Планъ нашъ былъ слѣдующій. Отливъ начнется въ девять часовъ и будетъ намъ попутенъ до трехъ; потомъ, до ночи, мы будемъ грести противъ прилива. Къ тому времени, мы дойдемъ до большого колѣна рѣки, ниже Гревзенда; тамъ она широка, а берега ея мало населены; только уединенные трактиры разбросаны тамъ и сямъ по берегу. Въ одномъ изъ нихъ мы могли найти себѣ безопасное убѣжище и провести тамъ всю ночь. Гамбургскій и Роттердамскій пароходы отправляются въ среду въ девять часовъ утра. Мы будемъ знать время, когда ихъ ждать, судя по пройденному нами разстоянію, и остановимъ первый изъ нихъ, въ случаѣ же неудачи обратимся къ другому. Мы напередъ узнали отличительные признаки каждаго.

Сознаніе, что, наконецъ, мы приступили къ исполненію давно задуманнаго плана, было такою для меня отрадою, что я забылъ все на свѣтѣ. Свѣжесть воздуха, свѣтъ солнца, движеніе на рѣкѣ, те-

ченіе самой рѣки, все это еще болѣе воодушевляло меня. Самая дорога, бѣжавшая по берегу, казалось, сочувствовала намъ и ободряла насъ. Мнѣ обидно было оставаться въ лодкѣ въ такомъ бездѣйствіи, хотя, по правдѣ сказать, трудно было бы отыскать лучшихъ гребцовъ: оба мои пріятели гребли какъ нельзя дружнѣе, и, судя по ихъ бодрому виду, готовы были прогрести такъ же весело весь день.

Въ то время пароходство на Темзѣ было далеко не такъ развито, какъ теперь, а потому число лодочниковъ было гораздо значительнѣе. Разныхъ лодокъ, барокъ, торговыхъ судовъ было, пожалуй, столько же, какъ и въ наши дни, но пароходовъ большихъ и малыхъ не было и десятой, двадцатой доли. Несмотря на очень ранній часъ, уже множество яликовъ сновали взадъ и впередъ, и множество судовъ спускались по теченію. Въ тѣ дни вовсе не трудно было плавать въ простой лодочкѣ по Темзѣ даже между мостами, и мы отважно пробивались между барками и судами, невполнѣ запружавшими рѣку.

Вскорѣ мы миновали старый Лондонскій мостъ и старинный Биллигсгетскій рынокъ, съ его голландцами и устрицами, и врѣзались въ густые ряды кораблей. Здѣсь пароходы сгружались и разгружались, и совершенно уничтожали насъ своею высотою, когда мы проѣзжали мимо въ своей маленькой лодочкѣ; тутъ стояли суда съ каменнымъ углемъ, и съ шумомъ разгружались на мелкія барки; тутъ у своей пристани стоялъ, въ ожиданіи завтрашняго дня Роттердамскій пароходъ, къ которому мы хорошенько приглядѣлись; тутъ же недалеко качался и завтрашній Гамбургскій пароходъ, подъ самымъ носомъ котораго мы проѣхали. И вотъ, моимъ взорамъ представился берегъ Мельничнаго пруда и лѣстничка къ рѣкѣ, и сердце мое судорожно забилось.

— Тутъ онъ?—спросилъ Гербертъ.

— Нѣтъ еще.

— Ладно! Онъ не долженъ былъ выходить, прежде чѣмъ увидитъ насъ. Видишь ли ты условный знакъ?

— Отсюда не видать ясно; но мнѣ кажется, что я вижу сигналъ. Вижу, теперь вижу! Налягъ на оба! Табань, Гербертъ. Весла!

Мы только на минуту коснулись лѣстницы, онъ ужъ былъ въ лодкѣ и мы отчалили. Одѣтый въ матросскую куртку, онъ несъ съ собою черный холщевый мѣшокъ, и походилъ какъ двѣ капли воды на рѣчного штурмана.

— Милый мальчикъ,—сказалъ онъ, положивъ свою широкую руку мнѣ на плечо, прежде чѣмъ усѣсться въ лодкѣ.—Вѣрный, милый мальчикъ. Важно сдѣлано. Спасибо вамъ, спасибо.

Мы снова врѣзались въ тѣсныя шеренги кораблей, избѣгая ржавыхъ цѣпей, мокрыхъ канатовъ и плавучихъ бакановъ, разгоняя по сторонамъ плывучій щебень и сѣрую угольную пѣну. Прой-

дя подъ уродливо окрашеннымъ носомъ не одного „джона“ изъ Сундерланда, подъ кормою не одной „бетси“ изъ Ярмута, мы очутились среди самыхъ разнообразныхъ звуковъ, молотка на верфяхъ, пилы на пильняхъ, воротовъ на корабляхъ, паровыхъ машинъ, Богъ знаетъ гдѣ. Наконецъ, мы вышли на болѣе свободное пространство, гдѣ матросы могли поднять за бортъ свои кранцы и распустить по вѣтру узорчатые паруса.

У лѣстницы и послѣ, я не переставалъ тщетно высматривать признаковъ погони. Я ничего не могъ замѣтить. За нами положительно не слѣдили. Еслибъ я замѣтилъ, что насъ преслѣдуетъ другая лодка, я присталъ бы къ берегу и заставилъ ее проплыть далѣе или обнаружить свои виды. Но ничто не помѣшало намъ продолжать свой путь.

Провисъ въ своей курткѣ вполнѣ соотвѣтствовалъ обстановкѣ. Странно (хотя и понятно послѣ всѣхъ бѣдствій его жизни), что онъ, казалось, менѣе всѣхъ насъ безпокоился. Впрочемъ, онъ далеко не былъ равнодушенъ, ибо говорилъ, что надѣется дожить до того, что увидитъ меня первымъ джентльменомъ въ чужихъ краяхъ; онъ вовсе не намѣренъ былъ оставаться въ бездѣйствіи, но, повидимому, не думалъ о томъ, что, быть можетъ, ожидаетъ его на полупути. Когда опасность пришла, онъ отважно встрѣтилъ ее, но напередъ не заботился о ней.

— Еслибъ ты зналъ, милый мальчикъ,—сказалъ онъ:—что за наслажденіе сидѣть и покуривать рядомъ съ моимъ милымъ мальчикомъ, проскучавъ столько времени между четырьмя стѣнами. Но вы этого не понимаете.

— Я понимаю прелесть свободы,—отвѣчалъ я.

— О,—воскликнулъ онъ, многозначительно покачивая головою:—но вы не понимаете этого чувства и въ половину такъ хорошо, какъ я. Посидѣли бы вы за замкомъ да за запоромъ, тогда бы знали, что такое воля. Но я не намѣренъ быть грубымъ, милый мальчикъ.

Мнѣ показалось несообразнымъ послѣ этого, чтобъ изъ за чего бы то ни было, онъ могъ поставить на карту свою свободу и жизнь. Но, подумавъ, я пришелъ къ заключенію, что для него жизнь безъ опасности, вѣроятно, не имѣетъ такой цѣны, какъ для другихъ. Видно я размышлялъ довольно вѣрно, ибо затянувшись онъ продолжалъ:

— Видишь ли, милый мальчикъ, когда я былъ тамъ, по ту сторону свѣта, я всегда думалъ о томъ, что по сю сторону; и какъ я ни богатѣлъ, все мнѣ казалось тамъ плоско и скучно. Всякъ тамъ зналъ Магвича, могъ себѣ Магвичъ приходить и уходить, никто не безпокоился о Магвичѣ. Не такъ то они были бы спокойны здѣсь, еслибъ знали, что я пріѣхалъ.

— Если намъ посчастливится,—сказалъ я:—то черезъ нѣ-

сколько часовъ вы будете совершенно свободны и внѣ всякой опасности.

— Ну, — возразилъ онъ, тяжело вздохнувъ: — надѣюсь, что такъ.

— Я почти увѣренъ въ этомъ.

Онъ нагнулся за бортъ, опустилъ свою руку въ воду и сказалъ съ тою мягкостью въ улыбкѣ, которая теперь нерѣдко появлялась на его лицѣ.

— Да, увѣренъ въ этомъ. Трудно плыть тише и спокойнѣе нашего. Но, пожалуй, я это только воображаю себѣ, глядя на то, какъ наша лодка скользитъ по водѣ. Я только что раздумывалъ за трубкою, какъ намъ трудно видѣть за нѣсколько часовъ впередъ, все равно, что видѣть дно этой рѣки, и удержать теченіе времени столь же трудно, какъ мнѣ своими пальцами остановить теченіе рѣки. Оно проходитъ у меня между пальцами.

При этомъ онъ вынулъ руку изъ воды.

— Еслибъ я не видалъ вашего лица, то могъ бы подумать, что вы немного встревожены,—сказалъ я.

— Ни мало не встревоженъ, милый мальчикъ! Мы такъ плавно подвигаемся, и плескъ воды тамъ у носа, какъ то весело отдается въ душѣ моей. Пожалуй, что я и старъ становлюсь, къ тому же.

Онъ снова вложилъ трубку въ ротъ и усѣлся такъ спокойно, будто онъ уже внѣ предѣловъ Англіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ безропотно слушался всякаго совѣта, будто перепуганный до смерти. Когда мы пристали на минуту къ берегу, чтобъ захватить нѣсколько бутылокъ пива, онъ хотѣлъ было выскочить на берегъ, но какъ скоро я намекнулъ, что ему безопаснѣе оставаться въ лодкѣ, онъ только произнесъ: „вы думате?“ и тотчасъ же сѣлъ на прежнее мѣсто.

Воздухъ на рѣкѣ былъ довольно свѣжъ, хотя день былъ ясный и солнце весело сіяло. Отливъ былъ сильный, и я старался править такъ, чтобъ сколько возможно болѣе пользоваться его помощью; благодаря ему и дружнымъ ударамъ веселъ моихъ товарищей, мы подвигались очень быстро. Мало по малу, по мѣрѣ того, какъ приливъ уменьшался, мы теряли изъ виду окрестности, лѣса и горы; теперь взорамъ нашимъ представлялись только грязные берега, но отливъ еще былъ чувствителенъ до Гревзенда. Такъ какъ Провисъ былъ завернутъ въ шинель, то я нарочно направилъ лодку къ плавучему таможенному дому, потомъ выѣхалъ въ самую средину рѣки, и прошелъ подъ кормою большого транспортнаго судна съ войсками, которыя, свѣсясь за бортъ, смотрѣли на насъ во всѣ глаза. Вскорѣ отливъ прекратился, суда, стоявшія на якорѣ стали повертываться; вотъ, они всѣ повернулись, чтобы воспользоваться подступавшимъ приливомъ и стали цѣлымъ флотомъ тѣс-

ниться вокругъ насъ. Теперь мы придерживались береговъ, избѣгая по возможности прилива, и тщательно обходя отмели и островки.

Гребцы наши были совершенно свѣжехоньки; они, по временамъ, пускали лодку минуты на двѣ по теченію, и теперь имъ было достаточно четверти часа, чтобъ совсѣмъ отдохнуть. Мы вышли на берегъ, на сырые, скользкіе камни, и подкрѣпились ѣдою и питьемъ, которыми успѣли запастись. Мѣсто напоминало мнѣ мои родныя болота: то же плоское однообразіе, тотъ же туманный горизонтъ. Все было тихо и неподвижно, только рѣка быстро неслась, крутя и шатая пловучія вѣхи. Послѣдній корабль изъ видѣннаго нами флота уже скрылся за послѣднимъ изгибомъ рѣки; послѣдняя барка съ сѣномъ и чернымъ парусомъ спѣшила за нимъ; осталось только нѣсколько баластныхъ лодокъ, погрузшихъ въ тинѣ. Какой то неуклюжій, мелевой маякъ, стоялъ на курьихъ ножкахъ посреди грязи, словно скорчившійся старикъ на костыляхъ; покрытые иломъ палки и камни торчали изъ грязи; старая пристань и заброшенный домишко безъ крыши полусвалились въ ту же грязь; словомъ—все вокругъ было грязь и запустѣніе.

Мы скоро отчалили и проплыли далѣе, сколько могли. Теперь подвигаться впередъ было труднѣе, но Гербертъ и Стартопъ гребли безъ остановки, пока солнце не сѣло. Къ тому времени уровень рѣки немного поднялся, и мы могли видѣть вдаль по берегу. На самомъ горизонтѣ виднѣлось солнце, въ ярко багровомъ сіяньи, постепенно переходившемъ въ болѣе темные оттѣнки; казалось, между нами и солнцемъ лежало одно пустынное болото; только одинокіе чайки своими криками по временамъ нарушали спокойствіе этого безжизненнаго мѣста.

Ночь быстро темнѣла, а луна всходила не рано, такъ какъ было время полнолунія, и потому мы остановились, чтобъ держать совѣтъ о томъ, какъ поступать далѣе. Совѣтъ длился недолго. Намъ, очевидно, ничего другого не оставалось, какъ остановиться на ночь у какого-нибудь заброшеннаго кабака. Итакъ, мы снова принялись за весла, а я высматривалъ по сторонамъ желаемое пристанище. Такимъ образомъ, мы плыли молча еще четыре или пять скучнѣйшихъ миль. Было холодно и сыро, такъ что барка съ углемъ, на которой былъ разведенъ огонекъ, показалась намъ самымъ завиднымъ пріютомъ. Между тѣмъ уже совершенно стемнѣло; казалось, до насъ доходило болѣе свѣта отъ рѣки, нежели съ неба, ибо звѣзды, отражавшіяся на водѣ, множились сотнями при каждомъ всплескѣ веселъ.

Въ эти грустныя минуты, каждый изъ насъ былъ видимо проникнутъ мыслью, что насъ преслѣдуютъ. Приливъ нерѣдко нагонялъ волну на пустынный берегъ; при каждомъ плескѣ подобной волны, когда она ударялась о прибрежные камни, кто нибудь изъ насъ вздрагивалъ и всматривался въ мракъ, по тому направле-

нію, откуда слышался звукъ. По мѣстамъ рѣка образовала маленькія бухты, и мы объѣзжали каждую изъ нихъ, съ какимъ то нервнымъ трепетомъ, опасаясь, чтобъ въ нихъ не скрывались преслѣдователи. По временамъ, одинъ изъ насъ восклицалъ: „Что это за плескъ?“ или „это не лодка ли тамъ?“ Потомъ наступала мертвая тишина, и я, сидя у руля, удивлялся шуму, съ какимъ весла скрипѣли въ своихъ гнѣздахъ и ударяли воду.

Наконецъ, мы замѣтили свѣтъ на берегу въ какомъ то домикѣ и потомъ разглядѣли, что мимо его шла дорога, уложенная камнемъ. Оставивъ прочихъ въ лодкѣ, я вышелъ на берегъ и убѣдился, что это было освѣщенное окно кабачка. Кабачекъ былъ довольно грязный и, вѣроятно, хорошо знакомъ контрабандистамъ; но въ кухнѣ пылалъ заманчивый огонь; изъ съѣдобнаго тамъ оказались только яйца и ветчина, въ напиткахъ же не было недостатка. Въ домикѣ, кромѣ того, были двѣ комнаты, каждая съ двойною постелью; „ужъ какія ни на есть“, остроумно замѣтилъ хозяинъ. Все общество въ кабачкѣ состояло изъ хозяина, его жены и какого то сѣренькаго существа, въ качествѣ мѣстнаго Джака или мальчика, крайне грязнаго и неопрятнаго. Можно было подумать, что и онъ валялся въ тинѣ и грязи, вмѣстѣ съ палками и каменьями, торчавшими по берегу.

Съ этимъ помощникомъ, я воротился къ лодкѣ, и мы всѣ вышли на берегъ, взяли съ собою весла, руль и багоръ, а лодку втащили на землю. Мы очень хорошо поужинали и раздѣлили между собою спальни:—Гербертъ и Стортопъ заняли одну изъ двухъ комнатокъ, я съ Провисомъ другую. Мы нашли, что та и другая были тщательно лишены воздуха, словно самаго вреднаго элемента для здоровья; а подъ постелями оказалось количество стараго платья и грязнаго бѣлья, далеко не соразмѣрное съ малочисленностью жильцовъ. Несмотря на это, мы очень радовались тому, что попали въ столь уединенное мѣсто.

Пока мы грѣлись передъ огонькомъ послѣ ужина, Джакъ сидѣлъ въ углу и старался выказать пару разбухшихъ башмаковъ, очевидно, снятыхъ съ утопленника. Вдругъ онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ, „встрѣтили ли мы четырехвесельный катеръ, плывшій съ приливомъ вверхъ по рѣкѣ?“ Когда я отвѣтилъ „нѣтъ“, онъ замѣтилъ, что значитъ катеръ поплылъ внизъ, хотя, отчаливъ, и направился вверхъ по рѣкѣ.

— Они, вѣрно, раздумали, да и спустились, вмѣсто того, чтобъ подняться,—сказалъ Джакъ.

— Четырехвесельный катеръ, вы сказали?—спросилъ я.

— Да, четырехвесельный, — отвѣтилъ онъ: — и съ двумя сѣдоками.

— А выходили они здѣсь на берегъ?

— Они выслали каменный кувшинъ за пивомъ. Я охотно подсыпалъ бы имъ чего нибудь въ это пиво, этимъ голубчикамъ.

— Отчего жъ?

— Я знаю отчего,—сказалъ Джакъ.

Онъ говорилъ невнятнымъ, глухимъ голосомъ, будто часть прибрежной грязи попала ему въ горло.

— Онъ думаетъ, — сказалъ хозяинъ, слабый мечтательный человѣкъ съ мутными глазами, повидимому, совершенно полагавшійся на своего Джака: — онъ думаетъ, что они то, что они не есть.

— Я знаю, что я думаю, — замѣтилъ Джакъ.

— Ты, небось, думаешь, таможенники, Джакъ? — сказалъ хозяинъ.

— Я такъ думаю, — возразилъ тотъ.

— Ну, такъ напрасно жъ ты такъ думаешь, Джакъ.

— Неужели?

Грязненькій Джакъ произнесъ послѣднее многозначительное слово, съ видомъ величайшей увѣренности въ непогрѣшимости своего мнѣнія, и съ тѣмъ же видомъ снялъ разбухшій башмакъ, взглянулъ въ него, вытрясъ изъ него песокъ на кухонный полъ и снова надѣлъ. Все это онъ сдѣлалъ съ отчетливостью молодца, увѣреннаго въ правотѣ своего дѣла до того, что считалъ все себѣ позволеннымъ.

— Такъ, куда жъ, по твоему, они дѣвали свои пуговицы, Джакъ? — спросилъ хозяинъ, начиная колебаться въ своемъ мнѣніи.

— Куда дѣвали пуговицы? — воскликнулъ Джакъ: — Въ воду бросили. Проглотили. Посѣяли, чтобъ горохъ выросъ. Куда дѣвали пуговицы!..

— Не горячись, Джакъ, — возразилъ хозяинъ, убѣдительно печальнымъ голосомъ.

— Таможенникъ знаетъ куда дѣвать свои пуговицы, — продолжалъ Джакъ, повторяя эти слова съ видомъ величайшаго презрѣнія: — когда онѣ ему мѣшаютъ. Четырехвесельный съ двумя сѣдоками не станетъ кататься взадъ и впередъ, несмотря ни на приливъ, ни на отливъ, безъ того, чтобъ подъ этимъ не крылась какая нибудь таможенная штука.

Съ этими словами онъ вышелъ, и хозяинъ, видя, что никто не намѣренъ возражать, почелъ за лучшее оставить этотъ предметъ въ сторонѣ.

Однако, разговоръ этотъ очень насъ встревожилъ, меня въ особенности. Вѣтеръ вылъ вокругъ дома, рѣка плескала о берегъ; мнѣ казалось, что мы словно пойманы въ клѣтку. Четырехвесельный катеръ, рыскавшій взадъ и впередъ до того, что обратилъ на себя вниманіе, было очень зловѣщее обстоятельство. Уговоривъ Про-

виса лечь спать, я вышелъ изъ дому съ своими товарищами, и мы стали держать новый совѣтъ. (Стартопа мы о сю пору не посвятили въ свою тайну). Поджидать ли намъ тутъ парохода, или рано утромъ спуститься ниже? Вотъ вопросъ, который мы обсуждали. Мы рѣшили, что лучше всего оставаться здѣсь, и только за часокъ до того времени, когда, по нашему разсчету, долженъ пройти пароходъ, — поплыть потихоньку внизъ по теченію, держась средины рѣки. Порѣшивъ это, мы возвратились въ свои спальни и улеглись спать.

Я легъ, почти не раздѣваясь и хорошо проспалъ нѣсколько часовъ. Когда я проснулся, вѣтеръ очень усилился и съ яростью качалъ вывѣску кабачка. Вставъ потихоньку съ постели, ибо Провисъ еще спалъ крѣпкимъ сномъ, я подошелъ къ окну. Оно выходило на дорогу, на которую мы вытащили наканунѣ свою лодку; присмотрѣвшись къ слабому освѣщенію луны, я разглядѣлъ двухъ человѣкъ, тщательно ее осматривавшихъ. Они прошли подъ окномъ, не глядя болѣе ни на что, не сходя къ пристани, которая была пуста, а пошли прямо черезъ болото по направленію теченія рѣки.

Первымъ моимъ движеніемъ было кликнуть Герберта и показать ему уходившихъ людей. Но, пока я дошелъ до его комнаты, находившейся на концѣ дома за нашею, я вспомнилъ, что онъ и Стартопъ должны быть очень уставши, и потому не захотѣлъ будить ихъ. Я подошелъ къ окну и видѣлъ, какъ двое людей все еще шли по болотамъ. Но при столь слабомъ свѣтѣ я не долго могъ слѣдить за ними и къ тому же сильно продрогнувъ, снова легъ въ постель и заснулъ.

Раненько утромъ мы уже были на ногахъ. Пока всѣ четверо прогуливались передъ завтракомъ, я счелъ обязаннымъ сообщить о видѣнныхъ мною людяхъ. И тутъ Провисъ казался встревоженнымъ менѣе другихъ. По всей вѣроятности, — хладнокровно замѣтилъ онъ, — люди эти принадлежатъ къ таможенной стражѣ, а до насъ имъ и дѣла нѣтъ. Я старался убѣдить себя въ томъ же, ибо, дѣйствительно, предположеніе его было очень правдоподобно. Несмотря на то, я предложилъ пройтись съ нимъ на самую отдаленную, выдающуюся точку берега, съ тѣмъ, чтобъ лодка захватила насъ тамъ около полудня. Мое предложеніе сочли полезною предосторожностью, и, позавтракавъ, мы отправились съ нимъ вдвоемъ, не сказавшись хозяину.

Онъ по дорогѣ покуривалъ трубку и, время отъ времени, трепалъ меня по плечу. Иной бы подумалъ, что опасность угрожала мнѣ, а не ему, и что онъ старался ободрить меня. Мы очень мало говорили. Подойдя къ выдающемуся въ рѣку мыску, я отправился впередъ на рекогносцировку, попросивъ его остаться позади, ибо утромъ двое людей направились именно туда. Онъ согласился, и я пошелъ одинъ. Около мыса и далѣе, на сколько можно было ви-

дѣть, не было и слѣдовъ лодки и людей. Правда, что вода была теперь высока, вслѣдствіе прилива, и слѣды могли быть смыты.

Когда онъ увидѣлъ, что я ему машу шляпою, онъ подошелъ, и мы вмѣстѣ стали дожидаться, то лежа на пескѣ, завернувшись въ плащи, то расхаживая по берегу, чтобъ согрѣться. Наконецъ, приплыла и наша лодка, мы сѣли въ нее и отчалили на средину рѣки, гдѣ долженъ былъ пройти пароходъ. Недоставало только десяти минутъ до часу, и мы начали высматривать не покажется ли дымъ парохода.

Мы увидѣли дымъ его только въ половинѣ второго, и вскорѣ вслѣдъ затѣмъ замѣтили дымокъ и второго парохода. Такъ какъ *они* шли со значительною скоростью, то мы приготовили свои мѣшки и воспользовались временемъ, чтобы проститься съ Гербертомъ и Стартопомъ. Мы только, что успѣли горячо пожать другъ другу руки, причемъ у меня и у Герберта глаза покрылись влагою, какъ вдругъ невдалекѣ передъ нами, изъ-за уступа берега, вынырнулъ четырехвесельный катеръ и выѣхалъ также на середину рѣки.

Полоса земли еще отдѣляла насъ отъ парохода и мы видѣли дымъ его, только благодаря извилинамъ рѣки; теперь онъ показался вполнѣ и шелъ прямо на насъ. Я закричалъ Герберту и Стартопу, чтобъ они гребли по теченію для того, чтобъ насъ легче замѣтили съ парохода, а Провису сказалъ, чтобъ онъ завернулся въ плащъ и сидѣлъ тихо. Онъ весело отвѣтилъ: — „Будь спокоенъ, мой мальчикъ", — и не двинулся. Между тѣмъ катеръ перерѣзалъ намъ путь, далъ намъ поравняться съ нимъ и поплылъ рядомъ, слѣдуя за всѣми движеніями нашей лодки, такъ что весла наши чуть не касались ихъ веселъ. Катеромъ, очевидно, управляли съ большимъ искусствомъ; изъ двухъ сѣдоковъ одинъ правилъ рулемъ, пристально поглядывая на насъ, какъ и всѣ гребцы; другой былъ закутанъ, какъ Провисъ и, казалось, давалъ шепотомъ приказанія рулевому, пока тотъ не спускалъ съ насъ глазъ. Ни одного слова не было сказано ни съ той, ни съ другой стороны.

Стартопъ черезъ нѣсколько минутъ узналъ пароходъ и сказалъ мнѣ въ полголоса: — „Гамбургскій". Пароходъ быстро приближался, шумъ колесъ его становился все сильнѣй и сильнѣй, онъ почти ужъ поравнялся съ нами, когда насъ окликнули съ катера. Я откликнулся.

— У васъ въ лодкѣ бѣглый ссыльный, закричалъ намъ правившій катеромъ: — человѣкъ, что закутанъ въ плащѣ. Его зовутъ Абель Магвичъ, иначе Провисъ. Именемъ закона требую, чтобъ онъ сдался, а вы выдали его.

Въ ту же минуту, повидимому, даже безъ приказанія съ его стороны, катеръ примкнулъ къ нашей лодкѣ. Гребцы разомъ сильно налегнули на весло, сложили ихъ, и схватились за бортъ нашей лодки, прежде чѣмъ мы успѣли очнуться. Это причинило большое

замѣшательство на пароходѣ; я слышалъ, какъ намъ кричали съ него, слышалъ приказаніе остановить машину, видѣлъ, какъ колеса остановились, но вся масса съ неотразимою силою продолжала стремиться прямо на насъ. Я видѣлъ, какъ рулевой наложилъ руку на плечо Магвича, какъ лодки страшно качало волною парохода, и всѣ пассажиры неистово махали руками. Въ то же мгновеніе я увидѣлъ, какъ Магвичъ вскочилъ, оттолкнулъ арестовавшаго его, и сорвалъ плащъ съ закутаннаго человѣка, сидѣвшаго въ катерѣ. Показалось обезображенное лицо другого колодника. Все въ ту же минуту, я увидѣлъ, какъ лицо это отшатнулось, поблѣднѣвъ отъ ужаса, услышалъ громкій крикъ съ парохода, громкій плескъ въ водѣ и почувствовалъ, что лодка подалась подо мною.

Голова у меня закружилась, но черезъ мгновеніе я очутился на катерѣ. Тутъ были Гербертъ и Стартопъ, но лодка наша и оба колодника исчезли.

Сначала за криками пассажировъ на пароходѣ и сильной струей пара изъ трубы, я не различалъ неба отъ воды, одного берега отъ другого; но люди на катерѣ, ловко повернули его вправо и, давъ три сильныхъ удара веслами, приподняли ихъ, вперивъ глаза свои на воду. Вдругъ на водѣ показался темный предметъ, плывшій намъ навстрѣчу. Не было произнесено ни слова, только рулевой поднялъ руку, гребцы стали табанить, и катеръ сталъ медленно пятиться прямо къ чернѣвшему предмету. Я вскорѣ узналъ Магвича, плывшаго къ намъ, но плывшаго довольно тяжело. Его взяли въ лодку, и тотчасъ же связали по рукамъ и по ногамъ.

Катеръ оставался неподвиженъ, и всѣ стали снова пристально слѣдить за водою. Въ это время подошелъ Роттердамскій пароходъ, который, не понимая въ чемъ дѣло, поспѣшилъ на всѣхъ парахъ Еще долго сторожили мы надъ водою, послѣ того, какъ пароходы скрылись и все стихло, хотя всякій зналъ, что теперь это потерянный трудъ.

Наконецъ, пришлось отложить попеченіе и поплыть бережкомъ къ кабачку, гдѣ мы ночевали и гдѣ теперь встрѣтили насъ не безъ удивленія. Здѣсь я могъ немного помочь бѣдному Магвичу (уже болѣе не Провису), получившему глубокую рану въ голову и сильно повредившему себѣ грудь.

Онъ разсказалъ мнѣ, что, по всей вѣроятности, попалъ подъ килъ парохода и, всплывая ударился объ него головою. Грудь онъ повредилъ себѣ, вѣроятно, о бортъ катера; боль была такъ сильна, что онъ на силу дышалъ. Онъ прибавилъ, что не знаетъ, какъ бы онъ въ самомъ дѣлѣ поступилъ съ подлецомъ Компесономъ, но что въ ту минуту, когда онъ сдернулъ съ него плащъ, тотъ съ испугу вскочивъ попятился, и они оба упали за бортъ; внезапное паденіе его и усиліе рулевого удержать его опрокинуло лодку. Далѣе онъ сообщилъ мнѣ шепотомъ, что они пошли на дно, яростно сжимая

другъ друга въ своихъ объятіяхъ, что подъ водою произошла отчаянная борьба, и что онъ успѣлъ высвободиться отъ него и выплыть на поверхность.

Я не имѣю причины сомнѣваться въ истинѣ его словъ, тѣмъ болѣе, что и чиновникъ бывшій у руля, подтвердилъ ихъ своимъ показаніемъ.

Я спросилъ у чиновника позволенія замѣнить мокрое платье Магвича, тѣмъ, что я могъ найти сухого и чистаго въ кабачкѣ; онъ охотно согласился, но замѣтилъ, что долженъ забрать въ свое вѣдѣніе все, что было на арестантѣ. Такимъ образомъ, бумажникъ, нѣкогда бывшій въ моихъ рукахъ, теперь перешелъ въ его руки. Далѣе онъ позволилъ мнѣ провожать Магвича въ Лондонъ; но товарищамъ моимъ отказалъ въ этомъ.

Джакъ получилъ наставленіе, гдѣ Компесонъ утонулъ, и онъ обѣщался поискать его тѣло тамъ, куда всего вѣроятнѣе прибьетъ его водою. Извѣстіе, что на несчастномъ были чулки, повидимому, значительно усилило въ Джакѣ желаніе отыскать потонувшаго. Вѣроятно, требовалось не менѣе дюжины утопленниковъ, чтобъ одѣть его сполна, потому то и одѣваніе его было такое разнородное.

Мы оставались въ кабачкѣ до наступленія прилива, тогда Магвича снесли на рукахъ и положили въ катеръ. Герберту и Стартопу пришлось добираться до Лондона сухимъ путемъ. Разставаніе наше было самое печальное; садясь въ лодку у изголовья Магвича, я чувствовалъ, что отнынѣ это мое мѣсто, пока онъ живъ.

Теперь все мое отвращеніе къ нему исчезло. Въ несчастномъ, разбитомъ созданіи, державшемъ меня теперь за руку, я видѣлъ только человѣка, хотѣвшаго меня облагодѣтельствовать, человѣка, въ которомъ чувство признательности и привязанности ко мнѣ не ослабѣло въ теченіе многихъ лѣтъ. Я видѣлъ въ немъ человѣка, поступавшаго со мною неизмѣримо честнѣе, чѣмъ я поступилъ съ Джо.

Дыханіе у него становилось все тяжелѣе, по мѣрѣ приближенія ночи, онъ нерѣдко даже болѣзненно вздыхалъ. Я старался успокоить его, подложивъ ему подъ голову единственную руку, которою я владѣлъ. Но въ душѣ я почти радовался тому, что онъ такъ жестоко раненъ, — для него смерть была, очевидно, лучшимъ исходомъ. Я не сомнѣвался, что найдутся еще люди, которые будутъ въ состояніи и не откажутся признать его. Я не могъ надѣяться, чтобъ судъ пощадилъ человѣка, который былъ выставленъ въ самомъ худшемъ свѣтѣ при первоначальномъ слѣдствіи, потомъ бѣжалъ изъ заточенія, приговоренъ къ ссылкѣ на всю жизнь, самовольно возвратился на родину и причинилъ смерть человѣку, открывшему его

Глядя на садившееся солнце, на убѣгавшую отъ насъ рѣку,

намъ показалось, что вмѣстѣ съ ними уносятся всѣ наши надежды; я старался выразить ему глубокое сожалѣніе, что онъ подвергся такой опасности ради меня.

— Милый мальчикъ, отвѣчалъ онъ: — я вовсе не ропщу на судьбу. Я видѣлъ своего мальчика, а джентльменомъ онъ можетъ быть и безъ меня.

„Нѣтъ". Я думалъ объ этомъ сидя съ нимъ рядомъ. „Нѣтъ". Не говоря о собственномъ умозаключеніи, я понялъ теперь намеки Уэммика. Я предвидѣлъ, что имущество у него, какъ у преступника, будетъ конфисковано въ пользу казны.

— Слушай меня, мой мальчикъ, — сказалъ онъ: — Теперь для джентльмена лучше не имѣть ничего общаго со мною. Только приходи изрѣдка съ Уэммикомъ взглянуть на меня, и когда меня будутъ судить въ послѣдній разъ, сядьте такъ, чтобъ я васъ видѣлъ, мнѣ больше ничего не нужно.

— Я ни на минуту не отойду отъ васъ, — сказалъ я: — если только меня не прогонятъ. Дай Богъ, чтобъ я оказался также вѣренъ вамъ, какъ вы были вѣрны мнѣ!

Я почувствовалъ, что рука его, державшая мою, задрожала; онъ отвернулся въ другую сторону и я услыхалъ знакомый звукъ въ его горлѣ, но и тотъ былъ смягченъ, какъ и все остальное въ немъ. Хорошо, что онъ заговорилъ объ этомъ предметѣ, потому что тѣмъ навелъ меня на мысль, что слѣдуетъ тщательно скрывать отъ него, что ему не удалось исполнить любимаго плана, обогатить меня, иначе я, пожалуй, проговорился бы.

Глава пятьдесятъ пятая.

На другой же день Магвича представили въ полицейскій судъ и тотчасъ бы посадили въ тюрьму и начали судить, еслибъ не требовалось предварительно послать за старымъ надсмотрщикомъ, служившимъ на понтонѣ, съ котораго нѣкогда бѣжалъ Магвичъ, для удостовѣренія личности. Никто въ этомъ и не сомнѣвался, но Компесонъ, который намѣревался показать это въ судѣ, теперь носился мертвымъ по волнамъ Темзы, а никого другого не случилось въ Лондонѣ, чтобъ представить требуемое показаніе. По прибытіи моемъ въ городъ, я тотчасъ же ночью отправился къ Джаггерсу на его квартиру, и просилъ его взять на себя защиту нашего дѣла. Но онъ не имѣлъ ни малѣйшей надежды спасти заключеннаго, и прямо объявилъ, что дѣло это кончится въ пять минутъ, какъ скоро явится требуемый свидѣтель, и никакая земная сила не въ состояніи повернуть дѣло въ нашу пользу.

Я передалъ мистеру Джаггерсу свое намѣреніе не открывать Магвичу предстоявшей потери всѣхъ его богатствъ. Мистеръ Джаггерсъ очень сердито упрекнулъ меня, что я пропустилъ ихъ сквозь

пальцы и сказалъ, что мы должны таки постараться спасти, хоть часть. Но онъ не скрылъ отъ меня, что хотя и бываютъ случаи, когда имѣнія не конфискуются, но, что наше дѣло не подходило подъ этотъ разрядъ. Я очень хорошо это понималъ, я не былъ связанъ съ подсудимымъ, ни родственными, ни другими какими связями, и онъ не написалъ никакого документа до своего заточенія, которымъ бы оставлялъ мнѣ все свое состояніе; теперь же сдѣлать это было уже поздно. Я не имѣлъ никакого права на его богатство, и окончательно рѣшился, — и никогда не измѣнялъ этой рѣшимости, — не терзать себя по напрасну, стараясь доказать свое право.

Кажется, можно было основательно предположить, что утонувшій доносчикъ надѣялся получить награду изъ конфискованнаго состоянія Магвича и потому имѣлъ достовѣрныя свѣдѣнія о его дѣлахъ. Когда его тѣло нашли въ нѣсколькихъ миляхъ отъ мѣста, гдѣ онъ утонулъ, оно было столь обезображено, что признать его можно было только потому, что заключалось въ его карманахъ. Между записками въ его бумажникѣ нашлась одна, въ которой упоминалось, что въ одномъ банкирскомъ домѣ, въ Новомъ Южномъ Валлисѣ находится вкладъ Магвича, извѣстная сумма денегъ и, кромѣ того, были обозначены принадлежащія ему богатыя помѣстья въ Новомъ Южномъ Валлисѣ. Эти свѣдѣнія подтвердились данною Магвичемъ Джаггерсу описью своего состоянія, которое, онъ думалъ, я получу послѣ него. Невѣжество этого несчастнаго человѣка, наконецъ, пригодилось таки ему. Онъ и не сомнѣвался, что при пособіи мистера Джаггерса я легко наслѣдую его богатство.

Послѣ трехдневной проволочки, свидѣтель съ понтона явился, и все было сразу покончено. Магвича посадили въ тюрьму, а дѣло его отложили до будущихъ сессій, долженствовавшихъ быть черезъ мѣсяцъ.

Въ эту мрачную эпоху моей жизни, однажды вечеромъ Гербертъ возвратился домой очень грустный и озабоченный.

— Милый Гендель, — сказалъ онъ: — я боюсь, что мнѣ скоро придется съ тобою разстаться.

Кларикеръ уже извѣстилъ меня объ этомъ, и потому я не такъ удивился, какъ онъ ожидалъ.

— Мы упустимъ удобный случай, если я отложу свою поѣздку въ Каиръ, и потому я боюсь, Гендель, что мнѣ придется тебя оставить, когда я тебѣ всего нужнѣе.

— Ты мнѣ всегда будешь нуженъ, ибо я никогда не перестану любить тебя, но я не вижу, чтобъ я именно теперь болѣе, чѣмъ въ другое время нуждался въ тебѣ.

— Тебѣ будетъ такъ скучно одному.

— Мнѣ не время и думать о скукѣ, — сказалъ я. — Ты знаешь, я, сколько позволено, всегда сижу у него, и еслибъ могъ, то

весь день проводилъ бы въ тюрьмѣ. Когда я и дома, то мои мысли только имъ и заняты.

Страшное положеніе Магвича такъ было нестерпимо для насъ обоихъ, что мы не могли прямо говорить о немъ.

— Другъ мой, — началъ Гербертъ: — позволь мнѣ тебя обезпокоить вопросомъ и да извинитъ меня въ этомъ близость нашей разлуки. Подумалъ ли ты о твоей будущности?

— Нѣтъ, я страшился думать объ этомъ.

— Но, вѣдь, тебѣ не избѣгнуть будущаго, милый Гендель. — Я бы желалъ, чтобъ ты обдумалъ со мною вмѣстѣ, что тебѣ дѣлать.

— Хорошо, — отвѣчалъ я.

—Въ новомъ отдѣленіи нашего дома, Гендель, мы нуждаемся въ...

Я видѣлъ, что онъ изъ деликатности избѣгалъ настоящаго слова, и потому подсказалъ: „въ конторщикѣ".

— Въ конторщикѣ,—продолжалъ онъ:—и я надѣюсь, что тотъ, кто возьметъ эту должность, по примѣру твоего пріятеля, сдѣлается со временемъ и компаньономъ. Ну, Гендель, однимъ словомъ, хочешь ли, другъ мой, переселиться къ намъ?

Было что то прелестное и очаровательно любезное въ манерѣ, съ которою онъ сказалъ: „ну, Гендель", какъ-будто приготовляясь къ серьезной рѣчи, и вдругъ перемѣнилъ тонъ, протянулъ руку и кончилъ свою рѣчь, какъ какой нибудь школьникъ.

— Мы съ Кларой объ этомъ часто говорили, — продолжалъ онъ:—и она, такая душка, право, просила меня сегодня, со слезами на глазахъ, сказать тебѣ, что если ты будешь жить съ нами, послѣ нашей свадьбы, то она употребитъ всѣ свои старанія, чтобъ сдѣлать тебя счастливымъ. Она просила также увѣрить тебя, что другъ ея мужа и ея другъ. Какъ бы мы тогда славно зажили, Гендель!

Я поблагодарилъ его, просилъ поблагодарить и Клару, но сказалъ, что еще не могу рѣшиться принять его любезное предложеніе. Во-первыхъ, я слишкомъ занятъ другими мыслями, чтобъ обдумать его серьезно; во-вторыхъ... да, во-вторыхъ, какое-то смутное намѣреніе начинало рождаться въ моей головѣ, къ которому возвратимся въ концѣ нашего разсказа.

— Но, еслибъ ты, Гербертъ, могъ безъ всякаго вреда вашему дѣлу оставить этотъ вопросъ открытымъ, на время...

— На сколько угодно, — воскликнулъ онъ: — на полгода, на годъ!

— Нѣтъ, не на такой долгій срокъ, — сказалъ я. — На два много на три мѣсяца.

Гербертъ былъ въ восторгѣ, когда мы ударили по рукамъ, и сказалъ, что теперь, кажется, въ состояніи мнѣ открыть, что по всей вѣроятности, уѣдетъ въ концѣ недѣли.

— А Клара? — спросилъ я.

— Бѣдная душка, — отвѣчалъ Гербертъ: — она, покуда отецъ живъ, его не оставитъ, но это долго не продлится. Мистриссъ Уимпель сказала мнѣ по секрету, что онъ не на шутку умираетъ.

— Чтобъ не быть безчеловѣчнымъ, — сказалъ я: — надо сознаться, что онъ не можетъ ничего лучшаго сдѣлать, какъ отправиться.

— Я боюсь, что это справедливо, — отвѣчалъ Гербертъ. — Потомъ, я пріѣду назадъ и мы вмѣстѣ съ моей душкой, Кларою, пойдемъ въ ближнюю церковь и обвѣнчаемся. Не забывай, милый Гендель, что моя красотка не имѣетъ никакого семейства, никогда не заглядывала въ дворянскіе списки, и не имѣетъ понятія о томъ, кто былъ ея дѣдушка. Вотъ счастье-то для сынка моей маменьки!

Въ субботу на той же недѣлѣ, я распростился съ Гербертомъ. Онъ уѣхалъ въ дилижансѣ въ одинъ изъ приморскихъ портовъ. Несмотря на грустное разставаніе со мною, онъ былъ полонъ самыхъ свѣтлыхъ надеждъ. Зайдя въ первую попавшуюся кондитерскую, я написалъ нѣсколько словъ Кларѣ, извѣщая ее о его отъѣздѣ, а потомъ отправился домой, если можно было такъ назвать мою квартиру, ибо у меня уже не было болѣе дома.

На лѣстницѣ я встрѣтилъ Уэммика. Онъ заходилъ ко мнѣ и уже возвращался, не найдя меня. Я еще ни разу не видалъ его наединѣ, со времени печальнаго исхода нашего бѣгства. Теперь онъ пришелъ не какъ оффиціальный, а какъ частный человѣкъ, чтобъ разъяснить мнѣ нѣсколько нашу неудачу.

— Покойный Компесонъ, — началъ Уэммикъ: — мало-по-малу сдѣлался руководителемъ почти всѣхъ теперешнихъ продѣлокъ, и отъ его то людей, попавшихся въ руки правосудія, я узналъ все переданное мною вамъ. Я держалъ ухо востро, хотя притворялся, что ничего не слышу. Наконецъ, я узналъ, что онъ уѣхалъ изъ города и полагалъ, что это лучшее время для побѣга. Теперь я соображаю, что это вѣрно была хитрость съ его стороны. Онъ какъ очень умный человѣкъ, вѣрно, обманывалъ постоянно своихъ людей. Я надѣюсь, вы меня не вините въ вашемъ несчастіи, мистеръ Пипъ? Повѣрьте я отъ всей души старался вамъ услужить.

— Я въ этомъ убѣжденъ не менѣе васъ самихъ, Уэммикъ, и искренно благодарю васъ за вашу дружбу и участіе, которое вы во мнѣ принимаете.

— Благодарствуйте, благодарствуйте. Вотъ скверная штука,— продолжалъ Уэммикъ, почесывая голову. — Я васъ увѣряю, что давно меня никто такъ жестоко не подрѣзывалъ. Главное о чемъ я безпокоюсь, это о потерѣ такого количества движимаго имущества. Вотъ бѣда-то!

— А я безпокоюсь, Уэммикъ, только о владѣльцѣ этого имущества.

— Конечно, — сказалъ Уэммикъ: — конечно, противъ этого нечего и говорить, вамъ должно быть очень его жаль. Да, я самъ далъ бы пяти-фунтовую бумажку, чтобъ только его освободили. Но посмотрите, дѣло то вотъ въ чемъ. Покойный Компесонъ зналъ о его возвращеніи въ Англію и рѣшился во что бы то ни стало изловить его. При этихъ условіяхъ, мнѣ кажется, не возможно было его спасти. Тогда какъ движимое имущество, напротивъ, можно было очень легко спасти. Вотъ видите ли, какая разница между владѣльцемъ и его имуществомъ.

Я пригласилъ Уэммика взойти ко мнѣ освѣжиться стаканчикомъ грога прежде, чѣмъ отправиться въ Уольвортъ. Онъ согласился. Распивая свой грогъ, онъ вдругъ ни съ того ни съ сего, и съ нѣкоторою неувѣренностью сказалъ:

— Что вы думаете, мистеръ Пипъ, еслибъ я взялъ себѣ праздникъ въ понедѣльникъ!

— Я думаю только, что этого съ вами не случалось мѣсяцевъ двѣнадцать.

— Вѣрнѣе лѣтъ двѣнадцать, — отвѣчалъ Уэммикъ. — Да, я намѣренъ взять праздникъ въ понедѣльникъ. Болѣе того, я намѣренъ сдѣлать прогулку, и васъ просить пройтись со мною.

Я только что хотѣлъ извиниться, сказать, что я теперь не гожусь ни на какія прогулки, но Уэммикъ меня предупредилъ:

— Я знаю, вы заняты другимъ и не расположены къ прогулкамъ. Но еслибъ вы были такъ добры и исполнили мою просьбу, то сдѣлали бы мнѣ большое одолженіе. Прогулка наша будетъ ранняя и не возьметъ много времени. Она не займетъ у васъ болѣе какъ часа четыре, считая съ завтракомъ, отъ восьми часовъ утра и до полудня. Не могли ли бы вы какъ нибудь устроиться и одолжить меня?

Уэммикъ столько уже сдѣлалъ для меня, что оказать ему это одолженіе было, сравнительно, сущая бездѣлица; и потому я сказалъ, что если только возможно, то исполню его просьбу. Онъ былъ такъ доволенъ, что смотря на него и я радовался, что могъ оказать ему такое удовольствіе. По его желанію, я обѣщалъ зайти за нимъ въ замокъ, въ понедѣльникъ, въ половинѣ девятаго, и мы разстались.

Аккуратно, въ назначенный день и часъ, я позвонилъ у калитки замка. Уэммикъ самъ вышелъ мнѣ навстрѣчу. Мнѣ показалось, что онъ былъ какъ то болѣе натянутъ, чѣмъ обыкновенно и имѣлъ новую шляпу на головѣ. Въ комнатѣ, на столѣ были приготовлены два стакана молока съ ромомъ, и два бисквита. Старикъ, должно быть, всталъ съ пѣтухами, ибо, заглянувъ въ его спальню, я замѣтилъ, что постель его была пуста.

Подкрѣпившись молокомъ съ ромомъ и бисквитами, мы отпра-

вились въ походъ. Я очень удивился, когда выходя изъ дому, Уэммикъ взялъ на плечо длинную удочку.

— Что, развѣ мы идемъ удить рыбу?—спросилъ я.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ онъ: — но я люблю ходить съ удочкою.

Мнѣ показалось это очень страннымъ, но я ни слова не сказалъ, и мы направили свои шаги къ Кэмбервельскимъ лугамъ. Не далеко отъ этого мѣста, Уэммикъ вдругъ воскликнулъ:

— Вотъ церковь!

Въ этомъ не было ничего удивительнаго, но меня очень удивило, когда онъ проговорилъ, какъ бы освѣщенный какою-то лучезарною идеею:

— Войдемъ ка!

Мы вошли. Уэммикъ оставилъ свою удочку у входа и, осмотрѣвшись во всѣ стороны, сталъ шарить у себя въ карманѣ. Доставъ что то завернутое въ бумажку, онъ опять воскликнулъ:

— А! Вотъ пара перчатокъ! Надѣнемъ-ка!

Перчатки были бѣлыя лайковыя; смотря на нихъ и на его ротъ, непомѣрно расширившійся, я началъ что то подозрѣвать. Скоро мои подозрѣнія подтвердились; я увидѣлъ престарѣлаго родителя, который входилъ въ церковь, ведя подъ руку какую то даму.

— А! — воскликнулъ Уэммикъ. — Вотъ миссъ Скифинзъ! Сыграемъ-ка свадебку!

Эта скромная дѣвица была одѣта по обыкновенному, только идя перемѣнила свои зеленыя перчатки на бѣлыя. Престарѣлый родитель приготовлялся принести подобную же жертву Гименею. Однако, онъ никакъ не могъ сладить съ своими перчатками, и Уэммикъ долженъ былъ, наконецъ, прислонить его спиною къ колоннѣ, а самъ, ставъ за нее, старался напялить ему перчатки. Я же, съ своей стороны, держалъ почтеннаго джентльмена за талію, чтобъ онъ не потерялъ равновѣсія. Благодаря этому ухищренію, перчатки были благополучно надѣты.

Съ появленіемъ пастора и дьячка, мы выстроились передъ роковою загородкою алтаря. Уэммикъ такъ хорошо вошелъ въ свою роль, показывая видъ, что все это случилось неожиданно, и не было приготовлено заранѣе, что я слышалъ, какъ онъ, вынимая передъ вѣнчаніемъ кольцо изъ кармана, пробормоталъ:

— А! вотъ кольцо!

Я исполнялъ роль шафера жениха, а какая-то церковная прислужница, маленькая старушка, въ дѣтскомъ чепчикѣ, представляла закадычную подругу миссъ Скифинзъ. Отдавалъ невѣсту самъ престарѣлый родитель, и это обстоятельство повело къ небольшому скандалу. Когда пасторъ спросилъ:—„Кто даетъ сію женщину въ замужество сему мужчинѣ?“—почтенный джентльменъ, не подозрѣвая до какого момента въ церемоніи мы уже дошли, очень пріятно

глазѣлъ на заповѣди, написанныя на стѣнахъ. Пасторъ опять повторилъ:

— Кто отдаетъ сію женщину въ замужество сему мужчинѣ?

Старикъ все еще находился въ какомъ то безсознательномъ состояніи, и женихъ своимъ обыкновеннымъ тономъ воскликнулъ:

— Ну, престарѣлый родитель, ты знаешь, вѣдь, кто ее отдаетъ?

На это престарѣлый родитель очень живо отвѣчалъ, какъ слѣдовало, но, предварительно, замѣтилъ:

— Хорошо, хорошо, Джонъ!

Пасторъ былъ такъ пораженъ этой сценою, что на минуту остановился и я начиналъ уже сомнѣваться, окончится ли благополучно эта церемонія.

Однако, свадьба окончилась преблагополучно. Выходя изъ церкви, Уэммикъ снялъ свои бѣлыя перчатки и, поднявъ крышку церковной купели, положилъ ихъ въ нее и снова закрылъ крышку. Мистриссъ Уэммикъ, думая о будущемъ, поступила экономнѣе и, снявъ свои перчатки, спрятала ихъ въ карманъ, а надѣла свои прежнія зеленыя.

— Ну, мистеръ Пипъ,—сказалъ Уэммикъ, торжественно взявъ на плечо свою удочку:—позвольте васъ спросить, подумалъ ли бы кто, что эта свадьба?

Завтракъ былъ заказанъ въ маленькомъ трактирѣ, стоявшемъ на холмѣ, за милю отъ луговъ. Въ комнатѣ былъ накрытъ столъ, уставленный напитками, чтобъ отпраздновать торжество. Пріятно было видѣть, какъ мистриссъ Уэммикъ болѣе не отводила руки Уэммика отъ своей таліи, а напротивъ, сидя въ большихъ креслахъ, какъ віолончель въ своемъ футлярѣ, позволяла ему себя цѣловать сколько угодно.

Завтракъ былъ отличный и когда кто нибудь отказывался съѣсть или выпить что нибудь, Уэммикъ говорилъ:

— Это все предусмотрѣно и упомянуто въ контрактѣ, такъ не безпокойтесь!

Я выпилъ за здоровье новой четы, престарѣлаго родителя, замка, и, уходя, привѣтствовалъ маленькою рѣчью молодую. Однимъ словомъ, старался быть какъ только могъ любезнѣе.

Уэммикъ проводилъ меня до дверей, и я опять поздравилъ его, пожимая ему руку на прощаніе.

— Благодарствуйте!—сказалъ Уэммикъ, потирая руки.—Вы не можете себѣ представить, какая она славная птичница. Я вамъ пришлю яицъ, которыя снесутъ ея куры и вы тогда сами убѣдитесь, что я правъ. Послушайте, мистеръ Пипъ,—прибавилъ онъ, призывая меня назадъ и говоря шепотомъ:—это совсѣмъ уольвортское чувство и прошу васъ, чтобъ оно осталось между нами.

— Я понимаю. Не слѣдуетъ упоминать объ этомъ въ Литтль-Бритенѣ,—сказалъ я.

Уэммикъ утвердительно кивнулъ головою.

— Послѣ того, что вы на-дняхъ выболтали, пускай мистеръ Джаггерсъ лучше ничего не знаетъ объ этомъ. Онъ, пожалуй, подумаетъ, что я рехнулся.

Глава пятьдесятъ шестая.

Магвичъ пролежалъ больнымъ въ тюрьмѣ все время отъ первоначальнаго ареста до открытія сессій. Онъ сломалъ себѣ два ребра и повредилъ легкія, почему и дышалъ съ большимъ трудомъ и болью, которая ежедневно усиливалась. Вслѣдствіе ушиба онъ говорилъ очень мало и такъ тихо, что едва можно было разслышать его слова. Но онъ всегда радъ былъ меня слушать, и я считалъ первымъ своимъ долгомъ говорить и читать ему все, что могло служить ему въ пользу. Его болѣзнь до того усилилась, что несчастнаго нельзя было болѣе оставить въ общей тюрьмѣ, и потому его перенесли въ лазаретъ. Тутъ я гораздо чаще могъ съ нимъ видаться. Одна болѣзнь спасла его отъ цѣпей, ибо его считали самымъ опаснымъ преступникомъ.

Хотя я ежедневно съ нимъ видался, но на такое короткое время и часы разлуки были такъ продолжительны, что я замѣчалъ малѣйшую физическую перемѣну въ его лицѣ. И перемѣны эти не были къ лучшему; онъ видимо изнемогалъ и день ото дня становился слабѣе. Магвичъ выказывалъ смиреніе и покорность своей участи, какъ человѣкъ совершенно утомленный жизнью. Мнѣ иногда казалось, по его словамъ и выраженію лица, что онъ обдумывалъ вопросъ, не сдѣлался ли бы онъ лучшимъ человѣкомъ при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ; но онъ никогда не старался оправдать себя подобными средствами.

Раза два или три тюремщикамъ случалось упомянуть о дурной его репутаціи. Тогда, бывало, покажется улыбка на его лицѣ и онъ обратится ко мнѣ съ такимъ взглядомъ, какъ будто увѣренъ, что я въ немъ зналъ еще въ дѣтствѣ не одну хорошую сторону. Вообще, Магвичъ велъ себя смирно, никогда и ни на что не жаловался.

Когда открылись судебныя сессіи, мистеръ Джаггерсъ подалъ прошеніе объ отсрочкѣ дѣла Магвича до слѣдующаго раза, въ надеждѣ, что онъ такъ долго не проживетъ. Но ему отказали. Слѣдствіе началось, и Магвича принесли въ судъ въ креслахъ. Мнѣ позволили стоять за нимъ, не выпуская его руки изъ своихъ рукъ.

Слѣдствіе было коротко и ясно. Все, что можно было сказать въ его пользу, было сказано—какъ онъ послѣднее время сталъ работать, какъ жилъ хорошо и честно. Но ничѣмъ нельзя было опровергнуть факта, что онъ воротился въ Англію и стоялъ теперь пе-

редъ судьею и присяжными. Невозможно было не признать его виновнымъ.

Въ то время существовалъ обычай произносить смертные приговоры въ послѣдній день сессій, чтобъ ихъ закончить съ эффектомъ. Еслибъ не ужасная картина, живо сохранившаяся въ моей памяти, я едва повѣрилъ бы, даже писавши эти слова, что я тогда видѣлъ въ судѣ тридцать двухъ мужчинъ и женщинъ, которымъ въ одно время былъ объявленъ смертный приговоръ. Магвичъ находился впереди всѣхъ; онъ сидѣлъ, ибо отъ изнеможенія не могъ стоять. Вся эта сцена ярко представляется мнѣ теперь; я даже помню, какъ капли дождя на окнахъ блистали отъ лучей апрѣльскаго солнца. Я стоялъ за рѣшеткой, держа руку Магвича. За нимъ виднѣлись тридцать два мужчины и женщины; иные смотрѣли недовѣрчиво, другіе казались пораженными страхомъ, нѣкоторые плакали и рыдали, закрывали лицо, или же угрюмо оглядывались по сторонамъ. Сначала раздались было вопли женщинъ, но они тотчасъ же смолкли и настала глубокая тишина. Шерифы, другіе гражданскіе чиновники и многочисленные зрители наполняли галлерею. Наконецъ, судья важно обратился къ тридцати двумъ приговореннымъ. Изъ числа этихъ несчастныхъ ему надлежало отдѣльно сказать нѣсколько словъ человѣку, который съ младенчества былъ виновенъ въ противузаконныхъ дѣйствіяхъ, который, послѣ частыхъ наказаній и тюремнаго заключенія, приговоренъ былъ къ ссылкѣ на извѣстное число лѣтъ, который при отчаянныхъ обстоятельствахъ бѣжалъ, опять пойманъ и присужденъ къ вѣчной ссылкѣ. Этотъ несчастный, казалось, вдали отъ своей родины сперва старался жить спокойно и честно; но, въ несчастную минуту, увлеченный своими страстями, сдѣлавшими его язвою общества, онъ покинулъ мѣсто ссылки и возвратился въ государство, которое его изгнало. О немъ вскорѣ донесли, но ему удалось нѣкоторое время укрыться отъ правосудія; когда же его схватили, онъ защищался и былъ причиною смерти доносчика, знавшаго всѣ подробности его жизни. Онъ одинъ зналъ, сдѣлалъ ли онъ это преднамѣренно, или въ слѣпомъ порывѣ страсти. Наказаніе, ожидавшее его, за самовольное возвращеніе въ землю, изгнавшую его, была смерть, и какъ притомъ обстоятельства его поимки только увеличивали его вину, то ему слѣдуетъ приготовиться къ смерти.

Солнце ударяло своими лучами въ большія окна залы, ярко освѣщая судью и приговоренныхъ и, можетъ быть, напоминало нѣкоторымъ присутствующимъ, какъ мы всѣ нѣкогда предстанемъ предъ Всевѣдущаго и Непогрѣшимаго Судью. Въ эту минуту Магвичъ приподнялся и лицо его ярко освѣтилось солнцемъ:—„Милордъ,—сказалъ онъ,—я уже получилъ приговоръ отъ Всевышняго, но преклоняюсь и предъ вашимъ“. Между присутствующими послышался ропотъ, и судья продолжалъ рѣчь, обращаясь къ остальнымъ. Послѣ произне-

сенія приговора, пришлось поддерживать нѣкоторыхъ, другіе вышли стараясь казаться храбрыми, немногіе кивали головой въ направленіи къ галлереѣ, двое или трое пожали другъ другу руки. Магвичъ вышелъ послѣднимъ: его пришлось поднять съ креселъ и онъ могъ идти только очень медленно; онъ все еще держалъ мою руку. Присутствующіе уже встали (поправляясь словно въ церкви или въ иномъ какомъ общественномъ собраньѣ) и указывали пальцами то на одного, то на другого преступника, а чаще всего на него и на меня.

Я все еще надѣялся, что онъ умретъ раньше дня, назначеннаго для исполненія приговора, но, опасаясь, чтобы жизнь его не продлилась, я въ ту же ночь принялся писать прошеніе министру внутреннихъ дѣлъ, описывая ему все, что я зналъ о преступникѣ и какъ онъ рѣшился вернуться на родину единственно ради меня. Я написалъ какъ могъ убѣдительнѣе и трогательнѣе и отправилъ просьбу по назначенію. Я также писалъ многимъ высокимъ лицамъ, отъ которыхъ могъ ожидать содѣйствія и даже сочинилъ прошеніе на имя короля. Послѣ судебнаго приговора, я не зналъ ни минуты покая; печальныя мысли преслѣдовали меня. Отправивъ прошеніе, я по цѣлымъ вечерамъ скитался около домовъ тѣхъ особъ, которымъ они были адресованы; какъ будто близость ихъ могла придать мнѣ болѣе надежды. До сихъ поръ улицы Вестенда въ весеннюю туманную ночь, съ ихъ рядами домовъ и фонарей, навѣваютъ на меня печальныя воспоминанія. Ежедневныя мои посѣщенія тюрьмы теперь еще болѣе сократили, а Магвича стали строже сторожить. Замѣтивъ или только вообразивъ себѣ, что меня подозрѣвали въ намѣреніи отравить его, я потребовалъ, чтобы меня обыскивали передъ тѣмъ, какъ допускали къ его кровати, и сказалъ надзирателю, всегда присутствовавшему при этомъ, что я на все согласенъ, чтобы оправдать чистоту моихъ намѣреній. Никто не обращался грубо ни съ нимъ, ни со мною. Долгъ службы требовалъ стѣснять насъ, но это исполнялось какъ только можно деликатнѣе. Надзиратель постоянно увѣрялъ меня, что Магвичу становится хуже, тоже говорили и другіе арестанты, исполнявшіе должность сидѣлокъ при немъ. Они хотя и были преступники, но, благодаря Бога, были способны къ добру.

Дни проходили, и я замѣчалъ, что онъ иногда долго продолжалъ лежать, вперивъ невозмутимо спокойный взглядъ въ бѣлый потолокъ. По временамъ мои слова его оживляли, а чрезъ минуту онъ опять впадалъ въ оцѣпенѣніе. Иногда онъ совсѣмъ не могъ говорить и отвѣчалъ мнѣ легкимъ пожатіемъ руки; я вскорѣ привыкъ къ этому и сталъ угадывать его мысли. Наступилъ уже десятый день, послѣ приговора, когда я внезапно замѣтилъ значительную перемѣну въ немъ. Глаза его обращены были къ дверямъ и радостно блеснули при моемъ входѣ.

— Милый другъ,—сказалъ онъ, когда я присѣлъ къ его кровати. Я боялся, чтобъ ты не опоздалъ, хотя почти увѣренъ былъ, что это не случится.

— Я въ назначенное время пришелъ,—сказалъ я:—я ужъ давно дожидаюсь у воротъ.

— Ты всегда дожидаешься у воротъ, не такъ-ли, другъ мой?

— Да, чтобы не потерять ни минуты.

— Благодарю, милый другъ, благодарю! Да благословитъ тебя Богъ! Ты меня никогда не покидалъ.

Я молча пожалъ его руку, ибо не могъ забыть, что однажды хотѣлъ покинуть его.

— И, что всего лучше, ты ухаживалъ за мною въ бѣдѣ, а не тогда, когда мнѣ везло. Это лучше всего.

Онъ лежалъ на спинѣ и дышалъ чрезвычайно трудно. Какъ онъ ни любилъ видѣть меня и говорить со мною, но оживленіе опять исчезло съ его лица, отуманеный взоръ его обратился снова къ потолку.

— Вы сильно страдаете?

— Я не жалуюсь, мой другъ.

Это были послѣднія слова, произнесенныя имъ. Онъ улыбнулся и мнѣ показалось, что онъ желаетъ, чтобы я положилъ свою руку на его грудь. Я это сдѣлалъ, онъ снова улыбнулся и покрылъ мою руку своими.

Назначенное для посѣщенія время уже кончилось; оглянувшись я замѣтилъ за собою начальника тюрьмы, который мнѣ сказалъ шепотомъ, „вы можете еще здѣсь остаться". Я его поблагодарилъ отъ души и спросилъ:

— Могу я съ нимъ поговорить наединѣ, если онъ меня можетъ разслышать?

Начальникъ тюрьмы отошелъ въ сторону и сдѣлалъ знакъ надзирателю, чтобъ онъ послѣдовалъ его примѣру. На минуту глаза Магвича оживились и онъ взглянулъ на меня очень нѣжно.

— Милый Магвичъ, я, наконецъ, рѣшился вамъ сказать косчто. Вы понимаете, что я говорю?

Онъ слегка пожалъ мою руку.

— У васъ была дочь, любимая вами и которой вы лишились.

Онъ сильнѣе пожалъ мою руку.

— Она жива и нашла сильныхъ покровителей. Она важная леди и красавица собою. И я люблю ее!

Послѣднимъ слабымъ усиліемъ онъ поднялъ руку мою къ своимъ губамъ. Потомъ, снова медленно опустивъ ее на грудь, онъ покрылъ ее своими руками, и обратилъ невозмутимо спокойный взоръ на потолокъ. Но вскорѣ глаза его закрылись и голова спокойно опустилась на грудь.

Вспомнивъ, какъ мы вмѣстѣ читали о двухъ людяхъ вошедшихъ въ храмъ молиться, я понялъ, что не могу ничего сказать лучшаго при его смертномъ одрѣ, какъ: „Боже, буди милостивъ ему, грѣшнику!“

Глава пятьдесятъ седьмая.

Оставшись одинъ одинехонекъ, я объявилъ свое намѣреніе выѣхать съ квартиры моей въ Темплѣ, какъ только кончится срокъ контракта, а покуда передать ее кому нибудь. Я тотчасъ же наклеилъ бумажки на окна, потому что у меня накопилось очень много долговъ, а денегъ почти не оставалось, и я начиналъ уже серьезно безпокоиться о своихъ финансахъ. Впрочемъ, мнѣ скорѣе слѣдуетъ сказать, что я начиналъ бы безпокоиться, еслибъ былъ въ состояніи въ то время ощущать что нибдь, кромѣ злого недуга. Недавнія тревоги и безпокойства, какъ будто придавали мнѣ силы, но онѣ не могли уничтожить зарождавшейся болѣзни, а только отсрочили ее. Теперь же я сознавалъ, что болѣзнь овладѣваетъ мною; кромѣ этого ничего я не зналъ, да и знать не хотѣлъ.

Дня два я валялся на диванѣ или на полу, гдѣ попало. Голова у меня трещала, всѣ суставы и кости болѣли, я почти терялъ сознаніе. Наконецъ, настала какая то безконечная ночь, полная тревожныхъ и ужасныхъ сновъ; когда же по утру я хотѣлъ привстать и собраться съ мыслями, то силы мнѣ измѣнили и я, лежа, сталъ думать, на яву ли было то, что я видѣлъ и дѣлалъ въ эти дни. Ходилъ ли я, дѣйствительно, ночью въ Гарденкортъ искать свою лодку и очутился раза три на лѣстницѣ, не зная какъ я туда попалъ? Дѣйствительно ли я зажигалъ лампу и выбѣгалъ на лѣстницу, думая, что *онъ* взбирается ко мнѣ въ темнотѣ? На яву ли, наконецъ, я слышалъ около себя смѣхъ, и стоны, и видѣлъ въ углу комнаты желѣзную печь, въ которой жарилась миссъ Хевишемъ? Но лишь только что нибудь выяснялось мнѣ изъ этого хаоса, тотчасъ же какй то туманъ скрывалъ все отъ моихъ глазъ. Сквозь эту мглу я вдругъ увидѣлъ, что ко мнѣ подходятъ два человѣка.

— Что вамъ нужно?—закричалъ я.—Я васъ не знаю.

— Мы скоро покончимъ наше дѣло, сэръ,—отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, взявъ меня за плечо:—вы арестованы.

— Какъ великъ долгъ?

— Сто двадцать три фунта пятнадцать шиллинговъ и шесть пенсовъ. Это, кажется, счетъ золотыхъ дѣлъ мастера.

— Что жъ мнѣ дѣлать?

— Вы бы лучше переѣхали ко мнѣ,—сказалъ другой человѣкъ:—у меня отличное помѣщеніе.

Я началъ было одѣваться, но вотъ опять все закружилось и запрыгало въ моихъ глазахъ. Когда я снова открылъ ихъ, я лежалъ на постели и оба человѣка стояли подлѣ меня.

— Вы видите, въ какомъ я положеніи,—началъ я:—я бы пошелъ съ вами, еслибъ только могъ, а теперь право, мнѣ невозможно. Если вы меня потащите силою, то я умру по дорогѣ.

Можетъ быть, они и отвѣчали мнѣ и увѣряли, что я не въ такомъ отчаянномъ положеніи, но я уже ничего болѣе не помню; знаю только, что меня оставили въ покоѣ.

Я по временамъ какъ будто сознавалъ, что я въ горячкѣ и въ бреду, но потомъ находили на меня минуты, когда мнѣ казалось, что я кирпичъ въ большой стѣнѣ, и я умолялъ каменщиковъ вынуть меня изъ стѣны; или я воображалъ, что я стальной поршень какого-то большого паровоза, несущагося съ шумомъ черезъ заливъ, и я кричалъ, чтобъ остановили машину и отвинтивъ меня, пустили бы на свободу. Наконецъ, я чувствовалъ, что иногда борюсь съ окружающими меня людьми, думая, что они хотятъ убить меня, но потомъ вдругъ сознавалъ, что они хотятъ мнѣ только добра, и смирно давалъ имъ дѣлать со мною, что угодно. Всего же страннѣе было то, что всѣ существа, которыя представлялись моему разстроенному воображенію, рано или поздно принимали образъ Джо.

Когда миновало худшее время моей болѣзни и мнѣ стало немного полегче, всѣ странные, чудовищные образы стали мало по малу исчезать, одинъ только образъ Джо меня не оставлялъ. Кого бы я ни видѣлъ подлѣ себя, мнѣ все казалось, что это Джо. Открывалъ ли я глаза ночью, въ креслахъ подлѣ постели сидѣлъ Джо; открывалъ ли я ихъ днемъ, на окнѣ покуривалъ трубочку Джо; просилъ ли пить, мнѣ подавалъ питье Джо, и, когда выпивъ, я лежалъ неподвижно, лицо, наклоненное надо мною съ выраженіемъ нѣжности и теплой надежды, было лицо Джо.

Наконецъ, я однажды собрался съ силами и спросилъ:

— Джо, это ты?

— Конечно, я, милый Пипъ,—отвѣчалъ мнѣ знакомый, отрадный голосъ.

— О, Джо, ты сокрушаешь мое сердце! Смотри на меня съ отвращеніемъ, упрекай меня, бей меня, только не будь такъ добръ со мною, Джо!

Онъ, между тѣмъ, въ радости, что я очнулся, горячо обнялъ меня и положилъ голову на мою подушку.

— Мы, вѣдь, всегда были друзья, Пипъ, старый дружище,—говорилъ Джо. Когда ты выздоровѣешь и мы поѣдемъ кататься—то-то будетъ праздникъ!

Сказавъ это, Джо отошелъ, и повернувшись ко мнѣ спиною, отеръ глаза платкомъ. Я не могъ побѣжать и кинуться ему на шею, а смирно лежалъ и шепталъ съ раскаяніемъ:—Боже, благослови его! Боже, благослови его! Вотъ настоящій христіанинъ!

Когда Джо подошелъ снова ко мнѣ, глаза его были красны. Я взялъ его руку и мы оба были счастливы.

— Сколько времени прошло, Джо?

— То есть, ты хочешь сказать, Пипъ, сколько времени прошло съ тѣхъ поръ, что ты заболѣлъ, старый дружище?

— Да, Джо.

— Теперь конецъ мая, Пипъ. Завтра первое іюня.

— И ты все это время возился со мною, милый Джо?

— Почти что такъ, старый дружище. Получивъ извѣстіе о твоей болѣзни, я и говорю Бидди:—извѣстіе то мы получили черезъ письмо, которое принесъ почтальонъ. Онъ, знаешь, ужъ женился, но толку мало; впрочемъ, онъ и не искалъ денегъ, а...

— Какъ отрадно слышать твой голосъ, Джо... Но я перебилъ, что же ты сказалъ Бидди?

— Вотъ я и говорю Бидди, что ты между чужими, что мы всегда были друзьями и что мое посѣщеніе теперь, вѣрно, не будетъ некстати. А Бидди говоритъ:

— Ступай къ нему, да не теряй времени! Вотъ, что сказала Бидди: „ступай къ нему, да не теряй времени“,—повторилъ Джо, съ необыкновенною опредѣлительностью. Однимъ словомъ,—продолжалъ онъ, подумавъ немного:—я не обману тебя, если скажу, что Бидди именно сказала, „да, не теряй времени“.

Тутъ Джо остановился, замѣтивъ, что со мною не велѣно много разговаривать. Потомъ объ объявилъ, что мнѣ приказано ѣсть понемножку въ положенные часы, хочу ли я или нѣтъ, и что, вообще, я долженъ во всемъ его слушаться. Я поцѣловалъ его руку и тихо лежалъ, пока онъ принялся писать къ Бидди, которой я просилъ непремѣнно поклониться отъ меня.

Видно Бидди выучила его писать. Я плакалъ опять отъ удовольствія, видя съ какою гордостью онъ принимался за свое письмо. Постель мою, съ которой сняты были занавѣски, перенесли со мною вмѣстѣ въ гостиную, какъ самую просторную комнату. Коверъ вытащили вонъ, и воздухъ въ ней былъ всегда и днемъ и ночью свѣжій и здоровый. Джо теперь усѣлся за моимъ письменнымъ столомъ, заставленнымъ всякими склянками. Тщательно выбравъ перо, будто инструментъ какой, онъ засучилъ рукава и облокотился лѣвою рукою на столъ. Наконецъ, онъ началъ писать; всякую черту внизъ онъ выводилъ очень долго; вверхъ же, напротивъ, такъ быстро, что я слышалъ всякій разъ, какъ перо у него брызгало. Почему то ему казалось, что чернильница у него не на той сторонѣ, гдѣ она была дѣйствительно, и потому постоянно обмакивалъ перо въ пустое пространство, нимало этимъ не смущаясь. Какая нибудь орѳографическая тонкость останавливала его по временамъ, но, вообще, онъ очень бѣгло писалъ; подмахнувъ свое имя, онъ

всталъ и обошелъ столъ со всѣхъ сторонъ, съ наслажденіемъ любуясь своей работой.

Не желая, чтобъ Джо безпокоился обо мнѣ, и при томъ, на самомъ дѣлѣ, не имѣя силы много говорить сразу, я не спросилъ его ничего о миссъ Хевишемъ. На другой день, я коснулся этого предмета и спросилъ, выздоровѣла ли она? Джо покачалъ головою.

— Умерла, Джо?

— Вотъ видишь ли, старый дружище,—отвѣчалъ онъ, какъ бы увѣщевая меня:—это слишкомъ много сказать, а лучше сказать, что она не...

— Не жива болѣе, Джо?

— Да, это ближе къ правдѣ, дѣйствительно, ея нѣтъ болѣе въ живыхъ.

— Долго она была больна, Джо?

— Послѣ того, какъ ты заболѣлъ, какъ бы сказать, съ недѣлю,—отвѣчалъ Джо, видимо рѣшившись разговаривать со мною по маленьку.

— Милый Джо, не слыхалъ ли ты, что сталось съ ея состояніемъ?

— Ну, кажется, старый дружище, она почти все оставила миссъ Эстеллѣ. Только въ духовной ея нашли прибавку, написанчую собственною ея рукою дня за два передъ несчастьемъ. Она, видишь ли, оставляетъ круглыхъ четыре тысячи мистеру Матью Покету. А какъ ты думаешь, Пипъ, отчего она оставила ему эти круглыя четыре тысячи?—„Потому что Пипъ хорошо отозвался о вышерѣченномъ Матью“. Мнѣ Бидди сказала, что именно написаны эти слова „хорошо отозвался о вышерѣченномъ Матью“,—прибавилъ Джо, какъ бы находя удовольствіе въ повтореніи приказныхъ выраженій. — Не забывай, Пипъ, круглыя четыре тысячи.

Я не знаю почему, но Джо, очевидно, полагалъ, что сумма покажется больше, если онъ прибавитъ къ ней прилагательное: круглыя.

Его слова меня очень обрадовали. Это блистательно завершало единственное мое доброе дѣло. Я потомъ спросилъ Джо, оставила ли она что другимъ родственникамъ?

— Миссъ Сара, — отвѣчалъ онъ: — получила двадцать пять фунтовъ ежегоднаго дохода на пилюли противъ желчи; миссъ Джорджіана двадцать фунтовъ; мистриссъ... Ну, какъ ее тамъ... какъ, бишь, зовутъ-то?.. На чемъ корабли-то водятъ?

— Кабель,—отвѣчалъ я, недоумѣвая, на что ему это.

— Ну, да. Мистриссъ Камель (я понялъ, что онъ хочетъ сказать мистриссъ Камилла) получила пять фунтовъ на ночники, чтобъ ей не такъ было страшно просыпаться по ночамъ.

Всѣ эти подробности были такъ правдоподобны, что я не имѣлъ никакого основанія сомнѣваться въ истинѣ его словъ.

— Ну, старый дружище,—продолжалъ Джо:—ты, я думаю, сегодня поздоровѣе, можешь услышать и еще одну новость. Знаешь ли, Орликъ ограбилъ одинъ домъ.

— Чей?—спросилъ я.

— Правда, онъ нахалъ и хвастунъ,—сказалъ Джо, какъ бы защищая кого то:—но, вѣдь, домъ англичанина его крѣпость, а на крѣпости, вѣдь, не нападаютъ, иначе какъ во время войны. И какіе бы тамъ грѣшки за нимъ не водились, онъ, вѣдь, все-таки въ душѣ лабазникъ.

— Такъ это Пембельчука домъ ограбили?

— Да, да, Пипъ, — отвѣчалъ Джо: — У него стащили всѣ деньги, выпили все вино, съѣли все, что было въ домѣ съѣстного, а самого-то и по рожѣ били, и за носъ дергали, и отпороли знатно, заткнувъ ему ротъ прейскурантами, чтобъ онъ не оралъ. Да онъ не дуракъ, узналъ Орлика. Вотъ тотъ голубчикъ и сидитъ теперь въ тюрьмѣ.

Такимъ образомъ, мало по малу мы откинули всякую предосторожность и говорили, сколько душѣ хотѣлось. Я еще былъ слабъ, но, хотя и медленно, видимо поправлялся. Джо, попрежнему, ухаживалъ за мною, и я повременамъ, право, думалъ, что опять сталъ маленькимъ Пипомъ.

Онъ заботился обо мнѣ, точно о ребенкѣ; по цѣлымъ часамъ разговаривалъ со мною такъ же откровенно и просто, какъ бывало въ старину, во дни моей юности. Мнѣ, наконецъ, начало казаться, что вся моя жизнь была не что иное, какъ лихорадочный бредъ больного. Для подмоги себѣ по хозяйству, Джо нанялъ очень приличную женщину, ибо, съ самаго своего пріѣзда, отпустилъ мою прачку. Въ этой вольности онъ часто извинялся, говоря:— „Я, право, видѣлъ, какъ она таскала изъ-подъ тебя перья изъ матраса и послѣ продавала ихъ; да не только перья, она воровала уголья, посуду, вино, все, даже вплоть до твоихъ сапогъ“.

Мы съ какимъ то необъяснимымъ удовольствіемъ ждали моей первой прогулки, какъ нѣкогда ожидали дня, когда я поступлю въ ученье къ Джо. Наконецъ, этотъ день насталъ. Джо нанялъ коляску, закуталъ меня хорошенько, снесъ на рукахъ по лѣстницѣ и усадилъ, словно я былъ прежній беззащитный ребенокъ, котораго онъ такъ берегъ. Джо сѣлъ рядомъ со мною, и мы поѣхали за городъ. Деревья и трава уже зеленѣли, и въ воздухѣ слышалось приближеніе лѣта. Было воскресенье, и когда я посмотрѣлъ на веселую, роскошную природу и вспомнилъ, какъ она перемѣнилась съ тѣхъ поръ, когда я гулялъ въ послѣдній разъ, то меня невольно поразила мысль, что эти цвѣты прелестно распускались и птички весело распѣвали, пока я мучился въ душной комнатѣ.

Эта горькая мысль нѣсколько отравляла мое удовольствіе; но когда я услышалъ гулъ колоколовъ и ближе всмотрѣлся въ чудную природу, меня окружавшую, я понялъ, что не довольно еще благодаренъ судьбѣ за свое спасеніе. Положивъ голову къ Джо на плечо, какъ бывало прежде, я тихо лежалъ въ коляскѣ. Первое впечатлѣніе природы было слишкомъ сильно для меня.

Мало по малу я пришелъ въ себя, и мы начали весело разговаривать, какъ бывало нѣкогда въ нашей старой батареѣ. Въ моихъ глазахъ Джо въ это долгое время вовсе не перемѣнился; онъ былъ все тотъ же простой и честный Джо.

Пріѣхавъ домой, онъ опять поднялъ меня изъ коляски, перенесъ на рукахъ въ комнаты. Я невольно при этомъ вспомнилъ, какъ онъ меня таскалъ на спинѣ въ памятное мнѣ Рождество. До сихъ поръ мы еще ни разу не касались перемѣны моего положенія, и я еще не зналъ, насколько ему были извѣстны послѣднія событія моей жизни. Я до того сомнѣвался въ себѣ и такъ вполнѣ во всемъ полагался на него, что долго не зналъ, хорошо ли мнѣ начинать этотъ разговоръ, если онъ, повидимому, избѣгаетъ его.

— Ты слышалъ, Джо, кто былъ мой благодѣтель?—рѣшился я, наконецъ, спросить его послѣ нашей прогулки.

— Я слышалъ, что то не была миссъ Хевишемъ, старый дружище,—отвѣчалъ онъ.

— А ты знаешь кто?

— Я слышалъ, что будто тотъ самый человѣкъ, который послалъ тебѣ, помнишь, двѣ однофунтовыя бумажки.

— Да, тотъ самый.

— Удивительно!—сказалъ Джо совершенно спокойно.

— Ты слышалъ, Джо, что онъ умеръ? — спросилъ я недовѣрчиво.

— Кто? Тотъ человѣкъ, который послалъ тебѣ однофунтовыя бумажки, Пипъ?

— Да.

— Кажется,—отвѣчалъ Джо, подумавъ нѣсколько минутъ и не смотря на меня:—кажется, я слышалъ отъ кого-то, какъ будто онъ... того... этого...

— А знаешь ли, кто онъ былъ?

— Нѣтъ, въ точности не знаю, Пипъ.

— Если ты желаешь знать, Джо... началъ было я; но онъ всталъ и подошелъ ко мнѣ.

— Послушай, старый дружище,—сказалъ онъ, нагибаясь ко мнѣ: — вѣдь мы друзья, и всегда были друзьями — не такъ ли, Пипъ?

Мнѣ совѣстно было отвѣчать.

— Ну, хорошо, хорошо,—продолжалъ Джо, будто я отвѣтилъ утвердительно:—въ этомъ никто и не сомнѣвается. Такъ зачѣмъ

же намъ, старый дружище, говоритъ о такихъ вещахъ? Есть намъ, слава Богу, о чемъ потолковать. Какъ подумаешь о твоей бѣдной сестрѣ, Пипъ! А помнишь ты щекоталку?

— Какъ же, Джо.

— Слушай, старый дружище, вѣдь, я дѣлалъ все, что могъ, чтобъ отстранить щекоталку-то отъ твоей спины; но я, вѣдь, не всегда воленъ былъ дѣлать, что хотѣлъ. Бывало, когда бѣдная сестра твоя возьметъ въ голову побить тебя, если вступишься, не только самому достанется, но и тебѣ вдвое придется. Я это хорошо замѣтилъ. Не отстать же человѣку и не спасать ребенка отъ наказанія, изъ страху, что самъ получитъ толчокъ-другой. Нѣтъ, но когда за это еще ребенку придется хуже, то, естественно, человѣкъ и скажетъ себѣ: „Что изъ того пользы? Я вижу только вредъ". Я спрашиваю васъ, сэръ, что жъ тутъ хорошаго, мѣшаться въ такомъ случаѣ?

— Скажетъ человѣкъ,—прибавилъ я, видя, что Джо ждетъ моего отвѣта.

— Скажетъ человѣкъ, — повторилъ Джо. — Хорошо ли онъ дѣлалъ бы, поступая такъ?

— Милый Джо, онъ всегда хорошо поступалъ и поступаетъ; онъ всегда правъ.

— Ну, старый дружище, такъ не отступайся же отъ своихъ словъ. Если онъ всегда хорошо поступаетъ, всегда правъ (хотя по большей части бываетъ противное), то онъ и правъ, говоря: „Если ты скрывалъ что-нибудь отъ Джо Гарджери, еще бывъ ребенкомъ, то ты дѣлалъ это только потому, что зналъ, что онъ не всегда воленъ былъ дѣлать, что хотѣлъ, не всегда могъ избавить тебя отъ щекоталки".—Такъ не думай больше о подобныхъ вещахъ, и не будемъ толковать о ненужныхъ предметахъ. Бидди долго билась со мною (я, вѣдь, порядочный дуракъ), пока она не вбила мнѣ въ голову, какъ мнѣ понимать это и поступать сообразно. Теперь, объяснивъ, какъ я это понимаю, вотъ что я скажу тебѣ, старый дружище. Не говори лишняго, а лучше поѣшь да засни хорошенько.

Меня поразила деликатность Джо, доброта и тактъ Бидди, которая, какъ настоящая женщина, видѣла меня насквозь; но для меня оставалось тайною, извѣстно ли Джо, что всѣ мои надежды разсѣялись, подобно нашимъ туманамъ, и я остался почти нищимъ. Я также никакъ не могъ понять, отчего по мѣрѣ того, какъ я выздоравливалъ, Джо становился принужденнѣе, холоднѣе со мною. Во время моей болѣзни, когда онъ одинъ за мною ухаживалъ, онъ обращался со мною, какъ бывало въ старину, и называлъ меня теперь столь дорогими мнѣ именами: „Пипъ, старый дружище!" Я также обходился съ нимъ, попрежнему, внутренно

благодаря его за такое счастіе; но постепенно, почти незамѣтно, обращеніе Джо стало измѣняться; сначала я этому очень удивлялся, но вскорѣ догадался, что причиною и виною тому я самъ.

„Ахъ! Развѣ я не далъ Джо повода сомнѣваться въ моей привязанности и думать, что когда выздоровлю и опять буду счастливъ, то оттолкну его такъ же холодно, какъ и прежде? Развѣ Джо не имѣлъ достаточныхъ причинъ предполагать, что чѣмъ я буду сильнѣе, тѣмъ болѣе буду отъ него удаляться, и потому лучше ему удалиться заблаговременно?“

Вполнѣ же я убѣдился въ его перемѣнѣ только въ третью или четвертую нашу прогулку, когда я, облокотясь на Джо, гулялъ по Темпльскому Саду. Вставъ со скамейки, на которой мы немного отдохнули, я сказалъ:

— Смотри, Джо, какъ я твердо хожу. Я пойду одинъ домой, и безъ твоей помощи.

— Не повреди себѣ,—отвѣчалъ Джо.—А, впрочемъ, я очень радъ посмотрѣть, какъ вы одни пойдете, сэръ.

Эти послѣднія слова непріятно на меня подѣйствовали, но я, вѣдь, не могъ же протестовать противъ нихъ. Я прошелъ только до воротъ сада и, притворяясь слабымъ, попросилъ Джо дать мнѣ руку. Онъ далъ мнѣ ее, но былъ что то особенно задумчивъ.

Я также задумался; голова моя была занята одною мыслью какъ бы остановить начинавшуюся перемѣну въ обращеніи Джо. Я не скрываю, что стыдился признаться ему въ своемъ несчастномъ положеніи, но надѣюсь, что причина этого стыда была благородная. Я зналъ, что онъ захочетъ помочь мнѣ своимъ маленькимъ капитальцемъ, отложеннымъ на черный день; но я не могъ и не долженъ былъ позволить ему употребить на меня свои деньги.

Весь этотъ вечеръ мы провели молча, обдумывая свои планы. Но прежде, чѣмъ лечь спать, я уже рѣшилъ, что подожду два дня, и (теперь была суббота) начну новую жизнь съ понедѣльника. Въ понедѣльникъ утромъ я откровенно поговорю съ Джо, передамъ ему всѣ свои планы, объясню, зачѣмъ я не ѣду къ Герберту, и послѣ этого разговора жизнь моя перемѣнится навѣки. Рѣшившись на это, я повеселѣлъ; Джо также оставилъ свои думы, точно и онъ рѣшился на что то.

Воскресенье мы провели очень тихо и счастливо; мы отправились за городъ и наслаждались прогулкою по полямъ.

— Я очень благодаренъ Провидѣнію, Джо, за свою болѣзнь,— сказалъ я.

— Милый Пипъ, старый дружище, вы почти ужъ совсѣмъ оправились, сэръ.

— Мнѣ эта болѣзнь всегда будетъ памятна, Джо.

— И мнѣ такъ же, сэръ.

— Мы пожили опять вмѣстѣ, Джо, и я этихъ дней никогда не

забуду. Конечно, были годы, которые я на время забылъ; но этихъ дней я никогда не забуду.

— Пипъ, — сказалъ Джо, какъ бы смущенный: — мы теперь были очень счастливы. А что было прежде, то прошло.

Когда я легъ вечеромъ въ постель, Джо, по обыкновенію, пришелъ со мною проститься. Онъ спросилъ меня. такъ же ли я хорошо чувствую себя теперь, какъ утромъ?

— Да, милый Джо, такъ же хорошо.

— И ты чувствуешь себя сильнѣе и сильнѣе, старый дружище?

— Да, милый Джо.

Джо потрепалъ меня по плечу и проговорилъ нѣсколько глухимъ голосомъ:

— Доброй ночи!

Проснувшись на другое утро здоровѣе и сильнѣе, чѣмъ когда-либо, я рѣшился непремѣнно открыться во всемъ Джо передъ завтракомъ. Я одѣлся поспѣшно и хотѣлъ сдѣлать ему пріятный сюрпризъ, явившись такъ рано къ нему въ комнату; но его тамъ не было, и не только онъ исчезъ, но и его чемоданъ. Я поспѣшилъ въ столовую и на столѣ нашелъ письмо слѣдующаго содержанія:

„Я уѣхалъ, не желая быть вамъ въ тягость; вы теперь здоровы, милый Пидъ, и проживете гораздо лучше безъ

„Джо".

„P. S. Мы, вѣдь, всегда останемся друзьями".

Въ это письмо вложена была росписка въ полученіи моего долга, за который меня хотѣли посадить въ тюрьму. До этой минуты я полагалъ, что кредиторы оставили меня въ покоѣ, дожидаясь моего выздоровленія. Я и не воображалъ себѣ, чтобъ Джо заплатилъ мои долги, однако, росписка была на его имя.

„Что же мнѣ теперь оставалось дѣлать? Послѣдовать за нимъ на старую, добрую кузницу; открыться ему во всемъ и привести въ исполненіе свои планы?"

Планы эти были немногосложны. Я просто пойду къ Бидди, открою ей, какъ я раскаиваюсь въ своей неблагодарности, какъ я потерялъ все, на что когда то надѣялся; напомню ей, какъ она была нѣкогда откровенна со мною. Потомъ я ей скажу: — „Бидди, мнѣ кажется, вы когда то меня любили, и мое бѣдное сердце никогда не было такъ мирно и спокойно, какъ въ то время, когда я былъ съ вами. Если вы только можете меня снова полюбить, хоть вполовину столько, какъ прежде; если вы можете взять меня со всѣми моими недостатками и разочарованіями и простить меня, какъ заблуждавшееся дитя, то я надѣюсь, Бидди, я стою васъ теперь болѣе, немного болѣе, чѣмъ прежде. Отъ васъ, Бидди, зависитъ моя будущность: если вы желаете, я останусь работникомъ на кузницѣ у Джо, или займусь чѣмъ другимъ по сосѣдству, или, наконецъ, мы поѣдемъ далеко, далеко на Востокъ, гдѣ мнѣ предлага-

ютъ мѣсто, которое я не могъ принять, не зная вашего отвѣта. Итакъ, милая Бидди, если вы рѣшитесь быть спутницею моей жизни, то, конечно, вы сдѣлаете ее лучшей, а меня самого сдѣлаете человѣкомъ. Я, съ своей стороны, употреблю всѣ старанія, чтобъ ваша жизнь была счастлива".

Вотъ въ чемъ состояли мои планы. Черезъ три дня, когда я уже совершенно хорошо себя чувствовалъ, я отправился на старую кузницу, чтобъ привести ихъ въ исполненіе. Какъ я успѣлъ въ этомъ — вотъ все, что мнѣ остается разсказать.

Глава пятьдесятъ восьмая.

Вѣсть о томъ, что мои блестящія надежды рушились, достигла моей родины до моего пріѣзда. Въ „Синемъ Вепрѣ" все уже было извѣстно и я замѣтилъ значительную перемѣну въ обращеніи прислуги со мною. Пока считали меня будущимъ богачемъ, очень старались заискивать мое расположеніе, а теперь, узнавъ, что я лишился состоянія, совершенно охладѣли ко мнѣ. Я пріѣхалъ туда вечеромъ, очень уставши отъ поѣздки, которую я прежде дѣлалъ шутя. Хозяинъ „Вепря" объявилъ мнѣ при входѣ, что не можетъ мнѣ дать прежнюю мою спальню, которая уже занята кѣмъ то (вѣроятно, имѣвшимъ большія надежды), и потому отвелъ мнѣ скверную каморку, надъ каретнымъ сараемъ, за голубятнею. Впрочемъ, я здѣсь такъ же хорошо спалъ, какъ и въ лучшей комнатѣ „Вепря", и сны снились мнѣ не хуже прежнихъ.

Рано утромъ, пока приготовляли мнѣ завтракъ, я отправился погулять, чтобъ взглянуть на Сатисъ-Гоузъ.

На воротахъ и на окнахъ виднѣлись объявленія о продажѣ, на слѣдующей недѣлѣ, съ аукціоннаго торга, мебели и разной домашней утвари. Домъ же продавали, какъ старый строительный матеріалъ, на сломъ. Надъ пивоварней красовалась большими бѣлыми буквами надпись „1-й участокъ", а надъ домомъ, столько лѣтъ закрытымъ, „2-й участокъ". Были еще надписи и на другихъ постройкахъ, а завядшія вьющіяся растенія, сорванныя со стѣнъ, чтобы яснѣе выказать надписи, теперь валялись въ пыли. При входѣ въ ворота, я оглянулся съ непріятнымъ чувствомъ незнакомца, неимѣющаго ничего общаго съ окружающими его предметами, и замѣтилъ аукціоннаго писца, расхаживавшаго по бочкамъ и считавшаго ихъ для джентльмена, который, держа въ рукахъ перо, составлялъ опись; вмѣсто письменнаго стола ему служили кресла на колесахъ, которыя я такъ часто каталъ, напѣвая „дядя Клемъ".

Вернувшись къ завтраку въ столовую „Синяго Вепря", я засталъ тамъ мистера Пембельчука, разговаривавшаго съ хозяиномъ. Не исправившись, повидимому, и послѣ недавняго печальнаго при-

ключенія, онъ дожидался меня и, при моемъ входѣ, обратился ко мнѣ со слѣдующими словами:

— Молодой человѣкъ, сожалѣю, что вы обѣднѣли. Но иначе и ожидать было нечего! Но иначе и ожидать было нечего!

При этомъ, съ важнымъ видомъ, будто прощая меня, онъ протянулъ мнѣ руку, которую и нехотя пожалъ, ибо былъ слишкомъ изнуренъ, чтобъ ссориться съ нимъ.

— Уилліамъ, — сказалъ Пембельчукъ лакею: — подай лепешекъ!

Угрюмо усѣлся я завтракать, но, не успѣлъ я еще протянуть руку къ чайнику, какъ Пембельчукъ, стоявшій рядомъ со мной, схватилъ его и налилъ мнѣ чаю, съ видомъ благодѣтеля, не хотѣвшаго покинуть меня до конца.

— Уилліамъ, — сказалъ онъ: — подай соли. Въ прежнее счастливое время, — продолжалъ онъ, уже обращаясь ко мнѣ, — я думаю вы употребляли сахаръ? Не пили-ли вы также и чай со сливками? Да! Уилліамъ, принеси салату.

— Благодарю васъ, — отвѣчалъ я отрывисто: — я не ѣмъ салату.

— Вы не ѣдите? — возразилъ мистеръ Пембельчукъ, вздыхая, какъ будто онъ полагалъ, что въ настоящемъ моемъ бѣдномъ положеніи салатъ былъ самая приличная ѣда. — Однако, вамъ надо довольствоваться простыми овощами и плодами. Ничего не надо, Уилліамъ.

Я продолжалъ завтракать, и мистеръ Пембельчукъ, стоя за мною и выпучивъ глаза, громко дышалъ по обыкновенію. „Кости да кожа“, размышлялъ онъ вслухъ. „А когда онъ отсюда отправился (могу сказать съ моимъ благословеніемъ) и я угостилъ его чѣмъ могъ, онъ былъ здоровъ какъ быкъ.

Слова его навели меня на мысль сравнить прежнее его рабол ѣпное поведеніе, когда онъ, при извѣстіи о постигшемъ меня богатствѣ, низко кланяясь, пожималъ мою руку, говоря: „позвольте, позвольте“, съ важнымъ снисходительнымъ видомъ, съ которымъ онъ теперь подалъ свои толстые пальцы.

— А! — сказалъ онъ, передавая мнѣ хлѣбъ и масло. — Вы отправляетесь къ Джозефу.

— Ради Бога, — воскликнулъ я невольно разгорячившись: — что вамъ за дѣло, куда я иду? Оставьте мой чайникъ въ покоѣ!

Я не могъ хуже поступить, ибо тѣмъ представилъ Пембельчуку случай, котораго онъ искалъ.

— Да, молодой человѣкъ, — сказалъ онъ, выпуская изъ рукъ чайникъ и отступая шага на два отъ стола, чтобы хозяинъ гостиницы и его слуга, стоявшіе у дверей, лучше могли его разслышать. — Я оставлю чайникъ. Вы правы, молодой человѣкъ. На этотъ разъ вы правы. Я совершенно забылся при видѣ вашей худо-

бы, послѣдствія вашего образа жизни, и хотѣлъ только подкрѣпить ваше здоровье пищею вашихъ праотцевъ. Впрочемъ,—продолжалъ онъ, обращаясь къ хозяину „Вепря“ и къ слугѣ, и указывая рукой на меня. — Я съ нимъ игралъ въ дни счастливой его юности. Вы скажите, что это невозможно. Я же вамъ говорю, что игралъ.

Послышался легкій шепотъ. Лакей, казалось, былъ тронутъ.

— Вѣдь это онъ самый! — воскликнулъ Пембельчукъ. — Я его каталъ въ своемъ кабріолетѣ. Я слѣдилъ за его воспитаніемъ. Вѣдь. я приходился дядюшкой его сестрѣ, по ея мужу. Ее звали Джіоржіаной-Маріей. Пускай это опровергнетъ кто, если можетъ.

Лакей, повидимому, убѣдился въ томъ, что я не могу опровергнуть его словъ и, кажется, сталъ еще худшаго обо мнѣ мнѣнія.

— Молодой человѣкъ, — сказалъ Пембельчукъ, обращаясь ко мнѣ:—вы отправляетесь къ Джозефу. Что мнѣ за дѣло до васъ? А я вамъ говорю сударь, вы отправляетесь къ Джозефу.

Лакей кашлянулъ, будто хотѣлъ предложить мнѣ опровергнуть эти слова.

— Теперь, — продолжалъ Пембельчукъ съ возрастающимъ достоинствомъ и жаромъ: — теперь, я васъ научу, что вамъ надлежитъ сказать Джозефу. Вотъ хозяинъ „Вепря“, человѣкъ извѣстный и уважаемый въ городѣ, и Уилліамъ, по фамиліи Поткинсъ, если не ошибаюсь.

— Вы не ошиблись, сударь, —сказалъ Уилліамъ.

— Я васъ выучу при нихъ, молодой человѣкъ, что вамъ слѣдуетъ сказать Джозефу. Вы скажите: Джозефъ, я сегодня видѣлъ своего перваго благодѣтеля. Я не назову его имени, но, вообще всѣ въ городѣ его такъ зовутъ. Я видѣлъ его.

— Клянусь, что я не вижу его здѣсь! — сказалъ я.

— Такъ же и это скажите ему, — продолжалъ Пембельчукъ.— Скажите ему, что вы это мнѣ сказали, и даже Джозефъ удивится.

— Вы очень ошибаетесь, — сказалъ я. — Я его лучше вашего знаю.

— Скажите ему еще, — продолжалъ Пембельчукъ: — я видѣлъ этого человѣка и онъ ни къ вамъ, ни ко мнѣ не питаетъ дурныхъ чувствъ. Онъ знаетъ вашъ характеръ, Джозефъ. Ваше тупоуміе и невѣжество ему хорошо извѣстны; онъ и меня знаетъ и не сомнѣваются въ моей неблагодарности. Да, Джозефъ, скажите вы, — при этомъ онъ покачалъ головой, указывая на меня рукой: — онъ знаетъ, что я лишенъ способности питать хоть каплю благодарности. Онъ лучше всякаго это знаетъ. Вы его не поймете, Джозефъ, оттого, что у васъ нѣтъ на столько ума, но этотъ человѣкъ все и всѣхъ понимаетъ.

Какимъ пошлымъ осломъ я ни считалъ его прежде, но онъ превзошелъ мои ожиданія.

— Вы скажите:—Джозефъ, онъ мнѣ далъ порученіе. Онъ поручилъ мнѣ вамъ сказать, что въ несчастіи, постигшемъ меня, онъ видитъ перстъ Божій и перстъ этотъ указываетъ на слова: „награда за неблагодарность къ первому своему благодѣтелю". Впрочемъ, этотъ человѣкъ сказалъ мнѣ, что не сожалѣетъ о добрѣ, оказанномъ мнѣ, ибо всякій долженъ дѣлать добро ближнему, и потому онъ опять при случаѣ готовъ поступить такъ же.

— Очень жалѣю,—сказалъ я, покончивъ наконецъ завтракъ:— что этотъ человѣкъ не сказалъ, что онъ, именно, сдѣлалъ и что опять намѣренъ сдѣлать.

— Хозяинъ „Вепря" и Уилліамъ! — воскликнулъ Пембельчукъ, обращаясь къ нимъ. —Позволяю вамъ сообщить вашимъ знакомымъ въ городѣ и въ окрестностяхъ, что я хорошо поступалъ, и готовъ такъ же поступать.

При этихъ словахъ, наглый лгунъ пожалъ руку хозяину „Синяго Вепря" и его слуги, и съ важнымъ видомъ вышелъ. Слова его болѣе удивили меня, чѣмъ разсмѣшили. Вскорѣ послѣ него и я ушелъ и, проходя по Гай-Стриту, увидѣлъ его у дверей лавки, что то разсказывающаго (вѣроятно, съ прежнимъ успѣхомъ) группѣ избранныхъ лицъ, которые, при моемъ проходѣ, подозрительно покосились на меня. Но тѣмъ пріятнѣе было мнѣ увидѣть Джо и Бидди, доброта которыхъ еще болѣе выказывалась при сравненіи съ нахальною глупостью Пембельчука. Я шелъ потихоньку. Ноги мои еще были очень слабы, но чѣмъ болѣе приближался я къ кузницѣ, тѣмъ легче чувствовалъ себя.

День былъ прекрасный. Голубое небо, ласточки, высоко летавшія надъ зелеными полосами овса, и вся, вообще, окрестность показались мнѣ красивѣе и спокойнѣе, чѣмъ когда нибудь. На пути представлялись мнѣ пріятныя картины жизни, которую я здѣсь поведу, подъ руководствомъ друга, преданность и смышленность котораго я уже испыталъ. Сердце мое было взволновано при одной мысли, что я возвращаюсь на родину, послѣ столь долгихъ испытаній.

Я еще не видалъ школу, которою Бидди завѣдывала, но, проходя полями, чтобъ незамѣтно попасть въ деревню, я увидѣлъ школьный домъ. Къ сожалѣнію, былъ праздникъ и дѣти распущены по домамъ, почему и не исполнилась моя надежда застать Бидди за ее обыкновенными, вседневными трудами.

Но до кузницы уже было не далеко, и, идя подъ тѣнью липъ, я прислушивался, не услышу ли знакомыхъ ударовъ молота. Но все было тихо; тщетно напрягалъ я свой слухъ. На минуту мнѣ казалось, что я слышу дѣйствительно молотокъ, а потомъ приходилось сознаться, что это только игра воображенія. Все было здѣсь по старому: тѣ же старыя липы, тотъ же шиповникъ, тѣ же каштановыя деревья; одного только недоставало: однообразныхъ уда-

ровъ молотка. Наконецъ, я съ какимъ то замираніемъ сердца увидѣлъ кузницу. Она была заперта. Не видать было ни пламени въ горнѣ, ни искръ надъ трубою; не слышно было рева мѣховъ — все было тихо и пусто.

Но зато домъ, казалось, былъ далеко не пустъ. Даже въ парадной гостиной висѣли чистенькіе занавѣски, и открытыя окна были уставлены цвѣтами. Я пошелъ потихонько къ окошку, желая заглянуть въ комнаты. Но вотъ на порогѣ показались Джо и Бидди, рука объ руку. Бидди сначала вскрикнула, думая, что видитъ призракъ, но черезъ минуту, она была въ моихъ объятіяхъ. Мы оба плакали: я видя ее такой здоровой и хорошенькой, она же, напротивъ, при видѣ моей блѣдности и изнуренія.

— Милая Бидди, какая вы нарядная!

— Да, милый Пипъ.

— И ты Джо, какъ принарядился.

— Какъ же, Пипъ, старый дружище.

Я съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на нихъ обоихъ.

— Сегодня день моей свадьбы! — воскликнула Бидди съ восторгомъ. — Я жена Джо!

Они повели меня въ кухню. Я сѣлъ и положилъ голову на старый столъ. Бидди взяла мою руку и прильнула къ ней губами, Джо трепалъ меня по плечу, говоря: „онъ, душка моя, слишкомъ слабъ для такого сюрприза“.

— Да, я бы должна была объ этомъ подумать, но я слишкомъ счастлива!

Они были такъ рады меня видѣть, такъ гордились мною! Своимъ пріѣздомъ, именно, въ этотъ день, я, казалось, переполнилъ чашу ихъ радостей. Прежде всего я мысленно благодарилъ Провидѣніе за то, что никогда не заикнулся Джо о своей послѣдней, несбывшейся, надеждѣ. Какъ часто я хотѣлъ ему открыться! Какое счастье, что онъ не остался со мною еще лишняго часочка; иначе, навѣрно, узналъ бы все!

— Милая Бидди, — сказалъ я: — лучше вашего мужа нѣтъ человѣка на свѣтѣ. Еслибъ вы только видѣли, какъ онъ за мною ухаживалъ, то право... Впрочемъ, нѣтъ, вы не могли бы его любить болѣе, чѣмъ теперь.

— Это невозможно, — отвѣчала Бидди.

— И ты, Джо, счастливъ. Лучше твоей жены нѣтъ никакой на свѣтѣ. Она сдѣлаетъ тебя счастливымъ, какъ ты и вполнѣ заслуживаешь, милый, добрый, благородный Джо!

Джо взглянулъ на меня. Губы у него дрожали и онъ утеръ глаза свои рукавомъ.

— Теперь, Джо и Бидди, такъ какъ вы были сегодня въ церкви и должны быть въ мірѣ и любви со всѣми на свѣтѣ, то примите

искреннюю мою благодарность за все, что вы для меня сдѣлали, получая взамѣнъ только черную неблагодарность. Я здѣсь останусь недолго, я скоро отправляюсь за границу, гдѣ стану работать день и ночь, пока не выплачу денегъ, заплаченныхъ вами за меня. Но не думайте, что, сдѣлавъ это, я не буду считать себя въ долгу у васъ. Нѣтъ, еслибъ я могъ уплатить вамъ и въ тысячу разъ болѣе, то все таки не могъ бы съ вами расквитаться, да я этого и не желаю Я хочу всегда оставаться вашимъ должникомъ!

Они были очень растроганы моими словами и просили меня прекратить этотъ разговоръ.

— Нѣтъ, я долженъ вамъ сказать еще кое что. Милый Джо, я надѣюсь, что у тебя будутъ дѣти, и скоро какой нибудь мальчуганъ будетъ по вечерамъ сидѣть съ тобою рядомъ въ уголкѣ, напоминая тебѣ такого же мальчугана, навсегда покинувшаго этотъ старый, милый домъ. Не говори ему, Джо, что я былъ неблагодаренъ! Не говорите ему, Бидди, что я былъ неблагодаренъ и несправедливъ. Скажите ему только, что я уважалъ васъ обоихъ отъ всей души за вашу доброту и постоянство въ дружбѣ. Скажите ему еще отъ меня, что онъ, какъ сынъ вашъ, долженъ быть гораздо лучшимъ человѣкомъ, нежели я.

— Ну, я ему ничего такого не намѣренъ говорить, Пипъ, — сказалъ Джо, не отнимая рукава отъ своихъ глазъ: — и Бидди этого не скажетъ. Подобныхъ вещей никто не станетъ говорить.

— Теперь хотя я и увѣренъ, что вы меня уже по добротѣ своей простили въ сердцахъ вашихъ, скажите мнѣ оба, что вы меня прощаете! Умоляю васъ, дайте мнѣ услышать эти радостныя для меня слова! Звукъ ихъ постоянно будетъ жить въ моемъ сердцѣ, и я буду въ состоянiи утѣшать себя мыслью, что вы со временемъ станете довѣрять моей дружбѣ и будете лучшаго мнѣнiя обо мнѣ!

— О, милый Пипъ, старый дружище! — воскликнулъ Джо. — Господь Богъ знаетъ, что я прощаю тебя, если имѣю что простить.

— Господь вѣдаетъ, что и я прощаю васъ, — повторила Бидди.

— Дайте же мнѣ взглянуть на мою комнатку, — сказалъ я тогда: — и оставьте меня тамъ на минуту одного. Потомъ перехвативъ что нибудь, я отправлюсь въ путь. Вы меня проводите, пожалуйста, до указательнаго столба. Тамъ мы и простимся!

Я продалъ все, что имѣлъ и отложилъ изъ этихъ денегъ сколько могъ, чтобъ заключить сдѣлку съ кредиторами. Они согласились на все и отсрочили мнѣ на долгое время платежъ моего долга. Окончивъ свои дѣла, я оставилъ Англiю и отправился въ Каиръ, къ Герберту. Черезъ два мѣсяца, я уже поступилъ конторщикомъ въ торговый домъ Кларикера и К. Не прошло и четырехъ мѣсяцевъ, какъ все дѣло нашей восточной конторы осталось у меня въ рукахъ, ибо

старый Биль Барлэ успокоился на вѣки, а Гербертъ уѣхалъ, чтобъ жениться на Кларѣ.

Много лѣтъ прошло прежде, чѣмъ я попалъ въ компаньоны, но все это время я жилъ очень счастливо съ Гербертомъ и его женою. Я жилъ безбѣдно, заплатилъ всѣ свои долги и постоянно переписывался съ Джо и Бидди. Тогда, наконецъ, я сдѣлался третьимъ компаньономъ въ нашемъ домѣ. Кларикеръ выдалъ тайну мою Герберту и разсказалъ ему, благодаря чему онъ попалъ въ его контору. Онъ увѣрялъ, что его давно уже мучила эта тайна, потому онъ и открылъ ее. Гербертъ очень удивился, услыхавъ его разсказъ и былъ не мало тронутъ. Мы, конѣчно, не переставали и послѣ быть отличными друзьями. Я не хочу, чтобъ подумали, что нашъ домъ былъ очень важный, и что мы были страшные богачи. Нѣтъ, мы не вели очень обширной торговли, но нашу контору уважали и наши дѣла шли очень хорошо. Мы столькимъ были обязаны дѣятельности Герберта и неослабному его трудолюбію, что я часто задавалъ себѣ вопросъ, съ чего я составилъ себѣ нѣкогда понятіе, что онъ не способенъ ни къ какому дѣлу? Наконецъ, въ одинъ прекрасный день мнѣ пришла въ голову мысль, что вѣрно не онъ былъ неспособенъ, а я.

Глава пятьдесятъ девятая.

Одиннадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я разстался съ Джо и Бидди. Хотя я ихъ такъ долго и не видѣлъ, но часто о нихъ думалъ. Наконецъ, въ одинъ прекрасный декабрьскій вечеръ, я очутился опять на родинѣ, у дверей старой кузницы. Отворивъ тихонько дверь, я заглянулъ въ кухню. На своемъ прежнемъ мѣстѣ, покуривая трубку сидѣлъ Джо; онъ нисколько не измѣнился, только немного посѣдѣлъ. Около него, на моемъ маленькомъ стуликѣ, сидѣлъ... я самъ, прежнимъ ребенкомъ.

— Мы его назвали Пипомъ, въ честь тебя, старый дружище, — сказалъ Джо съ восторгомъ, пока я усаживался подлѣ мальчика: — мы надѣялись, что онъ будетъ походить на тебя; и, кажется, не ошиблись.

Я вполнѣ съ этимъ согласился. На другое утро, я съ Пипомъ пошелъ гулять, и мы болтали очень много, отлично понимая другъ друга. Я повелъ его на кладбище, и посадилъ отдохнуть на столь памятный мнѣ камень. Съ этого возвышенія онъ мнѣ показалъ плиту, на которой была высѣчена надпись: Филиппъ Пирипъ, тожъ Джорджіана, жена вышереченнаго:

— Бидди, — сказалъ я разговаривая съ нею послѣ обѣда, пока она убаюкивала свою маленькую дѣвочку: — вы должны мнѣ отдать Пипа, если не навсегда, то хоть на время.

— Нѣтъ, нѣтъ, — отвѣчала нѣжно Бидди: — вы должны жениться.

— Это говорятъ мнѣ и Гербертъ съ Кларою, но я не думаю, чтобъ я когда нибудь женился. Я сталъ ужъ такимъ старымъ холостякомъ, и такъ привыкъ жить съ ними, что право и не помышляю о женитьбѣ.

Бидди посмотрѣла на своего ребенка, поцѣловала его ручку и молча взяла меня за руку. Этотъ жестъ и легкое прикосновеніе ея обручальнаго кольца были краснорѣчивѣе всякихъ словъ.

— Милый Пипъ,—сказала она, наконецъ:—увѣрены ли вы, что больше ея не любите?

— Да, милая Бидди, мнѣ кажется.

— Скажите мнѣ, какъ старому другу. Вы ее совсѣмъ забыли?

— Милая Бидди, я ничего не забылъ изъ своей жизни. Но мои бѣдныя грезы , какъ я ихъ тогда называлъ, разсѣялись навѣки.

Несмотря на мои слова, я очень хорошо зналъ, говоря это, что твердо намѣренъ въ тотъ же день посѣтить Сатисъ-Гоузъ. И то лишь ради Эстеллы.

Я слышалъ, что она была очень несчастлива въ замужествѣ и жила врозь съ мужемъ, который очень жестоко съ ней обходился и сталъ извѣстенъ, какъ первый подлецъ, скряга и тиранъ во всемъ околодкѣ. Наконецъ, я узналъ, что онъ года два тому назадъ умеръ, упавъ съ лошади. Болѣе я ничего о ней не зналъ, можетъ быть, она уже была вторично замужемъ.

Обѣдали мы такъ рано, что я не торопился и продолжалъ разговаривать съ Бидди, полагая, что всегда успѣю до ночи посѣтить Сатисъ-Гоузъ. Но я такъ тихо шелъ, на каждомъ шагу останавливаясь и вспоминая былое, что достигъ памятнаго мнѣ мѣста, когда уже начинало темнѣть.

Уже не существовало ни стараго дома, ни пивоварни, ни другихъ строеній; уцѣлѣла только садовая стѣна. Все мѣсто было обнесено заборомъ; посмотрѣвъ черезъ заборъ, я увидѣлъ, что старый плющъ далъ новые ростки и вился по грудамъ развалинъ. Калитка была открыта и потому я вошелъ. Ночь была не темная, хотя луна еще не показалась и не разсѣяла поднявшагося тумана; но онъ былъ такъ рѣдокъ, что яркія звѣзды виднѣлись сквозь него. Я обошелъ мѣста, гдѣ прежде стояли домъ, пивоварня, ворота и самыя бочки, по которымъ я нѣкогда бѣгалъ. Идя по заглохшей дорожкѣ сада, я вдругъ замѣтилъ какую-то фигуру, шедшую мнѣ навстрѣчу.

Фигура эта, замѣтивъ меня, остановилась. Подойдя ближе, я увидѣлъ, что это женщина. Она было хотѣла повернуть въ сторону, но вдругъ вся задрожала и назвала меня по имени.

— Эстелла! — воскликнулъ я.

— Я очень измѣнилась, сказала она. — Я удивляюсь, какъ вы меня узнали.

Дѣйствительно, свѣжесть красоты ея исчезла, но она была такъ же обворожительна и величественно хороша. Эти качества въ ней были мнѣ давно знакомы; но чего я никогда не видалъ, это — нѣжности ея взгляда, всегда столь гордаго и непреклоннаго; чего я никогда не чувствовалъ, это — дружескаго пожатія нѣкогда столь холодной руки.

Мы сѣли на ближнюю скамейку.

— Какъ странно, — началъ я: — что мы встрѣтились снова, Эстелла, послѣ столькихъ лѣтъ, на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ увидѣли другъ друга въ первый разъ. Вы часто сюда приходите?

— Я здѣсь ни разу еще не была.

— И я также.

Луна теперь начала всходить, и я вспомнилъ послѣдній взглядъ Магвича, послѣднее его пожатіе руки.

Эстелла первая прервала молчаніе.

— Я часто желала прійти сюда, но меня удерживали важныя причины. Бѣдный старый домъ!

Первые лучи мѣсяца пробились сквозь туманъ и отразились въ слезѣ на ея чудныхъ глазахъ. Не зная, что я замѣтилъ ея слезы, она старалась всѣми силами себя переломить и спокойно сказала:

— Вы, вѣроятно, удивлялись, расхаживая тутъ—какихъ образомъ это мѣсто пришло въ такое положеніе?

— Конечно, Эстелла.

— Оно принадлежитъ мнѣ. Это единственный уголъ, который у меня остался. Все другое мало по малу отошло, но съ этимъ мѣстомъ я не хотѣла ни за что разстаться, и во всѣ эти несчастные годы это единственный случай сопротивленія съ моей стороны.

— Здѣсь будутъ строить?

— Да. Я пришла проститься съ этими мѣстами, прежде чѣмъ начнутся постройки. А вы все еще живете за границей?—спросила она съ нѣжнымъ участіемъ.

— Да.

— Надѣюсь, что ваши дѣла идутъ хорошо?

— Я работаю много и у меня есть кусокъ хлѣба, слѣдовательно дѣла мои идутъ хорошо.

— Я часто о васъ думала, — сказала Эстелла.

— Неужели?

— Особенно въ это послѣднее время, — продолжала она. Я долго, долго не позволяла себѣ вспоминать о томъ, чѣмъ я пренебрегла, не зная ему цѣны. Но съ тѣхъ поръ, какъ это горькое время прошло, и долгъ мнѣ болѣе не велитъ отталкивать своихъ воспоминаній, я дала имъ мѣсто въ своемъ сердцѣ.

— Вы никогда не теряли вашего мѣста въ моемъ сердцѣ,— сказалъ я. И мы опять замолчали.

— Мало я думала, —начала опять Эстелла: — что прощаясь съ этими мѣстами, прощусь и съ вами. Я очень этому рада.

— Рады опять разстаться со мною, Эстелла? Мнѣ же горько разставаться! Я до сихъ поръ вспоминаю съ горечью наше послѣднее разставаніе.

— Но вы сказали мнѣ тогда, — отвѣчала съ живостью Эстелла: — „да благословитъ васъ Господь, да проститъ онъ вамъ!“ Если вы могли сказать это тогда, то вамъ не трудно будетъ повторить то же и теперь, теперь, когда горе научило меня оцѣнить вашу прежнюю привязанность. Горе и несчастіе сломили, измѣнили меня, — надѣюсь, что къ лучшему. Будьте ко мнѣ такъ же добры, какъ прежде и скажите: мы друзья?

— Мы друзья, — повторилъ я, наклоняясь къ ней.

— Да, мы разстанемся друзьями и никогда другъ друга не забудемъ,—сказала Эстелла, вставая.

Я взялъ ея руку и мы вмѣстѣ вышли изъ запустѣвшаго мѣста. Вечерній туманъ подымался теперь, какъ нѣкогда подымался утренній, когда я покидалъ кузницу, и въ его свѣтлой, прозрачной пеленѣ я видѣлъ что-то, говорившее мнѣ, что мы никогда не разстанемся съ Эстеллой.

КОНЕЦЪ.

Оглавленіе.

	Стр.
Глава первая	3
Глава вторая	7
Глава третья	15
Глава четвертая	20
Глава пятая	28
Глава шестая	37
Глава седьмая	39
Глава восьмая	48
Глава девятая	60
Глава десятая	67
Глава одиннадцатая	73
Глава двѣнадцатая	85
Глава тринадцатая	90
Глава четырнадцатая	97
Глава пятнадцатая	99
Глава шестнадцатая	109
Глава семнадцатая	113
Глава восемнадцатая	121
Глава девятнадцатая	133
Глава двадцатая	146
Глава двадцать первая	153
Глава двадцать вторая	158
Глава двадцать третья	170
Глава двадцать четвертая	177
Глава двадцать пятая	183
Глава двадцать шестая	190
Глава двадцать седьмая	196
Глава двадцать восьмая	203
Глава двадцать девятая	208
Глава тридцатая	218
Глава тридцать первая	226
Глава тридцать вторая	231
Глава тридцать третья	236

Стр.

Глава тридцать четвертая 242
Глава тридцать пятая 247
Глава тридцать шестая 253
Глава тридцать седьмая 259
Глава тридцать восьмая 265
Глава тридцать девятая 276
Глава сороковая . 286
Глава сорокъ первая 296
Глава сорокъ вторая 301
Глава сорокъ третья 307
Глава сорокъ четвертая 311
Глава сорокъ пятая 317
Глава сорокъ шестая 324
Глава сорокъ седьмая 330
Глава сорокъ восьмая 336
Глава сорокъ девятая 342
Глава пятидесятая 348
Глава пятьдесятъ первая 352
Глава пятьдесятъ вторая 358
Глава пятьдесятъ третья 362
Глава пятьдесятъ четвертая 373
Глава пятьдесятъ пятая 384
Глава пятьдесятъ шестая 391
Глава пятьдесятъ седьмая 395
Глава пятьдесятъ восьмая 404
Глава пятьдесятъ девятая 410